РУССКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в XIX в.

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в XIX в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в XIX в.

СБОРНИК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
МОСКВА · 1997

ББК 63.3.(0)52 + 63.3.(0)53
Р89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 96-01-16034*

Составители

А.А.ВИГАСИН, В.Г.ВОЛОВНИКОВ, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА,
М.Т.КОЖЕКИНА, Л.В.МИТРОХИН, А.В.РАЙКОВ, М.Р.РЫЖЕНКОВ,
Н.И.СКВОРЦОВА, Н.К.ЧАРЫЕВА

Редколлегия

А.А.ВИГАСИН, Т.Н.ЗАГОРОДНИКОВА, М.Р.РЫЖЕНКОВ

Ответственный редактор

П.М.Шаститко

Редактор издательства

В.В.Волгина

Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов
Р89 и материалов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 374 с.

ISBN 5-02-017947-7

Впервые в российской историографии представлены архивные материалы, свидетельствующие о политических, дипломатических, экономических, научных, военных и культурных связях между народами России и Индии. Абсолютное большинство документов публикуется впервые. Материалы сборника снабжены подробным научным комментарием и указателем.

ББК 63.3.(0)52 + 63.3.(0)53

ISBN 5-02-017947-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Русско-индийские отношения в XIX в.» является продолжением двух изданий о русско-индийских отношениях в XVII и XVIII веках, вышедших соответственно в 1958 и 1965 годах под редакцией К.А.Антоновой и Н.М.Гольдберга.

* * *

Русско-индийские отношения в XIX в. определялись как общей международной ситуацией в мире, так и политическими и социально-экономическими событиями в Российской империи, Великобритании и колониальной Индии.

XIX век ворвался в политический ландшафт Европы под знаком взошедшей над континентом яркой звезды Наполеона. В 1799 г. на гребне революции Наполеон был провозглашен консулом, в августе 1802 г. — пожизненным консулом, а в мае 1804 г. — императором французов.

Войны Наполеона, длившиеся около пятнадцати лет, означали целую эпоху в истории континента. В Париже перекраивали карту Европы, а Франция стала могущественнейшей державой мира. Наиболее сильным и наименее уязвимым врагом Наполеона была Британия, чей флот господствовал на море, а резервы огромной колониальной империи были неисчерпаемы. Англо-французское соперничество, принимавшее формы войны, политических маневров, экономической блокады, дипломатических схваток, проходило красной нитью по всей системе международных отношений начала века. Обе державы старались заручиться союзом с самой крупной империей Европы — Россией. Союз с ней мог дать решающий успех той или другой противоборствующей стороне.

Англичанам это на первых порах удалось. Русские в союзе с австрийцами под командованием А.В.Суворова вели бои с французами в Италии. Русские офицеры служили на кораблях Британского королевского военного флота. (В данном сборнике публикуется дневник офицера Ю.Ф.Лисянского, находившегося в плавании к берегам Индии на борту английского фрегата «Септер».)

Наполеон, не имея возможности атаковать своего главного противника на Британских островах, вынашивал план похода на Индию, с тем чтобы поразить врага в его ахиллесову пяту — богатейшую колонию. Попытка достичь Индии через Египет не удалась, и французская дипломатия, возглавляемая хитроумным и опытным Талейраном, начала искать сближения с русским императором Павлом I. Французский агент в Петербурге Гюттен писал в конце 1799 г.: «Россия из своих азиатских владений... могла бы подать руку французской армии в Египте и, действуя совместно с Францией, перенести войну в Бенгалию»[1]. Напо-

[1] Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под редакцией проф. Ал.Трачевского. Т. I (1800–1802). — Сборник Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1910, с. 648.

леон сформулировал свою позицию с афористичной краткостью и категоричностью: «Франция может иметь союзницей только Россию»[2].

Россия Павла I пошла навстречу Наполеону. На одном из донесений русский император собственноручно начертал: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне»[3].

Новая международная доктрина российского императора была смелым и неожиданным для многих шагом. Наполеон в глазах всех смертельно перепуганных монархов Европы слыл «узурпатором», «корсиканским чудовищем», «злодеем», и союз с ним они полагали подрывом европейских устоев.

В начале 1801 г. Наполеон написал Павлу письмо с предложением о совместном походе французских и русских войск в Индию. Павел был к этому готов. Более того, у него был свой план похода на Индию. 12 января он отправил приказ атаману Войска Донского генералу В.П.Орлову 1-му готовить казачьи части к выступлению в Индию. Отряд Орлова насчитывал 22 с половиной тысячи казаков, двадцать пушек и двенадцать единорогов. (Документы плана Павла о походе на Индию публикуются в сборнике.)

Планам Наполеона и Павла осуществиться было не суждено. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в своей спальне Михайловского замка в Петербурге Павел был убит заговорщиками. Во главе заговора стояли Н.Панин, Пален, братья Платон и Валерьян Зубовы.

Новый император России Александр I дал приказ генералу Орлову возвратить назад казаков, находившихся на исходных позициях на пути к Индии.

Россия вместе с другими монархиями Европы включилась в борьбу с Наполеоном. Уничтожение на снежных просторах России наполеоновских войск означало конец владычества французского императора над европейскими странами.

В октябре 1814 г. в Вене собрались победители и новые вершители судеб Европы и мира. В их числе был русский император Александр I. Пожалуй, за всю предыдущую историю континента голос российского самодержца не был столь весом, как на Венском конгрессе. Россия проводит активную политику не только в Европе, но и в Азии. В 1801 г. было создано Министерство иностранных дел Российской империи и в нем Азиатский департамент во главе с талантливым дипломатом и знатоком Азии С.Л.Лашкаревым.

Восточный гигант континента выдвинулся в ряд ведущих держав и, воспользовавшись политической ситуацией, присоединял к себе новые земли. В 1801 г. было объявлено о включении в состав России Картли-Кахетинского царства, в 1803 г. — Менгрелии, в 1804 г. — Имеретии и Гурии, в 1805 г. — Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств, в 1806 г. — Дербентского, Кубанского и Бакинского ханств, в 1812 г. к России была присоединена Бессарабия, а затем Финляндия и часть Польши.

Победа над наполеоновской Францией развязала руки и окрепшей Англии для новой колониальной экспансии на Востоке, и в первую очередь в Индии. Эксплуатация колоний стала одним из решающих факторов создания мощного экономического и военного потенциала Великобритании. Отношения с завоеванными странами строились отнюдь не на законах сообщающихся сосудов: метрополия богатела, колонии — нищали.

В 1799 г. англичане разбили войска наиболее могущественного княжества юга Индии Майсур, а его владетель Типу Султан пал на поле боя. В 1800 г. был

---

[2] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1980, с. 336—337.

[3] Цит. по: *Милютин Д.А.* История войны между Россией и Францией в царствование имп. Павла I. 2-е изд. Т. 5. СПб., 1857, с. 498.

заключен субсидиарный договор с низамом Хайдарабада — крупным княжеством Центральной Индии. Без боя признали господство колонизаторов княжества Танджор и Карнатик.

В начале века Ост-Индская компания, господствовавшая в Индостане, приступила к покорению конфедерации княжеств воинственных маратхов, занимавшей Западную Индию. В нескольких войнах они были разбиты. В 1803 г. войска английского генерала Лейка захватили Дели — столицу некогда могущественного государства Великих Моголов. После наполеоновских войн продвижение англичан на север продолжалось. Владения Компании неумолимо продвигались к Афганистану, Ирану и Средней Азии. К середине XIX в. на северо-западе Индии осталось независимым только государство сикхов, во главе которого стоял дальновидный политик и опытный государственный деятель Ранджит Сингх, объединивший ряд мелких княжеств Пенджаба в одно большое государство, раскинувшееся от р.Сатледж до ущелий Хайбера, от Тибета до границ Синда на юге.

Ранджит Сингх имел построенную по европейскому образцу армию в 40 тыс. человек, для организации которой пригласил французских офицеров. Российское правительство в 1813 г. направило к Ранджит Сингху посланца, надворного советника Мехти Рафаилова, своего первого официального представителя, чьи записки приводятся в книге. В 1839 г. Ранджит Сингх умер. Достойного его дел наследника в государстве сикхов не нашлось. Ослаблением сикхского государства воспользовались колонизаторы и в результате двух войн аннексировали Пенджаб. 3 марта 1849 г. об этом было объявлено официально. В 1887—1888 гг. в России с неофициальным визитом побывал последний махараджа Пенджаба Дулип Сингх — сын Ранджит Сингха. (Документы о его пребывании в России публикуются.)

Таким образом, в первой половине XIX в. завоевание Великобританией Индии было завершено. Сохранившие формальную независимость индийские княжества попали в фактическую зависимость от Ост-Индской компании и были лишены права на самостоятельную внешнюю политику и любые формы и виды международных связей. Древние феодальные династии пришли в упадок, армии княжеств распущены, а пышные дарбары носили только ритуальный характер. Власть над огромной, объединенной мечом страной осуществлял генерал-губернатор Индии, резиденция которого находилась в Калькутте. Совет директоров Компании, которому подчинялся генерал-губернатор, размещался в Лондоне, где был и назначенный кабинетом министров Англии Контрольный совет. Отделенный от Англии тысячами миль океанов и морей далекий Индостан управлялся относительно небольшим числом чиновников торговой Компании, имевшей свою армию, рекрутируемую из числа индийских солдат-сипаев под командованием английских офицеров. Эксплуатация торговой буржуазией завоевателей населения и природных богатств завоеванных территорий велась хищнически, жестоко, грабительски. Шла усиленная и непрерывная перекачка богатств Индостана в Англию.

Предприимчивые британцы не только экспортировали товары из Индии, но и занимались выгодной посреднической торговлей, реэкспортируя их в другие страны, в том числе в Россию. В 1842—1846 гг. 95% хлопка-сырца Россия ввозила из Европы, главным образом из Англии. Индиго, чай и другие, как их называли, «колониальные товары» шли таким же противоестественным путем. Этот вид английской посреднической торговли был характерен для русско-индийских экономических связей. Непосредственно русско-индийская торговля

была незначительной, носила эпизодический характер и существенной роли в экономике и России, и Индии не играла.

Следует отметить, что российские правящие круги понимали выгодность прямой торговли с Индией и строили прожектерские планы на этот счет.

В 1802 г. граф В.Зубов в докладной записке «Общее обозрение торговли с Азиею» писал: «...торговля с Индиею, отколе Европа извлекает знатнейшую часть богатств своих, весьма удобовозможна для России, в том нет ни малейшего сомнения»[4].

Вероятно, предложение Зубова было первой попыткой подготовки плана установления связей с Индией, рожденного в правящих кругах царской России в XIX в.

Но российско-индийские связи направлялись не только Петербургом и Москвой. Свое место в них заняли поездки купцов и путешественников из Средней Азии и Закавказья.

Некоторые из них привозили записи. Когда речь идет о дневниках и воспоминаниях такого типа, надо иметь в виду три обстоятельства: первое — их составляли лишь немногие, кто владел грамотой, был наблюдательным и имел вкус к записям, второе — их произведения часто дополнялись вымыслом и слухами, а потому нуждаются в проверке, и третье — их авторы, как правило, не знали местных языков и обретали возможность языкового общения уже в ходе путешествия, и далеко не совершенного.

Началом культурных и научных связей России и Индии можно считать конец XVIII — начало XIX в., когда Герасим Лебедев организовал в Калькутте профессиональный театр и издал в Лондоне «Грамматику чистых и смешанных Ост-Индских диалектов», а затем в 1805 г. главный труд жизни — «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (СПб.). По возвращении в Петербург Лебедев стал работать в Министерстве иностранных дел России и получил звание профессора Академии наук. Будет справедливым считать его первым профессиональным русским индологом. Умер Г.Лебедев в 1817 г.

Таким образом, уже в первой половине XIX в. устанавливаются основанные на взаимном интересе и уважении российско-индийские связи, делает первые шаги российская индология. Однако устойчивость и регулярность российско-индийские отношения в этот период не приобрели. Вторая половина XIX в. прошла под знаком острых противоречий между Российской империей и Великобританией. Ее начало знаменовалось Восточной (Крымской) войной 1854—1856 гг., в которой на стороне Турции против России выступили Англия и Франция. Царизм показал свою полную несостоятельность, потерпел поражение, утратил возможность активно влиять на европейские политические дела и сократил экономические связи. Во внутренней политике России главной задачей стала крестьянская реформа и приведение в порядок финансов, во внешней — выработка новой восточной политики.

Видный специалист по Востоку генерал И.Ф.Бларамберг утверждал: «...не в Европе будущее России: к Азии должна она обратить свои взоры»[5]. И справедливо первый советский историк дипломатии и нарком иностранных дел СССР Г.В.Чичерин писал о глубоком повороте российской внешней политики на Восток с начала второй половины XIX в.[6].

---

[4] См. настоящий сборник, док. № 16.

[5] РГВИА, ф. 67, д. 70.

[6] *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Главное внимание Россия обращает на Среднюю Азию, непрочные государственности которой, жившие в условиях феодальных отношений, переживали период распрей и упадка. Противник России — Британия не могла воспрепятствовать продвижению России в Среднюю Азию из-за сложностей, возникших у нее в Индии.

В середине XIX в. в Индии созрела кризисная ситуация, чреватая взрывом. Ост-Индская торговая компания была не в состоянии обеспечить ни политическое, ни экономическое государственное стабильное управление огромным, многонациональным, социально пестрым, религиозно чуждым континентом. Народы Индии, все их социальные слои не хотели терпеть господства англичан. Конфликт между насаждаемым колонизаторами капитализмом и старыми экономическими индийскими структурами достиг роковой черты. Вся совокупность противоречий вылилась в 1857 г. в мощное народное восстание, охватившее весь Северный Индостан. Оно бушевало почти два года и было жестоко подавлено колонизаторами.

В результате восстания власть Компании над Индией была ликвидирована. 2 августа 1858 г. был издан закон об управлении Индией, в котором говорилось, что Индией будет управлять королева Великобритании и от ее имени вице-король Индии, сменивший генерал-губернатора. Это означало не просто замену титула, но нечто принципиально новое — с этого времени он становился не представителем Компании купцов, а представителем английской короны.

Промышленная буржуазия Англии, потеснив торговую, прорвалась на индийский рынок. Внешнеэкономические связи Индии были переориентированы на всю английскую буржуазию. Сухопутная торговля свернулась. Основными «воротами» Индии стали порты — Калькутта, Бомбей и Мадрас.

Подчинение Индии британской короне окончательно отсекало возможность установления российско-индийских межгосударственных отношений. Они могли носить лишь характер связи между англо-индийскими правящими кругами и царской Россией или неофициальных отношений между отдельными лицами.

Восстание в Индии создало благоприятные условия для активизации действий России в Средней и Южной Азии. Появились проекты походов русских войск на Индостан. (Некоторые из них публикуются в сборнике.) В этой связи необходимо подчеркнуть два положения, имеющих принципиальное значение. Первое: в этих проектах ставилась задача изгнания англичан из Индостана, а не завоевание Индии. Второе: эти прожекты были отвергнуты царским двором России. Реальной угрозы российского завоевания Индии не существовало.

Действительно, Средний Восток на протяжении нескольких десятилетий XIX в. был полем жестокого противоборства двух держав. И Россия и Англия имели агрессивные намерения в этом регионе. Россия имела в виду завоевание Средней Азии, Англия — Афганистана, которому была уготовлена роль плацдарма для дальнейшего укрепления в этом регионе.

В 1836 г. афганский эмир направил в Россию своих послов с просьбой помочь «против угрожающей кабульскому владельцу опасности от англичан... против Ренджит-Синга, владетеля Пенджаба»[7]. В Петербурге был проявлен интерес и понимание к просьбе афганского правителя, и в далекий Афганистан со специальной дипломатической миссией в 1837 г. выехал И.В.Виткевич[8].

Отмена крепостного права в 1861 г. дала заметный толчок развитию капитализма в России. Пользуясь удобством сообщения по Волге, русские промышлен-

---

[7] Записки по делам Афганистана. — Русская старина. 1880, август, с. 789.

[8] См.: Россия — Афганистан. М., 1989.

ные товары устремились на Восток, где находили хороший спрос. Прикаспий и Приаралье стали районами изучения рядом научных и военных экспедиций. А вскоре русские войска начали завоевание Средней Азии, которое длилось двадцать лет — с 1864 по 1884 г.

В 1865 г. русские войска под командованием генерала М.Г.Черняева штурмом взяли Ташкент. В 1873 г. пала Хива, а в 1876 г. — Коканд. В 1881 г. Россия подчинила текинских туркмен, а в 1884 г. захватила Мерв, расположенный в 150 милях от границ Афганистана. Завоевательные войны царизма сопровождались государственно-административными реформами на захваченных территориях. В 1865 г. была создана Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. в Туркестанское генерал-губернаторство.

Таким образом, английские владения в Индии и русские — в Средней Азии неумолимо и опасно приблизились друг к другу.

Англия и Россия решили заключить соглашение по определению границ Индии и России с Афганистаном, чтобы обеспечить свои интересы и избежать возможных конфликтов. Протокол о демаркации северо-восточной границы Афганистана был подписан в Петербурге в июле 1887 г.

Исторические судьбы в XIX в. разводили Россию и Индию, но прервать связи их народов они не могли. Они были исторически неизбежны и диктовались всем прошлым двух стран, ходом экономического и политического развития.

Непосредственные и устойчивые экономические связи между Россией и Индией стали особенно необходимы после отмены крепостного права. Появляются дерзкие проекты строительства железной дороги, связывающей Россию и Индию. (Наиболее перспективными представлялись проекты С.И.Барановского и строителя Суэцкого канала Фердинанда Лессепса, они публикуются.) Однако все они были отвергнуты, и не столько из-за технических сложностей, сколько по причинам внешнеполитического порядка: Россия боялась осложнения отношений с Англией. Главным их противником был министр иностранных дел А.М.Горчаков.

После открытия Суэцкого канала появилась возможность установить регулярную связь с Индией морским путем. Особую активность в этом деле проявило Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), возглавляемое энергичным и компетентным в морских делах адмиралом Н.М.Чихачевым. (Документы о деятельности РОПИТ публикуются.) 12 февраля 1871 г. из Одессы в Бомбей вышел первый пароход «Нахимов». 12 марта он пришвартовался в индийском порту. Однако попытки РОПИТ (а позднее и других компаний) установить регулярное, устойчивое морское сообщение с Индией не удались. Экономические связи между Россией и Индией не приняли характера устойчивых взаимовыгодных отношений. Поэтому не следует переоценивать ни их масштаб, ни место в общем объеме внешней торговли России.

Английское политическое соперничество и противоборство оказалось сильнее потребностей торговли. И все же морской путь из России в Индию был открыт. И еще одно важное обстоятельство: прибытие в Индию кораблей давало возможность увидеть страну матросам — представителям простого люда России. Их рассказы по возвращении на родину делали факты жизни Индии достоянием народа.

Особое значение в ознакомлении россиян с Индией имело посещение ее русскими художниками А.Д.Салтыковым и В.В.Верещагиным. Их рисунки, этюды и картины дали возможность не услышать, не прочитать об Индии, а увидеть ее неповторимость. С работ художников перед зрителями предстают этнические и социальные типы индийцев, природа их страны, ее поразительная архитектура.

Путешественниками в Индию были не только русские, но и выходцы с окраин огромной Российской империи. В XVIII в. в Индии образовалась значительная колония армян, исповедовавших христианство и сохранивших связи со своей родиной. Следует отметить, что религиозные связи россиян с Индией слабо изучены советскими востоковедами. Тем больший интерес представляют публикуемые документы о путешествии армянского нунция по Индии. В этой связи необходимо отметить деятельность в Индии Е.П.Блаватской, русской писательницы (псевдоним Радда-Бай), много лет проведшей в Индии, где она пропагандировала теософию. Теософское общество было создано ею совместно с американским полковником Олькоттом в 1875 г. Блаватская оказала определенное влияние на духовную жизнь части индийской интеллигенции.

Русско-индийские научные связи во второй половине XIX в. значительно обогатились. В 1856 г. впервые в истории Российской академии наук ее почетным членом был избран индийский ученый санскритолог Радхаканта Деб Раджа Бахадур. (Текст публикуется.)

В 1874—1875 гг. первую поездку по Индии предпринял создатель российской школы индологов И.П.Минаев. Его дневниковые записи стали важным источником по изучению Индии второй половины XIX в.[9]. Минаев установил контакты со многими индийскими учеными и научными учреждениями. Его можно считать пионером русско-индийских научных связей. В настоящий сборник включены новые документы И.П.Минаева, не вошедшие по разным причинам в первое издание.

Большую роль в развитии русско-индийских культурных связей сыграл бенгалец Нишиканта Чаттопадхьяя. Он в качестве стипендиата министерства народного просвещения жил в 1879—1881 гг. в Петербурге. На своей родине в Дакке он писал статьи о России. Нишиканта был первым индийцем, учившимся в России.

В конце XIX в. началось практическое сотрудничество российских и индийских ученых. В 1895—1896 гг. состоялась первая комплексная сельскохозяйственная экспедиция во главе с агрономом И.Н.Клингеном. Результатом экспедиции были успешная акклиматизация чая в Западном Закавказье и разведение бамбука для промышленного применения.

Исполнена благородства и гуманизма помощь, которую оказывали российские врачи в борьбе со страшными инфекционными болезнями, поражавшими Индию в XIX в., и в первую очередь с эпидемиями чумы. В Индии до сих пор успешно работает институт, названный именем российского врача Хавкина, который возглавил борьбу с чумой, охватившей Западную Индию в 80-х годах.

В конце XIX в. в русско-индийских отношениях произошло примечательное событие: впервые в истории Индию посетил, совершая длительное морское путешествие на Восток, наследник российского престола Николай Александрович Романов. (В книге приводятся дневниковые записи, которые вел сопровождавший наследника князь Э.Э.Ухтомский.) Хотя его визит носил неофициальный характер, посещение будущим царем Индостана значительно, как знаменателен и тот факт, что он посадил в знак дружбы дерево. Однако и преувеличивать значение его визита не следует — он преследовал в первую очередь ознакомительно-туристические цели.

В 1900 г., когда мир вступил в XX в., в России было образовано Общество востоковедения, находившееся под покровительством двора. Его устав определял

---

[9] *Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886. М., 1955; *он же*. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1878.

цели общества: «Содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей, как в России, так и вовне ее»[10].

Временем официального установления дипломатических российско-индийских (точнее, англо-индийских) отношений можно считать 24 января 1900 г., когда было утверждено решение об открытии консульства Российской империи в Бомбее. Это событие явилось логическим завершением длительного развития русско-индийских связей. В отношениях России и колониальной Индии открылся новый этап.

В XIX в. определились основные направления российско-индийских связей.

1. Взаимоотношения России с независимыми княжествами Индии в начале века. Они носили единичный характер и имели место в основном в начале века.

2. Экономические связи российского купечества с англо-индийскими правящими кругами.

3. Первые шаги в дипломатических отношениях российских правящих кругов с англо-индийским правительством. Они завершились учреждением консульств.

4. Связи российской и индийской общественности, носившие научный и культурный характер. Они преследовали цели удовлетворения взаимного интереса и наполнены симпатией и доброжелательством.

5. Религиозные связи, имевшие глубокие корни у мусульманских народов Средней Азии и Индостана, а также армян Российской империи и Индии. К ним надо добавить деятельность католических миссионеров Прибалтики и Польши.

6. Установились научные связи. Была основана и успешно развивалась российская школа индологии.

XIX век в истории российско-индийских отношений занял особое место. Если предыдущие периоды были временем знакомства, то XIX век стал периодом установления постоянных связей и взаимного изучения народов России и Индии. Хотя политическая ситуация на Индостане не дала возможности установить межгосударственные отношения, связи двух народов имели устойчивый характер и тенденцию к упрочению. Создались необходимые предпосылки к созданию взаимовыгодных экономических связей. Преодолевая трудности и препятствия, налаживался культурный и научный обмен, который постепенно выстраивался в цепочку: от знакомства — к изучению и пониманию, от понимания — к взаимодействию. Эта цепочка была еще непрочной, но к концу века она уже просматривалась. Российско-индийские отношения главным образом строились не на официальной основе, и не царское правительство определяло их содержание. Это обстоятельство, с одной стороны, придавало им непосредственность и гуманизм, с другой — лишало их системности и регулярности.

Таким образом, XIX век способствовал сближению народов России и Индии, однако в восточной политике российских правящих кругов Индия играла подчиненную русско-английским отношениям роль.

* * *

В российской и советской литературе отношения России и Индии в XIX в. изучались давно и основательно. Итоговой работой можно считать подготовленный группой под руководством проф. Н.А.Халфина и проф. П.М.Шаститко труд

---

[10] Цит. по: Россия и Индия. М., 1986, с. 200.

«Россия и Индия», вышедший в Москве в 1986 г. Документы по российско-индийским отношениям содержатся в издании «Внешняя политика России», т. 1–13, М., 1960–1982, а также в публикациях «Общество востоковедения. Среднеазиатский отдел. Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 год». СПб., 1906; Отчеты о поездке по Индии. Добавление к «Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». № 8–9. СПб., 1905–1908. Следует отметить книги А.Д.Салтыкова «Письма об Индии князя А.Д.Салтыкова». М., 1850 (3-е изд., М., 1985); Е.А.Хлудова «Письма Егора Алексеевича Хлудова». М., 1878; П.И.Пашино «Вокруг света. Т. I. По Индии. Путевые впечатления». СПб., 1885; И.П.Минаева «Дневники путешествий в Индию и Бирму, 1880 и 1885–1886». М., 1955, и его же «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского». СПб., 1878; Э.Э.Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891». СПб., 1893; В.Стеродомского «О плавании парохода „Нахимов" из Одессы в Бомбей и обратно» (Морской сборник. 1871, № 7); «Глазами друзей. Русские об Индии». М., 1957. Существенный вклад в изучение русско-индийских отношений внесли советские индологи: К.А.Антонова, Н.Б.Байкова, А.П.Баранников, Л.С.Гамаюнов, Е.И.Гневушева, Н.М.Гольдберг, Г.Г.Котовский, Е.Я.Люстерник, Л.В.Митрохин, И.Г.Низамутдинов, Р.В.Овчинников, А.М.Осипов, А.В.Райков, П.Н.Расуль-заде, М.И.Родовский, М.К.Рожкова, У.А.Рустамов, Л.С.Семенов, И.Д.Серебряков, О.Ф.Соловьев, Н.А.Халфин, Е.Л.Штейнберг, М.Ю.Юлдашев, Л.И.Юревич, А.И.Юхт и другие.

В данном сборнике собраны документы и материалы из Архива внешней политики Российской империи, Российского Государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства, Рукописного отдела Российской государственной библиотеки, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Архива Российской академии наук и др.

Документы из Национального архива Индии (Дели) представлены Л.В.Митрохиным.

Составители не имели, к сожалению, возможности в полной мере использовать архивы государств Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Польши и Финляндии, а также Индии.

Тем не менее они надеются, что данный сборник архивных документов и материалов продолжит традицию российской индологии по изучению российско-индийских отношений, покажет историческую обусловленность связей между двумя народами, их неконъюнктурный характер.

* * *

Текст документов частично выправлен в соответствии с правилами современной орфографии. Стилистика подлинника сохранена.

Петр М.Шаститко

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1

1799 г. января 6. — Из журнала лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского[1], веденного им во время службы на судах английского флота

...Октября 10-го адмирал получил повеление от Англии отправить 1200 человек пехоты в Мадрас, а как корабль «Септер» требовал починки, то он его назначил для конвоя сих войск. Для меня ничего не могло быть приятнее сего обстоятельства, а потому я тотчас перебрался на корабль и приуготовился к походу. К нам поместился генерал-майор Бирд[2], командующий войсками,и с ним до 400 солдат.

27 октября оставили Столовую бухту...

1799 год

Генваря 6-го в 10 часов поутру увидели гору Поликат на W, к которой, подошедши к вечеру, мы положили якорь на $10^1/_2$ саженях, приведя мадрасский маяк на ZWtW[3].

Со времени нашего оставления островов Пуло до прибытия к берегу Коромандельскому течение небольшое примечено было к Z-ду и W-ту, около последнего же довольно сильное, для чего мы придерживались к северу. В бухте Бенгальской с октября месяца до половины декабря стремление весьма быстрое к ZW-ту, но после того почти ничего не значущее.

Подходя к Мадрасу, стараться надобно при О-м монсуне* править на гору Поликат, ибо оную можно видеть около 10-ти лигов[4], протчие же берега столь низки, что деревья на оных ростущие сперва оказываются, а другое, что оная гора лежит на ветре.

7-е. Не успели мы стать на якорь у Мадраса, как пристал к кораблю индеец на катамаране с приказанием, чтобы не занимать места противу баттарей и не принимать никого из европейцев к себе без повеления правительства. Катамаран есть вещь весьма удивительная, это не что иное, как три четыреугольные бруса дерева, связанные вместе травяными веревками, два из коих равной величины, а третий немного боле половины. Голые индейцы сидят на оных и гребут разщепленною бамбуковою тростию. Они разной длины и поднимают от двух и до четырех человек. Гребцы сии, хотя весьма искусны, но при всем том часто опрокидываются и принуждены бывают ловить свои суда вплавь, для чего находятся всегда нагими, а имеют токмо на голове из травы плетенный колпак фигу-

---

* Словарь терминов см. в конце книги.

рою сахарной головы, который подвязывают под шею и в который кладут письма или другие посылки. Сии плотики употребляются в Мадрасе обыкновенно для разсылок и ходят весьма скоро. В одно же время приехало к нам несколько индейцев для предложения своих услуг. Мы этим сперва шутили, говоря, что имеем своих людей, но напоследок принужден каждый из нас был взять одного, узнавши, что инако с берегу ничего достать не можно. Услужники сии известны в Индии под именем дебашев, которые со всем своим бездельничеством весьма нужны для новоприезжих.

Рейд мадрасский совершенно открытый, большие корабли обыкновенно становятся в 2 или $2^1/_2$ милях от берегов, а малые суда гораздо ближе[5]. Хотя оный защищается батареями, но неприятелю весьма легко напасть на внешние корабли, особливо когда флоту нет на рейде. Вход в оный весьма прост даже ночью; мы нашли там довольное число купеческих судов и фрегат «Ла Сибиль», также три небольшие коммерческие судна нейбоба Аркотского[6] под зелеными флагами и два военные под белыми.

8-го я съехал на берег; это здесь вещь немаловажная, ибо бурун повсюду прежестокий. Подъехавши к оному, мы пересели на масюла-бот, ибо наши гребные суда без опасности далее итти бы не могли. Масюла же есть тонкая лодка, сшитая травою, которая управляется так искусно, что самая большая опасность на оной есть только быть перемочену. Индеец в середине буруна действует с большою проворностью, не успеет лодка приблизиться к берегу, то ее тотчас и вытащат, для чего народ на берегу всегда в готовности с хорошею веревкою.

Я остановился с капитаном своим в довольно хорошем трактире, где не успели мы успокоиться, как принуждены были принимать людей толпами. Сапожники, портные, купцы и шуты разных родов то и дело что приходили; последние столь навязчивы были, что зачинали свои пустяки без всякой церемонии, и признаться, что в Европе дорого бы заплатили за эти штуки, которыя здесь не стоят почти ничего. Мне кажется, что в Мадрасе более фигляров, нежели во всей Европе. Между прочим нам доставил большое удовольствие индейский Карло Доминакина[7], он плясал и кувыркался удивительным образом, хотя от природы был изуродован чрезвычайно.

Вышина этого чуда	2 фут.	$11^1/_2$ дюйм.[8]
Ширина в плечах		$9^1/_2$ дюйм.
Длина руки с подмышки	1 фут.	
Длина ноги до колена		$8^1/_2$ дюйм.
Ляшка от колена		$7^1/_2$ дюйм.
Окружность головы	2 фута.	
Длина ея		$9^1/_2$ дюйм.
Длина уха		$2^1/_2$ дюйм.
Длина рта		$3^1/_2$ дюйма.

К вечеру сцена переменилась, и мы окружены были разными партиями танцовщиц, которыя большею частиею были девочки молодые и весьма красивые. Каждая труппа приходила с двумя бандурщиками[9] и уже почти неволею уходила; последняя же как красотою так и богатым убором превозвышала прочих, она прибыла около десяти часов и кажется с другим намерением, нежели показать искусство своих ног. Девиц было точно такое же число, как нас, и оне употребляли все старание, дабы сделать свою пляску наипрелестнейшею, но без всякого успеха принуждены были возвратиться домой. Хозяин наш советовал нам иметь часового у дверей, уверяя, что в противном случае мы всякий день будем в по-

добном безпокойствеи, на что капитан наш согласился, хотя нельзя сказать, что сегодняшний день для нас был скучен.

9-е. Целое утро я с капитаном занялся делать визиты, начиная от генерал губернатора лорда Моринтона[10]. Они все нас приняли ласково, и мы к вечеру званы были обедать на целую неделю вперед. Сие вышло к случаю, ибо армия уже вся выступила противу неприятеля[11], а остались только одни генералы, которым главные жители места дают безпрестанные пиршества на прощание.

10-го был представлен к нейбобу Аркотскому*. Старик принял меня на своем диване, он любопытствовал о месте моего рождения, но кажется не много понимал, что говорено ему было на сей предмет, хотя разумел англицкий язык весьма хорошо, он напоследок подарил мне булатную саблю. Не всякому можно видеть сего человека, ибо он совершенно почти содержится под стражею у англичан подобно всем прочим владетелям восточной Индии, где эта нация поселилась. Я испросил на сие позволения у лорда Кляйва[12] и был сопровождаем его адъютантом. Дворец нейбобский находится на берегу моря, оный построен в европейском вкусе и вместе с садом может назваться царским жилищем. У оного содержится караул не столько для почести, сколько для осторожности. Итак, мадрасский государь занимает токмо место, а управляет владением Аркотским компанейский губернатор[13].

11-го. Нейбоб Аркотский на случай женитьбы старшего своего сына давал ужин всем знатным особам, к которому и я имел счастье быть приглашен. Генерал губернатор и прочие вельможи прибыли со всем великолепием индейским и были встречены самим нейбобом в диванной. Около десяти часов вечера стол начался и кончился не прежде трех часов утра, в продолжение которого времени пушечная пальба и музыка гремели безпрерывно. Нейбоб сидел на возвышенном месте под балдахином с нами, лорд Морентон по правую, а лорд Кляйв по левую его сторону; дети же нейбобские имели особливое место, которое блистало драгоценными каменьями. По окончании ужина дан был знатный фейерверк, а потом индейский танец, который по множеству [танцорок] и новости заслуживал большого внимания. Оный составляло до пятидесяти богато убранных женщин. В 5-ть часов утра мы разъехались и прибыли домой в чрезмерном удовольствии около 7-ми часов утра.

Город Мадрас[14] лежит при береге коромандельском и принадлежит английской ост-ындской компании. Его разделить можно на европейский и индийский города, первый обнесен регулярною крепостью и наполнен каменными домами, где находятся также компанейские магазейны, а последний окружен невысоким валом, в котором, исключая нескольких европейцев, живут сами остынцы. Жилище их небольшие мазанки с галлереями на улицу, кои однако содержатся довольно чисто. Место сие называется черным городом и купно с их храмами делает неважную фигуру.

Мадрасская окружность весьма заселена и довольно приятная, но дорога от города до горы Святого Фомы[15], по обе стороны которой построены прекрасные европейские дачи, безподобною назваться может. Она простирается на $8^1/_2$ миль и представляет одну из знатнейших аллей в свете. Я ее имел случай видеть наполненную народом в разных повозках, когда у горы был конный бег, и скажу безпристрастно, что таковой картины мне никогда не представлялось прежде.

Европейцы здесь живут в удивительной роскоши, они на лето удаляются в свои загородные маленькие дворцы, а в городе бывают только по должностям от

---

* Нейбоб в восточной Индии есть владелец или князь (*примеч. автора*).

10-ти часов утра до 5-ти вечера. Экипажи их так же великолепны, как и все прочее; кроме карет и фаэтонов все употребляют паланкины или род четыреугольного ящика около семи фут длиною и трех шириною, окруженного жалюзями. Сии покойные повозки обыкновенно носятся людьми, которые подпрягают себя под длинный шест, утвержденный на середине. Они одеваются достаточными в кисейные платья, как и те, которые бегут впереди и позади с короткими копьями для церемонии.

По малому пребыванию мне нельзя много сказать об индейцах, но, повидимому, жизнь их довольно порядочная. Они вообще роста довольно высокого, построены хорошо и имеют черты лиц приятные, а особливо женский пол, который, исключая темного цвета тела, не уступят много своим товарищам в Европе. Бедная часть ходит совершенно почти нагая, кроме небольшого куска полотна, покрывающего наготу, богатые также одеваются в миткаль или кисею. Они также употребляют род юбок и корсетов с длинными рукавами, но все генерально носят на головах тюрбаны. Мущины бреют свои длинные волоса и оставляют токмо одну макушку и усы, а некоторые носят бороды; женщины же подкалывают свои косы, скручивая наверх.

Оба пола здесь весьма любят украшать себя разными побрякушками; они не только носят цепи или бусы на шее, перстни на пальцах и брыслеты на руках, но надевают толстые метальные[16] кольца на ноги и имеют серьгу в носу от 3-х до 4-х дюймов в диаметре. Уши женщин вокруг увешаны украшениями, а у многих даже пальцы на ногах в перстнях[17], ибо оне ходят босые, а мущины только употребляют туфли, носки которых загибаются наверх.

Индейцы ездят в паланкинах, верхами на слонах или лошадях и в одноколках, везомых парою быками, но если последние особливо принадлежат мусульманам, оне не что иное, как небольшие круглые с верхом балдахины с занавесками, под коими сидеть должно с поджатыми под себя ногами, я видел весьма богатые из них, которые казались весьма красивыми.

Исключая европейцев и армян[18], место сие населено родом женту[19] и мусульманами. Хотя последние произошли от монгольцев — победителей Индостана[20], но теперь составляют одну массу с настоящими жителями. Они имеют свои мечети, но последователи Брамы не вмешиваются в их религию, а занимаются своею, к которой столь много привержены, что селения их генерально наполнены храмами и нет переулка, где бы не находилась часовня с идолом. Прогуливаясь по городу вскоре после восхождения солнца, я часто видел раскладенные огни на перекрестках и предместиях, богослужения, вокруг которых толпы народа приносили свои молитвы светилу, озаряющему все творение, которым, видно, индостанцы представляют себе Всевышнее Существо.

Нет в свете народа, который мог бы сравниться с женту в разсуждении чистоты; можно сказать, что они не ложатся и не встают без обмывания всего тела. Люди сии также могут служить примером по скромности своей жизни, пища их состоит из сорочинского пшена и зелени, а питие из чистой воды; при всем том рабочий народ трудится не менее нашего. Быстрота ума индейцев безподобная, ибо со всевозможною бережливостью редко кому удастся скрыть свою мысль от слуги или дебоша, а кольми паче от последнего, который безпрестанно смотрит в глаза и старается узнать, чем лучше может обмануть. Этот дворецкий не требует никакой платы, а довольствуется тем, что перепадет в его руки от покупок; удивительно видеть, с какой пылкостью народ сей в уме делает арифметику, у них в минуту тысячи множатся, слагаются и делятся.

В Мадрасе деньги[21] всей Индии употребляются по следующим ценам:

	пóгоды	фанамы	дуда	каши
Бенгальский гульмор стоит	4	25		
Султан	4	32		
Бомбей гульмор	4	12		
Пóгода звездная	-"-	45		
Пóгода портоново	-"-	37		30
Пóгода султан	-"-	50		
Пóгода мадрасская	-"-	50	6	60
Рупи соркотская	-"-	12		
Фанам			7	5
Дуди	-"-	-"-	-"-	10

13-го зачали готовиться для перехода в Бомбей, дабы исправить там корабль свой починкою. Генерал губернатор приказал нам свезти туда 84-й полк, шкотландская же бригада, которую мы привезли в Мадрас, помаршировала с генералом Бирдом противу неприятеля.

Остындская англицкая компания страшилась военных талантов мизорского владетеля, Типа-Сайба[22], сына славного Гейдер-Али[23], давно искала случая к уничтожению его власти, но до сего времени не имела к тому способа, теперь же, получа знатный сикурс из Европы, она под предлогом, что сей храбрый воин сделал союз с Франциею, требовала формально поместить свой гарнизон в его столице Саренгопотиме, получа же на то решительный отказ, чего всегда ожидать было должно, тотчас двинула свои войска к его границам, и лорд Моринтон, генерал губернатор всей Индии, переехал из Калькуты в Мадрас, дабы блюсти над сею опасною предприимчивостью, и нашел за нужное сделать диверсию на берегу Малабарском, почему велел нам немедленно перевезти несколько войска в Бомбей.

Типо же между тем собрал знатную артиллерию и немалое число хорошо выученных солдат под командою европейских офицеров. Хотя таковое действие англичан и несправедливо, но им одно средство осталось, овладеть Майзером или удалиться из Индии, ибо по предприимчивости и известному намерению Типо вскоре бы показал свою силу не только европейским, но даже всему Индостану, и тогда Сарингопотам соделался бы столицею гораздо славнее, нежели были Дели и Агра и проч.

17-го поместивши солдат на свой корабль и три транспорта, мы в шесть часов утра снялись с якоря и вскоре скрылись от довольно высоких гор, по южную сторону Мадраса лежащих.

20-го около полудня увидели N-ю сторону острова Сейлона, в то же почти время мыс Педро оказался на перпендикуляре. Берег был тогда от нас около 5-ти лиг, как один из наших транспортов, выпаливши пушку, привел к ветру. Взявши сие за сигнал опасности, мы учинили то же и, бросся лот, нашли, что были на глубине 9-ти сажен, которая потом прибавлялась 10, $10^1/_2$, $10^3/_4$, 11 и далее. Когда увидели берег, то счисление наше оказалось 43 мили назади, что, по моему мнению, произошло не от одного совершенно течения, а несколько от неправильного положения северного мыса. Ежели бы не хронометры, то нам бы так счастливо, может быть, и не отделаться от о. Сейлона, северные берега которого столь низки, что надобно увидеть лес прежде, нежели оные окажутся.

21-го подошли к Тринкомали, а в 6-ть часов утра берег от нас находился на ZW в 5-ти милях.

22-го приблизились к горе Чимнигиль или Трубной; когда оная была по компасу на NW $^1/_2$ W, тогда корабль находился на перпендикуляре каменной

банки, называемой Малой Басес, которая лежит от Большого Басес на NO $^{1}/_{2}$ O. Оне обе составлены из каменьев и отстоят от берега около $2^{1}/_{2}$ лиг, их должно опасаться, идучи в Бомбей от берегов Коромандельских, а кольми паче ежели течение примечено будет (что здесь не редко случается) к берегу, то мореплавателю непременно надобно придержаться к острову. Бурун на сих отмелях бывает иногда весьма велик, однако это зависит от ветра.

23-го подошли к Z-овой оконечности острова Сейлона, называемый Дегал, который лежит от Большого Басес около 120 миль. Берег около оного довольно горист и, бывши покрыт лесом, делает с моря прелестный вид. Ветер в сие время дул довольно тихий, и капитан дал мне шлюпку, чрез что доставил случай видеть любопытства достойное место. Майор Гонтер, который тогда командовал Дегалом, был к нам весьма вежлив, за что мы ему остались благодарными. Хотя сие селение небольшое, но оно окружено довольно порядочною крепостью. Я заходил в разные дома обывателей, которые без исключения состояли из голландцев[24], и удивился найти повсюду больных. Исключая ран и чирьев, многие имели распухлое горло, а у других ноги были толще тела, что, по словам Гонтера, есть здесь вещь обыкновенная. При всем том англичане ничего подобного между собою здесь не имеют, а сие верно происходит от чистоты и лучшего житья. Недалеко от крепости живут островитяне, которые как в складе тела, так и одежды не разнствуют с мадрасцами[25]. В бытность нашу они имели знатный базар, где удалось мне видеть почти все фрукты, принадлежащие жаркому климату, а из того заключаю, что окружность здешняя не бедна. Я удивился множеству торгующих разными каменьями и для редкости купил несколько оных, из коих самый замечательный оказался сейлонский брилиант, который хотя не может уподобиться настоящему, но зато безмерно дешев.

Самая любопытнейшая вещь для нас однако была в Дегале видеть молодого слона, убранного в разные серебрянные и каменные побрякушки. Я узнал после, что это было местное божество; он безпрестанно прыгал и резвился между людьми, срывая у одного тюрбан, а у другого опрокидывая корзинки. Сие домашнее животное подбегало часто к нам и ревом своим в первый раз всех было перепугало, но на последок мы с ним обходились как будто бы со своим домашним.

Место сие изобилует во всем нужном для жизни человека, исключая что производит знатную корицу. Суда хотя могут у оного стоять на якоре, но будут открыты от всех ветров, кроме N-да. Жители имеют челны весьма чудной постройки; дно оных выдалбливается из дерева, к которым пришиваются доски со сторон. Оне с носу и по середине имеют длинные выстрелы*, к концам которых привязывается бревно для баланса. Идя под парусами, вышеупомянутый баланс бывает всегда на ветре, ибо челн может итти носом и кормою. Я правда видел довольно большие у берега лодки, сшитые из разных досок, но оне разнятся токмо одними рулями от челнов.

Февраля 5-го соединились мы с контр-адмиралом Рейниром[26], командующим эскадрою в Индии, около Манголора, порта, принадлежащего Типо-Сайбу. Он крейсировал там для французских судов, ожидаемых из Европы.

17-го увидели маяк на острове Олд Вуман на NNO, пред тем же временем вода сделалась весьма мутною, а сие показывало, что корабль находился вблизи Бомбея; однако того мы не опасались, зная, что к берегу подходить можно без опаски до 9-ти сажен. В 5-ть часов после полудни вошли в Бомбейскую гавань и легли фертоинг.

---

* Т.е. шесты (*примеч. автора*).

Вояж наш от мыса Коморина до Бомбея был вблизи берегов, дабы чрез то воспользоваться береговыми и морскими ветрами (по всему малабарскому берегу ветер дует днем с моря, а ночью от берега); мы обыкновенно приближались к земле около 9-ти или 10-ти часов вечера и потом держали к N-ду, так чтобы в полдень будущего дня иметь хорошее разстояние в море. От мыса Коморина до Телигеры ветры были регулярные, оттоле же, а кольми паче от Мангелора по большей части N с некоторою наклонностью к O-ту или W-ту, с небольшим течением, а понеже сие нередко случается, то, по моему мнению, лучше держать от первоупомянутого места в море и при пассатном ветре увеличить широту до такой степени, дабы, поворотя на другой галс, можно было взять прямо к Бомбею.

Находясь около 80-ти миль от Бомбея, мы встретились с португальским фрегатом, капитан которого приехал к нам с почтением[27], но после приема нашего командующего, я думаю, ему не захочется посетить другой английский корабль. Сей бедный человек был проморен на шканцах разными пустыми вопросами и позван в каюту тогда, когда предпринимал было ехать обратно. Бывши начальником португальской эскадры в сей части света и, по-видимому, имея хорошее воспитание, для него таковой прием верно не показался, но надеяться надобно, что он не вместит никого из нас в сей недостаток гостеприимства, который произошел единственно от простоты нашего командующего.

20-го разоруживши корабль совершенно, мы в час пополуночи втянулись в док. Корабельный мастер Саванджи поутру осмотрел дно наше и дал свое мнение, что по чрезвычайной худости сделать более ничего не может, как от носу и до кормы положить поперечные брусья сверху внешней обшивки, уверяя, что, тронувши внутренность, корабль должен развалиться. Сие весьма справедливо, ибо от самого мыса Доброй Надежды мы безпрестанно действовали помпами, а однажды готовились было тонуть, ибо хотя ветры дули не чрезвычайно сильно, но воды у нас прибывало в каждый час до 5-ти фут.

Корабли, имеющие нужду потчиниваться в здешних доках, должны привести себя в $15^1/_2$ фут на ровный киль, дабы перейти через банку, лежащую у самых ворот дока почти, да и то при новолунной или полнолунной воде. Те же, которые не могут облегчить себя настолько, принуждены поднять себя плашкоутами или плоскодонными небольшими судами.

Доки бомбейские, в которых поместиться могут три корабля, составляют один канал, вытесанный большей частиею из камня. Передние два довольно обширны для 74-х пушечных, а последний для небольшого фрегата служить может; невыгода их та, что третьему или второму выйти нельзя прежде первого.

21-го я со всеми офицерами перебрался на берег, где для нас нанят был от компании остындской весьма изрядный дом.

Первая неделя заняла меня знакомством, между которым самое важное было с фамилиею господина Дундаса[28], которая, бывши долгое время во внутренних местах Индии, меня много интересовала. Госпожа Дундас жила во все время нашего здесь пребывания на яхте, где я провел множество приятных дней, ибо тогда на берегу была несносная жара.

Род жизни моей был таков: вставать в 5-ть часов утра и ходить около города до 8-ми, проезжаться после захождения солнца, а остальное время проводить на яхте госпожи Дундасовой, на которой всегда встретить было можно компанию молодых дам и морских офицеров, или сидеть за книгою дома до обеду, а ежели когда обыкновение требовало моего выезда днем, то было в паланкине со всевозможною осторожностью. Надобно сказать, что от таковой регулярности я поправил совершенно свое здоровье, хотя некоторые из моих товарищей от вольной жизни жаловались весьма на бомбейский климат.

С приезду нашего на берег мы каждый вечер забавлялись здешними свадебными церемониями, которых в городу было великое множество. Сие время предвозвещено было по их религии счастливым, следовательно, каждый, кто имел сына или дочь у себя, старался их женить не теряя времени. Не успеет солнце опуститься за горизонт, как повсюду сделаются слышны трубы и барабаны, церемонии за церемонией протекает улицы, которые от факелов кажутся издали горящими. Бывши однажды приглашен на свадьбу к богатому купцу, мне хотелось узнать весь обряд оной, а потому я решился присутствовать с начала и до конца. В 6-ть часов вечера мы вышли из дому в таковой процессии. Сперва шла музыка, перед которою один трубил в предлинную трубу[29], потом ехал мальчик верхом в знатном азиатском уборе, оному последовали азиатские и европейские коляски, наполненные мальчиками и девочками от 4-х до 10-ти лет. После сего везен был жених с невестою верхом на лошади. Оне были убраны брилиантами с ног до головы, лошадь же вели два индейца, по бокам которой шло для церемонии по три человека с копьями и по одному, который держал по большой парасоли* над женихом и невестою. За сею группою ехало несколько мальчиков на лошадях; они были одеты в разные европейские мундиры и представляли весьма смешную фигуру, а кольми паче когда проезжали толпу зрителей и снимали шляпы. Каждая из ихних лошадей имела также двух провожатых, что с факелами, парасолями и другими принадлежностями составляло немаловажный вид. Мы посещали все улицы до 8-ми часов, а тогда прибыли в дом, назначенный для свадебного пиршества. Я принужден был дожидаться на улице, покудова обряд церковный женитьбы не кончился, ибо в продолжение оного людям другой религии присутствовать не позволяется, о чем хозяин при первой встрече извинился, а между тем представил меня молодым, которые тогда уже сидели под великолепною балдахинью, одетые в белое кисейное платье. Мальчику не было более 10-ти, а девочке около 6-ти лет. По здешнему обыкновению отцы всегда составляют партии и нередко женят детей 4-х или 5-ти летних, которые до пришествия в возраст живут порознь. По обе стороны балдахина было поставлено по корзине с кокосовыми орехами, подле которых сидело по человеку с бумагою. К молодым подходили их знакомые по порядку и свидетельствовали свое почтение им, обмокнувши палец в большую чашу краски и потом дотронувшись лба жениха и невесты. После сего приветствия каждый давал подарок, состоящий из денег (которые тогда же и записывались в приход), и получал в обмен кокосовый орех. В продолжение сего публика забавлялась танцовщицами, которыя мне однако не понравились. Все их движения состояли в двух или трех выступках вперед и назад, что только производило шум побрякушек, которыми ноги их были покрыты. Я было позабыл упомянуть, что правые руки новобрачных были связаны тонким бумажным шнурком[30], которого конец висел на шее жениха, а сие и представляло священную связь замужества.

Здесь обыкновение, чтобы для свадеб строить временные строения перед домом отца жениха. Сие делается по достаткам, так что другие занимают великое пространство. Оные обыкновенно разделяются на 3 или 4 горницы, первые три бывают наполнены простым народом, а последняя остается для гостей почетных и фамилии хозяйской. Сия убирается лучше прочих, хотя и те увешаны коврами, цветами и разными фигурами, сделанными из фольги, что все вместе с люстрами, фонарями и музыкою походит более на игрище украшенное. Таковое строение с вышеописанными церемониями и угощением народа обедами, что иногда бывает около 15-ти дней, стоят иногда 35.000 рупи или около 15.000 сереб-

* Зонтик (*примеч. автора*).

ряных рублей. Но это здесь считается ни за что на столь важный случай; меня уверяли, что купец Дади-наси-ванджи издержал 75.000 рупи, женивши восмилетнего своего сына.

Марта 13-го был на острове Елефанте[31], который от Бомбея лежит около 10-ти миль к востоку. К сему побудило меня любопытство видеть статую слона, вытесанного из дикого камня, и древнюю пещеру, выбитую из оного же. Хотя жара была чрезвычайная, но мы принуждены были взойти на довольно порядочную возвышенность и весьма обрадовались достигнуть предместья пещеры, которое укрыло нас от зноя солнечного. Сия славная пещера длиною в 50 шагов совершенно выбита из крепкого дикого камня и разделена на три отделения ужасной толщины столпами на четырехугольных основаниях. На правой стороне оной находится алтарь, половина коего уже разрушилась. Все стены сего удивительного храма покрыты резьбою, представляющею баснословие Гиндыстана, и хотя многого уже рассмотреть невозможно от древности, но нельзя чтобы не удивляться искусству старинных жителей сих мест, к которым нонешние должны подходить весьма немного. Жаль, что место сие содержится в небрежении, от которого приходит ежедневно в разрушение, инако оное могло бы служить еще долгое время памятником величества тех, которых потомки сделались почти невольниками горсти европейцев. В разсуждении же слона отменного ничего сказать не можно, кроме что оный до половины уже изломан молодыми вертопрахами, часто приезжающими на остров для гулянки. На возвратном пути в Бомбей я заехал в Масагал, в котором строятся небольшие суда, дабы видеть закладку нового судна. По окончании весьма большой необыкновенной на сей случай церемонии адмирал Рейнир вбил серебрянный пятидюймовый гвоздь в киль и тем кончил закладку.

20-го прислано было повеление из Англии, дабы правление Бомбейское[32] взяло меры к завладению входа в Красное море, почему полковник Море[33] с 800 человек солдат отправился занять остров Бабамандель, лежащий в середине устья. Таковое приобретение соделалось весьма нужным для Англии, ибо Бонапарт готовится безпокоить Индию, где, без сомнения, сыщет себе много помощников.

Апреля 9-е умер Дади-Насю-Ванджи, один из богатейших персиан в Бомбее. Он произошел от тех персиан, которые по привязанности к своей старой вере принуждены были оставить свое отечество и удалиться в Индию; многие фамилии из них поселились в городе Бомбее и других местах Малабара. Он оставил сыновьям своим около 25-ти лаков рупи, что на счет англицкий будет до 360 000 фунтов стерлингов. Как по законам персидским тело должно быть похоронено по первому восхождению солнца после кончины или до захождения оного, то хотя смерть сего почтенного старика случилась в 4 часа пополудни, но он был предан земле прежде 6-ти часов того же вечера. Меня уверяли персиане, что ежели кто из них умрет ночью, то по обрядам в первое утро похоронен быть должен и что никто другого исповедания при той церемонии находиться не может. По их словам выходит, что умерший, бывши обмыт, одевается в лучшее платье и отпевается священством их; после чего тело кладется в паланкин и отвозится на кладбище. Там раздирают платье покойника в куски и оставляют нагой корпус в приуготовленном для того месте.

Мне весьма хотелось видеть расположение персидского кладбища, но невозможно было, ибо персы не позволяют туда входить чужим, кроме при постройке нового, или прежде, нежели кто там будет погребен[34]. Госпожа Дундас имела случай быть во многих новопостроенных и уведомила меня, что внутренняя часть оных совершенно круглая и разделена на три части. Ближайшая к центру

употребляется для младенцев, средняя для женщин, а внешняя для мущин. Они кладутся один подле другого вокруг в нишах, выделанных из камня, где остаются без всякой покрышки. Когда все вышеозначенные места (несколько которых принадлежит здесь каждой фамилии) наполнены мертвыми, кладбище запирается и строится новое.

10-го апреля получили известие, что неприятельские действия начались с Типо-Сайбом, у которого генерал Стюард[35] выиграл первое сражение. Султан командовал сам своими войсками и верно бы разбил английского генерала, имея втрое более силы, ежели бы подчиненные его не струсили. План Типо-Сайба был весьма велик. Узнавши, что генерал Стюард идет с Малабарского берегу для соединения с главною армиею под командою генерала Гарнса, он взял 1500 отборных войск и вознамерился сперва разбить первого, а потом уже заморить голодом последнего, по приближении дождливого времени. Неудача сего предприятия была следствием, что Гарнсов корпус овладел тремя самыми важными проходами, не потеряв ни одного человека. Около того же времени получены были новости через пакет из Басера (порт в Персидском заливе), что Бонапарт овладел Сюесом[36] и собрал на Красном море до 120-ти береговых судов для помещения войск; по письмам же видно, что он оставил армию свою в Каире, а сам с 300-ми конницы переехал на берег Красного моря. Не мудрено, ежели он по возвращении своем отправит несколько тысяч на помощь Типо-Сайбу, но, кажется, сие будет весьма поздно[37].

24-го корабль наш, совершенно подчинившись, вышел из доку, и мы на оный перебрались в ожидании скорого возвращения к мысу Доброй Надежды.

Мая 1-го получил письмо от нашего в Лондоне посла графа Семена Романовича Воронцова[38], в котором он, поздравивши меня с производством в капитан-лейтенанты, советовал как возможно скорее возвратиться в Россию, я же тогда только что зачал снаряжаться итти в Новую Голландию[39] на небольшом фрегате, который отправить велено было для описи тех мест. Итак, боясь, дабы не навести на себя гнева начальства, нашел за нужное оставить все свои будущие виды, а повиноваться наставлениям посла, почему того же дня нанял место на купеческом корабле «Лоялисте» до Англии, который вскоре должен туда отправиться. Адмирал Рейнир было предлагал мне ехать на пакетботе в Персидский залив, а оттудова с его бумагами отправиться в Англию, уверяя, что с последнего порта мне легко достигнуть будет Европы, однако я предпринять того не осмелился насчет военных обстоятельств и дабы не потерять редкостей, которые я приобрел с немалыми трудами в прошедшие 7 лет.

Город Бомбей лежит на острове того же имени и обнесен довольно знатною крепостию, которая требует по крайней мере 5000 человек для защиты. В нем жительство имеет губернатор Малабарского берега и с советом вместе составляет третье правление английской компании в Индии. Внутри крепости жительство имеют европейцы, армяне и богатые персияне, бедный же народ живет в загородных местах, как-то: в Манагале, Донгори, где также обитают женту и христиане, происшедшие от индейского поколения.

Из всех народов персияне держат себя величественнее и почти пренебрегают не только индейцами, но даже европейцами: они все люди достаточные, и некоторые из них имеют до полумиллиона фунтов стерлингов капиталу. Здесь никогда не слышно было, чтобы персидская женщина занялась кем-либо из другой секты, но сие, я думаю, происходит оттого, что персияне имеют право в ту же минуту умертвить свою жену, в которую они увидят ее неверной. Они женят детей своих от 5 до 7 лет возраста, как прежде было упомянуто. Сии люди, хотя изгнанники из своего отечества, но по их трудолюбию приобрели себе почтение

от настоящих жителей. Они обоготворяют солнце. И потому всегда толпы их видны поутру на лугах, расположенных к восхождению, а ввечеру на удобном месте к захождению сего светила. Они сперва умываются из медного сосуда, который имеется у каждого, а потом садятся на разостланные полотенца поазиатски к солнцу и зачинают свои молитвы довольно громким голосом, но каждый про себя. Сие продолжается довольно долго, а особливо ввечеру. Персы хотя приняли многие индейские обычаи, но в рассуждении пищи остались посвоему. Они употребляют все, кроме говядины и свинины, но сие должно быть изготовлено в их собственных сосудах. От обоготворения солнца происходит, что огонь между ними считается также божеством, и потому ежели бы целый город, а не только дом горел, то эти лица (секта), собравшись вместе, приносила бы свои моления и ни один не осмеливался бы спасти что-нибудь от священного пламени.

В Бомбее, как и во всех прочих местах Индии, есть род, называемый паярской[40]. Оный составлен из тех, которые, принадлежавши особливым своим сектам, не выполняли их уложения, а потому были изгнаны. В таковом положении никто даже из родных их и не только из знакомых не должны с ними иметь дела. Паяры здесь обыкновенно занимаются торговлею, нередко составляют порядочные капитальцы, а особливо на европейские и китайские вещи, которые иногда продаются в 500% дороже своей цены. Они одеваются как все прочие индейцы, кроме персов, которые [носят] особливого рода чалмы из разноцветных ситцев.

Бомбей при всем том мне не так показался, как Мадрас, хотя он окружен загородными домами и садами, но не в таком вкусе. Европейские здешние жители, кажется, более расположены к нажитию, нежели к издержанию денег, хотя сие место, а особливо в рассуждении провизии отменно дешево. Сам губернатор живет весьма не видно. Он во все наше пребывание только дал обед однажды, за которым было до 20 человек.

Город сей однако для Англии гораздо важнее всех кроме Калькутты, ибо средством его они производят торговлю не только с Сюратом и другими береговыми местами, но даже во внутрь с маратами[41], через что достает великое количество вещей для вывозу, главное из которых — хлопчатая бумага. Бомбейская гавань почти всегда наполняется судами, из которых несколько принадлежат здешним персам. Сии последние обычно ходят в Китай, откуда привозят знатные грузы в обмен своим произведениям...

25-е, встретились с генералом Рейниром, крейсировавшим несколько к Z-ду от города португальского. Он прислал к нам офицера с письменным уведомлением, что Сарингопотим 4 числа сего месяца взят английскими войсками после весьма кровопролитного сражения. Типо Саиб сам защищал пролом, в который ворвались англичане, и пал между 1000 своих подданных, прежде нежели сия столица досталась неприятелю. 3 сына его, весь сераль и бесчисленные богатства были наградою победы генерала Гарсия[42]. Генерал Бирд, которого мы привезли в Мадрас, первый вошел с корпусом гренадер на городские стены, что для него должно быть чрезвычайным удовольствием, ибо в прошедшую войну[43] этот храбрый солдат сидел там пленным более года. Я думаю, что уже теперь и весь Майзор пал в руки англичан, через что они не токмо откроют сообщение с малабарским берегом и соделаются покойными содетелями всей Индии, то есть от мыса Дегаля до Лагора, а может быть, и до Кабула. — Какой государь в Европе в силах сравнить себя с властию остындской англицкой компании теперь. Кто

смеет сказать, что он владычествует над столь пространною землею и над таким множеством коронованных особ, как сии купцы. Ни один скипетр в свете, кроме Российского, ибо целая Индия...[44] ноне под ними. Я не думаю, чтобы англичане установили прежнюю власть во владении Типа Саиба на других правах от прочих завоеванных ими мест, хотя поколение новых наследников и осталось. Покойный султан был сын славного Гайдер Али, который завладел этою страной и, низвергнувши старого раджу, объявил себя майзорским султаном. Он был человек с большими дарованиями, и ежели бы не англичане, то прежде смерти обладал бы всею Индиею, сын же его, хотя и имел чрезмерную храбрость, но по жестокости своей не столь считался важным.

Центральный Военно-Морской музей, рукописно-документальный фонд, № 41821, Журнал Ю.Лисянского с 1793-го году по 1800 год, л. 51 об. — 62 об. Автограф.

Примечания

[1] Юрий Федорович Лисянский (1773—1837), русский мореплаватель, родился в г. Нежине Черниговской губернии. После окончания морского кадетского корпуса с 1793 по 1799 г. служил на британском королевском флоте, куда вместе с 15 другими молодыми офицерами, в том числе с И.Ф.Крузенштерном, был отправлен для практики по повелению Екатерины II. За время этой службы он посетил Америку, Африку и Азию. В конце службы осуществилась его мечта: 21 октября 1798 г. он писал своему другу И.Ф.Крузенштерну с мыса Доброй Надежды: «Наконец мое желание совершилось, и несет меня к востоку со всею тою радостию, каковую только может внушать человеку, оставившему Европу, чтобы видеть Индию и который провел 15 смертных месяцев в ожидании к тому случая...» (РГАВМФ, ф. 14, оп. I, № 224, л. 26). Вернувшись на родину в 1799 г., Ю.Ф.Лисянский стал командиром фрегата «Автроил». В 1803—1806 гг. Ю.Ф.Лисянский на судне «Нева» и И.Ф.Крузенштерн на судне «Надежда», идя частично совпадавшими курсами, совершили первое кругосветное путешествие русских кораблей. Во время этого похода Ю.Ф.Лисянский открыл остров в северо-западной части Гавайского архипелага, названный островом Лисянского, и атолл, названный по имени Крузенштерна. В 1809 г. Ю.Ф.Лисянский в чине капитана I ранга вышел в отставку и посвятил себя семье, а также обработке своих дневников. В 1812 г. была опубликована его книга «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах» с подробным географическим атласом. В 1814 г. она вышла на английском языке в Лондоне. После смерти Ю.Ф.Лисянского, согласно его завещанию, в Румянцевский музей поступила большая коллекция предметов (одежда, ружья и т.п.), привезенных Ю.Ф.Лисянским из стран, где он побывал.

Дневник Ю.Ф.Лисянского представляет собой тетрадь, исписанную четким почерком коричневыми чернилами с позднейшей авторской правкой. По-видимому, он намеревался издать свои записи, но по какой-то причине не смог. В XX в. дневник был частично перепечатан, но опять до издания дело не дошло. Эта копия находится в РГАЛИ, фонд 1337, «Коллекция дневников и мемуаров», опись I, № 135.

[2] Лицо не установлено.

[3] ZWtW — примерно 237°.

[4] Лига морская равна 5,56 км.

[5] Порт Мадрас не обладал ни хорошей природной гаванью, ни достаточной для морских судов глубиной при подходе к берегу. Все товары перегружались на лодки и таким образом переправлялись на берег.

[6] Нейбоб Аркотский — наваб (правитель) княжества Карнатик, Умдат-уль-Умра, 1795—1801 гг.

[7] Карло Доминакина (Доминикино) — лицо не установлено. По-видимому, речь идет об эквилибристе Доминике, сведения о котором содержатся в Коллекции вырезок из газет, которые имеют отношение к карликам, великанам, чудовищам и т.п., преподобного Лисонса, которая хранится в Британском музее.

[8] Рост этого человека — 90,21 см; ширина в плечах — 24,13 см; длина руки — 30,5 см; длина ноги до колена — 21,59 см; ляжка от колена — 19,05 см; окружность головы — 61 см; длина ее — 24,13 см; ухо — 6,35 см; ширина рта — 8,89 см.

[9] Бандурщик — по-видимому, имеется в виду человек, играющий на вúне — индийском национальном струнном щипковом инструменте.

[10] Лорд Моринтон (далее Морентон) — генерал-губернатор Индии с мая 1798 по июль 1805 г., более известный в историографической литературе как лорд Уэлсли Морингтон.

[11] В 1799 г. английская Ост-Индская компания вела военные действия против правителя княжества Майсур Типу Султана (1782—1799).

[12] Клайв Артур Герберт, сын известного Роберта Клайва, был губернатором Мадраса в 1798—1803 гг., за что впоследствии ему был пожалован титул графа Повиса.

[13] Княжество Карнатик, называемое иногда по его столице Аркотом, в конце XVIII в. было формально независимым, хотя присоединение его территории к владениям английской Ост-Индской компании было уже не за горами: в 1801 г. оно стало частью земель компании, а его правитель — пенсионером Компании; фактически же и до этого присоединения делами княжества управлял агент англичан — «компанейский губернатор».

[14] Мадрас был основан в 1639 г. В 1653 г. была закончена постройка форта св. Георгия, вокруг стен которого начали быстро расти «белый» и «черный» город, «белый» для англичан, а «черный» — для индийцев (ремесленников, купцов, слуг).

[15] Гора, где по преданию Святой Фома в I в. построил распятие, молился и проповедовал христианство. Он был убит, и на этом месте была построена церковь.

[16] Метальный — устар. металлический.

[17] У многих народов Индии кольца на пальцах ног — признак замужней женщины.

[18] Первые армянские переселенческие очаги на Малабарском побережье Индии появились еще в VIII в., на Коромандельском побережье — в XIII в. Армянская община Мадраса к началу XIX в. играла заметную роль в жизни города. Она состояла из крупных купцов, мелких торговцев, ремесленников (главным образом оружейников), слуг. Это была национальная организация со своими руководящими выборными органами; ей принадлежало 3 церкви.

[19] Женту, от порт. — язычник, так в противовес мусульманам называли индусов, в Мадрасе так называли индусов-телугу.

[20] Автор ошибается: мусульманское завоевание Индии началось с XI в., т.е. задолго до правления династии Великих Моголов (1525—1858).

[21] К началу XIX в. в Мадрасе имели хождение главным образом пагоды, фанамы и каши в соотношении: 8 каши = 1 фанаму; 42 фанама = 1 пагоде.

[22] Типу Султан (1750—1799) — правитель княжества Майсур. Возглавил борьбу против английских колонизаторов в Южной Индии. Создал сильную армию, пытался образовать коалицию антианглийских сил. Колонизаторы провели против Майсура четыре кампании. В четвертой при штурме ими столицы княжества г. Серингапатам Типу Султан пал в сражении.

[23] Гейдер Али (Хайдер Али, 1722—1782) — правитель княжества Майсур. Отец Типу Султана, придя к власти в 1760 г., провел реорганизацию армии, особенно пехоты, по европейскому образцу. В своей политике ориентировался на союз с Францией против английской Ост-Индской компании.

[24] Голландцы появились на Цейлоне в 1602 г. и в течение XVII в. захватили весь остров, кроме южной его части, где находилось королевство Канди. В 1795 г. англичане, воспользовавшись ослаблением Голландии, завладели всем островом.

[25] Тамилы издревле мигрировали на о. Ланку (Цейлон) и селились там целыми деревнями. Первая волна индийских поселенцев прибыла на остров еще в V в. до н.э.

[26] Контр-адмирал Рейнир Питер (1742—1808) — английский морской офицер, происходит из семьи французских эмигрантов. В 1756 г. начал службу на британском королевском флоте. В 1760 г. принимал участие в осаде г. Пондишери, французской колонии в Индии. В 1794—1805 гг. главнокомандующий флотом в Индии.

[27] Первый португалец Васко да Гама достиг Индии в 1498 г. На протяжении последовавших примерно 100 лет португальцы стали господствующей силой в южных морях. Они не ставили своей целью овладение Индией, им требовались только базы — стоянки для их флота. В конце XVI в. у португальцев появились соперники — англичане и голландцы. В 1588 г. английский флот разбил Великую Армаду, и с этого времени влияние португальцев в Индии начало стремительно падать.

[28] Лицо не установлено.

[29] Музыканты, вероятно, играли на шехнае — индийском деревянном духовом инструменте.

[30] Автор имеет в виду шнурок из хлопка.

[31] Храм одного из трех главных богов индуизма бога Шивы на о. Элефанта был вырублен в скале в VIII–IX вв.

[32] К началу XIX в. территория английской Ост-Индской компании состояла из трех президентств — бенгальского, бомбейского и мадрасского, во главе каждого стоял губернатор со своим советом и армией, подчинявшийся генерал-губернатору, ставка которого находилась в Калькутте (Бенгалия).

[33] Лицо не установлено.

[34] По традициям зороастризма индийские персы (парсы) выставляют трупы на специально для этого предназначенных башнях молчания, куда не допускаются непарсы.

[35] В четвертой англо-майсурской войне 1799 г. участвовали три армии под командованием генерала Харриса, генерала Стюарта и брата генерал-губернатора Индии Артура Уэлсли, будущего победителя Наполеона при Ватерлоо, будущего герцога Веллингтона.

[36] Наполеон Бонапарт захватил г. Суэц 27–28 декабря 1798 г.

[37] Во Франции действительно существовал план, по которому член Директории Поль Баррас должен был прибыть в Индию на помощь Типу Султану, но, после того как пришло известие о падении Серингапатама, экспедиция не состоялась.

[38] Воронцов Семен Романович (1744–1832) — граф, дипломат, крупный военный и государственный деятель, сторонник сближения с Англией. С 1786 по 1806 г. полномочный, а с воцарения Павла I чрезвычайный и полномочный посол России в Лондоне.

[39] Новая Голландия — старое название Австралии, данное в честь открывших ее голландских моряков.

[40] Паяры — по-видимому, автор неправильно передает название одной из самых многочисленных низших каст Южной Индии — параян, или парии, как называли их в Европе, неправильно считая, что они представляют из себя изгоев из всех высших каст. На самом деле параян — одна из низших, но не самая низшая каста — происходит от тамильского названия барабана parai; таким образом, традиционно представители этой касты были барабанщиками, но в XVIII–XIX вв. параян часто нанимались слугами к европейцам.

[41] Мараты (правильно: маратхи), народ, проживающий в Западной Индии. К началу XIX в. пять маратхских княжеств были объединены в конфедерацию, которая была крупнейшим государством Индии.

[42] Лицо не установлено.

[43] Имеется в виду третья англо-майсурская война 1790–1792 гг.

[44] Слово не разобрано.

№ 2—15

12 января — 12 марта 1801 г. — Документы об организации военной экспедиции донских казаков в Индию[1]

№ 2

12 января 1801 г. — Рескрипт Павла I атаману войска Донского генералу от кавалерии В.П.Орлову[2] *о подготовке казачьего войска к походу в Индию*[3]

С.Петербург

Англичане приготовляются зделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих шведов и датчан[4]; я и готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Заведении их в Индии самое лучшее для сего. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре[5]. Поручаю всю

сию експедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы со оным и вступите в поход к Оренбургу, от куда любою из трех дорог или и всеми[6] пойдите и с артилериею прямо чрез Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведении англинския по ней лежащия[7], войска того края их такового же рода как ваше и так имея артилерию вы имеете полный авантаж*[8]; приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги, все богатство Индии будет нам за сию експедицию наградою. Соберите войско к задним станицам и тогда уведомте меня; ожидайте повеления итти к Оренбургу, куда пришед ожидайте другого итти далее. Таковое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит по мере заслуги мое особое благоволение, приобретет богатство и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько у меня их есть. Бог вас благослови.

Есм ваш благосклонной

Павел

Карты мои идут только до Хивы и до Амурдарьи реки, а дальше ваше уже дело достать сведении до заведений аглинских и до народов индейских им подвластных.

П.

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 1–1 об. Копия.

№ 3

12 января 1801 г. — Рескрипт Павла I генералу от кавалерии В.П.Орлову о целях похода донских казаков в Индию

С.Петербург

Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцом и многими малыми[9]. Агличане имеют у них свои заведении торговыя, приобретенныя или деньгами или оружием, то и цель вся сие разорить и угнетенных владельцов освободить и ласкою привесть России в ту же зависимость в какой они у агличан и торг обратить к нам. Сие вам в исполнение поручая пребываю вам благосклонным

Павел

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 2. Копия.

* Avantage (*франц.*) — преимущество; превосходство.

№ 4

13 января 1801 г. — Рескрипт Павла I генералу от кавалерии В.П.Орлову об отношении к индийцам и о политических задачах в Бухаре и Хиве

С.Петербург

Василий Петрович. Посылаю вам подробную и новую карту всей Индии[10]. Помните что вам дело до агличан только, а мир со всеми теми кто не будут им помогать и так проходя их уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес и так на агличан. Мимоходом утвердите Бухарию чтоб китайцам не досталась[11]. В Хиве высвободите столько то тысяч наших пленных подданных[12]. Естьли бы нужна была пехота то в след за вами, а не инако прислать будет можно. Но лучше кабы вы то одни с бою зделали.

Ваш благосклонной Павел

Возмите столько с собою сколько можно.

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 3. Копия.

№ 5

1 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о подготовке казачьего войска к походу в Индию

Черкасск

Всемилостивейший Государь

Ваше Императорское величество от 12 генваря всевысочайше повелеть мне соизволили собрать все войско на сборные места; во исполнение чего одни из станиц выступя последовали уже на оные, а другие исправившись к походу выступают, теперь же получил я высочайший Вашего Императорского величества указ от 7-го того же месяца пущенной, о командировании из войска четырех полков на Кавказскую линию[13], которые и составятся на сборных местах, но как полки сии должен я отделить из числа назначенного со мною войска, которого из наличных на Дону двадцати одной тысячи, за исключением больных, отлучных по промыслам их и мало исправных полагаю будет к походу девятнадцать тысяч, то и осмеливаюсь всеподданнейше представить о сем во всевысочайшее Вашего Императорского величества соизволение.

Повергаю себя к освященнейшим Вашего Императорского величества стопам
всемилостивейший Государь
Вашего Императорского величества
всеподданнейший Василий Орлов

Над текстом помета: 11 февраля 1801
Ничего на сие в ответ не последовало.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 316. Подлинник.

№ 6

1 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о назначении генералов и офицеров казачьего войска для похода в Индию

Черкасск

Всемилостивейший Государь.

Вашему Императорскому величеству всеподданнейше подношу при сем список* генерал-майорам и штаб-офицерам, назначенным в поход со мною.

Осмеливаюсь при том Ваше Императорское величество всеподданнейше просить — высочайше повелеть мне взять с собою войска Донского генерал-майора Краснова[14], находящегося на службе в Подольской губернии по известной мне ответственности и надежности в нужные употребления, на место же его командировать туда другого генерал-майора.

Повергаю себя к освященнейшим Вашего Императорского величества стопам.

Всемилостивейший Государь
Вашего Императорского величества всеподданнейший
Василий Орлов.

Над текстом помета: 11 февраля 1801
Государь не соизволил никакие делать перемены.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 317. Подлинник.

№ 7

1 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I об отправлении к войску, собранному для похода в Индию

Черкасск

Всепресветлейшему, державнейшему великому Государю
Императору Павлу Петровичу самодержцу всероссийскому

Всеподданнейший рапорт
генерала от кавалерии войска Донского
войскового атамана Орлова 1-го

Сего месяца 10-го выеду я из Черкасска на сборные места полкам назначенные. О чем Вашему Императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Генерал от кавалерии Орлов 1.

Над текстом помета: 11 февраля 1801.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 319. Подлинник.

---

* К этому документу прилагается список — там же, л. 318 (*примеч. сост.*).

№ 8

2 февраля 1801 г. — Рескрипт Павла I генералу от кавалерии В.П.Орлову с подтверждением распоряжений о походе казаков в Индию

Петербург
Михайловский замок

Господин Генерал от Кавалерии Орлов I-й в ответ на донесение ваше от 23 генваря не имею вам ничего иного сказать как апрабую все вами представленное. Пребываю вам благосклонным.

Павел

О пехоте же будучи вашего мнения лучше не брать.

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 4. Копия.

№ 9

7 февраля 1801 г. — Рескрипт Павла I генералу от кавалерии В.П.Орлову о маршруте похода в Индию

Петербург
Михайловский замок

При сем посылаю к вам маршрут* какой мог для вас достать, он дополнит вам карту и объяснит; експедиция весьма нужна и чем скорее тем вернее и лучше. Ваш благосклонный

Павел

Сим маршрутом я вам рук не связываю однако же.

РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 323, л. 5. Копия.

№ 10

10 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о получении императорского рескрипта

Черкасск

Всемилостивейший Государь.

Вашего Императорского величества всемилостивейший рескрипт чрез пребывшего сюда генерал-майора Платова[15] я получить удостоился и по оному вы-

* В деле отсутствует (*примеч. сост.*).

сочайшую Вашего Императорского величества волю в точности исполнить долженствую.

Вашего Императорского величества
всемилостивейшего Государя
всеподданнейший
Василий Орлов

Над текстом помета: 18 февраля 1801.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 545. Подлинник.

№ 11

10 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о численности войск, предназначенных для похода в Индию

Черкасск

Всемилостивейший Государь.

Сего числа отправляюсь я на сборные места полкам назначенные.

По доходящим ко мне рапортам выступило войска из станиц в том числе четыре полка на Кавказскую линию назначенные. Чиновников пятьсот десять, казаков двадцать тысяч четыреста девяноста семь, артиллерийских служителей пятьсот, калмык пятьсот же[16], да сверх того сменяю отставными находящихся внутри войска на постах, казаков всех тех кои только поблизости к сборным местам пятьсот. А всего двадцать две тысячи пятьсот семь человек.

Сколько же из них по пересмотру на сборных местах окажется к походу имею всеподданнейший долг Вашему величеству донесть.

Вашего Императорского величества
всемилостивейшего Государя
всеподданнейший
Василий Орлов.

Над текстом помета: 18 февраля 1801.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 546. Подлинник.

№ 12

10 февраля 1801 г. — Рапорт генерал-майора М.И.Платова Павлу I о ходе подготовки к походу в Индию

Черкасск

С высочайшим Вашего Императорского величества повелением к генералу от кавалерии войсковому атаману Орлову явился я 4-го сего февраля.

В повеленной от Вашего Императорского величества поход о выступлении из домов всему войску Донскому в самоскорейшем времени в назначенные в верховых станицах кои по пути сборные места.

Через нарочных предписания сделаны и из отдаленных оттоль станиц казаки уже на те сборные места последовали. И явиться там должны по предписанию к 20-му числу сего февраля, где сделав распоряжение к настоящему походу в самоскорейшем времени оттоль последуем. А какого числа, об оном Вашему Императорскому величеству всеподданнейше донести долг имею.

Генерал-майор Платов

Над текстом помета: 18 февраля 1801 г.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, с. 547. Подлинник.

№ 13

15 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о получении маршрута похода в Индию

Кочетовская станица

Всемилостивейший Государь.

Всевысочайший Вашего Императорского величества рескрипт от 7 сего месяца с приложением маршрута получить имел счастие как всемилостивейший залог монаршего руководства и со всеподданнейшим долгом моим не премину по всей возможности в следовании сообразоваться оному. Да благословит всевышний Бог совершить сию высокомонаршую доверенность счастием Вашего Императорского величества к прославлению оружия Вашего.

Повергаю себя с войском к освященнейшим Вашего Императорского величества стопам.

Вашего Императорского величества
всемилостивейшего Государя
всеподданнейший
Василий Орлов.

Над текстом помета: получ. 23 фев. 1801 с фельд-егерем Зимняковым.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 684. Подлинник.

№ 14

15 февраля 1801 г. — Рапорт генерала от кавалерии В.П.Орлова Павлу I о необходимости прикомандирования к казачьему войску переводчиков восточных языков и медицинского персонала

Кочетовская станица

Всемилостивейший Государь.

Всевысочайший Вашего Императорского величества рескрипт от 3 числа сего месяца удостоился я получить и всеподданнейше Вашему Императорскому величеству доношу что со сборных мест войска, по учинении пересмотра, поспешу выступить в поход с первого числа будущего марта. Осмеливаюсь Ваше Императорское величество всеподданнейше просить не благоугодно ли будет всемилостивейше повелеть прикомандировать ко мне знающих национальные тех мест переводы, буде таковые найдиться могут. Я потому Всемилостивейший Государь считаю нужным иметь оных, что можно обнадежится на их верность нежели приисканного в местах обязанного по жительству. А также всеподданнейше Вашего Императорского величества прошу и о медицинских чинах, кои на всякий случай будут войску нужны.

Повергаю себя к освященнейшим Вашего Императорского величества стопам, Вашего Императорского величества Всемилостивейшего Государя

всеподданнейший Василий Орлов

На документе пометы: Писать к генералу-прокурору и посылать двенадцать лекарей с одним штаб лекарем, к войску Донскому.

Писал письмо кн. Гагарин[17] от себя.

получено 23 февраля 1801 г.
с фельд-егерем Зимняковым.

РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 104, л. 683. Подлинник.

№ 15

12 марта 1801 г. — Рескрипт Александра I генералу от кавалерии В.П.Орлову о прекращении похода в Индию и возвращении казаков на Дон

Петербург

Господину генералу от кавалерии Орлову I-му

По получении сего повелеваю Вам со всеми казачьими полками, следующими ныне с Вами по секретной экспедиции, возвратиться на Дон и распустить их по домам.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Т. 1. М., 1960, с. 11.

Примечания

[1] В декабре 1800 г., в ходе обмена письмами Павла I с первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом, последним был предложен проект совместной русско-французской военной экспедиции в Индию. В преамбуле проекта, предложенного Наполеоном Павлу I, говорилось: «Изгнать безвозвратно англичан из Индостана, освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига, открыть промышленности и торговле образованных европейских наций, и в особенности Франции, новые пути — такова цель экспедиции, достойной увековечить первый год XIX столетия и правителей, замысливших это полезное предприятие» (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII, СПб., 1886, с. 40). Согласно проекту, у Астрахани должен быть сосредоточен русский экспедиционный корпус в 35 тыс. человек, которому надлежало переправиться через Каспийское море в Астрабад. Французский корпус от Рейнской армии, также в 35 тыс. человек, спускался до устья Дуная, откуда по морю переправлялся в Таганрог, а затем двигался через Царицын до Астрахани и соединялся с русским корпусом в Астрабаде. Отсюда начинался уже совместный поход через Герат и Кандагар к берегам Инда. Проект похода был составлен в общих чертах и нуждался в дальнейшей доработке по конкретным вопросам. В то же время Павел I решил действовать самостоятельно. Он отдал приказ войску Донскому выступить в поход с целью уничтожения английских колониальных владений в Индии. Вероятно, русский император рассчитывал, что 22 тысячи донских казаков быстрее выполнят задачу, которую Наполеон возлагал на 70-тысячную армию. Во всяком случае, казачья экспедиция была строго секретной. Первый консул не был о ней извещен. В отличие от французского проекта, маршрут казаков должен был проходить не через Персию, а через Хивинское и Бухарское ханства. Как видно из рескриптов атаману войска Донского, Павел I не представлял себе трудностей, с которыми мог столкнуться казачий отряд в Средней Азии.

После убийства Павла I поход был отменен.

[2] Орлов Василий Петрович (1745—1801) — генерал от кавалерии, войсковой атаман войска Донского. Начал службу в 1764 г. рядовым казаком, затем был произведен в офицеры. Участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. в должности командира казачьего полка и за проявленную храбрость был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В русско-турецкой войне 1787—1791 гг. участвовал в звании полковника, отличился при штурме Измаила, командуя одной из штурмовых колонн, и был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. В 1792 г. он был произведен в генерал-майоры, а с вступлением на престол Павла I был в 1797 г. назначен войсковым атаманом и, пользуясь расположением императора, получил чины генерал-лейтенанта, а затем генерала от кавалерии. После возвращения из неудачного «индийского похода» в Черкасск скоропостижно скончался в том же 1801 г.

[3] Впервые рескрипты Павла I о походе в Индию были опубликованы в 1860 г. в пятом разделе периодического издания Московского университета «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских» (кн. III, М., 1860, с. 167—168). Публикация была лишена комментариев, указателей, сообщения на местонахождение подлинников. В дальнейшем рескрипты неоднократно публиковались, но также без научного аппарата. В данном сборнике эти документы публикуются по копиям, хранящимся в фонде-коллекции Военно-ученого архива. Все пять копий были списаны с подлинников для секретного архива Департамента Генерального штаба, заверены полковником Батюшковым и подшиты в одно архивное дело. В деле имеется запись: «Подлинные ордера возвращены генерал-майору графу Орлову-Денисову». Видимо, здесь имеется в виду внук В.П.Орлова Федор Васильевич Орлов-Денисов, произведенный в 1846 г. в генерал-майоры, служивший затем начальником штаба войска Донского и походным атаманом казачьих полков в период Крымской войны 1853—1856 гг. (с 1854 г. — генерал-адъютант). Очевидно, копии были сняты между 1846 и 1854 гг., а подлинники хранились в семейном архиве Орловых-Денисовых.

[4] Под предлогом войны с Францией английский военно-морской флот осуществлял беззаконие в отношении судов нейтральных держав. Многие из них подвергались обыскам и даже конфискации. Чтобы дать отпор этим действиям британского флота, Россия и Швеция 4/16 декабря 1800 г. подписали договор о политике «вооруженного нейтралитета» для защиты своих интересов на море. К этому союзу присоединились Дания и Пруссия.

Страны-союзницы заявили о готовности силой отстаивать принципы свободной морской торговли, против чего выступала Англия. В январе 1801 г. в Лондоне было принято решение направить эскадру в Балтийское море, чтобы заставить Данию, Россию и Швецию расторгнуть заключенный между ними договор и отказаться от противодействия Англии на море, а в случае неуступчивости уничтожить флоты этих держав. Эскадра была сформирована из 18 линейных кораблей, большого

числа фрегатов и других судов — всего 93 корабля с 600 пехотинцами на борту на случай необходимости высадки десанта. Известие о подготовке английской эскадры побудило Павла I ускорить осуществление «похода в Индию», не дожидаясь соглашения с Бонапартом о совместных действиях в этом направлении. Эскадра адмирала Нельсона действительно прибыла к Ревелю, но только 12 мая 1801 г., когда Павла I уже не было в живых, «индийский поход» был прекращен. Нельсон объявил прибытие своей эскадры в Россию визитом вежливости.

[5] Очевидно, сроки движения казачьего войска до Индии были намечены Павлом I на основании доклада генерал-прокурора Сената П.Х.Обольянинова о развитии торговых связей с Индией и Средней Азией, составленного в декабре 1800 г. В докладе говорилось, что купеческие караваны доходят от Астрабада до ближайших индийских провинций за 5 недель, а до Бухары за 18 дней и до Хивы за 14 дней (Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965, с. 418).

[6] Версия о трех дорогах в Индию была взята Павлом I из уже упоминавшегося доклада генерал-прокурора П.Х.Обольянинова, где говорилось: «Для доставления индейских, бухарских и хивинских товаров в Россию, и российских и иностранных — туда имеются три дороги: первая, по которой и теперь хотя небольшой торг производится, — от северных пределов Индостана через Кабул, что в земле авганов, потом Бухариею через Балк, Самарканд и Ташкент в Оренбург, Казань и далее; вторая — от Остиндских островов и обоих полуостровов Индии через Персидский залив водою до Бассоры, оттуда сухим путем через Персию к южным берегам Каспийского моря в Ряшт или Астрабад и потом опять водою до Астрахани; третья — от Мултана и Кабула через Кандагар и Мечет сухим путем в Астрабад» (Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965, с. 415).

[7] Павел показывает свою неосведомленность. К началу XIX в. на берегах Инда еще не было английских колониальных владений. Торговая фактория в Шах Бандаре (порт в устье Инда), открытая англичанами в 1758 г. для транзитной торговли с Персией через Кандагар, была ликвидирована в период междоусобной войны в Синде в 1775 г. Попытки английского торгового агента Натана Кроу в 1800 г. восстановить факторию окончились неудачей. Новые фактории на Инде англичанам удалось открыть только после 1809 г. Полное же подчинение Синда, Хайрпура, Бахавалпура и Пенджаба Ост-Индская компания завершила в 30—40-х годах XIX в.

[8] Утверждение Павла I о «полном авантаже» было явным преувеличением, но автор опубликованного в 1886 г. очерка о проектах «индийского похода» подполковник Генерального штаба А.А.Баторский допускал, что казачье мобильное войско, в случае достижения им Индии, имело бы некоторое преимущество в столкновении с английскими войсками (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIII, СПб., 1886, с. 29—37).

[9] Под «главным владельцем» Индии Павел I, очевидно, имел в виду представителя династии Моголов Шах Алама II (1759—1806). В действительности власть этого правителя была только номинальной. Империя Великих Моголов пришла в упадок еще в начале XVIII в. после смерти императора Аурангзеба.

[10] Карты Индии, составленной русскими топографами в 1801 г., еще не существовало. В.П.Орлову могла быть направлена английская или французская карта (точнее установить невозможно) из Собственного его императорского величества Депо карт, где собирались русские и иностранные картографические материалы.

[11] Несмотря на то что в начале XIX в. Цинская империя вступила в полосу своего упадка, угроза вторжения китайских войск продолжала тревожить правителей Средней Азии. В конце 1797 г. в Петербурге побывали послы правителя Ташкента (вассальной территории Бухарского ханства) Юнуса Ходжи с просьбой об оказании военной помощи в случае нападения Китая. Послы сообщили о желании ташкентского правителя быть под «покровительством России». Очевидно, эти переговоры нашли отражение в рескрипте Павла I В.П.Орлову (*Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983, с. 203).

[12] После уничтожения в 1717 г. в Хивинском ханстве русского отряда А.Бековича-Черкасского и до поездки в Хиву Н.Н.Муравьева в 1819 г. русские официальные представители не посещали это ханство, отношения с которым оставались натянутыми. Хивинские отряды нападали на торговые караваны в Киргиз-кайсацкой степи, а правители Хивы поощряли местных кочевников к захвату в плен русских людей, которые затем продавались как рабы в Хиве и Бухаре. Однако точными сведениями о количестве русских пленников в Хивинском ханстве царское правительство не располагало.

[13] Кавказская линия — система укреплений, сооруженных русскими войсками на Северном Кавказе в целях обеспечения сообщений с Закавказьем, создания форпоста для дальнейших боевых действий и защиты русского населения от набегов горских племен. Единая Кавказская линия, про-

ходившая от Черного до Каспийского моря, сложилась в 1785 г. из отдельных укрепленных линий. Постоянную службу в укреплениях линии несли гребенские и черноморские (кубанские) казаки, но для подкрепления туда назначались и очередные казачьи полки войска Донского.

[14] Краснов Иван Кузьмич (1752—1812) — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г. Сын казака, начал службу в 1773 г. полковым писарем, в 1781 г. был произведен в сотники, а в 1785 г. в поручики. Будучи ординарцем А.В.Суворова, он отличился в бою 1 октября 1787 г. на Кинбурнской косе, лично возглавив атаку батальона, за что был произведен в капитаны. В 1790 г. И.К.Краснов участвовал в штурме Измаила, а в 1792 г. — в военных действиях в Польше, где за личную храбрость был произведен в полковники. В 1798 г. он был назначен походным атаманом казачьих полков на границе с Молдавией и был произведен в генерал-майоры. В 1803 г. Краснов стал войсковым атаманом Бугского казачьего войска. В 1812 г., командуя казачьими полками во 2-й армии П.И.Багратиона, он отличился в ряде сражений. 25 августа 1812 г., накануне Бородинского сражения, в авангардном бою у Колоцкого монастыря Краснов был смертельно ранен. Похоронен в Москве в Донском монастыре.

[15] Платов Матвей Иванович (1751—1818) — герой Отечественной войны 1812 г., атаман войска Донского. Сын войскового старшины, участник русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. Командовал одной из колонн при штурме Измаила, после чего был произведен в генерал-майоры. В 1797 г., попав в немилость к Павлу I, Платов был уволен со службы, сослан в Кострому, а затем заключен в Петропавловскую крепость. В январе 1801 г. он был освобожден и откомандирован в распоряжение В.П.Орлова, который поручил ему командование авангардом казачьего войска в «индийском походе». После смерти Орлова в 1801 г. Платов был назначен войсковым атаманом войска Донского, командовал казачьими войсками в 1812—1814 гг.

[16] В 1798 г. часть калмыков, кочевавших между Волгой и Доном, была причислена к войску Донскому. Однако начатая после этого поголовная перепись вызвала недовольство калмыцких старшин, и значительная часть калмыков в мае 1800 г. откочевала в степи Астраханской губернии. Этим и объясняется столь малое количество калмыков, назначенных в «индийский поход».

[17] Гагарин Гавриил Петрович (1745—1808) — князь, действительный тайный советник, сенатор. В 1799 г. был назначен президентом Коммерц-коллегии. По докладу Г.П.Гагарина в 1799 г. Павел I издал указ о заселении Южной Сибири вдоль границы с Китаем отставными солдатами и сосланными на поселение. В 1800 г. Гагариным совместно с генерал-прокурором П.Х.Обольяниновым был составлен доклад о развитии шелковичного дела в России. Им же был разработан новый тариф для таможни в Кяхте. Помета на документе свидетельствует о том, что Гагарину было поручено ответить на запрос В.П.Орлова о переводчиках восточных языков для «индийского похода».

№ 16

1803 г. — Из записки генерал-лейтенанта графа В.А.Зубова[1] «Общее обозрение торговли с Азиею» о возможности установления постоянных торговых связей между Россией и Индией

О торговле с Индиею[2]

Что торговля с Индиею, отколе Европа извлекает знатнейшую часть богатств своих, весьма удобовозможна для России, в том нет ни малейшего сомнения. Лучшие индийские товары, даже драгоценные металлы и камни, привозимые на Оренбургскую линию[3], в Магишлак и Астрабат, подтверждают то очевидно. И так мне кажется, дабы усилить торговлю сию к чрезвычайным пользам России, стоит только правительству обратить на оную деятельное внимание. Предприимчивость, ободряемая и возбуждаемая надеждою великих прибытков, чего произвести не в состоянии? Не сему ли Европа обязана всеми открытиями земель неизвестных?

Для составления плана, где с прочностию основать главный пункт торговли нашей с Индиею и каким образом с уверенностью производить оную, нужно иметь подробные сведения: во-первых, об удобнейшем пути, из России ведущем в Индию; и во-вторых, об образе правления, нравах и обычаях жителей тех земель, чрез которые проходить должно. Я с своей стороны таковых не имея, намерен здесь сообщить мысли мои в виде общего только обозрения.

Для торговли нашей с Индиею, чрез Каспийское море, я полагаю самым выгоднейшим Астрабат. Тут место здоровое, порт довольно хороший. Отселе, чрез провинцию Хорасан и Кандагар до пределов Индостана, по удобной совершенно дороге, считается около тысячи только верст чрез горы, отделяющие Индию от Персии. Невзирая на чрезмерную их возвышенность и переломанность по всем почти направлениям, есть однако ж весьма способный путь в Кабул, находящийся в центре прекраснейшей провинции Зибилистан. Александр Великий, как пишут, первый открыл оный; им же, впоследствии, проходили в Индию Тамерлан[4] и Шах Надыр[5].

Река Бегат, на которой город Кабул, и Амур Дарья (Lettres politiques, commerciales et litteraires sur l'Inde)* вытекают недалеко от Бамиана, города довольно знаменитого. В Забулистане и в близком расстоянии от гор Гиндуку (Hindoo Khoo) первая впадает в Инд, а вторая течет в Аральское море. Чрез сие-то дефиле, разделяющее источники оных рек, переход в упомянутую провинцию Зибулистан весьма близок и удобен. Сим объясняется вышепомянутый путь древних, коим получали они товары из Индии.

Не распространяясь о сем более, я с своей стороны считаю, что твердое основание торговли нашей с Индиею необходимо положить в Астрабате; другого выгоднейшего и удобнейшего к тому пункта, по всем соображениям, я не знаю; на сей конец, сделав там соответственное предполагаемой цели заведение, надобно придумать способ, чрез который бы можно было с полною подробностию разведать все до сего предмета относящееся. Для исполнения того ничего иного не остается, как отрядить знающих и достойных доверенности людей к описанию путей до самого Индостана. Одного, от устья Амур Дарьи вверх по течению, другого от Астрабата, чрез Херосам и Кандагар; а третьего, для снятия восточного берега Каспийского моря. Сведения, от них доставленные, откроют надежные средства и удобность к конечному довершению сего намерения. Без пожертвований ни до чего не достигнешь.

Что принадлежит до Магишлака, куда и ныне приходят из Хивы и Бухарии караваны с товарами, оный весьма может быть полезен России для торговли с оными народами. Надобно только избрать там удобное место, для небольшого укрепления, которое [было] бы к охранению от грабежей хищных трухменцев[6], идущих в Магишлак караванов, и где бы торгующие, с обеих сторон, могли иметь складные магазейны.

Впрочем, по мере сил, исполнив священный долг приверженности моей к Государю, предаю все сие на общее рассуждение. Весьма счастлив и награжден премного, ежели что-либо из сих предположений моих послужит к пользам любезного Отечества.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II–3, оп. 34, 1803, д. 7, л. 15–18. Копия.

---

* Письма о политике, торговле и литературе Индии (*франц.*).

Примечания

[1] Зубов Валериан Александрович (1771—1804), граф, генерал от инфантерии, русский государственный и военный деятель, член одной из наиболее влиятельных в империи семей екатерининских фаворитов Зубовых; участник военных действий в Польше под командованием Суворова, в 1796 г. главнокомандующий войсками на Кавказе; с 1802 г. член так называемого Астраханского Комитета (предшественника Азиатского Комитета, 1819 г.), созданного для изучения Астраханского края и азиатской торговли на Каспийском море.

[2] Записка В.Зубова кроме общих соображений о торговле России в Азии содержит разделы о торговых сношениях с Персией и Индией. Последний и публикуется в настоящем сборнике.

[3] Оренбургская линия — система пограничных укреплений, предназначенная для охраны границы от набегов киргиз-кайсаков Малой и Средней орды. Была образована в 1736 г. и проходила от Каспийского моря вверх по р. Урал (Яик) до р. Уй. Оборонялась в основном полками оренбургского Казачьего войска. После образования в 1865 г. Оренбургского военного округа была упразднена.

[4] Тамерлан (Тимур) (1336—1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир с 1370 г. Создатель государства со столицей в Самарканде. В 1398 г. вторгся в Индию и захватил Дели.

[5] Шах Надыр (Надир-шах Афшар) (1688—1747), шах Ирана с 1736 по 1747 г. Пришел к власти после успешного завершения возглавляемой им борьбы за изгнание из Ирана афганцев и турок. Завоевал значительные территории Средней Азии и Закавказья. В 1737—1739 гг. совершил поход в Северную Индию, захватил г. Дели и разграбил его.

[6] Трухменцы — устар. туркмены.

№ 17—19

1808 — 1820 гг. — Из записок Мехти Рафаилова[1] *о его путешествиях в Индию*

№ 17

1808 г. — Показание выехавшего из границ кабульского жителя Мехти Рафаилова, бывшего отправленным от господина министра иностранных дел

Город Кашемир[2]

Сей город хотя и считается под владением ауганским[3], но начальник сего города малое имеет к ауганскому владению уважение. Наложенную на него подать 5 000 000 рублей ауганцам ныне не дает по причине происшедшей между ауганцами от междоусобия расстройки.

Кашемир разделяется рекою Вернаком на две части. Город сей многолюдный. В нем до 100 000 домов, в числе коих и индейского закона людей 20 000 домов. Домы малые, занимаемые одним толико семейством и которые не могут иметь сравнения с домами городов европейских. Стечение народов сюда — чрезвычайное и из разнообразных держав, как то: из Турции, из Персии, из Индии, из Аугании, из Яркенда и Бухарии. В сем городе существует для выделания шалей и прочих материй до 20 000 станков. Сия значительная промышленность приносит правительству до 1 200 000 рублей доходу. При всем том край сей изобилует в лучшей степени всеми произрастаниями; хлебопашеством и садоводством занимаются тщательно, а особливо урожай сарачинского пшена противу рабочих мест тамошних провинций несравненно превосходнее.

Город сам по себе никакого укрепления не имеет кроме предместия, занимаемого владельцем сего города, который обнесен каменной стеной, войски расположены в городе и в окрестности оного по деревням, которого считается конницы от 10-ти до 12 000 и пехоты от 8-ми до 10 000 человек. Вооружены они огнестрельным оружием, но ружья у них однако ж по азиатскому манеру здешних провинций без замков с фитилями. Кашемирцы, кроме индийцев, вообще все магометанского закона. Город и область Кашемир окружены высочайшими горами. Народ сей страны красивый, здоровый, хитрый и предприимчивый. Однако ж гостеприимный, заводов металлических никаких не имеют. Правительство сего города с иностранного купечества в пошлину взимает как с привозимых равным образом и вывозимых из их пределов шалей по тарифу деньгами. С золота же и серебра, в наличии состоящего, пошлины нет.

Обратно на российскую границу из Кашемира совершил я путь свой чрез те же города, кои здесь помещены.

Мехти Рафаилов

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II–26, 1811 г., д. 4. л. 11–12 об. Подлинник.

№ 18

1813 г. — Из записки, сделанной по препоручению, возложенному его превосходительством господином генерал-лейтенантом и кавалером Григорием Ивановичем Глазенапом[4], кабульским жителем Мехти Рафаиловым в городе Тибете

...В бытностью мою в вышеупомянутых городах[5] по короткому знакомству моему с индейскими, авганскими, кашемирскими и персидскими знатными купцами, коих всегдашнее желание было и есть завести торг на границах российских и внутри оных не временной, но постоянной. Единственное желание их состоит в том, что естли российское правительство позволит и будет покровительствовать во оной, завести торговые сношения по примеру сего сословия конторы, даже на условиях, какие предложит российское правительство, находя в сем выгоды те, коих они лишаются по случаю строгого въезда и выезда их в китайские границы и из оных, где они должны получить товары и отдавать иноземцам совсем несоразмерно их расчетам...

Неизлишним, но за честь себе поставляю довести до сведения Вам, почтеннейший покровитель, и о делах политических Индии и о поколебании оной англичанами.

Индейский владетель Агмат-Шах[6], может быть Вашему превосходительству и небезизвестно, со всею фамилиею находится в руках англичан города Дильли в крепости. Индия, лежащая к берегам открытого моря, тоже в руках их. Англичане в Индии усилились под именем вспомоществования оной, добрались до провинции Панжап, принадлежащий столичному их городу Лагор и управлению государя оного. Раджитсин (Бадша) государь[7] в 50-ти верстах от последнего выстроил две крепости в 1813-м году, и [англичане] предложили означенному владетелю Раджицыну или вести войну или бы согласился он дать им третью часть дохода сей провинции. Раджицын, хотя и не согласился на сие их требование, однако ж заплатил им с заключением на три года перемирия 2-ми рупия

против нашего рубля серебром, имея вооруженного войска против англичан 200 тыс. человек, а в нужном случае мог бы составить и до 400 тыс. человек, в числе коих 12 тыс. пехоты, вооруженных по примеру европейскому с артиллериею. Срок вышел и англичане ими же самими действуя содержут и посейчас сию провинцию в блокаде; места, сии мною описываемые, где построены крепости при реке Сатиль Адир, от Кашмира не более 20 дней ходу купеческих караванов или 600 верст. Теперь им остается только дать решительное сражение Раджицыну, можно наверное полагать, будут и в городе Пишеур, отстоящем от Лагора в 10-ти дневном расстоянии, а оттоль и в столичном авганском городе Кабуле. Ваше превосходительство из сего заметить изволите, что когда Раджицын не может дать сопротивления, следовательно, англичане завладеть могут Авганиею и Кашемиром. Не смею умолчать, чтобы не доложить Вашему превосходительству, что владетель индейской провинции и города Лагора Раджицын Бадша ищет покровительства, но не знает, где его найти. Китайцы ни за что на таковой риск не согласятся. Авгания может быть некогда славилась войною в Азии, но ныне бывший владетель Шах Жауль Мулк[8], изгнанный в 1813 году братом его родным Шахом Махмутом[9], находится на пансионе у индейских англичан, которому, как удостоверяют, от англичан и обещано возвратить прежнюю его власть над Авганиею до самой Персии. С начала изгнания его он находился под покровительством Раджицына, но, видя тесные обстоятельства оного, предался англичанам. Ему ныне на одно содержание дается от англичан в месяц по 30 тыс. рупия серебром против нашей серебряной монеты.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II–3, 1811–1819 гг., д. 5, л. 54–55. Копия.

№ 19

17 (29) января 1820 г. — Письмо управляющего министерством иностранных дел К.В.Нессельроде[10] владетелю Пенджаба Ранджит Сингху[11]

Высочественному, могущественному, происшедшему из древнего, славного и великого дома, преизряднейшему радже над раджами, обладателю всех Панджабских областей, радже Ранджит Сингу.

Желаю, чтоб всевышний Бог ниспослал на державу Вашу свою благодать, счастие и благополучие и с помощью его благоуспешное управление народом, Вам вверенным. По таковом от всей души приветствии имею честь сим уведомить Ваше Высочество, что ныне, в столь счастливое время, высокопочтенный наш чиновник, надворный советник, знаменитый между торгующими персидскими и великотатарскими купцами, с давних времен Вам известный и верноусердствующий Ага Мехти Рафаилов, приехав к нам в Россию, представил всю Вашу славу, великолепие и могущество, правосудие и попечение о подданных, наконец, гостеприимство, оказываемое приезжающему из разных соседственных мест купечеству, а особливо великороссийским подданным купцам. Все сие весьма для меня приятное донес я Его Императорскому величеству, могущественнейшему обладателю многих царств, всемилостивейшему государю Александру Первому.

Его Императорское величество по высочайшей своей благости, желая видеть в наивящем счастии и спокойствии не только неисчисляемые народы, от всевышнего Бога управлению его вверенные, но и обитающих в самых отдаленных кра-

ях, известился с особенною благоугодностию обо всем до Вас касающемся и для того указать соизволил мне вступить в дружественное сношение с Вами чрез верных и усердных чиновников, дабы подданные купцы российские и Ваши имели свободный приезд во взаимные области; так по высочайшему соизволению долгом себе вменяю писать к Вам сие письмо и отправить с верным и усердным нам надворным советником Ага Мехтием Рафаиловым, который столь много Вас превознес похвалами, надеясь на дружелюбие Вашего Высочества, что по приезде оного удостоите его благосклонным принятием и предпишите оказывать ему всякое пособие и охранение в торговых его делах. За что удостоверяю Ваше Высочество, что взаимно все от Вас отправляемые купцы или другого звания люди в Россию будут приняты со всею благосклонностию, каждый соответственно его достоинству, и по всем делам их будет оказываема им защита и покровительство.

На подлинном собственною Его Императорского величества рукою написано: «Быть по сему»[12].

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II–11, оп. 50, 1819 г., д. 4, л. 136–138. Копия.

Примечания

[1] Мехти Рафаилов сам сообщает в одном из документов, что в Россию приехал в первый раз в 1802 г. Сведений о нем, относящихся ко времени до его появления в России, практически нет. В архивных делах говорится только, что он — «кабульский житель» или «кабульский еврей». Известно, что он выходец из Персии, его мать была когда-то рабыней, а отец — купец. Он начал работать слугой, был разносчиком, сам стал торговать и именно как купец попал в Россию. В первые два десятилетия XIX в. неоднократно отправлялся с купеческими караванами из Семипалатинска в Северный Китай и Северную Индию, бывал в Кашмире и Пенджабе. По возвращении в Россию описывал свои путешествия. Фрагменты этих описаний приводятся в настоящем издании. Умер в 1820 г. во время очередной своей поездки в Кашмир. (Более подробно о нем и о его путешествиях см.: Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. Документы и материалы. М., 1990, с. 10–80.)

[2] Ранее следовало описание пути через Северный Китай и Тибет.

[3] Кашмир номинально входил в состав Афганистана с 1756 г. после распада государства Великих Моголов. В 1819 г. его завоевали сикхи.

[4] Глазенап Григорий Иванович (1750–1819) — генерал-лейтенант, с февраля 1807 г. — начальник Сибирской пограничной линии, после упразднения которой в 1815 г. стал командующим Отдельным Сибирским корпусом.

[5] Ранее речь в документе шла о пребывании М.Рафаилова в городах Северного Китая и Тибета. Под «городом Тибетом» следует понимать Лхасу.

[6] Вероятно, имеется в виду Акбар II из династии Великих Моголов, правивший в 1806–1837 гг.

[7] Имеется в виду Ранджит Сингх (1780–1839), махараджа Пенджаба в 1799–1839 гг. Ранее владетель одной из пенджабских областей, он обновил по европейскому образцу армию, усилил ее и вел борьбу за объединение разрозненных пенджабских земель. К 1811 г. Ранджит Сингх завершил это объединение, создав сильное централизованное государство с современным 60-тысячным войском, просуществовавшее до английской аннексии в 1849 г. Отличался выдающимися организаторскими способностями большого политика, за что получил прозвище «Пенджабский лев». С этим государством российское правительство старалось установить взаимовыгодный торговый контакт. М.Рафаилову в 1820 г. было поручено отвезти письмо управляющего министерством иностранных дел К.В.Нессельроде к Ранджит Сингху с пожеланием установления такого контакта. См. док. № 19.

[8] Имеется в виду Шуджа уль-Мульк, шах из Дурранийской династии, правитель Афганистана в 1803–1809 гг.

[9] Имеется в виду Махмуд-шах, также из династии Дуррани, правитель в 1801–1803 и 1809–1818 гг.

[10] Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, канцлер (с 1845 г.), дипломатическую деятельность начал в 1801 г. Будучи сначала управляющим, а затем министром иностранных дел России, в течение сорока лет (1816—1856) руководил ее внешней политикой. Уволен в отставку после поражения России в Крымской войне и заключения Парижского мирного договора 1856 г.

[11] Об этом письме упоминалось выше в примеч. 7. М.Рафаилов повез его, выехав из Семипалатинска 30 апреля 1820 г. со своим торговым караваном. Путь пролегал через Северный Китай, где по дороге посланец неожиданно умер. После его смерти письмо бесследно исчезло. В дальнейшем, по мере завоевания Индии Ост-Индской компанией, российское правительство уже больше никогда не пыталось установить прямые торговые отношения с Пенджабом. Письмо публиковалось: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. II. Т. III (XI). М., 1979, док. № 84, с. 234—235.

[12] Кроме приведенных документов в архивах сохранился «Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию, предложенный кабульским жителем Мехти Рафаиловым в 1812 году», в котором описываются маршруты через Северный Кавказ, Среднюю Азию, Афганистан.

№ 20

1795—1827 гг. — Путешествия в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова[1]

Всемилостивейший Государь! ...Странствуя осьмнадцать лет[2] по Индии и пространным землям, вокруг нее лежащим, я собрал некоторые черты обычаев и нравов обитателей тамошних, образа их жизни, их богослужения и некоторые сведения о качествах самой земли. По возвращении моем в отечество, желая россиянам, моим соотечественникам, передать все мною виденное, и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и с их жителями, перевел сие путешествие с грузинского на язык российский...

1795 года[3], марта 15 дня[4], был я отправлен грузинским царем Ираклием[5] в Индию по следующему обстоятельству: в Мадрасе жил богатый армянин[6], который ежегодно присылал Ираклию подарки. Царь в вознаграждение пожаловал ему большую деревню Лори[7] и крепость на оную послал через меня. Приехавши в Мадрас, я не застал оного армянина в живых: он умер за год до моего прибытия. Я вручил упомянутую крепость сыну его, находившемуся тогда в Мадрасе[8]...

Прибыл я в город Бомбай. Он по местному своему положению может называться славною английскою пристанью. Отсюда ездят на судах в Китай, в Персию, в Индию. Бомбай славится более тем, что в нем делаются лучшие английские суда. Пристань в сем городе построена португальцами, и по плану европейских пристаней. Англичанам во владение досталась она при разделе, который происходил у них с португальцами. Со стороны растений и плодов город сей очень небогат, но недостатки его дополняются изобилием Панкалы, так что жители вышеупомянутого города, торгующие с обитателями сего последнего, ничего в таком большом количестве не доставляют в Бомбай, как плоды и другие произрастания. Сей город особливо славится своими купцами, которые чрезвычайно богаты. Все вообще тамошние жители огнепоклонники и именуют себя Кабером или Фарсом[9].

Из Бомбая морем на Английском судне поплыл я в город Колумб, лежащий на острове Цейлане, куда прибыл через 18 дней. Колумб прежде находился под владением Голландцев, но теперь владеют им Англичане. В окрестностях его растет множество разных и редких дерев, как-то: сандала, гвоздики, кардамона, корицы и проч. Отсюда, подаваясь далее к восточной стороне, приехал я в город Манар, лежащий на берегу Океана. При сем городе есть место, где в три года

один раз достают довольное количество жемчугу. Климат сего города весьма жарок, и потому цвет жителей[10] самой черной. Вместо премудрого Творца всех существ, они поклоняются коровам и воде; ходят без сапогов и туфлей, считая по невежеству своему непростительным грехом употребление кожи животных на ноги. По крепкому своему сложению весьма многие из них доживают до глубокой старости; животных никаких не убивают на пищу, почитая их себе подобными; и потому употреблять их в пищу, по их разумению, значит то же, что питаться плотию людей. По этой причине произрастения и плоды составляют единственную их пищу.

Из вышесказанного города морем отправился я в город Бондочери[11] или Кост-Малвар. Этот город прежде был под властию Французов, но теперь владеют им Англичане. Он построен по плану Европейских городов. Довольную часть жителей его составляют Французы, которых можно назвать всегдашними и старинными тамошними жителями. Природные тамошние жители, как и окружных городов, суть огнепоклонники и цвет имеют черный.

Отсюда сухим путем поехал я в город Тракбер, куда и прибыл через три дни. Сим городом стали владеть Англичане с недавнего времени. Он разделяется на две части. В той части, которая лежит на берегу моря, живут Европейцы, имеющие цвет тела также белый, как и мы; а в другой части, лежащей в средине этого города, живут собственные туземцы, которые вообще цветом тела черны и суть идолопоклоники[12]. Здесь говорят тем же языком, которым говорят жители Колумба[13].

Пробыв несколько времени в Тракбере, я отправился в знаменитый город Мадрас, называемый тамошними жителями Тинабатяном[14]. Он, как и вышесказанной город, разделяется на две части. В ближней к берегу моря части живут Европейские христиане, а в самом городе, т.е. в середине его, собственные туземцы, которые вообще цветом черны и суть идолопоклоники. Со стороны моря город сей имеет очень хорошую крепость, которую жители называют Fanet Géorgi[15]. Там в большем употреблении жевать лист, называющийся по тамошнему фаном[16], к которому так привыкли жители, что во весь день он не выходит из их рта. Сей лист, будучи разжеван, превращается в самую алую краску, и потому употребляющие его имеют губы и весь рот как бы обагренными кровью. Он в большом количестве растет в Мадрасе и почитается в числе самых обыкновенных растений; имеет довольно приятный запах. Как ни обыкновенная сия трава, но Англичане с тамошних жителей берут за нее пошлину, которая простирается до полумиллиона. Иностранцев, приезжающих туда, ничем столько не угощают, как сею травою. Климат тамошний так тепел, что жители во весь год не употребляют никакой одежды, исключая самой тончайшей полотняной, и то во время только дурной погоды. Сей город богат многочисленными и редкими плодами, в числе которых растут ананасы. Вода его хороша, земля плодоносна. От сего города в трех верстах находится могила святого Апостола Фомы, а в шести верстах оттуда находится и пустыня сего Апостола, где и построен монастырь с прекрасною церковию[17].

Из города Мадраса, по кратком моем в нем пребывании, желая ознакомиться с другими городами, отправился я морем в город Беку[18] или Ранхун; но лишь только вошли мы в море, сию грозную стихию, как вдруг поднялась ужасная буря, море страшно взволновалось, и судно наше, с стремлением несяся по оному, начинало угрожать нам неизбежной погибелью. Это заставило нас, не доплыв до Беки, бросить якорь при городе Мушли-Бандар, где, вышедши на берег, я принужден был пробыть несколько дней с товарищами моими, т.е. до тех самых пор, пока руль судна нашего, потерпевший много от бури, не был исправ-

лен. Наконец, отправившись отсюда, в 15 день прибыли мы в город Беку. Сей город протекающею посреди его рекою разделяется на две части, из которых одна называется новою, а другая старою. Цвет тела жителей его белый, расположением лица походят они на Китайцев. Все вообще употребляют в пищу сарачинское пшено и рыбу; хлеба никакого у них нет. Владеет сим городом старинное здешнее поколение, называющееся Хавабармаиом[19]. В версте от сего города находятся жилища их жрецов, именующихся Ламою* или Брамою[20]. Здесь множество богатых купцов. Беку по множеству лесов, его окружающих, снабжает Англичан деревьями, на построение судов годными. В сем городе Англичане строят суда. И хотя строением судов очень славится Бомбай, однако лучшия деревья в оной отсюда доставляются. Сим городом управляет начальник Хаварбаиом[21], который собирает со всех иностранцев, приезжающих туда по каким-либо делам, с каждого по 12 руппий**. Здешний главноуправляющий, равно как и других окрестных городов, ежегодно обязан являться к своему государю, который живет в называющемся по имени начальника его городе Хаве. Город Бека отстоит от Хавы на три месяца езды; и до сего города надобно переехать несколько рек. Нет ничего смешнее картины положения вышеупомянутых главноуправляющих в присутствии Государя их. Сверх того, что, разговаривая с ним, не иначе должны называть его, как божеством, они не только в присутствии его не могут сидеть, но и стоять, и потому должны ложиться брюхом на пол; и ежели он сделает какой-нибудь вопрос, то не вставая должны отвечать ему. В один день вздумалось мне посмотреть то место, где строят суда. Я воображал, что по количеству делаемых в нем судов оно должно быть очень пространно, но удивился, нашедши его не довольно обширным. Оно огорожено тыном — кругом его очень грязно. Приход мой туда, с одной стороны, был очень щастлив, а с другой очень нещастлив. Щастлив потому, что в сие самое время начали судно для Государя: это любопытно было видеть. Снаружи обложили судно чистым золотом, а внутренность его должна выделана быть дорогими деревьями. Нещастлив же по тому, что я не успел еще налюбоваться таким редким для меня зрелищем, как вдруг толпа людей окружает меня, схватывает, влечет в тюрьму, угрожает лишением головы — и за что же? За то, что я, желая подойти к начатому судну поближе и не могши сделать этого за грязью, по незнанию моему прошел по назначенной для судна сего доске; и, может быть, я лишился бы жизни, ежелиб некоторые из Армян, очень известные там по своему богатству, не вступились за меня и не уверили бы начальника, что я это сделал по моему неведению. Сей город славится доставляемым туда в довольном количестве камнем ягутом. Впрочем, купцы, пользующиеся правом выкапывать оный, так ограничены, что ежели они найдут при копании такой камень, который будет больше горошины и притом лучшей воды, то должны доставлять его к начальнику города, а он отдает в казну государственную; меньшими же упомянутой величины они могут пользоваться и продавать их. Условие сие так строго, что кто не исполнит его, тот должен лишиться жизни. Здесь добываются также руда серебряная и оловянная. Тут множество слонов, костями коих жители производят знатный торг. Англичане многократно покушались завладеть сим городом, но безуспешно[22]. Пристань сего города так тверда и неприступна для неприятеля, что ни с одной стороны нельзя приближаться к ней. В реке, протекающей среди города, находится множество крокодилов.

* Сан его до того уважается, что преступник, назначенный Государем к казни, ушедший в дом Ламы, спасается от оной (*примеч. автора*).

** Тамошняя монета. — Две руппии составляют один рубль серебром (*примеч. автора*).

Из Беки с некоторыми путешественниками поплыл я Океаном в город Колкаду[23]. Сие морское путешествие по началу своему было очень приятно, потому что мы плыли очень спокойно; наконец в 18 день нашего странствия поднялась жестокая буря, которая, воздымая волны Океана, каждую минуту грозила нам смертию. Судно наше долго боролось с пенистыми волнами, наконец должно было уступить силе их, и судно наше совершенно разрушилось. С разрушением его многие лишились жизни; благодаря Провидению, с тремя товарищами моими я, бросившись в бывшую привязанную к судну лодку, спас жизнь мою. В сей лодке мы 19 дней носились по волнам Океана, многократно покушались пристать к берегу, но боясь крокодилов, которых там очень много, и в лесах, по берегу Океана лежащих, слыша ужасный рев львов, — никак не осмелились выдти на берег. В продолжение всего времени травы и коренья тростниковые составляли единственную нашу пищу. — Природа со всеми красотами ея была мертва для нас, никакие величественные виды, ни приятные хоры птиц, раздававшиеся на берегу Океана, не могли истребить в душе нашей прошедших ужасов. Повсюду страх и боязнь преследовали нас, и к величайшему нашему нещастию не видно было ни одного следа человеческаго. Напоследок, при восстановившейся тишине в природе, и мы успокоились. Таким образом, мало по малу подаваясь вперед, мы наконец, по веянию благополучного ветра из Океана выплыли на реку, называемую Кикаею. Здесь, причаливши лодку нашу к берегу, пробыли мы до самой полночи, не видя никого. Но вдруг в отдаленности показался свет; мы тотчас бросились туда, откуда происходил оный, и, подходя поближе к сему месту, приметили, что он изливался из одной лодки, подле которой стоял рыбак, по видимому готовившийся ловить рыбу. Как скоро он приметил нас приближающихся к нему, вдруг бросился в лодку и с поспешностию уплыл у нас из виду. — Мы опять в неизвестном месте и с горестию в сердце остались одни. По прошествии некоторого времени опять блеснувший в недалеке огонь оживил нас; мы обрадовались. Это был другой рыбак, у котораго в лодке разведен был огонь. Мы потихоньку подошли к нему; но как скоро произнесли к нему первое слово, он, испугавшись чрезвычайно, бросился от нас в воду. Мы единогласно закричали вслед ему, что мы ему подобные люди. Опомнившись, он возвратился к нам. Мы разсказали ему все случившееся с нами. Он взял нас с собою и привел в свою деревню, где мы пробыли 8 дней, по прошествии которых с сим рыбаком отправились далее, и через два дня прибыли в город Бахар-Канн[24], где главнокомандующим Англичанин. Мы пошли к нему. Он принял нас очень ласково, дал нам новыя платья, продержал нас у себя несколько дней и, снабдив всем нужным для дороги, отправил нас на Английском судне в город Калкаду, куда мы, благодаря Провидению, благополучно прибыли через 15 дней.

Город Калкада очень красив и довольно великолепен. В нем много богатых жителей. Он лежит на берегу залива реки Гангеса[25]. Там весьма много Армян, которые живут весьма богато и пышно, производят знатный торг с иноземцами. Кроме Индейцев, которые все вообще идолопоклоники, и Магометан, собственных туземцев, здесь есть Англичане, Французы, и более всех Португальцев. Они производят торг между собою, не платя никому пошлины. В сем городе главнокомандующим Англичанин, котораго именуют здешние жители Лартом[26]; он управляет и всею Индиею. Находящаяся там под его начальством Английская Компания получает ежегодно доходу до пяти сот миллионов руппий; при всем том у него мало остается от сих денег, потому что и расход его очень велик; из сей суммы он обязан давать жалованье здешнему войску, которое очень многочисленно. — Климат сего города чрезвычайно жарок, и вода здесь очень дурна. По чему жители во время дождей, бывающих здесь, разставляют большие чаны

для собирания дождевой воды и употребляют ее в пищу. Может быть, здешняя вода и годилась бы для употребления; но поелику у Индейцев есть обыкновение мертвые тела, опаливши их несколько на огне, бросать в воду, то она от гниющих в ней тел неприятный имеет запах, и потому ни на что не употребляется. Индейцы и Магометане, собственные тамошние жители, питаются только сарачинским пшеном и рыбою; хлеб совсем не в употреблении. Здесь вообще говорят тем же языком, которым в городе Панкале[27]. Во всей Индии число войск Английских до ста пятидесяти тысяч; здешние же называются черными[28]. Впрочем, Индейское войско так хорошо знает военную дисциплину, что ни в чем не уступает Английскому. Каждый солдат из белых получает ежемесячно 7 руппий жалованья, сверх того говядину и вино. Такое же количество денег получают и черные. Капитаны получают 250 руппий. Полковник 1500, Секретарь 2000, Генерал Губернатор 10 000, Доктор 2000. Конные солдаты ежемесячно получают 30 руппий, кроме денег, выдаваемых на лошадь. Каждая руппия Калкады заключает в себе два рубля на здешние деньги. На берегу моря город сей имеет старинную крепость[29], в окрестностях которой живут Европейцы, а в Южной стороне обитают туземцы. Упомянутая река Гангес или Ганга окружает город с трех сторон. Сия река исполнена крокодилов и черепах. Поелику в сем городе много хороших зданий и пребогатых купцов, то Англичане называют его вторым Лондоном. Пробывши в сказанном городе довольное время, отправился я далее и в один день доехал до города Сирампура. Сей город в 20 верстах от Калкады. Его можно назвать самым торговым городом. Прежде принадлежал он Дании, но теперь находится под властию Англичан[30]. Здешние жители строят дома по плану Европейцев.

Выехав из Сирампура, отправился я в город Чичру. Сей город лежит в 40 верстах от Калкады. Прежде он был под властию Голландцев, а теперь принадлежит Англичанам[31].

Из города Чичры отправился я в Маршитабат или Махсутабат, и через 4 дни прибыл в оный. Город сей во 150 верстах от Калкады. В нем имеет свое пребывание Набаб Индейский; отсюда начинают говорить на собственном Индейском языке[32]. Хотя сим городом владеют Англичане, однакож и Набаб получает довольное число дохода. Набаб может почесться старинным владельцем этого города.

Оставив упомянутый город, отправился я в Мункир и прибыл туда через 6 дней. Этот город лежит на берегу реки Гангеса при подошве горы. Жители его вообще ремесленники. Здесь очень много растет красного и черного дерева. Отсюда поехал я в город Азимабат или Фатона, лежащий на берегу реки Гангеса. Климат здешний очень хорош. Жители ни в чем к жизненному продовольствию служащем не нуждаются. Вода здесь употребляется колодязная, а речная ни к чему не годна, потому что мертвые тела, бросаемые в нее, делают ее вонючею и вредною. Основание городу сему, говорят, положил некоторый Царевич Индейский, именуемый Азимучаном[33], потому город сей и называется Азимабатом. Здесь в обыкновении, которое должно назвать самым жестоким, больных и слабых людей обоего пола и всякого возраста, ежели жрецы по их примечанию скажут, что они близки к смерти, класть в гроб, приносить к реке Гангесу и, введши их в воду до колен, многократно лить воду им в рот и принуждать их произносить сие слова: Кина-Нараин, т.е. Господи Боже! — Нельзя без содрогания сердца смотреть на сие зрелище. — Ежели кто-нибудь из таковых нещастных лишается жизни, то, на небольшом огне недолго продержав мертвое его тело, бросают в реку. Ежели случается, что он получает силу и здоровье, то жрецы называют его мерзским, не угодным Богу; и потому он уже лишается права жить

в городе, но должен переселиться в нарочно для таковых нещастных выстроенную деревню, которая лежит на той стороне реки Гангеса. Сия деревня называется Индейцами Мурдунки Крам, т.е. Село мертвых. Англичане никакой пошлины не получают с жителей деревни сей, ибо они по обычаю Индейцев уже полагают их в числе мертвых.

Оставя Азимабат, отправился я через упомянутую реку в город Банарис и через 17 дней прибыл в оной. Климат сего города лучше и здоровее вышеупомянутого, почему и находится здесь множество долголетних старцев. Положение сего города очень изрядное; в нем много великолепных и знатных каменных зданий. Этот город у Индейцев почитается местом завета, по той причине, что богатые люди из Индейцев, доживши до старости, оставив семейства свои и все свое имение им, кроме нужного для продолжения остатка жизни количества денег, которое берут с собою, и, простившись навеки с женою и детьми и со всеми родственниками, отъезжают в этот город, с намерением умереть тут. Предразсудок этот дошел у них до такой степени, что, по их уверенности, ежели кто умрет в сем городе, тот уже избавляется от всех мучений будущей жизни, хотя бы он должен был понести их. Все вообще здешние жители идолопоклоники. Корова у них в большом почтении; самою даже уриною ея мажут лица свои и очищают оскверненныя сосуды. Отсюда во 120 верстах лежит город Лакнахор, в коем находится Набаб Индейский. Там очень много народов, называющихся Курдом[34]. Ежегодные доходы упомянутого Набаба, можно сказать, простираются до 20 миллионов; но поелику он состоит под властию Англичан, то и дает им определенное количество денег. В двух верстах от сего города находится 2000 Английского войска с начальником. Между Набабом и начальником упомянутых войск существует взаимное согласие и любовь друг к другу.

Из вышесказанного города по тридневном моем странствовании сухим путем прибыл я в город Камбер, где очень много войска Английского. Сей город можно назвать прекрасною и хорошо укрепленною гаванью, к которой пристает множество кораблей. Он славится всем нужным к продовольствию в жизни.

Отсюда поехал я в город Фарахапат, куда прибыл по прошествии четырех дней. Климат сего города хорош. Здесь находится Набаб Индейский и много Магометан и идолопоклоников. Сим городом без всякого сражения овладели Англичане. Он добровольно отдался под власть их; по сему Англичане платят Набабу 16 000 руппий ежемесячно, как бы жалованья.

Через 6 дней отъезда моего из сказанного города прибыл я в Меред, город, коим владеют ныне Англичане и в котором находится войско их в довольном количестве. Из этого города отправился я в Дели, который может назваться столицею. Сей город именуется Шахчинабатом[35], ибо он основан Шахчином, государем Индейским. Дели славится великолепными мечетьми и прекрасными домами, которых в нем очень много. Дворец бывшего их Государя весь вызолочен. В сем городе есть храм, называющийся Чума-Мечетом[36], который весь покрыт чистым золотом и столь высок, что его можно видеть за 12 верст не доезжая до города; есть еще тут небольшая крепость, сооруженная из порфирового камня, на берегу реки, называющейся Чманою[37], и с таким удивительным искусством выстроенная, что не имеет во всей своей окружности ни малейшей скважины. В средине крепости находится дворец царский, сооруженный из чистого мрамора и также с удивительным искусством. Перед сим дворцом находится прекрасный небольшой садик, наполненный благовонными деревьями, как то: гвоздичными, гранатными и пр., в котором ежегодно один раз дозволяется всем гулять. Посредине сада есть прекрасный колодезь, выстланный мрамором, глубиною в 5, а шириною в 14 локтей, сделанный кругообразно, в коем Царь их всегда купывался[38]. Во вре-

мя моего здесь пребывания возложена на меня была от Галского[39] владельца должность собирать положеную на народ подать. За сие от царя положено мне было жалованья ежемесячно 200 руппий. Англичане, завладев сим городом, отняли у Государя прекрасный его дворец, и в награду за сию потерю назначено ему от них 100 000 руппий ежемесячно.

От Мерата в 300 верстах есть гора Сиринагор, на которой находится источник реки Гангеса. Здесь бывает ежегодно большая ярмонка. На оную приезжают Индейцы, живущие даже за пять тысячь верст, поклоняться водам Гангеса. В сие же время Магометане приезжают сюда для торговли разными товарами. Можно сказать, что там бывают до 500 000 человек. Индейцы, приходящие для поклонения, должны платить англичанам пошлины по одной руппии; на что англичане дают им расписку или билет для поклонения водам Гангеса, где и бывает превеликолепная церемония, а потом производится и торговля. Сие продолжается целой месяц.

Пробывши в сказанном городе довольное время, я отправился в Фадифур[40]. Сей город богат, славится своими великолепными зданиями и купцами, которые очень богаты. Все его жители идолопоклоники. Город обведен семью земляными валами, а за ними к самому городу выкопан ров, который наполнен водою. Ширина его простирается до 6 локтей. В прежние времена город сей был столицею Царя Могольскаго, где и до сих пор находится его дворец; но он почти весь обвалился. Здешний простой народ, не желая быть подданным Англичанам, избрал из самого себя владельца, который управляет им, не отнимая у него свободы. Тамошние жители рассказывали мне, что когда Англичане брали сию крепость, то, засыпав упомянутой ров землею, ставили к стенам города различные машины и как скоро ступили на них — оне опустились в рыхлую землю, и таким образом остались без успеха. Простой народ воспользовался сим случаем: он, взобравшись на крепость, каким кто мог орудием действовал против Англичан и погубил великое множество. — Самыя женщины, одушевляясь такою отважностию мужей своих и не могши действовать никаким военным оружием, лили кипящее масло на врагов своих. В сем сражении пало знатнейших начальников Английских 40, а простых солдат 20 000 человек; и после многих покушений, к великому стыду их, они должны были оставить свое предприятие. Главноуправляющий в сем деле Английскими войсками был Лик[41].

Из Фадифура поехал я в город Лахор. Он довольно велик и богат и лежит на берегу реки Рави. Климат его хорош и здоров, земля тучна и плодоносна. Здесь работают многоразличные шелковыя и шерстяные ткани. Жители его вообще идолопоклоники. В нем очень много иноземцев. Строением город сей весьма красив. Величайшую и особливую красоту сему городу придает великолепный дворец Царя Могольскаго, дворец, в котором живали прежния их Государи.

Отправившись отсюда, через 40 дней прибыл я в город Норпор или Фар, лежащий на горе. Первое зрелище, представившееся мне при въезде моем в сей город, было самое печальное и трогательное. Умер один идолопоклоник — надобно было сжечь его. Вот какая бывает при сем церемония: положив труп умершего в довольно украшенный гроб, понесли в определенное для сожжения по их обычаю место. Покойный имел двух жен, которые, будучи одеты в великолепное и драгоценное платье, шли за гробом мужа своего. Как скоро прибыли к назначенному месту, то составили превеликой костер из дров, на которой положив шесты, положили на них труп умершего. Как по тамошнему жестокому обыкновению жены из любви к мужу должны добровольно отдаться вместе с ним на жертву огню, для того сии две богато одетыя женщины сели по обеим сторонам мужа их на костер. Жрецы, полив на всех трех довольно масла и других

горючих веществ, вдруг зажгли костер со всех сторон, и сии две невинныя жертвы, вместе с трупом мужа, соделались добычею огня. Окружавшие пылающий костер люди начали играть на разных инструментах и играли до тех пор, пока он с сими нещастными не превратился в пепел. — Но жены могут и не исполнять сего безчеловечнаго обряда; их даже уговаривают родные и знакомые остаться живыми или для детей, или для достатка, оставленного мужьями. Но ежели оне уже решатся, уже приближатся к пламени, с намерением броситься на оной, и, почувствовавши ужас, захотят возвратиться, то окружающие костер приставы угрожают им другой смертию — от сабельных ударов, которых в таком случае нещастные не избежали бы, как недостойные жизни.

Неподалеку от Норпора есть небольшая огнедышущая кремнистая гора, из которой беспрестанно выходит пламя. На сей же горе есть и ключь. Акбарше, Индейскому Моголу[42], вздумалось потушить огонь, и для того приказал он посредством канала ключевою водою оный огонь залить; однакож все сие было тщетно, и его предприятие не имело никакого успеха. К сему месту собираются Индейцы из всех стран на поклонение, так что их число простирается иногда от двух сот до трех сот тысячь человек: сие бывает ежегодно. Огонь сей называют Джуаламуки[43], что по русски значит: Святая госпожа, помилуй.

Я желал быть и в известном всем Европейцам знаменитом городе Кашемире[44], и чтоб удовлетворить любопытству моему, поехал туда из Норпора и по довольном путешествии прибыл в сей город, лежащий на реке Радаве[45]. Во всей Индии, кроме сего города, нигде не бывает снегу, да и здесь бываемый снег никакого вреда не производит. — В сем городе много небольших рек, по коим плавают на лодках. Отсюда вывозятся известные всем народам шали. В окружности сего города и в самом городе считается до двадцати четырех тысячь станов, на которых ткут шали. — Главноуправляющий оного города получает с мануфактур ежегодно 3000 руппий; и без его печати не смеют продать даже ни одного платка. Все же доходы, получаемые упомянутым главноуправляющим, простираются каждой год до миллиона. Жители сего города по большей части Магометанского закона и идолопоклоники; вообще небогаты, злонравны и безпорядочны. Управляющий сим городом есть подданный царя Кабула[46]. Говорят, что длина сего города простирается до ста, а ширина до сорока верст. Вообще можно сказать, что домы Кашемирские не такто великолепны. Жители его вообще употребляют обыкновенно в пищу вареное пшено, масло и капусту. Достаточные же люди пьют чай с молоком и чухонским маслом[47]. Климат сего города хорош и здоров, равным образом и вода. Город окружен превысокими горами, на которых нет никакого растения. Англичанам чрезмерно желается завладеть сим городом, но желание их до сего времени безуспешно. — Число вышеупомянутых лодок простирается до двадцати тысяч.

Один из законов Кашемирских есть следующий: когда поймают разбойника в первый раз, тогда отрубают ему правую руку; если в другой раз попадается, то разрезают ему брюхо, кладут на верблюда и показывают всем на базаре; когда же умрет, то привешивают на веревке к мосту. — Окрестности Кашемира имеют приятный вид. Город окружен горами, покрытыми в летнее время яркою зеленью. В самом городе множество каналов, а в средине находится озеро, имеющее в окружности 19 верст[48]. Подле оного есть гора, на которой выстроена каменная крепость. Вода в нем весьма чиста. Оно довольно глубоко. По нем всякую пятницу народ плавает в лодках для прогулки. Жители Кашемира бедны, но веселы. Богатые зарывают свое золото и серебро в землю и хранят их за тайну, которой не открывают даже и своим друзьям и которая по смерти зарывших остается неизвестною. Когда же случается перестроивать дом, тогда находят зо-

лото и серебро в медной кастрюле. Ежели Хан добрый человек, то отдает оную землю вместе с золотом и серебром хозяину; если же худой, то берет все в казну. Кашемирские жители носят платье подобное нашему стихарю, и оно общее как мущинам, так и женщинам.

Дорога из Кашемира в Семиполатскую крепость, простирающаяся на три тысячи верст, весьма ровна. От Иртыша простирающаяся на две тысячи верст Киргизская степь также совершенно ровная. Дорога, лежащая через Калмыцкую землю на пять сот верст, весьма гориста. — От Китайской границы до Турфана простирается на двадцать верст ровная земля. От Турфана до Вакси сто верст ровная земля. От Вакси до Ярканда тысяча верст ровная земля. От Ярканда до Кокиара, Китайской границы, на сто верст ровная земля. От Кокиара до Тибета на две тысячи верст каменныя, голыя, дикия горы. Дорога идет в лощине между двумя горами. Тут протекает маленькая речка. Сия страна необитаема, и караван запасается овсом от Тибета[49] до Кашемира, где на двести верст простираются каменныя горы. — От Кашемирской границы на двадцать верст ровная земля до самого города Кашемира.

Оставя Кашемир, я отправился в город Тибет и через 20 дней прибыл в оный. Он лежит на холмах; кругом его возвышаются каменныя горы, на коих, кроме небольшого количества овса, ничего не ростет. Жители тамошние по своей бедности мелят сей овес и муку его, растворив с молоком и положив коровьего масла, варят, и смесь сия составляет единственную их пищу. Здесь существует обыкновение, самое дурное и с здравым умом вовсе не сообразное: ежели в доме есть три и четыре брата, то женою своею они имеют одну женщину. Родившийся от них младенец получает имя большого брата, и таким образом одного только из них почитает своим отцом. Здесь много чаю. Шерсть для шалей сюда привозят из города Ласа. Все доставляемые сюда мягкие товары привозятся на овцах, которых навьючивают таким количеством вещей, какое оне поднять могут; а отсюда в Кашемир отправляют уже на лошадях. Получаемая в Кашемире с товаров тамошним управляющим пошлина каждогодно простирается до ста тысячь руппий. Главноуправляющий сего города называется Калоном[50] и подвластен Главноуправляющему Кашемира. — Отсюда до Кашемира щитается до двух сот верст. Дорога очень камениста, и потому путешественники жалуются на нее. Недостатки сего города вознаграждаются избытками города Кашемира.

В Тибете можно продать много русских шелковых золотых товаров, кои охотно покупает народ, называющийся Чаба. Он привозит из Лассы много козьяго пуху в Тибет, а отсюда оный идет в Кашемир. Дорога из Лассы в Тибет продолжается три месяца.

В Индии по причине жаркаго климата находится множество всяких насекомых. Там почти в каждом доме живут змеи; и когда хозяин, увидевши змею в своем доме, захочет освободиться от оной для безопасности, а особливо более детей, тогда призывает к себе человека, который умеет ловить их и каковых людей там довольно — за что платит ему небольшое число денег. Он начинает играть на свирели особенным образом и произносит втайне некоторые слова. Припалзывает змея, находящаяся в том доме. У сего человека на руке надет железный обручь; и он, взяв змею, вертит ее до тех пор, пока она из сил не выбьется, тогда кладет ее в корзину и, отнеся в лес, пускает на свободу.

По выезде моем из Тибета, пробыв 40 дней в дороге, прибыл я в город Яркант...[51]

Печатается по: «Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795—1827». М., 1969, с. 59—60, 15, 19—34.

Примечания

[1] Биографических данных о Рафаиле Данибегашвили (Данибегове) сохранилось довольно мало. Предки его — католики из Тбилиси, семья имела в окрестностях города несколько поместий. Несколько поколений рода Данибегашвили занималось торговлей с Индией, совмещая ее с выполнением всякого рода дипломатических поручений грузинских царей. Самостоятельную деятельность путешественника, дипломата, купца, по-видимому, он начал в 1795 г. Последние годы жизни провел скорее всего в России. Умер после 1827 г. Предпринял по крайней мере пять путешествий в Южную Азию, о которых нам известно. Первое — в 1795—1796 гг., второе — в 1797—1798 гг., третье — в 1799—1813 гг., четвертое — в 1815—1820 гг., пятое — в 1822—1827 гг. Книга о его путешествиях, написанная им, была впервые издана в Москве в 1815 г. Последнее ее издание, основательно подготовленное, прекрасно комментированное, снабженное картами, большим научным аппаратом и переводом на английский язык и язык хинди, предпринял грузинский географ профессор Л.И.Маруашвили в Москве в 1969 г.: Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795—1827. В данных комментариях нами использованы материалы из книги, подготовленной Маруашвили. Фрагмент также публикуется нами по этому изданию.

[2] Фрагмент посвящения императору Александру I приводится по изданию 1815 г. К тому времени Данибегашвили совершил только три своих путешествия.

[3] Имеется в виду начало первого путешествия. Но далее автор при своих описаниях излагает увиденное им сразу в трех путешествиях в совокупности, никак не разграничивая их.

[4] Эта дата также относится к первому путешествию, так как главное, третье, путешествие, описание которого фактически составляет содержание данной записи, было начато осенью 1799 г.

[5] Ираклий II (1720—1798), грузинский государственный деятель и дипломат, с 1744 г. — царь Кахетии, с 1762 г. — Картли-Кахетинского царства (Восточной Грузии). Из династии кахетинских Багратионов. Стремился к объединению разрозненных грузинских владений в централизованное государство. Заключил в 1783 г. Георгиевский трактат о покровительстве России над Восточной Грузией.

[6] Имеется в виду армянин Яков Шахамирян (Шамир-ага), известный армянский патриот второй половины XVIII в. Сохранилась грамота, пожалованная ему Ираклием II за те услуги, которые армянский богач оказывал грузинскому царю в политических и экономических делах.

[7] Лори — город в древнегрузинской провинции Ташири (ныне — в Армении).

[8] Далее следует описание пути через Грузию, Турцию, Персию, Ирак и Маскат в Бомбей, опускаемое в настоящем издании.

[9] Кабер или Фарс — имеются в виду парсы, зороастрийцы, потомки персов, поселившихся в Индии в IV—VII вв.

[10] Данибегашвили имеет в виду тамилов.

[11] Имеется в виду г. Пондишери, столица французских владений в Индии.

[12] Идолопоклонниками Данибегашвили называет последователей индуизма.

[13] То есть по-тамильски.

[14] Тинабатяном — Чинапаппатанам — название индийской, туземной части Мадраса.

[15] Форт св. Георга в Мадрасе.

[16] Пан (Фан) — бетель, жевательная смесь, приготавливаемая из листьев перечного растения вместе с различными приправами.

[17] Христиане-несторианцы считают первым проповедником христианства в Индии апостола Фому, который был, согласно этой легенде, погребен в Милапусе (Майлапур) — ныне пригороде Мадраса. Автор рассказывает о гробнице апостола, восстановленной в 1547 г. португальцами, и соборе св. Фомы, расположенном неподалеку.

[18] Искаж. Пегу, название царства в Южной Бирме.

[19] Хавабармай — соединение двух слов: «Хава», или «Ава», и «Барма» («Бирма»). Ава — название древней столицы Бирмы.

[20] Имеются в виду священнослужители буддийской религии (в Тибете называющиеся «ламы») и индуизма (брахманы).

[21] «Ховарбаиом», очевидно, не титул и не собственное имя, а слово, обозначающее принадлежность должностного лица (управляющего городом Рангуном) к бирманскому племени.

[22] Завоевание Бирмы Британской империей началось во время первой англо-бирманской войны 1824—1826 гг. Окончательное присоединение Бирмы к Великобритании произошло в 1885 г.

[23] Автор имеет в виду Калькутту.

[24] Под названием Бахар-Канн автор описывает ранее существовавший на западном побережье Бирмы город Аракан (Дагнавади, Мрогунг, Мрохаун).

[25] Залив реки Ганга — бухта Хугли, в которую впадает одноименный рукав нижнего течения Ганга.

[26] Ларт — искаж. лорд. В 1798—1805 гг. генерал-губернатором Индии был лорд Уэлсли.

[27] Имеется в виду бенгальский язык, или бенгали. Автор считает Панкалу городом, но в действительности его слова относятся к провинции Бенгалии.

[28] Под «черными войсками» подразумеваются сипаи — солдаты, набранные англичанами или французами из коренного индийского населения.

[29] Старинная крепость Калькутты — Форт-Вильям, построенный англичанами в 1696—1702 гг.

[30] Сирампур — Серампур, расположен к северу от Калькутты. Автор ошибся: Серампур принадлежал Дании до 1845 г.

[31] Чинсура принадлежала голландцам до 1825 г.

[32] Язык хинди.

[33] По-видимому, имеется в виду Азим, внук Великого Могола Аурангзеба, который в конце XVII в. был наместником г. Патны (до середины XIX в. Азимабад), хотя этот город под названием Паталипутра известен еще с III в. до н.э.

[34] Автор имел в виду курми, главную крестьянскую касту Ауда, а быть может, «хурдом», что означает «простой народ».

[35] Шахчинабат (Шахджаханабад) — район столицы Индии Дели.

[36] Чума-Мечет (Джама Масджит) — соборная мечеть Дели, построенная в 1644—1658 гг.

[37] Автор имеет в виду Джамну, приток Ганга.

[38] Данибегашвили описывает Красный форт (Лал Кила), резиденцию Великих Моголов, построенную в XVII в. при императоре Шах-Джахане.

[39] Видимо, описка. Нужно Делского, т.е. Делийского.

[40] Возможно, что речь здесь идет о г. Фирузпур-Джхирка в Пенджабе, где находились руины дворца Фируз-шаха Туглака, правителя Делийского султаната в 1351—1388 гг. Но невозможно точно установить, какой город имеется в виду под «Фадифуром» у Данибегашвили.

[41] Лик — генерал Джерард Лейк, командовавший английскими войсками во вторую англо-маратхскую войну (1803—1805) при штурме Дели и Агры.

[42] Акбарша — Акбар, Джемаль-ад-дин (1542—1605) — правитель династии Великих Моголов. При нем Могольская империя достигла наибольшего могущества. Правил империей в 1566—1605 гг.

[43] Джавала-Мукхи — храм у места выхода естественного газа в округе Кангра. Название означает «рот богини», а также «вулкан».

[44] Имеется в виду столица Кашмира Сринагар.

[45] Сринагар стоит на р. Джелам, а не на р. Рави. Джелам и Рави — притоки Инда.

[46] После распада государства Великих Моголов Кашмир в 1756 г. был подчинен афганцам, а в 1819 г. его завоевали сикхи.

[47] Имеется в виду топленое масло — гхи.

[48] Автор описывает озеро Вулар в долине р. Джелам.

[49] Тибетом автор называет город Лех в Малом Тибете (в Ладакхе).

[50] При далай-ламе был кабинет министров, министры назывались калонами.

[51] Далее следует описание обратного пути через Синьцзян в Россию.

№ 21

1 декабря 1819 г. — Письмо генерал-майора А.Н.Сеславина[1] начальнику Главного штаба его императорского величества генерал-адъютанту князю П.М.Волконскому[2] о предполагаемом путешествии с целью разведки пути из Индии в Россию через Среднюю Азию[3]

Ваше сиятельство милостивый государь!

Близ полугода как я просил Вас поручить мне должность, ежели его императорскому величеству не угодно, чтоб я, скрыв мое звание, сделал путешествие от Калькутты в Ост-Индии чрез Делли, Кагор (так в тексте. — *Сост.*) в Кабул,

осмотрев берега рек Гангесса (Gange) и Инда, оттуда через Бухарию и степи в Оренбург или Солочковскую крепость, пункты, откуда должно начать наши движения, ежели бы решено было когда-нибудь предприятие на Ост-Индские английские владения. Известно, что ветры от мыса Доброй Надежды дуют постоянно полгода в одну сторону и полгода в другую; чтоб прибыть заблаговременно на мыс и избежать противных ветров, отправляются обыкновенно из Европы в октябре или ноябре, пропустив сие время, должно ожидать случая целый год. Одно место в корабле, который отправился в Калькутту из Дюнкирхена, было удержано для меня до ноября месяца. Но не быв удостоен Вашим ответом столь долгое время, я потерял прекрасный случай оказать величайшую услугу отечеству, презирая бедствия и опасности, которым я мог подвергнуться.

Предполагая, что служба моя и пламенное усердие к престолу соделались ненужными, я прошу покорно Ваше сиятельство исходатайствовать мне позволение остаться в Италии; Вы избавите меня от издержек, которые могли бы меня расстроить совершенно, возвращаясь в Россию, ибо арендатор не платит денег, отзываясь неурожаем, а при том теплый климат способствует много к остановлению кровохаркания и к излечению груди, которую я разбил при падении в ров с вала, будучи ранен насквозь при штурме Рушука[4], где я, приведя колонну Уварова[5] на назначенный пункт, первый взошел на крепостной вал. Генерал-лейтенант Уваров тому свидетель. Ежели бы Вы почли сие невозможным, увольте меня от службы, я и в том отдаюсь на волю Вашу; я не хочу занимать место другого, который имеет, может быть, более способностей, нежели я, несмотря на беспрерывные занятия мои, которые заставляли меня желать быть употребленным единственно для того, чтоб принесть плоды оных на пользу службы. Ваше сиятельство всегда были ко мне милостивы, по гроб того не забуду, скажите мне откровенно, потерял ли я милость и благосклонность Государя, это было бы для меня громовым ударом, или не находят во мне способностей, свойственных званию генерала, ибо более ничего нельзя сказать про меня, в преданности моей к Государю я буду спорить со всяким; я еще молод, могу употребить себя на другое, буду полезен самому себе, ежели я столь несчастлив, что не могу быть полезным Отечеству, тогда мне ничего не нужно, я обходился и обойдусь без большого, несмотря на то, что ограблен родною сестрою в то время, когда я, защищая земли моих прародителей, пролил много крови. Тверские губернаторы, по сие время не сделав ничего по сему делу, могли бы в другом ослабить уважение и доверенность к законам, но не во мне. Дай Бог, чтоб я ошибся в моих предположениях, ибо ничего не желаю, как только быть полезным службе и соделаться достойным той благосклонности Монарха, которою я пользовался в продолжение 22-х лет офицерской моей службы. Ежели я ошибся в моих предположениях, простите меня великодушно, сие происходит от нетерпеливого желания служить, а время проходит.

Не думайте, Ваше сиятельство, чтоб предприятие мое основано было на легкомыслии, с 1807 года, когда я принужден был оставить службу по неудовольствию, я решился предпринять путешествие в Ост-Индию, собрав наперед нужные сведения о странах, которые должен был проходить. Рассуждая часто об Англии и о причинах возвышения ее, утвердился я в той мысли, что не в Европе должно искать средство ослабить влияние Англии на твердую землю, но в Ост-Индии. Россия к ней ближе всех, одна Россия в состоянии разрушить владычество англичан в Индии и овладеть всеми источниками ее богатств и могущества. Вот что побудило меня предпринять путешествие в Ост-Индию не через Персию, ибо на коварных персиян полагаться нельзя, но через Бухарию и Кабул должно будет проходить; будущая внутренняя война в Персии за наследство[6] и неминуе-

мая война англичан с Северною Америкою[7], удвоив долг Англии до двух тысяч миллионов фунтов стерлингов, подадут нам способ исполнить наше предприятие. Три года тому назад, как наши купцы из Сибири встретились с англичанами, переодетыми в молебщиков, у источников Гангесса (Gange), которая выходит из ледяных гор Гималаиа в Багхирати или Доли. Из сего я заключаю, что ежели из Сибири и с Оренбургской линии из разных пунктов посланы будут надежные люди в направлении на Тибет, Багхирати, Кагор (так в тексте. — *Сост.*) и Делли, мы будем иметь подробное сведение о путях самых трудных для прохождения войск и неизвестных по сие время. От Делли, первая английская колония, останется 1000 верст до Калькутты, земли населенные и изобильные, следовательно удобные для прохождения войск.

Я не прежде оставил С.-Петербург, как посоветовался с Петром Петровичем Коновницыным[8], которому я открыл мое предприятие. Я просил г. Вязмитинова[9] исходатайствовать мне паспорт как простому дворянину, [он,] посоветовавшись с Вами, объявил мне, что Государь отказал в моей просьбе, это было для меня большим препятствием, и я решился через некоторое время открыть Вам мое намерение. В 1814 году, когда я сделал предложение идти с отрядом от Страсбурга в Испанию на соединение с Велингтоном[10], предприятие, которого успех зависел от тайны, было известно всей армии прежде моего отправления. Этот случай заставил меня быть осторожнее во всех моих предприятиях.

Армия, употребленная в последней войне в Индии, под командою генерала Гастинга[11], состояла из 90 000 человек, из коих 10 000 единственно европейских войск, прочие же из индийских дисциплинированных солдат (cipayes), под командою европейских офицеров. Нынешняя оборонительная линия английской земли в Индии 2500 английских миль. Всего же народа считается в Индии около 100 миллионов на пространстве одного миллиона квадратных миль. Три пятых сего многочисленного народа повинуются ныне Великобритании. Армия ее коснулась гор Тибета и открыла источники Гангесса (Gange) и Инда (Indus). В 1819 г. подробная опись регулярных и иррегулярных войск, содержимых в восточной Индии: европейской инфантерии 20 978; кавалерии 4692; артиллеристов 4583; всего 30 253 человека. Индийской инфантерии 132 815 человек; кавалерии 11 011; артиллеристов 8759; всего регулярных индийских войск (cipayes) в службе компании 152 585 чел. Всего-навсего регулярных войск 182 838 чел. Сверх того находится 24 или 25 000 иррегулярных и около 6000 инвалидов.

Ожидая ответа от Вашего сиятельства, я отправился на остров Минорику, чтоб осмотреть важнейший из портов Средиземного моря и крепость оного Магон, куда англичане после экспедиции на Алжир[12] вошли со всем флотом для починки оного. Естли Соединенные Статы Северной Америки посредством переговоров с Испаниею приобретут Флориду, англичане по сему остров Кубу[13], почему бы нам не исходатайствовать полуостров Калифорнию, который граничит с нашими владениями в Северной Америке, и остров Минорику с портом Магон; первый послужит нам к распространению торговли и доставит нам великие выгоды, последний нужен нам для укрытия наших флотов в Средиземном море и для будущих предприятий, заставляя более и более уважать наш флаг. Мы имеем право, кажется, всего от Испании, ибо мы были столь добры к ним, что уступили часть нашего флота[14]; между нами сказать, как же они нас бранят за сию драгоценную уступку, утверждая, что флот сей вовсе не годный.

Пишу Вашему сиятельству из Паламоса в Испании близ Барцелонны, куда буря заставила нас укрыться. Купеческие корабли, которые не последовали нам, погибли в наших глазах. Исправя снасти, отправляюсь в Магон и оттуда в Гибралтар.

Тоска по отечеству начинает снедать меня. Простите меня, что наскучил Вам политическими моими идеями, обещаю Вам не писать более о них. Прошу Вас удостоить меня двумя строками своеручно, я почту сие новым доказательством Вашего расположения ко мне.

Удостойте принять, сиятельный князь, уверение глубочайшего уважения и преданности, с которыми имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства всепокорнейший слуга Александр Сеславин.

1 декабря 1819 года
Паламос в Каталонии.

РГВИА, ф. 35, оп. 3, д. 1083, л. 3–6 об. Автограф.

Примечания

[1] Сеславин Александр Никитич (1780–1858) – герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор (с 1813 г.). Происходил из старинного дворянского рода Тверской губернии. После окончания 2-го кадетского корпуса в Петербурге служил в гвардейской конной артиллерии. Принимал участие в войнах с Францией 1805–1807 гг. и Турцией 1806–1812 гг. В начале Отечественной войны 1812 г. был адъютантом М.Б.Барклая де Толли, отличился в Бородинском сражении. В сентябре 1812 г. возглавил кавалерийский партизанский отряд, с которым совершал рейды по тылам французов. Отличился в сражении под Лейпцигом в 1813 г., участвовал в сражении под Парижем в 1814 г. После окончания наполеоновских войн Сеславин, оставаясь формально на военной службе, фактически не служил, путешествовал по Европе. Вернувшись в Россию, он вышел в отставку и жил в своем имении в Тверской губернии.

[2] Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – князь, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал (с 1843 г.). Начав военную службу в 1793 г. прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка, Волконский уже в 1800 г. был произведен в полковники, а со времени вступления на престол Александра I (1801 г.) был пожалован чином генерал-адъютанта и постоянно находился в ближайшем окружении императора. В 1805 г. он отличился в Аустерлицком сражении, а после Тильзитского мира провел несколько лет во Франции, изучая систему военного управления Наполеона. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг., возглавляя Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части. В 1815–1823 гг. Волконский занимал должность начальника Главного штаба. После вступления на престол Николая I Волконский был назначен министром императорского двора и уделов.

[3] Письмо А.Н.Сеславина к П.М.Волконскому было опубликовано в юбилейном издании «Столетие Военного министерства. Императорская главная квартира. История государевой свиты». Т. II, кн. 2. Приложения. СПб., 1904, с. 96–99. Одновременно это же письмо было опубликовано в периодическом издании «Русская старина», т. 117, кн. III, СПб., 1904, с. 599–602. В данном сборнике письмо публикуется по подлинному автографу, хранящемуся в РГВИА.

Проект путешествия, предложенный А.Н.Сеславиным, не получил поддержки в Петербурге, о чем свидетельствует его письмо из Парижа к генерал-адъютанту графу П.А.Толстому от 6 ноября 1821 г. В письме говорилось: «В августе 1819 г. из Марселя я просил позволения государя отправиться мне под другим именем в Калькутту и оттуда через Дели, Агру, Аллага-Бату, Лахор, Кабул, Балк, Великую Бухарию, Самарканд, Хиву, Грег, Киргизские степи в Оренбург. Путешествие сие могло бы, может быть, решить вопрос европейских политиков: может ли Россия внести оружие свое в ост-индийские английские владения, может ли она повсюду находить себе нужное продовольствие и уничтожить владычество англичан в Индии? Нельзя сказать, чтобы я не хотел быть полезным Отечеству. Я не получил ответа». (Русская старина, т. 64, СПб., 1889, с. 828–829). Как видно из этого письма, обращение к П.М.Волконскому было связано с попыткой Сеславина добиться разрешения на командировку в Индию путем личного обращения к Александру I. Письма Сеславина остались без ответа.

[4] В ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. войска под командованием М.Н.Каменского 22 июля 1810 г. предприняли штурм турецкой крепости Рушук. Штурм был отбит турками, русские войска понесли большие потери. Сеславин, находившийся в авангарде штурмовой колонны под командованием генерал-лейтенанта Ф.П.Уварова, был ранен пулей в правую руку и получил сильный ушиб груди при падении в крепостной ров.

[5] Уваров Федор Петрович (1773—1824) — герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии (с 1813 г.). Военную службу начал в 1787 г., участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг., в войне с Францией 1805—1807 гг., в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В период Отечественной войны 1812 г. командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом, отличился в Бородинском сражении. С 1813 г. состоял при Александре I, участвовал в заграничном походе русской армии 1813—1814 гг., с 1821 г. — командовал гвардейским корпусом.

[6] Предположение Сеславина о возможной междоусобной войне в Персии за шахский престол в случае смерти правившего в 1819 г. Фатх-Али-шаха было не лишено оснований. Будучи вторым шахом из Каджарской династии, утвердившейся в стране с 1796 г., Фатх-Али-шах имел многочисленное мужское потомство. Официальным наследником был объявлен второй сын шаха Аббас-мирза, но в случае смерти отца свои права на престол могли предъявить как старший сын, так и его младшие братья, занимавшие различные важные посты в государственном управлении. В действительности царствование Фатх-Али-шаха продолжалось до 1834 г.

[7] Стремление Англии подорвать усиливавшиеся в начале XIX в. экономические позиции США привело к англо-американской войне 1812—1814 гг., поводом к которой послужили захваты английским флотом американских судов. В ходе войны английскому десанту удалось захватить Вашингтон, но развить успех англичане не смогли. Гентский мирный договор 1814 г., заключенный при посредничестве России, предусматривал возвращение захваченных территорий, но не разрешал спорных вопросов, вызвавших войну. Однако затем противоречия были сглажены рядом соглашений, и новой войны не последовало.

[8] Коновницын Петр Петрович (1764—1822) — герой Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии (с 1817 г.). Военную службу начал в 1785 г., участвовал в русско-шведских войнах 1788—1790 и 1808—1809 гг. В 1812 г., командуя 3-й пехотной дивизией, отличился в сражении под Витебском, а также в Бородинском сражении, где после ранения П.И.Багратиона временно командовал 2-й армией. В дальнейшем — дежурный генерал в штабе М.И.Кутузова, командир гренадерского корпуса. В 1815—1818 гг. — военный министр, а с 1819 г. — член Государственного совета, начальник военно-учебных заведений, главный директор Пажеского и других кадетских корпусов и Царскосельского лицея.

[9] Вязмитинов Сергей Кузьмич (1744—1819) — генерал от инфантерии (с 1798 г.). Участник русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. С 1796 г. — оренбургский губернатор и командующий Оренбургским корпусом. При Павле I в 1799 г. вышел в отставку, но в 1801 г. вновь вызван на службу. Был назначен вице-президентом Военной коллегии, а с образованием министерства в 1802 г. — военным министром. В 1805 г. в отсутствие Александра I исполнял обязанности главнокомандующего в Петербурге. С 1811 г. — член Государственного совета, а с 1812 г. — председатель Комитета министров. С 1816 г. — военный губернатор Петербурга.

[10] К концу 1813 г. русские и союзнические войска завершили освобождение Германии от наполеоновских войск и вышли на берега Рейна. Одновременно английские войска под командованием Веллингтона вытеснили французов из Испании и готовились перейти в наступление со стороны Пиренеев. Войска союзников, наступая с севера к Лиону и с юга на Тулузу, стремились к соединению. Это, очевидно, имел в виду А.Н.Сеславин, когда предлагал возглавить отряд, который мог бы обеспечить такое соединение. В действительности этого не потребовалось, так как уже в марте 1814 г. был взят Париж и война закончилась.

[11] Хейстингс Френсис Роудом, маркиз, граф Мойра (1754—1826), английский государственный и военный деятель, в 1813—1823 гг. — генерал-губернатор Индии, выиграл англо-непальскую войну (1814—1816) и присоединил Центральную Индию к владениям Ост-Индской компании, покорив маратхов. Последней войной англичан в Индии, ко времени написания письма Сеславина, была 3-я англо-маратхская война 1817—1818 гг., в результате которой в подчинение Англии перешла значительная часть Западной Индии.

[12] В 1816 г. соединенным англо-голландским флотом была предпринята экспедиция к берегам Алжира с целью пресечения пиратства на Средиземном море. Пиратство у берегов Алжира, однако, не прекратилось, и в 1819 и 1824 гг. последовали новые французские и английские экспедиции.

[13] В 1819 г. США, захватив Флориду, вынудили затем Испанию в ходе переговоров признать эту аннексию. Переговоры Англии и Испании по поводу Кубы были безрезультатными, и остров остался в испанском владении.

[14] В работе Ф.Ф.Веселаго «Список русских военных судов с 1668 по 1860 год» (СПб., 1872) значится 10 военно-морских судов Балтийского флота, переданных контр-адмиралом А.В.фон Моллером в 1818 г. испанскому правительству.

№ 22

5 ноября 1824 г. — Письмо председателя Совета Директоров Ост-Индской компании[1] российскому императору Александру I о преподнесении ему книги короля Ауда[2]

Его превосходительство король Ауда представил в распоряжение Ост-Индской компании несколько экземпляров персидского словаря, собственноручно им составленного и озаглавленного «Семь морей». Председатель и вице-председатель от имени Совета Директоров имеют честь просить Его Превосходительство князя Ливена[3] милостиво соизволить ходатайствовать перед Его Величеством императором России принять приложенную при сем книгу от имени короля Ауда[4].

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—13, оп. 10, 1824, д. 2, л. 2. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

Примечания

[1] Ост-Индская компания английская (1600—1858) — купеческая организация для торговли с Ост-Индией. Со 2-й половины XVII в. получила ряд государственных прерогатив по управлению захваченными территориями. К середине XVIII в., оттеснив своих соперников португальцев, французов и голландцев, стала единолично управлять этой колонией, захватывая все новые земли и присоединяя их к своим владениям. Ост-Индская компания фактически превратилась в государство, взимающее земельный налог, имеющее свою армию, администрацию и судопроизводство. В XIX в. Компания управлялась Советом директоров, находившимся в Лондоне. С конца XVIII в. началось постепенное ограничение прав Компании английским парламентом, завершившееся в 1858 г. ее ликвидацией.

[2] Правителем княжества Ауд в 1814—1827 гг. был Гияс-уд-дин Хайдар-хан, который выпустил персидский словарь вместе с грамматикой «Хафт кулзум» (Лакхнау, 1821—1822).

[3] Ливен Христофор Андреевич (1774 или 1777—1838), князь, генерал от кавалерии, в 1812—1834 гг. посол в Великобритании, имел большое влияние в высших политических сферах Англии, с 1834 г. — член Государственного совета.

[4] На письме аналогичного содержания на французском языке от 29 января 1825 г. рукою Александра I написано: «Быть по сему». — АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II—12, оп. 50, 1825, д. 3, л. 2.

В настоящее время эта книга хранится в библиотеке СПбФ ИВ РАН. Второй экземпляр этого словаря через министра иностранных дел графа К.В.Нессельроде был послан в дар Санкт-Петербургскому университету. — АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—13, оп. 10, 1824, д. 2, л. 4 об.

№ 23

1832 г. — Из путевых записок Аветика Карбеци Цагикяна[1] о его путешествии в Индию

Путевые записки о путешествии духовного лица, вардапета Аветика Арутюняна Карбеци, иеромонаха святого Эчмиадзина[2], служителя высокочтимого владыки покойного архиепископа Хачатура[3], верховного апостольского представителя в страну Индию. Написано тем же иеромонахом

во время патриаршества святейшего и богоизбранного
Его Святейшества Praise Ованеса[4], католикоса всех армян,
находящегося на престоле святого Эчмиадзина

Предисловие

Верховный патриарх апостольской церкви святейший католикос всех армян Ованес приказал архиепископу Хачатуру как представителю святого Эчмиадзина смиренно посетить страну Индию, служить духовному делу, познакомиться с бытом страны, описать местности и постройки, их обычаи и нравы, а также и других народов, которые встретятся на пути, что может принести пользу, рассказать им о нас. Поскольку я должен был изучать характер и нравы людей, данные им от природы, и думал иметь сведения о тех или иных особенностях дальних стран, знать быт и состояние удивительной страны с множеством великолепных творений, которые имеются в ней, и различные создания людей, постичь, как процветали их мысль и деяния, которые воплощались в плодах культур и искусств, видя в божьем Промысле великолепие и красоту, и возвеличивая Творца, и вознося Ему хвалу во веки веков.

Слуга Господа Аветис вардапет Арутюнян Цагикян Карбеци.

Мы вышли из Престола святого Эчмиадзина 15 июля 1832 г. н.э. и направились в страну Индию как официальное представительство...[5]

Мы находились месяц в Бушере, когда нам удалось выехать оттуда 18 марта 1833 г. на судне «Диаскори» в индийский город Бомбей. Нас провожали на пароход Тер Карапет Григорян Джугаеци и многие другие. На корабле мы испытали много затруднений из-за морской болезни, и многих там оставили в безнадежном состоянии, по причине быстроходности корабля. Особенно из-за качки на море много дней ничего не хотелось есть, даже хлеб. После этого последовали умеренные ветры, мы удачно плыли и прибыли на место близ Бомбея; в это время здесь был установлен карантин в связи с чумой, которая имела место в Бушире, называемом Бушир Айленд. По приказу таможенного начальника нас задержали на 15 дней. Мы претерпели большие трудности, нас подвергли карантину и очень строго охраняли из-за боязни распространения заразы. Каждый день к заходу солнца государственная охрана закрывала ворота, а к восходу солнца ворота открывались.

Строение, в котором мы жили, находилось на одном острове, где было много огромных крыс и различных ядовитых пресмыкающихся, которые нас очень беспокоили, так до вечера, пока мы не засыпали. В полдень нас мучил зной, что создавало нам немало трудностей. Таким образом мы провели 15 дней, пока армяне Бомбея не поднялись на наш корабль, и в сопровождении двух из них мы пошли в город. В Бомбее 27 апреля 1833 г. мы посетили армянскую церковь и находились там при освящении святого мира, олицетворяющего общность армянского народа. Исполняя духовные песни, мы вошли в церковь, возложили на алтарь святое миро и приветствовали всех согласно обычаю епископа, при этом все присутствовавшие встали.

Наше кратковременное знакомство дало мне право дать описание Бомбея, который находится на маленьком острове, где был построен город, обнесенный очень крепкой и красивой каменной стеной и траншеями, на башнях размещены пушки по образцу европейских крепостей. В городе имелось много великолепных и красивых построек, а также богатые лавки и магазины купцов. Жители — огнепоклонники-парсы и другие азиатские народы и британцы, особенно много мусульман.

Армянских семейств здесь насчитывается 5–6 домов (раньше имелось 15 и более семейств); члены семейств работали писарями и письмоносцами. Имелась маленькая и красивая церковь имени святых апостолов Петра и Павла, епархиальным начальником которой был один священник, получавший за свое пастырство ежемесячно 60 рупий. Таким же образом оплачивает священнику община Сурата, в которой не было наших соотечественников[6], за исключением нескольких семейств. Рядом с армянской церковью находилась церковь латинян[7]. Вне города находилась зеленая лужайка, которая была местом гуляний горожан, где в вечернее время ездят экипажи. Гуляющие отделены изгородью от дороги, по которой ездят экипажи и всадники. Город имеет место для постройки кораблей, которое называется Зоной (Готи), размещенное на берегу моря, стены и пол вырыты в земле, обложены камнем, а каменные ряды местами закреплены свинцом. В городе строят многочисленные большие и красивые корабли, пользующиеся спросом. В месте строительства кораблей есть машина для выкачки воды посредством орудий, извергающих огонь и дым, очень хитроумных и красивых, в течение нескольких часов выкачивается большое количество имевшейся воды, благодаря этому огромные корабли здесь ремонтируются.

Этот остров неплодородный, из-за отсутствия хорошей земли может произрастать лишь несколько видов плодов, которые имеются только в стране индусов, но не имеются в нашей стране, т.е. амб, ананас, паплмас, кила, эмрут[8] и др., которые по сравнению с нашими плодами очень низкого качества во всех отношениях, кроме амба. Погода делится только на дождливую и сухую. Дождливый сезон начинается в середине июня месяца и продолжается до октября, и дождь идет очень обильно, почти день и ночь, с перерывом в один час, и это приводит к чрезвычайной влажности.

Много можно сказать о городе Бомбее, и хотя следовало бы писать о различных сторонах политического управления, о порядках и торговле, установленных мудрым правлением англичан, однако распространение нашей религии не дает нам полной возможности бывать всюду и дружить с видными деятелями, чтобы узнать от них наиболее достоверное и важное.

Исполнив поручение святейшего Владыки[9] нашего, в качестве нунция по передаче мира[10], 5 августа выехал на корабле «Аршафиликс» из Бомбея в Калькутту. Мы страдали от морской болезни, в особенности мой престарелый духовный отец, который почти восемь дней ничего не ел, только пил чай, и то от случая к случаю. Но благорасположение капитана корабля давало нам утешение в наших горестях, ибо он был человеком общительным и очень добрым, имя его по-английски капитан Ут. После 28 дней приятного плавания прибыли к устью реки Ганг. При приближении кораблей к реке поднимаются на корабль начальники (которых англичане называют пилотами), чтобы провести корабль к стоянке города. Они проводят его во время приливов, минуя песчаные мели, которых там очень много и о существовании которых не знают капитаны кораблей, ибо надо знать время прилива и отлива вод реки, чтобы вести корабль во время полноводия реки.

Во время прохождения корабля по реке перед пассажирами раскрываются многочисленные красоты природы и жилищ горожан.

На обоих берегах реки имеются многочисленные деревья и огромные зеленые поля риса и бобовых культур, по берегам реки пасутся многочисленные стада различных пород коров, а крестьяне и рыбаки, вернувшись из плавания, получают здесь настоящую радость.

Эта река широка, и по ней проходят многочисленные большие корабли и подходят к городу. В период южных ветров корабли легко проплывают к нему в

течение двух или трех дней. Но в период северных ветров корабли замедляют движение вплоть до семи или восьми дней, после этого доходят до города, из-за пронизывающего ветра корабли почти не могут плыть. Вода в реке всегда мутная, подобно рекам нашей страны во время паводка, и очень грязная, поскольку идолопоклонники индусы своих мертвых не хоронят, а бросают в реку, тем самым еще более загрязняется река, поэтому чужестранец не пьет воду из реки, а индусы ее пьют даже с гордостью, а реке они поклоняются и оказывают ей почет, считая ее вторым творцом.

Примерно на расстоянии десяти миль от города на берегу реки имеется большое строение, которое является фабрикой тканей, построенной английскими архитекторами, где ткут огненного цвета ткань. Эту фабрику мы не смогли осмотреть, потому что управляющего там не было, он уехал в город, а без его приказа никому не разрешалось туда проникнуть.

Пока наш корабль стоял на якоре напротив фабрики, из города прибыли на лодке наши соотечественники из Калькутты и пригласили святейшего архиепископа в город. И ими были: Тер Арутюн Егян[11], архиерей, владыка Ованнес Тер-Аветисян и владыка Карапет Григорян[12]. Их приход доставил нам подлинную радость, и они, войдя на наш корабль, после почтительного приветствия пригласили почтенного архиепископа остановиться в городе. И мы все, войдя в лодку, всю ночь плыли по реке и на рассвете прибыли в порт знаменитого города Калькутта (это было 6 сентября 1833 г.). Бросили якорь нашей лодки недалеко от места, которое называется Армянским портом.

После прибытия нашего корабля в город архиерей церкви, преподобный владыка Арутюн Егян, имея в руках послание католикоса, ознакомил армянскую общину с нижеследующим текстом:

«С помощью Бога, жизнестойкий армянский народ проживает и здесь, в Калькутте.

Да будет известно нащим почтенным и любимым о том, что преподобный святейший архиепископ Тер Хачатур, новопосланный нвирак святого Престола Эчмиадзина, здоровым прибыл сюда, на пристань столицы совместно со сопровождающими его служителями. Его преосвященство спустился сегодня на сушу; вечером в 5 часов мы его приняли, согласно национальному обычаю, с надлежащим уважением в обители, построенной святой церковью, в упомянутый час приняли с уважением и с молитвами Его высокое преосвященство.

Остаюсь с уважением и почтением
Вашими молитвами Владыка Арутюн Егян архиерей.
Калькутта, 4 сентября 1833.
Обитель священника».

На основании приведенного послания собрались все наши соотечественники и многие из других национальностей на берегу реки, где находилось наше судно, и [мы] были приглашены вместе с церковными служителями спуститься на берег; архиерей был одет в ризу по его сану. С семью священниками и святым миром в руках, которое находилось в серебряной посуде, поющие духовные лица прошли по берегу реки в армянскую церковь, где находились группы наших соотечественников — мужчин и женщин. Освящение церкви было завершено, как только поставили святое миро на стол. После этого народ разошелся по домам.

Теперь я хочу дать описание чудесного города Калькутты. Но прежде чем приступить к этому, я должен сказать, что мы, будучи священнослужителями, не имели возможности везде бывать и познакомиться со всеми. Калькутта очень большой и густонаселенный город, расположенный на восточной стороне реки

Ганга, на расстоянии 300 миль от устья этой реки. Дома города, которые населены англичанами, красивы и очень высоки. Большинство из них трехэтажные, а некоторые четырехэтажные и построены по европейскому образцу. Имеется много прекрасных зданий, среди которых самое большое и главное — дворец градоначальника[13], который добротно построен, широко раскинут и имеет крестообразную форму. Над большим залом имеется купол, на котором находится скульптура мужчины-гиганта, которого называют Британия, по имени острова Великобритания, который и есть Англия. Имеются также четыре большие двери, у которых находятся четыре скульптуры львов. Англичане имеют много церквей и ряд мест для проведения собраний. Имеют много больших зданий — школ — и Академию наук, а также училища, где обучают свободным ремеслам.

В городе имеются тысячи лавок, разные фабрики, наиболее важные из них две: первая фабрика — мукомольная, а вторая — монетный двор, который на их языке называют Танк-сал.

Первая фабрика — пятиэтажное здание, в котором посредством парового двигателя доставляется пшеница наверх, просеивается, очищается от мусора, молотится, потом отделяются отруби и разделяется мука грубого помола от мелкого. Говорят, что за четыре часа двадцать четыре жернова молотят тысяч двести калькуттских литров пшеницы.

Вторая фабрика — монетная, в которой плавится серебро, затем с помощью парового устройства прокатывается лист до толщины монеты, штампуется монета в виде кружка, а в другом помещении чеканят на одной стороне монеты портрет британского короля, а на другой — ее вес и выпускают монету. На нее покупают всякие товары.

Недалеко от западной стороны реки на возвышении находится постройка, которую называют таможней.

Крепость, в которой пребывают английские войска, находится в южной стороне города Калькутты, на берегу Ганга; она очень хорошо защищена, имея вокруг три стены и три рва и множество больших пушек вдоль стен. В ней живут только солдаты и офицеры, имеются большие и красивые строения — двухэтажные, а также новопостроенная в 1833 г. церковь для войск, названная именем святого Петра. Ворота крепости очень крепкие и хорошо охраняются, в два рва постоянно течет вода из реки Ганг. Напротив больших ворот этой крепости установлена большая и высокая колонна, на которой был укреплен специальный символ королевской власти.

Порт города находится на реке Ганг, которая протекает вдоль города, в нем всегда находятся сотни больших и маленьких кораблей, которые издалека от множества мачт напоминают лес.

Местное население города — индийцы-язычники, которых здесь очень много, а также большое количество мусульман. Язычники имеют свои многочисленные суеверные ритуалы и праздники, которые они отмечают большими торжествами, на это время закрываются государственные предприятия, так как отсутствует рабочая сила, большинство которой индийцы. Они разделены на множество племен, не едят мясо, за исключением тех дней, когда производят жертвоприношения, не пьют вина. Некоторые из этих племен своих покойников сжигают, а другие бросают в реку Ганг, почти даже не сжигая. Каждый день они протирают себя растительным маслом и каждое утро купаются в реке, считая это очищением души и тела от всякой грязи. Кроме покрывала не имеют другой одежды. Есть еще и такие, которые одевают и другую разнообразную одежду. Они миролюбивы и скромны, очень бедны и бездомны. Имеют огромные языческие капища, которых множество, и они расположены как в деревнях, так и на

дорогах. Их жрецы одевают серую одежду, другие только покрывало. Живут они за счет пожертвований. Их лица уродливы, противно даже смотреть. Многие из них с ног до головы покрыты пеплом, совсем не имеют одежды из ткани, а только из меха барана или диких зверей. И их называют аскетами — жрецами, что на их языке означает браман.

Женщины индийцев, особенно высокопоставленных, не выходят из дома, если же по какой-либо причине встречаются на площади или на дороге, то они держатся скромно и благопристойно. В настоящее время в городе имеются 60 домов армян[14]. Они все потомки выходцев из Новой Джульфы[15], многие из них 200 лет тому назад из-за притеснений бессовестных и не соблюдающих закон персов, а другие в связи со своими торговыми интересами оставили свою родную землю и дома, переселились сюда, и некоторые из них очень обогатились и сверхобогатились, обосновавшись здесь. Но в настоящее время они не в прежнем расцвете, так как торговлю индусов захватили европейцы, особенно англичане, по всей стране собирают налоги, со всех индийских хозяев и торговцев, за исключением немногих, к ним близких. Поэтому многие из армян работают писцами у британцев, тем самым обеспечивают себе жизнь. Другая часть армян занимается торговлей.

Наш народ в настоящее время, в своем большинстве, и мужчины и женщины носят европейскую одежду и все почти отлично знают язык и письменность англичан. Многие из наших соотечественников очень гостеприимны. Старых людей, особенно высокопоставленных, в настоящее время очень мало.

Наши соотечественники стараются в первую очередь изучать письменность британцев, а потом армянский язык, о чем я немало сожалею.

Имеется церковь[16], названная именем Назарета, построенная неким Ага Назаром[17], почившим в 1724 г. В настоящее время церковь изнутри украшена серебряными светильниками и большими люстрами, золотыми и серебряными сосудами. Рядом с западной дверью храма построена и колокольня — великолепная и высокая, наподобие соборной церкви, выстроенная неким благочестивым Мануэлом Хазармаляном[18].

После постройки никаких изменений не было, но по истечении некоторого времени почивший во Господе Ага Хачик Аракелян[19] украсил церковь как изнутри, так и снаружи и построил великолепное двухэтажное здание для проживания священников. Также были сооружены стены вокруг церкви с тремя большими вратами, из которых первая — большая дверь на западной стороне, названная дверь Воскресения, на внешней стороне ее на медном листе золотыми буквами было написано:

Святой Назарет, мать наша милосердная,
Объятья твои раскрыты,
И щедро ты кормишь грудью младенца
Своим молоком, святая благодать.

В колокольне были установлены в память Ага Хачика Аракеляна его сыном Ага Мовсесом большие часы, подаренные королем. Ага Мовсес после смерти своего отца уделял внимание реставрации церкви святого Назарета, как об этом свидетельствуют многие.

В наше время собрание общины решило внутри церкви на стене сделать надпись золотыми буквами на черном мраморе с благодарностью Ага Хачику Аракеляну.

Церковь Назарета имеет три больших престола: первый — в честь Воскресения Христа, второй — в честь христовых Апостолов, третья — в честь патриар-

хов. Здесь всегда находится два или три священника из Новой Джульфы, которые живут за счет пожертвований прихожан.

Церковь имеет много собственного имущества, например, дома, лавки, с которых получает месячный доход, сдавая их в аренду. У нее солидная сумма денег, и касса святой церкви выдает денежные пособия нашим соотечественникам — беднякам, а также и иногородним христианам.

Армяне имеют отдельное кладбище на окраине города, отгороженное стеной, со своим сторожем.

Для блага хозяйства вся община[20] на собрании избирает, из числа богатых и известных, пятерых мужчин, которые и являются членами правления церкви, они заменяют друг друга год за годом по очереди, т.е. первый, второй, третий и так до пятого. Первого называют церковником, т.е. мутавели. К окончанию срока избрания первого на его место следует второй, если первый отказывается, то вместо него избирают нового человека, и так один следует за другим. Выборы происходят всеобщие на национальном собрании во дворе церкви[21].

Армяне имеют училище, которое называется Гуманитарной Академией, так как она построена на средства гуманных патриотов-армян в 1821 г. И многие из богатых наших соотечественников и в завещаниях, и при своей жизни передавали деньги для содержания училища, доход с которых предназначается на оплату двух основных учителей — армянского и английского языков, которые учат детей только этим двум языкам. Принимают также бесплатно в ограниченном количестве детей бедняков. Мы были свидетелями экзамена учеников училища. Их было 60, большинство из них были армянские дети, а несколько — индийцы. Имя учителя армянского языка — Ованнес Авталян[22], он был человеком благонравным и рассудительным.

Училище имеет правление, напоминающее церковное, о котором мы выше упоминали, а также библиотеку[23], в которой находятся ценные древние книги и рукописи на армянском языке, а также и на других языках.

В этом училище находится частная армянская типография, которая для печатания книг пользуется доходами училища.

Армяне имеют и богадельню, которая была завещана одним армянином, где наши соотечественники, а иногда и другие христиане находили себе приют, на дверях которой написано золотыми буквами:

Эта богадельня для рода армянского,
И возведены эти многоэтажные дома
В память супруга, связанную со сладостными
воспоминаниями.
Память о нем вечна
И достойна доброй зависти людской.
Слава нашим предкам, любвеобильным и гостеприимным
В год Р.Х. 1826.

Наши армяне имеют красивую баню близ церкви, и прихожане решили каждую пятницу помогать священникам наводить в ней чистоту.

Торговля в городе сравнительно с прошлыми годами уменьшилась, и для ее возрождения ее расширили на европейцев других стран. Постепенно торговля охватила все части света; а в настоящее время большие корабли везут бесчисленное количество разного рода товаров для продажи в течение всего года, в особенности в такие месяцы, как ноябрь, декабрь и январь: корабли, как огромная стая трудолюбивых пчел, курсировали, вывозя свои товары, а взамен ввозили то, что производила та или иная страна.

Город имеет заведения для различного рода бытовых услуг, а также всякие изделия и антикварные работы представителей мудрых народов Европы, о которых я не буду говорить, потому что об этом в какой-то степени написано и удовлетворяет читателя.

После окончания всех дел, связанных с нвиракством, он, преосвященный владыка, пожелал меня, недостойного, рукоположить в сан священника, что произошло 17 января 1834 г. в городе Калькутте.

Через 40 дней 12 февраля мы вышли в путь и направились в Дакку[24]. Отправившись на лодке по реке Андрбанд, мы достигли реки Ганг; к северу, на расстоянии около одной мили от города Калькутты, бросили якорь, ожидая прилива воды. Близ крепости Калькутта находился красивый хорошо построенный железный мост над рекой, по которой мы плыли. Отсюда мы плыли около двух дней; на обоих берегах реки Ганг было большое количество поселений, жилища в которых были построены из ветвей деревьев. Только через четыре дня дошли до реки, называемой Андбанд. По дороге нам встретились три маленьких моста и большой, скрепленный железными цепями. Через четырнадцать дней мы доплыли до очень красивого поселка Брисал. Он расположен в хорошем месте на берегу, поэтому англичане все время там что-нибудь строят. Мы остановились здесь на два часа и далее направились к городу Дакка.

На нашем пути встречались различных видов красивые птицы, а также множество разных цветов, высоких, как деревья в лесу. Имелись и разные постройки красивых храмов, а также рисовые поля и разные сорта бобовых растений. На всем пути встречались нам всякие продовольственные товары, кроме хлеба, который имелся только в некоторых местах и в небольшом количестве. Во время этого путешествия надо было быть очень осторожным в пользовании водой, так как вода реки соленая от смешения с морской. Через 18 дней — 20 марта — мы приехали в город Дакку. Узнав о нашем приезде, местные армяне пришли к нам со священником, а также с епископом Погосом[25] из святого Эчмиадзина; после приветствия нас проводили до армянской церкви, где под пение шаракана и звон колоколов святое миро возложили на престол, и мы остались там.

Несколько слов скажу о городе. Город Дакка построен на восточном берегу Ганга, вода которого здесь более чистая, чем в других местах; и все жители отсюда берут воду.

Город не обнесен стеной, хотя раньше она была; после овладения этим городом британцами стены его были полностью разрушены, так что видно место, где раньше были большие ворота. Они около зданий на большой площади, называемой просто Гок. На ней идет торговля. В середине площади стоит очень большая пушка, оставшаяся с давних времен.

В городе имеется много великолепных зданий, принадлежащих как англичанам, армянам, мусульманам, так и другим национальностям.

Есть здесь и много мусульманских мечетей — благоустроенных и разрушенных. Город с древних времен до времени могольских властителей был местопребыванием царей и столицей области Бенгалии. Город густо заселен, и население в своем большинстве состоит из мусульман и язычников, некоторые из них очень богатые и владеют обширными поместьями, от которых ежегодно получают большие доходы.

Англичане имеют в нем одну маленькую церковь с колокольней, на которой установлены большие часы. Находится там и небольшое войско англичан, а также городской гражданский суд.

В городе имеются 16 домов, принадлежащих лицам греческой нации. Находится здесь и одна церковь, которая является уникальной постройкой, в ней висит портрет Марии Магдалины, нарисованный с большим искусством на толстом стекле.

В настоящее время в Дакке 15 домов, владельцы которых наши соотечественники, раньше их было больше и они были богаче и имели более крупные поместья.

В настоящее время их потомки живут менее зажиточно, далеко не пышно, их возможности ограничены, средств хватает только на одежду и питание. Я увидел великолепные дома моих предков разрушенными, а многие из них в руках инородцев. Это меня опечалило.

Армяне имеют одну церковь св. Воскресения, которая была построена в 1781 г. и имеет колокольню, а также много золотых и серебряных сосудов, разные украшения и одежду, подаренные благочестивыми предками. Церковь расположена в саду, в котором растут разные деревья и цветы, за которыми ухаживает священник епархии.

За городом раскинулась большая долина, где происходят гуляния местных жителей, и по вечерам на эти гуляния приходят европейцы.

Через шесть месяцев, завершая нвиракскую деятельность, мы на маленьком судне отправились в Калькутту и через 20 дней остановились в местности, называемой Чичра[26], где расположен маленький городок, находящийся на расстоянии пяти или шести часов плавания от Калькутты. Он находится на северном берегу реки Ганг. Здесь мы оставались пятнадцать дней.

Городок Чичра раньше находился под властью голландцев, а в настоящее время — англичан, преимущественно военных, которых притягивает очень чистый воздух этой местности. Они живут там в больших домах, где находятся квартиры военных, офицеров и имеется также англиканская церковь, находящаяся вместе с колокольней на берегу реки. (На колокольне установлены часы.) Здесь же имеется крепость; местное население живет в простых домах — низких и маленьких; а сама местность малонаселенная, поэтому по сравнению с прошлым в настоящее время торговли нет.

В прежние времена армяне строили много домов, кроме того, была построена великолепная церковь святого Ованнеса, год постройки которой высечен золотыми буквами на двери на западной стороне — 1695 год. Также прекрасна и высокая колокольня, которая была недавно построена, а на черном мраморе была сделана золотыми буквами следующая надпись:

«Эта новая колокольня, первый камень для постройки которой был заложен рукою уважаемого местного главы общины господина Даниэля Антона Оврамбека 5 марта 1822 г. н.э., воздвигнута благочестивой г-жой Софьей Симеон Панос Баграмян в память покойного мужа г-на Симона Панос Баграмяна».

В этой церкви мы видели на стенах церковные повеления.

Местные наши соотечественники имели здесь два дома. В этой местности также имеется священник, для которого доставляло удовольствие вносить ежегодное подношение казначею армянской церкви в Калькутте. Эта церковь находилась под опекой калькуттской армянской церкви. 18 октября священник армянской церкви в Чичре направился в Калькутту.

Заканчивая все наши дела, связанные с нвиракством в Калькутте, мы 12 декабря 1834 г. на судне «Корнуэл» направились к городу Мадрасу и с Божьей помощью через 16 дней приплыли в декабре почти вовремя, но претерпели трудности, попав в шторм и мучаясь от морской болезни. Прежде чем судну бросить якорь и пристать к пристани, мы узнали из дневника британцев о при-

бытии наших соотечественников. Наши соотечественники — это были г-да Григор Манук Аствацатурян и Ованнес Арутюн Тадевосян, прибывшие к нам в двух лодках. После теплых приветствий через полчаса нас пригласили сесть в лодки, и мы, взяв вещи, в сопровождении прислуги, достигли берега, где увидели собравшихся на встречу с нами соотечественников. Среди встречающих преосвященного нвирака был епархиальный начальник владыка Степаннос и священник Арутюн. Нас препроводили в армянскую церковь, где собрались прихожане армяне, и мы, сопровождаемые пением шаракана и под звон колоколов, вошли в церковь и возложили святое миро на престол, и после произнесения молитвы мы попрощались с каждым из присутствующих...

«Вестник Матенадарана», 1969, № 9, с. 352, 372–383. Подготовлен к опубликованию текст на грабаре (древнеармянском языке) Р.Абрамян и П.Антабян. Перевод с древнеармянского яз. сделан канд. ист. наук Л.Х.Тер-Мкртичян.

Примечания

[1] Аветик Карбеци Цагикян — армянский монах из селения Карби (в настоящее время Аштаракский р-н Армении), сопровождавший нунция Ованеса VIII (1831–1842), архиепископа Хачатура с 15 июля 1832 по декабрь 1834 г. в путешествии по Ирану и Индии.

[2] Эчмиадзин — монастырь в Армении, центр армяно-григорианской церкви и резиденция католикоса.

[3] Хачатур, архиепископ, член Эчмиадзинской конгрегации, был послан католикосом Ованесом (см. ниже) в качестве нвирака (нунция) в Иран и Индию.

[4] Ованес VIII, католикос всех армян в 1831–1842 гг.

[5] Опущена часть записок с описанием путешествия в Иран.

[6] В 1669 г. английская Ост-Индская компания заключила договор с купцами армяно-индийской общины, во главе которой стоял Панос Калантар. Согласно этому договору Ост-Индская компания обязалась помогать строить церкви и платить армянским священникам, если они будут сотрудничать с Компанией.

[7] Имеется в виду католическая церковь.

[8] Амб, от хинди «ам» — манго; паплмас, от хинди «папита» — папайя, плод дынного дерева; кила, от хинди «кела» — банан; эмрут, хинди — гуайява.

[9] Имеется в виду католикос Ованес VIII.

[10] Передача мира, состава, употребляемого при христианских таинствах, — большой церковный праздник у армян.

[11] Тер-Арутюн Егян — духовный пастырь церкви св. Назарета в Калькутте в 1829–1839 гг.

[12] Других сведений об этих духовных лицах, кроме данных Аветика Карбеци, не имеется.

[13] По-видимому, имеется в виду не градоначальник — достаточно мелкий чиновник, а генерал-губернатор — глава администрации английской Ост-Индской компании в Индии, чья резиденция находилась в столице — Калькутте.

[14] По другим данным, армянских семейств в Калькутте в это же время насчитывалось до 150 (данные по списку другого нвирака из Эчмиадзина, посетившего Индию).

[15] Новая Джульфа — город в Персии, основанный в начале XVII в., населенный главным образом армянами, многие из которых впоследствии переселились в Индию и другие страны Востока.

[16] Эта церковь была построена на деньги армянского купца Ага Назара и называлась св. Ованнес Карапет. В настоящее время она известна как церковь Назарета.

[17] Ага Назар — один из видных деятелей армяно-индийской колонии Калькутты, богатый коммерсант.

[18] Манвел (Мануэл) Хазармалян — представитель армяно-индийской колонии, коммерсант и благотворитель.

[19] Хачик Аракелян — выходец из Новой Джульфы, один из влиятельных представителей армяно-индийской общины XVIII в. Проводил большую благотворительную деятельность, в особенности в области строительства.

[20] Имеется в виду армянская община.

[21] Правление армянской церкви в Калькутте состояло из 7 светских лиц и 4 священников. Все вопросы внутренней жизни армянской общины решались членами этого правления.

[22] Ованнес Авталян — выходец из Шираза, в 25 лет переехал в Индию. Обосновался в Калькутте, стал преподавателем армянского училища.

[23] Речь идет о библиотеке училища, называемой «Араратская». В ней хранились книги и рукописи на армянском языке. В настоящее время от нее почти ничего не осталось.

[24] Армяне поселились в Дакке еще с 1710 г. В 1917 г., по свидетельству архиепископа Гушакяна, здесь было 39 армянских домов.

[25] Епископ Погос был ранее послан в качестве нвирака от Эчмиадзина в Индию. Более трех лет он находился в Индии, а также был и в армянских общинах соседних стран.

[26] Чичра — прежде называлась Чинсуран, большой торговый город на реке Хугли. Армяне были знакомы с Чичрой намного раньше англичан. Еще в начале XVII века здесь была создана армянская община. Построенная там в 1695 г. церковь — памятник архитектуры.

№ 24—28

18 января 1838 г. — 7 ноября 1839 г. — Документы о составлении описания Северо-Западной Индии по расспросам иностранцев

№ 24

18 января 1838 г. — Рапорт штабс-капитана В.И.Мочульского[1] исполняющему должность начальника штаба Кавказского отдельного корпуса генерал-майору фон дер Ховену Х.Х.[2] о составлении описания Индии

В 1834 году высшему начальству угодно было поручить мне составление общего описания Афганистана и земель внутренней Азии, что я впоследствии имел честь представить. В 1835 году по случаю нахождения в Тифлисе афганцев[3] я подал мнение о пользе, которая может произойти от принятия владений внутренней Азии под покровительство России, а потом представил я рассуждение о возможности распространения торговли России на восток[4]. В том же году я имел поручение заниматься с прибывшим сюда лахорским полковником (потом майором нашей службы) Мевиусом[5], и по возвращении моем из заграницы в прошлом году Вашему превосходительству угодно было возложить на меня составление описания Западного Индейского полуострова. Следствием сего поручения суть представляемые при сем: некоторые замечания об Западном Индейском полуострове, служащих пояснением карты Индии, составленной при здешнем корпусе[6]. При составлении сих замечаний я руководствовался сведениями об Индии, имеющимися при здешнем корпусе, сведениями, доставленными мне здешним жителем господином Тергукасовым[7] и некоторыми другими, которые я успел собрать в течение трех лет. Книгами и сочинениями разных путешественников я пользовался только сравнительно и, не повторяя подробностей в них заключенных, только на оные ссылаюсь. Представляемые замечания не могли быть столь точны, как бы того требовало статистическое описание, но и в том виде, как оно

суть, я смею льстить надеждою, что они смогут соделаться полезными на случай дальнейших видов нашего правительства.

Генерального штаба штабс капитан Мочульский.

г. Тифлис

ОПИ ГИМ, ф. 6, д. 66, л. 25—27. Автограф.

№ 25

26 марта 1838 г. — Сопроводительная записка к докладу В.И.Мочульского о Северо-Западной Индии

Директор канцелярии военного министерства по приказанию министра[8], препровождая при сем к его превосходительству Федору Федоровичу[9] три отношения генерал-адъютанта барона Розена[10]: 1. от 27 минувшего января за № 313 о сообщениях, устроенных в его управлении по Закавказскому краю; 2. от 10 февраля за № 159 о съемках, произведенных там с 1831 г.; от того же числа за № 145 о трудах штабс-капитана Мочульского по собранию разных сведений и составлению описания Западного Индейского полуострова, имеет честь уведомить, что графу Александру Ивановичу[11] угодно, дабы по получении ожидаемых от генерал-адъютанта барона Розена карт и описаний составлены были по сим предметам подробные доклады в департ[аменте] Генер[ального] штаба, с нужными справками и соображениями.

Подписал статс-секретарь Брискорн.

РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 242, л. 1. Копия.

№ 26

7 ноября 1839 г. — Проект доклада военному министру директора военно-топографического депо Ф.Ф.Шуберта о записке В.И.Мочульского об Индии

Генерал-адъютант барон Розен в прошедшем году сообщил Вашему сиятельству, что во все время пребывания его на Кавказе собираемы были под руководством его разные сведения о востоке. Относящиеся до Западного Индейского полуострова доставлены были в 1835 г. маиором Мевиусом, прибывшим из Лахора в Тифлис, а генерального штаба штабс капитан Мочульский по поручению начальства сочинил из них и из других источников описание сего полуострова. При составлении же карты под наблюдением генерал майора барона фон дер Ховена употреблен был тифлисский житель по имени Гееврун Тергукасов, сын умершего армянского протоиерея Тер-Аргутина, занимающийся торговлей и бывший несколько раз в Персии, Турции и в других местах южной Азии, и оказавший при этом случае большую пользу доставлением об Индии подробных сведений, почему генерал-адъютант барон Розен по представлении генерал маио-

ра Ховена ходатайствует о награждении Тергукасова чином 14-го класса, присовокупляя, что в штрафах и под судом он не был и по благонадежности своей заслуживает просимой ему награды.

Впоследствии, препровождая сочинение штабс капитана Мочульского об Индейском полуострове, генерал-адъютант барон Розен просит повергнуть на всемилостивейшее государя императора воззрение как сие сочинение, так и трехлетние полезные труды сего офицера, к чему присовокупляет, что если бы встретилась надобность иметь в тех местах офицера генерального штаба, то штабс капитан Мочульский мог бы быть для сего полезен: он знает языки английский, французский и немецкий, обучается с успехом персидскому языку и при том в пребывание свое на Кавказе имел случай по службе постоянно заниматься изучением всего относящегося до сей части Востока.

В сущности штабс капитан Мочульский в сочинении своем старается доказать, что влияние англичан на Среднюю Азию нисколько не значительно, и господство их в Индии вовсе непрочно, и что по сему России весьма легко с целию распространения торговли в сей части Востока завязать дружеские сношения с афганскими владельцами, сблизиться с Лахором[12] и охранить сандских эмиров[13] от происков ост-индской компании, воспользовавшись для сего влиянием эчмиадзинских армян на армян индейских, которые, по его мнению, суть вернейшие проводники тамошней торговли и лучшие агенты всяких сношений с туземцами.

Не доверяя вполне данным, на коих основана сия мысль, я замедлил представлением означенной работы Вашему Сиятельству на рассмотрение, имея в виду, что течение дел в Средней Азии оправдает мое сомнение.

Ныне, представляя усего (так в тексте. — *Сост.*) самое сочинение при кратком обзоре, из коего Ваше сиятельство с большею подробностию изволите усмотреть, как содержание, так и цели записки об Индейском полуострове, имею честь донести, что последние происшествия в Афганистане[14] доказывают неверность выведенного в сочинении заключения; к сему следует присовокупить, что за достоверность географических, статистических и этнографических сведений, в записке помещенных, также нельзя ручаться, ибо они заимствованы из рассказов путешественников и торгующих в Индии и, как кажется, в особенности из показаний армянина Тер-Гукасова, который, как покажит (так в тексте. — *Сост.*) можно, никогда сам в сей стране не был.

Карта Индейского полуострова, принадлежащая к сочинению, которую также при сем честь имею представить Вашему сиятельству, любопытна тем, что большая часть названий сличена с употребляемым произношением жителей тех стран, впрочем заметно, что при составлении оной не были приняты в соображение и руководство новейшие изданные англичанами карты Индии, которых, вероятно, в штабе Кавказского корпуса не имелось.

За всем тем я долгом считаю обратить внимание, Ваше сиятельство, на трудолюбие штабс-капитана Мочульского и расположение его к столь полезным занятиям. Относительно же пожалования Тер-Гукасова в 14-й класс, имею честь представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства, не изволите ли признать за благо испросить предварительно мнение генерала Головина[15] тем более, что показания означенного Гукасова имеют, кажется, целию увеличить важность влияния эчмиадзинских армян на армян индейских, а сих последних на туземцев индейского полуострова и Средней Азии.

Подписал Шуберт.

Надпись на 1-й стр. документа: «Государь император, приняв благосклонно составленное штабс-капитаном Мочульским описание Западного Индейского по-

луострова, высочайше разрешить соизволил: войти с представлением о приличной этого офицера за полезный труд его награде, что же принадлежит до награждения употребленного при занятиях Мочульского тифлисского жителя Геврул Тер-Гукасова чином коллежского регистратора, то об этом снестись предварительно с главноуправляющим Грузиею.

ноября 9 дня 1839 г. Подписал граф А.Чернышев».

РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 242, л. 8–11 об. Копия.

№ 27

Не ранее 1838 г. — Изложение краткого обзора сочинения штабс-капитана В.И.Мочульского об Индии

Сочинение штабс капитана Мочульского «Описание Западного Индейского полуострова», взятое из показаний майора Мевиуса и сочинения Бурнса[16] и других источников, состоит из двух частей. В I содержится введение, которое начинается изложением нескольких аксиом, служащих как бы основанием, от которого идут его рассуждения.

Относительно положительных сношений (вероятно торговых) с Индиею штабс-капитан Мочульский говорит, что нам полезно бы было склонить Персию к совокупному действию с нами против Хивы и тем заставить трухменцев не беспокоить в следовании ни наших, ни персидских караванов[17], завязать дружеские сношения с афганскими владельцами, сблизиться с Лахором и охранить синдских эмиров от происков англичан, привлечь армян (индейских) к содействию нашим выгодам, а прежде всего, воспользовавшись положением Персии, установить русскую факторию в Астрабаде и содержать при ней вооруженные суда, что уже было предпринято в царствование императрицы Елизаветы Петровны[18], наконец, принять во внимание важность положения при Индусе городов Шикарпура и Хейдерабада и гавани Карачи, и в заключении сочинения замечает, что для всего этого ни войск, ни значительных сумм не потребуется, потому что правительство наше может воспользоваться сношениями Эчмиадзина с Индиею для приготовления армян индейских к участию в распространении влияния России, и, со временем, русской торговли в Азии, а посредством сих последних сблизиться с некоторыми индейскими владетелями, ненавидящими англичан. Он говорит, что в Афганистане Россия известна и что эмиры Хейдерабада и Хейерпура примут ее покровительство, что отправление тайных наших поверенных в Синд и Индию будет успешно, «особенно если они предложат им свои услуги к составлению там регулярных войск». Далее видно, что Реджид Синг, владетель земель сихов, с 8ю миллионами жителей от Гималайских гор и реки Сотледжа по Индусу и до гор Тухт-Солиман в Афганистане, имеет 30 т[ысяч] человек регулярных войск и 70 т[ысяч] иррегулярных с 50-ю полевыми орудиями и 300 фальконетами[19], и что владетели верхней части Синда, эмиры Хейдерабада, Хейрпура и Мирпура, ничтожны против своего сильного и хитрого соседа и не любимы своими подданными.

Сверх сего в I части записки содержатся:

Описание страны в физическом отношении, главные купеческие пути: морские и сухопутные, маршруты с отметками о свойствах местности и других предметах.

Способ езды и перевозки.
Расстояния главных мест в Индии.
Климат и произведения богатой природы.

Потом сведения о торговле, находящейся исключительно в руках англичан, также изложены: утеснения туземцев и упадок их произведений, финансы и доходы, показывающие, что прежние властители, получая гораздо более денег, владели над народом более достаточным и менее развратным. Все эти статьи довольно удовлетворительны и писаны хорошо.

В статье о сношениях армян с Индиею автор говорит, что несмотря на усилия англичан и миссионеров св. Лазаря (в Венеции)[20], индейские армяне с особенным уважением примут всякое внушение от Эчмиадзинского духовенства, считая Эчмиадзин священным местом, и что наше правительство может много приобресть выгод, воспользовавшись этим обстоятельством.

В отделении о политике и о положении Индии в военном отношении вообще видно, что власть англичан не разборчива на средства, обширна и сильна не только в подвластных ей землях, но и над владетелями еще не совершенно покорившимися, что компания начинает однако опасаться непрочности своих северо-западных пределов и всеми силами старается проникнуть до Индуса и стать на нем твердой ногой, но что владетели Пенджаба и Синда ненавидят их, а первый не принимает их вовсе в свою службу.

Автор полагает, что англичане не могут выставить на слабейшую свою границу (северо-западную) более 15 т[ысяч] человек, хотя Ост-Индская компания, по его показанию, имеет 240 т[ысяч] человек войска и 1040 орудий[21], кроме отрядов, которые многие посредственные владельцы обязаны выставить в случае требования Компании, а в непосредственных владениях есть еще и милиция.

2-я часть записки содержит политические разделения Индии: непосредственные и посредственные владения компании и земли, все от нее зависящие, описание Синдии или Гвалиора, Дулпура и Пенджаба, образ правления, политику владетеля Пенджаба, Лахора и вообще Гвалиора[22], состав его силы, крепости и, наконец, Синд.

Из этой 2-й части видно, что Афганистан, разделенный между многими несогласными владельцами, недолго удержит независимость — близ Ренджит Синга, завладевшего уже частию Афганистанских земель ближайших к Индусу[23] и вообще основавшего с 1832 года сильную индейскую державу[24], которой соседство для англичан может быть опасно и которое они безуспешно стараются отключить, покровительствуя претенденту лагорского престола шаху Судже.

РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 242, л. 12—16. Копия.

№ 28

1838 г. — Из «Описания Западного Индейского полуострова», составленного штабс-капитаном В.И.Мочульским

Армяне и их сношения с Индиею

Еще до Р[ождества] Х[ристова] армяне составляли известный народ и страна их называлась Гаистан. История удостоверяет, что они в глубокой древности имели города и предпочтительно занимались торговлею, во время еще мидян они были известны своими связями с внутреннею Азиею и Индостаном. Но тогда под

названием Гиндустана разумели только северную часть нынешнего западного полуострова. В армянских летописях славился в то время своими богатствами и устройством города Мултан, армяне даже и доныне называют индейцев мултанами. Всю часть Индии на правом берегу Гангеса называли тогда Токан, а на левом Пангала.

Древнейшая торговая дорога в Индию с берегов Каспийского моря шла частию через земли Як-сартии и Транзоксианы (теперешние трухменцы) вверх по реке Яксартес (теперь Сир-дарья) до города Кокан, а оттуда через горы Малого Тибета в Кашмир и г. Мултан. Здесь товары нагружались на суда и спускались вниз по р. Индусу до гавани Татты.

Частию отправлялись из Каспийского моря вверх по р.Оксус (Аму-дарья) до г. Бактры (теперешний Балк), а потом через горы в г. Таксилу (теперешний Атток) и чрез р. Индус в Мултан или в Татту.

Наконец, третий путь шел от Каспийского моря в устье реки Охус (теперешний Тедзен) и до города Ницей, а потом чрез г. Антиохию в Бактру.

Промежуточная дорога между упомянутыми пролегала из г. Цикрополиса на реке Яксартес в г. Мараканду (нынешний Самарканд) и далее чрез р. Оксус в Бактру.

По этим путям армяне вели торговлю до времен Магомета, и страны, по которым они проходили, весьма процветали. Но когда кровавый меч калифов воспламенил умы азиятцев, когда миллионы соделались жертвою страшного фанатизма, то народы, доведенные грабежами до отчаяния, начали в свою очередь грабить у купцов и путешественников товары и имущества, дороги наводнились хищниками, все древние связи прекратились, и исламизм поверг Азию во мрак невежества.

Армяне оставили древние пути, и когда в Персии спокойствие опять восстановилось, то они уже через нее искали себе путей. Из г. Астрабада отправляли товары сухим путем в г. Мешед и чрез Хорасан в г. Херат, потом чрез Кандагар в Кабул или чрез Булуджистанскую степь в Шикарпур и потом в Мултан. Другой путь шел из Иезда в Хорасан и потом в Херат, так что сей город в цветущие времена персидского могущества был важным торговым местом, как для торговли из Персии в Мултан, так и для Бухары и г. Татты. Потом шествие неистового Тамерлана, и остатки его полчищ повсюду наполнили все торговые дороги разбойниками, и только значительные караваны могли по ним следовать.

Торговля армян неминуемо бы опять уничтожилась, если бы не нашла в шахе Аббасе[25] достойного покровителя. Этот государь, желая даровать своему отечеству обширную торговлю, постиг вполне способности армян к исполнению его дальновидных предположений, и для того он всеми мерами старался привлечь их к себе: ласкал и отличал их дарованием больших преимуществ, он убедил до ста семейств переселиться в окрестности города Кабула, дабы тем поддержать беспрерывное сношение с Индиею, а из Джульфы, с берегов Аракса, 12 тыс. семей были силою переведены в предместие Испагани, где и доныне оное называется Джульфинским и обитаемо армянами. Для большего упрочения этой новой колонии хотел даже перенести туда монастырь Эчмиадзин. Таковыми переселениями вообще шах Аббас думал сблизить Персию с индейскими племенами и приучить своих подданных к торговле и промышленности, но преемники его по варварскому фанатизму не пошли стопами великого своего предшественника и вместо покровительства преследовали армян: неоднократно новые Джульфы были жертвою сребролюбия и жадности персидских правителей, и армяне преимущественно начали с тех пор переходить в Индию, и по приглашению императора Бабура[26], внука Тамерлана, поселяться в Мультане, Лагоре, Кашмире, Шах

Джахан Абаде и других местах его владений. Впоследствии они там чрезвычайно обогатились, и вся торговля почти всей Азии была в их руках.

При появлении португальцев армяне постепенно проникали во внутренность Западного Индейского полуострова и владели почти целым Суратом. Непримиримая вражда монгольских государей с маратгами нанесла сильный удар Индии вообще, и Шах Надир по взятии в 1738[27] году Шах Джахан Абада (Дели) разграбил совершенно тамошних армян. С тех пор хотя они и не могли достигнуть прежнего своего века, но доныне однако же владеют огромными богатствами. Говорят, что Надир Шах вывез из Дели разного рода драгоценностей с лишком на 150 млн. червонцев. В свите персидского государя находился тогда грузинский царь Ираклий[28] и с ним несколько тифлисских армян, кои, равно как и Джульфинские, с большими богатствами возвратились на родину.

В конце XVII века и в начале прошлого столетия индейские армяне опять было поднялись и, поддерживая партию французов, весьма вредили англичанам, но когда посланному к Людовику XIV их депутату предложена была римско-католическая вера, и вообще дурным приемом оного армяне оскорбились, то они обратились к англичанам, и с тех пор власть последних все более и более увеличивалась.

Заменение сухопутной торговли в Индии судоходством стеснило круг действия армян, и они постепенно должны были ограничиться внутреннею торговлею в Индии и чрез море из города Сурата, Мадраса и Бомбея, в Хайдерабад на Синде, в Маскат, Бендер-Бушир, Басору, и вообще торговлею с Персиею, где с давних времен укоренившиеся связи их им сохранили оную и доныне.

Теперь армяне для следования с караванами из Тифлиса в Индию обыкновенно в 20 дней достигают до Тавриза, потом в 40 дней Бендер-Бушира, а оттуда отправляются морем в Бомбей или идут чрез Урмию, Сулейманию и Багдад в Бассору; но этот путь по причине хищничества мало употребителен. Бияздские, ванские, мерлинские и диарбекирские армяне торгуют чрез Багдад в Басору.

Из земель, прилегающих к Каспийскому морю, в прежние времена, а частию и теперь, еще в Индию вывозят:

Иорда-салам (Radix peonia), растение, коего красные цветы весною составляют украшение здешних степей. Этот корень на Востоке в большом употреблении для красок и в лекарство, и при царе Ираклии еще собирался и вывозился за границу. Карайсарский опиум получается из papaver orientalis и p. samniferum, и привозился из Токката, Арзрума и самого Карайсара и отправлялся в Индию, но теперь он вывозится в большом количестве из Турции в Красное море и Персидский залив в Индию. Дербентский шафран считается одним из лучших и предпочитается кашмирскому. Икра составляла прежде важный предмет торговли. Вино вывозилось преимущественно из армянской области. Ширасские вина доставляются армянами в Индию в больших склянках. Кремни. Железные изделия. Шерсть и шерстяные изделия. Бурки. Степные лошади.

Но кроме торговых связей армяне с того времени, как потеряли свою самостоятельность, имели в Азии значительное политическое влияние, и многие из них занимали важные должности у различных государей Востока, так например: в Персии и доныне многие из государственных сановников суть армяне, у турецкого султана для финансовых дел находится племянник Казас-Арютина, в Египте два армянина из Смирны по имени Петрос и Погос Усифиян заведывают финансами: один живет в Александрии и имеет большие связи с Индиею, а другой в Триесте для сношения с Европою. При дворе афганском и в Херате находятся

также несколько из них, а у владетеля Синда — известный Корнель Акоп*[29] с 1000 из своих единоверцев есть одна из причин, отчего г. Гвалиор до сего времени спасся от власти Ост-Индской компании. Корнель Акоп семейный человек и старается своим детям дать хорошее воспитание. Англичане его ласкают, но он им не предан. Во время войны в Бенгале в 1756 году владетель сей страны имел полководца и министра своего из армян[30], а в Бирмане и до сего времени три армянина управляют целым государством, один из них финансовою частью, а другие два начальствуют войсками[31].

Магометане не склонны к торговле, и самый закон их от нее отвлекает, они считают купцов недостойными членами общественного быта, и поэтому хотя армяне в Азии вообще и не любимы, но без них никто обойтиться не может. Вельможи и все сословия, не склонные к занятиям, предоставляют армянам удовлетворение всех своих нужд и потребностей, и чрез то почти все государственные дела находятся в их руках или проходят чрез оные.

Вот почему на Востоке они играют столь важную роль и почему в сералях и в диванах имеют доступ. К тому азиатцы, вообще с давних уже времен привыкшие быть с ними в сношении, предоставили им какую-то договоренность, а следственно и преимущество, доставляющие им посредничество как по торговле, так и в политическом отношении, что дает им обширный круг действий.

Другая еще причина весьма много способствовала к утверждению влияния армян в Азии: их, как христиан, азиятцы почитают нечистыми, а посему и не вступают ни в какие близкие с ними связи, и это не допускает укоренению в армянах какой-либо привязанности к народу, всегда остающемуся для них чуждым; почему и все их действия должны необходимо основываться на собственных выгодах. Армяне всегда отделялись от всех народов, их окружающих, самою верою; к тому же по затруднительности изучения их языка, он остался только для них, и никто другой их не понимает. Итак, без отечества, без тесных связей, упрочиваемых правительством и гражданственностию, судьба определила им торговлю, и угнетенные в чужой стране армяне токмо в церкви и вере своей искали себе утешение. Вот почему они так преданы своей религии, почему столь уважают духовенство и из дальнейших стран склоняют главу свою смиренно пред Эчмиадзином.

В 1827 году в г. Мадрасе узнав армяне об освобождении Эчмиадзина от Персиян[32], торжественно приносили благодарения Всевышнему и благословляли Российского царя и воинов русских за спасение святого места своего: различные празднества продолжались 10 дней, они выкупали многих должников из тюрем, раздавали дары бедным, и вообще радость была чрезвычайна. Событие это в память помещается в их календарях.

Рассеянные по всему Востоку, один только Эчмиадзин соединяет их, делает всех их братьями. Чем далее они от него, тем более их к нему привязанность, а поэтому сей Азиатский Ватикан (как назвала его одна иностранная газета) может легко России открыть дорогу во все стороны Востока. Англичане предвидят это и потому поддерживают католических армян, коих полагают не преданными России, и которые главою своею признают папу, они уже называют себя не армянами, а франками и из монастыря св. Лазаря в Венеции получают направление своего образования. Эти армяне по образованию стоят выше настоящих, т.е. признающих Эчмиадзин, но их число до сего времени не велико, и они преимущественно распространились в Турции, в Италии и в Австрии.

---

* Он родом из Карабага, и с ним был прежде также один француз, которого англичане подкупили, а потом отравили (*примеч. автора*).

В Индию посылаемые из Венеции миссионеры столь же мало успели, как и калькуттское Библейское общество[33], которое разными дидактическими и духовными сочинениями старается склонить армян к реформации. Наконец, политика князя Полиньяка[34] чрез посла французского графа Гильемино[35] успела склонить султана на установление в Турции армяно-католического патриарха[36], полагая чрез то приобресть новое влияние в Азии, но не смотря на все сии покушения, индейские армяне не отступают от Эчмиадзина, и до сего времени архиепископ в Джульфах называется индейским и имеет своих викариев в Калькутте, Мадрасе и Бомбее, а Эчмиадзинский патриарх по временам посылает своего нунция в Индию с святым миром и для собирания богоугодных подаяний в пользу монастыря[37]. Эчмиадзинские переводные денежные письма почти в целом Востоке имеют ход, и в прежние времена индейские армяне присылали богатые дары в Эчмиадзин. Но с 1829 года англичане, подозревая армян в привязанности к русским, всеми мерами стараются препятствовать сношениям их с российскими армянами и не допускать их в северные провинции английской Ост-Индской компании.

Впрочем, армяне вообще по образу мыслей и наклонностям своим всегда будут преданы Российскому престолу, и можно быть уверенным, что Россия в них, как то в особенности доказал Персидский поход[38], на Востоке найдет полезных соучастников, даже католические армяне имеют еще некоторое предпочтение и привязанность к России и в монастыре св. Лазаря в Венеции жалели, что Россия по окончании войны с Турками не удержала за собой Арзрума и прочую часть древнего армянского царства[39].

РГВИА, ф. 427, оп. 1, д. 251, л. 57 об. — 67 (с. 110—129). Подлинник.

Примечания

[1] Мочульский Виктор Николаевич (1809 — ум. после 1850) — офицер Генерального штаба. В 1826—1828 гг. учился в Главном инженерном училище в Петербурге. В 1834—1838 гг. был прикомандирован к Отдельному Кавказскому корпусу, участвовал в боевых действиях, а также рекогносцировках и топографических съемках. Имел ранения. В 1836 г. был отправлен на лечение за границу, где ему было поручено собирать сведения по Азии, а также встретиться с генералом Алларом, французом, служившим у Ранджита Сингха, находившимся тогда в Париже. В.И.Мочульским было составлено описание Северо-Западной Индии (РГВИА, ф. 427, оп. 1, д. 251): источниками для этой работы послужили труды путешественников и рассказы разных лиц, побывавших в Индии. Им также был написан очерк «Война на Кавказе и в Дагестане с картою» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6528). В 1838 г. В.И.Мочульский был переведен на службу в Отдельный Сибирский корпус, а в 1841 г. вышел в отставку и до 1844 г. служил по ведомству путей сообщения. В 1844 г. он был снова принят на военную службу, которая проходила сначала на Украине, потом — в Саратовской губернии. В 1850 г. он снова вышел в отставку (РГВИА, ф. 38, оп. 2, д. 308, л. 1—7; д. 614, л. 46 об.).

[2] Ховен, фон дер, Христофор Христофорович (1795—1890) — барон, генерал от инфантерии, сенатор, известный геодезист и военный топограф, в 1833—1838 гг. — обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса и одновременно начальник 3-го отделения Военно-топографического депо.

[3] 13 апреля 1835 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Г.В.Розен (см. примеч. 10) докладывал военному министру о прибытии в Тифлис двух афганцев, Ходжи Хусейн Али-хана и Мирзы Махмуда, назвавших себя посланниками эмира Афганистана Дост Мухаммеда. Как выяснилось впоследствии, «посланники эмира» были самозванцами и никаких поручений от Дост Мухаммеда не имели. Тем не менее, поскольку они действительно прибыли из Афганистана, обер-квартирмейстер корпуса Х.Х. фон дер Ховен получил распоряжение собрать посредством опроса афганцев сведения об этой стране, а также об Индии. Непосредственными исполнителями этого задания стали поручики С.Г.Стишинский и В.И.Мочульский (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 1144).

[4] В ОПИ ГИМ в фонде Розена хранятся несколько записок В.И.Мочульского, составленные в середине 30-х годов XIX в.: «Рассуждения о распространении сухим путем и морем торговли России в Азии» (ф. 6, д. 66, л. 392–442), «Записка об Индии» в 2-х частях (там же, л. 29–174), а также «Опыт предположения об исследовании Средней Азии, Афганистана и Индии в торговом отношении» (там же, л. 345–368) без подписи, но, по-видимому, тоже принадлежащий перу В.И.Мочульского.

[5] Мевиус был немцем из Гамбурга, начавшим свою военную карьеру в Бразилии. Позднее он оказался в Индии, где вступил на службу к Ранджиту Сингху, заключив контракт на 10 лет. По окончании этого срока путешествовал некоторое время по странам Юго-Восточной Азии, затем приехал в Персию, где поступил на службу к одному из претендентов на тегеранский престол, но вскоре его покровитель скончался, и Мевиус был вынужден покинуть Персию. Затем он оказался в Тифлисе. Командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В.Розен решил воспользоваться его пребыванием в Грузии, чтобы уточнить некоторые данные о вооруженных силах восточных правителей, у которых служил Мевиус. На основании этого были составлены «Сведения о военных силах Маха-Раджи Ренджит Синга, составленные Генерального штаба капитаном Бергенгеймом из объяснений майора Мевиуса» (РГВИА, ф. 427, оп. 1, д. 253, л. 1–13). В марте 1838 г. Мевиус был определен «майором с назначением по армии и с состоянием при Отдельном Кавказском корпусе». В Тифлисе он серьезно заболел и 15 декабря 1838 г. скончался (РГВИА, ф. 38, оп. 5, л. 343).

[6] По-видимому, карта, составленная штабс-капитаном В.И.Мочульским, была первой русской картой Индии. Она хранится в РГВИА, ф. ВУА, д. 18251, л. 41.

[7] Тергукасов — лицо не установлено.

[8] В 1832–1852 гг. военным министром был Чернышев Александр Иванович (1785/86–1857), граф, государственный и военный деятель, генерал от кавалерии.

[9] Шуберт Федор Федорович (1789–1865), генерал от инфантерии, астроном и геодезист, принимал участие в большинстве военных кампаний русской армии в первой трети XIX в.; почетный член Российской Академии наук. С 1832 г. — директор военно-топографического депо.

[10] Розен Григорий Владимирович (1781–1841), барон, генерал-адъютант, принимал участие в кампании 1805–1807 гг., Отечественной войне 1812 г. В 1831–1837 гг. был командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами, командовал двумя экспедициями по усмирению восстаний горцев Кавказа.

[11] См. примеч. 8.

[12] Имеется в виду независимое сикхское государство (1765–1849) со столицей в г. Лахоре. Правитель этого княжества Ранджит Сингх проводил независимую политику, опираясь в военной области не только на своих единоверцев сикхов, но и на европейцев неангличан, главным образом — французов. После его смерти в результате двух англо-сикхских войн княжество было присоединено к владениям Ост-Индской компании.

[13] Сандские, правильно — синдские, эмиры — три брата белуджской династии Тальпуров, независимо друг от друга правившие в трех городах Синда — Мирпуре, Хайрпуре, Хайдарабаде. В 1843 г. Синд был аннексирован англичанами.

[14] Имеются в виду события начала 1-й англо-афганской войны 1838–1842 гг., когда более чем 30-тысячная английская армия, вторгшись через Боландский и Ходжакский проходы хребта Сафедкох в Афганистан, заняла Кандагар, Газни, Кабул и другие города. На трон Афганистана был посажен ставленник англичан Шуджа-уль-Мульк.

[15] Головин Евгений Александрович (1782–1858), генерал от инфантерии, участвовал во многих кампаниях русской армии в первой трети XIX в., в 1838–1842 гг. был командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью Грузии, Армении и Кавказской области.

[16] Бурнс, правильно — Бернс, Александр (1805–1841), английский политический и военный деятель. В 1830–1831 гг. был направлен с миссией к Ранджит Сингху с целью исследовать близлежащие к р. Инду земли — Синд и Пенджаб. В 1832 г. он был послан с разведывательной целью с экспедицией по р. Амударье и Каспийскому морю. В 1836 г., накануне 1-й англо-афганской войны, прибыл с миссией в Кабул; убит во время восстания в Кабуле в 1841 г. В документе имеется в виду, по-видимому, *Burnes Al.* Travels into Bokhara: Being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, also narrative of a voyage on the Indus from the sea to Lahore. Vol. 1–3, L., 1834.

[17] Враждебное отношение Хивинского ханства к России, грабежи и продажа русских пленных в рабство побудили русское правительство совершить поход на Хиву в 1839–1840 гг. Во главе экспедиционного корпуса в 4 тыс. человек встал оренбургский генерал-губернатор генерал-адъютант В.А.Перовский (1795–1857). Из-за плохой подготовки поход потерпел неудачу.

[18] Неясно, что имеет в виду автор под термином «фактория». Русские купцы традиционно торговали с Персией, поэтому конторы, склады, им принадлежавшие, могли существовать в Астрабаде и ранее середины XVIII в. Первая попытка возвести русское укрепленное поселение около Астрабада была предпринята в 1781 г. посольством М.И.Войновича. Персидский губернатор первоначально поддерживал эту идею, но потом вероломно захватил в плен русского посла и не отпускал, пока не получил заверения в том, что астрабадские укрепления будут срыты, а русские удалятся из Астрабада.

[19] Сведения не точны. В 1838 г. в армии Ранджит Сингха насчитывалось 26 627 солдат при 188 орудиях и 280 зембуреках (легкие пушки, которые переносили верблюды).

[20] Армянская католическая (Мхитаристская) конгрегация была основана на о. Св. Лазаря около Венеции в 1717 г. Это была духовная организация, пропагандировавшая армянскую культуру.

[21] По военной росписи 1838 г. Ост-Индская компания имела армию в 185 306 человек, включая медицинский персонал, саперов и т.п.

[22] По-видимому, описка: Гвалиор — княжество в Центральной Индии (столица — г. Гвалиор) с правившей династией Синдхия.

[23] К 1839 г. сикхами были завоеваны Мультан и правобережье р. Инда вместе с г. Пешаваром.

[24] Автор не точен: объединение сикхских земель было завершено Ранджит Сингхом к 1810—1811 гг.

[25] Аббас I (1571—1629), шах Ирана с 1587 г., правитель из династии Сефевидов, проводил политику усиления центральной власти, развития центральных иранских областей за счет переселения населения с окраин государства.

[26] Бабур, Захир ад-дин (1483—1530), основатель государства и династии Великих Моголов, потомок Тамерлана, первоначально правитель удела в Средней Азии. Затем захватил Кабул. В 1526—1527 гг. завоевал Северную Индию. Границы государства Бабура простирались от Кабула до Бенгалии.

[27] В тексте ошибка: г. Дели был захвачен Надир-шахом в 1739 г.

[28] Ираклий II (1720—1798), правитель Восточной Грузии (с 1744 г.), который 18-летним царевичем принимал участие в походе на Индию Надир-шаха.

[29] Акоп, Петрис (1755—1850), сын индийского купца, прослужил в армии правителей династии Синдхия (а не Синда, как в тексте) 70 лет, имел большое влияние на правителей княжества.

[30] Георги-хан (Григор Арутюнян) (ум. 1763), один из организаторов восстания в Бенгалии в 1763—1764 гг., ему удалось наладить производство пушек и боеприпасов для восставших.

[31] Имеется в виду, по-видимому, Григор, один из близких придворных короля Баджидо (1819—1838), командовавший бирманскими войсками при взятии г. Бассейна, оккупированного англичанами, Саркис-ага, оказавший денежную помощь королю в период англо-бирманской войны 1824—1826 гг., а также Ованес Амирхан, имевший несколько торговых кораблей и совершавший плавания в Европу.

[32] Эчмиадзин был освобожден от персидских завоевателей в период русско-турецкой войны 1826—1829 гг. 6 июня 1827 г.

[33] Библейское общество было основано в Англии в 1804 г. с целью распространения Библии, а позднее и других религиозных книг, перевода их на другие местные языки. В Индии Библейское общество имело свои отделения в Серампуре, Калькутте, Бомбее, Мадрасе, Аллахабаде и др.

[34] Полиньяк Жюль Огюст Арман-Мари (1780—1847), граф, французский государственный деятель крайне реакционного толка. В конце 10-х — начале 20-х годов XIX в. был послом в Риме, где в 1820 г. за свое рвение к католицизму получил звание римского князя.

[35] Гильемино Арман Карл (1774—1840), граф, французский военный и дипломат, в 30-х годах XIX в., будучи послом в Константинополе, имел большое влияние на политику султана Махмуда II.

[36] В 1835 г. стараниями Франции католическая или униато-армянская церковь в Турции получила права как корпорация.

[37] См. док. № 23.

[38] В русской историографии Персидскими называются два похода русской армии: 1722—1723 и 1796 гг., в обоих армяне выступали союзниками России.

[39] Арзрум был взят русскими войсками в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. 9 июля 1829 г., но по Адрианопольскому миру (сентябрь 1829 г.) был возвращен Турции.

№ 29—30

24 апреля 1842 г. — 10 августа 1842 г. Документы о порядке выдачи паспортов индийским парсам, следующим на поклонение в храм в Баку

№ 29

24 апреля 1842 г. — Рапорт главноуправляющего Закавказским краем генерала от инфантерии Е.А.Головина Министру иностранных дел графу К.В.Нессельроде о выдаче паспортов индийцам, направляющимся на поклонение святым огням в парсийский храм в Баку[1]

Господину министру иностранных дел.

Исправляющий должность Начальника Каспийской области[2] вошел в Совет Главного управления Закавказским краем с вопросом: следует ли выдавать индейцам, как находящимся с давнего времени без письменных видов в Бакинском уезде в монастыре у священных огней, так и вновь приходящим туда богомольцам для поклонения тоже без всяких видов, билеты для возвращения на родину, а также и для следования, кто пожелает из них, по Закавказскому краю.

Совет Главного управления находит, что по силе существующих законов никто из иностранцев не может быть впущен в пределы нашей империи без надлежащего о звании его вида, а иностранцы, в Грузию приезжающие (:ст. 317, т. 14-го свода устава о паспортах и беглых), не иначе могут быть сюда впускаемы, как с паспортами, выдаваемыми от российских миссий на основании особо данных предписаний, но подобное правило не представляется возможным распространить на индейцев, которых привлекают в здешний край священные для них бакинские огни, да и кроме того им даже не могут быть известны существующие в Российской империи на сей предмет постановления, поэтому требовать от них установленных паспортов значило бы вовсе воспретить им посещение их капища, в чем, по мнению Совета, не предстоит надобности. Поелику же таковые индейцы, не имея у себя видов, не могут подходить под правила, для выдачи иностранцам паспортов предписанные, то Совет признает справедливым всем вообще индейцам, как находящимся в настоящее время при идолопоклонническом монастыре в Бакинском уезде, так и тем, которые впредь будут приходить туда для поклонения огням, дозволить оставаться там без всяких от их правительства или от российских миссий видов, каковых не требовать от них и на границе при впуске их в пределы Закавказского края, но тем из индейцев, кои пожелают возвратиться заграницу или следовать в другие места Закавказского края, выдавать каждый раз от уездного начальника или участкового заседателя билеты на том же основании, как они выдаются здесь жителям Закавказским на отлучку их внутри области или губернии с тем, что у индейцев, возвращающихся заграницу, билеты должны быть отбираемы пограничными нашими начальствами, те же из индейцев, которые пожелают отправиться в другие места Закавказского края, получив билеты для свободного везде за Кавказом пребывания сроком не далее как на три месяца, должны по истечении сего срока возвратиться в монастырь в Бакинском уезде или же взять новый билет.

Не приводя заключения сего Совета в исполнение, я нужным счел сообщить обо всем этом Вашему Сиятельству и покорнейше просить Вашего уведомления, не было ли в Министерстве особого по означенному предмету распоряжения и не представляется ли по каким-либо видам препятствий к приведению в исполнение изъясненного заключения Совета.

Главноуправляющий,
генерал от инфантерии Головин

АВПРИ,ф. СПб. Главный архив, II—15, оп. 58, 1838, д. 4, л. 2—3 и об. Подлинник.

№ 30

10 августа 1842 г. — Письмо вице-канцлера К.В.Нессельроде главноуправляющему Закавказским краем генералу от инфантерии Е.А.Головину о разрешении индийцам, направляющимся в парсийский храм в Баку, приезжать без билета

М.Г. Евгений Александрович!

Отношением от 24 апреля сего года № 327 Ваше Высокопрев[осходительст]во, сообщив мне заключение Совета Главного управления Закавказского края касательно снабжения письменными видами индейцев, приходящих на поклонение Бакинским огням, изъявили желание узнать мнение мое о том, может ли постановление Совета быть приведено в исполнение.

По рассмотрении сего постановления я нашел оное весьма основательным и со своей стороны полагал, что приведение его в действие может быть допущено с пользою. Но при всем том я счел необходимым сообщенное Вами мне заключение Совета передать на соображение г. министра внутр[енни]х дел[3], который уведомил меня ныне, что и он не встречает препятствий предоставить главному управлению Закавказского края поступать в отношении индейцев, пребывающих в России для поклонения Бакинским огням, на основании вышеупомянутого постановления.

Сообщая о том Вашему Высокопрев-ву в ответ на отношение Ваше № 327, покорнейше прошу принять уверения и проч.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, II—15, оп. 58, 1838, д. 4, л. 7 и об. Подлинник.

Примечания

[1] Храм парсов (огнепоклонников) в селении Сураханы (под Баку) около выхода на поверхность земли горючих газов был основан в конце XVII — начале XVIII в. Местное население называло это место «атешга» — от перс., место огня.

[2] Возможно, имеется в виду исполнявший обязанности коменданта г. Шемаха командующий 8-м Грузинским линейным батальоном подполковник Эгазе.

[3] Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), граф, сенатор, в 1841—1852 гг. был министром внутренних дел, с 1852 г. — министр уделов и управляющий кабинетом Его императорского величества.

№ 31

[13 или 14] января 1843 г. —
Письмо князя Алексея Дмитриевича Салтыкова[1]
князю Илье Андреевичу Долгорукову[2]
о посещении сикхского двора,
о переходе через перевал Борендо и др.

Саккар-Баккар на реке Инде или Синде
января 1843 года

Любезный князь Илья Андреевич!

Я слышал, Что Вы отдали дочь Вашу, княжну Марью Андреевну[3], за князя Голицына[4] и поздравляю Вас. Не совсем отгадываю, за которого князя Голицына, но, даст Бог, сам увижу. Также с Новым годом поздравляю и желаю благополучия Вам и Катерине Александровне[5]. С тех пор, как я писал Вам, я был в душной Калькутте и вверх по Гангесу меж крокодилов и тигров добрался до коренной Индейщины — Бенареса. Побывал в пышной столице аудского царя Лакнау (Lucknow). Представился Великому Моголу[6] в Дели. Был при воинском дворе Шир-Синга Панджабского Маги Раджи[7] в Лагоре и Амридсаре и в Шалиморских садах[8], так называемых, Jardins suspendits de Chalimao*, где царь с бесчисленной толпой своих воинов блестели в оружиях, драгоценных камнях, в золотых и всех радужных цветов газах, с черными султанами на чалмах, антично драпированных, в узких панталонах, как европейские рыцари средних веков. Раскинуты были палатки из парчи. Любимые царские жеребцы стояли тут приобвешанные жемчугом, яхонтами и изумрудами и покрытые драгоценнейшими шалями, шитыми золотом. Все аллеи устланы были кашемирской шалью. Тысяча фонтанов били и освежали воздух, отягченный сильным запахом оранжевых цветов. Оранжевые деревья[9] были позолочены и посеребрены. Весь сад горел в иллюминации из всяких свечей, коими все пруды, фонтанные канавы были уставлены рядами. Пропасть уток и лебедей тут плавали, фейерверк беспрестанно гремел над высокой стеной, будто штурм, как-будто бы Вы подступили со всей Вашей артиллерией. Тридцать дев молодых и прелестных — боаядерок — грациозно и медленно рисовались под музыку в панджабском вкусе. Девы сии были в узких штанах парчевых или шелковых, босоногие, в куртках бархатных или глазетовых, обвиты флером золотым или серебряным, с позолоченным лбом, веками, зубами, с кольцом необычайной величины златым в носу, с крупным жемчугом, коего нитки или цепи златые от носового кольца проведены были к уху, на ногах гремели тяжелые кольца и цепи золотые. Царь и все придворные были со щитами, саблями и кинжалами, и большая часть придворных держали ружья с зажженными фитилями, совсем готовые. Посреди славного пруда в мраморном киоске накрыт был стол с фруктами, конфектами, не из лучших, с жаркими и холодными по части дичи и курей. Стулья были из золота и серебра, не говоря о посуде. Царь сам своеручно налил мне и вручил рюмку драгоценного вина с толченым жемчугом, алмазом, изумрудом и яхонтом (коего бутыль une boutoque** стоит не менее полутораста рупий, т.е. с лишком 300 рублей) и сказал, что вино сие крепит желудок, потому что драгоценные камни крепки, как-то алмаз и прочие, чтоб я пил и пристально смотрел. Царская милость тронула меня, и я желал

---

* Висячие сады Шалимара (*франц.*).

** Одна бутылка (*франц.*).

в угождение выпить, но едва поднес к губам, необычайная крепость сего спирта под названием шраба или вина, меня сшибла, и я должен был поставить рюмку полною на стол. А царь хватил свою разом. Мужик здоровый и добрый, простой наружности (но при том, говорят, прескверный). Все при дворе как-будто ровные, все воины как он сам. Все сидят при нем и говорят просто. Слуг (proprement dits*) нет, и переменяет вам тарелку воин со щитом и мечом или ружьем, а иной с луком и стрелом.

Любезный князь Илья Андреевич! Извините, если слишком распространяюсь. Но для меня все это было волшебно — муаенажно[10] и антично. Царские подарки принесли мне сикские рыцари на щитах. Драгие ткани для одежды, диодем изумрудный, который царь своеручно возложил на главу мою, испоясал мечом, сказав, что меч сей не из стали хоросанской дорогой, а из лагарского железа простого[11]. Потом вскоре повел меня к лошадям, блестящим в яхонтах, изумрудах при луне и факелах, и подарил мне белого панджабского жеребца с золотым седлом и уздою золотою. При том неоднократно повторял через перевод господина Клярка (Political agent for Punjab & Ambassador acting Shur Sing**), чтоб я ему прислал портрет моего государя. Во уважение наших обычаев халат или чогу шалевую, богато шитую золотом, тут не накинули на меня, а послали мне в лагерь. Но двух слуг моих, тут присутствующих — Франца прусака и Федора русака, — облекли в кашемирские балахоны, одного — в желтый, другого — в зеленый. Раз Шир Синг позвал нас на охоту, — я стоял в лагере у Лагора с Клярком (George Clark), чрезвычайным послом при Лагорском дворе, который повсюду и везде меня с собой брал с ним вместе на слоне и баловал меня как нельзя больше (он когда-то был в России и помнит, что был хорошо принят, особливо Воронцовым[12] в Одессе). Но я сбился. Магараджа позвал нас на охоту. Мы отправились на 50-ти с чем-то слонах с золотыми гоударами, седалищами, в сопровождении нескольких тысяч самых щегольских и почти волшебных всадников сикхских, вроде апричной гвардии царской. Каждый всадник панджабский важный барин. Толпы пеших — пятьсот соколов (я не забуду, как господин Клярк выразился иронически: a few hawks***) и батальон регулярной пехоты, с музыкой и барабанным боем, чтобы выгонять дичь. Джангаль (Jungul****), тростниковый лес, был местами выше слонов, и мы с трудом протесывались в чаще. Стреляли в кабанов, перепелов, куропаток и ворон. Шир-Синг ни разу не давал промаху. У него, у Даиан Синга, его первого министра, и Даиан Сингова сына — Гира Синга, командира собственной гвардии (Body guard*****), 20 000 тысяч регулярной пехоты и конницы, состоящей из кирасиров в стальных кирасах и шишаках и ста пяти пушек. Было у каждого по шести ружий английских самых-самых отличнейших, которые беспрестанно заряжались. Сквозь мрачные и смрадные переулки и закоулки Лагора, узкие тропы, едва проходимые, я иначе не бывал как на слоне с 10-тком верховых солдат, Ширсинговым конвоем, с ружьем и с зажженными фитилями. Акали бессмертные, в горном одеянии, фанатики, грозили саблями, ругали меня и прицеливались иногда, что они делают и на Клярка и на самого Шир-Синга. Такова их секта и так могущественна и страшна в Панджабе, что царь не может им противудействовать. К тому же они отличнейшие его войска, когда хотят. Это снизу, а

---

* Как таковых (*франц.*).

** Политический агент Пенджаба и посол (при дворе) Шер Сингха (*англ.*).

*** Несколько соколов (*англ.*).

**** Лес, заросли, джунгли (от санскр. Jungul).

***** Личная охрана (*англ.*).

сверху из окон и балконов наравне с гаударом слона приветствуют девы, разодетые и блестящие в украшениях, в узких штанах (pantalons colans*) по панджабской моде — баядерки, т.е. в иных балконах сидят только куры и петухи. Дома высокие образуют от времени и частых землетрясений страшные кривизны и наклонности к падению, но никто не думает об опасности. Но всего хуже то, что каждый квартал города один от другого разделен вратами кирпичными, тяжелыми, с навесом иногда низким, что едва согнувшись в три погибели на слоне можно протесаться. И тут при оказиях, в которых мне случалось быть, теснятся множество слонов и магуты или корнаки, стараясь друг друга опередить по своей явенной онбиции. И врата эти, и тот, кто под ними едет, в самом критическом предикаменте[13]. Я не любил под ними проезжать.

После Панджаба я был на Гардуарской ярмонке[14] (Hardwar fair**), при подошве Гималайских гор и потом в этих горах путешествовал. Жил долго среди сосновых лесов дремучих (во сыром бору) и перебрался через главную снеговую Гималайскую цепь — границу Индии, то есть тащили меня под палкой в парусиновом мешке 12ть горцев, то вверх скрось облака, то мглу пропасти в преисподних через Борендо Пас или Борендо Гат (Гхат) (Borendo Pass***) и по индейски (Boren Ghaty). 15 297 что-то футов вышины, с Монблан или выше, где вечный снег и климат петербургский (там). Это было в сентябре. Спустили меня по этому вечному снегу вниз (как на маслянице), т.е. я съехал, как сказать, просто съехал в тибетскую сторону. Федор, русский мой слуга, бегал и веселился в снегу. Франц, камердинер из пруссаков, уже был внизу. Дошедши или докарабкавшись с трудом через груды скал и снег, под которым шумели ручьи, до первой вежетации[15] кривых берез, я сломил себе березовую палку и пролил слезу — берез не видал с тех пор, как в Индии, и с помощью палки сей родной спустился в долину Канаур, где виноград отличный, деревья кедры в 20 локтей в окружности толщины, ручьи холодные и прозрачные шипят среди зеленых лугов под тенью дерев густых, и быки с хвостами как у лошадей. Сотриндж река, или Сотлидж (Сатледж) по-английски, тут прорывается меж двух гималейских стен в 20 000 тысяч футов вышины (над пов. моря, а над рекой — где 10, где 12 000 футов, где странник дерзкий идет или его несут в мешке под палкой по стезе узкой и опасной). А чрез реку моста нет, а протянута веревка, для верности тройная, над пропастью, где Сотриндж, бог знает, в какой дали, шипит, как зеленая змея. По веревке ходит блок. За него надо ухватиться и подвязаться и Juche****, как говорится по-немецки, auf den anderen seite***** так скоро, что не успеешь струсить. Короче сказать, я был на китайской границе, в Чини, деревне, где архитектура деревянных деревенских храмов чудно похожа на швейцарскую архитектуру со странными изваяниями и галлереями, где раздается звон гонги и трубный глас, где плоскорожие татары и татарки, обвешенные грубыми украшениями как сибирские шаманы и шаманки, пасут стада. Оттуда Борендо-Гат, через который я перешел три дня назад, представился мне в отвратительном виде вечных снегов, где все мертво и безотрадно. Сквозь редкий воздух сей возвышенности явилось ясно предо мной как на театральной сцене унылый вид одинокого Боренда. Среди вечных снегов [он] показался мне страшен и навел скуку, хотя пока я там был, то ничего не чувствовал кроме холода, усталости и трудности пути. Но я еще не долго смотрел на эту печальную даль, как тучи

* Узкие брюки (*франц.*).
** Хардварская ярмарка (*англ.*).
*** Перевал Борендо (*англ.*).
**** Ликующий возглас народных песен вроде «Ура» (*нем.*).
***** На другую сторону (*нем.*).

внезапно скопились там над горами и зима там установилась. Мы услышали глухой гром аваланшей[16], которые завалили проход Борендо одна за другой. Три дни позже, стало быть, прекратили бы или покончили мое путешествие. От дикой сей картины, опуская взор книзу, я увидел желтые березы, потом обширные дремучие сосновые леса, потом поля, обработанные полосами разных цветов, потом деревни, рассыпанные по рощам, и деревенские храмы, так называемые там дэоты[17]. Потом сады виноградные — там груды камней, обломки скал и, наконец, внизу далеко змеящийся зеленый Сотриндж. Волшебное великолепие сей картины грандиозной силой меня поразило, и я в забвении пребывал, но холод меня пробудил, и я зашел в развалину, где огонь уже был разведен и приготовлялся обед. Там дожидался меня приятель мой, капитан Джак, товарищ мой и друг, с бутылкою пива, но и портвейн также был кстати. В Гималайских горах, особливо в ущельях около снеговой цепи, много народу с зобами. Сифилитическая болезнь также свирепствует там и особенная под названием черной, и страшный яд оной истребляет целые семейства, переходя от отца к сыну, от матери к дочери. Близ деревень сии несчастные лежат на скалах и иногда просят помощи, но какая помощь может им быть отрадна. Народ в Гималаях нечистый, бедный и слабый, трудится сверх сил для пропитания и часто прибегает к опиуму для поддержания и другим пагубным средствам. Потом в Фирозпуре, или по-настоящему Фирожьпуре, был, где среди вечной пыли на бесконечных равнинах видел 40 000 войск, губернатора с толпой, собравшейся из всех краев Индии, торжествующего за мнимые его победы в Афганистане, — видел там остатки англичан и индейцев, возвратившихся из Афганистана[18]. 1000 верблюдов и слонов тянулись рядами по фирозпурским стенам с припасами. Повсюду были раскинуты лагери, но всего этого не видно таинственно в пыли. Купцы наехали со всех стран, индейские послы. Все было дорого, но всего было довольно. Были построены Триумфальные врата для остатков войск, возвращающихся, и двойной барочный мост чрез Сотрындж, украшенный флагами. Я видел пленных возвратившихся англичан, одетых по авгански, так что нельзя узнать. Балы, обеды, пиршества, парады, маневры занимали всех. Но особливо скачки (Races and Bets*), на которых особенно отличались уланские офицеры (of the 15-th Lanciers**). Отличный полк европейский. В полку сим лошади арабские, закупленные в Бомбее. У каждого солдата по 60 и 80 фунтов стер. at their mess***, то есть ортели, и многих других полков. Я был принят членом всем обществом офицеров формально и всегда дружески. Начальник уланов полковник Curton****, человек предобрейший, прехрабрейший, прескромнейший и преотличнейший и сущий Блюхер[19] с виду. The 15-th Husars***** под командой Вальтер-Скота (сын автора)[20], великана и молодца. В фирозпорской пыли, где я стоял в моей палатке недель с 6 (в ожидании барки), нелегко было друг друга находить. Когда, бывало, спросишь кого, где он живет, то он отвечает, например: South-east of the Commander in Chiff camp about 20 minutes walk in tents******. Компас не худо было иметь при себе. К лагерной жизни я так привык. В Гималайских [горах] долго путешествовал в маленькой палатке и на равнинах тоже. Довольно. Иду теперь по Инду на барке, которую нанял [в] Фирозпуре с мил-

---

* Скачки и ставки (*англ.*).

** Пятнадцатого уланского полка (*англ.*).

*** В их столовой, т.е. в котловом довольствии (*англ.*).

**** Кертон.

***** Пятнадцатый гусарский полк (*англ.*)

****** На юго-восток от лагеря главнокомандующего в 20 минутах ходьбы среди палаток (*англ.*).

лионом крыс. Погода прекрасная, но берега пустынные, дикие. Река эта ежегодно меняет течение и опустошает берега. C'est un torrent de boue qui détruit et emporte toute la végétation et fait fuir les hommes n'abrite que les crocodiles — les bords sont infects de chacals et de tigres*, которые живут тут в густой траве высокой. Мне показывали следы тигров на сыром песке. Рыб нет, крокодилы царствуют в воде. Каждый день с дюжину сих страшных гад попадаются навстречу вблизи. По берегам воют чокалы, миллионы диких птиц — гусей, уток и лебедей летают стаями. На закате я причаливаю, коз ведут на берег, заклают барана, также утку или куря. Рубят дрова, если есть, рвут ветки и траву для коз. Я, между тем, в степи гуляю в мгле или при луне hué par les chacals** (товарища со мной нет) до обеда или ужина. Тогда иду на барку, где принимают меня крысы с визгом и скрежетом непрестанным. Все у меня есть в изобилии, кроме хлеба. Вместо хлеба индийские лепешки. Мои люди индейцы встают на рассвете, разводят огонь, по ихнему аг, и закуривают le calume dits prix le Hume***, то есть кальян. Они имеют при себе рожь. Один из них припеваючи мелит рожь меж двумя камнями, делает лепешки, печет. Две рупии, т.е. 4 с полтиной в месяц на все, и живут весело. Но я не говорил об ужине, состоящем из бараньего супа, не из худших, вареного куря и картофельного салата, в котором Франц, камердинер из пруссаков, полагает амбицию. Индейские лепешки горячие, пиво, вино, как-то: херес, шампанское, клярет, макон или порт, или сода вотер, смотря, сопровождают трапезу вечернюю, после коей, прислушиваясь к серенаде чекалов listening to a serenade of Jackals**** и визгу крыс и в ожидании танцев сих последних по моей постели, я ложусь. Уж дней 20 таким образом еду. Навряд ли Вы завидуете мне. Все неизвестные места, которых и на карте вовсе нет. Вчера догонщики каких-то эмиров[21] гнались за нами с ружьями на лодке и хотели стрелять, но не стреляли как в Пенджабе. Акали бессмертные прицеливаются, а стрелять не стреляют. Je doute donc que vous m'enviiez constamment mais ne m'enviâtes-vous pas à la Cour de Lahor — que n'y fûtes-vous?.. Vous ne le pûtes ou bien jamais vous ne le voulûtes. Ce Sackao-Backao enfin quêtait un mystère pour moi. Sackao-Backao en Anglais est un endroit magnifique dans les bosquets de palmiers. Il faut que j'expédie. Adieu, mon cher Prince, bien des choses à Catherine et pardonnez la liberté que j'ai pris de vous écrire une si longue lettre.

Votre dévoué cousin

N.S.

P.S. Il y a ici des bateaux à vapeur tant et plus*****.

РГАЛИ, ф. 1348, оп. 1, д. 794, л. 1—7. Автограф.

---

* Это поток грязи, который уничтожает и уносит с собой всю растительность и заставляет людей бежать, дает приют только крокодилам. Леса кишат шакалами и тиграми (*франц.*).

** Под завывание шакалов (*франц.*).

*** Кальян (*франц.*).

**** Прислушиваясь к серенаде шакалов (*англ.*).

***** Я сомневаюсь, что вы мне постоянно завидуете. Но не завидовали Вы мне при Лахорском дворе, что это были не Вы?.. Вы бы этого не смогли или никогда бы этого не захотели. Наконец, этот Сакар-Бакар, который являлся тайной для меня, Сакар-Бакар по-английски означает прекрасное место, расположенное среди пальмовых рощ. Мне надо поторопиться. Прощайте, мой дорогой князь, самые лучшие пожелания Катерине и простите мне мою вольность, что я осмелился написать Вам столь длинное письмо.

Ваш преданный кузен Н.С.

P.S. Здесь много пароходов.

Примечания

[1] Салтыков Алексей Дмитриевич (1806–1859), князь, в 1824–1840 гг. служил по министерству иностранных дел; выйдя в отставку, посвятил себя путешествиям и живописи; дважды в 1841–1843 и 1845–1846 гг. побывал в Индии, исколесив ее с юга на север и с востока на запад. Стремление князя Салтыкова к «коренной индейщине» помогло ему увидеть и зарисовать жизнь «верхов» и «низов» индийского общества. О своих впечатлениях А.Д.Салтыков писал родным и близким, и по приезде эти письма, составившие как бы дневник его странствий, были изданы сначала на французском (Lettres sur l'Inde. P., 1848), а чуть позже в переводе Л.А.Мея и на русском языке («Письма об Индии». М., 1850). Французское издание сопровождалось многочисленными иллюстрациями автора, в 1853 г. в Париже вышел альбом его рисунков, представлявший типы жителей Индии. В 1985 г. Главная редакция восточной литературы переиздала «Письма об Индии» князя Салтыкова, публикуемое письмо не входило ни в одно из этих изданий.

[2] Долгоруков Илья Андреевич (1797–1848), в то время генерал-майор, в 1832–1848 гг. начальник штаба Его Императорского Высочества Михаила Павловича по управлению генерал-фельдцейхмейстера (артиллерии).

[3] Голицына Мария Ильинична (1822–1905), дочь И.А.Долгорукова, в письме А.Д.Салтыков допустил описку, назвав М.И.Голицыну «Андреевной». В августе 1842 г. вышла замуж за князя М.А.Голицына.

[4] Голицын Михаил Александрович (1804–1860), тайный советник, посол в Испании, библиофил, собрал богатую библиотеку редчайших старопечатных книг.

[5] Долгорукова Екатерина Александровна (1803–1852), жена князя И.А.Долгорукова, урожденная княжна Салтыкова.

[6] Великий Могол Бахадур-шах II (1837–1858), последний представитель династии, правившей Индией с 1526 г.

[7] Махараджа Шер Сингх, правитель сикхского государства в Пенджабе в 1842–1843 гг.

[8] Сады Шалимара под Лахором с расположенной уступами землею, с обилием фонтанов и водопадов, с павильонами из полированного черного мрамора в верхнем конце сада производили впечатление одного из чудес света; были разбиты в правление Великого Могола Джахангира (1605–1627).

[9] Оранжевые деревья – от англ. orange – апельсин, апельсиновые деревья.

[10] Муаенажно – от франц. moyen âge – средние века, т.е. средневеково.

[11] Лахорское железо простое – имеется в виду булатная сталь.

[12] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), князь, фельдмаршал. В 1828–1844 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор.

[13] Предикамент – англ. predicament – затруднительное, неприятное положение.

[14] Хардварская ярмарка – ежегодная ярмарка в священном городе индусов Хардваре, расположенном у подножия Гималаев, где Ганг выходит с гор на равнину, место паломничества индусов.

[15] Вежетация – англ. vegetation – произрастание, рост.

[16] Аваланш – франц. avalanche – лавина.

[17] Автор неточен: дэота – от санскр. devta – божество.

[18] А.Д.Салтыков описывает возвращение из Афганистана англо-индийской армии после окончания 1-й англо-афганской войны 1838–1842 гг., в ходе которой был захвачен Кабул, но восставшие племена отрезали армию от ее баз снабжения и вынудили отступить обратно в Индию. На обратном пути англичане несли большие потери и армия была почти полностью уничтожена.

[19] Блюхер Гебхард Леберехт (1742–1819), князь Вальштаттский, участник войн с Наполеоном, главнокомандующий прусской армией при Фридрихе Вильгельме III.

[20] А.Д.Салтыков имел в виду старшего сына известного английского писателя Вальтера Скотта, служившего в войсках Ост-Индской компании.

[21] Эмир – титул князей династии Тальпуров, правившей в Синде, через который проплывала барка князя А.Д.Салтыкова.

№ 32—36

16 февраля 1857 г. — 24 марта 1857 г. — Документы о планах русской военной экспедиции в Индию

№ 32

16 февраля 1857 г. — Из письма главнокомандующего войсками и наместника на Кавказе А.И.Барятинского[1] военному министру Н.О.Сухозанету[2] о возможности столкновения с Англией на Востоке и необходимости подготовки военной экспедиции в Индию

...При всем том надобно предвидеть, что в случае войны потребуются более обширные способы для поддержания действующих войск в комплекте. С этой целью обе резервные дивизии Кавказского и 6-го армейского корпусов должны быть тогда придвинуты к Кавказской линии. Действующие же дивизии 6-го корпуса я буду иметь в виду на случай решительных наступательных действий, ибо, сколько я понимаю настоящее положение дел, весьма может случиться, что мы, несмотря на всю нашу уступчивость и искреннее желание сохранить мир, будем вскоре и против собственной нашей воли вовлечены в новую войну. Судя по сведениям, сообщенным Вашим высокопревосходительством в доставленной мне копии донесения из Лондона от флигель-адъютанта полковника Игнатьева[3], а также по газетам и письмам, англичане деятельно готовятся к войне и ведут атаку с двух сторон: с Юга — от берегов Персидского залива, и с Востока — через Афганистан. О первом из этих двух путей вторжения мы можем еще не заботиться, но со стороны Афганистана может угрожать опасность непосредственно нашим пределам, ибо из всех проделок лондонской политики в Персии мне представляется несомненным намерение их утвердиться на южном и юго-восточном берегу Каспийского моря. Во что бы ни стало мы не должны допустить столь опасного для нас соседства: появление британского флага на Каспийском море будет смертельным ударом не только нашему влиянию на Востоке, не только нашей торговле внешней, но ударом для политической самостоятельности Империи*. Повторяю, что мы ни под каким видом, ни под каким предлогом не можем позволить даже приближения англичан к странам, прилегающим к Каспийскому морю.

Смотря с этой точки зрения, мы должны предвидеть, что сохранение мира не от нас зависит, что мы будем вовлечены в войну против собственной воли и что мы даже не властны отсрочивать разрыв по нашим расчетам. Первое известие о наступлении английской армии из Кабула к Герату должно заставить нас немедленно же посадить войска наши на суда и перебросить их к Астрабаду. К этой операции мы должны быть готовы ежеминутно, а для того необходимо заранее, теперь же обдумать и заготовить все материальные средства. Предстоящее нам предприятие требует особенных приспособлений; все приготовления к нему должны быть основаны на глубоком специальном изучении условий местных. Поэтому я теперь же собираю сведения, готовлю людей и обдумываю

---

* *На полях помета рукой Александра II*: «Весьма справедливо».

подробности предприятия. Надеюсь в свое время сообщить Вам соображения о тех средствах, какие потребуются от Военного министерства, также снесусь и с Морским министерством о тех пособиях, какие с его стороны окажутся необходимыми, и тогда буду ожидать Высочайшего повеления, чтобы по первому знаку Монаршей воли двинуть силы его императорского величества туда, где должна совершиться развязка борьбы нашей с непримиримым врагом, где, может быть, решится судьба Востока.

Полагаю, что предложения мои не покажутся Вам преувеличенными или односторонними, кажется, теперь уже столько обрисовались политические отношения, что наконец сделалось очевидно невозможным пренебрегать далее этою стороною Русского мира. То, что еще за год назад считалось несвоевременною мечтою, теперь может вдруг сделаться неопровержимою действительностью. Мы не успеем еще свыкнуться с мыслию о возможности борьбы с Англиею на Востоке, когда, может быть, войска наши будут уже на пути к границам Индии.

Поэтому я думаю, что теперь более чем прежде возможно осуществление проекта железной дороги между морями Каспийским и Аральским. Крайне буду сожалеть, если и ныне предложение это будет признано несвоевременным. Я напротив того убежден, что если еще отлагать это дело на неопределенное время, то вскоре увидим, что возвратиться к нему будет уже слишком поздно.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Барятинский

Тифлис.

На первом листе документа помета Александра II: «Опасения его весьма справедливы, и поэтому нахожу, что нам должно сериозно готовиться на борьбу с Англией в Азии. По прочим предметам представить нужные соображения».

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 1б, 9—12. Подлинник.

№ 33

Март 1857 г. — Докладная записка начальника Кавказского отделения Департамента генерального штаба генерал-майора А.А.Неверовского[4] о невозможности осуществления русской военной экспедиции с целью завоевания Индии

В некоторых периодических изданиях, а также и в отдельных сочинениях, описано положение англичан в Индии. Из этих описаний видно, что туземцы, вследствие эгоистического направления британской политики, более и более беднеют, а в той же степени увеличивается и ненависть их к завоевателям. Основываясь на сих данных, многие приходят к тому заключению, что стоит только вступить в Индию с достаточными силами, под видом избавителей угнетенных народов, чтобы изгнать оттуда англичан. События в Афганистане в 1840 и 41 годах[5] дают полный повод думать, что Великобритания сильно опасается постороннего влияния даже на сопредельные страны к Индостану.

Если бы Россия желала произвести вторжение в Индию, то может ли она достигнуть этой цели и какие потребуются для того средства? Прежде всего необходимо позаботиться:

1) Об увеличении морских средств на Каспийском море.

2) О привлечении на нашу сторону Персии.

3) Об открытии дружеских отношений и привлечения Афганистана.

4) Об уверенности, что во время похода наших войск в Индию мы не будем иметь на своих плечах врагов в Европе.

Не подлежит никакому сомнению, что Англия не останется равнодушною зрительницею наших приготовлений и постарается возжечь войну в Европе, дабы лишить нас средств располагать свободно своими силами, и тогда поход в Индию едва ли возможен. Но если предположить, что направляя войска в эту страну, мы приготовили себя на все случаи, так что борьба в Азии с Англиею может быть рассматриваема отдельно, без связи с событиями в Европе, то следует определить себе ясно цель похода, а именно: предпринимается ли он для завоевания Индии или только для изгнания оттуда англичан?

Завоевание Индии потребует таких средств, какими Россия располагать не в состоянии, а некоторых даже совершенно не имеет, но если бы и могла, то счастливый исход предприятия возбудит зависть других держав и породит европейскую борьбу, последствия которой нельзя исчислить.

Поход в Индию собственно для изгнания оттуда англичан и освобождения народов от ига их есть предприятие непрочное, требующее таких же огромных средств и издержек, как и самое завоевание. С удалением наших войск из Индии англичане, владея огромными морскими и денежными средствами, снова там утвердятся и разрушат вновь установленный Россиею порядок, а вместе с тем опять приобретут огромные рынки для сбыта своих произведений.

Одна светлая сторона похода в Индию — уничтожение на долгое время влияния англичан в Средней Азии, едва ли выкупит те огромные пожертвования, которые Россия должна будет принести для достижения этой цели.

Мы можем быть принуждены вступить в борьбу с Англией в Средней Азии только в том случае, если бы она вздумала утвердиться в Афганистане и обратить виды на Герат. Тогда Россия, для поддержания своего влияния и достоинства в Средней Азии, должна идти на бой и не допускать англичан к Каспийскому морю. Чем ближе к Герату произойдет бой, тем это будет выгоднее для нас. Достаточно одного поражения англичан, чтобы подорвать их влияние в Средней Азии. Этим результатом и должно пока ограничиться. Предпринимать же дальнейшее движение в Индию можно только при исключительных, особенно счастливых обстоятельствах, как например при явном восстании против англичан Афганистана, Пенджаба и Лагора. Для успеха при неприязненном столкновении с Англиею в Средней Азии мы должны будем там сосредоточить армию от 50 до 60 тыс. человек; при движении же в Индию силы эти необходимо удвоить. Путь действий сама природа обозначает кратчайший и легчайший — от Астрабада на Герат, между которыми считается менее 900 верст. О направлении же от Аральского моря через Хиву не должно быть и речи.

Трудно, однако, предполагать, чтобы Англия решилась занять вооруженною рукою Афганистан и Герат и вызвать нас тем на открытый бой. Она будет стараться открыть для себя новые рынки в Средней Азии и усилить свое там влияние мерами политическими. Противодействовать ей должно тем же оружием, находящимся в распоряжении Военного министерства, а между тем не следует откладывать вдаль увеличение наших морских средств на Каспийском море.

Неверовский.

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 60—64. Подлинник.

№ 34

Март 1857 г. — Докладная записка генерал-майора генерального штаба Е.И.Чирикова[6] о возможности наступления англичан из Индии на Среднюю Азию и мерах противодействия этому со стороны России

Рассматривая Среднюю Азию, заключающую в себе Персию и Афганистан, представляется интересное зрелище развивающейся политической борьбы между Россиею и Англиею. Намерения первой прямы и естественны: они состоят в том, чтобы упрочивать свое влияние на соседей, отчасти полуобразованных, отчасти полудиких; извлекать себе позволительные выгоды через торговые сношения и вообще, чтобы действовать на сопредельные с Россиею национальности так, как необходимо должно действовать на азиатские племена государство благоустроенное и сильное.

Намерения же Англии состоят в том, чтобы поддерживать искусственное здание владычества своего в Индии, расширить до невозможности круг для сбыта своих мануфактурных произведений и ко всему этому присоединяется, наконец, зависть против России, которая по своему географическому положению есть единственная соперница Англии в Средней Азии.

Характер этой борьбы в настоящее время есть чисто политический и коммерческий, а рано или поздно, есть вероятие, что и оружие примет участие в последовательностях этой борьбы. Рассмотрим в общих чертах в этом трояком отношении, т.е. политическом, коммерческом и военном, тот театр действий, на котором эта борьба или уже развивается, или обещает обнаружиться, рассмотрим также те способы и средства, которыми Англия располагает в этой части Азии для достижения своих целей и наоборот, способы и средства России, которыми она может удерживать покушения Англии в пределах безвредных для русских интересов.

Примем здесь для ясности военное выражение «пути действий», чтобы обозначить те направления, по которым англичане действуют или могут действовать, в каком бы то ни было смысле, т.е. в политическом, в коммерческом или в военном. Таким образом, обозревая от Востока к Западу, встречается 1-й путь, из Индии в Афганистан: он имеет два направления: одно на Кабул, который есть ключ к горному хребту Инду-Куша, следовательно, там же и дверь для входа в Балх и для достижения Аму Дерьи; другое направление идет на Кандагар и на Герат.

Этот 1-й путь действий англичан из Индии есть самый главный и самостоятельный, потому что он имеет основанием свои собственные владения и армию, а предметом действий небольшие, разъединенные между собой владения Афганистана и Туркестана. Смелые и даровитые изыскания Александра Бёрнса, Варрена[7] и других путешественников ознакомили англичан со свойствами этих стран и народов. Экспедиция 1839 и 1841 г. в Кабул, хотя и несчастная, но была поучительна.

Последние происшествия в Герате и движение английского отряда в этом направлении были вместе и демонстрацией, и пробой[8]. Хотя англичане вообще не блестят своими тактическими действиями на сухом пути, но настойчивость их и последовательность в достижении своих целей налагает обязанность на их противников обдумывать будущее и зорко следить за каждым их шагом.

Нельзя полагать, чтобы Англия имела намерение распространять завоеваниями к северу свои Индейские владения, и без того слишком обширные. Но политическое вмешательство ее в дела Афганистана упрочивает влияние на Персию, обхватывая ее почти со всех сторон, открывает Англии новые торговые пути, сближает с Каспийским морем, угрожает тем России и, наконец, поддерживает непрочное здание Индейских владений.

В 1852 году Англия имела в Индии 280 тысяч войск и около 50 военных судов, по большей части парусных (по сведениям моим от офицеров индейской службы). С того времени, в короткий срок, флот совершенно изменился, как числом судов, так и свойством их, пароходы, винтовые корабли и канонерские лодки увеличили до чрезвычайности морскую силу Индии. Сухопутная же армия осталась в том же положении, но по составу своему она может быть страшна только азиатским народам. Численность ее невелика по обширности пространств, которые она должна сберегать в Индии, и кажется сомнительным, чтобы Англия могла послать в Афганистан корпус более нежели в 25 тысяч. Но подобный корпус мог бы служить ядром, около которого собрались бы афганцы.

Какие представляются средства России для противодействия этим наступательным действиям англичан? и до каких пределов можно позволить им подвигаться в материальных их действиях? Россия, положивши на Сыр-Дерьи и Аральском море основание будущих своих действий на Туркмению и Кокан, займется конечно упрочиванием этих начал: постройкою укреплений в приличных местах; устройством флотилии на Аральском море, изысканием водяных путей по Сыр-Дерьи в Кокан и по Аму-Дерьи к Балху; усилением торговых и политических сношений с Бухарою и Коканом и, наконец, изысканием удобнейших и скорейших сообщений Каспийского моря с Аральским. Тогда Хива, это гнездо разбойников, будет совершенно в нравственной зависимости от России; Кокан будет служить местом снабжения жизненными потребностями войск и вообще заведений наших на Сыр-Дерье, а Бухара будет как бы передовой позицией в случае нужды, или для противодействия англичанам по направлению к Балху и Кабулу, или для угрожания их тылу, через Мерву, в случае движения их через Герат и Мешхед к Каспийскому морю.

Но припомним себе, что обширные, маловодные степи и исполинский хребет Инда-Куш разделяют в этих местах стремление Англии вперед и противодействие России. Следовательно, есть мало вероятий, чтобы ожидать когда-либо на этом пространстве вооруженного столкновения с Англиею. Но политическая и коммерческая борьба есть и будет без сомнения. В настоящем положении дел сама природа указывает раздельную черту, за которую, кажется, как Англии, так и России опасно переступать: для Англии Кабул и вправо Пейшаур, Кашмир; влево Герат. Для России Хива, Бухара, Кокан. Балх лежит между этими линиями как бы для взаимного наблюдения с обеих сторон.

Но рассматривая направление политических действий Англии через Кандагар на Герат, тотчас обнаруживается возможность опасности для России: из Герата Англия обуздывает Персию и если успеет привлечь эту державу на свою сторону, то может угрожать торговле нашей на Каспийском море, даже отчасти государственному устройству нашему около этого моря и через то сильно уменьшить влияние наше на Персию.

В этом предвидении Россия должна устроить так свою Каспийскую флотилию, чтобы можно было в непродолжительный срок перевести на персидский берег, например в Астрабад, по крайней мере одну дивизию войск с артиллерией и принадлежностями. Войска эти, даже по мирной дислокации надобно иметь в виду, на случай нужды. Быстрый решительный десант их будет иметь влияние

на поведение Персии, которую России ли, Англии ли, но необходимо иметь на своей стороне в критическую минуту (например, при смерти шаха, при насильственной перемене династии, при возмущениях по проискам англичан).

Русский корпус, высаженный в Астрабаде, будет иметь предметом действий Герат, через Мешхед, если бы англичане предприняли наступление к Каспийскому морю. Другой русский отряд, если таковой находился на Аму Дерьи, мог бы действовать на Мерву во фланг и в тыл англичанам.

Но не столько должно опасаться военных предприятий англичан в отношении к Каспийскому морю, как политических их происков и интриг. Например, если англичанам удастся, вследствие последнего мирного трактата с Персией, учредить консульства в прибрежных городах на Каспийском море, то это поведет к большим затруднениям для русской торговли и будет помехою, или по крайней мере соглядатайством в отношении наших правительственных преднамерений в тех местах.

Рассмотревши в общих чертах 1-й путь действий, т.е. из Индии, на котором встречаются интересы России и Англии, бросим короткий взгляд на 2-й путь действий из Персидского залива. Вникая в последние происшествия англо-персидской войны и присоединяя к тому мысль о возможности исполнения проекта железной дороги от Средиземного моря к Персидскому заливу, находишь непременно связь обширных политических соображений. Дорога эта, если она будет окончена несмотря на важные местные затруднения, доставит Англии большое влияние на Турцию и на Персию и через то даст ей средства скорее вовлечь эти державы, особенно Персию, в круг своей политики, враждебной России, или даже в открытую борьбу.

Англичане уже владычествовали на Персидском заливе и до последней войны с Персией. Не входя здесь в подробности этого господствующего положения, которого все данные собраны на местах в 1850—1852 годах, скажем только, что если упомянутая железная дорога осуществится, то это господство Англии распространится на весь Шат-эль-Араб, доступный для военных кораблей до Корны и далее по Тигру для плоскодонных судов до Багдада и по Каруну в Персию до г. Шустера. С этого обширного основания Англия, при возможности доставлять туда военные способы или морем из Индии, или по железной дороге из Европы, будет иметь возможность открыть военный путь из Бушира или Багдада на Тегеран и, следовательно, к Каспийскому морю.

Конечно оба эти направления, как из Бушира, так и из Багдада, едва ли доступны для десантного корпуса по местным препятствиям, если Персия будет в то время за Россию, но в противном случае обе эти большие караванные дороги, примерно верст около 800 каждая в протяжении, совершенно удобны для военного движения.

Со стороны России, для предупреждения столкновения с Англией по этому пути, нет, кажется, других средств как дипломатические действия:

1) Не следует ли стараться, чтобы Северо-Американские Штаты учредили в Персидском заливе и Шат-эль-Арабе торговые фактории по договорам с Персией и Турцией и присутствием своим явились бы там естественными регуляторами исключительного английского влияния?

2) Нельзя ли способствовать, до некоторой степени и Франции осуществить преднамерения ее (если они есть) насчет острова Каррака (Харк по-арабски)?

3) Наблюдать в Тегеране, чтобы намерение Англии, кажется испытанное ею в 1851 году, чтобы шах перенес свою резиденцию в Испаган, не осуществилось при удобных для того обстоятельствах. В этом случае влияние Англии на Пер-

сию увеличилось бы настолько, насколько двор шаха и центр управления удалились бы от севера к Персидскому заливу.

4) Иметь агентов в Багдаде и, если можно, в Бушире, Ширазе и Мохаммере. В Багдаде предлогом к тому может служить покровительство значительного количества наших мусульманских богомольцев с Закавказья, ходящих в Кербелу, Неджеф и Мекку через Персию и Багдад. В Бушире же, Ширазе и Мохаммере как уравнение по трактатам со стороны Персии благоприятствуемых наций, если бы Англия получила теперь право иметь консулов на Каспийском море, ибо если у России нет прямых торговых интересов на Персидском заливе, то и у Англии нет таковых на Каспийском море.

Наконец обратим внимание и на крайний западный пункт в Азии, где существует соперничество между Англией и Россией, хотя очень косвенное, но довольно важное: это есть торговый путь через Трапезонт, Арзерум и Баязид в Персию.

Около 1850 года англичане были встревожены проектом нашим и началом исполнения его за Кавказом, чтобы устроить удобный торговый путь от Черного моря через Кутаис на Тифлис, в намерении привлечь туда транзитную торговлю Константинополя с Персией, помимо Трапезонда. Немедленно англичане подстрекнули Турцию предпринять устройство шоссе из Трапезонда в Арзерум, чтобы сделать удобным во всякое время года настоящий торговый путь, чрезвычайно затруднительный и опасный. Турция принялась с жаром за дело, но недостаток денег, неспособность и хищничество агентов оставили предприятие в самом его начале. В 1852 году шоссе было устроено лишь на протяжении 1 версты, а проектировка доведена только из города до гор.

Правда, что и наш закавказский проект не окончен вполне, но ежели правительство наше найдет возможным устроить совершенно этот закавказский транзитный путь в Персию, и притом в связи с устройством и действиями нашей черноморской пароходной компании, то влияние Англии в этих местах, включая и черноморские кавказские наши берега, непременно упадет.

Кажется, что изложенные здесь три пути, т.е. индейский, Персидского залива и на Черном море, на которых встречаются интересы России и Англии, представляют собою очерк полной картины возможных столкновений в Средней Азии между этими двумя державами. Мы исключим из этого очерка крайние пункты на востоке, т.е. Амур и Китай.

Чириков.

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 65–74 об. Подлинник.

№ 35

24 марта 1857 г. – Письмо министра иностранных дел А.М.Горчакова[9] военному министру Н.О.Сухозанету о нереальности проекта похода в Индию

Сообщенную мне записку возвращаю с благодарностью Вашему высокопревосходительству. Я прочел ее с большим вниманием. О военной части судить не могу. С политическою я совершенно с Вами согласен. Не только очевидные приготовления к имеющейся в виду цели, но и даже обнаруженная мысль таковой цели, по моему мнению, достаточна, чтобы ускорить столкновение между нами и

Англией. А размеры и развитие такового столкновения никто исчислить не может. Во всякое время предприятие такого рода требовало бы самого изыскательного и хладнокровного обсуждения. Ныне одна мысль об оной мне кажется так несовместна с положением наших финансов, с изнурившей нас войной[10], с политическим состоянием Европы, что убеждения мои не допускают даже возможности на оной остановиться. Я по крайней мере, со своей стороны, перед Богом, Государем и Отечеством не возьму на себя ответственности поддержать таковой проект или содействовать оному. Если в Англии какими-либо приготовлениями с нашей стороны укрепится мнение, что мы стремимся уничтожить ее владычество в Индии, то при этом для нее жизненном вопросе, не только нынешнее Министерство[11], но какое бы Министерство ни существовало в Англии, двинет все народные силы, употребит все дипломатические средства, чтобы заставить нас дорого заплатить за таковой замысел. Симпатии для нас существуют в Европе, но союзников мы не имеем, особенно таких, которые бы при случае грудью за нас стали, а что противники наши таковых не найдут, за это отвечать не стану.

Горчаков

С.Петербург.

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 75–76 об. Автограф.

№ 36

*Март 1857 г. — Доклад военного министра генерал-адъютанта Н.О.Сухозанета Александру II о возможности столкновения с Англией на Востоке и проекте похода русских войск в Индию**

По поводу письма главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом о возможности неприязненного столкновения России с Англией в Средней Азии, имею счастие повергнуть на высочайшее Вашего Императорского Величества воззрение соображения мои по этому предмету. Вместе с тем считаю неизлишним всеподданнейше представить при сем и записку генерал-адъютанта барона Ливена[12], в которой изложены мысли его о том же предмете.

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, в письме от 16 февраля сего года № 46, сообщая мысли свои о возможности неприязненного столкновения России с Англией в Средней Азии, излагает:

1. Что деятельные приготовления Англии к войне с Юга, от берегов Персидского залива, а с Востока, через Афганистан, ясно обнаруживает цель их действий и намерение утвердиться на берегах Каспийского моря. Осуществление этого намерения нанесет смертельный удар нашему влиянию на Востоке, а потому мы не должны дозволять англичанам даже приблизиться к странам, прилегающим к Каспийскому морю. Подобное условие поставит нас в необходимость, несмотря на возможную уступчивость и искреннее желание сохранить мир, вступить в борьбу против воли. Вторжение англичан в Азию со стороны Персидского залива еще не представляет столько опасности, но первое известие о наступлении английской армии из Кабула к Герату заставит нас немедленно посадить войска

* *На документе резолюция Александра II*: «С заключением вашим я совершенно согласен». 31 марта 1857 года.

на суда и перебросить их к Астрабаду. К этой операции должно находиться в постоянной готовности и заблаговременно обдумать и приготовить все материальные средства, и поэтому генерал-адъютант князь Барятинский теперь же собирает необходимые сведения, готовит людей и обдумывает подробности предприятия. В свое время он представит соображения о тех средствах, какие потребуются от Военного и Морского министерств, прибавляя при том, что мы не успеем еще свыкнуться с мыслию о возможности борьбы с Англией, когда может быть войска наши будут уже на пути к границам Индии.

2. Что в случае войны с Англией на Востоке потребуются более обширные способы для поддержания действующих войск в комплекте, а потому князь Барятинский полагает, что резервные дивизии Кавказского и 6-го корпусов должны быть тогда придвинуты к Кавказской линии. Действующие же дивизии 6-го корпуса он будет иметь в виду на случай решительных наступательных действий.

3. Теперь более чем прежде, по мнению князя Барятинского, возможно осуществление проекта железной дороги между морями Каспийским и Аральским. Если ныне предположение это признается несвоевременным и будет отложено на неопределенное время, то скоро объяснится, что возвратиться к нему будет уже слишком поздно.

Вашему Величеству благоугодно было повелеть, по предметам в сем письме заключающимся, представить мои соображения.

Нельзя не согласиться с мнением генерал-адъютанта князя Барятинского, что возрастающее влияние Англии в Персии и в Афганистане есть обстоятельство для России весьма неблагоприятное для ее торговли, еще более для наших политических видов, и что оно должно обратить полное внимание правительства, для благовременного соображения лучших средств к предупреждению или отклонению угрожающей опасности. Но для сего должно точно определить, какого рода опасность нам предстоит и имеем ли мы ныне достаточные способы к противодействию замыслам англичан.

Англия есть держава исключительно торговая и морская; ни географическое ее положение, ни политическое устройство не дозволяют ей иметь большие сухопутные армии; при этих условиях ей легко утверждаться на прибережьях морей или в странах, пересекаемых большими судоходными реками, как то в Индии или Китае, но весьма трудно проникать во внутренность материка, т.е. предпринимать отдаленные сухопутные экспедиции, и занимать оный своими войсками и крепостями*. Да это ей и не нужно; флота ее и искусная политика достаточны для утверждения ее влияния и достижения главной цели, распространения коммерческих сношений. Поэтому думаю, что нет основательных причин опасаться вторжения англичан в Афганистан и постоянного занятия их военными силами Кабула, Кандагара и в особенности Герата. Такое расширение их владений и столь растянутое расположение их армий бесполезно для них, потому что они извлекают уже из сих областей все желаемые выгоды и подчинили уже их своей политике; оно было бы даже неблагоразумно и вредно, ибо вовлекло бы их в огромные издержки и такие рискованные предприятия, на которые они не решатся после бедствий, испытанных ими в 1839 году; и скорее ослабило бы, нежели укрепило владычество их в Ост-Индии**. Все действия и распоряжения их правительства и Ост-Индской компании доказывают, что они не замышляют новых с

---

* *Помета на полях рукой Александра II*: «Это справедливо только относительно Европы, но не Азии, где у них, т.е. в Индии постоянно находится многочисленная армия».

** *То же*: «С этим я не совсем согласен, ибо убедившись в пользе подобных действий, они готовы будут на всякого рода пожертвования».

этой стороны завоеваний*. Правда, что армии их вторгались в Афганистан два раза, в 1839 и 1841 годах, но это было вследствие опасения присутствия одного только русского агента Виткевича[13], отправленного графом Перовским[14] в Кабул, и нашего покровительства Персии при осаде Герата[15]. Завоевать оный Англия желать не может, но отдать эту страну в руки Персии, по мнению Англии, значит отдать оную в распоряжение России. Точно так же и настоящее усилие британских войск в Пенджабе объясняется опасениями за Герат, бывший в осаде в исходе прошлого года.

Несомненно, что Англия употребляет все усилия, чтобы сделать свое влияние господствующим и в Персии и, конечно, с этой целью предполагает между прочим устроить железную дорогу от Средиземного моря к устьям Евфрата и утвердиться в северной части Персидского залива; влияние это ей особенно нужно для расширения своей торговли и для обеспечения владений своих в Индии, но нельзя допускать и мысли, чтобы она хотела занять вооруженною рукою какие-либо пункты внутри этой страны и тем более на прибрежьи Каспийского моря. Она будет добиваться от тегеранского двора преимущественно новых выгодных условий для своих коммерческих сношений, без сомнения, имеет в виду и такие предположения, осуществление коих было бы вредно для России, потому что допустило бы вмешательства Англии в дела пограничных с нами областей и тайные ее происки в мусульманских наших провинциях и между Кавказскими горцами**. Но при бдительности нашего правительства, при готовности подкрепить права свои даже вооруженной силой, конечно, персидский шах не решится на явное нарушение дружественных с нами сношений и Англия не будет настаивать в таких требованиях, против коих Россия, по ее географическому положению и близости ее военных средств, будет сильнее. Сими мерами устранится или отсрочится до более благоприятных для нас обстоятельств неприязненная с нею развязка***.

Опасения, внушенные возрастающим могуществом Великобритании в Средней Азии, были выражены с давнего времени и подали повод ко множеству проектов, поданных как русскими, так и иностранцами, сущность коих состоит в том, что это могущество может быть легко ниспровергнуто походом русской армии или корпуса в Индию. По отзыву многих путешественников, одно появление русского штыка на берегах Инда или даже в Герате должно произвести общее восстание в населении индо-британских владений, ненавидящем своих притеснителей, и разрушить шаткое создание лондонской политики. Но, по убеждению многих, отзывы эти весьма поверхностны, преувеличены, односторонни или пристрастны. Конечно, во всей Азии заметна большая ненависть к англичанам, но в Индии еще заметнее глубокое убеждение в силе Великобритании, в непобедимости ее флотов, в превосходстве ее коварной, но искусной и непоколебимой политики. Владычество, которое удерживают более 100 млн. подданных в повиновении армией, сформированной из туземцев, при небольшой помощи английских войск, нельзя считать шатким, и такое положение доказывает, что великобританское правительство успело связать интересы многих самых влиятельных классов населения с своими интересами. Угнетенных и недовольных без сомнения много, но можно более чем сомневаться, чтобы эти неудовольствия выразились восстанием, пока могущество этого правительства не будет поколеблено решительными

---

* *На полях помета Александра II*: «Доселе доказывали, но обстоятельства покажут, что будет далее».

** *То же:* «Вот чего я и опасаюсь».

*** *То же*: «Дай Бог!».

и неоднократными поражениями его войск. В последние 20 лет эта держава много успела сделать к упрочению за собою своих индейских владений. Влияние, приобретенное ею в Афганистане, обеспечило самую опасную часть ее границ, а проложение в Ост-Индии железных дорог на огромных протяжениях и развитие в больших размерах судоходства по главным рекам этой страны, в особенности по Инду, дозволяют ей сосредоточивать в короткое время весьма значительные силы, на каком бы пункте ни угрожал ей неприятель; наконец, громадные ее флоты и замена парусных судов пароходами и винтовыми кораблями дают ей средства с успехом подкреплять войска свои в Ост-Индии.

Эти соображения должны убедить, что для поколебания ее могущества в Азии нужно бы двинуть в Афганистан целую армию и предпринять в отдаленной, горной и бесплодной стране многолетнюю войну, где на стороне Англии были бы выгоды близости источника ее способов от театра действий, скорейшего подкрепления своих действующих корпусов и снабжения оных военными и продовольственными запасами, совершенного знания края и следовательно умения пользоваться всеми его средствами, издавна установленных сношений с туземцами, возможности избегать боя и принять оный только там, где обстоятельства будут ей благоприятствовать; русской же армии предстоял бы дальный и рискованный поход в неизвестную страну, необходимость оставлять на пути много войск для обеспечения своих сообщений, невозможность продовольствоваться в занятом ею крае и еще более подвозить запасы от Каспийского моря, большая убыль от лишений и болезней в непривычном климате, без надежды скоро пополнять оную, неудачи от незнания местности, весьма слабая надежда на какое-либо содействие даже части населения, а по всей вероятности, вооруженное сопротивление массы жителей, между коими правители и влиятельные лица подкуплены золотом Англии, тщетное ожидание решительного сражения, которое настанет тогда только, когда она уже будет значительно расстроена. Важнее всего вышесказанного неверность союза продажной Персии.

Мне кажется, что все эти обстоятельства доказывают более нежели трудности, но и самую невозможность исполнения столь рискованного предприятия.

Другие, более осторожные, имея в виду эти трудности, ограничивают цель похода занятием Герата, в убеждении, что этого достаточно, чтобы поколебать если не владычество англичан в Ост-Индии, то по крайней мере влияние их в Афганистане. Действительно, обладание этим пунктом важно для Персии, ибо оно обеспечило бы восточную границу ее от покушений соседних владетелей; весьма естественно, что и для Англии выгоднее видеть вход в Афганистан в дружеских или нейтральных руках, нежели в неприятельских. Но нет никакого основания думать, что одним завоеванием Герата мы можем произвести восстание в Кабуле или Кандагаре или склонить их владетелей к действиям против англичан.

Конечно, занятие Герата может иметь последствием избавление Персии от владычества англичан, устранение их от приближения к Каспию и упрочение за нами влияния на Персию.

Весьма вероятно, что с приближением русских войск в эти места многие недовольные обратятся к нам с просьбою о помощи, т.е. чтобы отряд шел вперед и углубился в горы, и дадут нам разные несбыточные обещания, но никак нельзя ожидать, чтобы жители какой-либо области согласились действовать заодно с нами, пока британские войска не испытают решительного поражения.

Чтобы оценить эти случайности, должно сказать, что кратчайший и удобнейший путь от Каспийского моря к Герату пролегает через Астрабад и Мешед, следовательно, первым условием успеха есть прочный несомненный союз с Пер-

сией и полное ее содействие*. Можно сомневаться, чтобы в настоящих обстоятельствах, вскоре после того, когда она должна была уступить всем требованиям Англии**, вследствие совета нашего правительства возвратить Герат, по невозможности подать ей помощи, Персия охотно согласилась объявить войну Великобритании, чтобы она не усомнилась в быстрой перемене обстоятельств, ныне не дозволяющих России оказать ей покровительство, чтобы она не подозревала, что при неблагоприятном обороте дел она одна сделается жертвою мстительности могущественной морской державы. Но допуская даже, что мы ее к тому склоним, можно ли быть вполне уверенным, что когда войска наши углубятся к границам Афганистана, слабое, вероломное и продажное персидское правительство не изменит своих намерений, когда влиятельные лица в его советах будут подкуплены агентами лондонского кабинета, а шаху угрожать будут низвержением с престола и соперничеством разных претендателей, всегда готовых в руках Англии, когда английский флот явится в Персидском заливе и на Ефрате, наконец когда по проискам Великобритании, Турция, ныне вполне ей подчиненная, вынуждена будет принять участие в войне и, будучи обеспечена со стороны Европейской России нейтральным положением Придунайских княжеств, сосредоточит все свои силы в Анатолии, двигая отряды со стороны Багдада и Котура и на наши Закавказские мусульманские провинции. Нельзя ли опасаться, что в таком случае или шах откажется от союза с нами, или во владениях его последуют восстания, которые прервут коммуникационную линию нашего отряда из Герата с Каспийским морем, обстоятельство, которое поставило бы оный в опасное положение.

Все доселе сказанное относится к предполагаемому театру войны на Востоке, но не должно забывать, что всякое столкновение России с Великобританией в Азии будет сигналом и к войне в Европе, скрепит союз сей последней державы с Францией, или даже предупреждено будет появлением английских флотов на Черном и Балтийском морях, и усилиями Англии к образованию новой против нас коалиции. Первое из сих событий, прекращая всю нашу отпускную торговлю, подвергнет опять разорению все прибрежье сих морей, столько пострадавшее во время последней войны, и вынудит нас опять к такому же напряжению всех наших военных способов для обороны обширных границ от Торнео до Каспийского моря. Что касается до коалиции, то не должно ли опасаться, что кроме Турции к ней пристанет Австрия, готовая воспользоваться всяким случаем для осуществления своих враждебных к нам политических видов, за нею Швеция, которая уже обнаружила не весьма приязненное к нам расположение, а может быть даже и Франция, правитель коей держится на престоле преимущественно влиянием Великобритании и, судя по прошедшему, подчинился ее политике и содействует ей даже в тех предприятиях, которые совершенно противны выгодам управляемого им государства, хотя он и прикрывает эту подчиненность разными благовидными предлогами и утешает народ призраками военной славы и кажущимся восстановлением политического значения его в Европе. С нашей же стороны союзников в виду не имеется.

Прежде чем решиться на такую общую борьбу или приступить к таким сношениям, действиям или приготовлениям, которые должны бы ускорить столкновение наше с Англией, необходимо также принять в расчет и финансовое положение государства, т.е. что мы не имеем поныне денежных средств для ведения такой войны, которая объемом своим и издержками превзойдет даже последнюю,

* *На полях помета Александра II*: «Разумеется».

** *То же*: «Этого мы еще не знаем».

ибо театром действий кроме Европейской России будет Персия, Турция и Средняя Азия, и что война эта произвела бы финансовый кризис, последствия коего очевидны.

Мысли генерал-адъютанта князя Барятинского были изложены до заключения мира с Персией[16], в ожидании подавления оной значительными силами в Персидском заливе и в Пенджабе; опасения его в то время и требование усиленных, скорых приготовлений были, конечно, не без основания. Если бы мир с Персией не состоялся, то тогда все предположения князя Барятинского, в мере указанных наших суждений, могли бы требовать безотлагательных усилий.

При настоящем положении дел, осмеливаюсь всеподданнейше повергнуть Вашему императорскому величеству мое убеждение, что начатие теперь же явных приготовлений, обнаруживающих цель наших предположений, подало бы только повод к новому разрыву, столь сильно желаемому английским министром для того, чтобы подвинуть снова все народные силы под предлогом завоевательного духа России. Нам необходимо время для устройства наших финансов, внутренней военной организации, возобновления всех запасов и устройства удобных сообщений, отсутствие коих было столь гибельно в последнюю войну*.

По всем этим соображениям в настоящее время наше военное положение и общая наша политика, как в Средней Азии, так и в Европе, должна быть выжидательная, а не наступательная, то есть, что мы должны быть готовы упорно защищать, даже вооруженной рукой права, приобретенные нами трактатами, по которым на Каспийском море могут плавать исключительно только наши военные суда, и наконец ту степень влияния на Персию, которая необходима для охранения спокойствия в наших пограничных областях, но не более**. Когда же мы приготовим все необходимые средства, когда политические обстоятельства изменятся, т.е. когда союз Англии с Францией расторгнется, вследствие ли перемены правителя или неизбежного столкновения противоположных интересов, когда самое расширение британских завоеваний в Азии ослабит связь сих владений, развлечет ее силы, доведя их до крайнего напряжения, когда мы приуготовим путь к нанесению ей ударов и обеспечим возможность успеха прочными союзами, тогда настанет время действовать более решительно против Великобритании, чтобы поколебать владычество ее в Азии.

К военному выжидательному положению отношу я следующие приготовления, кроме постепенных улучшений в устройстве наших военно-сухопутных и морских сил:

А. Со стороны Европейской России

1. Постепенное довершение укрепления Кронштадта, а Керченского пролива безотлагательное.

2. Впоследствии, соразмерно с финансовыми средствами, окончание укрепления Свеаборга, Риги, Николаева и Бугского лимана, как средоточий наших морских или торговых средств на Балтийском и Черном морях.

Б. Со стороны азиатской границы

1. Постепенное распределение наших действующих сил на таком основании, чтобы можно было быстро подкреплять кавказские войска или двинуть отряд прямо на Персидские берега, для чего утвержденная Вашим императорским величеством новая дислокация армии представляет полную возможность.

По этой дислокации весь 6-й армейский корпус и резервы, как оного, так и 4-го корпуса, расположены в приволжских губерниях, откуда можно удобно на-

---

* *На полях помета Александра II*: «С этим и я совершенно согласен».

** *То же*: «Справедливо».

править войска 6-го корпуса вниз по Волге и Каспийскому морю в Баку, Ленкорань или Астрабад.

Что касается до резервных дивизий, то они должны исполнять прямое свое назначение — формирование и укомплектование своих частей.

2. Некоторое увеличение, хотя не в больших размерах, военных морских средств в Каспийском море, но в особенности возможно большее развитие коммерческого пароходства по этому морю и по Волге, чтобы иметь возможность скорее перевозить как поименованные войска, так и необходимые запасы на театр войны из приволжских губерний, Астрахани, укр. Петровского, Дербента и Баку*.

3. Своевременное заготовление в достаточном количестве продовольственных и боевых припасов в Астрахани и Баку, на случай военных действий в Персии.

4. Скорейшее вооружение войск Кавказского корпуса штуцерами и ударными ружьями**.

О мерах, принятых Военным министерством по последним двум предметам, я имел уже счастие довести до сведения Вашего величества.

Относительно упоминаемой генерал-адъютантом князем Барятинским железной дороги между Каспийским и Аральским морями, заключение особого Комитета уже было всеподданнейше доложено Вашему императорскому величеству.

Обязываюся с моей стороны присовокупить только, что если бы невзирая на непреодолимые затруднения, дорога эта и была устроена, то она принесла бы мало пользы в случае войны с Англией в Афганистане.

Как уже выше сказано, удобнейший, кратчайший и единственно возможный путь к Герату пролегает через Астрабад и Мешед, где войска наши встретили бы наименее местных препятствий, более изобильный край и столько средств для продовольствия, сколько можно найти в восточных невозделанных и неустроенных азиатских странах. Движение же вдоль по Аральскому морю или плавание вверх по реке Аму-Дарьи не представляет ни одного из этих удобств, не говоря уже о том, что перевозочных средств на Аральском море нет и едва ли они могут быть скоро устроены. Первый из сих путей, вдоль западного берега упомянутого моря, проходит в безводной степи, в случае выбора второго, т.е. вверх по Аму-Дарьи, надобно бы было начать с занятия Хивы и продолжать движение по землям, где народонаселение едва ли не будет действовать против нас враждебно, и следовательно даже выгоды сплава тяжестей, если б и нашлись достаточные перевозочные средства, не окупили бы встреченных затруднений и замедлений. Должно еще заметить, что мы не имеем сведений, до какого пункта р. Аму-Дарья судоходна, если б судоходство на оной и возможно было до самого Балка, т.е. почти до верхов реки, что, впрочем, весьма сомнительно, то при переходе от этого города в Афганистан оставалось бы преодолеть величайшие затруднения, в особенности при перевале через высокий хребет Гиндукуш, где весьма немногие и трудные проходы, занятием и укреплением коих неприятель может остановить наступление целой армии. Следовательно, устройство упомянутой железной дороги не могло бы нисколько обеспечить или облегчить успех наших наступательных действий к Герату.

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 77—99. Подлинник.

---

* *На полях помета Александра II*: «На это уже обращено внимание, и оно исполняется по мере возможности».

** *То же*: «Да».

Примечания

[1] Барятинский Александр Иванович (1815–1879) – военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1859). Происходил из старинного княжеского рода, начал военную службу в 1831 г. В 1835 г. принимал участие в боевых действиях на Кавказе, был ранен. В период Восточной войны 1853–1856 гг. – начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, в 1856–1862 гг. – главнокомандующий и наместник на Кавказе. В 1859 г. войска под командованием Барятинского взяли в плен Шамиля, что ускорило окончание войны на Кавказе.

[2] Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) – военный и государственный деятель, генерал от артиллерии (1852), генерал-адъютант (1856). Начал военную службу в 1811 г., участник Отечественной войны 1812 г., служил в артиллерии. В 1856–1861 гг. – военный министр.

[3] Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – дипломат и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Начал военную службу после окончания Пажеского корпуса, а после окончания Императорской военной академии служил по Генеральному штабу. В 1856 г. был назначен русским военным агентом в Лондоне и с этого времени находился на дипломатической службе. В 1858 г. возглавлял миссию в Хиву и Бухару, а затем вел переговоры в Китае, завершившиеся в 1860 г. заключением Пекинского договора. В 1864–1877 гг. – русский посол в Константинополе, в 1878 г. подписал от имени России Сан-Стефанский мирный договор с Турцией. В 1881–1882 гг. – министр внутренних дел.

[4] Неверовский Александр Андреевич (1818–1864) – генерал-лейтенант. Начал военную службу в 1834 г. прапорщиком. В 1838 г. окончил курс Военной академии, был зачислен в Генеральный штаб и в 1840–1845 гг. служил на Кавказе, участвуя в многочисленных экспедициях против горцев. В 1845 г. Неверовский вернулся в Петербург. В этот период опубликовал в «Военном журнале» ряд работ по материалам, собранным на Кавказе: «Исторический взгляд на Дагестан», «О начале беспокойств в северном и среднем Дагестане», «Истребление аварских ханов». В период Восточной войны находился на Кавказе в должности начальника штаба войск Прикаспийского края, а позднее Александропольского отряда. После окончания войны до 1858 г. был начальником Кавказского отделения Департамента генерального штаба.

[5] Имеются в виду события первой англо-афганской войны 1838–1842 гг. Поводом к началу военных действий послужило пребывание в Кабуле в 1837 г. русского представителя поручика И.В.Виткевича, который вел переговоры с эмиром Дост-Мухаммедом об установлении дружественных отношений России и Афганистана. Несмотря на то что Виткевич был отозван из Кабула, 1 октября 1838 г. генерал-губернатором Индии была опубликована декларация, содержавшая объявление войны. Весной 1839 г. англо-индийская армия вторглась в Афганистан, а в августе того же года вступила в Кабул. Эмир Дост-Мухаммед покинул столицу, и на престол был посажен английский ставленник Шах-Шуджа, что не было принято большинством афганцев и вызвало ряд восстаний в стране. В ноябре 1841 г. восстание вспыхнуло в Кабуле, Шах-Шуджа и английские советники были убиты, а отступавший через Хайберский проход отряд генерала У.Эльфинстона уничтожен афганцами. В 1842 г. англичане предприняли карательную экспедицию на Кабул, но удержаться в Афганистане не смогли и были вынуждены признать свое поражение.

[6] Чириков Егор Иванович (1805–1862) – генерал-майор Генерального штаба (1853 г.). Принимал участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1848 г., будучи в чине полковника Генерального штаба, назначен посредником со стороны России при определении турецко-персидской границы. В 1856–1858 гг. был комиссаром от России при определении русско-турецкой границы в Азии. Одновременно с 1855 г. был представителем Военного министерства в Комитете, учрежденном для определения основных начальных условий сооружения в России железных дорог частными компаниями.

[7] Здесь имеются в виду работы путешественников по Индии и Средней Азии: «Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества» (ч. 1–3, М., 1848–1850); *Варрен Э.* Английская Индия в 1843 году (ч. 1–3, М., 1845).

[8] Речь идет о событиях, связанных с англо-иранской войной 1856–1857 гг., поводом для которой послужили притязания Ирана на принадлежавший Афганистану Гератский оазис. В начале 1856 г. иранские войска осадили Герат, и в октябре город был взят. Поскольку иранские притязания были поддержаны Россией, британское правительство, опасаясь угрозы со стороны последней своим владениям в Индии, 1 ноября 1856 г. объявило Ирану войну. В декабре английский десант выса-

дился на иранском побережье Персидского залива, захватил порт Бушир и предпринял демонстративное движение на Шираз. 4 марта 1857 г. в Париже был заключен мирный договор, по которому Иран отказывался от претензий на Герат и выводил оттуда свои войска.

[9] Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — князь, государственный деятель, дипломат, канцлер (1867). Воспитывался в Царскосельском лицее, был в составе первого выпуска вместе с А.С.Пушкиным. На дипломатической службе с 1817 г. В 1820—1822 гг. неоднократно сопровождал министра иностранных дел на конгрессы Священного союза. До 1856 г. занимал различные дипломатические посты в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне, Вене. После назначения в 1856 г. на должность министра иностранных дел посвятил свою деятельность борьбе за ликвидацию последствий поражения России в Восточной (Крымской) войне. В 70-х годах обеспечил своей дипломатической деятельностью нейтралитет великих держав в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., однако неудачный для России исход Берлинского конгресса 1878 г. ослабил влияние Горчакова на внешнюю политику, а с 1879 г. он фактически отошел от дел, хотя формальная отставка последовала в 1882 г.

[10] Имеется в виду Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг., в которой Россия потерпела поражение, усилившее политический и социально-экономический кризис в стране.

[11] Под этим термином подразумевается либеральный кабинет Г.Пальмерстона, возглавлявшего правительство Великобритании с 1855 по 1865 г. (с коротким перерывом). Провозглашал исторической миссией Англии борьбу за распространение конституционных свобод в абсолютистской Европе. Политика в отношении России определялась стремлением Пальмерстона ликвидировать русское влияние на Ближнем Востоке и не допустить расширения этого влияния в Средней Азии. В ходе Восточной войны, после падения Севастополя, он настаивал на продолжении военных действий с целью отторжения ряда частей Российской империи. До конца жизни Пальмерстон оставался непримиримым противником России.

[12] Ливен Вильгельм Карлович (1800—1880) — генерал-адъютант (1845 г.), генерал от инфантерии. Начал военную службу в 1821 г. В 1824 г. принимал участие в экспедиции к Аральскому морю. В 1827 г., будучи подпоручиком Гвардейского генерального штаба, был командирован в Константинополь, затем участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В 1833 г. сопровождал А.Ф.Орлова на переговорах о заключении Ункяр-Искелесийского договора с Турцией, был командирован в Малую Азию для изучения театра военных действий. В 1834 г. в чине полковника назначен обер-квартирмейстером Гвардейского корпуса. В 1855—1861 гг. занимал должность генерал-квартирмейстера Главного штаба. В 1863 г. был назначен членом Государственного совета.

[13] Виткевич Ян (Иван) Викторович (1808—1839) — русский офицер, путешественник. Происходил из польской дворянской семьи. В 1823 г. за участие в польской тайной организации был арестован и сослан рядовым солдатом в Оренбургский корпус. В 1829 г. известный немецкий ученый Александр Гумбольдт, совершая путешествие по России, встретил в Орске Виткевича, который к этому времени, зная персидский язык, занимался изучением края. По ходатайству Гумбольдта Виткевич был в 1833 г. произведен в офицеры и с этого времени выполнял различные дипломатические поручения в степных кочевьях. В 1835—1836 гг. он посетил Бухару, где встретил посланца афганского эмира, которого сопровождал в Оренбург, а затем в Петербург. В 1837 г. он был направлен с дипломатической миссией в Афганистан, однако его успешные переговоры в Кабуле были прерваны под давлением англичан, которые использовали факт русско-афганских переговоров как повод для начала войны против Афганистана. Вскоре после возвращения в 1839 г. в Петербург Виткевич покончил с собой и сжег свои бумаги. Версия самоубийства была признана официально, хотя и вызывала сомнения.

[14] Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1843 г.). Начал военную службу в 1811 г. Участник Отечественной войны 1812 г., русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В 1833—1842 гг. — военный губернатор Оренбурга и командир отдельного Оренбургского корпуса. В 1839—1840 гг. руководил неудачным походом русских войск на Хиву. С 1846 г. — член Государственного совета. В 1851—1857 гг. — генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний. В 1853 г. во главе военного отряда штурмом овладел крепостью Ак-Мечеть (позже Форт-Перовский, г. Перовск, г. Кзыл-Орда). Заложил ряд укреплений на Сырдарье и организовал Аральскую военную флотилию.

[15] В 1834 г. русское правительство содействовало восшествию на иранский престол Мохаммед-шаха и поддерживало некоторые его замыслы, одним из которых было стремление вернуть под свой контроль ранее принадлежавший Ирану Гератский оазис. В 1837 г. иранские войска осадили Герат, а царское правительство согласилось прислать в помощь Мохаммед-шаху своих военных советников, которые прибыли в апреле 1838 г. Английское правительство предприняло сильнейший нажим на Петербург, обвиняя Россию в намерении установить свое господство на Среднем Востоке, чтобы

угрожать британским владениям в Индии. Английские офицеры приняли самое активное участие в организации обороны Герата. В итоге Мохаммед-шах был вынужден отказаться от своих планов и увести войска от спорного города.

16 Имеется в виду заключенный в Париже 4 марта 1857 г. англо-иранский мирный договор. См. примеч. 8.

№ 37—38

21 марта 1857 г. — 1 января 1859 г. Документы об избрании почетным членом Императорской академии наук первого индийского ученого санскритолога Радхаканты Раджи Бахадура

№ 37

21 марта 1857 г. — Письмо Радхаканты Раджи Бахадура[1] непременному секретарю Императорской академии наук А.Ф.Миддендорфу[2] с благодарностью за избрание почетным членом Академии

Сэр, имею честь подтвердить получение Вашего письма № 2112 от 2/14 января 1857 г. и просить Вас об одолжении передать ученой Академии наук мою глубочайшую благодарность за высокую честь, которую она оказала мне, избрав меня своим почетным членом, и за добрые чувства, которые она проявила ко мне, индусу из далекой страны Индии, скромному исследователю санскрита.

Принося Вам свою искреннюю благодарность за Ваши добрые чувства ко мне и желая успеха высокочтимым членам академии, остаюсь с чувством глубокого уважения и почтения

Ваш покорный слуга Радхаканта Раджа Бахадур.

АРАН (СПб.), ф. 1, оп. 2, 1857, № 39, § 79, л. 1 и об. Автограф. Перевод с англ. составителя. Факсимиле в ст. М.И.Родовского «Из истории русско-индийских научных связей» (сб. «Из истории науки и техники в странах Востока». Вып. 1. 1960, с. 137).

№ 38

1 января 1859 г. — Письмо Радхаканты Раджи Бахадура непременному секретарю Императорской академии наук А.Ф.Миддендорфу с уведомлением о получении Диплома об избрании почетным членом Академии

Сэр, спешу уведомить Вас о получении Диплома о моем избрании почетным членом Императорской академии наук и прошу Вас об одолжении передать ее собранию мою глубокую благодарность за оказанную мне честь.

Широкое поле знаний, возделываемое с завидным энтузиазмом и неутомимым упорством, обещает подарить превосходный урожай, который станет общим достоянием тех, чья цель — познание, и именно на филологическое отделение с особым интересом устремлены взоры индусов, поскольку исследования в этой области будут способствовать подобным обществам в других странах Европы, установлению важных этнологических фактов. Они послужат также сохранению и распространению древней науки Индии.

Состоять членом этого общества наряду со знаменитыми учеными — действительно честь, которой я должен гордиться, и хотя мой преклонный возраст не позволяет мне принимать активное участие в работе общества, я всегда готов выполнять заповеди этого общества для того, чтобы продвигать его благородные цели, насколько позволят мне мои слабые силы.

Несколько дней назад я получил заключительные выпуски первой части санскритского словаря[3], который выходит в свет при содействии Академии, до страницы 800 второй части, равно как и Бюллетень Академии (историко-филологического отделения, том XIV, и физико-математического отделения, том XV), за которые приношу мою искреннюю благодарность.

Имею честь, сэр, быть Вашим покорным слугой Радхаканта
Раджа Бахадур.

АРАН (СПб.), р. V, оп. I–Р, № 62, л. 1 и об. Автограф. Перевод с англ. составителя.

Примечания

¹ Радхаканта Раджа Бахадур, полное имя Радхаканта Деб Раджа Бахадур (1784–1867), санскритолог, автор словаря «Śabdakalpadruma». 1–7, 1819–1851, который он составлял 36 лет. Во 2-й четверти XIX в. российские востоковеды начали изучение санскрита и внимательно следили за выходившими в то время изданиями на эту тему. В 1835 г. Р.Х.Ленц, российский санскритолог, лингвист и филолог, в журнале Королевского азиатского общества опубликовал рецензию на два первых тома словаря Радхаканты Раджи Бахадура. В связи с подготовкой академиком Отто Бётлингом в 1852–1875 гг. многотомного санскритского словаря «Sanskrit-Wörterbuch». Hrsg. von der Kaiserlichen Akad. der Wiss. T. 1–7, St-Pb., 1855–1877, известного также под названием «Большого Петербургского словаря», возникла насущная необходимость работать с этим изданием. Это побудило Императорскую академию наук обратиться к индийскому санскритологу с просьбой выслать им экземпляр своего словаря. В 1856 г. он был получен, и в том же году Радхаканта Раджа Бахадур был избран Почетным членом Императорской АН. Словарь был высоко оценен европейскими востоковедными обществами, королева Виктория удостоила автора медали, а в 1866 г. он стал кавалером ордена «Звезда Индии» 2-й степени. Радхаканта Раджа Бахадур активно участвовал в работе Бенгальского азиатского общества, ратовал за женское образование и за широкое распространение национальных школ.

В XIX в. у индийцев не было фамилий в европейском понимании, в антропоним человека наряду с его именем входили титулы и почетные звания, поэтому на протяжении жизни одного и того же лица его полное имя могло звучать по-разному. Публикуемые нами письма имеют четкую подпись: Радхаканта Раджа Бахадур, между тем в упомянутой выше рецензии Р.Х.Ленца автор словаря назван Радхакантой Дебом, а в словаре К.Е.Бакленда (*Buckland C.E.* Dictionary of Indian Biography. L., 1906) как Деб Радха Канта Раджа Бахадур. Деб в Бенгалии или Дев в хиндиязычных регионах — титул брахмана или особо почитаемого лица, т.е. это было прибавление к имени собственному или от рождения, или по достижении определенных в глазах общества заслуг, этот титул был как бы общественным. Титул Раджи Бахадура — служебный, полученный автором словаря от колониальной администрации в 1837 г. Таким образом, полное имя индийского санскритолога Радхаканта Деб Раджа Бахадур.

² Миддендорф Александр Федорович (1815–1894) — русский путешественник и естествоиспытатель, занимался зоогеографией, мерзлотоведением, климатологией, с 1852 г. академик Императорской АН, непременный секретарь АН в 1855–1857 гг.

[3] Имеется в виду: *Böhtlingk O. und Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. Hrsg. von der Kaiserlichen Akad. der Wiss. T. 1–7. St-Pb., 1855–1877.

№ 39—40

26 июля – 1 августа 1857 г. – Документы об индийском Народном восстании 1857–1859 гг.

№ 39

26 июля 1857 г. – Донесение русского военного агента в Лондоне полковника Игнатьева Н.П. военному министру[1] о сипайском восстании

Господину военному министру [от]
флигель-адъютанта полковника
Игнатьева

Рапорт

Нынешнее положение сил в Индии известно Вашему Высокопревосходительству в подробности уже из газет.

Возвратившись на этих днях в Англию, я поспешаю однако же представить Вашему Превосходительству донесение по сему предмету. Восстание в Индии – не внезапный бунт нескольких туземных полков против Компании, а скорее выражение стремления края освободиться от ненавистного им ига иноземцев. Приметы неудовольствия в жителях и особенно в войсках весьма многочисленны и накопились издавна, и об оных отчасти упомянуто было и в Парламенте (в речах Дизраэли[2], лорда Эленборо[3] и др.), и в газетах, но, по-видимому, главное заключается в сознании, родившемся в туземных войсках, своей силы, в сравнении с малочисленностью европейских войск, в мысли о возможности самостоятельности, в негодовании, давно питаемом между туземными офицерами, на исключительность прав англичан, в злоупотреблениях лиц управления и в всепожирающей алчности Компании, обнаружившейся в особенности в последние годы; туземные властители, даже те, кои пребывали верными Компании и во времена испытаний, – убедились, что всем владениям в Индии не избегнуть поочередно участи королевства Удского[4] и что рано или поздно всякий клочок земли, досягаемый для английских торгашей, будет ими захвачен. Частные неудовольствия получали общее направление, как мне кажется, еще во время минувшей войны[5], когда беспрестанные толки о походе наших войск в Индию и мнимом союзе нашем не только с Персиею, но и с Афганистаном и другими властителями в Средней Азии и опасения англичан породили в Индии ожидание войны в пределах завоеванного Компанией края и выказали возможность благоприятного случая для Индии возвратить свою независимость.

Разнородность и разнохарактерность народонаселения Индии, различия, в особенности поставляемые вероисповеданиями в туземном населении, невежество бывших туземных властителей, которых приходилось поставить во главе восстания, недостаток энергического и даровитого человека для осуществления таившегося замысла, громадность края, взаимно враждебные чувства между жителями некоторых владений Компании, искусно до сих пор раздуваемые англи-

чанами, недостаток зрелости задуманного плана и времени для согласования всех соучастников и некоторые другие частные обстоятельства, о коих будет упомянуто ниже — воспрепятствовали сему восстанию сделаться с первого раза общим во всей Индии. Теперь не подлежит уже никакому сомнению, что восстание имело основанием заговор между махомеданами, в коем приняли участие король Удский[6] и его бывшие министры, владетель Памира, наваб Маршедабадский[7] и некоторые другие лица, цель сего заговора даже по сознанию самих англичан состояла в освобождении Индии от владычества иноземцев и образовании нескольких индийских государств из владений Компании и, главное, возвращение махомеданского преобладания в крае. Восстание не только не исключительное дело одних высших каст индусской религии, как в сем хотело увидеть Министерство для уменьшения значения мятежа в глазах Европы, но преимущественно произведено махомеданами. Король Делийский[8] — махомеданского вероисповедания, и большинство восставших войск также махомедане. Индусы приняли в оном участие по общей ненависти к англичанам и на основании распространенных слухов махомеданами об угрожающей их религиям опасности. Естественно, что заговорщики обратили особенное внимание на войска, так что жители и не были посвящены в тайну замысла. Не без основания полагать можно было, что ежели бенгальская армия одержит даже временно успех, то примеру оной последуют не только войска остальных двух президентств, но и все жители Индии, индустанского и махомеданского вероисповедания. На армию Бенгальского президентства обратили заговорщики преимущественно пред прочими внимание потому что 1) армия эта, будучи более многочисленною, была более других войск по разным причинам недовольна Компаниею и менее дисциплинированна. 2) Король Удский и владетель Гвалиора[9] могли иметь непосредственное влияние на решимость робких пред европейцами сипаев, ибо около половины туземных солдат в сих войсках набраны из бывших удских владений, а Гвалиор поставляет значительный контингент, а именно 7 пехотных, 2 кавалерийских полка и 5 батарей; 3) по большей однородности состава туземных армий Бенгальского президентства тайные предварительные сообщения в войсках были легче и представляли более ручательств в безопасности, нежели тогда, когда сие бы сделалось известным и в мадрасской, и в бомбейской армиях. 4) В Дели — древней индейской столице — были расположены бенгальские войска, а также близ Калькутты — резиденции генерал-губернатора и центре всего управления краем — коим надлежало овладеть в начале восстания, и наконец, 5) Купцы махомеданские — зачинщики заговора и прежние владетельные лица, долженствовавшие играть роль в сем восстании, имели жительство в районе этой армии.

Вероятно для того, чтобы согласоваться с понятиями туземного войска, подготовить бессознательно умы к восстанию и скрыть до времени свои замыслы, заговорщики ограничились распространением в войсках только слухов о намерении англичан обратить туземные войска в христианство и для сего начать незаметным образом приучать их к нарушению правил их религии и «вывести их таким образом из касты».

Министерство лорда Пальмерстона[10], желая прикрыть в глазах общественного мнения временное свое бессилие и извинить хотя сколько-нибудь свою непростительную беспечность, старалось уверить, что восстание в Индии — совершенно неожиданное событие. Многие признаки и неоднократные предупреждения о неудовлетворительном состоянии дисциплины в туземных войсках и ненадежность оных вследствие неудовольствий на правительство и происходившие в Индии между войсками и отчасти жителями непонятные административным в Индии лицам какие-то тайные сношения — остались без внимания, несмотря на

известную бдительность и обычную подозрительность английского правительства, так, например, еще прошлою зимою делалось известным, что в различных частях Бенгальского президентства и в особенности между военными квартирными пунктами передавались таинственные знаки, как напр., хлеба особенной формы и в известном числе, цветы и пр.

Правительство или по крайней мере Компания, как мне кажется, даже ожидали, что в Индии могут возникнуть при первом удобном случае беспорядки, и не приняли надлежащих мер заблаговременно для усиления войск потому только, что не полагали, чтобы могло случиться восстание так скоро и в таких размерах, и потому, что финансы Компании не были в последнее время в цветущем состоянии, почти ежегодно расход по Индии превосходит с лишком на 1 000 000 фунт стерл. доходы, получаемые собственно от края. Из прежних донесений моих Вашему Высокопревосходительству известно, что я неоднократно слышал от многих английских офицеров и лиц военного министерства об опасности, угрожавшей Индии, ежели она будет предоставлена на произвол ненадежной туземной армии, о необходимости и намерении правительства усилить европейские войска в том крае для предупреждения беспорядков. Наконец, ежели бы правительство и не обратило должное внимание на проявлявшиеся несколько раз в течение прошедшей зимы тайные сношения между жителями и частые восстания, то бунты в нескольких войсках нынешнею весною[11], о коих я также доносил Вашему Высокопревосходительству, могли служить лучшим указанием на угрожающую опасность.

Сколько мне кажется, первоначально предположено было произвести восстание во время войны с нами, оно было отложено до более благоприятного времени, когда в Индии проведали о неожиданном в Азии заключении Россиею Парижского мира[12]. Война Англии с Персиею[13] и ожидавшееся в Индии вмешательство России показались благоприятным случаем для возобновления тайных приготовлений, замечательно, что корреспонденция между туземцами посредством хлебов была замечена Правительством в непродолжительном времени после отплытия экспедиционного корпуса в Бушир. Открывшиеся военные действия в Кантоне[14] оживили надежды заговорщиков до того, что в некоторых полках проявились открытые беспорядки, усилившиеся вскоре так, что Правительство нашлось вынужденным прибегнуть к самым строгим наказаниям: распустить даже 19-й туземный полк и вешать зачинщиков.

Мне кажется, что к открытому действию туземцев вызвало дошедшее до них несколько поздно известие о скором прибытии в Азию английских войск, предназначенных для действий в Китае, и нескольких королевских полков, имевших отправиться нынешним летом на смену части королевской армии, в Индии расположенной. Зародилась мысль, что можно будет одолеть европейские войска до прибытия подкреплений, ожидавшихся из Англии, и часть заговорщиков решилась начать восстание, не успев предупредить остальных, но надеясь, что исполнение заранее задуманного плана, т.е. овладение Дели, провозглашение индийским королем потомка Великого Могола и овладение затем Калькуттою и Фортом Вильямом[15] — в то время, когда английские войска отвлечены к Дели, — решат остальные туземные войска, и жители присоединятся к народному движению. Этому только преждевременному начатию действий и совершенному отсутствию даровитого руководителя можно более всего приписать бессвязность всего восстания, недостаточность успеха первых действий. Лучшим доказательством, что войска других президентств были подготовлены также к восстанию, но заговорщики не имели времени принять к нему достаточные меры, служит то, что в Мадрасском и Бомбейском президентствах были захвачены агенты,

присланные для сего из Бенгалии, а также то, что в Мадрасском президентстве — ближайшем к центру заговора — уже начинают проявляться беспорядки в войсках, тогда как в Бомбейском президентстве, в коем война совершенно не подготовлена заговорщиками, оные остаются еще покорными правительству и сочувствие к восставшим проявилось только в жителях махомеданского вероисповедания при получении известий из Калькутты.

Поводом к восстанию 3-го туземного регулярного кавалерийского полка, положившего начало мятежу, был, как Вашему Высокопревосходительству известно, отказ низших чинов употреблять для заряжения карабинов присланные только что в войска так называемые енфильдские патроны, сделанные из цельного куска жирной бумаги[16], образцы коих я предоставлял Вашему Высокопревосходительству. Ничтожность сей причины уже с первого взгляда доказывает, что оная не могла быть истинным поводом к такому сильному и общему восстанию*. Говорят, что 3/15 мая было назначено для общего восстания войск в Бенгальском президентстве и к повсеместному умерщвлению англичан, но наказание 85-ти нижних чинов 3-го легкого кавалерийского полка побудило полк этот ускорить бунтом и 10-го мая поднять против англичан туземные войска Мейрутского отряда для освобождения взятых под стражу виновных их товарищей. Сему преждевременному — против расчетов заговорщиков — восстанию части Бенгальской армии и недоразумениям, возникшим потом — отчасти вследствие сего, — махомедане приписывают несовершенный успех задуманного плана.

Из прилагаемого при сем списка полков Бенгальской армии, взятого из газет, усматривается постепенность восстания.

Принятые генерал-губернатором[17] с самого начала беспорядков решительные меры воспрепятствовали значительно быстрому распространению не только восстания, но и даже отчасти сообщению известия о занятии Дели:

1) в день получения известия о происшествии в Мейруте и Дели послано приказание по телеграфу во все части Индии захватить письменную корреспонденцию по почте и принять меры для прекращения сношения туземцев с инсургентами,

2) везде, где к тому представлялась возможность, ненадежные войска были обезоружены заблаговременно и внезапно, а бунтовщики или зачинщики недовольных наказаны быстро, беспощадно и нередко самым жестоким образом,

3) многие места, как, напр., Калькутта, объявлены в осадном положении, и многим частным местным военным начальникам даны полномочия самые обширные для принятия надлежащих мер,

4) ныне генерал-губернаторским повелением уничтожена свобода книгопечатания и установлен строгий надзор над журналами с тем, чтобы прекратить покушения туземных журналов способствовать развитию восстания,

5) все войска, коими можно только располагать в Бенгальском президентстве, были отправлены не теряя ни минуты к Агре, Мейруту и Умбала, т.е. концентрически к Дели, и отряд в числе около 4000 человек двинулся на сей город под начальством главнокомандующего Ост-Индскою армиею, генерала Анзона[18]. Генерал этот, впрочем, не дойдя до инсургентов, умер от холеры; более правдоподобным кажется мне известие, что он отравился из опасения ответственности при неудаче, считаемой им неминуемою;

6) не только европейские войска, кои можно было отрядить из Мадрасского и Бомбейского президентств (два королевских и европ. компанейский полк), по-

* Прим. Лучшим же доказательством сего служит то, что инсургенты, как ныне оказывается — стреляли близ Дели в англичан теми же патронами, введение коих произвело — по мнению многих — восстание (*примеч. автора*).

лучили немедленно приказание отправиться в Калькутту самым поспешным образом, но генерал-губернатор решился прямо от себя написать лорду Елгину[19] и генералу Эмбюрнхему о направлении четырех королевских полков, предназначенных в Китай, временно в Калькутту до усмирения мятежа, требование генерал-губернатора было исполнено лордом Елгином, и правительство одобрило сие распоряжение, изменив вследствие сего инструкцию английского уполномоченного и предписав лорду Елгину ограничиться действиями против Кантона,

и 7) в Пенджабе и в Раджпутане составлены подвижные колонны для подавления восстания.

С 10-го до 18-го мая только 8 пехотных полков, 1 кавалерийский и до 1000 ч[еловек] сапер и минер взбунтовались открыто и заняли Дели, умертвили попавшихся им в руки англичан — начав со своих офицеров — и провозгласили королем Индии одного из потомков Великого Могола. Овладение Дели дало с самого начала восставшим твердый опорный пункт. В Дели 150 000 жителей, город укреплен довольно изрядно и имеет арсенал и значительные склады военных запасов. В 1804 г. укрепления Дели были таковы, что немногочисленный гарнизон сипаев отбил усилия 20 000-й армии Холкара[20], имевшего при этом 100 орудий. До 1838 г. англичане поддерживали ежегодно и исправляли крепостную стену и ров. В этом году по распоряжению генерал-губернатора лорда Ауккланда[21] начались инженерные работы для усиления укреплений Дели. Теперь в Дели кроме стены, 2 или 3 земляных бастиона, вооружение, значительно усиленное средствами арсенала инсургентов, состоит из более 100 орудий (даже, уверяют, до 150 ор.), ров имеет местами до 50 футов ширины и может быть при всяком уровне в р. Жумне наводнен. Вышеизложенное заставляет меня предполагать, что распространившийся на этих днях слух о взятии 14 июня Дели надо считать преждевременным.

В Дели инсургенты захватили банк, имевший до 150 000 ф.стерл. наличного капитала. Из Дели разосланы прокламации, призывающие к восстанию всех туземцев Индии.

Восстание с каждым днем более и более распространялось. Ныне положительно уже известно, около $^{7}/_{8}$ туземной бенгальской регулярной армии уже взбунтовались и частью находятся в рядах инсургентов, в полном составе полков, частью обезоружены или разбежались между жителями. Остальная часть совершенно ненадежна и ждет только удобного случая для совершения задуманного всеми присоединения к инсургентам. Лучшим доказательством сего служит то, что 6-й туземный линейный полк, только что уверявший в адрес генерал-губернатора о пламенном желании доказать в бою с инсургентами преданность свою Ост-Индской компании, взбунтовался через несколько дней после изъявления полку особенного благоволения правительства и, умертвив своих офицеров, перешел в ряды восставших. Все убеждены в Англии, что несмотря на то, что в двух президентствах войска, по-видимому, даже негодуют на действия своих бенгальских товарищей, но неудачное для англичан дело с войсками, занимающими Дели, или даже одно промедление взятия сего центра мятежа достаточны для возбуждения армий президентств Мадрасского и Бомбейского к последованию примеру Бенгальских войск.

Правительство также, по-видимому, сим озабочено. Генерал-губернатор нашел нужным обезоружить 70-й туземный линейный полк, считавшийся самым надежным из всей бенгальской армии, и коему вследствие изъявления низшими чинами участвовать в действиях против инсургентов лорд Каннинг счел нужным лично выразить свое доверие за несколько дней только перед тем. Министерство же послало отсюда приказание лорду Каннингу не доверять туземным войскам,

не употреблять оных по возможности против инсургентов и обезоруживать при малейших признаках беспорядка. Восстание в Бомбае и Мадрасе ныне облегчено и было бы крайне опасно, потому что число европейских войск, оставшееся в обоих президентствах, за отправлением подкреплений в Бенгалию, так ничтожно, что генерал-губернатор требует настоятельно от министерства скорейшего прибытия по крайней мере 6000 ч[еловек] королевских войск для сохранения порядка в этих областях.

По последним достоверным известиям 30 000 туземных войск занимали Дели. Саперы и часть жителей работали ежедневно, усиливая укрепления города, а часть войск расположена была даже вне города. Английский отряд, бывший прежде под начальством генерала Анзона, состоит ныне под командой генерала Бернарда[22], пользующегося репутацией хорошего офицера, и имел с 8 по 14 июля четыре удачных дела с инсургентами, кои были всякий раз в числе не более 4000 или 5000 чел. и занимали первые два раза передовые укрепленные позиции, а последние два раза выходили из города с намерением отбросить от оного неприятеля, кроме того, происходили почти ежедневно стычки между инсургентами и англичанами. По всему видно, что между взбунтовавшимися еще нет даровитого военачальника, хотя, ежели верить английским газетам, в Дели и находилось несколько европейских офицеров. Следствием всех бессвязных действий инсургентов в окрестностях Дели была потеря 26 орудий, доставшихся англичанам. Выступление с города отрядов инсургентов доказывает, однако же, что ежели бы их вели в бой как следует, то можно бы ожидать других результатов от их действий, и что во всяком случае взятие Дели не может обойтись дешево англичанам, тем более, что, как говорят, бенгальские саперы очень хороши и туземные инженерные офицеры знакомы со своим делом.

Генерал Бернард ожидал подкрепление к 21 июню; отряд должен был увеличиться в этот день до 7000 ч., и к оному должны были присоединиться несколько батарей полевой артиллерии. Этот отряд будет тогда состоять из 3 кавалер. полков и 6 пехотных бат., 12 кон. и 6 пеших орудий 6-ти и 9-ти фунт. калибра, 2 ор. 18-ти фунт. и отдельного осадного парка.

Ожидали, что при неудаче отряд генерала Бернарда может подвергнуться нападению с двух сторон: 30 000 войска от Дели и 10 000 Гвалиорского контингента, находящегося почти в тылу генерала Бернарда и направляющегося также к Дели. Притом, у генерала Бернарда, как кажется, оказывается недостаток в патронах и зарядах и перевозочных средствах. Подкрепления европейских войск из Калькутты прибудут, по расчетам, не ранее 1 ноября к Дели, а ежели генерал Бернард не будет в состоянии предпринять решительное нападение на Дели до прибытия сих войск, то взятие сего города и вообще военные действия могут сделаться весьма затруднительными: разлитие рек во время дождей уничтожит нужные сообщения, а р. Жумна наполнит водой широкие рвы Делийской крепости.

Мятеж уже распространен ныне во всем Бенгальском президентстве, от Калькутты до границ Пунджаба. Во многих местах жители принимают участие, или, по крайней мере, сочувствуют сему событию. Не только регулярные войска восстали, но теперь присоединились к ним и некоторые иррегулярные полки, на преданность коих именно правительство рассчитывало, на том основании, что высшие индустанские касты не имеют на оные такого влияния, как сипайские войска. Сики и различные контингенты также начинают открыто присоединяться к восстанию. В Низаме[23] возникли сильные беспорядки, ожидают вскоре решительного присоединения к восстанию всего Низама и Синдии[24], а также некоторых из туземных еще властвующих владетелей. Были также беспокойства в вой-

ских Мадрасского президентства. На различных пунктах границы Бомбейского президентства обнаруживались восстания, но в самом президентстве жители ограничиваются изъявлением сочувствия, а войска продолжают оставаться в совершенном повиновении.

В Калькутте открыт был заговор овладения внезапно городом и крепостью и захвачены важные бумаги, уличающие бывшего короля Удского, его первого министра Nawab Alle Nucha Khan[25] в участии в восстании. Вследствие сего король и бывший его первый министр схвачены и заперты в крепость со всеми приближенными (в числе до 1000 ч.), а все находившиеся вблизи еще верные, повидимому, части туземных войск обезоружены. Принимаются самые решительные меры для обеспечения Калькутты, для сего даже составляется национальная гвардия из европейцев. Жителями сего города, как и вообще всеми европейцами, овладел панический страх. Говорили, что будто бы калькуттский банк приостановил даже свои операции; вообще нынешнее положение дел сильно отозвалось на банках и на фондах Индии.

В г. Лукнове управляющий бывшим королевством Удским сир H.Lawrence[26] держался с большим трудом и против туземных войск, и части жителей, принявших деятельное участие в восстании. Действует самым решительным образом и вешает и расстреливает всех инсургентов, попадающихся ему в руки. Говорят, что он ныне должен был запереться в укреплении с горстью европейцев.

Пунджаб еще содержится в порядке знергиею управляющего этой областью сира Джона Лауренса[27], обезоружившего внезапно все туземные войска (одновременно было обезоружено, накануне назначенного заговорщиками дня восстания, 5 пехотных полков) и казнящего без всякой пощады подозреваемых им в злобных замыслах против правительства*. Распоряжения Джона Лауренса были до того удачны, что он не только сохранил в совершенной покорности еще до сих пор сию важную для Англии область, но даже дал возможность образовать из пешаверского отряда подвижные колонны (до 5000 ч.), направленные к Дели, с тем чтобы обеспечить сообщение для усмирения восстания в промежуточной части края и подкрепления генерала Бернарда.

Главнокомандующим Ост-Индскою армиею назначен временно генерал Грант[28], пользующийся в Индии репутацией весьма способного, опытного и деятельного генерала. На сие место назначен министерством, как Вашему Высокопревосходительству известно, сир Колин Кампбель[29], бывший в последнее время генерал-инспектором пехоты. Генерал этот известен за храброго, опытного и деятельного, но сомневаюсь, чтобы умственные его способности, образование и военное дарование соответствовали столь важному назначению.

Предполагают, кажется, помочь этому тем, что назначат способного офицера — начальником штаба войск в Индии**, предоставят генералу Кампбелу лично руководить военными действиями, а общее и административное распоряжение по части военной в Индии поручат генералу Гранту, который будет оставаться в Калькутте в качестве военного члена Верховного совета.

---

* Прим. Представитель правительства, принимающего под свое покровительство всех возмутителей общественного спокойствия в Европе, не только вешает и расстреливает сипаев, но даже прибегнул к особенному способу смертной казни: 10 человек были привязаны к дулам заряженных орудий и члены сих несчастных рассеяны по воздуху. Ожесточение англичан против возмутившихся таково ныне, что надо ожидать ужасного мщения и бесчисленных казней в Индии; газеты, и в особенности «Times», готовят к тому кровожадными статьями общественное мнение в Англии (*примеч. автора*).

** Прим. Место начальника штаба до сем не существовало в Индии (*примеч. автора*).

Четыре пехотных полка, отправленные из Англии в Китай, ожидаются с нетерпением в Калькутту и значительно облегчат положение генерал-губернатора. Отправление войск в Китай можно считать столь же счастливою для Англии случайностью, как и прекращение войны с Персиею, ибо без сих войск инсургенты могли бы восторжествовать и в самой Калькутте.

Из Индии посланы пароходы за одним королевским полком с острова Цейлона и за 2000 чел. с острова Маврикия и с мыса Доброй Надежды.

От министерства послано приказание на мыс Доброй Надежды отправить в Индию еще сверх того подкрепления в возможно большем числе. Перед сим было сосредоточено в этой колонии, как видно из представленного мною Вашему Высокопревосходительству квартирного расписания, значительный весьма отряд, в ожидании возобновления войны с кафрами[30], кои начали беспокоить границы колонии. Может статься, что нынешнее ослабление войск на мысе Доброй Надежды снова даст возможность кафрам воспользоваться случаем для приведения в исполнение задуманного, как говорят, ими нападения на английские владения...[31]

Некоторая часть войск отправлена на военных судах, но большее число на нанятых транспортах, преимущественно паровых*. По заключенным контрактам с частными компаниями, войска должны прибыть к берегам Индии, большею частью, через 70 дней после отправления из Англии. Стоимость перевозки войск, посылаемых в Индию, можно себе представить, взяв в соображение, что первые две тысячи человек, кои отправятся на транспортах европейского и американского пароходного общества, будут стоить 100 000 ф. стерл. Вообще, перевозка и прокормление на судне каждого солдата обходится средним счетом в 49 ф. ст. В условие включено, что за каждый день просрочки против назначенного расписания хозяева судов выплачивают правительству по 60 ф. ст. пени, а за каждый день выигрыша против назначенного срока правительство добавляет к условленной цене по 30 ф. ст. подрядчикам. Содержание многочисленной европейской армии в Индии будет также стоить весьма дорого; в обыкновенное время содержание в Индии 51 316 европейских офицеров и нижних чинов (полагая в том числе и королевские войска) обходится ежегодно Компании в 5 668 100 ф. стерл. Рассчитывают, что каждый солдат английский, до прибытия на службу в Индию, стоит Компании, в обыкновенное время, до 100 ф. стерл., впрочем, надо заметить, что предстоящие огромные расходы, потребные для усмирения Индии, нисколько не озабочивают ни министерство, ни частных лиц. В Англии твердо убеждены, что рано или поздно в Индии водворен будет порядок силою оружия и что тогда усиленными налогами заставят туземцев заплатить за все издержки. Пока же платит Компания.

Подкрепления, отправленные и отправляемые в Индию, как Ваше Высокопревосходительство усмотреть изволили из вышеизложенного, весьма значительны, особенно ежели взять в соображение сравнительную числительность всей королевской армии. Всего собственно из одной Англии отправилось и отправится в скором времени в Ост-Индию или Китай 3 бат. 6 кавал. полков, 4 сводных бат. морских солдат, 5 инжен. рот и 26 артиллер. рот, т.е. около 4000 ч.** Теперь уже отплывшие в Индию войска, вместе с китайским отрядом и тремя королев-

---

* Прим. Принуждены употребить большое число парусных судов, потому что несмотря на все принимаемые меры для подвоза на мыс Д.Надежды каменного угля оказывается недостаток в оном сравнительно с отправленным ныне в Индию числом паровых судов; опасаются, что сие обстоятельство причинит остановки в перевозке войск к месту действия (*примеч. автора*).

** Прим. Я слышал от военного секретаря лорда Панмюра[32] сэра Генри Сторбса[33], что всего будет послано до 40 000 королевских войск в Индию (*примеч. автора*).

скими полками, прибывшими в Калькутту из Персии и с о.Цейлона, составляют до 30 000 ч.

Противники лорда Пальмерстона справедливо замечают, что министерство потеряло целый месяц в принятии надлежащих мер; но, впрочем, нельзя не отдать справедливость быстроте распоряжений английского министерства и в особенности военного начальства. В самое непродолжительное время и совершенно внезапно отправлено в столь дальнее плавание большое число войск, с обильным запасом военных припасов и пр.; полки в течение нескольких дней были переведены на военное положение, некоторые укомплектовывались из остающихся частей, снабдились всем потребным, привезены по железным дорогам до гаваней и сели на суда. По всему видно, что опытность Крымской войны пригодилась английской армии и чинам военной администрации. Впрочем, что составляет преимущество Англии, в этом отношении перед другими европейскими государствами, это многочисленность транспортных средств, находящихся в частных руках и коими правительство, в минуту необходимости, может воспользоваться для целей военных.

На мысе Доброй Надежды послано приказание купить для кавалерии, отправляющейся в Ост-Индию, 1000 лошадей. Остальное количество лошадей, потребное как для кавалерии, так и для артиллерии, посылаемых ныне в Индию, будет куплено частью в Индии, а частью в других местах Азии.

Обвиняют министерство военное, что оно не снабжает войска, назначаемые ныне в Индию, одеждою более сообразною с климатом этого края, нежели английские красные мундиры и головные уборы.

В Вуличском арсенале и в Портсмуте — непомерная деятельность. Требование на артиллерийские припасы разного рода и в особенности на ружейные патроны таковы, что несмотря на то, что заготовление оных облегчено машинами, 150 рабочих прибавлено на сей предмет в Вуличском арсенале, на счет Ост-Индской компании. В военном министерстве, в главной квартире и даже в частных оружейных и военных магазинах в Лондоне также усиленная деятельность весьма заметна. Многие офицеры, лица военного министерства говорили мне, что в течение всей минувшей войны ни разу не приходилось им так работать, как ныне, с самого дня получения известия о восстании в Индии. Они сознают, что в течение последнего пятидесятилетия ни одна весть не была так неприятна и страшна для Англии, как известие об овладении Дели инсургентами.

Многие из числа самых лучших офицеров Генерального штаба, артиллерии и инженеров получили назначение в Индию, и все компанейские офицеры, находившиеся по разным причинам в Великобритании, немедленно высланы в Индию; 750 офицерам таким образом одновременно послано еще приказание. Из Военного училища ускорили выпуском в офицеры кадет.

Утверждают, что министерство не удовольствуется тем, что оно отправляет, вместо обещанных прежде в парламенте 14 000 человек, 40 000 ч. на подкрепление Остиндских войск, но намерены в случае надобности еще усилить это число. В сию минуту, во всяком случае, не представляется к тому возможность, ибо не только собственно Англия, но даже и Ирландия оставлены были бы почти без войска.

Чтобы усилить армию и, главное, пополнить сильный недостаток войск в Европе, объявлено сформирование в 12 линейных полках 2-х батальонов 1000 состава; всем батальонам, отправляющимся в Индию, приказано оставлять только две роты (200 ч.) для образования полковых депо, из коих полки будут впоследствии пополняться, и те же депо послужат кадрами для образования двух батальонов. Все батальоны, расположенные в Великобритании, приказано не-

медленно привести в 1000 состав, а батальоны, находящиеся и имеющие быть в Индии, до 1200 ч. Стрелковую бригаду предполагается усилить 4-мя батальонами, а 60-й линейный (стрелк. полк) обратить во 2-ю стрелковую бригаду, увеличив число батальонов также до 4-х; взамен же 60-го линейного полка обратить нынешний второй батальон 1-го линейного полка; стрелковые бригады (по штату 8000 ч.) будут составлены из отборных стрелков.

Во всей Великобритании начат самый деятельный набор волонтеров для королевской армии (в особенности для артиллерии) числом не менее 25 000 ч. Вместе с тем продолжает производиться усиленная вербовка для компанейских войск.

Набор волонтеров, как видно, встречает значительные затруднения, ибо правительство нашлось вынужденным его усилить, уменьшив меру роста и обещав давать охотникам, пожелающим перейти из остающихся в Англии частей в отправляемые в Индию, (на руки вместо) 1 ф. ст. 2 ф. ст., новое полное платье и разные льготы (отдых после похода и пр.). Кадры шотландских полков (74, 78 и 93), расположенные доселе близ Дувра и в Чатаме, переводятся в Шотландию, с тем, чтобы увеличить и ускорить набор волонтеров в сии полки. Назначение достаточного числа военных медиков также встречает затруднение.

В понедельник министерство испросило разрешение парламента на сбор милиции и на ассигнование на сей предмет 200 000 ф. стерл. Приведение в исполнение этой важной меры отложено еще пока до получения известий из Индии, но все распоряжения уже приготовлены. Мера эта, считаемая всегда весьма важною, показывает, в каком положении находится ныне Англия. Сбор милиции, в случае продолжения борьбы в Индии, вполне необходим, ибо посланные в Индию войска должны будут остаться в этом крае не только до совершенного прекращения восстания, но и до образования новой армии в Бенгальском президентстве. По случаю ранней в нынешнем году жатвы в Англии (3 неделями ранее, нежели обыкновенно), сбор милиции не представит в настоящее время затруднений.

Флот также усиливается (прибавили 2000 ч. против бюджета), и правительство имеет намерение собрать близ берегов английских весьма сильную эскадру (так называемый Channel Fleet)*.

Уверяют, что решено вместо 300 000 армии Ост-Индской компании, бывшей доселе, — в случае усмирения восстания, — иметь в Индии 60 000 королевских войск, 16 000 европейских компанейских и, кроме того, 200 000 азиатских, частью туземцев, а частью нанятых белашей и афган; в артиллерии же иметь исключительно англичан. Предполагается также немедленно же начать укреплять все так называемые военные станции, т.е. пункты, где устроены постоянные помещения для войск, число коих простирается до 200. Впрочем, еще ничего положительно не определено, по неизвестности результатов нынешнего положения дел в Индии.

Поговаривают о вероятности призыва иностранцев в английскую службу или, по крайней мере, в службу Компании для увеличения армии в настоящее время. Правительство старается всячески задобрить заблаговременно служивших в минувшую войну в иностранных легионах офицеров. Я слышал о намерении сформировать 10 000 иностранного войска.

Все сии распоряжения, впрочем, еще не потребуют пока увеличения налогов, ибо на сие будет обращена экономия, происшедшая от неполного до сего време-

---

* Channel Fleet — флот пролива (*пер. автора*).

ни, против утвержденного в бюджете, состава войск, и оттого, что все войска, отправляемые в Индию, поступают на содержание Ост-Индской компании.

Нельзя не предвидеть, однако же, что ежели принятых ныне мер недостаточно было бы, чтобы тотчас восстановить порядок в Индии, и ежели затруднения в Азии увеличатся, то английское правительство будет вынуждено на несметные издержки. Ост-Индская компания, в случае продолжения настоящего кризиса, истощит, вероятно, все денежные свои средства.

Министерство имеет в виду, как я слышал от весьма достоверных людей, довести Компанию до сознания бессилия с тем, чтобы вскоре объявить владения Ост-Индской компании присоединенными к непосредственным владениям Великобритании. Компании будут выплачены правительством, в таком случае, сделанные оною издержки по усмирению мятежа, и членам заплатят за ценность акций (200 ф. ст.), или будет выдаваться на их акции $10^1/_2$ процентов доходу с первоначальной ценности акций (100 ф. ст.), гарантированные Компании при отнятии от оной прав на монополию торговли.

Ущерб, который понесет английская торговля, вследствие восстания в Индии, будет, во всяком случае, весьма значителен. Ежегодный вывоз товаров из Англии в одно Бенгальское президентство простирается на сумму в 7 000 000 ф. ст., а теперь не только покупки в Бенгалии английских товаров прекратились, но вообще вся торговля остановилась, в других президентствах торговые дела также в довольно худом положении. Фонды и акции Ост-Индской компании падают почти ежедневно. Даже на английских фондах сильно отозвалось восстание в Индии (они упали значительно, тогда как наши возвысились). Для Компании подати со значительной части Индии, на некоторое время, потеряны.

Ожидать должно, что ежели Англии удастся в скором времени подавить восстание в Индии*, то она не только извлечет пользу из сего события**, но значительно усилится и станет могущественнее прежнего.

Те владения в Индии, кои находились еще только под покровительством Англии, будут окончательно присоединены к Великобритании. Управление края и армия будут устроены на прочных основаниях, войска собственно английские умножатся и будут несравненно полезнее прежних, налоги на туземных жителей также усилятся, и не только финансы края придут в порядок, но Англия будет иметь выгодный доход, будет более единства и последовательности в действиях английского правительства не только в Индии, но и во всей Азии, и правительство сумеет принять меры, чтобы ежели не примирить с собой жителей, то, по крайней мере, принудить и приучить их к совершенной покорности.

Когда Индия присоединена будет к владениям непосредственно Великобритании, влияние Англии в Китае и в особенности в Персии установлено, новая многочисленная армия организована, предположенные железные дороги в Индии построены и Англия связана со своими азиатскими владениями посредством евфратской железной дороги[35], которая сократила на 1000 англ. миль нынешнее

---

* Прим. От директора канцелярии военного министерства сэр Benjamine Hawes[34] слышал, что английское правительство ныне в большом затруднении, в особенности потому, что оно убеждено, что даже взятие Дели и несколько побед над инсургентами не усмирят еще восстание в Индии (*примеч. автора*).

** Прим. Газеты выражают свою радость, что чрез участие короля делийского, удского и других туземных владетелей Компания будет иметь ежегодной экономии более 500 000 ф. ст., выплачивавшихся сим лицам в виде пенсий. Советуют обратить сию сумму на сделание в Индии же нового займа в 5 миллионов ф. ст., необходимых ныне Компании, вместо того, чтобы вывозить капитал из Англии (*примеч. автора*).

расстояние между Англиею и Индиею и доставит возможность Англии быстро сосредоточивать свои военные средства, то сила Англии в Азии сделается непреодолимою. Евфратская железная дорога важна не только как военное и торговое сообщение, но и как средство политическое в отношении к Турции и Персии. Этот путь не мог бы привлечь частные капиталы, ибо был бы почти излишним для торговых сношений, ежели Суэзский канал был бы прорыт[36]. Вот, сколько мне кажется, главная причина противудействия английского министерства предложению г. Лессепса[37].

Английское правительство весьма встревожено мыслью, что персияне могут воспользоваться настоящим положением дел и не исполнить условий последнего мирного трактата. Заставить персиян очистить Герат[38] англичане не в состоянии, пока порядок не будет восстановлен в Индии.

Приведение в исполнение замыслов правительства относительно Персии также должно бы быть отложено.

С посланником английским г. Мурраем[39] отправлено в Тегеран 3 из числа лучших офицеров Ост-Индской армии (двое из них в Генеральном штабе, а один был военным секретарем генерала Утрама[40] во время персидской экспедиции), чтобы осмотреть в подробностях край и иметь подробные сведения о путях не только со стороны Бушира, Мохамры и Багдада к Тегерану, но и из Тегерана и Астрабада в Герат. Английское правительство имеет в виду стараться быть в Персии в самых тесных сношениях, для вытеснения нашего влияния при тегеранском дворе, и предложить шаху[41] офицеров для организования персиянской армии с тем, чтобы оная могла служить авангардом английской, при будущей войне Англии с Россией, и чтобы в мирное время Англия могла подготовить к сему край и имела бы везде в Средней Азии военных агентов*. Предполагалось даже по истечении некоторого времени предложить шаху помочь ему укрепить некоторые из важнейших и ближайших к нам пунктов, для обеспечения Персии от угрожающего им постоянного вторжения русских войск.

Очевидно, что нижеследующее могло бы в настоящее время значительно увеличить затруднения Англии, продолжить развязку дел в Индии, ослабить Англию, на несколько лет отдалить слишком решительное вмешательство английского министерства в дела других государств в Азии и в Европе, произвести, может быть, низвержение министерства Лорда Пальмерстона или, во всяком случае, облегчить, на некоторое время, дипломатические отношения европейских держав с Англиею.

1. Ежели бы Шаху было присоветовано европейской державой, имеющей на тегеранский двор влияние непосредственное, отложить на неопределенное время исполнение мирного трактата, заключенного с Англиею, и не отдавать Герата, когда весть о сем распространится в Азии, значение Англии умалится в глазах азиатцев, тем более, что англичане не в состоянии предпринять ныне поход во внутрь Персии, войска же буширского отряда, состоящие из туземцев Индии, слишком малочисленны, и при том, полагать можно, что взбунтуются, ежели их оставят слишком долго в Бушире и у них разовьются болезни, ежели им сообщится приказание предпринять дальний поход сухим путем и ежели, наконец, эмиссарам удастся возбудить в них сочувствие к восстанию их товарищей.

---

* Прим. Консула английские не могли бы никогда иметь такого значения и влияния, какое приобрели бы в Персии английские офицеры.

В Кандагаре находится английская миссия, состоящая из двух офицеров и гражданского человека (*примеч. автора*).

2. Ежели в Персии случились бы дельные европейские офицеры для укрепления Герата, Мохамры и доступов во внутрь Персии со стороны Бушира и для подготовления персидской армии к возобновлению войны с Англиею, сие дало бы возможность персиянам противустать вторжению с большим успехом, при возобновлении войны Англия не решится на более энергическую, относительно сего государства, политику.

3. Ежели бы среди восставших явился даровитый энергический человек, для продолжения обороны Дели, до начала дождей, чтобы руководить восстанием и мерами для распространения оного во всех владениях Компании, чтобы отвратить распри и раздоры, ведущие к возбуждению взаимных ненавистей между различными племенами туземцев и к совершенной гибели инсургентов*, а также, ежели бы в Индии пронесся, для ободрения инсургентов, слух о возможности помощи и диверсии и об опасностях, угрожающих Англии.

4. Дост Мухаммеду[42] давно хочется овладеть Пешавером, так что даже при заключении последнего договора с Компаниею[43], когда он должен был прибегнуть к помощи Англии, он все-таки настойчиво просил уступки Пешавера[44], афганы же в душе еще по сие время не примирились с англичанами, по-прежнему войнолюбивы и всегда жадны на добычу. Желательно было бы, чтобы Дост Мухаммед понял, что теперь представился ему единственный случай распространить свои владения, вознаградить себя за утрату Герата и вместе с тем, содействуя туземцам Индии, в особенности изгнав англичан из Пунджаба, избавиться от опасного и неприятного соседства Компании. Из обитателей Белуджистана могли бы противники Англии также извлечь некоторую пользу.

5. Из Бирманской империи, судя по словам генерала Оргони[45], до 40 т[ысяч] войска, и число это может быть еще усилено в случае необходимости. Главнокомандующему бирманскою армиею, вместо того, чтобы тратить время на пустословие в Европе, следовало бы отправиться немедленно в Бирманию и побудить бы императора[46] воспользоваться настоящим положением Ост-Индской компании, чтобы возвратить отнятую и не уступленную еще даже по договору[47] Компании, часть собственных владений, в захваченной Англиею части Бирмании находятся ныне только несколько туземных (из Мадрасского президентства) полков, кои при удачных мерах даже скорее могут способствовать, чем противудействовать предприятию бирманского императора. Бирманы оказали бы таким образом сильную помощь восставшим, обеспечили бы тем, может быть, будущее независимое существование бирманского государства и вместе с тем увеличили бы свои владения**. Генералу Оргони могут быть предоставлены кроме того также и личные выгоды.

Общественное мнение ныне в Англии полагает, что мы приняли косвенное участие в заговоре в Индии, желая произвести, во время минувшей войны, полезную для нас диверсию, и считают сие, впрочем, весьма логическим.

Имею честь представить при сем Вашему Высокопревосходительству 1) Официальную корреспонденцию, сообщенную министерством парламенту, о восстании в Индии, документы сии выбраны министерством так искусно, что из оных можно составить себе только весьма темное понятие о причинах и о ходе

---

* Прим. Король делийский вместо того, чтобы постараться соединить все усилия инсургентов для противудействия англичанам, как говорят, выгоняет обитателей Пунджаба из рядов инсургентов, возобновляя тем старинную распрю жителей Бенгалии с сиками, а также оскорбляет индусов. – Сим не замедлят воспользоваться англичане (*примеч. автора*).

** Прим. Очевидно, что ежели бы вышеизложенное не могло быть приведено в исполнение своевременно, т.е. до усмирения Индии, то лучше было бы не тратить всех средств безвозвратно, а сохранить оные до более благоприятного времени (*примеч. автора*).

мятежа, и 2) статью, заслужившую внимание и напечатанную уже недели три тому назад в Англии, о современном положении дел в Индии «A glance at the East»*, автор доказывает, что основанием возмущения был заговор махомедан, рассматривает слегка причины неудовольствия края и войск, на Англию, и 3) вновь изданную Вилдом карту Индии, на коей явственно обозначены политические разделения, военные станции и сеть железных дорог, по этой карте легко следить за нынешним состоянием дел в этом крае.

К сему считаю долгом присовокупить, что экстраординарные издержки на персидскую войну простираются (по расчету до будущего месяца) до 1 865 435 ф. ст. Парламентом ассигновано 500 000 ф. ст. на издержки по экспедиции в Китай и 500 000 ф. ст. в возврат Ост-Индской компании за сделанные ею расходы для войны с Персиею

полковник Игнатьев

26 июля 1857 г. Лондон.

РГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 21, л. 551—581. Подлинник.

№ 40

1857 г. 1 августа — Из письма посла России во Франции графа П.Дм.Киселева[48] генерал-майору Д.А.Милютину[49] о восстании в Индии

«...На западе все помышления обращены к Востоку — Индии, имеет общее сочувствие всех и каждого — вероятно, оно соразмерно с негодованием, которое возбуждено нахальством англичан. Все желают успеха индейцам, но желание не есть ручательство в успехе. Вероятнее всего это восстание вскоре будет укромлено, и Индия останется на многие лета покорною колониею англичан — не менее того признак безусловного владычества исчезнет и заставит их менее считать на свою омнипотенцию**.

Всего страннее, что английские журналы на нас взваливают восстание сипаев — и измены Князей — царей и протчих, о коих едва ли нам известных лиц.

Персидская война есть теперь наше дело, неудовольствие Ионических островов[50] приписывается нашим интригам, а мы смиренно живем у себя — помышляем об устройстве железных дорог, об устройстве помещичьих крестьян, о нашей кредитной системе и о подобных домашних предметах, безвредных кажется для соседей наших, — но Россия — несмотря на Парижский трактат[51] остается пугалом для западных мыслителей, в числе коих везде и всегда являются англичане...»

РГБ, Рукописный фонд, ф. 169, карт. 65, № 35, л. 9—9 об. Автограф.

---

* «Взгляд на Восток» (*англ.*).

** От omnipotence (*франц.*) — всемогущество, право верховного решения.

Примечания

[1] Военным министром в 1856—1861 гг. был генерал-адъютант Н.О.Сухозанет.

[2] Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд (1804—1881), английский государственный деятель, один из лидеров консерваторов в парламенте. Премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг. В 1852, 1858—1859, 1866—1868 гг. — министр финансов.

[3] Эленборо Эдвард Ло (1790—1871), английский государственный деятель, в 1842—1844 гг. — генерал-губернатор Индии.

[4] Королевство Удское, правильно — княжество Ауд — расположено в Северной Индии, было присоединено к владениям Ост-Индской компании в 1856 г. накануне восстания; один из главных центров восстания. Столица — г. Лакхнау.

[5] Имеется в виду Крымская (Восточная) война России и Турции 1853—1856 гг., в которой на стороне последней принимали участие Англия и Франция; закончилась поражением России. См. примеч. 12.

[6] Последним, кто носил титул наваба—правителя княжества Ауд, был Ваджид Али-шах (ум. 1887), хотя после присоединения Ауда к английским владениям он был низложен и превратился в пенсионера Ост-Индской компании. Его участие в восстании не отмечено.

[7] Лица не установлены, но среди вождей Индийского народного восстания таких не было.

[8] Король Делийский — Мухаммад Бахадур-шах (...—1862), последний представитель династии Моголов в Индии. После взятия восставшими Дели провозглашен падишахом Индии. Однако его роль в восстании была номинальной. После подавления восстания был сослан в Бирму, где и скончался.

[9] Правителем княжества Гвалиор в 1843—1886 гг. был Джаяджи Рао Синдхия. В период восстания оказал содействие колонизаторам.

[10] Пальмерстон Генри Д.Т. (1784—1865), виконт, английский политический деятель, в 1855—1865 гг. — премьер-министр. Правительство Пальмерстона руководило подавлением народного восстания в Индии и Тайпинского восстания в Китае.

[11] 29 марта 1856 г. в г. Барракпуре (р-н Калькутты) один из сипаев Мангал Панди призвал к восстанию в защиту религии. Он был схвачен и казнен. Волнения в войсках произошли также в Дум-Думе и Берхампуре. Они явились предпосылкой народного восстания 1857—1859 гг. в Индии.

[12] Парижский мир 1856 г. между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией был заключен после окончания Крымской войны. По Парижскому трактату Россия была лишена права иметь на Черном море свои военно-морские сооружения и могла содержать в нем лишь небольшое число легких военных судов, делались и некоторые территориальные уступки.

[13] Имеется в виду англо-иранская война 1856—1857 гг.

[14] Имеется в виду начало 2-й опиумной (англо-франко-китайской) войны 1856—1860 гг.

[15] Форт Вильям, построен в 1696 г., укрепленная часть г. Калькутты, где первоначально размещалась англо-индийская администрация Ост-Индской компании.

[16] Ружья Энсфильда заряжались патронами, завернутыми в промасленную бумагу, которую надо было взять в рот для того, чтобы разорвать обертку патрона. В англо-индийской армии прошел слух, что бумага эта была пропитана коровьим или свиным салом, т.е. прикосновение к ней губами влекло за собой ритуальное осквернение как для индусов, так и для мусульман.

[17] Лорд Каннинг Чарльз Дж. (1812—1862) был генерал-губернатором Индии в 1856—1858 гг.

[18] Анзон Дж. (правильно — Ансон) (1797—1857), английский государственный и военный деятель, генерал, в 1856—1857 гг. — главнокомандующий англо-индийскими войсками.

[19] Елгин-и-Кинкардин Д.Б. (1811—1863), английский государственный деятель, в 1857 г. был направлен специальным агентом с войсками в Китай.

[20] Имеется в виду Джасвант Рао Холькар, махараджа Индора (1775—1811).

[21] Аукланд, правильно — Окленд Джордж Иден (1784—1849), английский государственный деятель, в 1836—1842 гг. — генерал-губернатор Индии.

[22] Бернард Генри Вильям (1799—1857), английский военный деятель, после смерти генерала Ансона (см. примеч. 18) принял командование армией, но вскоре сам умер от холеры.

[23] Имеется в виду княжество Хайдерабад, правитель которого носил титул «низама». Низам Хайдерабада не присоединился к восставшим.

[24] Синдия, правильно — Синдхия, — династия маратхских правителей княжества Гвалиор, установившаяся в 1777 г., когда пешва маратхов усадил на гвалиорский престол Махададжи Синдхия.

[25] Имеется в виду Али Наки хан. Данных о его участии в восстании не обнаружено.

[26] Лоуренс Генри М. (1806–1857), чиновник английской колониальной администрации, в 1857 г. — главный комиссар Ауда, в мае 1857 г. вел деятельную подготовку к обороне столицы Ауда г. Лакхнау, был ранен и скончался от ран во время осады.

[27] Лоуренс Джон Л.М. (1811–1879), брат Генри Лоуренса, чиновник колониальной администрации в Индии, в 1853–1858 гг. — главный комиссар Пенджаба.

[28] Грант Патрик (1804–1895) — английский генерал, в 1856 г. — временный командующий англо-индийской армией.

[29] Колин Кампбел, правильно — Клайд, Колин Кемпбел (1792–1863), английский военный деятель, фельдмаршал (1862), главнокомандующий войсками Ост-Индской компании в период Индийского народного восстания 1857–1859 гг. После смерти от холеры генералов Ансона и Бернарда сурово подавлял выступления сипаев.

[30] Кафры (от араб. кафир — неверный) — наименование, данное в XVIII в. бурами ряду племен Юга Африки (коса и др.), принадлежащих группе банту. В XIX в. происходили почти непрерывные столкновения между бурами и коса.

[31] Опущено перечисление полков, которые были отправлены из Англии в Индию в качестве подкрепления англо-индийской армии.

[32] Панмюр М.Ф. (1801–1874), английский государственный деятель.

[33] Лицо не установлено.

[34] Хейвз Б. (1797–1862), английский государственный деятель, помощник военного министра.

[35] В 1835 г. Великобритания выдвинула проект строительства железной дороги Александретта—Багдад—Персидский залив. В дальнейшем, после постройки Суэцкого канала (см. ниже), Англия не проявляла особого интереса к этому проекту.

[36] Суэцкий канал был открыт только в 1869 г., см. примеч. 37.

[37] Лессепс Фердинанд (1805–1894), французский дипломат и инженер-предприниматель, в 1859–1869 гг. руководил постройкой Суэцкого канала.

[38] По окончании англо-иранской войны в 1857 г. англичане заставили шаха подписать трактат, признававший независимость Герата и предусматривавший вывод войск из этого города. В 1863 г. афганский эмир Дост-Мухаммед присоединил Герат к своим владениям.

[39] Муррей Чарльз Аугустус (1806–1895), английский дипломат и писатель, в 1854–1859 гг. — посланник и полномочный министр в Персии.

[40] Утрам Джеймс, правильно Аутрам (1803–1863), английский военный деятель, генерал-майор, в 1856–1857 гг. командовал армией в англо-иранской войне, был направлен на подавление восстания в Индии, командовал войсками в Ауде.

[41] Правителем Ирана был Наср-эд-дин шах Каджар (1848–1896).

[42] Дост-Мухаммед (1790 или 1793–1863), афганский эмир (1826–1863), проводил независимую внешнюю политику, стремился к объединению страны, основатель Баракзайской династии.

[43] Имеется в виду договор, заключенный в январе 1857 г., который, развивая предыдущий договор 1855 г., устанавливал субсидию афганскому эмиру на военные нужды при условии, что британским офицерам будет разрешено находиться в Афганистане для наблюдения за использованием этих денег и сбора военно-политических сведений.

[44] Пешавар имел большое экономическое и, главное, стратегическое значение, поскольку открывал доступ к Хайберскому проходу — наиболее удобному пути из Индии в Афганистан. В 1834 г. он был захвачен сикхами, а после присоединения Пенджаба к владениям Ост-Индской компании в 1849 г. перешел к англичанам.

[45] д'Оргони (наст. имя — Луи Шарль Жиродон) (...–1865), французский военный-авантюрист, с 1852 г. жил в Бирме, занимался перевооружением бирманской армии на европейский лад. С 1856 г. — глава бирманского посольства во Франции.

[46] Правителем Бирмы в 1853–1876 гг. был Миндон.

[47] Н.П.Игнатьев ошибся, в результате 2-й англо-бирманской войны 1852 г. Ост-Индская компания захватила королевство Пегу, но никакого договора по этому поводу не было.

[48] Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1838–1856 гг. — министр государственных имуществ, дипломат. В 1856–1862 гг. — посол во Франции.

[49] Милютин Дмитрий Алексеевич. См. док. № 59, примеч. 10.

[50] Ионические острова находились под британским протекторатом с 1815 г. Греческое население этих островов требовало воссоединения с Грецией, подняв в 1848 и 1849 гг. восстания против англичан. Законодательное собрание островов обратилось к британской королеве с ходатайством о присоединении к Греции. Поскольку эти территории были лишены особого экономического и стратегического значения, то в 1864 г. они были переданы Греции.

[51] См. примеч. 12.

№ 41—43

26 августа 1858 г. — 5 декабря 1860 г. — Документы миссии князя Рао Раджи Тулы Сингха Бахадура с письмами индийских князей русскому царю

№ 41

26 августа 1859 г. — Письмо правителя княжества Марвар русскому царю[1] о положении в Индии

(На конверте:) К Высочайшему Двору Его Величества Государя, Тени Бога, Наместника Его на земле, Хакану* сыну Хакана и Шахиншаху**, сыну Шахиншаха, Российского Императора (да увековечит Бог власть Его и славу, да достигнет в счастливую минуту).

(Текст): Прошение душою преданного слуги к Высочайшему Двору (и пр., то же, что и на конверте).

С древних времен государи и владетели Индии взоры надежд своих обращали к Высочайшему Двору, убежищу мира, и всегда были предметом попечений и благоволения Высочайшего и поистине Шахиншахского Правительства. Ныне рука притеснений Английского Правительства с такою тяжестью налегла на Индийцев и Мусульман Индии, в особенности же на потомков Эмир-Тимура, Государя Дехлийского[2], что перо не в состоянии описать этого положения, не имею сил выразить также то душевное страдание, в которое повергло меня расстройство и упадок народа Индийского.

Будучи жертвою превратности судеб и лишенные своего могущественного повелителя, подобно трупам распростерты мы друг подле друга на одре уныния.

Считая Вас, Светлейший Государь, своим прибежищем и надеждою, владетельные князья Индии решили отрядить от себя одного из достойнейших лиц среды своей для поездки в Россию для снискания себе там покровительства Высочайшего Двора истинного Шахиншаха.

Вследствие сего любезному нам высокоименитому Роу Радже Туласинг Бахадуру[3], изъявившему совершенную готовность предпринять путешествие для облобызания праха ног Вашего Величества, поручили мы объяснить Вам, Великий Государь, приличными словами все обстоятельства дела и отправили его к Вам. Хотя я и чувствую, что трудно возвратить нам столь обширное поле, но все-таки обращаюсь к Вашему Величеству с почтительнейшею просьбою оказать доверие Ваше всем словам и объяснениям, письменным и изустным, с которыми бы обратился к Вам упомянутый Роу Раджа от имени преданного Вам слуги, и осчастливить его милостивым приемом Вашего Величества.

Молю небо да сияет постоянно солнце славы Вашей и Вашего благоденствия.

(Подпись:) Прошение преданного и благодарного слуги — М.П.***

Прошение сие писано 7-го месяца сафера Хиджры**** числа соответствующего*****... 1916 года.

Примечания переводчика

* Хакан — Верховный повелитель, титул Могольских Императоров.

** Шахиншах — царь царей.

*** В средине печати арабскими буквами изображено: Радж Раджи сын Магараджи Дейрадж Магараджа Тахт Синг Бахадур Рейс (правитель) Марвара[4].

**** Соответствует 26 августа 1859 г.

***** Здесь название месяца индийского календаря, неизвестное переводчику.

Заметка переводчика при переводе письма правителя княжества Марвар: судя по тону письма и, в особенности, по характеру самих печатей, едва ли можно предположить, чтобы письма эти были подложны. Города и провинции, означенные на печатях, находятся в северо-западной части Индии[5].

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 902, л. 3–4. Пер. с персидского яз., современный подлиннику. Подлинник отсутствует.

№ 42

5 декабря 1860 г. — Письмо Роу Раджи Тулы Сингха Бахадура русскому царю Александру II, написанное в российском консульстве в г. Реште (Иран), о его миссии в Россию

(Надпись на конверте) Прошение это да падет волею Бога к священным стопам Великого государя, царя царей, надежды мира, сына и внука повелителей, императора России (да упрочится царствование и власть его!) в счастливый час.

(Тексте) Прошение преданного душою слуги:

К священным августейшим стопам царя царей и пр. и пр.*

Прежде всего я должен прославить всевышнего за то, что он мне, слабому смертному, дал силу из этих стран, наполненных опасностями, достигнуть сени императорского флага. Ныне питаю надежду, что в милосердии своем Самодержавный государь император благоволит допустить меня до целования порога Величайшего двора, к высокому покровительству которого должны в нынешнее время прибегать все смертные во дни бедствий и испытаний.

Молю Бога, дабы пока небеса будут двигаться, а земля пребудет неподвижною, да с каждым днем все более и более украшается могущественное царство Российское присутствием Вашим, великодушный царь царей, повелевающий бесчисленными, как звезды, полчищами (Да увековечатся власть его и царствование!) и чтобы высочайший двор Ваш был всегда убежищем и пребыванием как царей и владык земли, так и слабых и странников.

Когда три года назад пришла в Индию молва, что императорские войска через Туркестан идут в Индию[6], господа-англичане запрашивали индийских владетельных лиц, намерены ли они или нет, в случае если слух оправдается событием, действовать с ними заодно. Эти последние, а в том числе и преданнейший слуга Ваш, отказались от них и, быть может, в надежде на прибытие победоносных войск Ваших подняли мятеж и возбудили войну[7], как это известно Вашему императорскому величеству.

Впоследствии господа-англичане завладели землею слуги Вашего и забрали артиллерию, прочее оружие и все, и как победоносное войско Ваше не появи-

лось, то владетельные лица Индии, не видя нигде для себя ни правосудия, ни убежища, решили, что им остается отрядить кого-нибудь ко двору Вашего императорского величества и что посланный должен быть один из владетельных лиц.

Таким образом, все[8] единогласно избрали для этого дела преданнейшего слугу Вашего, и я, со своей стороны, вменяя себе в особую честь подобное путешествие, прибыл наконец сюда под покровительственную сень императорского флага.

Так как цель моего прибытия состоит в том, чтобы повергнуть к священным стопам Вашего Величества некоторые весьма нужные просьбы, как от себя, так и от некоторых других владетельных лиц Индии, то для этого необходимо мне иметь честь облобызать порог высочайшего двора Вашего и получить от милосердия царя царей исполнения моих желаний и достигнуть тем сказанной цели. Для этого прилагаю здесь составленный мною краткий очерк нынешнего положения Индии.

Осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Величество не откажет мне в милости повелеть, дабы предписано было российскому консулу в Реште[9] отправить меня, с соблюдением полного моего спокойствия, в высочайшую царственную столицу[10].

Впрочем, молю бога об увековечении славы царствования Вашей.

(М.П.**) Вали города Ривари***, принадлежащего индийским владениям. Писано 5 декабря 1860 в г. Реште под покровом императорского флага.

Примечания переводчика

* Повторение того же, что на конверте.

** В печати только можно разобрать слова Бахадур и Ру Раджа. Остальные же буквы составляют какое-нибудь индийское слово, неизвестное переводчику.

*** Вали – правитель, большею частью наследственный. Название же города Ривари остается под сомнением.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 902, л. 17–19. Пер. с персидского яз., современный подлиннику. Подлинник отсутствует.

№ 43

Без даты. – Краткий очерк положения дел в Индии, написанный Роу Раджей Тулой Сингхом Бахадуром для русского царя

Обстоятельство, вкратце, положения Индии (на высочайшее воззрение его императорского величества императора России, да увековечит господь его царствование и власть!). Писано в г. Реште под сенью императорского флага.

Так как ныне по милости Всевышнего господа знамя славы и величия Российского могущественного государства преобладает над всеми владыками лица земли, что известно всякому, имеющему какое-либо понятие о вещах, и ясно всем и каждому, а потому кто бы из смертных ни был предметом притеснений, должен прибегнуть к порогу высочайшего двора. И правительству оного подобает защитить угнетенного от притеснений, в особенности же тех, которые принад-

лежат к сонму владетельных лиц, потому что повелевать ими не может никто, разве один меч правосудия царя царей, которому никто не осмеливается оказать неповиновение.

Вследствие этого владетельные лица Индии, познав справедливость этого положения, сочли необходимым прибегнуть к высочайшему правительству, для того чтобы оно защитило их от угнетений и тирании народа английского и чтобы воцарило оно между ними правосудное правление. Уповаем, что государь окажет нам милость свою и великодушие и, приняв во внимание вопль беспомощных, защитит угнетенных от притеснителей.

Я имею изложить здесь два обстоятельства:

1) Краткий очерк положения индийцев, способа порабощения англичанами здешних народов.

Цари Индии издревле выходили из фамилии Раджпутан[11], известных под именами Суредж Бенси и Чендер Бенси*[12]. И с давних пор обычай у них был таков, что того из них, который занимал престол Дели, бывший в продолжение пяти тысяч (5000) лет столицей Индии, прочие раджи и владетельные лица признавали над собою государем. В 1191 г. христианского летосчисления Миа Раджа Партехи[13] занимал этот престол, а Раджа Джи Ченд[14] был повелителем г. Кунудж, и теперь еще в живых некоторые из его потомков, владеющих страною Ярварт. И так случилось, что между этим раджей и государем Дехли возникло несогласие. В этот промежуток индийские астрологи, известные во всем мире своею ученостью по этой части, дали знать упомянутому радже, что по их астрономическим наблюдениям в Индии будет господствовать Ислам. Надо знать, что перед этим султан Шехабеддин Гури[15] несколько раз пытался воевать Индию, но всякий раз был разбит и уходил. Теперь Раджа Джи Ченд написал султану дружеское приглашение и даже просил его, чтобы тот пришел опять в Индию с войском своим. И Султан исполнил желание Раджи и явился с армиею, разбил войска Миа Раджи, государя Делийского, и самого его взял в плен. С тех пор все владетели Индии признали над собою владычество мусульманского монарха, а монархи мусульманские никогда затем не посягали ни на поземельные владения, ни на дела их религии, а напротив того, еще оказывали им поддержку во всяком случае.

Англичане, находившиеся в те времена в разных портах Индии по торговым делам своим, под предлогом разных услуг начали мало-помалу с 1755 г.[16] христианского летосчисления добывать себе у Делийского государя наместнические халаты**[17] в провинции Бенгал, Бихар, Узиса. После того делийский государь, вследствие некоторых беспорядков в управлении, прогневался на своих прежних министров и министерство свое в 1803 г.[18] христ. летосчисления вручил этим господам, отдав им также начальство над всеми войсками своими.

Получив звание министров, они отняли у государя всю его власть и стали сами управлять делами государственными по-своему; только монета чеканилась и хутба*** читалась с именем Делийского монарха. Так продолжалось до 1835 г. христ. летосч., когда под разными предлогами отменили и этот порядок. Индийцы вознегодовали на них за этот бессовестный поступок и ожидали только случая, чтобы заявить свое неудовольствие, так как нарушение условий считается у всех народов преступлением.

Что же касается до поверья, будто вся Индия находится во власти англичан, это совершенно не так. Англия овладела Индией, но раджи царствовали всегда совершенно отдельно друг от друга и независимо, и только три части страны находятся теперь во власти англичан, остальные же две остаются в руках прежних индийских владельцев, которые держат себя наравне с англичанами, а пожалуй,

и выше их, потому что владычество их древнее, тогда как англичане там недавно и до сих пор не могли поработить себе их земли; а владения, находящиеся в руках англичан, переданы были им уступками делийских государей и их министров.

Подробности эти приведены здесь для того, чтобы показать, что так как от древних времен Индия составлена из племенных владений, начальники индийские, управляющие племенами, владеющие землями и могущие, в случае нужды, каждый отдельно выставить для борьбы многочисленное войско, никогда не могли один другого заставить себе подчиниться.

В этом состоит вся история владычества англичан в Индии.

2) О причинах восстания индийцев против англичан и прибытия моего сюда с описанием того, что случилось со мною на пути.

Так как в последние годы англичане принялись за нарушение условий и не исполняли ни одного из своих обязательств, ни одной из клятв своих, индийцы вознегодовали на них и только оставались в ожидательном положении. Отсутствие согласия между ними мешало им остановить эти насилия, а между тем англичане с каждым днем все более и более налегали на индийцев. Но в 1857 г. астрологи индийские возвестили, что скоро англичанам будет конец и что победоносные войска царя царей в соединении с персидскими прибудут в Индию и водворят в ней правление правосудное и попечительное. Так как индийцы питают большую веру в звезды, то есть в астрологию, то с того времени они дни и ночи проводили в ожидании. Вскоре пришло известие, что победоносное войско государя пришло в Хиву[19], а персидская армия овладела Гератом[20] и вслед за тем прибудет в Индию. Об этом печаталось во всех газетах. Англичане оповестили владетельных лиц, чтобы они выставили войска для отправления к Бендер-Буширу и другим местам; одним словом, требовали помощи.

Индийцы, только и выжидавшие подобного дня, решили воспользоваться случаем и, призвав во главу себя Делийского государя[21], ведущего свое происхождение от Тимура Гургана, восстали против англичан, но все-таки в той надежде, что подоспеет к ним на помощь победоносное войско царя царей. Начальники индийские с общего согласия взялись помогать делу кто деньгами, кто войском, а многие землевладельцы великие раджи оставались только в ожидании прибытия победоносных войск. Как вдруг разнеслась весть, что англичане заключили мир с Персидским правительством, что Персидское правительство отдало Герат**** назад, победоносные войска царя царей вовсе не приходили в Хиву. Эти слухи поразили в сердце индийцев. Но дело их не могло уже остановиться, и они поневоле должны были воевать, что продолжают делать и поныне.

А между прочим министр Делийского государя столкнулся с англичанами и выдал им город вместе с монархом[22]. Это обстоятельство весьма много послужило к ослаблению индийцев. По замирении своем с Персией англичане, спокойные с этой стороны, присоединили к себе племя сегвендов и принялись воевать с индийцами; овладели Дели и другими местами, разрушили молитвенные храмы, поместили в них солдат, поставили лошадей, производили резню и разбили чашу непорочности Индии и Ислама. .

Где, в каких странах было видно, чтоб победитель посягал на веру народов побежденных, повсюду есть храмы для поклонения, но ни один из владык мира не покушался на подобные поступки. Цари поставляют себе за правило, когда они воюют друг с другом для защиты своих владений, воздерживаться по одержании побед от пролития невинной крови и даже уступать противнику небольшую часть завоеванной земли, чтобы тот не утратил своего имени и не лишился

бы последнего достояния. Тогда как они царевичей Дели, бывших в сущности их же благодетелями, умертвили[23] и повесили трупы их на воротах. Я не в силах наконец рассказывать далее и уверен, что Вашему императорскому величеству самому тяжко слушать повесть о подобных тиранствах. И потому я останавливаюсь в надежде остальное передать на словах.

В то время мы, преданные рабы Ваши, посылали сюда двух-трех доверенных лиц, но в дороге они были задержаны и жили милостынею.

Так как с каждым днем англичане усиливаются все более и более, а индийцы слабеют постепенно, главные и начальствующие лица положили по совещании послать сюда одного человека для объяснения своего положения и признали кроме того необходимым, чтобы избранное для сего поручения лицо был сам владетель, дабы слова его имели вес и мог бы он передать все как есть, без всяких искажений как от себя, так и по доверенности от них.

Жребий пал на меня, преданнейшего слугу Вашего величества. Я с полной радостью принял на себя это поручение и отправился в дорогу.

Как бы там ни было и скрытно от них, претерпевая большие лишения и трудности, ехал я до Бендер-Бушира, одного из портов Персии, в продолжение 25 дней, надеясь в этот срок прибыть к высочайшему двору. От страха англичан спешил я и даже оставил позади себя все мои пожитки и таким образом совершенно налегке достиг, наконец, Бушира. В то время, как я там был, английский пароход, стоявший в Бушире, проведал обо мне и пытался меня задержать, но тамошний правитель отправил меня в Шираз. Там опять английский старшина купечества хотел наложить на меня руки; но об этих обстоятельствах осведомилось Персидское правительство и сделало распоряжение, чтобы особу мою считали неприкосновенной.

Таким образом я доехал до Тегерана.

Хотя английский посланник много хлопотал на мой счет, но министр ему положительно отказал, говоря, что я прибегнул к покровительству Персидского государства, и для него особа моя неприкосновенна и что поэтому я могу ехать куда пожелаю, а ему он меня не выдаст.

Но о людях моих и вещах я до сих пор не имею никакого известия, мне говорили, правда, что когда об отъезде моем узнали в Бомбее, англичане задержали их в окрестностях этого города и завладели моим имуществом, так что от них не осталось и следов.

Когда я прибыл в столицу Персии в совершенном безденежье и без вещей, правительство Персидское оказало мне благосклонную помощь и все сделало для меня, что требовали обстоятельства.

Так как английский посланник не мог удержать моей поездки сюда, то старался разными уловками задержать меня в Тегеране и даже через посредство персидского министра заговаривал со мною о примирении, но преданный слуга Ваш, взяв, как должно, фирман от Персидского правительства, уехал.

Ныне, находясь в г. Реште, осмеливаюсь униженно просить, дабы повелено было Вашим императорским величеством отправить на имя Вашего консула, пребывающего в Реште, предписание с соблюдением совершенного моего спокойствия отправить меня к подножию высочайшего престола Вашего Императорского Величества, дабы я мог передать изустно все то, чего нельзя было мне поместить в этом прошении, а равно и повергнуть к священным стопам августейшего монарха прошения индийских раджей.

(М.П. с именем Роу Раджа Бахадур и проч.)

Писано 5 декабря 1860 г. христ. летосчисления.

Примечания переводчика

* Все эти имена написаны связно и неразборчиво, и потому неизвестно, так ли они здесь прочитаны.

** *При назначении в правители или наместники провинций индийские и персидские монархи дарят халаты (инвеституру).*

*** Хутба у мусульман — то, что у нас возношение царского имени на ектинье.

**** Согласно условиям англо-иранского договора 1857 г. Герат был признан независимым.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 902, л. 19—27 и об. Пер. с персидского, современный подлиннику. Подлинник отсутствует.

Примечания

[1] Имеется в виду Александр II (1818—1881), император Всероссийский (1855—1881).

[2] Здесь ошибка переводчика: правителем Дели был не сам Тимур, а его потомки — представители династии Великих Моголов (1526—1858).

[3] Лицо не установлено.

[4] Тахт Сингх был правителем княжества Марвар (Джодхпур) в 1843—1873 гг.

[5] Далее в деле содержатся переводы с персидского языка сходных по содержанию писем правителя княжества Биканер Сардар Сингха (1851—1872) от 30 августа 1859 г. (л. 5—6) и правителя княжества Джайпур Рама Сингха Саваи II (р. 1832, годы правления 1851—1880) от 4 сентября 1859 г. (л. 7—8). Подлинников писем в деле нет.

[6] В 1856—1857 гг. российская армия не предпринимала сколько-нибудь значительных кампаний в Туркестане.

[7] Имеется в виду индийское народное восстание 1857—1859 гг.

[8] По-видимому, имеются в виду князья Марвара, Биканера и Джайпура, никакого общего собрания князей Индии в то время не происходило.

[9] Консулом в Реште (Гилян) в 1860 г. был коллежский асессор Тенгоборский.

[10] Сведений об информации императора России о письмах индийских князей и судьбе посланника в архивах России пока не обнаружено.

[11] Ошибка переводчика: Раджпутана — этнокультурная область Индии.

[12] Суредж Бенси и Чендер Бенси, хинди — происходящий из Солнечной династии и происходящий из Лунной династии. Согласно индийской традиционной историографии все княжеские индусские роды произошли от двух мифических династий — Солнечной и Лунной.

[13] Областью Дели в конце XII в. владели князья Аджмира из династии Чаухан. В 1192 г. Мухаммад Гури (см. примеч. 15) разбил армию Притхвираджи II Чаухана (уб. 1193).

[14] По-видимому, имеется в виду Джаячандра (1170—1193), во время его правления держава Гахадавалов была завоевана Мухаммадом Гури.

[15] Шехабеддин Гури (Шихаб-ад-дин), или Мухаммад Гури, — один из султанов княжества Гур (1203—1206), захватил почти всю территорию современного Афганистана, Синд, Пенджаб, Бенарес и другие города Индии.

[16] По-видимому, имеется в виду битва при Плесси 23 июня 1757 г., когда 3-тысячный отряд сипаев под командованием англичан разбил огромную армию наваба Бенгалии. Этот день считался англичанами днем основания Британской Индии. После победы над навабом Ост-Индская компания начала захваты территорий в Бенгалии.

[17] Обычай дарения халатов существовал только у мусульманских правителей Индии.

[18] В 1803 г. началась 2-я англо-маратхская война, в результате которой престарелому Великому Моголу Шаху Аламу II (1759—1806) был возвращен Делийский престол, но он не обладал никакой реальной властью.

[19] Завоевание Хивинского ханства Россией произошло в 1873 г.

[20] Имеются в виду события англо-иранской войны 1856—1857 гг. После того как в октябре 1856 г. иранские войска захватили Герат, англичане оккупировали о. Харг, порт Бушир и двинулись в глубь страны, но были остановлены. Вскоре военные действия были совсем прекращены,

главным образом из-за вспыхнувшего в Индии восстания. По договору 1857 г. Иран вывел свои войска из Герата и признал его независимость.

[21] Имеется в виду Мухаммад Бахадур-шах (ум. 1862), последний представитель династии Великих Моголов (1837—1858).

[22] Восставшие сипаи в осажденном Дели подозревали, что главный министр Бахадур-шаха Хаким Хасан улла-хан находился в сговоре с англичанами.

[23] Могольские принцы Мирза Могол, Мирза Хизр Султан и Мирза Абу Бакр были расстреляны британским офицером Ходсоном.

№ 44

29 августа 1863 г. — Докладная записка генерал-лейтенанта С.А.Хрулева[1] о возможности военной экспедиции в Индию

В 1856 году 7 января была представлена мною бывшему военному министру князю В.А.Долгорукову[2] записка о необходимости похода в Афганистан, для уничтожения владычества англичан в Индии. Вскоре за тем заключен был 18 марта Парижский мир, которым удовлетворилось славолюбие Наполеона III, но не удовлетворилось корыстолюбие Англии, наше влияние на политику Европы и на торговлю Средней Азии не уничтожилось. Может ли допустить Англия, чтобы такое соперничество выросло, может ли не замышлять она уничтожить это препятствие, вредное ее барышам, ибо у них одинаковые предметы мануфактурной промышленности, а сбыт произведений есть Азия, той и другой нужны миллионы потребителей, Англия считает Азию своим рынком, а наши товары там — контрабандой, каждый шаг России к политическому сближению с ханствами Средней Азии она называет завоевательным преобладанием России, вот яблоко раздора ее с Россией. Более 50 лет Англия с коварством пользуется нашей снисходительной уступчивой политикой, но должен же быть какой-нибудь конец этому. При таких отношениях, тревожащих ее будущность, может ли Англия допустить, чтобы Россия в покое развивала свою мануфактурную и вообще торговую деятельность? Нет, она заботится ослабить Россию и возбудить войну во имя самобытности Польши. Я писал в 1856 году, что Англия будет нас ссорить с Францией, предсказание мое сбылось в 1863 году[3]. Мнение мое было изложено в четырех записках: 1) Столкновение России с Англией за Среднюю Азию неизбежно, надо быть к тому готовыми. 2) О значении Астрахани. 3) О военных предприятиях в Средней Азии. 4) О товариществе для торговли с Средней Азией на восточном берегу Каспийского моря в Балханском заливе.

Эти четыре записки представлены были мной в 1856 году в Военное министерство и Министерство Иностранных дел.

Не прошло семи лет с тех пор, и вот снова грозит нам война с Англией, изыскивающей всевозможные способы и хватающейся за всякий повод вредить России, подстрекая к тому и другие державы под предлогом будто бы защиты Польши. К такому образу действий поощряет британское правительство крайняя осторожность, чтобы не сказать предосудительная робость, нашей среднеазиатской политики. Кто отступает, на того напирают. Чтобы англичане опасались затрагивать нас, необходимо из коснения перейти к деятельности, из оборонительного в наступательное положение, надо показать англичанам, что они вывели нас из терпения и что мы готовы отплатить за их козни самым чувствительным для них образом — лишить их Индии.

Поход к пределам Индии, независимо от того, что заставит Англию отделить значительную часть сил своих для охранения сей последней от восстания, чем необходимо уменьшатся силы, которыми может располагать она для действий против нас в России, будет иметь огромное нравственное значение в Европе, для нас очень выгодное, ибо послужит ей свидетельством, что мы далеко не так бессильны, как ей угодно предполагать.

Видя, что со страшной европейской войной на плечах русские не только не упадают духом, а сами наступают на врагов с другого конца империи, европейские кабинеты и народы должны вывести из этого выгодные для нас заключения о средствах и характере русского правительства и его подданных. Слабостью никого не удивим и не задобрим, самоуничижением ничего и ни в каком случае не выиграем. Пора нам убедиться в этом, как и в том, наоборот, что чем больше обнаружим мы духа и решимости в трудных обстоятельствах, тем благоприятнее для нас будет в всех отношениях исход из них. Не говорю уже о том, что твердая решимость наша действовать к ниспровержению английского владычества в Индии может иметь такое влияние на политику Наполеона, что он из врага обратится нам в союзника. По существу идей Наполеона I, которым он следует, уничтожение Англии для него, да и для всего народа французского, нужнее, нежели ослабление России[4].

Экспедиция к пределам Индии, как я понимаю ее, дело не только возможное, но и далеко не сопряженное с такими страшными трудностями, как многие думают. Целью экспедиции, конечно, должно быть не завоевание нами этой страны, а лишь уничтожение там английского владычества и восстановление независимых туземных владений.

Восстание туземцев в Индии, вследствие слуха о движении туда русской армии, с целью очищения страны от англичан, я считаю необходимым условием успеха экспедиции. Другим условием успеха в замышляемом предприятии я полагал и полагаю союз с афганами, через земли которых должен проходить экспедиционный корпус. Афганцы в 1837 и 1838 годах просили Россию о защите против англичан, но, получив отказ, напрягли все силы, чтобы истребить вторгнувшееся в пределы их индо-британское войско. Пройдет несколько генераций после опустошений, произведенных англичанами в Афганистане, и новые поколения будут хранить воспоминания о них, как священный залог мести в сердцах своих. С увлечением ринутся они за всяким завоевателем, который поведет их пожинать неистощимые богатства Индии и разливать мщение на англичан. Дост-Магомет Кабульский[5], сторонник англичан в последнее время, если не умер еще, то не долго проживет, а смерть его произведет анархию и представит нам несомненную возможность привлечь к себе того или другого или и многих из претендентов на его наследство и приобрести в Афганистане сильную партию. Завоеватель Индии не должен потому ожидать неприязненной встречи от афганов. Нет, они с восторгом примут мстителя, который будет вызывать их на союзную войну, напоминать им о поругании, которому подвергли англичане важнейшие города их, о разрушении и осквернении Газни, о разорении всей земли их в сороковых годах. На эту вражду афганцев к англичанам и следует преимущественно рассчитывать.

В течение семи лет с тех пор, как я писал о возможности произвести восстание туземцев за Индом* и приобрести союз афганов, обстоятельства если и пе-

* Предположение, высказанное мной в 1856 году, сбылось в продолжение того же года: восстание возгорелось без всякого постороннего вмешательства и если было подавлено, то лишь по отсутствию поддержки извне (*примеч. автора*).

ременились, то далеко не к худшему для нас. Бунт сипаев обнаружил, как непрочно владычество англичан за Индом и как легко может вспыхнуть там при толчке и поддержке извне возмущение против них и со стороны мусульман, и со стороны индусов. Вступление в Афганистан давно ожидаемого там русского войска подымет национальную ненависть афганов к Англии и потрясет ее могущество за Индом. Проснется и там чувство свободы и воззовет народы к мщению. Храбрые сейки, жители недавно покоренного англичанами Пенджаба, снова подымутся за свою независимость и веру, союз их с афганами может возобновиться по примеру 1848 года[6]. В этом году, несмотря на дружеский трактат с Англией, 16 тысяч афганов пришли на помощь сейкам. Даже индийские войска англичан перешли к восставшим. То же с большим успехом может повториться при содействии наших войск.

Отношения наши к Персии в настоящее время тоже хороши, да если бы они были и не таковы, можно пробраться до Индии и без помощи шаха, даже против воли его, когда афганцы не против нас*.

Дорога в Индию от Астрахани через Астрабад до Герата не представляет затруднений, она удобна для движения артиллерии и обоза, имеет довольно воды и может доставить в изобилии рис, ячмень и овес, пастбища везде хорошие. Походы Мохаммед-шаха Персидского[7] в 1835 году свидетельствуют, что несколько десятков тысяч войска находили провиант по дороге в Буджнуре, Кучане, Мешгеде и Герате без всяких предварительных приготовлений. От Мешгеда до Герата представляются нам удобные средства к перевозке, по причине большого стечения караванов в Мешгеде. Окрестности Герата славятся плодородием.

Далее путь от Герата до Кабула тоже совершенно удобен, потому что движение английских войск в Афганистан показало, при появлении их даже врагами в эту сторону, продовольствие и фураж доставлялись местными жителями для их армии. Можно потому наверное полагать, что и мы не встретим там затруднений в продовольствии.

Продолжительность похода русского войска

	Версты	Дни марша	Дневки
От Астрахани до Астрабада	морем	6	"
— Астрабада — Мешгеда	469	16	7
— Мешгеда — Герата	342	12	5
— Герата — Кандагара	495	17	7
— Кандагара — Кабула	556	18	7
— Кабула — границы Индии	200		
— Границы — Пешавера	38	8	3
— Пешавера — Атока	77	2	1
Итого	2177	79	30

* 1) В случае неприязненности или даже только холодности к нам персов, путь экспедиционного корпуса до Герата может миновать их земли, следуя по берегам Атрека и северным скатам Эльбурза через Туркмению, где огромные стада верблюдов доставляют удобные средства для транспортирования тяжестей; но если мы будем с персами в дружбе, тогда поход экспедиционного корпуса в Индию совершится по двум направлениям и по северным и по южным покатостям Эльбурзского хребта: и там, и тут расстояние одинаковое.

2) В том случае если бы Турция из-за Польши также объявила нам войну, дружба Персии может еще более быть упрочнена уступкою ей от Турции городов Кербела и Неджефа по р. Евфрату. Города эти священны для народа персидского не менее Мекки и Медины, здесь погибли мучительной смертью сыновья Алия Гассан и Гуссейн. Важность этих городов для Персии доказывается также и тем, что тяжкая пошлина по дороге от Багдада в эти города (около 6 р. с человека) не прекращает пилигримства туда набожных персов-шиитов (*примеч. автора*).

А всего походу, если выступить 15 апреля по 4 августа, — 109 дней.

По проекту Наполеона I продолжительность похода французского войска.

От Астрахани до Астрабада	морем	10	—
— Астрабада — Атока	2177	45	—
Итого:		55 дней	

Многочисленность экспедиционного отряда в Индию послужила бы лишь к увеличению затруднений в продовольствии на пути; надо стараться образовать туземные войска, наши же должны составлять только резерв. Нужен лишь первый успех, нужно только разделить первую приобретенную добычу, и легионы туземного войска наберутся мигом, стоит овладеть одним округом, и доходы с этого округа дадут возможность набрать порядочный отряд. С этим отрядом приобретается обладание целой провинцией, которая, в свою очередь, доставляет средства сформировать и содержать еще более значительное войско и так далее*. Мы обязаны научить жителей своими средствами противиться гнету англичан, силы которых в Индии состоят из войск: 35 тыс. на пространстве 1 076 590 кв. англ.миль, которые обязаны защищать границу на 707 геогр. милях и поддерживаться только европейскими офицерами, число которых в 1847 году доходило до 7434-х. Много есть примеров, что войско это бежало перед нестройными толпами туземных врагов Англии, когда офицеры английские были перебиты. При моральном впечатлении, какое бы могло быть произведено нашествием русских, войско англо-индийское будет совершенно недостаточным, ибо Англия не могла бы оставить без защиты европейского войска главные пункты своих владений внутри Индии, опасаясь как жителей, так и самого войска из туземцев.

Численность русского экспедиционного корпуса должна простираться до 35 тысяч строевых. С меньшим числом сил нельзя ничего сделать.

Для обеспечения дороги в Индию и продовольствия войск на пути необходимо: оставить тысячу человек для возведения укрепления, между реками Карасу и Гургеном, в 14 верстах от Астрабада и в 20 от Каспийского моря на развалинах крепости Ахкале, в местности, принадлежащей трухменам и весьма благоприятной по здоровому климату, плодородию и обилию леса, удобного для постройки домов и судов; укрепление это будет служить экспедиционному отряду обеспечением сообщений его с Закавказским краем через Баку и с Россией через Астрахань. Остров Ашуроде, в 30 верстах от Астрабада, где ныне гавань для стоянки нашего флота, также представляет легкое 3-х дневное сообщение с Баку и 6-ти дневное с Астраханью. Укрепление это доставит пользу и Персии, оно защищает Астрабад от грабительских набегов туркменов. Сверх того нужно оставить гарнизоны в Мешгеде, Герате и Кандагаре и затем явиться на Инд с 30-тысячным войском.

В состав экспедиционного корпуса должна войти почти исключительно пехота с соразмерным числом артиллерии и сапер. Кавалерию трудно и дорого продовольствовать, да притом ее можно будет сформировать из союзников и наемников: афганов и других народов, землями которых будет следовать экспедиция, эти союзники и наемники будут служить вместе и заложниками верности тех родов, из коих будут взяты. Так что конницы русской полагал бы я нужным иметь в экспедиционном корпусе всего тысячи три: сотни четыре казаков уральских, столько же кавказских линейцев и три полка донских.

Рассчитанное нами число войск, сравнительно с планом похода в Индию Наполеона I, предложенным императору Павлу I, вдвое менее, ибо в то время

* В Индии таков обычай с незапамятных времен: начиная с маленького местечка до провинции, везде на содержание войска платится отдельная от поземельных подать (*примеч. автора*).

император встретил бы затруднения, ныне не существующие. Важнейшим из них были бы местность и население Афганистана, география которого была тогда неизвестна и которого негостеприимные племена выслали бы тогда со всех сторон герильясов своих против наступающей армии; между тем как в настоящее время все эти племена восстанут как один человек по призыву мстителя, будет ли то Наполеон или кто другой. Сверх того, на Индостанском полуострове существовали тогда независимые государства, которые англо-индийское правительство умело бы искусно поставить между своим опасным положением и новым грозным неприятелем и которые, находясь между этими двумя крайностями, истощились бы в пользу Англии. Ныне все эти государства разрушены и обломки их превратились в прах. Правительство Английской Индии на всем обширном пространстве своих владений не оставило никакого оплота своему величию, и отныне должно само собою держаться в равновесии на сыпучих песках народной ненависти.

Если при составе корпуса в 35 тысяч войска издержки на содержание его определить приблизительно в 1 руб.сер. на человека (вместе с жалованием) ежедневно, а продолжительность похода, взад и вперед, предположить в полтора года, то содержание экспедиции обойдется в двадцать миллионов руб.сер., полагая затем пять миллионов руб.сер. на снаряжение корпуса, на подарки азиатским властям и другие расходы, все предприятие будет стоить России миллионов двадцать пять руб.сер. Сумма порядочная, но совершенно незначительная, в сравнении с огромностью полезных для нас результатов, если экспедиция увенчается успехом*. Впрочем, вытеснив англичан с Индийского материка и восстановив там туземные династии, можно возвратить и самые издержки экспедиции, благодарные туземцы уплатили [бы] нам их из своего кармана.

Настоящая минута также как нельзя более удобна, чтобы воспользоваться деятельностью и капиталами частных людей для водворения русской торговой колонии на восточном берегу Каспийского моря в Балханском заливе. Проект мой об этом напечатан в Журнале промышленности в январской книжке сего года, и на проект этот откликнулся г. Шаншиев статьей, помещенной в № 63 Сына Отечества (13 марта) на сей год. В статье этой г. Шаншиев предлагает содействие свое к составлению значительного капитала для осуществления сказанной мысли. Вот что говорится в моем проекте насчет торговых путей сообщения (стр. 8 и 34).

«Волжский бассейн обнимает 23 самые производительные губернии империи, соединяется с Балтийским и Белым морями, сближается с Сибирью».

Железные дороги и пароходы соединили уже Европу с Петербургом, Москвой, Нижний и Астрахань с Каспийским морем. Железная дорога от Волги до Дона открыла путь к Азовскому и Черному морям.

От Балханского залива открывается ближайшая дорога внутрь Средней Азии, до Хивы 415 верст, из Хивы водяной сплав вверх по реке Аму до Бухары и Балха, а вниз по реке до Кунграда, откуда суда могут подниматься в Аральское море; по реке Сыру до Форта Перовского, г. Туркестана, Ташкента, Кокана и далее до западных областей Китая.

Значит, для торговли с среднеазиатскими владениями кратчайшим путем необходимо: установить удобное сообщение от Балханского залива до реки Аму, тогда товары из Франции и Германии направятся в Россию и по железной дороге до Нижнего будут доставляться на Волгу, затем через Каспийское море в Бал-

* Мексиканская экспедиция, по сю пору не имеющая еще результата, стоит Франции уже вдвое более этого[8] (*примеч. автора*).

ханский залив, а оттуда 415 верст на верблюдах к реке Аму. Таким образом товары европейские дойдут в Среднюю Азию из места отправления через 22 дня, тогда как те же товары через Суэзский перешеек идут 100 дней, а огибая мыс Доброй Надежды — 200 дней. Франция, Германия, Бельгия и Швейцария получат через это, со временем, возможность производить торговлю на всех рынках Средней Азии.

Самая Англия, пользуясь нашими железными дорогами, признает гораздо выгоднее везти товары свои в Индию и произведения Индии в Европу через Россию в совершенной безопасности, не подвергая свои богатства случайностям плавания вокруг света, с постоянной потерей таковых на огромные суммы вследствие кораблекрушений; Россия же от транзита европейских товаров в Индию и индийских в Европу должна приобрести выгоды, которые значительностью своею не уступят выгодам от собственной ее торговли с Средней Азией.

Из этого видно, что в военном отношении существует еще другой путь до Индии, мною предлагаемый. Из Астрахани до Балханского залива через Хиву и Балх на Кабул, который удобнее, нежели путь через Персию по маршруту Наполеона I, в его время Аральское море еще не было во владениях России.

Для осуществления этого пути необходимо, как мы сказали выше, установить только удобное сообщение от Балханского залива до реки Аму, что можно исполнить следующим образом:

1) В Балханском заливе на тысячу человек гарнизона возвести укрепление и построить дома из леса, обильно растущего в Балханских горах, из которого можно сделать деревянные рельсы для своза тяжестей на берег.

2) На перешейке между Балханским заливом и рекой Аму, близ которой г. Хива, устроить этапы на каждых 50 верстах, всего нужно семь этапов, ибо расстояние это 415 верст. На каждом этапе поставить две роты пехоты при двух орудиях и учредить семь магазинов для продовольствия войск.

3) Следуя на Хиву, так сказать мимоходом, подчиняем ее нашему влиянию, и хана можно оставить временно на жаловании в виде вассала России; это нам необходимо сделать и для нашей среднеазиатской торговли; увеличивать же территорию России за счет ханства было бы излишне, для приучения же хана и жителей к цивилизации нужно поставить гарнизоны, для которых построить отдельные укрепления вблизи избранных пунктов, так чтобы города эти были под выстрелами артиллерии и содержались посредством сей угрозы в почтении: а) В городе Кунграде близ устья реки Аму, б) в Хезараспе на левом берегу Аму, где и переправа, отсюда начинаются каналы для оплодотворения земель, воды по желанию могут быть удержаны, это также средство удерживать Хиву в послушании, в) в Хиве, как в центре, из которого должно исходить наше влияние на ханство. Для трех этих пунктов достаточно будет трех батальонов пехоты и шести сотен казаков из войск Отдельного Оренбургского корпуса.

4) Через Аральское море ввести в р. Аму сыр-дарьинские пароходы.

Теперь рассмотрим маршрут от Балханского залива до Хивы: 8 переходов и две дневки*, дорога степью 415 верст, совершенно подобна той, какая находится от Орска (на линии Оренбургской) до Аральского моря, на расстоянии этом 700 верст и одно дерево. В походе на Ак-мечеть[10] войска варили себе пищу, собирая для топлива во множестве верблюжий кал, который горит лучше, чем малороссийский кизяк, сверх того, мы шли по берегу песчаной пустыни Кара-Кумов 300 верст, где пили зеленую горько-соленую воду, потому что другой во-

---

* В путешествии Н.Н.Муравьева в Хиву и по Туркмении говорится, «что трухмены от Балханского залива до Хивы проезжают это расстояние на одном и том же аргамаке в трое суток»[9] (*примеч. автора*).

ды не имелось, и больных однако ж не было, а в степях трухменских, где пасутся тысячные табуны разного скота, в воде недостатка быть не может. Трава для лошадей и верблюдов на вид совершенно негодная, но питательная до такой степени, что лошади под артиллерией и обозом не получали более одного гарнца овса и не имели сена, питаясь подножным кормом. В верблюдах для перевозки тяжестей недостатка нет. Мясо баранов питательно и до такой степени вкусно, что туземцы едят его без соли, потому что бараны питаются соленой травой, а копи каменной соли на берегу Балхана лежат готовые, для питья есть здесь здоровый напиток — кумыс.

Дойдя до Хивы, мы следуем далее торной караванной дорогой по левому берегу реки Аму и достигаем города Балха, не нуждаясь в продовольствии в этой плодородной местности.

Для обеспечения дороги от Хивы до Кабула нужно оставить этапы: один близ города Чарджуй, мимо которого проходит поперечный тракт из Бухары на Мерв, а другой этап близ города Балха.

Продолжительность похода русского войска

	Версты	Дни марша	Дневки
От Астрахани до Балханского залива	морем	2	-
— Балхана — Хивы	415	8	4
— Хивы — Балха	750	25	10
— Балха — Кабула	420	14	5
— Кабула — Пешавера	238	8	3
— Пешавера — Атока	77	2	1
Итого:	1900	59	23

А всего походу, если выступить 15 апреля по 7 июля, — 82 дня.

При сравнении этого пути на Хиву с маршрутом через Персию оказывается в пользу хивинского пути еще следующие выгоды: 1) Путь через Хиву менее продолжителен, чем через Персию, а именно 27 дней разницы. 2) От Астрахани до Балханского залива морем 2 дня, а от Астрахани до Астрабада морем же 6 дней, в это время можно сделать к Балханскому заливу если не три, то два рейса. 3) Заняв Хиву, мы в то же время входим в связь с нашими укреплениями на Сыр-Дарьинской линии. 4) Сыр-Дарьинские пароходы подвозят нам на буксире все нужное до самого Балха. 5) Экспедиционный корпус, следуя на Хиву по ровной местности, не утомит солдат так походом, как по горам и ущельям, которые начинаются по дороге от самого Астрабада. 6) По дороге персидской много переходов через горные речки, а по хивинской равнина. 7) По дороге от Хивы войска имеют в изобилии одну и ту же здоровую воду в р. Аму, а от Астрабада вода переменная, в ключах очень холодная, и в некоторых местах встретится недостаток в воде. 8) Следуя на Хиву, не нужно заискивать расположение Персии. 9) Сверх того мы станем твердою ногою в Средней Азии, и это преобладание для торговли нашей останется с той минуты постоянное. 10) Этапы, учрежденные нами в Средней Азии, останутся навсегда собственностью России, а в Персии только временные издержки на такие же этапы. 11) По всем соображениям, путь на Хиву обойдется дешевле.

Таким образом сообщение с Кабулом будет восстановлено и через Астрахань и через Оренбург.

Вот все, чем в настоящую минуту счел я нужным дополнить мои прежние записки о походе на Индус. Дальнейшие же частности могут быть обсуждены, когда одобрится самая мысль предприятия и решено будет привести его в исполнение. Касательно действий в Индии, предположения о таковых я не замедлю представить, если бы это потребовалось.

Путь в Индию из Сибири на Кашмир.

Для лучшего успеха экспедиции вообще и для разобщения английских сил в Индии, полезным бы казалось одновременно с походом на Индию через Афганистан, направить небольшой отряд из сибирской степи на Кашмир через Китайский Туркестан. Разумеется, что для этого необходимо согласие пекинского правительства. Возможно ли добыть это согласие и, добывши его, возможно ли пробраться до Кашмира означенным путем, я не знаю, не изучив специально вопроса. Пусть решат его ближе меня знакомые с географией Китайского Туркестана и горных стран, отделяющих этот край от Кашмира. Упоминаю об экспедиции из Сибири не как о деле несомненно возможном, а как о желаемом, если оно осуществимо.

РГВИА, ф. 846, оп. 2, д. 3, л. 105–116 об. Подлинник.

Примечания

[1] Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – генерал-лейтенант (1853), герой Севастопольской обороны. Начал военную службу в 1826 г. В 1853 г. руководил осадой и штурмом кокандской крепости Ак-Мечеть. В начале Восточной войны 1853–1856 гг. участвовал в осаде турецкой крепости Силистрия, при отступлении русских войск из Дунайских княжеств командовал арьергардом, был ранен. Переведенный в начале 1855 г. в Севастополь, отличился в его героической обороне, за что был награжден орденом св. Георгия 3-й ст. С 1856 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, в 1861–1862 гг. – командующий 2-м армейским корпусом, с 1863 г. – в отставке.

[2] Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) – князь, генерал-адъютант (1845), генерал от кавалерии (1856). Военную службу начал в 1821 г. Участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. В 1838–1841 гг. находился в свите цесаревича (будущего императора Александра II). С 1848 г. – товарищ военного министра, а в 1853–1856 гг. – военный министр. В 1856 г. был назначен начальником Третьего отделения и шефом жандармов, вышел в отставку в 1866 г. после покушения Д.В.Каракозова на царя.

[3] Польское национальное восстание 1863 г., направленное против самодержавия, вызвало горячее сочувствие в демократическом и либеральном движении в Европе, что позволило правительствам Англии и Франции под предлогом защиты повстанцев от репрессий царского правительства занять резко антирусскую позицию. Англо-французскими правящими кругами было предпринято несколько дипломатических демаршей против России, однако на военные действия союзники не решились.

[4] На протяжении всей эпохи Великой французской революции и наполеоновских войн Англия оставалась постоянным непримиримым противником Франции, чем объяснялось стремление Наполеона I в союзе с Россией подорвать британское владычество в Индии. Подражание Наполеона III Наполеону I носило чисто внешний характер и не распространялось на важные политические решения французского правительства Второй империи.

[5] Дост-Мухаммед (1790–1863) – афганский правитель. После распада в 1818 г. Дурранийской державы управлял Кабульским и Газнийским княжествами и вел борьбу против сепаратистских тенденций отдельных ханов, а также против английского ставленника Шуджи уль-Мулька. В ходе афгано-сикхской войны 1835–1837 гг. безуспешно пытался отвоевать захваченное Ранджит Сингхом Пешаварское владение. В 1836 г. провозгласил себя эмиром Афганистана, положив начало новой, Баракзайской династии. В проведении объединительной политики пытался заручиться поддержкой России, что послужило поводом к первой англо-афганской войне 1838–1842 гг. На первом этапе войны пытался организовать отпор англичанам, но в 1840 г. сдался в плен и был выслан в Индию. После окончания войны был возвращен на афганский престол по соглашению с англичанами. В 1855 г. присоединил к своим владениям Кандагар, в 1860 г. – Восточный Сеистан, в 1863 г. – Герат.

[6] Британская экспансия в Пенджабе заставила афганского эмира Дост-Мухаммеда забыть старые распри с Ранджит Сингхом, и в 1848 г., когда англичане начали вторую войну против Пенджаба, эмир по договоренности с сикхами занял округ Пешавар и Атток и выслал десятитысячный отряд конницы в помощь пенджабским войскам. Однако после победы англичан и ликвидации

независимого Пенджабского государства Дост-Мухаммед был вынужден оставить Пешаварский округ.

[7] Мохаммед-шах (1810–1848) – шах Ирана из династии Каджаров, вступил на престол после смерти Фатх-Али-шаха в 1834 г. В 1837–1838 гг. Мохаммед-шахом были предприняты попытки завоевания Герата, окончившиеся неудачей.

[8] Имеется в виду вооруженная интервенция в Мексику, предпринятая Англией, Испанией и Францией. Поводом для нее послужил изданный в 1861 г. президентом Мексики Б.Хуаресом декрет об отсрочке платежей процентов по иностранным займам. 31 октября 1861 г. была подписана Лондонская конвенция о совместной интервенции, однако уже весной 1862 г. Англия и Испания отозвали свои войска, а французы, развивая наступление, провозгласили создание Мексиканской империи. В 1867 г. под давлением США французские войска были выведены.

[9] Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794–1866) – генерал от инфантерии. Начал военную службу в Свите по квартирмейстерской части, принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг., затем служил на Кавказе. По поручению главнокомандующего А.П.Ермолова занимался исследованием юго-восточного побережья Каспийского моря и в 1819–1820 гг. совершил военно-дипломатическую поездку в Хиву. Опубликовал «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг.» (М., 1822). Впоследствии отличился на военном и дипломатическом поприще, в 1854–1856 гг. – наместник и главнокомандующий на Кавказе, руководил осадой и взятием турецкой крепости Карс.

[10] Ак-Мечеть – кокандская крепость на правом берегу Сырдарьи. Летом 1852 г. русский отряд под командованием обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майора И.Ф.Бларамберга предпринял попытку захвата крепости, служившей кокандцам базой для нападений на казахов-кочевников – подданных России. Штурм крепости окончился неудачей, и через год, летом 1853 г., поход на Ак-Мечеть был повторен усиленным отрядом под началом командира Оренбургского корпуса генерал-адъютанта В.А.Перовского. 28 июля 1853 г. крепость была взята штурмом.

№ 45

Январь 1865 г. – О пребывании индийца Манокджи Курсетджи[1] в России

Пребывание в С.-Петербурге Бомбайского парса Манокчи Курсетчи (Manockjee Cursetjee). Мы имели случай познакомиться на днях с довольно замечательною личностью – индейским парсом из Бомбая, страстным охотником до путешествий и приехавшим в Россию, на самое короткое время, вместе с дочерью. Эта девица есть первая женщина парсийского племени, посетившая Европу, и которая, вопреки существующему до сих пор между парсами обычаю, не чуждается общества посторонних людей[2].

Парсы, как известно, потомки древних персов, последователей Зороастра, удалившиеся из своего отечества в Индию, в восьмом веке по р[ождеству] Х[ристову] вследствие жестоких гонений мусульман. В Индостане сперва под покровительством туземных князьков, а впоследствии англичан они достигли большого благосостояния и в особенности отличаются своею предприимчивостью в торговых делах. В Бомбае живут в настоящее время около 120.000 парсов, из которых многие имеют громадные состояния. В Калькутте и других городах Индостана есть также много парсов, которые сверх того основали коммерческие дома и в Сингапуре, Гон-Коне, Макао и Шанхае.

Парсы по большей части до сих пор еще держатся обычаев и религиозных обрядов своих предков[3], однако в последнее время между ними явились реформаторы, которые признают своевременным, в образе жизни, заимствовать много у англичан. Один из существеннейших вопросов в этом отношении – это социальное положение женщин. Хотя у парсов не существует многоженства и женский пол вообще находится в несравненно большем почете, чем у индусов и мусульман, однако жены парсов не показываются в обществе, не смеют сесть за один

стол с мужьями и не получают почти никакого образования. Против всего этого начали сильно восставать некоторые представители нового поколения[4]. Наш нынешний гость, Манокчи Курсетчи, принадлежит к их числу; он основал девичью школу в Бомбае и тем оказал важную услугу тамошнему обществу парсов; своим двум дочерям он дал совершенно английское образование и, как уже было выше замечено, не держит их взаперти.

Отец Манокчи имел значительное состояние и был одною из наиболее уважаемых личностей между парсами в Бомбае. Сын его, не имея необходимости посвящать себя обыкновенному занятию парсов, т.е. торговле, предался исключительно науке и ученым изысканиям о санскритском языке и о религии Зороастра. Уже в тридцатых годах он был в деятельной переписке с знаменитым Бюрнуфом[5]. Пишущему эти строки[6] Манокчи показывал с видимым удовольствием письма, полученные им в то время от некоторых известных ориенталистов, а также дипломы ученых обществ, которым он оказал немаловажные услуги пожертвованием редких книг и рукописей на восточных языках. В начале сороковых годов он в первый раз посетил Европу, был и в Италии, чтобы познакомиться с кардиналом Меццофанти, и представлялся папе Григорию XVI[7], от которого получил на память золотую медаль. По возвращении на родину, Манокчи получил весьма уважаемую в Индии должность судьи, которую занимает и ныне. Главная цель его нынешнего путешествия состоит в том, чтобы осмотреть все азиатские библиотеки в Европе и узнать, чего в них нет по части санскритского языка и литературы Зендавесты[8]. У нас он с большим вниманием рассматривал восточные рукописи, хранящиеся в Азиатском музее Академии наук и в Императорской Публичной библиотеке, и изъявил полную готовность содействовать к пополнению этих коллекций. Вообще он выражал надежду, что сношения между нашими учеными обществами и азиатскими обществами в Индии получат в скором времени большее развитие. Манокчи очень интересовался также нашим Географическим Обществом и обещал выслать нам полное собрание изданий Бомбейского Географического Общества, которого он также состоит членом[9].

Манокчи путешествует со своею младшей дочерью, девицею лет шестнадцати; при осмотре здешних музеев, библиотек и т.п. она возбуждала общее внимание и участие своими умными вопросами и замечаниями и своим странным национальным костюмом.

Костюм этот состоит из длинного шелкового пестрого платка или покрывала, которым обертывается тело, так что ног совершенно не видать[10], верхний конец платка покрывает темя и падает затем на правую руку. Лицо совершенно открыто; несколько прядей черных волос выглядывают из-под платка. Остальные части одеяния, которых почти не видно, состоят, как мне объяснили, из белой рубашки, шелковой куртки и таких же панталон. В костюме самого Манокчи ничего не бросается в глаза, за исключением странной шапки шоколадного цвета. Парсы, впрочем, не сохранили своего первоначального костюма; при переселении в Индию принявший их владетель Санджана поставил непременным условием, чтобы они переменили свой костюм на туземный, а также не употребляли в разговоре своего природного языка. Парсы и теперь говорят между собою по большей части на гузератском языке[11].

Манокчи Курсетчи посетил также Москву. В Царском Селе он удостоился чести быть представленным, вместе с дочерью, Государю Императору и Государыне Императрице[12].

«Известия Императорского русского географического общества». 1865, т. I, № 8, Мелкие известия, с. 167—168. Опубликовано также: Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966, с. 193—194.

Примечания

[1] Манокджи Курсетджи (Курсетчи) — индийский ученый-санскритолог и общественный деятель; выходец из одной из богатейших семей бомбейских парсов, европейски образованный человек; сторонник умеренных преобразований в области культуры и быта; в центре его внимания были вопросы развития литературного гуджаратского языка и введения женского образования европейского типа; основатель первого женского колледжа в Бомбее.

[2] Путешествие по Европе с 16-летней дочерью было вызовом реакционным предрассудкам и суевериям, бытовавшим в Индии; вскоре одна из его дочерей стала директором женского колледжа в Бомбее.

[3] Зороастризм — религия, распространенная в древности и раннем средневековье в Средней Азии, Иране, Афганистане, Азербайджане и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока, в настоящее время — у парсов в Индии и гебров в Иране. Названа по имени пророка Зороастра (греческая передача иранского имени Заратуштра). Священный канон зороастризма — «Авеста»; основной принцип — вера в единого бога Ахурамазду; противопоставление двух «вечных начал» — добра и зла, борьба между которыми составляет содержание мирового процесса; вера в конечную победу добра. Главную роль в ритуале зороастризма играет огонь.

[4] В 1851 г. в Бомбее было организовано общество, которое пропагандировало реформу зороастризма в духе рационализма. Под лозунгом восстановления «первоначальной чистоты и простоты» древней религии индийских парсов оно выступало против ряда средневековых обычаев и за социально-бытовые реформы. Это общество было организовано группой единомышленников во главе с парсом Дадабхаем Наороджи, который был также руководителем одной из культурно-просветительских организаций, созданных в 30—40-е годы XIX в. студентами Элфинстонского института, — «Молодой Бомбей». Дадабхай Наороджи (1825—1917), впоследствии один из ведущих политических деятелей Индии и крупный исследователь-экономист, был первым профессором-индийцем, боролся за предоставление индийским студентам возможности продолжать образование в Англии.

[5] Бюрнуф Эжен (1801—1852) — один из крупнейших французских ориенталистов, с 1832 г. профессор санскрита в Коллеж де Франс; труды по буддизму, грамматике языка пали, зороастризму; расшифровка древнеперсидских клинописных надписей; переводы на французский язык, в том числе «Авесты», «Бхагавадгиты».

[6] Лицо не установлено.

[7] Григорий XVI (1765—1846) — римский папа в 1831—1846 гг., активно способствовал миссионерской деятельности католической церкви в Северной Америке, Китае, Индии, Эфиопии, Полинезии.

[8] «Зенд-Авеста» — текст «Авесты» с толкованием.

[9] В архиве Государственной публичной библиотеки хранится перечень книг, присланных Курсетджи Манокджи из Бомбея (Архив ГПБ, ф. 1, оп. 4, 1864—1865, л. 77, л. 230).

[10] По описанию это традиционная индийская женская одежда — сари.

[11] Гузератский язык, т.е. гуджератский язык; гуджарати — язык индийской группы индоевропейской семьи языков, которым пользуются гуджараты, народность Западной Индии.

[12] Данный абзац в оригинале помещен в сноске; здесь мы его перенесли в основной текст по техническим соображениям.

№ 46—48

1865 г. — 23 июля 1867 г. — Документы о миссии правителя княжества Индор к российскому императору с предложением всякой помощи при завоевании Индии

№ 46

1865 г. — Письмо правителя княжества Индор императору всероссийскому Александру II с предложением сотрудничества

По дружественному нашему к Вам расположению уведомляю Вас, что я, благодаря Всевышнего создателя, до отправления этого письма был в добром здоровье. Услыхав о геройских подвигах Ваших, я очень обрадовался, радость моя так велика, что если бы я желал всю выразить ее, то недостало бы бумаги. Желаю, чтобы всевышний Бог уничтожил всех Ваших врагов. Хотя я не настолько могуществен, тем не менее до сих пор еще с моими подданными не подчинился англичанам. В настоящее время, желая приобрести Вашу дружбу, посылаю к Вам сына высокочтимого министра моего Гаудар Султана, который будет состоять при Вас, и в случае Вы встретите в чем-либо до меня надобность, то он обязывается сообщить мне, а я с помощью Бога искренне постараюсь исполнить. Посланный же от меня человек во всем мною уполномочен, и всякое условие, которое он заключит с Вами, мною опровержено быть не может. Еще сообщаю Вам о том, что если Ваши войска по случаю холода не успеют скоро дойти до места своего назначения, то сообщите мне, я вышлю к Вам войско по кашемирской дороге. Когда начнутся у Вас с англичанами военные действия, то я им буду сильно вредить и в течение одного месяца всех их выгоню из Индии. Посланный мною при сем человек имеет верное и надлежащее понятие об оружии англичан: человек он со сведениями и может все Вам рассказать. 1 дня Рамадана 1281.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—6, оп. 5, 1867, д. 2, л. 6 и об. Перевод, современный подлиннику. Подлинника в деле нет.

№ 47

Условия, которые предположительно должны были заключить между собой император всероссийский Александр II и правитель княжества Индор

Могущественный российский император дал сие клятвенное обещание при Святом Евангелии Иисуса Христа индийской провинции г. Индоре Амирюль мра хану Мухаммед-галию[1] и его подвластным ханам же городов Хайдар-абад — Джалялитдину-хану, Чунпора — Раджа Андырджит, Чутпора — Раджа Турнесанке и Бингопир — Раджа Сираф-раю в том, что по случаю прибытия в Индию главнокомандующего русского со своими войсками мы обязываемся принять их

дружелюбно, без всякой войны, но с условием: 1) чтобы русское правительство не вмешивалось в назначения и отрешения от должности наших аксакалов и других начальствующих лиц, 2) оружие, которое мы имеем, не отбиралось, оно должно остаться у нас в руках, 3) не препятствовать нам иметь войско, в каком бы количестве оно ни было и которое мы имеем право держать по собственному нашему усмотрению, 4) русские не должны домогаться отобрания и занятия тех городов, которые уже уступлены англичанам вышеозначенным ханом, 5) преступников, бежавших от нас, у себя не держать, а возвращать их к нам обратно, 6) все дела должны решаться по шариату нашему, русские же не должны в разбирательство их вмешиваться, 7) не воспрещать нам чеканить свою монету и не трогать нашей религии, 8) в случае надобности русским в войске и в деньгах, позволяется им брать у нас и то и другое, но в размере, сколько мы в состоянии дать им, и 9) врагов русским мы у себя держать не будем. Условие это хранить свято.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I–6, оп. 5, 1867, д. 2, л. 8–9. Перевод, современный подлиннику. Подлинника в деле нет.

№ 48

23 июля 1867 г. – Рапорт исполняющего должность военного губернатора Туркестанской области Мантейфеля[2] командующему войсками Оренбургского военного округа Крыжановскому[3] о прибывшем к нему индийце

После дела 5 июля (рапорт № 6684) в лагерь под Яны Курганом явился к начальнику отряда подполковнику Абрамову[4] индиец, выходец из г. Индоре в Индостане, который представил подполковнику Абрамову письмо, писанное химическими чернилами, а на словах заявил, что он послан с этим письмом от своего хана во вновь занятые нами в Средней Азии владения и обязан передать его первым русским, которых он встретит на пути. С места своей родины индиец этот вышел уже с год тому назад. Маршрут следования его был следующий: из Индоре в Лагор, далее на Пишауэр, Кабул, Бамиан, Балк и через Аму-Дарью в Карши. Здесь он был заарестован бухарцами, открывшими, что он послан к русским. Бывшие с ним 10 человек его спутников разбежались, все бумаги, найденные при нем и адресованные русским, отобраны, оставили у него бухарцы только упомянутое выше письмо и то потому, что, писанное химическими чернилами, оно представляло собою лист белой бумаги. В Карши индиец содержался арестованным около полугода, наконец по распоряжению бухарских властей был выслан в Самарканд. В этот город индиец прибыл два дня спустя после дела наших войск с бухарскими, 7 июня, когда в Самарканде, по словам индийца, была огромная суета и переполоха. Воспользовавшись этим, свободный от всякого за ним надзора, он пристроился к какой-то небольшой партии вооруженных людей, выходившей в то время из Самарканда по направлению к Яны Кургану, и затем уже оставался в рядах бухарских войск до дела 5 июля. Здесь по отражении нашими войсками бухарских скопищ, индиец, во время отступления их, засел во встреченную на пути саклю, и, когда бухарцы скрылись совершенно из виду, он вышел к нашим войскам и был представлен начальнику отряда.

Подполковник Абрамов препроводил индийца с письмом в Ташкент. Подогретое на огне, письмо дало оттиск и оказалось писанное на индийском языке.

Переводы его на местное наречие и на русский язык при сем представляются. Письмо оказывается адресованным на Высочайшее Государя императора имя и заключает в себе просьбу о защите против англичан. При представлении мне индиец кроме упомянутого письма предъявил еще в копии прилагаемые два перевода — нечто в роде акта или условия.

Не придавая никакого серьезного значения этому посольству и всем его заявлениям, тем более, что, по словам индийца, основанием к его посланию послужили неверные слухи, распространившиеся в Индии, что русскими уже заняты и Самарканд, и Бухара[5], и все течение Аму-Дарьи, — тем не менее я счел долгом все изложенное доложить Вашему превосходительству как факт, не лишенный некоторого политического интереса.

Провинцию, из которой вышел индиец, составляют пять городов: Индоре, Гайдерабад, Беканер, Джудпур и Жемпур, из которых главный — Индоре. По словам посланца, города эти независимы пока еще от англичан, хотя все окрестные города, которых он насчитывает до 22-х, все уже подчинились англичанам и заняты их войсками. Упомянутые же пять городов управляются отдельными ханами, из которых главный живет в Индоре. Сам посланец — сын правителя дел или первого министра Индорского хана. Индиец, сколько можно было заключить из разговоров с ним, весьма смышленый человек и по предложению моему начертил даже прилагаемую при сем карту Индии на его пути до Ташкента[6].

При представлении мне индиец в заключение нашей беседы с ним просил меня дать ему какое-либо письменное заявление от нас его хану. Отказав ему в сем последнем, так как я нахожу все подобные письменные сношения совершенно лишними и неуместными, тем не менее я даю лично ему нечто вроде извещения, что он был в Ташкенте у русских, обласкан нами, хорошо принят и возвращается на родину. В скором времени индиец предполагает предпринять обратный путь, но уже не через бухарские владения, а через Ходжент, Кокан, на Кашмир и в Индию.

Подписал И.Д.Военного губернатора генерал-майор Мантейфель

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—6, оп. 5, 1867, д. 2, л. 2—5 и об. Копия.

Примечания

[1] Правителем княжества Индор с 1852 по 1886 г. был Тукоджи Рао Холькар, исповедовавший индуизм; титул «амир-ул-умара» — «верховный эмир» предполагает, что указанный Мухаммедгалий был одним из высших приближенных лиц правителя, мусульманином. Упомянутые ниже правители, а также названия княжеств или городов так искажены, что не представляется возможным установить, что имелось в виду.

[2] Исполняющий должность военного губернатора Туркестанской области Мантейфель (полное имя — Цеге фон Мантейфель), Николай Максимович (1827—1889).

[3] Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Участник Крымской войны; был начальником Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии, с 1865 г. — варшавским губернатором, в 1866—1881 гг. — генерал-губернатор Оренбургского края.

[4] Абрамов Александр Константинович (1836—1886) — генерал-лейтенант, один из самых деятельных участников завоевания Средней Азии. С 1868 г. — начальник Заравшанского округа, а с 1877 г. — начальник Ферганской области, член комиссии по составлению положения по управлению Туркестаном. Действительный член Императорского русского географического общества. В 1867 г. в чине подполковника командовал джизакским отрядом под Яны-Курганом.

[5] Русские войска заняли Самарканд 13 мая 1868 г., и по договору 1868 г. Бухарское ханство стало протекторатом Российской империи.

[6] См. АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—6, оп. 5, 1867, д. 2, л. 5а.

№ 49

20 мая 1866 г. — Письмо двух посланцев[1] махараджи Джамму и Кашмира Рамбир Сингха[2] Александру II с выражением радости по поводу неудавшегося покушения на его жизнь[3]

Господь Вседержитель!

Белому Царю да умножит Господь милость свою и продлит жизнь его.

Мы, Абдурахман Хан и Серафраз Хан, посланцы махараджи Римбирсинг, восседающего на престоле в Джаму и владетеля Кашмира, дерзаем доложить Всемилостивейшему и самодержавнейшему Царю всея России и Туркестана[4], величием и могуществом равному Александру Македонскому, Величайшему Императору Александру Николаевичу, что когда дошел слух до державного уха нашего повелителя, что русские войска вошли в Кокандские пределы[5], он отправил нас к начальнику победоносной армии[6], чтобы мы заявили ему поздравление с победами и, возвратясь назад, сказали, что мы видели, дабы вслед за сим отправить к особе Вашего Величества посольство с дарами в знак дружбы и привязанности.

В настоящее время, по небезопасности в пути, мы шестой месяц находимся при войсках Ваших и на днях услыхали, что один проклятый злоумышленник[7] выстрелил в Ваше Величество из пистолета и что Всемилосерд (так в тексте. — *Сост.*) Господь особу Вашу спас от смерти. Надеемся, что если бы целая тысяча подобных негодяев дала залп из ружей, то и тогда бы ни одна пуля не задела Высокой особы Вашей, ибо имеете под сенью Вашего Величества столько тысяч ляков (каждый ляк 100 тыс.) народа, ежеминутно занятого молитвами о здравии и благоденствии своего Милосердного правителя. По случаю спасения Вашего от грознейшей опасности Вашей особы, мы осмеливаемся думать, что Вы извините нашу дерзость заявить Вашему Величеству нашу искреннюю радость. Письмо в г. Ташкенте. Да сохранит Его Господь во все века под покровительством Вашим.

В пятницу[8] 5 числа месяца мухаррама 1283 года.

На печатях изображено: 1) Абдурахман хан ибн Сеид Рамазан хан; 2) Серафраз хан ибн Искандер хан.

Переводил колежский ассесор Пашино[9].
г. Ташкент 8 июня 1866 года.

Верно: И.Д.Начальника Штаба, полковник (*подпись неразборчива*).
С копией сверял: старший адъютант, подполковник (*подпись неразборчива*).

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, оп. I—6, 1866 г., д. 2, л. 3—4. Копия. Перевод с перс., современный подлиннику. См. также РГБ, Рукописный отдел, ф. 169 (Милютин Д.А.), карт. 36, ед.хр. 32, л. 5—6. Копия. Перевод с перс.

Примечания

[1] Абдуррахман-хан ибн Сеид Рамазан-хан и Серафаз-хан ибн Искандер-хан — двое уцелевших из четырех членов миссии, посланной махараджей княжества Джамму и Кашмир Рамбир Сингхом в Россию. В ноябре 1865 г. им удалось добраться до Ташкента, однако без послания махараджи, которое было у них похищено. Цель их миссии — «изъявление дружбы» и налаживание торговых связей. МИД России, осторожно относившийся к подобным контактам, не желая осложнений в от-

ношениях с Англией, не пошел на обсуждение каких-либо политических вопросов с представителями махараджи. Пробыв в Ташкенте семь месяцев и получив лишь заверения в поддержке стремлений развивать торговые связи, они в июне 1866 г. уехали обратно.

[2] Рамбир Сингх (1832? — 1885) — с 1857 по 1885 г. махараджа княжества Джамму и Кашмир, расположенного на северо-западе Индии.

[3] 4 апреля 1866 г. на Александра II было совершено первое покушение. У Летнего сада в него стрелял, но промахнулся Д.В.Каракозов — революционер-террорист, член тайного общества, студент Московского университета, который по приговору Верховного уголовного суда был повешен 3 октября 1866 г. Последующие покушения были совершены в 1867, 1879, 1880 гг. 1 марта 1881 г. Александр II был убит членами организации «Народная воля».

[4] Туркестан — географический термин, до начала XX в. обозначавший земли, населенные тюркскими народностями в Средней и Центральной Азии. Туркестан делился на Западный (или Русский), в который входила территория современной Средней Азии и Южного Казахстана, Восточный (или Китайский), входивший в состав Синьцзяна в Китае, и Афганский, располагавшийся в северной части Афганистана.

[5] В пределы Кокандского ханства царские войска под командованием полковников М.Г.Черняева и Н.А.Веревкина вступили летом 1864 г. Были заняты города Аулие-Атау, Туркестан, Чимкент, а в июне 1865 г. Черняевым был взят Ташкент.

[6] Имеется в виду Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — участник Крымской войны; с 1857 г. служил в Оренбургском генерал-губернаторстве; за взятие в июне 1864 г. крепости Аулие-Атау получил чин генерал-майора; в 1865—1866 гг. был военным губернатором Туркестанской области, в 1876 г. командовал сербскими войсками и русскими добровольцами (ок. 4 тыс.) в войне Сербии с Турцией, в которой Сербия потерпела поражение. В 1882 г. был назначен Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками, но в 1884 г. был отозван.

[7] Имеется в виду Д.В.Каракозов (1849—1866), см. примеч. 3.

[8] Видимо, ошибка переводчика — 5 мухаррама 1283 г. было воскресенье (но воскресным днем у мусульман, как известно, считается пятница).

[9] Пашино Павел Иванович (1836—1891) — см. док. № 60—72.

№ 50

11 августа 1869 г. — Докладная записка посла Великобритании в России Э.Бьюкенена[1] статс-секретарю по иностранным делам графу Дж.У.Кларедону[2] о визите в Индию посланника России в Китае А.Е.Влангали[3]

Санкт-Петербург

Г-н Вестман[4] сообщил мне, что генерал Кангаб[5], русский полномочный министр в Китае, который намеревался представиться лорду Майо[6] во время путешествия в Индию, которое он предполагал совершить по пути в Европу, не смог сделать этого из-за болезни.

Генерал Кангаб, однако, частично выполнив свой план и посетив некоторые районы Индии, написал письмо графу Горчакову, переданное затем Императору[7], с выражением глубокой благодарности представителям британских гражданских и военных властей за дружеский и сердечный прием, который он встречал везде с их стороны. Г-н Вестман просил меня поставить Вашу светлость в известность, что имперскому правительству доставило удовлетворение сообщение генерала Кангаба о дружеских чувствах в отношении России со стороны чиновников Ее Величества в Индии.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Home Branch, 1869, № 86. Перевод с англ. составителя.

Примечания

[1] Бьюкенен Эндрю (1807—1882) — английский дипломат, в России служил дважды: с 1844 по 1851 г. — секретарем дипломатической миссии, а с 1864 по 1871 г. был чрезвычайным и полномочным послом Великобритании.

[2] Кларедон Джордж Уильям (1800—1870) — граф, министр иностранных дел Великобритании в 1853—1858, 1865—1866, 1868—1870 гг.

[3] Влангали Александр Егорович (18...—1907) — генерал-майор, в 1863—1873 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Китае, в 1882—1891 гг. — товарищ министра иностранных дел, в 1891—1897 гг. — посол в Риме.

[4] Вестман Владимир Ильич (ум. 1875) — в 1866—1875 гг. был товарищем министра иностранных дел А.М.Горчакова.

[5] Кангаб — ошибка в английском тексте. Имеется в виду А.Е.Влангали См. примеч. 3. Ошибка возникла, видимо, при перепечатке текста из-за того, что фамилия Влангали, написанная в рукописном английском тексте не совсем четко, могла быть прочитана как Кангаб. Подтверждением того, что это А.Е.Влангали, является его письмо от 7/19 июля 1869 г. из Александрии к Н.П.Игнатьеву, который был тогда послом России в Константинополе. В нем Влангали сообщал, что только что был в Индии: из Сингапура он поехал в Калькутту, оттуда доехал до Дели, а затем из-за жары, вспышек холеры и поскольку чувствовал себя не совсем здоровым, отправился не на север, а в Бомбей, а оттуда в Европу. ГАРФ, ф. 730 (Игнатьев Н.П.), оп. 1, ед.хр. 2594, л. 231—232.

[6] Лорд Майо, Ричард Саутвелл Бурк (1822—1872) — вице-король Индии с 1869 по 1872 г. Убит членом секты ваххабитов.

[7] Речь идет об Александре II.

№ 51—56

1869 — 1876 гг. — Документы об организации РОПИТ[1] первых регулярных пароходных рейсов между Россией и Индией

№ 51

1869 г. — Распоряжение и Инструкция Директора РОПИТ[2] Е.И.Барановскому[3] в связи с его командировкой в Индию

Милостивый государь Егор Иванович!

Г[осподин] директор на разъезды по предмету командировки назначил Вам по три фунта стерл[ингов] в день, считая с 17 числа июня 1869 г., и на подъем пятьсот фун[тов] стерл[ингов] единовременно, и вместе с тем дал вам следующие наставления:

Во 1-х. Собрать в Москве, Нижнем Новгороде и Петербурге, а если надобность представится, то и в других частях России, сведения о тех товарах индейского происхождения, которые доставляются в Россию, о количестве их, способе доставки и проч., словом, разъяснить по возможности вопрос о предметах привоза из Индии в Россию и вывоза из России в Индию при существующих ныне торговых путях[4].

Во 2-х. Из России отправиться в Англию для подробного изучения торговых сношений Англии с ее индейскими владениями; причем определить объем торгового движения парусных и пароходных судов как мимо М[ыса] Доброй На-

дежды, так и по направлению в Александрию, проследить за деятельностью важнейших пароходных об[щест]в, по обоим путям, разузнать о фрахтах на парусных судах и пароходах, качестве и количестве грузов, словом, разъяснить вопрос о торговле Ост-Индии с Англией по отношению к торговле с Россией. Труд этот в значительной степени будет облегчен Вам имеющимися в Англии основательными сочинениями об Индии и точными статистическими данными об индейской торговле, которые легко получить по указаниям и при содействии агентов Об[щест]ва в Англии и торговых домов, с которыми Об[щест]во находится в сношениях.

В 3-х. Из Англии отправиться в Марсель для изучения торговых отношений Франции к Ост-Индским колониям Англии, определения количества предметов привоза и вывоза, фрахтов, объема движения парусных и пароходных судов и ознакомления с деятельностью Компании «Services Maritimes des Messageries imperiales» и других пароходных об[щест]в по отношению к индейской торговле.

В 4-х. Затем отправиться в Египет и исследовать торговые сношения этой страны и вообще прибрежий Чермного моря* с Индией[5]; причем обратить особенное внимание на деятельность Египетского пароходного об-ва «Azizie» и разъяснить вопрос, не может ли Русское общество со временем из движения паломников в Мекку, чрез Джедду, извлечь пользу для своих пароходов?[6]

В 5-х. Исследовавши Чермное море*, направиться в Индию для окончательного разъяснения вопроса об индейской торговле[7].

Подтверждая вам, м[илостивый] г[осударь], сие распоряжение и инструкцию г[осподина] директора, правление РОПИТ в убеждении, что с открытием Суэцкого канала дела Об[щест]ва должны получить еще большее развитие, и в сознании, что во всяком случае на Об[щест]ве лежит обязанность разъяснить и исследовать вопрос о возможности и выгодности прямых торговых сношений России с Индией по вновь открывающимся путям чрез Суэцкий канал в Одессу[8] и далее по железным дорогам из Одессы и Таганрога в Москву и Нижний Новгород[9], находит, что в этих видах, кроме данных г[осподином] директором указаний, вам, м[илостивый] г[осударь], небесполезно будет при исполнении возложенного на Вас поручения руководствоваться и следующими соображениями:

I. Так как главные товары индейского происхождения, потребные для России, отправляются в Европу из разных местностей Индии и в разные сроки, например, хлопок — преимущественно из Бомбея и осенью, а москатильные товары — из Калькутты[10], то необходимо определить с точностью как починные пункты, так и эпохи отправки товаров из Индии[11].

II. Предметы вывоза из Индии в Европу, а следовательно, и в Россию более или менее известны, но вопрос об обратных грузах из России в Индию, совершенно еще не тронутый, представляет более затруднений; для разъяснения этого вопроса необходимо на месте, в Индии, обратить особенное внимание на те привозные в Индию из Англии и других стран товары, которые ближе подходят к нашим русским товарам, производство которых обходится в России дешевле и по которым, следовательно, мы могли бы успешнее соперничать с другими странами на индейских рынках. Для этого необходимо приобрести в Индии возможно большее количество образцов привозных в Индию товаров из числа тех, которые вошли в общее употребление между туземцами, с тем, чтобы по доставлении этих образцов в Россию сравнить их по ценам и доброкачественности с нашими произведениями[12].

III. После хлопка одно из первых мест в торговле Европы с Дальним Востоком[13] занимает чай, отправляемый морем из Шангая. Этот чай, известный у нас под именем кантонского, более и более входит в России в употребление, а пото-

---

* Красное море.

му весьма полезно было бы обратить на этот предмет особое внимание и исследовать, не представится ли возможность получать кантонский чай не из Англии и из Кенигсберга, как это делается ныне, а прямым путем через Суэц и Одессу, причем не упустить из виду и возникшее в последнее время производство в самой Ост-Индии чая, который, быть может, в состоянии с выгодою заменить те низкие сорта чая, которые в значительном количестве потребляются в некоторых местах России.

IV. Ввиду известного Вам, м[илостивый] г[осударь], сделанного О[бщест]ву торговым домом L.Knopp & C° предложения, полезно было бы Вам побывать в Бремене для личных объяснений как с самим Л.Г.Кнопом, находящимся ныне в Бремене, так и с агентом этого дома Миллером, заведовавшим конторою этого дома в Бомбае.

V. В самом же Бомбае собрать обстоятельные сведения как о местных удобствах порта, так и о бывающих там ценах на каменный уголь и прочие материалы морского плавания, равно и о тех средствах, какими этот порт располагает для починки пароходных механизмов, ремонта судовых корпусов, нагрузки и выгрузки товаров и вообще для удовлетворения прочих потребностей торгового пароходства.

VI. Если вопрос о направлении чая, идущего в Россию из Шангая на Суэц и Одессу, вместо Англии и Кенигсберга, не может быть вполне исследован в Индии и Вы, м[илостивый] г[осударь], по Вашим соображениям найдете необходимым изучить его на месте производства чая и в портах погрузки его, то правление предоставляет Вам отправиться из Индии в китайские порты по вашему усмотрению[14].

При исполнении возложенного на Вас, м[илостивый] г[осударь], поручения могут встретиться обстоятельства и представиться для исследования такие вопросы, которых невозможно было предусмотреть и которые поэтому не вошли в настоящую инструкцию. А потому в подобных случаях, не ограничиваясь указаниями этой инструкции, Вы, м[илостивый] г[осударь], изволите обратить внимание на все, что соответствует цели Вашего поручения.

В заключение правление, озабочиваясь предоставлением Вам, м[илостивый] г[осударь], наибольших удобств во время предстоящего Вам трудного путешествия, уполномачивает Вас, буде Вы признаете для себя нужным, пригласить для помощи Вам во время пути какое-либо лицо[15], и все расходы по сему предмету будут возмещены Вам по возвращении Вашем из путешествия и по представлении счета Директору Н.М.Чихачеву.

Примите, м[илостивый] г[осударь], уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Подписал: Н.Гаевский[16],
председательствующий член правления.

Послана копия Н.М.Чихачеву 19 сентября, № 857.

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 343, л. 38–42. Подлинник.

№ 52

9/21 июля 1870 г. — Из письма Блаамберга[17] Е.И.Барановскому о постройке парохода и организации выставки РОПИТ

Одесса 9/21 июля 1870

Его Прев[осходительст]ву Е.И.Барановскому в Нью-Йорк[18].

Милостивый государь Егор Иванович,

...Н[иколай] М[атвеевич][19], чрезвычайно занятый делами по пароходству и по Одесской ж[елезной] д[ороге], на днях утвержденной за РОПиТ[20], поручает мне выразить Вам его сожаления, не имеет возможности собственноручно писать Вам, чтобы поблагодарить Вас за Ваши письма, которые все получены. Что Н[иколай] М[атвеевич] дорого ценит Ваши труды, это доказывается тем, что всякий раз, когда речь идет о Вашей экспедиции, он всегда говорит, что сведения, доставляемые Е[гором] И[вановиче]м для нас, т.е. для РОПиТ, золото в слитках; в С.-Петербурге, где мы пробыли весь апрель и май, Н[иколай] М[атвеевич] посвятил несколько дней, в продолжение которых он, целыми сутками, занимался исключительно Вашим делом, в результате чего было особое заседание в Правлении, в котором Н[иколаю] М[атвеевичу] разрешено заказать постройку парохода для Индийской линии. Привезенные М.А.Быковым образцы, кстати прибывшие в СПБ во время Всерос[сийской] Мануф[актурной] Выставки, были выставлены в зале Правления и показываемы множеству фабрикантам и промышленникам[21], которые по случаю Всерос[сийской] Выставки прибыли из внутр[енних] губерний в СПБ. Вообще все в восхищении от Ваших исследований...

ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 15, л. 100—101. Подлинник. Опубликовано: Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966, с. 194.

№ 53

1870 г. — Циркулярное письмо РОПИТ русским купцам об открытии индийской и китайской пароходных линий[22]

Милостивый государь.

В видах устройства прямых торговых сношений между Россиею, Ост-Индиею и Китаем, Русское общество пароходства и торговли в течение настоящего года исследовало посредством особой комиссии[23], которая отправлена была в Бомбай и другие места О[ст]-Индии и затем в Китай (в Шангай и Хань-коу), вопрос об учреждении пароходных линий: 1 — между Одессой и Бомбаем и 2 — между Одессой, Шангаем и Ханькоу.

Вопрос о возможности и выгодности прямой доставки в Одессу на Суэцкий канал из Бомбая хлопка (суратского)[24], кофе, москотильных товаров, красильных веществ и других О[ст]-Индских товаров, а из Шангая и Хань-коу чая, разъяснен комиссией в той мере, что Русское общество решилось отправить в виде опыта:

1) в течение января наступающего года из Одессы в Бомбай винтовой транспортный пароход «Нахимов» (в 500 сил и 3200 тонн вместимости)[25], который по пути в Бомбай зайдет в Порт-Саид, Суэц и Аден, и 2) в течение февраля из Одессы в Шангай и Хань-коу винтовой транспортный пароход «Чихачев» (в 500 сил и 3600 тонн вместимости)[26], который по пути в Китай зайдет в Порт-Саид, Суэц, Аден, Поэнт-де-Галль на Цейлоне, Сингапур и Гонг-Конг.

Отправка пароходов из Одессы рассчитана так, чтобы предназначенный в Бомбай поспел туда в самый разгар хлопкового сезона, начинающегося в ноябре и оканчивающегося в июне, а отправляемый в Китай, прибыв в Хань-коу в первых числах мая русского стиля, имел совершенно достаточно времени, чтобы погрузить то количество первосборного чая, которое наши русские отправители чая г. Иванов, Оборин и К, Окулов и Токмаков, Хаминов, Родионов и К[27], а также иностранные фирмы, находящиеся в Хань-коу, признают для себя выгодным отправить в Одессу на нашем пароходе. Русское общество пароходства и торговли рассчитывает на основании положительных данных и исследований, произведенных комиссией на местах, именно в Бомбае в отношении к хлопку и другим О[ст-]И[ндским] грузам и в Хань-коу — главном внутреннем чайном рынке Китая, что О[ст-]Индские грузы в Одессу могут быть доставлены из Бомбая в 25 дней, а чай, погруженный в Хань-коу, например, 24 мая нашего стиля, сможет прибыть в Одессу через 60 дней, т.е. к 23 июля, следовательно, или поспеть на Нижегородскую ярмарку, или быть проданным по образцам, из Одессы доставленным.

Хотя на значительное количество груза из Одессы в Бомбай, а также в Шангай и Хань-коу, а тем менее в промежуточные пункты, Русское общество рассчитывать не может, но означенные пароходы наши в эти пробные рейсы будут принимать пассажиров и грузы в указанные пункты туда и обратно на следующих условиях:

Фрахт из Одессы в Бомбай и в Поэнт-де Галль на о[стро]ве Цейлоне за тонну в 1000 килограммов, или 40 кубических английских футов, включая расходы на перегрузку и 10-ти франковую пошлину по Суэцкому каналу, следующий:

Из Одессы:	в Бомбай	£	2.16
	в Поэнт-де-Галль на Цейлоне	"	4.16
	в Сингапур	"	6.00
	в Гонг-Конг	"	6.8
	в Шангай	"	6.16
	в Хань-коу	"	7.00

Фрахты на обратные грузы из указанных выше местностей в Одессу определятся на местах отправки сообразно с фрахтами, которые будут существовать во время самой отправки, и по соглашению на местах с агентами Общества, но во всяком случае не выше тех фрахтов в Триест, Марсель и Лондон, которые будут взиматься Английским пароходным обществом Peninsular Oriental C°, Французским Messageries и из Бомбая Австрийским Ллойдом.

Фрахты из Порт-Саида в Одессу для товаров, идущих с Дальнего Востока, устанавливаются следующие: за тонну, или 40 футов:

1) за хлопок и чай	£	1
2) индиго, шелк	"	2.8
3) кофе, перец, ладан, камедь, всякие москатильные товары, красильные вещества, пряности и пр.	"	1.12,

включая расходы перегрузки, магазинаж в Порт-Саиде и пр.

С пассажиров взимается следующая плата в один путь туда или обратно с продовольствием — офицерским столом:

Из Порт-Саида до	Адена	£	15
до	Бомбая	"	$27^1/_2$
	Поэнт-де-Галль	"	$37^1/_3$
	Сингапура	"	40
	Гонг-Конга	"	50
	Шангая	"	55
	Хань-коу	"	60

Посланная Русским обществом пароходства и торговли комиссия, во время исследований своих в О[ст-]Индии, Китае и вообще на Дальнем Востоке, входила в сношение со многими торговыми домами, которые изъявили полную готовность войти в непосредственные торговые сношения с русскими фирмами в Петербурге, Москве, Одессе и в других местностях России[28].

Русское общество пароходства и торговли с своей стороны избрало своими агентами и корреспондентами:

В Одессе	—	Главную контору Общества
" Порт-Саиде	—	Агентство Общества
" Адене	—	G.Bircher
" Бомбае	—	H.Bomanjee, Touche et C°.
" Коломбо и Канди (о. Цейлон)	—	Keir, Dundes et C°.
В Поэнт-де-Галль (о. Цейлон)	—	Aubert, агент Messageries Françaises
" Калькутте	—	Schröder, Smidt et C°.
" Мадрасе	—	Arbuthnot et C°.
" Пенанге	—	Schmidt, Küstermann et C°.
" Сингапуре	—	Rautenberg, Schmidt et C°.
" Гонг-Конге	—	Pustan et C°.
" Шангае	—	Oluphant et C°.

В Хань-коу — русского вице-консула Николая Алексеевича Иванова[29].

Если бы вам, милостивый государь, угодно было иметь подробные сведения об условиях перевозки грузов между Одессой, О[ст-]Индией и Китаем на наших пароходах, а также между Порт-Саидом и Одессой, то благоволите обратиться в Одессу в Главную контору Русского общества пароходства и торговли; в Порт-Саид в Агентство Общества, в Бомбай и во все другие указанные выше места Дальнего Востока к поименованным выше агентам Общества.

В заключение настоящего письма правление Общества считает себя вправе выразить надежду, что русское купечество отзовется с полным сочувствием к первой у нас попытке освободить торговлю нашу с О[ст-]Индией и Китаем от посредничества иностранцев и иностранных капиталов, чего достигнуть можно только со временем и при содействии тех, кому дороги интересы отечественной торговли[30].

Рассчитывая и на Ваше к этому делу сочувствие, Русское общество пароходства и торговли сочло обязанностью своею обратиться к Вам, милостивый государь, с настоящим письмом.

Примите уверение в истинном нашем почтении.

Правление: Н.Сущов, В.Миллер,
Ф.Фан-дер Флит, П.Лисянский[31].

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 36—37 об. Подлинник.

№ 54

Июнь 1872 г. — Отчет Е.И.Барановского о прямом вывозе хлопка[32] из Бомбея в Одессу

В 1871 г. отправлено из Бомбея прямо в Одессу	
на пароходе «Нахимов» (1-й рейс в апреле)	4 539 тюков[33]
и на английском пароходе «Магдала» (в апреле)	3 600 тюков
Всего:	8 139 тюков
На указанных выше пароходах иностранных:	
с перегрузкой в Египте	13 891 тюк
всего в Одессу, как в порт назначения, направлено из Бомбея	22 030 тюков
В 1872 г. отправлено из Бомбея прямо в Одессу на пароходе «Нахимов»	
(2-й рейс в феврале)	6 204 тюка
(3-й рейс в мае)	2 050 тюков
Всего прямо в Одессу	8 254 тюка
На иностранных пароходах с перегрузкой в Египте отправлено в Одессу	11 790 тюков
всего в Одессу, как в порт назначения, отправлено из Бомбея	20 044 тюка[34]

С июня по октябрь, по случаю проливных дождей и бурь, обыкновенно в эту пору года хлопковых операций и погрузки хлопка на пароходы и суда для отправки в Европу обыкновенно не бывает в Бомбее. Г.г. Боманжи, Туш и К° предполагает, что во вторую половину хлопкового сезона текущего года, т.е. в течение октября, ноября и декабря 1872 года, отправят из Бомбея для России не через Англию, а через Одессу или прямо или с перегрузкой в Египте еще до 10.000 тюков хлопка, так что от посредничества Англии избавится в нынешнем году до 30 тысяч тюков хлопка, или 320 тысяч пудов. Остальное количество суратского хлопка, потребляемого в России в количестве приблизительно до 900 т[ысяч] пудов в год, т.е. до 600 тысяч пудов будет и в нынешнем году куплено в Ливерпуле и оттуда доставлено или прямо в балтийские порты России, или сначала в германские порты, а затем по немецким и русским железным дорогам в Петербург, Ригу, Москву[35]. Ливерпульский рынок так могуществен, что русские коммерсанты, занимающиеся хлопковым делом, никогда, по мнению г.г. Боманжи, Туш и К°, не перестанут от него зависеть и из Бомбея будут постоянно отправляться в Ливерпуль грузы хлопка для России, хотя Одесса от Бомбея в 26 днях пароходного пути, а на Англию из Бомбея до Кронштадта нужно положить от 50 до 60 дней пути...[36]

ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 19, л. 130-131. Подлинник. Опубликовано: Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966, с. 195.

№ 55

12 июня 1873 г. — Письмо Е.И.Барановского М.Н.Каткову[37] о присылке ему брошюры о железных дорогах, ведущих к Индии

Посылаю Вам, многоуважаемый Михаил Никифорович, обещанную мною брошюру калькуттских моих приятелей о железной дороге от Каспийского моря на Мешед, Герат, Кандагар до Дери-Газихана; последний пункт рукой подать от Мультана, а Мультан уже соединен с ж.д., прорезывающими О.Индию. По исчислению моих калькуттских приятелей, совершенно верному, от Калькутты до Дери-Газихана 4 дня, а от Дери-Газихана до устья нашего Атрека и залива Голсанакума, на который они указывают как на конечный пункт ж.д. с нашей стороны, исчисляют всего 3 дня пути, всего 7 дней, разумеется для курьерского почтового движения. Составители брошюры — калькуттские купцы, и их взгляды совершенно сходятся с теми, что я слышал в 71 году и в Бомбае, и в Калькутте, и в Мадрасе как от купцов, так и от правительственных лиц; поверьте, что завоевательной политике нашей никто из деловых людей в О.Индии не верит, предоставим метрополии разыгрывать на эту тему какие угодно вариации.

Так как мне придется писать в Калькутту к фирме, приславшей мне брошюру, то возвратите ее мне по миновании надобности.

ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 20, л. 56, 57. Подлинник. Из личного архива Е.Я.Люстерник.

№ 56

15 ноября 1873 г.[38] — Письмо правления РОПИТ об открытии пароходной линии Одесса—Бомбей

Милостивый Государь.

Независимо от учрежденных с 1871 года постоянных прямых пароходных сообщений между Ханькоу, Шангаи, Фучау и Одессой для доставки чая и других грузов Китая и вообще произведений Дальнего Востока в Россию и русских произведений в Китай, Русское Общество Пароходства, Торговли и Одесской ж[елезной] д[ороги] отправляло пароходы свои в Бомбай по мере надобности[39]. Ныне Русское Общество учредило в течение сезона 1875—1876 гг. срочные рейсы пароходов между Одессою, Константинополем, Порт-Саидом, Джеддою и Бомбаем; плавание это совпадает в Константинополе и в Порт-Саиде с рейсами пароходов Общества по Анатолийской и Александрийской линии. Отправление пароходов назначено: из Одессы в каждый четвертый понедельник, начиная с 13 октября 1875 года, из Константинополя в каждую четвертую субботу, начиная с 18 октября 1875 года русского стиля[40].

Сообщая Вам приведенное выше расписание Одесско-Бомбайской линии Русского Общества Пароходства, Торговли и Одесской ж[елезной] д[ороги], имеем честь покорнейше обратить внимание Ваше на следующие обстоятельства: 1) Агентами Русского Общества в Бомбае состоят Nicol and C°[41]. Эта уважаемая торговая фирма всякое поручение по заказу и отправке на пароходах Русского Общества хлопка и других грузов из Бомбая не преминет исполнить своевременно, с полным знанием положения бомбайского рынка и к обоюдной пользе заин-

тересованных сторон: Nicol and C° в Бомбае, конечно, удовлетворительно и своевременно ответят на всякий запрос Ваш, сделанный письменно или по телеграфу, о цене хлопка на бомбайском рынке, о фрахтах до Одессы в данное время и пр.

ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 20, л. 150—151. Отпуск. Опубликовано: Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966, с. 196.

Примечания

[1] РОПИТ — Русское общество пароходства и торговли было основано в 1856 г. по инициативе деловых кругов России, в том числе связанных с внешним рынком, в целях содействия развитию отечественной торговли и торгового флота; сыграло большую роль в экономическом развитии юга России, а также установлении торгово-экономических связей империи с зарубежными странами, в частности с восточными, открыв в 1871 г. прямое морское сообщение с портами Индии и Китая. В 1918 г. РОПИТ было ликвидировано.

[2] В 1870 г. директором РОПИТ был Чихачев Николай Матвеевич (1830—19..) — генерал-адъютант, адмирал, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1884 г. начальник Главного морского штаба, в 1888—1896 гг. — управляющий Морским министерством, 1899 г. — председатель совета при Министерстве финансов по делам торгового мореплавания, с 1896 г. — член Государственного совета. Будучи директором РОПИТ (1862—1877), активно содействовал развитию торгово-экономических связей России со странами Востока.

[3] Барановский Егор Иванович (1821—1914), в 1840 г. окончил Императорское училище правоведения в Петербурге и с тех пор занимал различные государственные посты в ряде губерний России. Позднее оставил государственную службу и поступил в РОПИТ: сначала был его агентом за границей, а с 1871 г. — заведующим агентством Общества в Москве. В 1870 г. командирован правлением РОПИТ (совместно с лейтенантом М.А.Быковым) в Индию для сбора сведений о возможностях установления прямой торговли между Россией и Индией, а также подготовки открытия пароходной линии между портами обеих стран.

[4] Экспедиции предшествовала большая подготовительная работа. Правление РОПИТ разослало письма виднейшим торговцам и фабрикантам Москвы, Нижнего Новгорода, Казани и ряда других городов России, в том числе Т.С.Морозову, А.П.Шилову, Ф.Ф.Резанову, А.Лямину, с просьбой высказать свои соображения по вопросу об установлении торговых связей с Индией (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 343, л. 13 об.). Е.И.Барановский и М.А.Быков посетили крупнейшие торгово-промышленные центры России и лично вели переговоры с заинтересованными лицами. В отчете об этой поездке Барановский сообщал: «...я встретил общее сочувствие к делу, мне порученному» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 343, л. 3 об.).

[5] По пути в Индию члены экспедиции останавливались в Бремене, Гамбурге, Лондоне, Манчестере, Ливерпуле, Марселе, Триесте, Александрии и Суэце. Во всех этих городах они знакомились с проблемами, связанными с индийской торговлей.

[6] Перевозкой паломников суда РОПИТ не занимались.

[7] По приезде в Индию Барановский и Быков побывали в ее крупнейших экономических центрах. Они вели переговоры с 14 торговыми фирмами в Бомбее, 7 — в Калькутте, 2 — в Мадрасе и 1 — в Какинаде (РГИА, ф. 107, оп. 1, 1870, д. 387, л. 24—26).

[8] С открытием Суэцкого канала в 1869 г., существенно изменившего ситуацию в мировом мореходстве и международной торговле, расстояние между Одессой и Севастополем и портами Тихого и Индийского океанов сократилось в три раза. Эти российские черноморские города оказались ближе к странам Южной и Юго-Восточной Азии, чем все другие крупнейшие европейские порты, что при наличии крупного торгового флота и установлении регулярных рейсов на Восток могло бы дать России существенные преимущества.

[9] Товары, поступавшие с Востока в Россию морем, попадали на Нижегородскую ярмарку в том же году, в то время как доставленные по суше — только на ярмарки следующего года. Качество товара при этом снижалось, а кроме того, замедлялся оборот капиталов.

[10] При посредничестве Англии Россия получала с Востока лучшие сорта хлопка из Бомбея, высшего сорта индиго из Калькутты, лучший кофе с Цейлона, первосборные чаи из Ханькоу, Шанхая, Кантона.

[11] Починные пункты — порты отправления; эпохи отправления — время отправления.

[12] Подробная опись образцов составила содержание специальной брошюры под названием «Список образцам товаров, доставленным в правление Русского общества пароходства и торговли из Бомбея Е.И.Барановским, командированным правлением в Индию и Китай для изучения торговли и промышленности сих стран ввиду открытия Обществом индейской и китайской пароходных линий» (СПб., 1870). В том же году была опубликована в Одессе аналогичная по характеру и названию брошюра, в которую были включены дополнительные сведения о товарах, ценах и образцах, привезенных из Калькутты, Мадраса, Какинады, Цейлона, Сингапура, Шанхая и Ханькоу.

[13] В географической терминологии того времени в понятие «Дальний Восток» включались страны Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, в том числе Индия и Китай.

[14] Действительно, в апреле 1870 г. М.А.Быков вернулся на родину, а Е.И.Барановский направился в Китай.

[15] Помощником Е.И.Барановского стал лейтенант М.А.Быков.

[16] Гаевский Н. — лицо не установлено.

[17] Блаамберг — секретарь генерального директора РОПИТ Н.М.Чихачева.

[18] Из командировки на Восток Е.И.Барановский возвращался через Америку.

[19] Имеется в виду Н.М.Чихачев.

[20] РОПИТ решило выкупить у правительства Одесскую железную дорогу, рассматривая ее как связующее звено между новым морским путем и дорогами, ведущими во внутренние районы государства (РГИА, ф. 1072, оп. 1, д. 29, л. 1 об.). После оформления выкупа РОПИТ стало называться «Русское общество пароходства и торговли и Одесской железной дороги». Происходивший в 1870 г. съезд Общества железных дорог южной и юго-западной части России принял специальное решение о значительном понижении тарифов для тех товаров, которые ожидались в будущем по этому направлению.

[21] Богатая коллекция образцов товаров, привезенная из Индии Е.И.Барановским и М.А.Быковым, была экспонирована в зале правления РОПИТ (в доме Ростовцева, на углу Невского проспекта и Троицкого переулка) с начала июня до августа 1870 г. в качестве части Мануфактурной выставки этого года и пользовалась большим успехом. Затем выставка была перевезена в Москву и размещена в помещении Московского отделения Мануфактурного совета на положении постоянной индийской выставки. Шесть ящиков с образцами индийских и китайских товаров правление РОПИТ принесло в дар Петербургскому коммерческому училищу. Часть образцов по просьбе Департамента таможенных сборов были переданы на постоянную выставку этих товаров при главных таможнях (РГИА, ф. 107, оп. 1, 1870, д. 387, л. 153, 154).

[22] 26 апреля 1870 г. общее собрание акционеров РОПИТ уполномочило правление войти в соглашение с правительством об открытии прямого сообщения с портами Индии и Китая. Для ускорения дела было решено немедленно открыть Бомбейскую линию. Совет Правления постановил «ассигновать на этот предмет до четырех сот тысяч рублей» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 373, л. 49).

[23] Имеется в виду командировка Е.И.Барановского и М.А.Быкова в Индию и Китай в 1870 г. (см. док. № 56).

[24] Суратский хлопок, поступавший в Европу через порт Сурат (Гуджарат), отличался высоким качеством.

[25] Особое заседание Правления РОПИТ, созванное в связи с обсуждением коллекции образцов товаров, привезенных М.А.Быковым из Индии, приняло решение о постройке специального парохода для индийской линии (ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 15, л. 100 об.). Однако к началу 1871 г. этого сделать не успели, и для плавания на индийской линии был переоборудован пароход «Нахимов».

[26] 12 февраля 1871 г. пароход «Нахимов» вышел из карантинной гавани Одессы в первый бомбейский рейс (капитан корабля — П.К.Грекке) (РГИА, ф. 107, оп. 1, 1870, д. 387, л. 88). Двумя днями позже вышел пароход «Чихачев», направлявшийся в Китай. В Одессе им устроили торжественные проводы. Одесская и бомбейская печать помещала информацию о следовании парохода «Нахимов».

[27] Крупные российские фирмы, занимавшиеся торговлей чаем.

[28] Некоторые бомбейские купцы изъявили готовность открыть склады для хлопка в Одессе и Москве. В 1871 г. в Министерство торговли и мануфактур России поступило обращение мадрасского купца армянского происхождения Матеоса Авака Гованнеса. Он выражал желание «войти в непосредственные связи с русскими купцами для торговли индийскими товарами». Правление РОПИТ ответило, что имеет уже в Мадрасе агента, но готово оказать «всевозможное содействие в его торговых сношениях с Россией» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 143, 144—145). С предложением услуг в качестве агента РОПИТ обратился также житель Мадраса Стунгарам Субуройду; некоторые другие торговые фирмы в Индии также охотно шли на установление делового контакта с русскими.

[29] Иванов Николай Алексеевич (1832—1882) — коммерции советник. С 1860 г. поселился в Ханькоу сначала как комиссионер русских торговых домов, а затем как русский вице-консул.

[30] Подводя итоги первого рейса «Нахимова», директор РОПИТ адмирал Н.М.Чихачев писал, что Общество может «смотреть с полным доверием на будущность индийской линии и возможность учредить правильное сообщение с Индией» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 150). Согласно распоряжению Чихачева, образцы товаров, присланные из Бомбея на пароходе «Нахимов» торговым домом «Боманджи, Туш и К°», были срочно отправлены в Москву (ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 18, л. 49 об.—50). Петербургская фондовая биржа реагировала на благополучное завершение рейса повышением курса акций РОПИТ.

В докладе правительственной комиссии, учрежденной царским указом в 1872 г. для рассмотрения вопроса о продлении существования РОПИТ и устройства им пароходных сообщений с Индией и Китаем, значение первой русско-индийской пароходной линии оценивалось следующим образом: «Привоз Ост-индских товаров в Россию, хотя и ограничен малою развитостью потребностей нашего населения, однако медленно прогрессивно растет с каждым годом. Число этих товаров весьма велико. Список включает более ста названий, но большинство этих колониальных продуктов привозится в ничтожном количестве и служит предметом одной лишь раздробительной продажи. Серьезное значение для нашего привоза имеют только следующие товары: хлопок, индиго, шелк, рис, немногие пряные коренья, гумми и кофе. Первое место при этом принадлежит бесспорно хлопку. Но все эти товары до сих пор покупались нами из вторых, чаще из третьих и четвертых рук, и всего менее в этой торговле участвовали до сих пор наши южные черноморские порты. Первое начало коренному изменению такого положения вещей было положено рейсами, совершенными в 1871 г. пароходом «Нахимов» из Одессы в Бомбей» (РГИА, ф. 1072, оп. 1, д. 29, л. 30, 31).

[31] Лица не установлены.

[32] Основным грузом, доставляемым пароходом «Нахимов» из Индии, был хлопок, но привозил он и некоторые другие товары. Так, в первый раз (апрель 1871 г.) он доставил в Одессу 300 мешков риса, 100 мешков ладана, 79 мешков малабарского кофе и 50 мешков перца. Во второй рейс в Бомбей, состоявшийся в декабре 1871 — феврале 1872 г., помимо хлопка в Одессу было доставлено 100 бочек кокосового масла, 75 ящиков ладана; в третий рейс (март — июнь 1872 г.) — 100 бочек кокосового масла, 175 упаковок гвоздики, 62 ящика имбиря и 22 упаковки галангового корня (РГИА, ф. 1072, оп. 1, 1875, д. 29, л. 32).

[33] Один тюк равен 17,6 кг.

[34] С открытием РОПИТ прямой пароходной линии в Индию ввоз хлопка в Россию увеличился, что было важно для развития текстильной промышленности страны. В 1868 г. в Одессу было привезено всего около 400 пудов индийского хлопка; в 1871 г. привоз хлопка достиг 214 800 пудов, в 1872 г. — 468 700, в 1873 г. — 256 500 пудов.

[35] Конкурентная борьба между РОПИТ и европейскими судоходными компаниями была острой и развивалась не в пользу России. Многочисленные английские и некоторые другие западноевропейские торгово-посреднические дома, отправлявшие в Индию от одного до четырех судов в месяц, пользуясь покровительством колониальных властей в Индии, ревностно охраняли свои издавна налаженные связи и господствующее положение в экспортно-импортной торговле страны. Каждый из кораблей этих компаний, курсировавших на индийских линиях, был по водоизмещению не меньше самого крупного русского парохода (РГИА, ф. 107, оп. 1, 1875, д. 559, л. 48 об.).

[36] Западноевропейские пароходные компании прилагали все усилия, чтобы перехватить морскую торговлю России с Востоком. Компания «Ллойд», например, организовала прием и погрузку индийских товаров в Порт-Саиде с последующей их отправкой в Одессу. Агентство «Ллойд» в Одессе широко рекламировало выгоды пользования его услугами, публиковало в местных газетах объявления с указанием стоимости фрахтов в Одессу из важнейших индийских портов: Бомбея, Мадраса, Калькутты (РГИА, ф. 107, оп. 1, 1870, д. 387, л. 4; «Одесский вестник» за 1871 г.). Информация о первом рейсе «Нахимова» в Индию была несравненно слабее, чем широковещательная реклама «Ллойда» о своих рейсах.

[37] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — крупный журналист, публицист. С 1845 по 1850 г. был профессором Московского университета, с 1863 по 1887 г. руководил газетой «Московские ведомости» и журналом «Русский вестник». Был связан с царским двором.

[38] В документе ошибочно указан 1873 год; правильная дата — 1875 г.

[39] В 1872 г. правление РОПИТ разработало предложение о морских линиях пароходных сообщений, которые предусматривали, в частности, рейсы в Индию: в 1872 г. — два, 1873 г. — четыре, 1874 г. — шесть. В Москве было учреждено постоянное агентство РОПИТ. Н.М.Чихачев писал Е.И.Барановскому, назначенному заведующим этого агентства: «Хотя сношения Общества с Дальним Востоком и линии, которые мы открыли в Индию и Китай, нельзя считать установившимися и

регулярными, но тем не менее вполне определилась связь этих сношений с Московским рынком и необходимость нашего постоянного там представительства» (ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 20, л. 4).

40 Удельный вес рейсов на Дальний Восток был невелик по сравнению с рейсами в более близкие восточные порты. Регулярность рейсов в Индию нарушалась. Так, в январе 1875 г. Н.М.Чихачев сообщил правлению РОПИТ о планировавшейся отправке трех судов к сезону вывоза хлопка из Индии, для которых «агенты наши в Бомбее г. Николь и К° надеются законтрактовать полные грузы». Однако эти надежды не оправдались. В результате был сделан вывод, что на будущее время необходимо «воздержаться от посылки туда пароходов, не имея там уже наготове обратные грузы» (РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 559, л. 26, 47, 48). Усилия РОПИТ установить постоянную русско-индийскую торговлю по линии Бомбей—Одесса—Москва не принесли длительного и прочного успеха. В 1877 г. его агентство в Москве было закрыто.

41 В 1873 г. место агента РОПИТ в Бомбее взамен торгового дома «Боманджи, Туш и К°» заняла английская фирма «В.Николь и К°». Колониальная администрация относилась враждебно к прямым деловым связям, установившимся между РОПИТ и его индийским агентом. Боманджи обвиняли в том, что он служит у русского правительства, и заставили заявить через бомбейские и калькуттские газеты, что он не имеет от него никаких поручений (ГАОО, ф. 171, оп. 1, д. 19, л. 90, 91, 121).

№ 57—59

15 мая 1873 г. — 3 января 1875 г. — Документы о проекте Ф.Лессепса о строительстве железной дороги из России в Индию через территорию Средней Азии

№ 57

15 мая 1873 г. — Письмо министра финансов М.Х.Рейтерна[1] государственному канцлеру А.М.Горчакову о преждевременности строительства российско-индийской линии железной дороги (Оренбург—Пешавар)

Конфиденциально

Милостивый государь князь Александр Михайлович!

При отношении от 1 мая № 1305 Ваша Светлость изволили препроводить ко мне на заключение копию с частного письма посла нашего в Константинополе[2] по предложению г. Лессепса о соединении европейских железных дорог с англо-индийскими через Оренбург, Самарканд и Пешавар.

Из означенного письма видно, что г. Лессепс полагает первоначально образовать Общество[3] посредством публичной подписки для производства изысканий, на что, по заявлению г. Лессепса, может потребоваться до 3.000.000 фр[анков], к каковым изысканиям Общество и может приступить по соглашению с заинтересованным правительством относительно гарантии возврата тех сумм, которые будут затрачены на изъясненный предмет.

Затем то же Общество может впоследствии, по особым условиям, принять на себя как сооружение самого пути, так и эксплуатацию оного. При этом г. Лессепс изъясняет, что он готов вступить с нашим правительством в переговоры по сему предмету, если оно согласится в принципе принять этот проект. Со своей стороны г[енерал]-а[дъютант] Игнатьев присовокупляет, что г. Лессепс в

данную минуту желает только нравственной поддержки со стороны нашего правительства, чтобы открыть за сим действия к осуществлению своего плана.

Вследствие этого имею честь сообщить Вам, м[илостивый] г[осударь], что хотя число железных дорог, сооруженных у нас доселе, довольно уже значительно, но для обеспечения многих весьма важных и ближайших местностей в видах торговых, политических и стратегических предстоит надобность построить еще более 10 т[ысяч] верст. При этом, в число оных вовсе не вошли еще дороги, необходимые для соединения европейской России с Сибирью, за исключением небольших только линий Уральской и Оренбургской. При таковом положении дел нам на долгое время предстоит употреблять все наши средства финансовые и технические на такие дороги, в коих встречается неотложная надобность и которые, во всяком случае, должны быть окончены прежде, чем найдено будет возможным приступить к другим менее настоятельным линиям; а за сим помышлять ныне о постройке дороги не только в Индию, но и в среднеазиатские наши владения, было бы совершенно преждевременно. Поэтому едва ли представлялось бы полезным издерживать довольно значительные средства на производство изысканий по такой линии, которая, без сомнения, в течение многих лет останется еще не сооруженною. Подобная мера, не обещая практической выгоды, имела бы лишь характер демонстрации против Англии. В какой же степени это может быть удобно, Ваша Светлость изволите ближе, чем я, судить в этом отношении.

Покорнейше прошу Вас, М[илостивый] Г[осударь], принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Рукою г. министра финансов прибавлено: P.S. Позволяю себе присовокупить еще одно соображение: сооружение российско-индийской линии, очевидно, имеет цель привлечь к нам транзит европейских и преимущественно английских товаров в Индию; между тем мы боимся на среднеазиатских рынках соперничества английских товаров, приходящих туда через Индию; что же будет, когда эти самые товары будут приходить по железным дорогам через Россию? Скажу более, что будет на наших внутренних рынках? При высоком покровительственном тарифе и промышленности, основанной на протекции, едва ли разумно привлечь в наши пределы огромный транзит мануфактурных товаров, а еще менее разумно устраивать дорогу в Индию и потом принимать для ограждения нашей промышленности разные меры, стесняющие транзит, без которого дорога не может существовать.

Подписал М.Рейтерн.

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—9, 1873—1875, оп. 8, д. 5, л. 14—16 об. Копия.

№ 58

15 июня 1873 г. — Письмо министра путей сообщения генерал-лейтенанта графа А.П.Бобринского[4] в Министерство иностранных дел о проекте Ф.Лессепса

Г[осподин] Государственный Канцлер при отношении от 1-го мая № 1306, препроводив письмо нашего посла в Константинополе, по предложению г. Лессепса о соединении европейских железных дорог с англо-индийскими, просил о доставлении моего заключения по этому предмету.

В приложенном к этому письму заявлении г. Лессепс высказывает предположение о соединении европейских железных дорог с англо-индийскими посредством постройки железной дороги от Оренбурга через Самарканд в Пешавер протяжением в 3.505 верст. Изыскания по этой линии и самое сооружение оной предполагает г. Лессепс произвесть посредством учреждения особого общества, которому также могла бы быть поручена и эксплуатация дороги. На изыскания, по исчислению г. Лессепса, потребуется 3.000.000 фр[анков], которые полагается собрать по подписке.

Заявляя такое предложение, Лессепс объясняет, что цель его — начать переговоры для узнания, соизволит ли Государь Император одобрить в принципе это предприятие. На самом же письме генерал-адъютанта Игнатьева Государь Император Высочайше соизволил написать: «Il faudra y penser sérieusement avant de répondre»*.

Рассмотрев это предложение с надлежащим вниманием, я, со своей стороны, нахожу:

Соединение Европы с Индиею, посредством рельсового пути, представляет идею, осуществление которой, конечно, как объясняет и г. Лессепс, имело бы чрезвычайно важные последствия в моральном, торговом и политическом отношениях, но положительно оценить выгодность этих последствий собственно для нашего отечества можно бы лишь путем подробного изучения всех обстоятельств не только в торговом, политическом и стратегическом отношениях, но и в отношении возможности осуществления самого предприятия как с технической, так и с финансовой стороны. На такое изучение потребно немалое время, затрата большой суммы и преодоление многих препятствий, истекающих из самой сущности предприятия, затрагивающего интересы не только России, но и иностранных держав.

При недостатке же данных и при затруднении в собрании их я не могу дать положительного отзыва за или против настоящего предложения, но тем не менее считаю долгом остановить внимание на следующих обстоятельствах:

Сеть наших главных железных дорог, несмотря на значительное протяжение уже устроенных, строящихся и имеющих быть разрешенными в текущем году линий, далеко еще не имеет той законченности, при которой можно бы считать удовлетворительными главнейшие потребности государства в скором и правильном сообщении. В этом отношении еще многое остается сделать, и для этой цели должны быть прежде всего обращены усилия и средства государственные.

В таком положении каждый новый железнодорожный путь должен быть допускаем с самою строгою разборчивостью, дабы он не пал непроизводительно на государство и не отвлек финансовых средств, могущих быть употребленными с большею пользою.

По сему настоящее время я считаю неудобным к осуществлению предложения г. Лессепса, так как государство несет уже большие затраты по уплате гарантии по существующим железным дорогам, и таковые затраты еще увеличиваются с постройкою новых значительной длины линий, а уменьшение этих затрат последует лишь в то время, когда вся сеть железных дорог будет выполнена и когда вследствие того разовьется благосостояние государства, а с тем вместе и усиление движения по железным дорогам и доходности их.

Хотя г. Лессепс полагает сумму, потребную для изыскания и самого сооружения задуманной им дороги, собрать путем публичной подписки, вовсе не упоминая о правительственном содействии его предприятию, но тем не менее нельзя

* Нужно серьезно подумать, прежде чем давать ответ (*франц.*).

ожидать, чтобы таковое содействие вовсе не потребовалось, так как в противном случае подписка была бы безуспешна, чему доказательством служит изведанная на опыте трудность сбыта негарантированных акций большей части наших железнодорожных обществ.

Содействие же правительства, не говоря уже о дипломатических переговорах с иностранными державами, как с уверенностью полагать можно, потребуется дарованием гарантии и разных субсидий и преподанием помощи войсками, неизбежной при проведении дороги в Средней Азии.

И то и другое содействие сопряжено с огромными расходами, без положительной надежды на их возмещение возвратом ли затраченных сумм или другими выгодами для государства, между тем как эти расходы могут быть обращены на предприятия, действительная плата которых видима положительно.

Кроме вышеизложенных обстоятельств нельзя умолчать и о тех препятствиях, какие не только сооружение дороги и самые изыскания неизбежно встретят: а) в чрезвычайно малом населении края, чрез который дорога проводится, и при том таком населении, которое по своей дикости враждебно относится к новому пути, создавая почти на каждом шагу затруднения, убытки и необходимую вследствие сего военную расправу, и б) в безводности края и недостатке в оном не только необходимых для дороги материалов, но даже и для продовольствования людей и скота. Эти препятствия могут оказаться неодолимыми, но во всяком случае они громадно увеличат расходы, а раз взявшись за предприятие, правительство должно будет нести все жертвы, необходимые для поддержания дела.

По выше изъясненным соображениям я, со своей стороны, полагал бы предложение г. Лессепса отклонить, отложив оное до более благоприятного времени.

Если же в особых видах и также во внимании к гласности, которая придана предложению г. Лессепса в иностранных и наших периодических изданиях[5], признано будет необходимым дать ход этому предложению, то в таком случае, если после будет на то Высочайшее соизволение, следовало бы, по моему мнению, по Министерствам иностранных дел, финансов, военному и путей сообщения собрать, насколько окажется возможным, необходимые сведения и затем вопрос рассмотреть в Комитете железных дорог, который учрежден для предварительного обсуждения главных мероположений по железным дорогам (§ 28 прилож. к ст. 1453 Св.Зак. т. 1 по прод. 1868 г.).

К сему считаю необходимым присовокупить, что мысль г. Лессепса о железной дороге в Индию через Среднюю Азию не новая, так как в Министерстве путей сообщения имеется уже несколько подобных заявлений, последовавших в разное еще до 1873 года время[6].

Министр путей сообщения
генерал-лейтенант

граф Бобринский

На полях имеется рукописная помета: «Копия сообщена Игнатьеву при отн[ошении] июня 1873 г.»

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I—9, 1873—1875, оп. 8, д. 5, л. 21—25. Подлинник.

№ 59

3 января 1875 г. — Протокол совещания Комитета железных дорог по обсуждению проекта Ф.Лессепса о строительстве железной дороги из России в Индию через Среднюю Азию

В совещании, состоявшем из Государственного Канцлера, генерал-адъютантов: Чевкина[7] и фон Кауфмана[8], инженер-генерала Мельникова[9] и министров: военного[10], финансов и путей сообщения[11], было по Высочайшему Его Императорского Величества повелению обсуждено ходатайство инженера Лессепса о производстве им изысканий с целью соединения наших железных дорог с ост-индскими чрез Ташкент.

Государственный канцлер открыл заседание изложением предмета совещания.

Генерал-адъютант Посьет: Излагает содержание записки Лессепса, который ставит в основу своего проекта необходимость дороги в Ташкент и затем выгоды соединения этой дороги с Индией. Затем повторяет главные основания своего всеподданнейшего доклада по этому предмету: при постройке Сибирской линии, подразумевая линию через Сибирь не только к ее границе, все караванные пути, ныне идущие в Среднюю Азию, составили бы для этой линии питательные ветви; при проведении же ранее Сибирской линии дороги в Ташкент все эти пути потеряны будут для Сибири; соединение нашей сети дорог с Ост-Индскою будет выгодно преимущественно только для Англии, чему доказательством может служить Суэзский канал, который более всего приносит пользы Англии, по причине чрезвычайного развития ее торговли, если бы это соединение было признано желательным, то для нас выгоднее устроить его чрез Кавказ и Персию. Последнее направление более чем на половину короче линии, предполагаемой Лессепсом, считая до Персидского залива, т.е. до пароходного сообщения с Индией; сверх того, этим направлением мы соединили бы Россию с Закавказьем и Персией. Линия Лессепса от Кале до Индии представляет протяжение в 7.000 верст, так что если бы установить тариф по 1/30 коп. с пуда и версты, то провоз пуда товаров обошелся бы около 2 руб. 25 коп.; ныне же английские товары, отправляемые морем в Индию на сумму свыше 40 млн. фун[тов] стер[лингов], платят за провоз по 45 коп. с пуда. Следовательно, лишь ничтожная доля товаров пошла бы по железной дороге. Лессепс задумал эту линию вследствие препятствий к осуществлению Мало-Азиатских дорог; если бы мы отказали ему слишком резко в его ходатайстве, то он мог бы вновь возвратиться к Мало-Азиатским проектам, а потому, быть может, было бы полезно не давать ему слишком решительного ответа, покуда не будет решен вопрос о Сибирской железной дороге.

Статс-секретарь Рейтерн: Громадные трудности построения Лессепсовой линии бросаются в глаза; но если бы они и не были так велики, следует сообразить: полезно ли соединение России с Индией через Среднюю Азию? До сих пор, за немногими исключениями, мы всячески препятствуем доступу английских товаров в наши среднеазиатские владения, даже транзит туда запрещен, так как Средняя Азия и Китайская Монголия представляют единственные рынки, где наши мануфактурные произведения могут с выгодою конкурировать с английскими. При проведении этой дороги, вся Средняя Азия будет потеряна для нашей промышленности, и там не будет продано ни одного куска русской материи. Лессепс в подтверждение своего проекта утверждает, что Туркестанский край из убыточного сделается прибыльным для России чрез развитие производства хлопка и шелка; но если Туркестанский край соединить железною дорогой с Индией,

то весь хлопок и шелк пойдет не к нам, а в Англию. Наша мануфактура поддерживается только охранительным тарифом, и если его понизить до размеров фискальных, то три четверти наших мануфактур погибнет. Весьма важно значение и развитие контрабанды: если ее объем так велик, что цены иностранных произведений делаются ниже туземных, то и тариф не в состоянии оградить отечественную промышленность. До сих пор свобода транзита допущена лишь на Кавказе и в Царстве Польском, причем были придумываемы всевозможные меры против развития контрабанды; но при свободном транзите все эти меры не вполне успешны. Наложение пломб, запертые вагоны, пломбы на проволоках и пр., все это лишь отчасти ограждает от злоупотреблений, происходящих как от разных уловок контрабандистов, так и от повреждений во время пути. Сколько же затруднений представится при следовании транзитных товаров Вержболово до Самарканда и будет ли возможность уберечься от самой обширной контрабанды. Покуда у нас будет существовать покровительственная тарифная система, свободный транзит оказывается невозможным, а между тем в нашу промышленность затрачены миллиарды рублей, и она кормит миллионы наших подданных. По этим соображениям мы с особенною осторожностью понижаем тариф свой, как только он может иметь отношение к нашей промышленности. Между тем, при построении столь огромной линии было бы невозможно не допустить столь опасного транзита. При дороге в Индию чрез Среднюю Азию последняя переполнилась бы английскими товарами, которые даже и теперь бывают для нас опасными. В Средней Азии у нас нет таможенной линии, которую и трудно было бы там устроить по местным условиям; но если бы Туркестанский край стал на прямой дороге между Россией и Индией, то от наплыва английских товаров пришлось бы ограждать Россию, и по всему протяжению железной дороги пришлось бы устроить и содержать таможенные учреждения. Между тем, выгоды для нас от этой дороги были бы ничтожны. Приобретение грузов для новой сети дорог было бы весьма незначительно, потому что вся главная масса их пойдет водяным путем. Газетные статьи и толки о проекте Лессепса вызвали опасения Московского Коммерческого Совета; наши мануфактуристы сильно встревожены, и их необходимо как можно скорее успокоить. Для этого нужно не замедлять нашего отказа Лессепсу, а объявить ему ясно и решительно, что на нас он не должен рассчитывать за осуществление его проекта.

Генерал-адъютант фон Кауфман: В этом деле две стороны: путь от индийских железных дорог в Среднюю Азию и путь от русских железных дорог в Среднюю Азию к Ташкенту. Первая часть вопроса с такою ясностью отвергнута, что я считаю лишним обсуждать ее. Считаю нужным, однако, сказать при этом несколько слов о конкуренции английских товаров с нашими на среднеазиатских рынках. Некоторые из наших товаров берут решительно верх над английскими, так, например, в Бухаре, где конкуренция свободна, имеют положительное преимущество наши мануфактурные товары. Есть такие английские товары, с которыми мы соперничать не можем и от которых не оградили бы нас никакие таможни; так, проникают даже в Ташкент, невзирая на все старания наши, чай и некоторые изделия, напр[имер] кисея, чрез Индию. Если бы Ташкент был соединен железной дорогой с Индией, не будучи также соединен с Россией, то, конечно, английские товары нас одолели бы совершенно. А потому, в торговом отношении, для нас важно то, с которой стороны железная дорога подойдет ранее к Ташкенту. По направлению от Индии нам даже трудно судить о физических препятствиях и о местных условиях построения дороги, по неимению точных сведений; как ни кажется путь, указанный Лессепсом, чрез Кашгар несбыточ-

ным, но мы так мало знаем о нем, что можно даже допустить возможность его построения. По всей вероятности, мысль Лессепса есть отголосок мнений, существующий в Индии, откуда, быть может, дорога и могла бы быть проведена в Кашгар, но нам хорошо известно, что это решительно невозможно между Кашгаром и Ташкентом. Затем, оставляя в стороне предложение Лессепса, важно решить: возможна ли теперь или впоследствии дорога из России в Ташкент. Теперь мы можем быть совершенно спокойны за свои владения в Средней Азии, нам ниоткуда никакая опасность не угрожает ныне; но трудно поручиться за то, что это положение сохранится и в будущем. Нельзя отрицать возможности огромного, общего, мусульманского движения не только у нас, но и в Индии. Эта опасность для нас может быть предупреждена только железною дорогою. В 1868 году предстояла опасность от священной мусульманской войны против нас[12]. Военное министерство распорядилось усилением наших военных средств, но это распоряжение потребовало 10 месяцев для приведения в исполнение. Железная дорога не только предоставила бы возможность скорой помощи, но даже вовсе устранила бы всякую опасность, и г. Лессепс прав, говоря, что железная дорога в Ташкент вызвала бы столь сильное развитие края, что расходы на построение ее были бы вознаграждены непременно, конечно, без индийской половины пути. В крае есть вода, есть много земли и такое солнце, которое необходимо для производства хлопка и шелка. Я не верю в убыточность дороги в такую страну. Убыток от дороги возможен только в первое время, а потом он был бы вознагражден. Быть может, Сибирская линия гораздо нужнее, но было бы необходимо ныне же сделать что-либо для осуществления, хотя в будущем, дороги в Среднюю Азию как в интересах торговли, так в особенности в политическом и стратегическом отношениях. Без точных изысканий мы не можем судить о возможности и ценности пути в Ташкент.

Генерал-адъютант Милютин: Весь проект Лессепса до такой степени фантастичен, что не заслуживает столь основательного обсуждения с его выгодных и невыгодных сторон. Имеющиеся у нас весьма неполные сведения о местностях, чрез которые должна пройти предполагаемая им дорога, достаточны, однако, для того, чтобы признать проект фантастическим. Эти сведения доказывают громадность и непреодолимость физических препятствий, несравненно и много раз превышающих препятствия, с которыми пришлось бороться при проведении Суезкого канала. Чтобы перейти из долин Инда в долины Сыр-Дарьи, нужно было бы перебраться чрез 8 горных хребтов, по проходам, возвышающимся над уровнем моря на 10, 14, 15, 18, 16, 16 и 12 тысяч футов. Легкомыслие Лессепса не может не удивлять; его агенты удовольствовались посещением некоторых местностей Индии; в горной же стране, лежащей между Индией и Туркестанским краем, они вовсе не были и ограничились собранием всяких слухов и разговоров. Железная дорога в этой стране немыслима. Но если бы даже дорога была построена, то она стоила бы так страшно дорого и при своем огромном протяжении прошла бы чрез такие пустынные и безлюдные места, что доходов ее не достанет на покрытие издержек по эксплуатации. По этим причинам проект не заслуживает обсуждения. Невольно является предположение, что у Лессепса есть какая-либо скрытая, задняя мысль. Что же касается до дороги из России в Ташкент, то хотя этот вопрос ныне и не подлежит рассмотрению, но можно заметить, что вообще мысль, высказанная генерал-адъютантом фон Кауфманом о значении этой дороги для предотвращения опасности в будущем, совершенно правильна. Тем не менее протяжение дороги было бы так велико, трудности построения так огромны, а проходимые ею пространства так пустынны, что эта дорога до Ташкента не мог-

ла бы окупить расходов; следовательно, теперь, когда для России необходимы столь многие и важные дороги, было бы не время говорить о подобных предприятиях. Это не мешало бы, однако, делать изыскания и соображения для будущего времени.

Статс-секретарь Рейтерн высказывает полное согласие с этим мнением.

Инженер-генерал Мельников: После всего сказанного не может быть и речи о дороге в Индию чрез Туркестанский край, но можно подумать о том: возможна ли дорога из России в Среднюю Азию. Направление, предложенное Лессепсом, несбыточно для торгового движения, так как дорога шла бы по безлюдной и безводной пустыне, каждая станция должна бы быть крепостцою, да и самая экспедиция была бы крайне затруднительна. Но мы не должны терять из виду английских проектов дороги чрез Малую Азию и от Персидского залива к Энзели, так как осуществление этих проектов предоставило бы англичанам слишком опасное для нас влияние в Персии и на Каспийском море. Не окажется ли возможным соединить Россию с Средней Азией пароходами чрез Каспий и старым руслом Аму-Дарьи, обратив в него течение реки или проложив по старому руслу железную дорогу, и потом на Хиву и Бухару. Следовало бы изучить этот путь чрез особую Комиссию, не оставляя без внимания вопрос о прямом и удобном пути в Среднюю Азию, так как по этому пути усилился бы отпуск наших товаров, и мы получали бы хлопок и шелк без посредства Англии и Германии, причем хлопок обходится нам на 2 р[убля] с пуда дороже, чем англичанам.

Генерал-адъютант Милютин: Было бы преждевременно говорить ныне о дороге от Каспийского моря в Среднюю Азию, где даже и караваны ходят с величайшим трудом и опасностью; железная дорога была бы там невозможна и не окупилась бы.

Инженер-генерал Мельников: Быть может, осуществим водяной путь чрез старое русло Аму-Дарьи.

Генерал-адъютант Милютин: Этот путь также невозможен; если бы и достигли проведения вод Аму-Дарьи по старому руслу, то эти воды послужили бы только обводнению страны, а отнюдь не судоходству.

Инженер-генерал Мельников: Во всяком случае этот важный вопрос требует изучения.

Генерал-адъютант Посьет: Известно, что в прежнее время вода текла по старому руслу, и случалось, когда туркмены разрывали плотины, устроенные хивинцами на устьях Аму-Дарьи, то вода доходила до 240 верст от этих устьев по направлению к старому устью реки в Красноводском заливе.

Канцлер предлагает возвратиться к главному предмету совещания.

Генерал-адъютант Чевкин: Мы должны здесь ограничиться проектом Лессепса, т.е. железною дорогою из России в Индию чрез Среднюю Азию. Все другие вопросы требовали бы другой подготовки и в предмет нынешнего совещания не входят. С моей стороны, я вполне согласен с воззрениями гг. министров военного и финансов, думаю, что дальнейшее подробное обсуждение такого мечтательного проекта было бы бесполезно: несостоятельность оного уже вполне доказана. Впрочем, сам г. Лессепс не просит о концессии предполагаемой им дороги, но только о разрешении на производство изысканий, и то собственно во внутренних пределах России; причем для необходимых ему на эти изыскания 500 т[ысяч] хочет получить гарантию нашего правительства. Но разрешать иностранцам подобные изыскания, тогда как у нас принято ныне неизменным правилом производить все предварительные изыскания для железных дорог правительственным инженерам, нет никакого основания; равным образом дать г. Лессепсу ответ уклончивый было бы неудобно, а должно отвечать ясным отказом, чтоб

устранить вовсе ошибочные мечты и успокоить нашу отечественную промышленность.

Генерал-адъютант Милютин: (читает то место записки, в котором Лессепс предлагает с разрешения Государя Императора собрать необходимый капитал). Если бы дозволить только делать изыскания от имени Его Императорского Величества, то впоследствии нельзя было бы нам отделаться от Лессепса.

Генерал-адъютант Чевкин: Предложения г. Лессепса до того гадательны, что невольно возбуждают сомнения, чтобы под предлогом изысканий не имелось в виду впустить к нам всяких английских агентов в такие местности, куда доступ им затруднителен, а затем объявить, что предприятие слишком затруднительно.

Канцлер: Итак, относительно железной дороги решено единогласно отказать. Была высказана мысль, чтобы замедлить наш решительный отказ ввиду опасности от Евфратских дорог; но если бы Министерству иностранных дел было поручено дать подобный уклончивый ответ, то оно от этого поручения отказалось бы. Наш ответ может быть только отказ решительный, как относительно дороги в Индию, так и относительно изысканий.

Статс-секретарь Рейтерн: Можно было бы сказать, что нам предстоит слишком много забот внутри Империи.

Генерал-адъютант Чевкин: В журнале нашего совещания, который будет подписан на Высочайшее воззрение, должны быть помещены все высказанные здесь причины, доказывающие несостоятельность проекта Лессепса; ответ же г. Лессепсу на его предложение имеет прямое основание в том, что у нас многие железные дороги, которыми мы предпочтительно теперь должны заниматься, и что все предварительные изыскания для железных дорог внутри Империи ныне производятся непременно правительственными инженерами.

Статс-секретарь Рейтерн: Физические затруднения не будут убедительным аргументом для Лессепса, доказавшего, что он умеет с ними бороться. Но он не может судить, что удобно и полезно или вредно для России с ее собственной точки зрения.

На основании всего выше изложенного, члены совещания решают единогласно, что предложение Лессепса как по проведению дороги в Индию, так и по производству изысканий должны быть решительно отклонены без подробного объяснения причин такового отказа и что суждения настоящего совещания должны быть повергнуты на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора чрез посредство Государственного Канцлера и в форме подробного протокола.

Подписали: князь А.Горчаков, К.Чевкин, Д.Милютин,
П.Мельников, М.Рейтерн, К. фон Кауфман,
К.Посьет, (секретарь) тайный советник Стремоухов.

С подлинным верно. Директор Азиатского Департамента
Стремоухов[13].

На л. 131 имеется помета: На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Исполнить».

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I–9, 1873–1875, оп. 8, д. 5, л. 131–142. Копия.

Примечания

[1] Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – граф, российский государственный деятель, почетный член Российской академии наук. Служил в министерствах финансов, юстиции, морском. В 1858 г. назначен управляющим делами комитета железных дорог, в 1860 г. – заведующим

делами финансового комитета. В 1862—1878 гг. — министр финансов России. С 1881 г. — председатель Кабинета министров.

[2] Имеется в виду Николай Павлович Игнатьев. См. док. № 32, примеч. 3.

[3] Имеется в виду Société universelle du grand Central Asiatique — официальное название международного финансового общества Великой Центральноазиатской железной дороги, которое Ф.Лессепс намеревался создать с участием крупнейших европейских держав для строительства этой магистрали.

[4] Бобринский Александр Павлович (1826—1894) — граф, генерал-лейтенант, российский государственный деятель; в 1871—1874 гг. — министр путей сообщения.

[5] Не дожидаясь ответа от России (по существу наиболее важного для судьбы всего предприятия, так как большая часть строительства приходилась на ее территорию), Лессепс развернул бурную деятельность: выступил с докладом о своем проекте на заседании Парижского географического общества, опубликовал ряд статей, сформировал Учредительный комитет (который вскоре стал международным, так как помимо французов туда вошли англичане, бельгийцы, русские), командировал члена этого комитета англичанина Стюарта в Индию для исследования на месте вопроса о возможности осуществления этого проекта, который вернулся с оптимистическим заключением. Широко обсуждался этот проект и в России, многочисленные публикации появились в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос» и др.

[6] В 60—70-е годы XIX в. в России появились многочисленные проекты постройки железных дорог между Россией и Индией через Закавказье, Среднюю Азию, Сибирь, разрабатывавшиеся различными торговыми, техническими, научными обществами. Среди них особого внимания заслуживает проект педагога и изобретателя С.И.Барановского. Впервые он выступил с предложением о строительстве железнодорожной линии до Пешавара в 1871 г., а через три года опубликовал свой новый, подробно разработанный проект «Индо-Волжская ж[елезная] д[орога]. По мысли Степана Барановского» (СПб., 1874). Из рассмотренных автором трех направлений (екатеринбургского, оренбургского и саратовского) он отдавал предпочтение линии Саратов — станция Калмыковская (Урал) — плато Усть-Урт — Хива — Бухара — Самарканд — Пешавар, мотивируя свой выбор тем, что это самый короткий путь, и тем, что Саратов уже связан железнодорожной сетью с европейской частью России, а та, в свою очередь, — с Западной Европой. В ходе широкого обсуждения в правительственных, торгово-промышленных, научных кругах специалистами и заинтересованными лицами было высказано немало возражений и критики (в отношении общей экономической выгоды для России, а также технических и финансовых возможностей строительства), в результате чего проект С.И.Барановского был отвергнут как нереальный и несвоевременный.

[7] Чевкин Константин Владимирович (1802—1875) — государственный и военный деятель, генерал-адъютант. В 1827 г. участвовал в персидской кампании. В 1834 г. назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. С 1853 по 1862 г. был главным управляющим путей сообщения, затем членом Государственного совета. С 1872 г. — председатель комитета по делам Царства Польского.

[8] Кауфман Константин Петрович (1818—1882) — российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант, почетный член Петербургской академии наук (1873), с 1867 г. — туркестанский генерал-губернатор, руководил завоеванием Средней Азии.

[9] Мельников Павел Петрович (1804—1880) — инженер-генерал, русский ученый и практик в области железнодорожного транспорта, профессор прикладной математики в Институте корпуса инженеров путей сообщения, участник проектирования и строительства железной дороги Петербург—Москва, автор первого русского теоретического труда по железнодорожному делу, почетный член Петербургской академии наук (1858 г.). В 1862—1869 гг. — министр путей сообщения.

[10] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — граф (1878), член-корреспондент (1853) и почетный член (1866) Петербургской академии наук, профессор Военной академии, генерал-фельдмаршал (1898), в 1861—1881 гг. — военный министр. В 1839—1845 и 1856—1859 гг. служил на Кавказе. Провел военные реформы 1860—1870-х годов. Один из ближайших, наиболее энергичных и заслуженных сотрудников императора Александра II, умеренный либерал, сторонник активных действий России в Азии. После выхода в отставку остался членом Государственного совета. Автор многочисленных печатных трудов.

[11] Посьет Константин Николаевич (1819—1889) — генерал-адъютант, адмирал, российский военный и государственный деятель, в 1874—1888 гг. — министр путей сообщения, с 1888 г. — член Государственного совета. В 1857 г. участвовал в посольстве адмирала Путятина в Японию для заключения торгового договора. В чине капитана 1-го ранга назначен наставником великого князя Алексея Александровича. В 1871 г. посетил Америку, Канаду, Китай, Японию, Сибирь.

[12] Имеются в виду события, связанные с завоеванием Россией Средней Азии.

[13] Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) — действительный тайный советник, с 1864 г. — директор Азиатского департамента.

№ 60—72

6 июня 1873 г. — 6 июля 1879 г.
Документы о путешествии П.И.Пашино по Индии и реакция англо-индийской администрации на его пребывание

№ 60

1873 г. — Из путевых впечатлений по Индии П.И.Пашино[1]

...Пред нами предстал Джамбу, весь город во всем своем величии. Он лежит на склоне гор кашмирских, при реке Тагви. Но до него оставалось изрядное число миль, по словам ямщика; между тем как, видя перед собою этот величественный город, я полагал, что приходилось проехать не больше двух миль...

Наконец мы сели на иекке, но недолго пришлось ехать на нем: я снова почувствовал прежние страдания и снова оставил поезд* позади себя. Не успел я пройти и тысячи шагов, как предо мною показались городские ворота, стоящие на порядочной возвышенности, но тем не менее скрываемые от глаз густым алоэ. Внизу, вблизи городских ворот, налево стояли два домика, построенные из нежженого кирпича и дикого камня, каких здесь очень много. В этих домиках ютятся иекке. Вскоре приехал и наш возница: он с особенным удовольствием выпряг свою лошадь из арбы и начал ее проводить взад и вперед. Мы должны были подождать, пока придут носильщики вещей и введут нас в город.

Через десять минут явились два здоровых парня, которые взяли все мои вещи на свои головы и плечи и понесли их вверх по горе, по которой езды ни на лошади, ни в экипаже, ни верхом, ни на ослах не существует, а при самых воротах даже и для меня подъем был необычайно затруднителен, и я попросил своего человека дать мне руку.

Наконец мы вошли в город. Направо у ворот помещалась канцелярия, в которой находились некие господа, говорящие и по-персидски, и по-индустански. Они спросили меня, кто я такой. Я ответил, что я доктор Шейх-Мухаммед-Аяд-эфенди.

«Зачем приехал?» — спросили они.

Я отвечал: затем, чтобы представиться начальству, так как знал, что магараджа находится в Кашмире и занят там отправлением в путь английского посольства в Яркенд и Кашгар.

«Где остановитесь?» — спросили меня.

Я отвечал, что в бареке. Тем церемония и кончилась.

До барека мы шли довольно долго, примерно мили две, вдоль очень широкой улицы, с магазинами по обеим сторонам. Не подумайте, чтоб это напоминало хотя бы несколько наш Невский проспект: в этих магазинах сидели продавцы с чалмами на головах, повязкой на чреслах; остальное тело было совершенно открыто и, вследствие солнечного жара, смугло до невероятной степени. Продавали они и пирожное, и шерстяные изделия, и веревки кокосовые, и тесемки, и говядину; лук, чеснок и другие овощи и фрукты; потом москательные товары,

---

* Здесь: караван (*примеч. сост.*).

которые немного разнообразили вонь лука и чеснока, распространяемую этими прелестными овощами. Особенно неприятно было проходить мимо этих лавок, когда вытряхивали мешки со стручковым перцем: атмосфера вся заражалась пылью и все окружающие чихали и хохотали от всей души. Есть множество лавок с медною посудой, кальянами, много меняльных лавок с массою раковин, которых сорок штук дают за одну ану, т.е. за 5 копеек.

Наконец мы повернули с Невского проспекта Джамбу направо; улица была немощеная, нешоссированная и незастроенная. Вскоре вошли в обнесенный забором, состоящий из глыбы дикого камня, так называемый барек, т.е. бегарек, место роскошное, расположенное на склоне реки Тагви и оканчивающееся садом, идущим до самого берега вдоль уступов, так как бегарек находится, приблизительно, около 4000 футов над уровнем реки Тагви, и все это пространство составляет сад, покрытый деревьями и другою зеленью. Посреди двора, вблизи сада, находится огромнейшее здание с залою в два света и относительно роскошно убрано, с портретом бывшего губернатора пенджабского, Монгомери[2], с огромнейшею комнатой для ламп, подсвечников и кенкетов, с обычным отделением для ванны и других хозяйственных помещений — словом, здесь было все, что необходимо для человека, привыкшего к европейской жизни. Большая терраса выходит к саду: здесь в кущах кустарников постоянно находят себе место для гнезд соловей, иволга и другие певчие птицы; с террасы видна чрезвычайно живописная Тагви. Противоположный берег реки, за плоским песчаным пространством, обнесен высочайшею горою, покрытою лесом сверху донизу и имеющую на возвышенности небольшой форт, в котором живет, по словам туземцев, только от пятидесяти солдат и комендант и находятся все артиллерийские снаряды; там помещается и литейный завод для литья орудий и там же чеканится монета. Мне не пришлось ни разу посетить этот форт — я мог только любоваться им с террасы.

Меня поместили не в этом здании, а в противоположном, находящемся рядом со службами и состоящем из четырех отдельных квартир. Каждая квартира имеет две комнаты, но в этих комнатах нет ни одного стула — ничего похожего на мебель. Мне подали сюда кровать, круглый стол, два кресла и два подсвечника. Благодаря подобной любезности смотрителя барека, я, после пилава, приготовленного моим слугою Абдуль-Гани, свернулся «калачиком» и заснул сном праведника. Вдруг пушечный выстрел, вследствие которого даже затряслась моя кровать, и я весь вздрогнул, проснулся и спросил человека: «Что сей сон означает?» Он отвечал, что пробило 10 часов и что пора всем жителям ложиться спать; в случае, если кого-нибудь встретят пиуны на улице после пушечного выстрела, то тащат в полицию; такой обычай повсюду, где царят магараджи...

...На другой день я отправился к Джеваль-Асе в дербар*, в 10 часов утра. Пройдя пешком около трех миль вдоль базаров, которые тянутся до противоположных ворот, не доходя до конца города, мы повернули направо и по небольшому подъему вошли во двор дворца раджи; там была масса индусов, военных и гражданских чиновников в различных костюмах при саблях. Я поднялся на несколько ступенек; передо мной все встали, предложили мне сесть, так как еще Джеваль-Асы не было в дербаре, и завели со мной беседу: откуда я, кто я такой, зачем приехал и так дальше.

---

* Дербар — присутствие. Дербаром также называется ежегодное представление всех раджей английскому вице-королю в Агре. Нынешний год, вследствие бенгальского голода, подобного дербара вице-король не давал раджам (*примеч. автора*).

Я объяснил, что я хаджи, что невольно вызвало у всех восклицание удивления. К величайшему удовольствию своему, я нашел, что большинство индусов говорит по-персидски...

Вечером, когда зазвонили в индусских храмах ко всенощной[3], я отправился к афганцам[4], раздал им благополучнейшим образом нефес и закусил их хлебом-солью. Таким образом у меня начались сношения с туземцами. В индусских молельнях мне до сих пор не приходилось быть, но меня поражал благовест. Во время всенощного бдения у индусов также три звона, как и у нас; утром, при восходе солнца, у них начинается новая служба — заутреня, а в десять часов дня — обедня. Издали, впрочем, я мог видеть внутри храма богов, т.е. идолов, сидящих в живописной позе на своих седалищах; эти идолы были в человеческий рост, с лицами, изящно выделанными, и с серьгами в носу и ушах[5]. Я видел в этих молельнях индусов, молящихся на коленях и делающих несметное количество земных поклонов[6].

Через несколько дней после визита ко мне Лечмендаса я должен был отдать визит и ему, и его отцу. Дом их помещался рядом с дворцом магараджи, и они считаются первейшими богачами в государстве.

Я должен теперь сказать, что они чрезвычайно добивались узнать, какую я имею цель посетить Кашмир и что заставило меня приехать к ним. Чтоб избавиться от докучливых расспросов и настояний, я объяснил, что восемь лет назад от магараджи было отправлено посольство в Ташкент, чтобы поздравить русских с новым приобретением и пожелать успеха их оружию, что эти посланцы пришли без всяких письменных видов и были радушно приняты; что вот и я, рассчитывая на радушие их, приехал, чтоб им отдать этот визит, хотя правительством на это не уполномочен и бумаг при себе не имею, и повидать бывших посланников магараджи в Ташкент[7]. Они очень благодарили меня за подобный визит и отвечали, что бывших посланников в Джамбу не находится: они в настоящее время в горах, куда, по всей вероятности, пойти мне нельзя будет, потому что туда и ворон костей не носит и потому, что их царство кугистан[8] (горное). Потом они требовали, чтобы я присягнул, что я не англичанин и что не подослан от английского правительства. Я принял присягу над Евангелием, которое у них было, сказал свою клятву и по-русски и по-персидски. Они отвечали «аминь» и стали со мною говорить откровенно обо всех делах с англичанами и с нами. Что было говорено и каким образом они выражали недовольствие или удовольствие свое относительно приближения русских к их границам, что они говорили о своем удовольствии или неудовольствии касательно благороднейшей английской нации или ее правительства — это останется секретом. Но не смею умолчать о необычном радушии их и сердечном доверии к моей персоне: они были, как дети, и относились ко мне, как к родному отцу.

Печ. по: Пашино П.И. Вокруг света. Т. I. По Индии. Путевые впечатления. СПб., 1885, с. 32—37, 40—44.

№ 61

29 марта 1874 г. — Из записи беседы секретаря администрации Пенджаба Т.Г.Торнтона[9] с П.И.Пашино

Г-н Пашино рассказал следующее.

Совершенно определенно, что, когда генерал Черняев несколько лет назад взял Ташкент, прибыли два человека, которые заявили, что они представляют магараджу Кашмира и от его имени поздравляют генерала, император России был очень доволен этим и решил послать кого-нибудь в Ташкент. Пашино служил в то время при великом князе Владимире Александровиче, втором сыне императора[10], и выразил желание отправиться в Ташкент, чтобы повидать этих людей. Он действительно отправился в Ташкент с генералом Романовским[11] и встретился с ними. Они сказали ему, что прибыли по поручению магараджи Кашмира; одного звали Абдул Рахман Хан из Музаффарабада, другого — Сарафраз Хан[12], но он был убит в Хайберском проходе, а все его бумаги были похищены.

Они вернулись без ответа, так как при них не было бумаг, но четыре года спустя, когда Пашино вернулся в Ташкент в 1869 г., ему было поручено передать письменный ответ его высочеству магарадже[13]. Он добрался до Искардо и услышал там, что губернатор Пенджаба находится в Кашмире, поэтому он отправился в Лех, чтобы вернуться назад позже, не передавая писем. Он выбрал маршрут через Гилгит и Ясин. На этот раз он был послан к магарадже Кашмира «в ответ на посольство» (в кавычках слова, написанные по-французски. — *Сост.*). Когда он прибыл в Джамму, он встретился с Джоала Сахаи и Лачман Дасом[14], рассказал им о цели своего визита, а они ответили: «Когда вы (т.е. Россия. — *Сост.*) приблизитесь к нам, мы пошлем к вам нашего посла и дадим ответ». Они советовали ему не оставаться там до прибытия магараджи, поскольку при нем неотлучно находится британский офицер, и по той же причине не ездить в Кашмир.

Он встретил там Абдул Рахман Хана, которого встречал в Ташкенте; он сказал, что Сарафраз Хан в Гилгите и Голам Русул Хан не был убит, а находится в Сиалкоте.

Когда он прибыл в Лахор, то пытался сделать все возможное, чтобы получить ответ магараджи. Он обратился к вакилу Кашмира, который обещал передать ему ответ магараджи за 10 тыс. рупий. Князь, муж дочери магараджи в Джалландхаре, обещал ему добыть этот ответ через Кальян Сингха[15] из Лахора. Тем временем он отказался от мысли получить этот ответ.

Он говорит, что в поезде Мадрасской железной дороги по пути в Хайдарабад он встретил г-на Александрова[16], вместе с ним добрался пешком до Хайдарабада, где они остановились в караван-сарае. Он не знал, каковы цели г-на Александрова, но тот сказал ему, что получил письменное обещание всех князей Раджпутаны, Бароды и Непала и других признать власть русского правительства. Сейчас он находится в Амритсаре и хочет получить британское подданство.

Г-н Костенко[17] отправился из Лахора в Кабул 24 июня, после чего он ничего о нем не слышал до 17 сентября, когда получил письмо из Сиалкота, написанное Костенко карандашом, в котором говорилось, что его хорошо принял эмир Кабула и что он побывал во всех английских крепостях на границе и останется в Сиалкоте до 20 сентября в караван-сарае. Он (Пашино) отправился 19 сентября в

Сиалкот, но не нашел его, но позднее слышал от Александрова, что он был в Мардане и бежал через границу, поскольку его преследовали англичане.

Эти двое находятся у него в подчинении. Есть агенты и на Цейлоне, в Сингапуре, в Индии, но Пашино не знает их имен.

Пашино далее рассказал, что есть три плана завоевания Индии[18].

Первый, говорит он, заключается в следующем: генерал Кауфман должен пройти через Мерв, Шахджехан к Герату, чтобы отдать его Персии; затем к Сеистану, который также передается Персии; далее он должен идти на Кабул, Герат и Карачи. Вся операция рассчитана на десять лет. От Карачи на Аллахабад и т.д. и т.п.

Второй: Файдев[19][?], находящийся в настоящее время в опале, продвигается через Кашгар и Яркенд, Ладакх, Кашмир в Непал и Агру.

Третий: генерал Абрамов, губернатор Самарканда, поднимает восстание в Коканде, продвигается в Физабад через Колаб, чтобы взять Ростак и отдать эти территории Абдул Рахман Хану[20], восстанавливает в правах Мир Джехандер Шаха[21], затем через Ясин, Даркот, Шандер и Читрал продвигается в Пешавар.

Т.Г.Торнтон

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1875, May, № 151—163, M.Pierre Pachino, № 157. Перевод с англ. составителя. Опубликовано: док. № 61—67, 69—72 — Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. М., 1990, с. 89—93, 95, 97—98, 103, 106.

№ 62

28 мая 1874 г. — Резюме помощника секретаря секретно-политического отдела Индиа офис[22] Р.Мичелла[23], составленное по выступлению в Русском географическом обществе[24] П.И.Пашино о своей попытке пройти в 1873—1874 гг. из Индии в Русский Туркестан через Кашмир и Центральную Азию

Секретно-политический отдел № XCIX

Недавно на заседании Русского географического общества перед большой аудиторией выступил г-н Пашино, который рассказал о результатах своей попытки пройти из Индии в Русский Туркестан через Кашмир и Центральную Азию. Он отправился из Санкт-Петербурга в июне 1873 г. и через Вену и Триест добрался до Александрии, где приобрел арабское платье и пропуск, которым удостоверялось, что он является турецким подданным из Смирны. Затем сел на корабль, направлявшийся в Калькутту, оттуда по железной дороге доехал до Аллахабада и затем до Чамбы (в Кашмире). Там он был на некоторое время задержан, но после поездки в Лахор с особой целью добиться помощи от г-на Дэвиса[25] в его дальнейшем путешествии г-н Пашино продолжил путешествие под видом турецкого доктора в плетеной люльке на спине своего слуги.

Благодаря прекрасному знанию персидского и других языков он успешно выдавал себя за турецкого доктора, но, когда заметил, что его подозревают, поменялся местами со своим слугой, снял с себя всю одежду, вымазался ослиным пометом, чтобы придать темный цвет своей коже, и следовал за своим слугой, имея только чалму на голове и набедренную повязку.

В Даркхоте его все же узнал афганец, который сказал ему: «Ты русский, которого я видел однажды в Самарканде с генералом Кауфманом. Если ты не

дашь мне тысячу рублей, я разоблачу тебя перед вали». Он сдержал свое слово, и Пашино рассказывал, что ему удалось сбежать от вали с огромным трудом. Он отрицал, что он русский, и поносил своих соотечественников. Вали заявил, что он до смерти забьет камнями любого русского, который попытается прийти в его страну. Пашино тайно покинул Даркхот, а вали тем временем послал ему вдогонку большую группу людей. Эти люди убили кого-то в горах, а сообщение об этом вызвало слухи в Ташкенте о том, что Пашино умер насильственной смертью. Этот русский путешественник, который одно время работал в министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге, по какой-то причине был уволен, добрался в конце концов снова до Лахора и покинул Индию через Мадрас и Бомбей.

Страна, которую посетил г-н Пашино, пишет «Русский мир»[26], очень интересна, но рассказ г-на Пашино о его путешествии, к сожалению, не может быть опубликован. «Иксчейндж газет», однако, отмечает, что полный текст этого рассказа скоро появится в печати.

Г-н Пашино готовится предпринять новую попытку, он намерен, несмотря на риск, пройти от Кашмира до Русского Туркестана.

Индиа офис, 28 мая 1874 г.

Роберт Мичелл.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, 1874, June, № 53. Перевод с англ. составителя.

№ 63

3 марта 1875 г. — Полуофициальное секретное письмо секретаря администрации Пенджаба Т.Г.Торнтона министру иностранных дел правительства Индии Ч.А.Эйчисону[27] об информировании П.И.Пашино об отказе ему в разрешении прохода в Ташкент через территорию Кашмира и о реакции П.И.Пашино на это запрещение со стороны английских властей

Лахор.

В связи с Вашей телеграммой от 26 числа прошлого месяца, по делу Пашино в соответствии с распоряжением губернатора я информировал его письменно, что правительство Индии отказало ему в просьбе дать разрешение на его путешествие в Ташкент через Читрал и что соответственно власти Пешавара и Дераджата получили инструкции помешать ему пересечь британскую границу в соответствии с постановлением о границе Пенджаба, а также в том, что магараджу Кашмира попросили, чтобы он не давал разрешения пересечь территорию Кашмира. Сегодня днем Пашино приходил ко мне и заявил, что он получил «диплом» от правительства Индии, запрещающий ему продолжать свое путешествие. Он собирается немедленно отправиться в Петербург и показать эти документы наследному великому князю и его другу лорду Лофтусу[28]. Он далее сказал, что запрещение не имеет особого значения, поскольку оно потребует от него только лишь изменения маршрута. Теперь, вместо того чтобы пройти в Ташкент через

британскую территорию, он совершит поездку из Ташкента на британскую территорию в сопровождении сотен казаков-мусульман.

Я заметил, что в некотором смысле ему следовало бы быть благодарным правительству Индии за запрещение, поскольку маршрут опасен и он, возможно, мог бы расстаться с жизнью. Он ответил, что это не окажет на него ни малейшего влияния и что он, без сомнения, попытается совершить поездку с русской территории.

После этого он попрощался со мной, отметив, что он теперь сможет должным образом оценить англичан как нацию, что не считает меня ответственным за случившееся, но воспользуется первой возможностью, чтобы высказать свое мнение на тему о «Симле» (т.е. индийском правительстве. — *Сост.*).

Изданы распоряжения властям Пенджаба и Дераджата воспрепятствовать ему, если он попытается приблизиться к границе, а полиции — наблюдать за его передвижениями.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1875, May, № 151—163, M.Pierre Pachino, № 159. Перевод с англ. составителя.

№ 64

5 марта 1875 г. — Сообщение правительства Индии министру по делам Индии лорду Солсбери[29] о русском путешественнике Пашино, который второй раз намерен предпринять попытку пройти в Самарканд через Читрал, и мерах, предпринятых правительством Индии с целью предотвратить осуществление его плана

Форт Вильям

1. Имеем честь направить для сведения Вашей светлости копию бумаг, относящихся к делу русского путешественника Пашино, который прибыл в Лахор с намерением проследовать в Самарканд через Читрал.

2. Это второй визит Пашино в Индию. Будучи в Лахоре в ноябре 1873 г., он беседовал с секретарем правительства Пенджаба, которому рассказал о своей жизни и путешествиях, сомневаться в достоверности его рассказа нет оснований. Пашино в тот раз сделал попытку отречься от России и, сообщив сведения о ее враждебных по отношению к Индии намерениях, получить работу у британского правительства. Не сумев достичь этой цели, он вернулся в Петербург. Мы хотели бы предложить вниманию Вашей светлости отчет м-ра Мичелла, № 99, от 28 мая, касающийся его деятельности там и предполагаемой цели его настоящего визита в Лахор, куда он прибыл в декабре 1874 г.

3. Судя по тому, что рассказал о себе Пашино, мы пришли к выводу, что его присутствие в странах, которые он намерен посетить, может вызвать существенное неудобство, и мы считаем, что было бы желательным, чтобы ему помешали осуществить его план. Потому мы дали указание правительству Пенджаба предупредить Пашино в соответствии с разделом 1 и 2 инструкции VIII от 1873 г., что он не получит разрешения на пересечение британской границы, а также передать магарадже Кашмира наше пожелание, чтобы Пашино не было разрешено следовать по Территории Его высочества.

4. Возможно, в связи с этим вопросом к Вашей светлости обратится русский посол, поэтому мы сочли необходимым сообщить Вашей светлости причины, побудившие нас предпринять эти меры.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1875, May, № 151—163, M.Pierre Pachino, № 158. Перевод с англ. составителя.

№ 65—67

10 марта — 8 апреля 1875 г.
Переписка секретаря администрации Пенджаба Т.Торнтона с секретарем по иностранным делам правительства Индии Ч.Эйчисоном о наблюдении за передвижениями П.И.Пашино

№ 65

10 марта 1875 г. Телеграмма
От секретаря администрации, Пенджаб, Лахор.
Секретарю по иностранным делам, Калькутта.

Пашино отправился поездом в Бомбей в 1 ч. 20 мин. ночи девятого.

№ 66

7 апреля 1875 г. Телеграмма
От секретаря, пенджабская администрация, Лахор.
Секретарю по иностранным делам, Симла.

Из Пешавара сообщили, что они предполагают, что туда прибыл Пашино. Сегодня он отправляется в Лахор под надзором. Испрошены распоряжения о порядке наблюдения.

№ 67

8 апреля 1875 г. Телеграмма
От секретаря по иностранным делам, Симла.
Секретарю, пенджабская администрация, Лахор.

На Вашу вчерашнюю телеграмму. Если это действительно Пашино, поступайте с ним в соответствии с законами Пенджаба по усмотрению губернатора. Если это не Пашино, сообщите все, что сможете узнать об этом человеке.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, 1875, May, № 151—163, M.Pierre Pachino, № 160, 162, 163. Перевод с англ. составителя.

№ 68

20 февраля (3 марта) 1876 г. — Письмо Е.А.Хлудова[30] отцу А.И.Хлудову[31] о своем путешествии по Индии в сопровождении П.И.Пашино[32]

Калькутта

Дорогой папаша!

Спешу поздравить Вас с днем Вашего Ангела и пожелать Вам всего лучшего на свете.

В Калькутту прибыл с неделю тому назад. По дороге в Калькутту заезжал в Джюбельпур, Кавенпур, Лекнау и Бенарес. Кавенпур и Лекнау замечательны восстанием в 1857 году сипаев (правительственных солдат из туземцев), от которых англичанам досталось порядком. Лекнау очень красив дворцами магараджей (царей), которых в Индии еще много. В Джюбельпуре замечательные мраморные скалы или, скорее, горы; они белы как снег. Между скалами протекает святая река Нарбудда. В одном месте падает большим водопадом. Проездом из Джюбельпура к скалам я увидал множество идущего по тому же направлению народа с палками на плечах, к концам которых прикреплено по корзине. «Что такое?» — спрашиваю Пашино. «Это фокусники!» — отвечал он. Захотелось мне посмотреть фокусников. Зовем их — не подходят. Спрашиваю кучера: «Почему они не подходят?» «Они и не подойдут, — отвечает он. — Это же богомольцы, которые идут на поклонение к святым местам». Я посмотрел на Пашино и расхохотался. Они отправлялись к тем же скалам на поклонение и умовение к реке Нарбудда. Я проехал мимо них и между двух скал на самой дороге увидал трех дервишей, сидящих и лежащих (на деревянных кроватях) на торчащих на два вершка острых гвоздях, которыми усеяна вся кровать. Двое сидели, а третий спал. Я вылез из экипажа и подошел посмотреть поближе. Гвозди были остры, и они сидели и лежали на них, как будто под ними ничего не было. Гвозди имели один от другого вершок расстояния. Я кинул дервишам денег. В это время спящий проснулся, зевнул и с наслаждением потянулся, и это все на острых гвоздях, что меня поразило; я как только приехал домой, то и нарисовал их на память. Вы увидите сами. Крови не видал.

Бенарес самый священный город индусов, там насчитывают более 5000 храмов. Я был в некоторых. По случаю праздников народу было множество. Я пожелал осмотреть храмы. Двое проводников и предупредительные полицейские доставили мне доступ в храмы, а деньги — в алтари. Храм индусский состоит из двух частей: двора и алтаря. Во дворе непременно священный колодезь, множество идолов — статуй священных, жирных, откормленных до бешенства коров и быков разных цветов. Тут же показывают изукрашенную самую священную корову о 6 ног; к ней прикладываются. Благодаря браминам я увидал и алтари, и они без всякой церемонии выгоняли богомольцев из алтарей, маленьких темных помещений, и мы в дверях могли видеть главного идола. Это небольшой камень в диаметре 4 вершка, который имеет вот эту форму ⌒. Мне объяснили, что в этом камне сидит дух силы, от которого благодать. На этот камень льют благовонные масла, льют воду, бросают цветы самые душистые[33]. На дворе храма сидел дервиш, правая рука его была высоко поднята, а в левой он держал железный трезубец; он в таком положении сидит день и ночь. Мне говорили, если бы он захотел согнуть свою руку, то он этого сделать бы не мог потому, что рука его окостенела.

Был в храме священных обезьян (они тоже считаются священными животными). На дворе храма множество ручных откормленных обезьян, больших и маленьких, я дал им лакомство, но они есть не стали – так сыты; в алтаре сидел идол, который имел форму обезьяны[34].

Нас при осмотре алтарей украшали священными венками с идолов. Мне посоветовали в семь часов утра проехать по Гангу (священной реке), и я не раскаялся, что поехал. Город Бенарес расположен на этой самой реке, он стоит на горе и имеет вместо набережной лестницу, которая сплошной массой на расстоянии 5–6 верст спускается к реке (т.е. вдоль всего города). Выехав на середину реки, я был поражен красотой города. Храмы с золотыми главами блистали в вышине, по лестнице было расположено тоже много маленьких, очень красивой архитектуры, храмов и два громадных, лежащих во всю длину лестницы идола в золоченых коронах (этим идолам поклоняются женщины и просят у них даровать им детей). На лестнице на протяжении 5 верст копошились тысячи индусов, которые купались в Ганге. Мужчины, женщины, дети, богачи, бедняки – дервиши, брамины – все вместе. Но все одетые, как они обыкновенно ходят. Вдруг перед лодкой, на которой я ехал, показался чей-то хребет, потом показался хвост, и животное исчезло. «Что такое?» – спрашивал. «Крокодил (аллигатор)», – отвечали мне. «Отчего их не уничтожают?» – спросил я. «Они священны», – отвечал сердито мой проводник-индус. Из Бенареса поехал в Калькутту. Калькутта больше Бомбея, она разделяется рекой Гангом на два города – Ховру и Калькутту. Население туземцев разнообразно. Как в Бомбее парси, так здесь бабу (образованный индус) занимает главную роль. Отличить его очень легко. Бабу ходят всегда с непокрытой головой. Вся торговля в их руках. Они занимают официальные должности, и все служащие на железных дорогах Бабу. Англичане очень заботятся о разведении садов вообще во всех городах, а в Калькутте есть более 7 громадных садов.

Пишу это письмо под громом и молниею. Вот уже два дня, как здесь гроза. Она была очень сильна сегодня ночью. Молния блистала, не прерываясь ни секунды в продолжение $^3/_4$ часа, и последний удар был очень близок от нашей гостиницы, он разбил в пятидесяти шагах от нее маленький домик! После этого гроза стихла, но еще и теперь утром слышатся перекаты грома.

Торговля хлопком в Калькутте не производится. Торгуют опиумом, индиго, чаем, шеллаком[35] и шелком. Дела здесь плохи, все жалуются.

Англичане боятся русских и пишут в газетах статьи о принятии сильнейших мер для укрепления северных границ Индии и занятия самим Афганистана. Положительно, они трусят.

От Деккера[36] получил перевод, по которому получил 3339 рупий (£ 300).

Здоровье мое хорошо, забыл Вам написать, что ездил из Калькутты в Шандарнагор, французскую колонию, час езды от Калькутты, где был принят очень хорошо у тамошнего губернатора, генерала Ферье, с которым нас познакомил здешний богач, генеральный консул Ламору. Колония состоит из 30.000 человек, все индусы католического вероисповедания и говорят по-французски. Город стоит на реке Ганг.

Я выезжаю из Калькутты 6-го сего месяца в Рангун (Британский Бирман)[37]. Смотреть в Калькутте, право, нечего. Старался достать здешних семян, но продажных нет, а начальники ботанических садов хотя и обещали прислать, но до сих пор не прислали. Скажите Оле[38], что семян кактусов в Индии нет, а можно достать их только в Америке. Скажите Мише[39], что я ему купил бамбуковых удочек. Кланяюсь всем. Поцелуйте Леню[40]. Затрудняюсь, какой подарок привезти Короткову[41], авось отыщу ему что-нибудь в Китае.

Пашино лежит и кричит мне: «От меня кланяйтесь и поздравьте с днем Ангела Вашего папашу».

Желаю в радостях встретить Пасху. Мне приходилось Рождество и Новый год встречать в море, так же, вероятно, придется встречать и Пасху.

С желанием всего лучшего на свете остаюсь истинно Вас любящий и уважающий

сын Ваш Егор Хлудов.

Опубликовано: «Письма Егора Алексеевича Хлудова». М., 1878, с. 3—8.

№ 69

22 марта 1876 г. — Письмо помощника секретаря министерства иностранных дел правительства Индии Ф.Хенвея[42] английскому резиденту в Бирме полковнику Х.Дункану[43] с просьбой информировать о действиях П.И.Пашино в Бирме

Калькутта

Дорогой сэр!

Нам сообщили, что Пашино, который считается опасной личностью и которому сочтено было необходимым запретить пересечение северо-западной границы по пути в Кабул, около двух недель, как отправился из Калькутты с целью посетить Бирму. Он представился нашим информаторам как сопровождающий богатого русского купца.

Возможно, что г-н Пашино может отправиться в Мандалай, и вице-король желает поэтому, чтобы Вы были в курсе дела. Если Вы услышите что-либо об этом господине и его действиях, пожалуйста, сообщите нам.

Искренне Ваш

(подпись) Ф.Хенвей,

помощник секретаря, департамент иностранных дел.

National Archives of India, Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1876, September, № 96, M.Pachino, p. 1. Перевод с англ. составителя.

№ 70

30 марта 1876 г. — Из письма английского резидента в Бирме Х.Дункана и.о.министра иностранных дел правительства Индии Т.Торнтону[44] о приеме королем Бирмы П.И.Пашино и Г.А.Хлудова

Мандалай

Дорогой г-н Торнтон!

В дополнение к моему письму от 24-го относительно двух русских, которые прибыли в Мандалай, хочу сообщить, что их настоящие имена: Пашино и Хлудов.

27-го они были приняты Его величеством[45]. Беседа носила общий характер, и каждому из них вручили по 500 рупий. Мне сообщили, что они отбывают пароходом в Рангун завтра или послезавтра. Видимо, г-н Пашино резко говорил с чиновниками бирманского правительства о британском и индийском правительствах. Он сказал им, что через два-три месяца в Европе начнется война, и охарактеризовал позиции России и Великобритании как весьма враждебные друг другу...

Искренне Ваш
(подпись) Х.Дункан.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1876, September, № 96, M.Pachino, p. 2. Перевод с англ. составителя.

№ 71

17 февраля 1879 г. — Письмо секретаря по иностранным делам правительства Индии А.К.Лайелла[46] политическому секретарю вице-короля Индии в Бомбее К.Гонне[47] о необходимости опознания П.И.Пашино и тщательного наблюдения за его действиями в Бомбее с целью недопущения его проникновения в туземные княжества

Калькутта

Мой дорогой сэр!

Сегодня Вы получите телеграмму, касающуюся русского г-на Пашино, которого ожидают в Бомбее. Я надеюсь, что чиновник-европеец из Пенджаба уже прибыл, чтобы установить его личность.

Пашино должен был покинуть Константинополь 5 февраля на «Мессажерье Маритим» и отправиться в Александрию, затем в Бомбей и далее в Пешавар. Иногда он путешествует в восточной одежде, но, как нам сообщили, он путешествует сейчас как корреспондент русской газеты «Голос»[48], и мы пока не уверены, в каком обличье он появится на этот раз. Его будет сопровождать поляк по имени Пауль Чойка[49], и есть основания предполагать, что Чойка, возможно, не откажется сотрудничать с британскими властями, если обеспечить возможность для приватной беседы или контакта подобного рода между ним и лично сэром Ф.Соутером[50] или каким-либо другим чиновником, который смог бы вести это дело с должной проницательностью и благоразумием. Любая полученная информация должна быть передана мне или майору Гендерсону в Дели или Лахор. Сэр Ф.Соутер будет знать его адрес.

Главная наша цель в Бомбее — установить личности этих двух людей и помешать им проникнуть в Индию без надзора. Когда они будут опознаны, следует держать их под строгим наблюдением, но не вмешиваться в их действия каким-либо другим образом. Если они откажутся признаться в том, кто они на самом деле, следует установить за ними более тщательное наблюдение, а если они откажутся отвечать на любые вопросы или возникнут какие-либо другие трудности, следует предупредить их, что правительство вынуждено будет использовать свою власть и выдворить их из страны. Нельзя допустить, чтобы они проникли в туземные княжества через Бароду или Хайдарабад.

Г-н Пашино среднего роста, около 40 лет, темноволосый, с небольшой бородкой и усами, слегка прихрамывает.

Искренне Ваш
(подпись) А.К.Лайелл.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1879, September, № 186–250, Monsieur Pachino. Перевод с англ. составителя.

№ 72

6 июня 1879 г. – Шифрованная телеграмма посла Англии в Константинополе А.Г.Лайарда[51] вице-королю Индии лорду Литтону[52] о возвращении П.И.Пашино из Египта в Турцию и о наблюдении за ним

Терапиа, 6 июня. Пашино возвратился сюда. Связался с Россией. Будет под наблюдением.

National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, 1879, September, № 186–250, № 240, Monsieur Pachino. Перевод с англ. составителя.

Примечания

[1] Пашино Петр Иванович (1836–1891) – востоковед, журналист, путешественник. В 1852 г. поступил в Казанский, а затем перевелся в Петербургский университет, после окончания которого в 1856 г. проводил археологические раскопки в Казанской губернии. В 1857 г. Пашино поступил на службу в Азиатский департамент МИДа, с февраля 1861 по осень 1862 г. занимал должность 2-го секретаря русского посольства в Персии. В феврале 1866 г. был направлен в Туркестанскую область переводчиком военного губернатора области генерал-майора Д.И.Романовского. Но уже вскоре его выслали оттуда как «человека неблагонадежного и вредного для службы в Туркестанской области по своим объяснениям и сношениям с туземцами, а равно и суждениям о делах здешнего края и лиц, здесь находящихся» (см.: РГБ, Отдел рукописей, ф. 169, карт. 36, № 34). Пробыв некоторое время в Оренбурге, Пашино вернулся в марте 1867 г. в Петербург. Вскоре заболел и стал инвалидом – у него на всю жизнь нарушилась двигательная способность правой руки и ноги.

С весны 1869 г. он снова служил в Туркестанском генерал-губернаторстве у К.П.Кауфмана. Но, нарушив тайну служебной переписки, был вынужден в августе 1870 г. опять покинуть Туркестан.

В 1872 г., решив издавать свой журнал «Азиатский вестник», Пашино уволился из МИДа, но из-за цензурных препон удалось выпустить в свет только I том этого издания.

Трижды П.И.Пашино путешествовал по Индии: первый раз – с 19 сентября 1873 по 30 марта 1874 г., второй – с ноября 1874 по март 1875 г. В начале 1876 г. он побывал в Индии в третий раз, согласившись сопровождать Егора Хлудова, сына богатейшего московского купца А.И.Хлудова, в его кругосветном путешествии. Во время этого путешествия они посетили также Турцию, Египет, Италию, Бирму, Китай, Японию, США.

В декабре 1878 г. Пашино с удостоверением корреспондента газеты «Новое время» опять направляется в Индию, но, пробыв полгода в Египте, возвращается в Россию. Позднее П.И.Пашино побывал в качестве журналиста в Адене, Египте, Эфиопии, печатался в русских газетах и журналах, иногда выступал с лекциями о своих путешествиях (с 1869 г. он был членом-сотрудником Русского географического общества).

Интересно, что судьба, как пишет Пашино в своей книге «Вокруг света» (СПб., 1885 г.), еще раз столкнула его с посланцами махараджи Кашмира, с которыми он познакомился в Туркестане в 1866 г. и письмо которых переводил. В 1873 г., совершая под видом турка свое первое путешествие

по Индии, он встретил Абдуррахман-хана и Сарафраз-хана, давшего Пашино ценные советы, которые помогли ему вернуться живым из опасного путешествия.

В 1886 г. несчастный случай привел обедневшего П.И.Пашино в больницу, затем друзья поместили его в богадельню, где он скончался в сентябре 1891 г.

Подробнее о Пашино см.: *Гневушева Е.И.* Забытый путешественник. М., 1958; *Митрохин Л.В., Райков А.В.* Путешествия П.И.Пашино в Индию. — Российские путешественники в Индии. XIX — начало XX в. М., 1990.

[2] Монтгомери Роберт (1809—1887), чиновник колониальной администрации в Индии с 1828 г., с 1849 г. — служил в Пенджабе, во время Индийского народного восстания 1857—1859 гг. разоружил несколько сипайских отрядов; в 1859—1865 гг. — губернатор Пенджаба.

[3] Здесь и далее П.И.Пашино неправомерно применяет терминологию православной церковной службы (всенощная, благовест, заутреня и т.п.) к описанию реалий индусских служб. Так, звон колокола не сзывает прихожан к молитве, как в православии; каждый индус, входя в храм, звонит в колокольчик у входа, как бы возвещая богам, что он пришел им поклониться; в колокол звонят брахманы, совершая определенные ритуальные действия.

[4] Афганцами автор называет всех жителей Афганистана, в данном случае он встречался с пуштунами, которые жили и в Афганистане, и на северо-западе Британской Индии.

[5] Индусские храмы, как правило, посвящены какому-либо одному божеству пантеона. В алтарной части находится скульптура этого божества, в зависимости от богатства храма украшенная драгоценными камнями и золотыми украшениями.

[6] В индуизме делают или неглубокий поклон со сложенными ладонь к ладони руками (намаскар), или глубокий «земной» поклон, или простираются ниц перед храмом или изображением божества. П.И.Пашино ошибался: на коленях молятся мусульмане и при этом совершают множество поклонов.

[7] Имеются в виду Сарафраз-хан и Абдуррахман-хан, см. док. № 54.

[8] Кугистан (Кухистан) от перс. кох — гора, т.е. горская область.

[9] Торнтон Томас Генри (1832—?) — чиновник английской администрации в Индии с 1856 г., с 1864 по 1876 г. был секретарем правительства Пенджаба, в 1876—1877 гг. исполнял обязанности министра иностранных дел правительства Индии, с 1878 по 1881 г. — судья Высшего суда Пенджаба и одновременно член Законодательного совета при генерал-губернаторе Индии.

[10] Здесь ошибка, вел. кн. Владимир Александрович (1847—1909), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, был третьим сыном императора Александра II. С 1865 г. он был флигель-адъютантом императора, на действительную службу вступил с апреля 1867 г., участвовал в войне 1877—1878 гг. с Турцией; с 1884 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, член Государственного совета, сенатор. С 1869 г. он был товарищем президента Императорской академии художеств, а в 1876 г. стал ее президентом.

Возможно, Пашино П.И. назвал Владимира Александровича вторым сыном, имея в виду здравствовавших тогда сыновей Александра II. (Первый сын его, Николай Александрович, умер в 1865 г., и наследником стал второй сын — вел. кн. Александр Александрович.) Никаких данных о том, что Пашино был в 1866 г. на службе у Владимира Александровича, нет.

[11] Романовский Дмитрий Ильич (1825—1881) — генерал-лейтенант Генерального штаба; служил на Кавказе, участник Крымской войны; в 1866 г. сменил М.Г.Черняева на посту губернатора и командующего войсками Туркестанской области. Пашино состоял при нем как специалист по Востоку и переводчик.

[12] В ноябре 1865 г. в Ташкент прибыло двое из четырех человек, посланных магараджей Кашмира Рамбир Сингхом в Россию — Абдуррахман-хан ибн сеид Рамазан-хан и Сарафраз-хан ибн Искандер-хан, фигурирующие в этой записи беседы с Пашино как Абдул Рахман Хан и Сарафраз Хан. Пашино действительно в 1866 г. общался с ними в Ташкенте. Двое других, в том числе упоминаемый в данном документе ниже Голам Русул Хан, считались убитыми во время нападения на посланцев магараджи еще на территории Индии. См. док. № 49.

[13] Данных о том, что Пашино П.И. был направлен в 1869 г. в Ташкент именно с таким поручением, не найдено.

[14] Джоала Сахай — полномочный визир магараджи Джамму и Кашмира Рамбир Сингха. Лачман Дас — сын Джоала Сахая.

[15] Кальян Сингх — неустановленное лицо.

[16] Александров — неустановленное лицо. В своей книге о путешествиях в Индию Пашино писал, что Александров был чиновником военного министерства, служившим в Туркестанском крае, а затем эмигрировавшим из России (см.: *Пашино П.И.* Вокруг света. Т. I. По Индии. Путевые впечатления. СПб., 1885).

[17] Вероятно, речь идет о Костенко Льве Феофиловиче (1841–1891), известном военном географе, ставшем впоследствии генерал-майором. С 1867 по 1885 г. он служил в Туркестане и Семиречье, удачно выполняя некоторые дипломатические миссии. В 1872 г. исследовал Музартский проход, в 1873 г. участвовал в Хивинском походе, в 1887 г. был назначен заведовать азиатской частью Главного штаба. Автор ряда работ по военной географии Туркестана и книг «Путешествие в Бухару в 1870 г.». СПб., 1871, «Путешествие по Алжиру и Тунису». СПб., 1875.

[18] Невозможно определить, кто сформулировал эти три плана завоевания Индии, П.И.Пашино или автор записи Т.Г.Торнтон, но они не соответствуют действительности. На самом деле в октябре 1864 г. министр иностранных дел А.М.Горчаков и военный министр Д.А.Милютин представили Александру II доклад, утвержденный впоследствии царем, в котором говорилось: «Дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии несогласно с интересами России и ведет только к ослаблению и раздроблению ее сил. Нам необходимо установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа» (АВПРИ, Фонд Отчеты МИД. 1864 г., л. 200). В 1872 г. в Петербурге состоялось еще одно специальное совещание по среднеазиатскому вопросу с докладом генерал-губернатора Туркестана Кауфмана. На нем было решено нормализовать отношения с Бухарой. Никаких планов похода на Индию на совещании не обсуждалось.

[19] Имеется, вероятно, в виду генерал Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1884), отличившийся в военных действиях русских войск на Кавказе и Крымской войне. Будучи противником реформ 1860–70-х годов военного министра Д.А.Милютина, ушел в 1864 г. в отставку. Активно проводил идеи панславизма. В 1876–1878 гг. добровольно участвовал в войне с Турцией на стороне Сербии и Черногории. Автор работы по истории кавказских войн, книг — «Русское общество в настоящем и будущем», «Письма о современном состоянии России». Пашино прав, говоря, что Р.А.Фадеев был в это время в опале, но к военным планам в отношении Индии он никакого касательства не имел.

[20] Абдул Рахман Хан — здесь имеется в виду Абдуррахман-хан (1844–1901) — внук эмира Афганистана Дост-Мухаммед-хана. Он был правителем Южного Туркестана. Потерпев поражение в борьбе за власть в стране со своим дядей Шер Али после смерти в 1863 г. Дост-Мухаммед-хана, он в 1869 г. бежал в Бухарское ханство, а затем в Русский Туркестан, где провел 10 лет. В 1880 г., воспользовавшись сложной для англичан обстановкой, сложившейся в Афганистане в результате 2-й англо-афганской войны 1878–1880 гг., смерти в 1879 г. Шир Али-хана и начавшейся смуты, Абдуррахман-хан, получив разрешение русского правительства, вернулся на родину, где он без особых трудностей вернул себе Южный Туркестан, а затем был признан эмиром Афганистана.

[21] Мир Джехандер Шах — неустановленное лицо.

[22] Индиа офис — аппарат при министре по делам Индии в правительстве Великобритании.

[23] Роберт Мичелл — чиновник секретаря политического и секретного департамента министерства по делам Индии.

[24] Императорское русское географическое общество (ИРГО) было основано в 1845 г. в Петербурге. Его цель — сбор, обработка и распространение географических, этнографических и статистических сведений в России и о России. ИРГО имело 4 отделения: 1) географии математической; 2) географии физической; 3) этнографии; 4) статистики. С 1850 г. стали образовываться отделы общества в различных частях России (на Кавказе, в Сибири и др.). В 1865 г. у ИРГО появилось свое издание — «Известия», а позднее «Ежегодник ИРГО» и «Записки». При обществе издавались журналы («Метеорологический вестник», «Живая старина»), географические карты. Финансовые средства ИРГО складывались из поступлений из государственной казны, членских взносов, доходов от продажи изданий и пожертвований. Руководящий штат его состоял из председателя, вице-председателя и помощника председателя. После 1917 г. общество продолжило свою работу под эгидой Академии наук под названием «Географическое общество».

[25] Дэвис Роберт Генри (1824–1902) — чиновник английской администрации, служивший в Индии с 1844 по 1902 г.; с января 1871 по апрель 1877 г. был губернатором Пенджаба.

[26] «Русский мир» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в С.-Петербурге с 1871 по 1880 г. В 1880 г. соединилась с «Биржевым вестником» и с ноября 1880 г. выходила под названием «Биржевые ведомости».

[27] Эйчисон Чарльз Амферстон (1832–1896) — чиновник английской администрации в Индии с 1856 г. С 1868 по 1878 г. был министром иностранных дел правительства Индии, в 1878–1880 гг. — верховный комиссар Британской Бирмы.

[28] Лорд Аугуст Лофтус (Аугуст Вильям Фредерик Спенсер) (1817–189?) с 1872 по 1878 г. был послом Великобритании в России.

[29] Солсбери Роберт А. (1830–1903) — маркиз, английский государственный деятель, в 1885–1902 гг. несколько раз занимал пост премьер-министра, министра иностранных дел; лидер консерваторов.

[30] Хлудов Егор Алексеевич — представитель семьи богатейших московских купцов Хлудовых, один из четырех сыновей А.И.Хлудова.

[31] Хлудов Алексей Иванович (1818—1882) — известный московский купец и коллекционер древнерусских книг и рукописей. В 60-е годы, будучи председателем московских отделений Коммерческого и Мануфактурного советов, А.И.Хлудов сыграл значительную роль в налаживании торговли России со Средней Азией.

В январе 1876 г. А.И.Хлудов отправил своего сына Егора в сопровождении П.И.Пашино в кругосветное путешествие, главной целью которого было посещение Всемирной выставки в Филадельфии. В феврале—марте 1876 г. они были в Индии.

[32] Знакомство П.И.Пашино с Хлудовым могло состояться в 1866 г. в Туркестане, где в то время служил Пашино. Торговый дом «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья» был в числе 14 крупных купеческих домов, создавших в январе 1866 г., по инициативе правительства, московско-ташкентское торговое товарищество для налаживания торговли с Туркестаном. Торговой и предпринимательской деятельностью в Средней Азии занялись сыновья А.И.Хлудова — Иван (внезапно умерший в 1868 г. в Самарканде) и Михаил. В 1866 г. Хлудовы удачно торговали в Бухарии, пытались развести в Туркестане американские сорта хлопчатника, в 1868 г. отправили два торговых каравана в Кашгар (с одним из них ходил Михаил), построили первый европейского типа кожевенный завод на р. Салар.

[33] Автор имеет в виду лингам — в индуизме символ божественной производящей силы, мужского детородного органа. Поклонение лингаму — проявление фаллического культа в этой религии.

[34] В индуистской мифологии божественной является обезьяна Хануман, сын бога ветра Ваю и обезьяны Анджаны. Хануман — один из главных героев индийского эпоса «Рамаяна».

[35] Шеллак (голл.) — воскоподобное вещество, выделяемое некоторыми тропическими насекомыми; применяется главным образом для приготовления спиртовых лаков и политур.

[36] Деккер — неустановленное лицо.

[37] Е.А.Хлудов и П.И.Пашино, прибыв в Рангун, отправились 12 марта в Мандалай, где 27 марта добились аудиенции у бирманского короля Миндона, а 21 апреля покинули Бирму.

[38] Оля — сестра Е.А.Хлудова.

[39] Миша — Михаил Алексеевич Хлудов, брат Егора Хлудова, был с торговым караваном в Кашгаре в апреле—августе 1868 г., был принят там Якуб-ханом, правителем Кашгара.

[40] Леня — неустановленное лицо.

[41] Коротков — неустановленное лицо.

[42] Ф.Хенвей — помощник секретаря департамента иностранных дел правительства Индии, дополнительных сведений нет.

[43] Полковник Х.Дункан — английский резидент в Бирме, дополнительных сведений нет.

[44] См. примеч. 9.

[45] Речь идет о Миндоне (Мингдуне) — правителе (с 1853 по 1878 г.) королевства Ава в Верхней Бирме, сохранявшего свою независимость до 1886 г., когда оно было аннексировано Англией.

[46] Лайелл Альфред Кемин (1835—1911) — служил в Индии с 1855 г.; крупный чиновник англо-индийской администрации; в 1878—1882 гг. — секретарь по иностранным делам правительства Индии.

[47] К.Гонне — политический секретарь вице-короля Индии в Бомбее, дополнительных данных нет.

[48] «Голос» — политическая и литературная ежедневная газета, умеренно либерального направления, издававшаяся в С.-Петербурге с 1863 по 1884 г. А.А.Краевским.

[49] Из материалов Индийского архива, не вошедших в данную публикацию, выясняется, что Пауль Чойка — поляк, покинувший родину из-за участия в восстании в Польше в 1863 г. и изъявивший готовность сотрудничать с английскими властями в Индии.

[50] Соутер Фрэнк (18..—1888) — сын английского капитана, попавшего в плен к афганцам во время 1-й англо-афганской войны 1838—1842 гг., служил в Индии с 1854 г., с 1864 по 1888 г. был комиссаром полиции в Бомбее.

[51] Лайард А.Г. — посол Великобритании в Константинополе в 1879 г. Дополнительных сведений не обнаружено.

[52] Литтон Эдуард Роберт (1831—1891), граф, английский государственный деятель и поэт. В 1876—1880 гг. был вице-королем Индии.

№ 73—78

8 апреля 1874 г.—1886 г. — Документы о поездках профессора Санкт-Петербургского университета И.П.Минаева[1] в Индию

№ 73

8 апреля 1874 г. —Донесение командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта К.П.Кауфмана о командировке профессора И.П.Минаева в Индию

Временно командующему войсками
Туркестанского военного округа[2].

Командируемый с ученой целью в Индию экстраординарный профессор С.-Петербургского университета Минаев намерен в весьма скором времени отправиться туда чрез Ташкент, Бухару, Балк, Кабул и Пешауер[3].

Пользуясь сим случаем, я предполагаю послать с профессором Минаевым, для производства съемки до Пешауера, находящегося ныне по делам службы в С.Петербурге классного топографа Военно-топографического отдела штаба вверенного мне округа коллежского секретаря Рыжикова[4], с тем, чтобы он из Пешауера возвратился тою же дорогой в г.Ташкент, — на что и испрашиваю уже разрешение военного министра.

Ввиду сего, я покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать приискать одного расторопного джигита, понимающего русский язык, который при предстоящей поездке классного топографа Рыжикова должен будет состоять в непосредственном его распоряжении и возвратиться с ним в Ташкент из Пешауера.

Командующий войсками генерал-адъютант фон Кауфман
Начальник штаба свиты Его Величества
Генерал-майор Троцкий[5].

РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 86, л. 1—1 об. Подлинник.

№ 74

Не ранее 1880 г. — Записка о том, какие сведения об Индии было бы желательно иметь военному ведомству в связи с поездкой в эту страну профессора И.П.Минаева

1. Во время посещения Кабула генерал-майором Столетовым[6] покойный Шир-Али хан[7] утверждал, что индустанские раджи и владетельные фамилии доведены до крайнего раздражения против англичан и что в случае движения русских войск через Афганистан население западной части Индии восстанет против существующего правительства. Прибывший же летом текущего года в Самарканд

посол от сейков[8] утверждал, что в случае, если русские, которых будто ждут в Индии, появятся у восточных границ Афганистана, сейки выставят более 200 000 вооруженных людей против англичан. Было бы важно знать действительное настроение населения западной полосы Ост-Индии и проверить как отношение его к Англии, так и представление его о России.

2. На северо-востоке Индии слышатся постоянно жалобы буддистов. Желательно было бы выяснить отношение их к английскому владычеству, их силу и организацию, а равно и значение настоящих усложнений на с[еверо]-в[остоке] полуострова со стороны Бирмы и Ассама[9].

3. В Индии считается до 460 туземных государей, имеющих владения и подчиненных англичанам. Некоторые из них не более как мелкие феодальные владетели, почти лишенные политической власти; очень многие состоят в положении полунезависимых государей; некоторые подчиняются английскому правительству лишь во внешних делах, но есть и такие, которые находятся в состоянии номинального подчинения — в сущности же совершенно независимые. Все эти лица владеют в совокупности населением в 55 000 000 душ, получают в год до 150 000 000 р. дохода и содержат армию в 314 598 человек. Отношение этих государств к Ост-индскому правительству во многом определяется личными качествами их государей. В высшей степени было бы полезно получить характеристику туземных владетелей и определить, кто по личным своим качествам, уму и характеру способен играть выдающуюся политическую роль и наиболее влияет на настроение туземного населения. Наибольший интерес для нас представляют сейкские государи и некоторые государи Центральной Индии, между ними в особенности было бы важно оценить 1) Гвалиорского магараджу Скиндия[10], имеющего небольшую, но отлично организованную армию (8 470 челов[ек] при 40 орудиях), и не явившегося в прошлом году на известное собрание в Лагор, и 2) Голькара Индорского[11], имеющего армию в 28 000 челов[ек] при 24 орудиях.

4. Желательно было бы знать, как думают сами англичане и туземцы, начиная с Ост-индского правительства, английской армии и более серьезных ее представителей, о степени возможности выполнить известный план генерала Роулинсона[12] о завоевании Афганистана, включительно с Гератом и Балхом..

Надпись на 1-м листе документа: «По случаю командирования проф[ессора] С[анкт]-П[етербургского] универ[ситета] Д[ействительного] с[татского] с[оветника] Минаева в Индию полагалось бы соответствующе, не обременяя его военными специальными или техническими вопросами, предложить ему со стор[оны] воен[ного] Мин-ства вникнуть прежде всего в общее военно-политическое положение страны и разъяснить след[ующие] обстоятельства».

РГВИА, ф. ВУА, д. 6924, л. 6—7 об. Подлинник.

№ 75

25 декабря 1879 г. — Письмо посла Великобритании в Петербурге лорда Дафферина[13] министру иностранных дел Великобритании маркизу Солсбери

Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что профессор Миниаен (так в тексте. — *Сост.*), по сообщению газеты «Русский инвалид», отправился во второе путешествие по Индии для дальнейшего исследования буддийских идолов.

Возможно, правительству Индии будет небезынтересно узнать о намерениях профессора Миниаена, поскольку он, помимо того, что является ученым-исследователем, также связан с Азиатским департаментом императорского министерства иностранных дел.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, 1880, March, № 233. Перевод с англ. составителя.

№ 76

30 марта 1880 г. — Письмо Дж.Наджента[14] майору Ф.Д.Хендерсону[15] о пребывании профессора Минаева в Бомбейском президентстве и княжестве Хайдерабад

Как Вам несомненно известно, некий русский господин профессор Минаев, побывав в Бомбее, потом направился в Хайдерабад (Деккан) и, постранствовав по Аджанте[16], Насику[17] и другим местам, отправился, как полагают, далее в Аурангабад. За последний месяц о нем ничего не было известно.

Без сомнения, профессор Минаев является ученым и археологом. Тем не менее он, как представляется, преследует кроме научных и другие цели. Мистер Берджес[18] доносил в прошлом месяце из Аджанты Акводу[19], который переслал его письмо Найлору[20], что мистер Минаев прожил в Хайдерабаде некоторое время, хотя это место вряд ли может привлечь ученого, интересы которого заключаются только в изучении индуизма и санскрита. Берджес пишет, что в Аджанте «крестьяне были взволнованы величием ожидаемого посетителя». В Насике он посетил пару вакилей, приверженцев «реформированной партии»[21]. Он расспрашивал их о положении народа, о бремени налогов и об отношении туземцев к нашему раджу, отметив, что «поскольку в Индии исповедуется более одной религии, народ не может быть един и иметь один радж». Он также добавил (что является непреложным фактом), что Россия очень далеко и (что не является неоспоримым фактом) что «народ в России счастлив и трудолюбив».

Сэр Р.Темпл[22] вовсе не считает профессора опасным человеком и не верит в возможность предполагаемых «шпионов» причинить нам реальный ущерб.

Тем не менее Вы, возможно, сочтете целесообразным следить за передвижениями профессора, поскольку сейчас он покинул данное президентство, а также сочтете необходимым узнать, что он делал в Хайдерабаде.

National Archives of India, Foreign Department, Secret, 1880, May, № 1 (Professor Miniajeff), p. 1. Перевод с англ. составителя.

№ 77

20 июля 1880 г. — Записка профессора С.-Петербургского университета действительного статского советника И.П.Минаева о своей второй поездке в Индию

В настоящем году [1880], в продолжение пяти месяцев мне довелось объехать часть западной Индии. Высадившись в Бомбее, я отправился затем в страну махратов, посетил независимые владения низама, Индора, Ратлама, Гвалиора,

был в Ражпутане, С[еверо]-З[ападных] провинциях, Пенджабе и закончил свое путешествие Гузератом и Беродой.

В настоящую поездку мне приходилось сталкиваться и беседовать с людьми различного общественного положения, различных каст и неодинакового образования. В независимых владениях я имел случай представляться многим владетельным князьям, беседовать с их диванами; в числе своих знакомых я мог бы назвать несколько выдающихся туземных ученых и политических писателей. Упоминаю обо всем этом для того, чтобы определить, на основании какого материала сделаны мои выводы.

Большинство моих наблюдений относятся ко времени, непосредственно предшествующему последней смене министерства. Я выехал из Индии до приезда туда нового вице-короля маркиза Рипона.

Беседы, личные наблюдения, чтение туземных газет привели меня к следующему общему заключению о современном состоянии Индии.

Уже в начале пребывания в Бомбее, после первых встреч с прежними знакомыми, меня поразило настоящее настроение умов в туземном интеллигентном обществе; высказываемые мнения и опасения, осуждение внешней политики правительства, ропот на его подозрительность, все это вместе взятое указывало на какое-то тревожное состояние общества. Меня удивляло в эту мою поездку, с каким живым интересом всюду в Индии туземцы следят за различными вопросами и событиями дня: об афганских затруднениях[23], об отношениях Англии к Турции и России[24], о внутренней индийской политике толковалось даже в таких кружках, которые еще пять лет тому назад исключительно занимались отвлеченными, философскими и религиозными вопросами.

При обсуждении политических вопросов чаще всего приходилось замечать или сильное раздражение против верховной власти, или недоверие к ней. Я не видел ни одного туземца, который не относился бы враждебно к министерству Биконсфильда[25]. Все индийцы, с которыми мне приходилось говорить, прошедшие через английские школы и воспитавшиеся в них, осуждали действия ныне павшего министерства[26].

Бесцельность афганской войны и весь вред этого предприятия для Индии доказывали мне туземцы в Бомбее; в Бароде то же самое утверждал сэр Мадхава Рао[27]; не иначе смотрели на войну в Хайдерабаде приближенные Низама[28] и его диван сэр Салар Жанг[29], а в Ратламе даже британский резидент Мир Шахамат Али, весьма просвещенный мусульманин, знающий близко Афганистан, так как он бывал там несколько раз с различными поручениями от своего правительства.

Большинство англичан в Индии было безусловно на стороне консервативного министерства; его падение было встречено в Индии, в образованной среде туземцев восторженными ликованиями, в английском обществе тот же факт поразил всех неожиданностью и далеко не считался событием радостным.

Воззрения туземцев на павшее министерство отличались удивительным единодушием. Империализм Биконсфильда, по толкованию индийцев, для них отождествлялся с 1) тяжелыми налогами, 2) ретроградным законодательством; то и другое понимается ими как следствия тревожной иностранной политики. Афганская война, на которую затрачены были деньги голодного фонда[30], всеми туземцами, без различия вероисповедания, почитается не только бесцельною и вредною для Индии, но и за самую несправедливую из всех войн настоящего времени. Они смеются над экспедицией в Мальту[31], ибо видели своими глазами, как недовольны были сипаи, отправлявшиеся в Европу, и как один бенгальский полк вернули даже назад с дороги в Бомбей. И какой результат, спрашивают туземцы, имело это абсурдное хвастовство? Никто никогда не сомневался в бес-

полезности этих войск для европейской войны. На вашу демонстрацию театральную, бесцельную и смешную, Россия, замечают с злорадством индийцы, ответила посольством в Афганистан[32]. Она знала, где самое чувствительное место вашей Империи. Вы затеяли безумно рискованное дело, и теперь ваши вербовщики уже не находят более в Индии солдат для афганской войны. Вы принуждены были увеличить премию, а солдат, готовых идти к Гиндукушу, все-таки нет!

Туземное население Индии еще в очень недавние годы, действительно, слепо верило в могущество англичан, хотя и имело весьма оригинальный и в высшей степени знаменательный взгляд на историю британцев в Индии. Господство британцев, говорят туземцы, было достигнуто не открытою силою, не завоеванием, но хитростью и ловкостью. Невежество и разобщение туземного населения способствовали укреплению британского владычества.

«Наше разобщение есть причина наших несчастий!» — так говорит туземец о своей исторической судьбе. Но как бы то ни было, индийцы ясно сознавали, что британский лев владеет Индией; они жаловались на то, что следы его когтей видны всюду, и должны были признать, что когти сильны. Тайный и глухой ропот всегда был слышен в Индии; еще распространеннее, однако ж, была безропотная покорность своей исторической доле. Терпя от голодовок и кряхтя под тяжестью всяких местных и имперских налогов и податей, рая говорит: «Такова воля сиркара (правительства)», он не мог себе представить, что сиркар должен был бы отнестись к нему несколько иначе. «Сиркар силен», а потому все, что он требует, необходимо должно быть выполнено.

В 1857 году было какое восстание, и что же? Англичане не потеряли Индии. Потушить восстание оказалось по силам им! А теперь их чхари (экипажи, т.е. паровозы и пароходы) быстро носятся посуху и по морю! Сети железных дорог, телеграфы, пароходы, приходящие из Европы в 14 дней, все это, несомненно, должно было еще более укрепить положение англичан в Индии. Индийцу, казалось, оставалось одно — бесповоротно и вполне покориться воле сиркара.

Внешние события мало-помалу поколебали эту твердую веру индийца в могущество британского сиркара.

Перемена в индийских воззрениях на британское могущество началась уже несколько лет тому назад; афганские и турецкие дела способствовали во многом тому, что в умах индийцев сложилось полное недоверие к британской силе.

Затем подозрительность и чрезвычайные меры последних лет в правление лорда Литтона сильно раздражили туземцев. В мерах против туземной печати, а еще более в законодательстве об оружии, т.е. Arms' Act[33], распространенном на всю Британскую Индию, туземец усмотрел признаки слабости сиркара, а уничтожение ввозной пошлины на хлопчатобумажные произведения и Licence tax[34] убедили его в вопиющей несправедливости британского правительства.

«Пошлина, — говорит индиец, — для нас нисколько не тягостная и даже обогащавшая туземных производителей, уничтожается на пользу и процветание Ланкашейра; в законе является новый налог, всею своею тяжестью падающий на бедняка: его платят деревенский брадобрей и даже то жалкое существо, которое у европейцев известно под именем баядерки».

Уже в 1873 г., в то время, когда лорд Нортебрук[35] отклонил требования Шир-Али[36], напуганного самими же англичанами, и о чем тогда же толковалось на всех базарах Индии, туземцы заподозрили англичан как в трусости, так и в слабости. В Индии знали, что отвечал вице-король афганскому посланцу, и очень хорошо помнили, что писалось в различных английских журналах об Афганистане и России. Туземцам (образованным вполне, другим по извлечениям) были хорошо известны мнения и Раулинсона, и многих других высокопоставлен-

ных писателей о среднеазиатском вопросе, а также писания венгерского жида Бамбери[37] и даже политические убеждения лорда Пальмерстона; многочисленные британские чиновники в частных сношениях с туземцами постоянно враждебно отзывались о России, и в то же время вице-король отсылает ни с чем афганского посланца, уверяя его, что между Россией и Англией дружба и согласие.

Такое противоречие между словом и делом давало повод туземцам делать заключение, совершенно неожиданное и не совсем выгодное для англичан. Они думали, что все дело вполне объясняется трусостью англичан, с одной стороны, и превосходною силой России, с другой.

Затем в 1877 г. загорелась восточная война[38]. Нельзя отрицать, что в мусульманском населении Индии существовало сочувствие к туркам, но в то же время рядом с этим заметно было сильнейшее раздражение против англичан. Вся пресса того времени наполнена враждебными выходками против англичан. Их положение весьма часто сравнивается с положением лисицы перед виноградом. О них говорится, что роскошь изнежила их и сделала совершенно неспособными к войне; при этом высказывается уверенность в неминуемости русского нашествия на Индию, и русским предрекается успех.

Когда генерал Столетов появился в Кабуле и был там блестящим образом принят, у всех индийцев было еще свежо в памяти, как года за три перед тем эмир не дозволил сэру Д.Форсайту[39] переступить через афганскую границу.

С этого времени начинаются для англичан афганские затруднения. Туземцы, как мусульмане, так и индусы, убеждены, что англичане навсегда проиграли афганское дело; у многих из них появилось ожидание, что в ближайшем будущем наступит очередь разрешению великого индийского вопроса.

Англичане уже давно и много толкуют о русских происках в Индии, о грядущем русском походе на Индию; в былое время они в таких ужасных красках рисовали мощь русского колосса...* и индийцы поверили им. В пришествие русских верует индиец; об этом толкует махрат в Декане и куки в Пенджабе; хотя в Пенджабе население спокойно более, нежели где-либо в Индии.

Перемена в воззрениях туземцев на силу англичан в последнее время стала проявляться в целом ряде мелких восстаний. В Махратской стране появился некто Бхальвант Пхадки[40], задумавший низвергнуть Британскую империю; в Мадрасском президентстве, в Румпе[41], на севере в горах Нага до сих пор не вполне прекращены местные беспорядки. Не следует, конечно, преувеличивать политического значения этих местных возмущений, и англичанам без сомнения не составит никакого труда, даже при современных афганских замешательствах, переловить разбойничьи шайки, и тем не менее важно иметь в виду то сочувствие, которое возбуждают к себе разбойники как в сельском населении, так и в других классах. В Румпе сельское население, несмотря на строгие распоряжения правительства, или само укрывает разбойников от преследования полиции, или помогает им безнаказанно избегать заслуженной кары. Эти действия сельского населения легко объясняются: действительно, отчасти оно боится разбойничьих шаек, но еще более рая симпатизирует им. Чандрия[42] восстал против налогов сиркара, а налоги на соль, на производство тодди (крепкий напиток из кокосов) ненавистны в равной степени как атаману разбойничьей шайки, так и мирному сельскому населению.

Гораздо серьезнее были махратские беспорядки[43], благодаря энергическим мерам и расторопности английской полиции, а также неумелости и непрактич-

---

* Отточие в подлиннике.

ности главного вождя, они кончились ничем. Значительную часть шайки переловили, Пхадки осужден и сослан в Аден.

Бхальвант Пхадки был революционер и патриот; он мечтал о низвержении британского владычества, и факт общего сочувствия, с которым к нему относилось сельское население, констатирован самими англичанами. Хотя полиция после некоторых усилий переловила большинство разбойников и захватила самого вождя, но сделалось все это без всякого содействия местного населения, и даже помимо его воли. Сельское население около Пуны, так же, как в Румпе, или пассивно смотрело на поиски полиции, или же тайно укрывало разбойников от ее преследования.

Из владений Низама, где столько всякого рода беспокойных элементов и где Arm's Act 78 г.[44] не мог быть введен, к бунтовщикам постоянно прибывали новые подкрепления. Восстание могло разрастись до весьма значительных размеров; вовремя начатое преследование и удачная поимка самого Пхадки положили конец беспорядкам. Его судили в Пуне. Массы туземцев стекались в суд посмотреть на патриота. По объявлении обвинительного вердикта ему сделана была овация. На базарах появились в продаже его портреты и автобиография. Даже в среде интеллигентных махратов, между университетскою молодежью в принципе его дело не осуждалось. Его называли и безумцем, и неумелым, затею осуждали как преждевременую, но в то же время не отрицали, что существует много причин к возмущению против иноземных правителей, и мотивы Пхадки почитались всеми высокоблагородными. Это сочувствие безумцу как у раи, так и у образованного индийца не трудно понять.

Рая, кроме разных местных и имперских налогов, уплачивают правительству с своего малого ежегодного дохода от 3 до $3^1/_2$% в виде одного соляного налога. Он забит и труслив, но сильно недоволен. Обещания махратского революционера были так соблазнительны: удаление иноземного сиркара с его многими налогами, и рая или шел за Бхальвант Пхадки, или втайне сильно сочувствовал ему. Но тому же Пхадки сочувствовали люди иного образования и другого общественного положения. В автобиографии Пхадки бессвязно и в наивной форме высказаны те же самые жалобы, которые часто приходится слушать от образованных туземцев, даже допускающих необходимость в настоящее время иноземного владычества в Индии.

Эти люди не революционеры и очень умеренных воззрений, но и они признают, однако ж, что британское владычество имело нехорошее влияние как на материальное, так и на умственное состояние Индии. Другими словами, не так резко и более разумно они говорят те же горькие истины, что и Пхадки в своей автобиографии. Индия, утверждают они, оскудевает и материально, и духовно. Ее богатства истощаются ежегодным переводом местных денег в Англию. Ее сыны извращаются недостаточным и ложным воспитанием.

С каждым годом все более и более растет сумма жалований и пенсий, выплачиваемых британским чиновникам, и все эти деньги, равно как и проценты на английские капиталы, затраченные на постройку железных дорог и другие предприятия, уходят в Англию.

«Наша отчизна, — говорят индийцы, — есть единственная страна в мире, платящая так дорого за свою иноземную администрацию; все набранное здесь иноземцами переводится в Англию. Безумно расточительны были наши туземные правители, но во дни их владычества наши деньги не уходили из нашей страны. При настоящих же порядках Индия с каждым годом беднеет». Цифры ввоза и вывоза не обольщают туземцев; они хорошо знают, что торговля может процве-

тать даже в годы, наиболее тяжелые для туземного населения, нимало не обогащая его.

Англия, по мнению тех же туземцев, нанесла еще один тяжелый удар их материальному благосостоянию. «Для нас, туземцев, — жалуются они, — в нашей родной стране не существует карьеры ни на военном поприще, ни в гражданской службе».

Английское воспитание, скорбит современный индиец, убило оригинальность и творчество индийского народного гения; начиная с литературы и искусств и кончая ремеслами, на всех поприщах современные индийцы являются слабее и далеко ниже своих предков. Странно было бы ожидать от правителей иноземных, что они станут давать туземцам такое воспитание, в котором те нуждаются. Англия — страна по преимуществу торговая, не в ее интересах распространять между индийцами те знания, наполовину от которых зависит материальное преуспевание страны. Ради собственной пользы пришельцы, не любимые в стране, не желают давать туземцам военного образования. Англичане преследовали одну главную цель; они добивались от школ одного результата и получили его: туземцы, прошедшие через английские школы, стали лучшими рабами, вечными покорными слугами и плохими подражателями своих господ. Для туземца существует в настоящее время одна только самостоятельная деятельность: правители не помешают ему сделаться основателем новой секты, не воспретят стать во главе какого-либо нового религиозного движения. Другие поприща для него закрыты.

Англичане между образованными туземцами ищут себе всякого рода подручных чинов, писцов, кондукторов и т.д. Они говорят: «Туземец — вечное дитя; как его ни воспитывай, чему ни учи, должности, требующей личной инициативы, он не может занять. Еще недавно сэр Ричард Темпл публично в Бароде, перед сонмом первейших государственных мужей из туземцев, утверждал, что лучший из них не может сравниться с посредственным британским администратором».

Эта часть индийского общества, так мрачно смотрящая на свое современное положение, добивается его улучшения путем легальным. Победа либералов возбудила в нем великие надежды, из которых многие, конечно, окажутся несбыточными. Уже во время моего пребывания в Индии там составилось несколько петиций к парламенту, ходатайствующих о назначении особой парламентской комиссии для рассмотрения индийских нужд. Факт подачи петиций в парламент беспримерен в истории Индии. Подавались петиции в парламент и прежде, но в былые годы все они касались исключительно личных дел. Теперь мы видим, в Пуне, Бомбее, Калькутте составляются петиции по поводу общественных дел, общеиндийских интересов. В прежние годы бенгалец не симпатизировал ни бомбейцу, ни мадрасцу. Они взаимно не понимали друг друга. Отношения народностей, по крайней мере в одной части общества, начинают изменяться: у индийской интеллигенции явились общие интересы и как следствие этого взаимное понимание.

Но в Индии есть недовольные, непримиримые; это те, кто с пришествием англичан утратил общественное положение и значение, лишился богатства. Для Махратских брахманов, ныне рассеянных по всей Индии при дворах различных индусских раджей, и мусульманской аристократии компромиссов не существует. Их недовольство особенного характера и есть следствие причин, неустранимых до тех пор, пока англичане владеют Индией.

Все, что было сказано о настроении туземного населения в Британской Индии, может быть приложено также к населению независимых владений, зовет к причинам, производящим раздражение против англичан, присоединяются еще

новые, специально местные. Таковые причины существуют в Гвалиоре, в Чамбе, Кашмире, Низаме[45]. Низам требует назад Берар[46], Гвалиор — свою крепость[47], Кашмир не хочет продавать своей страны[48] и т.д. Все местное население тяготится вмешательством в дела Британского резидента. Даже во владениях Низама ничто не делается без ведома и санкции резидента. В Хайдерабаде мне говорил один местный аристократ: «У нас резидент всесилен. Если он пожелает, то завтра же его ratru (ведро в купальне) будет заведывать целою провинцией!» Правители и подданные в одинаковой степени опасаются за свою грядущую судьбу; их страшит возможность утраты независимости, враждебно и критически как те, так и другие относятся к новейшей воспитательной системе, придуманной англичанами для юного поколения владетельных князей Индии.

В Индии в настоящее время существуют два учебных заведения, специально назначенные для воспитания молодых владетельных князей и юношей высшей аристократии. Одно такое заведение находится в Ражкот, в Гузерате, другое в Индоре. Последнее я видел.

Как в том, так и в другом, по-видимому, учебное дело не процветает, в Индоре откровенно сознавался мне в этом сам Principal[49], сваливая, конечно, всю вину на среду, в которой находились его питомцы до поступления в Раж-кумар-колледж (т.е. коллегия принцев). В его словах, без сомнения, есть доля правды. У каждого ражи и юного аристократа есть зенана, и конечно, старые и юные обитательницы зенан, матери и жены, не могут внушить юноше любови к наукам или разбудить в нем стремление к самообразованию. Такая задача выпадает на долю английских тюторов* и резидентов, состоящих при каждом раже, и если ража не хочет учиться, в этом виноват резидент, по крайней мере столько же, сколько и дамы зенаны.

Мне приходилось много видеть и даже живать у резидентов при дворах независимых владетелей; эти заправители царственного образования по большей части — люди хорошо (на английский образец) светски воспитанные, кое-чему учившиеся, но крайне равнодушные к литературе и всяким наукам, величественно презиравшие все индийское: народ, верования и обычаи, весь склад жизни. Под попечительством таковых руководителей, по большей части военной профессии, растет юный владетельный князь. В 18 лет он еле-еле знает кое-что; иной наивно убежден, что Константинополь — столица России. Такой образец географических познаний выказал при мне, к великому ужасу британского резидента, один юный принц-мусульманин в Хайдерабаде.

Постоянные иронизирования резидента насчет индийских постов, молитв, празднеств, обычаев и поверий страны вконец разрушают религиозные убеждения юноши; от суеверия он перескакивает к безобразному неверию, к какому-то глупому желанию открыто высказывать неуважение к верованиям своей страны. В Альваре брахманы с ужасом шепотом сообщают: «Наш раджа пьет Brandy and Soda**, зная, какое впечатление эта привычка производит на его подданных, устраивает в своем дворце бадмингтон, созывает англичан, поит их коньяком и винами, и хотя плохо говорит по-английски, но громко и твердо угощает: Come, major, one more peg***». И все это в присутствии брахманов. Те стыдливо опускают глаза. На них царские угощения коньяком производят подавляющее впечатление. Они смущаются так же точно, как бы смутился наш верующий постник от соблазнительной пьески.

---

* От tutor (*англ.*) — домашний учитель, репетитор.

** Коньяк с содовой водой (*примеч. автора*).

*** Иди, майор, выпей еще (*примеч. автора*).

Английская политика в деле царственного воспитания преследует очень выгодную для британского могущества цель. Не в британских интересах воспитывать в Индии молодое поколение правителей, сильных духом, разумных и образованных; англичанам нужны преданные и покорные слуги; политика присоединения и захватов не удалась; всеми признано, что она опасна; но к той же цели может привести и иной путь; воспитывая бесхарактерных и ничтожных правителей, можно исподволь уничтожить всякую тень самостоятельности в независимых владениях. Для таковой задачи не нужны сведущие тюторы и резиденты — необходимы люди ловкие и преданные. А таких именно у англичан достаточно.

Плохо и малому учат принцев и дома, и в колледже. Главное внимание обращено на manly sport*; и, конечно, весьма нетрудно развить во всяком юноше страсть к разного вида спортам. Выиграют ли от того подданные ражи? — об этом англичане думают иначе, нежели сами подданные. Но ража, которому привиты страсть к охоте, поло, бадмингтону и т.д., плохо учившийся и ничему не выучившийся, постоянно издевающийся над обычаями и поверьями своей страны, охотно пьющий brandy and soda**, — не станет много заниматься делами своего княжества; во всем станет слушать резидента, оттолкнет от себя староверов-брахманов, среди которых повсюду в Индии гнездится крамола. Все это, бессомненно, очень выгодно англичанам. Ража, большую часть своего времени посвящающий manly sport и представляющий резиденту ведать дела своей страны, конечно, безопаснее, нежели Гвалиорский ража, окруженный толпой мятежных правоверных брахманов, до сих пор мечтающий о том, как бы вернуть назад свою крепость, в которой так крепко засели англичане и откуда им так легко и удобно в какие-нибудь два-три раза разрушить его роскошные дворцы. Воспитанный ража, рассчитывают англичане, занят поло, охотой, он пьянствует и развратен, но смирен, не честолюбив и делом не занят. Он не станет упрямиться, подобно кашмирскому раже, и если ему предложить несколько лакхов рупи, продаст, конечно, свою страну. Его менее всего можно подозревать в интригах; но он, по словам одного англичанина в Лагоре, как какая-нибудь жена кокетка may sometimes enjoy mystery of a flirtation***; а владетели необразованные и в Ражпутане, и в Кашмире, и в Гвалиоре подозреваются именно в таких отношениях к северному великану.

Всего сказанного выше, полагаю, достаточно для того, чтобы оправдать мое мнение о теперешнем настроении индийского общества. Оно, действительно, тревожное, и положение британских властей в Индии может быть названо даже критическим. Жалобы и ропот слышны всюду. Туземцы и в разговорах, и в газетах заявляют, что «народы, подвластные России, гораздо счастливее, нежели индийское население под управлением Британии», что «русский неспособен быть высокомерным тираном, каковым англичанин является в Индии», и т.п.

Для правильной оценки современных обстоятельств необходимо, однако ж, иметь в виду множество местных условий, среди которых поставлен индийский патриот, самый решительный, энергичный и либеральный в религиозных вопросах.

Не следует забывать 1) существующего в Индии разобщения как этнографического, так и общественно-религиозного между различными кастами и сектами, как индусскими, так и мусульманскими.

---

* Спорт (*примеч. автора*).

** Коньяк с содовой водой (*примеч. автора*).

*** Позволяет втихомолку ухаживать за собой (*примеч. автора*).

2) Запрещения туземцам всей Британской Индии иметь оружие.

3) Различные степени недовольства:

а) наибольшее недовольство вследствие тяжести налогов и частых голодовок следует признать в сельском населении, особенно же южных местностях бомбейского президентства. Но сельское население, у которого отобрано оружие, в силу законодательного акта 1878 г., не имея руководителей, не поднимется само собою.

b) Класс интеллигентных индусов находится в положении выжидательном, легко пойдет на сделки и совершенно успокоится после некоторых уступок правительства.

с) Затем остаются непримиримые, т.е. Махратские и всякие другие, но не бенгальские, брахманы и мусульмане. Махратские брахманы как теперь, так и прежде считались англичанами за отъявленных мятежников. Нигде я не видел такого сильного раздражения против британской власти, как в их среде. У них свято хранятся предания времен пейшвы, блестящей эпохи брахманского владычества. Многие из них помнят Нана Сахиба[50]. В разваливающихся чертогах различных обедневших сановников Махратского двора поныне поются восторженные былины о блеске и величии пейшвы. Но махратские брахманы, как учит их история, всегда являлись лишь тайными руководителями восстания, и притом они непримиримые враги мусульман и ражпутов.

4) Во владениях независимых, как, напр., в Низаме или в Гвалиоре, где сильно раздражение как правителя, так и населения, англичане имеют значительные военные силы. Пока англичане владеют гвалиорскою крепостью, восстание там немыслимо.

Вот те важнейшие причины, которые могут замедлить наступление кризиса в Индии. Он неминуем, если, при дурном обороте афганских дел, образ действий министерства Биконсфильда будет продолжаться и при новом министерстве, и может быть замедлен и даже отсрочен на неопределенное время, если англичане признают возможность сделать хотя бы некоторые уступки той части индийского общества, которая, не любя их, признает британское владычество пока необходимым для Индии.

РГВИА, ф. ВУА, д. 6924, л. 22–27. Автограф. Опубликовано: Проблемы востоковедения. М., 1959, № 3, с. 96–105.

№ 78

1886 г. — Записка профессора Санкт-Петербургского университета статского советника И.П.Минаева о его третьей поездке в Индию

Индия, откуда мы все-таки пока еще очень далеки, «Индия богатая» наших старинных былин, о которой помышляли Московские цари и куда Петр Великий снаряжал посланцев[51], далекая и сказочная страна, где русские люди появляются изредка, куда они ничего не везут и откуда непосредственно ничего не получают, Индия, оставаясь по настоящее время малоизвестною русскому обществу, нередко возбуждает к себе как в нем, так, смею думать, и в правительственных сферах особливый интерес политического характера. Как скоро в Европе наши исторические стремления почему-либо приходят в столкновение с английскими намерениями и вожделениями, русское общество обращает свои взоры на Индию;

в минуты более или менее критические, в момент вполне законного раздражения против Великой Британии, русской удали и молодечеству представляется делом возможным и осуществимым даже поход на Индию, или же русский патриотизм возлагает надежды на военную демонстрацию в сторону Индии и уповает, что вследствие такого образа действия оттуда, из Индии, последует законное удовлетворение уязвленному народному самолюбию, всякая помеха со стороны Англии будет устранена и русские вековые задачи наконец-то разрешатся так, как того желает народный гений. Это идеальное, теоретическое воззрение на Индию явилось не вчера, а существует уже давно. Посольство генерала Столетова в Кабул и предшествующее движение войск в Туркестанском крае[52] заставляют меня думать, что последнее воззрение, по крайней мере отчасти, разделяется вместе с обществом и правительством. Несомненно, оно известно британским правящим сферам: и в эпоху борьбы с Дост-Маххомедом, и позднее, по усмирении мятежа сипаев[53], во время следствия, британские власти и судьи усиленно искали следов и признаков русских интриг и происков. Англия, зная интенсивность и причины недовольства туземного населения в Индии, необходимо должна также сознавать, что в Индии она всего легче уязвима, поэтому совершенно естественно здесь всего более она опасается враждебных действий со стороны России, точно так, как в последнее время Британия опасалась усиления Франции на восточном Индийском полуострове[54] и постаралась положить предел (по крайней мере на время) этому враждебному ее интересам усилению.

Несомненно к русской выгоде послужит, если раз будет сознано ясно, на основании каких фактов строятся наши предположения о возможности воздействия на Англию через посредство Индии. Действительно ли в данный момент эти воззрения могут иметь значение в практической деятельности, если же они не более как проявления идеального, народного сентиментальничания, а потому должны быть, по крайней мере, на время, совершенно устранены как факт и основы, непригодные для различных международных выкладок и расчетов.

Немногие русские путешественники, побывавшие в Индии, привозят оттуда рассказы о какой-то необъяснимой любви индусов к России, русским и т.д. Я сам могу подтвердить, что во все три мои путешествия по Индии я встречал много любезностей и видел много радушия, и не только от индийских пандитов и простого народа, но я не могу по чистой совести достаточно отблагодарить правителей низама и Непала за их содействия мне и вообще за их гостеприимный прием. Даже в последнее путешествие, в Калькутте, в центре агитации, несочувственной России, мне приходилось слышать: «Вы, русские, наши будущие владетели».

Известно также, что в части туземного населения живо старинное предание о том, что с севера должен явиться освободитель Индии. Оттуда, из-за высоких гор, должны прийти победоносные полчища; они сокрушат иноземную власть и освободят покоренные и угнетенные индийские племена. Предание это сложилось в Индии еще в эпоху мусульманского владычества, и в эпоху борьбы англичан с сикхами[55] народ пенджабский в русских видел освободителей и от Белого царя он чаял себе освобождения.

Но тот, кто захотел бы на основании всех этих фактов составлять себе представление о современном настроении индийского общества вообще и в частности руководящих личностей — тот пришел бы к совершенно неверным выводам.

Я был в Индии в 1879—80 гг. и застал конец правления лорда Литтона; в качестве простого путешественника я странствовал по Индии в эпоху второй афганской войны[56] и разных мероприятий, раздражавших одинаково и туземцев образованных, так называемую местную интеллигенцию, и народные массы.

Первые громко роптали на Press-Act[57], действию которого подпала туземная пресса на языках местных, вторых возмущал Arms Act. Расходы по афганской экспедиции выросли до 15 мил. ф[унтов] стерл[ингов], и расплачиваться по счету приходилось по решению руководителей имперской политики Индии. Недовольство было общее, среди всех ниггеров. Ропот на правительство слышался всюду. Всякий случайный разговор с туземцем, старовером или новообразованным[58], необходимо заканчивался рассуждениями об афганском вопросе, ядовитыми и раздраженными замечаниями по адресу правителей. Лорд Литтон пользовался общею нелюбовью среди туземного населения: туземцы не говорили о нем иначе, как с великим раздражением. Глухой ропот, пассивное недовольство слышались всюду. Недовольство было общее, но какое-то пассивное; роптали, но от слов к делу не думали переходить. Так было в туземном обществе, среди англичан, в особенности же в военных кружках, царило раздражение против России. Трудно пересказать, в чем только не винили Россию!

С тех пор прошло пять лет. Бесспорно ничтожное время в исторической жизни народа, и, конечно, индусы не изменились в эти пять лет, не перестали не любить англичан и не забыли своих чаяний лучшей поры, но в этот промежуток времени случились два знаменательных события: а) пятилетнее правление маркиза Риппона и б) расширение русских границ по направлению к Герату[59].

Следя постоянно, насколько это возможно в С.-Петербурге, за современною литературою, я был несколько удивлен тому, что во все продолжение прошлого года и в особенности во время англо-русских пререканий по вопросу об афганской границе индо-британское население и независимые владетели высказывали необычайную лойяльность по отношению к британскому правительству, даже оппозиционная туземная пресса, несмотря на полную свободу слова, настроена была весьма благоприятно для англичан. Индусы, явившиеся в Лондон для соискания парламентских мест[60], обращаясь к своим избирателям, высказывали громко свою лойяльность и поставляли также на вид ярко выступившие наружу верноподданнические чувства индийского населения. Когда потом в Индии я расспрашивал туземцев, в правдивости которых я не имею никакого основания сомневаться, об этом взрыве необычайной лойяльности среди туземного населения, все мне подтвердили самый факт: туземные владетели предлагали для борьбы с Россией свои войска, вожаки общественного мнения среди туземного общества требовали образования полков из добровольцев... (Здесь и далее многоточия автора. — *Сост.*). Весь этот люд стремился неудержимо к схватке с северным богатырем, индусы громко говорили, что готовы ополчиться на Русь... Более откровенные из туземцев не скрывали, однако ж, и изнанки всего дела, поясняя настоящие мотивы, в силу которых и низам[61], и гвалиорский ража[62] высказали столько преданности к британскому правительству. Туземные владетели, действительно, по собственному почину предлагали свои войска британскому правительству. Они были уверены, что их за это поблагодарят, но услуг от них не примут; они знали, кроме того, что в официальной Индии существует мнение о необходимости распустить войска независимых владетелей, предугадывая опасности для своих полчищ в случае вооруженного столкновения Англии с Россиею, им оставалось одно средство спасти свои войска от уничтожения — это предложить их на службу британскому правительству... Более искренно было действие вожаков общественного мнения: образованная часть с ее вожделениями политических прав, знающая Россию по английским газетам и писаниям русских нигилистов (Крапоткина, Степняка и т.д.)[63], должна была относиться недружелюбно к русскому движению на Индию. Эти вожаки и говоруны не любят и не выносят британского властительства, они боятся, однако ж, быстрой перемены и пока не

хотят ее; России они не знают; она им представляется именно такою, какою она изображается в английских русофобских книжках. Многие из них, кроме того, поняли, что настал момент, когда, выставляя на вид свою лойяльность, чуждаясь и открещиваясь от всяких симпатий к России, они могут добиться большой доверенности со стороны правительства, а вместе с тем и большего участия в администрации. Пока они не ошиблись в своих расчетах и поныне продолжают тот же образ действий: они вступили на путь лойяльной агитации в союзе с английскими радикалами и не скупятся на выходки, враждебные России. Около Жессора в половине марта настоящего года состоялся громадный митинг: говорились речи, оппозиционные по содержанию, но лойяльные по тону, постановлены были очень умеренные резолюции. На этом митинге, созванном по поводу вопроса частного и к которому Россия не имеет никакого отношения, агитаторы с усердием, достойным лучшего дела, постарались выказать свою несолидарность с Россиею и даже как будто ненависть: в процессии неслись знамена с надписью: «Погибель России»; по окончании собрания бумажное изображение медведя было изорвано в клочки. Мальчишеские выходки не только смешны; они не есть что-либо единичное в общественной жизни Индии и должны быть оценены по достоинству, как проявление целой системы действий.

Маркиз Рипон в годы своего правления не привел в исполнение, не довел до конца ни одной из задуманных им реформ. Даже знаменитый Ильбертовский билль[64] прошел в искаженном и кастрированном виде и нисколько не удовлетворил туземных вожаков: тем не менее бывший вице-король пользуется громадною популярностью среди туземного населения, и его вожаки очень хорошо понимают, в чем великая заслуга маркиза Рипона. Он дал толчок, говорят они, и последовало движение, никакими силами неудержимое... Вопреки и наперекор туземным желаниям Бирма присоединена[65]. Тзибау[66] в плену, не следует, однако же, думать, утешают себя туземцы, что этим начинается период новых захватов, отяготительных и обидных для туземного самолюбия; в тот же год правительство великодушно возвратило в руки настоящего владетеля Майсор[67], Синдиа опять владеет своею крепостью, и даже, хотя Ильбертовский билль и был кастрирован, в самой Калькутте ниггер функционирует в звании Chief Justice of the High Court*[68]. И это не заря ли новой, лучшей эпохи?! Не выгоден ли нам, рассуждают ниггеры, братья этого великого судьи, союз с либералами и радикалами? Мы победим, добьемся очень многого не внутренними волнениями, а агитацией в самой Англии; а для этого же нам необходим союз, конечно не с Россией, а с английскими радикалами.

И союз между ниггерами Индии и радикалами Великой Британии состоялся. По всем вопросам, в которых заинтересованы туземные прогрессисты в Индии, они получают внушения и указания из Лондона. Оттуда идет слово, разносимое засим по всей Индии. Радикалы растолковали туземцам, чего им нужно было ждать от новых выборов; они же им пояснили, почему военный бюджет так тяжел для Индии, где корень зла... Британский радикал остается англичанином и никогда не делается космополитом.

Самым ярким проявлением этого союза индийских прогрессистов с английскими радикалами был собор в Бомбее, в декабре прошлого года. Я был на этом конклаве и слышал большинство речей; в них проектировались самые смелые реформы; и все эти люди, съехавшиеся со всех концов Индии: из Лахора, Лакнау, Агры, Аллахабада, из Мадраса, Синда, Бенареса, индусы всех толков и мусульмане, — называли себя Loyal and Consistent Well-Wishers of the British

---

* Chief Justice of the High Court (*англ.*) — главный судья Верховного суда (*примеч. автора*).

Government*. Тут были люди разных профессий, представители прессы и чиновники (туземцы) британской службы, собрался, словом, цвет индийской интеллигенции[69].

И кто же был невидимым, но заведомым организатором индийских Etats Généraux**? Hume[70] — англичанин и бывший член совета вице-короля.

Этот собор был не простою потехою, минутною говорильнею без всяких последствий: непосредственно за ним последовало назначение парламентского следствия[71].

Правда, массы остаются пока в стороне от этой конституционной агитации. Их сзывают, когда нужна декорация, — и они послушно являются. Толпа попрежнему, конечно, очень чутка к тому, как ею управляют, но давно она уже не задумывается о том, в чьих именно руках находятся бразды правления; своих старых царей индийцы начинают мало-помалу забывать. Воинственный дух, даже физическая сила начинают исчезать у тех племен, которые еще очень недавно славились тем и другим. Туземцы, исходившие и изъездившие всю Индию, люди правдивые и вовсе не пристрастные к англичанам, передавали мне как свое глубокое убеждение, что в Индии остались одни трусы. Ни в одном туземном владении англичане не встретят серьезного сопротивления, если бы вздумали захватить его.

«Прикрикнет хорошенько англичанин, — говорил мне уроженец Гайдерабада, — и весь этот сброд, что называется армией низама, побежит!» Храбры в Индии только непальцы, и из них англичане вербуют свои лучшие полки. Но Непал не представляет такой силы, с которой можно было бы серьезно считаться.

Образованные из туземцев начинают ясно сознавать это печальное обстоятельство. Они добиваются у правительства позволения создать из туземцев полки добровольцев. Стремление поднять воинственный дух в массах сказывается и в литературе. Никогда прежде в Индии не издавалось столько народных книжек о махратских и раджпутанских героях, как теперь. История сипайского восстания пересказывается на бенгальском языке, и мятежники изображаются какими-то эпическими героями.

Интеллигентное меньшинство знает, что оно представляет некоторую силу. К его голосу прислушиваются массы. Газеты читаются не только в больших городах, но и по деревням. Они сильно расходятся, имея незначительное число подписчиков. На листок подписываются очень немногие, но читают его массы. В захолустьях, по деревням народ под вечер собирается у храма или священного дерева слушать чтение газеты, и внемлет он элокубрациям*** бенгальских бабу с тем же благоговением, с каким в былые дни умилялся над песнопениями Махабхараты и Рамаяны[72]. Под влиянием этой прессы растет новое поколение... Калькутта со своими бабу для Индии начинает иметь то же значение, как Париж для Франции. Эти бабу сделались руководителями народа; их слушаются от Читтагонга до Пешауэра, они являются в Пенжабе и в Мандалае; они и в мадрасском президентстве, и в махратском крае; читают лекции, произносят проповеди, и местное население почти всегда делает им шумные овации. И притом замечательно, что в последнее время между образованными туземцами стало преобладать единство в политических воззрениях; у них те же идеалы, одинаковые стремления и те же средства.

---

* Loyal and Consistent Well-Wishers of the British Government (*англ.*) — лояльные и убежденные доброжелатели британского правительства (*примеч. автора*).

** Etats Généraux (*франц.*) — народный собор (*примеч. автора*).

*** От élucubration (*франц.*) — разглагольствование; досужий вымысел.

Я останавливался только на таких явлениях, которые, по моему крайнему убеждению, не могут рассматриваться как исключительно принадлежащие одной какой-либо части Индии, а потому в известном смысле должны служить данными для характеристики настроения Индии в настоящее время. Как долго это настроение или это направление умов у руководящих будет продолжаться? Этого, конечно, я не знаю. Но теперешнее настроение туземного населения факт первостепенной важности в политических расчетах дня, и оно будет немаловажным фактором в грядущих судьбах Азии. При общераспространенном убеждении в том, что англичане нелюбимы в Индии, весьма часто конечный результат возможного столкновения России с Англиею рисуется в привлекательном для нашего народного самолюбия свете: мы не прочь верить, что население Индии нас встретит как освободителей, что оно поднимется на своих притеснителей, как только услышит, что англичане где-либо нами разбиты... а туземцы Индии между тем толкуют теперь: «Борьба между ретроградными, темными силами России и прогрессивными Британии неминуема в ближайшем будущем, и все наши симпатии на стороне представителей прогресса».

Положим, это толкуют бабу; но их слушает вся Индия, и за вожаками идут массы, весьма часто не понимая ни их идеалов, ни их стремлений. Так было всюду и будет в Индии. Убеждение в неминуемости столкновения с Россией обще распространено в Индии: этого ждут и туземцы, и англичане, в особенности военные. «Было бы величайшим безумием, — говорил вице-король 1-го января нынешнего года, — не сознавать перемен, происшедших в положении Индии с тех пор, как один Афганистан отделяет ее от величайшей в мире военной державы». Британские власти в Индии готовятся к борьбе; ничто не делается там, ни одно мероприятие не начинается безотносительно к гордиеву узлу англо-русского вопроса: усиливается армия, придумываются проекты раздела Афганистана, тревожно ищут союзников, и в Китае и чуть ли не в Тибете, а главное, стремятся умиротворить туземцев.

Британское правительство в Индии, располагая большими сравнительно с русскими финансовыми средствами, имея перед собою теперь туземное население, умиротворенное большими посулами и малыми уступками, и враждебно против России состроенную богатую английскую меркантильную общину, представляет такую силу, которая легко может и в Средней Азии, как недавно на восточном индийском полуострове, перейти от самозащиты к агрессивному образу действия. Проекты лорда Литтона, было время, казались заносчивыми бравадами, но в Индии с ними и теперь согласно большинство той части английского общества, которое всегда готово искать новых рынков для сбыта отечественных мануфактур. И этого не следует упускать из виду. Индию следует знать. Борьба в грядущем, она наступит не сегодня и не завтра, но к ней следует готовиться...

Таким мне представлялось настроение Индии во время моего последнего пребывания там, и этим фактам я, по чистой совести и глубокому убеждению, придаю особливое значение. Но для правильной оценки сообщенных наблюдений необходимо иметь в виду также, что в такой обширной стране, как Индия, быстро развивающейся под влиянием заносной западной цивилизации, об общественном мнении или о мнении страны не может быть и речи: общественное мнение там — это мнения и вожделения говорунов, правда руководящих там пока личностей, но выдвинутых на вид, получивших действительно силу и влияние не потому, чтобы они были «соль земли», а в силу того, что все эти интеллигенты, бабу, рассеянные по всей Индии, плоть от плоти западных властителей, взращены и взлелеяны пришлыми культуртрегерами... Массы живут все-таки совершенно особенною, своею жизнью... Около того же самого Бомбая, на линии же-

лезной дороги в большом торговом городе Броч случилось почти одновременно с вышеупомянутым съездом туземных вожаков событие совершенно другого характера. За несколько дней перед тем, как умные люди со всей Индии, по наущению англичанина-радикала, собрались толковать о том, как получше устроить парламент в Индии, в Броче некто Лакха — посланник от Бога, от великого творца и вседержителя, задумал не более не менее как низвергнуть «энгрези раж», то есть британскую власть, и основать свое собственное царство... Дикая и глупая затея закончилась, как и следовало ожидать, тем, что и индийского параклета, и уверовавших в него перехватали и судили. Суд отнесся к ним немилосердно: из шестидесяти осужденных трое были повешены, остальные сосланы на каторгу. Событие в Броче не произвело большого впечатления ни на англичан, ни на туземцев, но следствие по этому делу раскрыло ряд фактов, в высшей степени важных для характеристики Индии. Исповедь вожака, показания замешанных в восстании переносят в какой-то архаический, эпический мир: пред вами выступает толпа наивно верующих людей, поразить ее фантазию какою-нибудь грандиозною небылицею, она уверует в вас и пойдет за вами. Сегодня она готова, следуя за своими вожаками, идти на сборище, требовать себе представительства, терзать в клочки бумажного белого медведя, но завтра возобладает Лакха или другой ему подобный чудотворец, непосредственно от самого Бога получивший откровение и приказания, и та же толпа, чего доброго, будет чаять спасения от пророческого вождя и с упованием обратит свои взоры за Гималаи, туда, откуда, по древним сказаниям, должен явиться освободитель... Англичане очень хорошо знают это именно свойство индийских племен и каст, оно для них, для их власти гораздо опаснее, нежели та новая лойяльная оппозиция, о которой упоминалось выше. Прислушиваясь к элокубрациям образованных туземцев, британские власти пока говорят: «No harm»*. И действительно, британская власть пока может быть совершенно спокойна относительно этого движения: юную Индию учат Юм в Индии и Брайт[73] в Англии, но тот и другой, да и все радикалы все-таки англичане!

Но, могут возразить, в Индии есть сорок миллионов мусульманского населения; западное образование его коснулось только слегка, новый порядок отнял у него прежнее значение, мусульманская аристократия осталась не у дел, и она постоянно заподозрена, по крайней мере некоторою частью британской администрации, в каких-то комплотах** — вот кто наши союзники в Индии! Мне всегда казалось несколько непонятным, как это индийские мусульмане явятся на нашей стороне в минуту трудную, зная очень хорошо, что Россия — старинный и заклятый враг Рума[74]. Затем я спрашивал себя, кого нужно разуметь под этим многомиллионным мусульманским населением? Жатов в Пенжабе? Сельское население Восточной Бенгалии? Или только одних жагирдаров? Кто видел бенгальцев или жатов среди их цветущих равнин, тот, конечно, усомнится, чтобы те или другие пожелали в настоящее время переменить свое правительство. Остаются фрондирующие жагирдары. Но что они могут сделать среди чуждого им по вере населения?

Из всего сказанного я не думаю, однако же, делать вывода одностороннего и никак не прихожу к заключению, что в наших интересах забыть совсем об Индии и предоставить ее судьбе и воле Божией; напротив, я вполне убежден, что ближайшее знакомство с тем, что там делается англичанами, послужит к нашей выгоде.

---

* No harm (*англ.*) — ничего страшного.

** Complot (*франц.*) — заговор.

Если бы в момент наших последних пререканий с англичанами мы знали их тогдашнее положение на восточном индийском полуострове, очень незначительное с нашей стороны вмешательство там могло иметь громадные последствия. Индия для англичан важна, конечно, не потому, что туда идут служить младшие сыны аристократических семей, обделенные законом первородства; вопреки часто повторяемому мнению, в Индии оказывается на самом деле очень мало членов аристократических семей, и тем не менее она имеет громадное значение в жизни миродержавной Британии. Всякий англичанин знает, что без Индии нет величия для Англии. Во всех предстоящих решениях мировых и международных задач Индия необходимо будет играть свою роль, Россия при своих исторических задачах в Европе и в Азии не может и не должна именно теперь игнорировать Индии; именно теперь, потому что Восток переживает критические моменты своего исторического бытия, и незнание всего того, что там свершается, должно необходимо иметь печальные последствия.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, д. 1694, л. 2–14 об. Подлинник. Опубликовано: Восток. Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 1993, № 3, с. 118–124.

Примечания

[1] Минаев Иван Павлович (1840–1890), окончил Восточный факультет Петербургского университета по китайско-маньчжурскому отделению. Заинтересовавшись буддизмом, он начал изучать историю возникновения этой религии, а также индийские и древнеиндийские языки сначала у профессора К.А.Коссовича в Петербурге, а с 1863 по 1868 г. за границей. В 1869 г. им была защищена магистерская диссертация, и он был избран доцентом по кафедре санскритской словесности. До самой своей кончины педагогическая деятельность И.П.Минаева была связана с Петербургским университетом. Круг его научных интересов был чрезвычайно широк: буддология и лингвистика, история литературы и фольклористика, историческая география, а также изучение современного ему политического положения Индии. И.П.Минаев – основатель школы российских индологов (С.Ф.Ольденбург, Ф.И.Щербатской и др.). И.П.Минаев совершил три путешествия в Индию в 1874–1875, 1880 и 1885–1886 гг. Дневники его 1-го путешествия были изданы еще при жизни автора: «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского». Ч. I–II. СПб., 1878. Записи, которые делал И.П.Минаев во время 2-го и 3-го путешествий, были откомментированы и изданы в 1955 г. (*Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886». Отв. ред. акад. А.П.Баранников. М., 1955), но, к сожалению, со значительными купюрами.

Документы, касающиеся деятельности и путешествий проф. Минаева, публикуемые в этом сборнике, не являются частью этих дневников, большинство из них публикуется впервые.

[2] В апреле 1874 г. временно командующим войсками Туркестанского военного округа был Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896), генерал от инфантерии, с 1858 г. служил в Средней Азии, в 1868–1882 гг. – военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области.

[3] Впоследствии планы И.П.Минаева изменились, и он поехал морем.

[4] Рыжиков Александр Михайлович (1842–1880), классный топограф Туркестанского военно-топографического отдела.

[5] Троцкий Виталий Николаевич (... –1901), генерал от инфантерии, участвовал в военных экспедициях в Кульджу, Хиву, Коканд и др.

[6] Имеется в виду русское посольство в Кабул летом 1878 г. с целью заключения русско-афганского договора, во главе которого стоял генерал-майор Николай Григорьевич Столетов.

[7] Шер-Али-хан (1825–1879) – афганский эмир (1863–1879); осуществлял независимую внешнюю политику, проводил мероприятия по развитию экономики и культуры в стране.

[8] Посольство сикхов-намдхари гуру Чаран Сингха, см. док. № 101.

[9] Северо-Восточная Индия была районом постоянной напряженности вплоть до начала 90-х годов XIX в., так, с 1866 по 1887 г. в район расселения племен нага было послано восемь военных экспедиций.

[10] Джаяджи Рао Синдхия (1834–1886) – правитель княжества Гвалиор.

[11] Тукоджи Рао Холькар — правитель княжества Индор (1852—1886).

[12] Роулинсон Г.К. (1810—1895) — английский военный деятель, востоковед-ассириолог, принимал активное участие в 1-й англо-афганской войне, приверженец «наступательной политики» в отношении Афганистана.

[13] Лорд Дафферин Фредерик (1826—1902), английский государственный деятель и дипломат, в 1879—1880 гг. — посол Великобритании в России, в 1884—1888 гг. — вице-король Индии.

[14] Наджент Дж. (? —1880), чиновник колониальной администрации в Индии, член совета при бомбейском губернаторе.

[15] Хендерсон Ф.Д. (1840—?), английский военный деятель, позднее генерал-майор.

[16] Аджанта — деревня в Махараштре, вблизи которой находится буддийский пещерный монастырь II в. до н.э. — VII в. н.э., знаменитый своими настенными росписями.

[17] Насик, город в Махараштре, вблизи которого находится буддийский пещерный монастырь III в. до н.э. — VII в. н.э., в котором сохранились наскальные надписи.

[18] Берджес Дж. (1832—1916) — английский археолог, участвовал в составлении археологических описаний Западной и Южной Индии, в том числе Аджанты.

[19] Лицо не установлено.

[20] Найлор Дж. Р. — главный секретарь правительства Бомбейского президентства.

[21] В 80-х годах XIX в. в сельских районах Бомбейского президентства действовало несколько общественных организаций, например созданная в 1870 г. «Пуна серваджаник сабха», в работе которой наряду с национальной торговой и промышленной буржуазией принимали участие зажиточные райяты; основанная в 1875 г. религиозно-реформаторская организация «Арья Самадж», еженедельные собрания которой проводились во многих деревнях; реформаторская индуистская секта «Прартхана Самадж» (с 1849 г.) и др.

Какая именно организация имеется в виду в данном случае, неизвестно.

[22] Темпл Ричард (1826—1902), крупный английский администратор в Индии (1847—1880), был губернатором нескольких провинций Индии, в 1880 г. — губернатор Бомбейского президентства.

[23] Имеется в виду 2-я англо-афганская война 1878—1880 гг. Англия пыталась за счет материальных средств Индии подчинить себе Афганистан и распространить свое влияние на Среднюю Азию. Эта война обострила англо-русские отношения на Среднем Востоке.

[24] После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. усилилось проникновение Великобритании на Средний Восток, значительно ухудшились англо-русские отношения.

[25] Консервативный кабинет лорда Биконсфильда (Дизраэли) (1804—1881) стоял у власти в 1874—1880 гг.

[26] Неудачные кампании в Афганистане и Трансваале привели консерваторов к поражению на выборах в 1880 г. и к смене кабинета министров Великобритании.

[27] Мадхава Рао (1828—?), маратхский брахман, был первым министром в княжествах Индор, Барода и Траванкур.

[28] Низам — титул правителя княжества Хайдерабад. Низам Мир Махбуб Али Хан Бахадур Асаф Джах (1866—1911) был провозглашен правителем в 1869 г., но фактически начал управлять княжеством по достижении совершеннолетия с 1884 г.

[29] Салар Жанг (Салар Джанг) — титул Мир Тураб Али хан Бахадура (1829—1883), первого министра княжества Хайдерабад в 1858—1883 гг.

[30] Так называемый голодный фонд был создан английскими колонизаторами в связи с массовым голодом, охватившим Индию в 1876—1878 гг. Этот фонд, созданный за счет повышения налогов с индийского населения, предназначался для оплаты общественных работ в пораженных голодом районах. В 1878—1880 гг. английские власти израсходовали эти деньги на войну в Афганистане.

[31] Имеются в виду события русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда русская армия, взяв города Карс, Адрианополь, стала угрожать Константинополю. Англия, снабжавшая Турцию в этой войне деньгами и вооружением и не хотевшая усиления России, начала формирование десантной армии на о. Мальта. Несмотря на это, Турция согласилась на предъявленные Россией условия мира.

[32] См. примеч. 6.

[33] Arms' act (Закон об оружии) 1879 г. запрещал индийцам без особого разрешения ношение огнестрельного оружия.

[34] Licence-tax — акцизный сбор с предпринимателей за право заниматься торговлей, ремеслами и другими видами деятельности. И.П.Минаев также упоминает снижение ввозной пошлины на ряд английских товаров.

[35] Нортбрук Томас Джордж (1826–1904), английский государственный деятель, в 1872–1876 гг. — вице-король Индии.

[36] Шер-Али-хан, эмир Афганистана, в 1873 г. в ответ на требование вице-короля лорда Нортбрука принять английского резидента в Герате выдвинул контртребование о предоставлении такого же права России.

[37] Бамбери, правильно — Вамбери Герман (1832–1913), венгерский путешественник, ориенталист-тюрколог и публицист, занимался исследованием Средней Азии, этнографией Востока, автор ряда словарей, сторонник политики Англии в Азии.

[38] Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

[39] Форсайт Томас Дуглас (1827–1886), чиновник англо-индийской администрации, приехал в Индию в 1848 г., участвовал в подавлении сипайского восстания; в 1869 г. вел переговоры в Петербурге о границах продвижения русских в Туркестане; возглавлял миссии в Кабул и Яркенд.

[40] Бхалвант Пхадки (Васудев Балвант Пхадке) (1845–1883), вождь крестьянского движения в Махараштре в 1879 г. После поражения восстания был осужден на пожизненную каторгу.

[41] Восстание сельского населения в области Рампа (Румпа — у И.П.Минаева) Мадрасского президентства 1879–1880 гг. носило партизанский характер и было направлено против колониальных властей и местных ростовщиков.

[42] Чандрия — руководитель рампского восстания (см. примеч. 41), предательски убит англичанами в феврале 1880 г.

[43] «Махратские беспорядки» — вооруженное восстание маратхских крестьян под руководством Пхадке, где антифеодальные выступления слились с национально-освободительной борьбой.

[44] Ошибка И.П.Минаева: Arms' act (Закон об оружии) был принят в 1879 г., а не в 1878 г.

[45] И.П.Минаев часто употреблял титул правителя княжества Хайдерабад, имея в виду территорию княжества.

[46] Северная часть княжества Берар по договору 1853 г. была передана низамом Хайдерабада колониальным властям. Салар Джанг пытался добиться возвращения Берара низаму. В 1874, 1876 и 1877 гг. Салар Джанг вел переговоры с колониальными властями о возвращении Берара, но переговоры окончились безрезультатно, и это княжество было включено в состав Британской империи.

[47] Возвращение маратхской династии Синдхия Гвалиорской крепости, занятой английским гарнизоном в 1858–1886 гг., было декларировано в конце 1885 г. Военные укрепления были срыты.

[48] Правителем-махараджей Кашмира был Рамбир Сингх (1829–1885), проводивший независимую политику.

[49] Principal — директор колледжа. Директором Радж-Кумар колледжа в Индоре во времена И.П.Минаева был Макнатен. Колледж был приписан к Калькуттскому университету.

[50] Нана Сахиб (настоящее имя Нана Говинд Данду Пант) — приемный сын и наследник последнего пешвы Баджи Рао. Во время Индийского народного восстания 1857–1859 гг. встал во главе одного из очагов восстания. После поражения восстания бежал в Непал и бесследно исчез.

[51] Имеется в виду посольство купца Семена Мартиновича Маленького (1695–1698) и несколько экспедиций, посланных с целью открытия новых путей в Индию: подполковника И.Бухгольца по р. Иртышу в 1714 г., А.Волынского — через Персию в 1715 г., князя А. Бековича-Черкасского — через Среднюю Азию в 1716–1717 гг., и Флорио Беневени через Бухару в 1718 г.

[52] После заключения Сан-Стефанского мирного договора, окончившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг., Россия стояла на грани войны с Англией, не признавшей этот договор. Для того чтобы оказать давление на Англию, началось движение войск Туркестанского генерал-губернаторства к границам Афганистана.

[53] Имеется в виду народное восстание 1857–1859 гг. в Индии.

[54] Имеется в виду активизация экспансии Франции в Индо-Китае с начала 80-х годов XIX в.: был завоеван Северный и Центральный Вьетнам, началось проникновение в Бирму.

[55] 1-я англо-сикхская война 1845–1846 гг. и 2-я англо-сикхская война 1848–1849 гг., в результате которых Пенджаб был присоединен к владениям Ост-Индской компании.

[56] 2-я англо-афганская война шла в 1878–1880 гг.

[57] Закон о печати на местных языках был принят в 1878 г. В соответствии с ним вводилась предварительная цензура и серьезные репрессии против газет, оппозиционных колониальному режиму.

[58] И.П.Минаев называет староверами приверженцев ортодоксального индуизма, а новообразованными — членов индуистских реформаторских обществ «Арья Самадж» и «Брахмо Самадж».

[59] В 1883 г. эмир Афганистана Абдуррахман занял Пендинский оазис на р. Мургаб, принадлежавший принявшим российское подданство туркменским племенам салоров и сарыков. Для освобождения этой территории был предпринят поход под руководством генерала Комаровского, окон-

чившийся 18 марта 1885 г. победой в сражении у Кушки — крепости на южной границе Российской империи (Гератское направление). Граница с Афганистаном была определена протоколом 10 июля 1887 г. и фактически установлена российскими и английскими делегатами в конце августа 1888 г.

[60] В первой половине 80-х годов XIX в. в Англию прибыли представители Ассоциации Бомбейского президентства Лал Мохан Гхош и др. с тем, чтобы выставить свои кандидатуры на выборах в парламент. Никто из них в конце концов не баллотировался, поскольку у них не хватило средств.

[61] Мир Махбуб Али Хан Бахадур Асаф Джах (1866—1911).

[62] Джаяджи Рао Синдхия (1843—1886 годы правления).

[63] Нигилисты — обозначение некоторой части разночинного демократического движения 60-х годов XIX в. для ее дискредитации, поскольку нигилисты изображались как бездумные отрицатели общественных ценностей. Крапоткин (Кропоткин) Петр Алексеевич (1842—1921), князь, ученый-географ, революционер, один из основоположников анархизма. Степняк — литературный псевдоним Кравчинского Сергея Михайловича (1851—1895); писатель и публицист, видный деятель народничества 70-х годов, террорист.

[64] Билль Ильберта, внесенный на рассмотрение в английский парламент в 1883 г., предусматривал предоставление судьям индийского происхождения права судить английских подданных-европейцев в Индии. Это было воспринято индийцами как признание их расового равноправия с европейцами, чего никак не хотели допускать колониальные власти. В принятом законе привилегированное положение англичан выразилось в предоставлении им права требовать суда европейских присяжных.

[65] Присоединение Верхней Бирмы произошло в результате 3-й англо-бирманской войны. В ноябре 1885 г. была взята столица последнего независимого королевства Ава г. Мандалай. 1 января 1886 г. вице-король Индии Дафферин провозгласил присоединение Бирмы к владениям Великобритании, за что и получил титул маркиза Ава.

[66] Тзибау (Тибо), последний король (1878—1885) бирманского королевства Ава.

[67] В 1831 г. махараджа Майсура Кришнараджа Водеяр (1794—1868) был отстранен от управления княжеством под предлогом большой задолженности Ост-Индской компании. К 1862 г. долги княжества были погашены и проведен ряд реформ, способствовавших развитию сельского хозяйства. Кришнараджа потребовал возвратить ему княжество, но получил отказ. В 1865 г. он усыновил Чамараджендру Водеяра (1862—1894), своего дальнего родственника, поскольку у него не было наследника, хотя и был предупрежден, что это усыновление не будет признано Англией. С 1867 г. политика колониальных властей по отношению к усыновлению изменилась, и в 1881 г., по достижении 18 лет, Чамараджендра Водеяр был возведен на трон Майсура, «уступив» Англии земли в районе г. Бангалор и согласившись на некоторые другие условия.

[68] В 1885 г. одним из судей Верховного суда в Калькутте был Чандра Мадхав Гхош.

[69] Минаев описывает первую сессию Индийского национального конгресса в декабре 1885 г., на которой была создана первая всеиндийская политическая организация.

[70] Юм Алан Октавиан (1829—1912), крупный чиновник англо-индийской службы (1849—1882), принимал активное участие в создании и дальнейшей работе Индийского национального конгресса, считая, что для укрепления господства Великобритании в Индии следует прислушиваться к мнению индийских националистов и придать их движению организованный характер.

[71] Парламентским следствием И.П.Минаев называет обещание министра по делам Индии Р.Черчилля (1849—1894) назначить парламентский комитет по расследованию системы колониального управления Индией, он был образован в марте 1886 г., но уже в июле был распущен, так и не приступив к работе.

[72] Махабхарата — древнеиндийский священный канонический эпос, состоящий из многочисленных сказаний фольклорного характера, легенд, трактатов по истории права, морали, науки и т.п. Рамаяна — древнеиндийская эпическая поэма, одна из священных книг индуизма, повествующая о подвигах Рамы и его супруги Ситы.

[73] Брайт Д. (1811—1889), английский государственный деятель, член парламента.

[74] Рум — Османская империя.

№ 79—83

5 декабря 1874 г. — 17 апреля 1887 г. Письма художника В.В.Верещагина о своих путешествиях по Индии

№ 79

5 декабря 1874 г. — Из письма В.В.Верещагина[1] П.М.Третьякову[2] о своем намерении подняться на Эверест

...Я направляюсь теперь в Непал, и хотя пугают меня дикостью и подозрительностью непалезцев, но я надеюсь так или иначе добраться до Mt Everest, высочайшей горы в Гималаях и на всем земном шаре (29000 ф[утов])[3]. Мой адрес теперь через помянутого Keene Esq Judge in Agra.

Государственная Третьяковская галерея, отдел рукописей, ф. 1, д. 879, л. 4 и об. Автограф.

№ 80

23 февраля 1875 г. — Из письма В.В.Верещагина В.В.Стасову[4] о своих путешествиях по Гималаям и этюдах, написанных там

...Я в самой середке Гималаев, в малом Королевстве Сикким, в резиденцию великого монарха этой страны я теперь направляюсь и уже обменялся с ним несколькими витиеватыми письмами и более скромными подарками. Это время занимался в буддийских монастырях, а допреж того на высоте 15.000 фут[ов] чуть не замерз со своею супружницею: снег, которым нам пришлось идти целый день подъема на гору Канчинга (28.000 фут[ов]), испугал моих спутников, и они за нами не изволили последовать. Между тем пошел снег, которым пришлось и питаться за неимением другой пищи, потушил наш огонь, и, кабы не мой охотник, который был с нами и отыскал и уговорил одного из людей внести на гору ящик с едою и несколько необходимых вещей, пришлось бы плохо. Замечательно, что я выбился из сил и положительно заявил об этом прежде, чем моя дорогая спутница, моя маленькая жена, слабая и мизерная (Вы её видели в библиотеке). Зато после, когда первое изнурение прошло, она, не говоря худого слова, грохнулась. Лицо моё за несколько дней пребывания на этой высоте непомерно опухло, и какое-то страшное давление на темя, от которого я непременно умер бы через пару промедленных дней, заставило спуститься прежде, чем все этюды, которые я намеревался сделать, были готовы. Сделаю попытку еще в другое время года и в другом месте — уж очень хороши эти горные шири и выси, покрытые льдом и снегом. Когда спущусь с гор, приеду в Агру, пошлю Вам оттуда с полсотни, а может, и более этюдов; многие из них — лишь наброски, но многие хорошо кончены, а из таковых каждый, надеюсь, стоит петербургского профессора (а все-таки профессором не хочу быть и не буду)[5]. То, что с по-

мощью этих этюдов я надеюсь сделать, будет, как я думаю, иметь не англо-индийское только, а всемирное значение, и не формою только. Впрочем, не хвались едучи на рать, а хвались едучи с рати...

...Этюды, которые Вам пошлю, попрошу Вас никому не показывать. Я бы держал их и здесь, но они покрываются плесенью за время дождей и коробятся в жару, доски же трескаются (на несчастье, несколько этюдов я написал на досках). Пошлите мне русскую газету, которую считаете лучшею, — «Петер[бургские] Ведом[ости]» или «Голос». Думаю — первую. Об этом просит моя барыня...

Переписка В.В.Верещагина и В.В.Стасова. Т. I. М., 1951, с. 31—32.

№ 81

24 апреля 1875 г. — Из письма В.В.Верещагина В.В.Стасову об обвинении его в шпионаже в индийских газетах

...Попросите Андрея Александровича Краевского[6] напечатать прилагаемую статейку, найденную мною случайно в одной здешней газете, т.е. подозрение меня в шпионстве, протестуйте самым энергическим образом. Выскажите, что уже одна моя независимость, как человека и художника, исключает всякую возможность подобных подозрений. Надобно Вам сказать, что намеки на возможную цель моей поездки были высказываемы и прежде, и я боюсь думать, что, когда я предприму тщательный обзор и объезд гималайской границы с ее в высшей степени интересными странами и племенами, подозрения эти обратятся в положительную уверенность. Меня бесит одна мысль о том, что всюду полицейские агенты будут сдавать меня с рук на руки. Послал ли Беггров[7] мои альбомы в Лондон? Пусть пошлет без расчета на аферу — афера будет в том, что более будут знать меня как художника, а следовательно, менее предполагать шпиона. Может быть, также понадобится несколько экземпляров для Индии.

Этюды посылаю на днях и самым положительным образом прошу никому не показывать. Посылаю много костюмов и других вещей — все старые вещи. Необходимо попросить пропуск этюдов без таможенного досмотра. Впрочем, ящики с костюмами можно досматривать сколько угодно — вероятно, немного придется доплачивать. Дарджилинг — станция, с которой я отправился в сердце Гималаев. Газета, в которой я встретил эту статейку, называется «Pioneer[8]», одна из лучших в Индии. Я теперь в Агре, уезжаю в Кашмир. Уж и жарища же здесь...

Переписка В.В.Верещагина и В.В.Стасова. Т. I. М., 1951, с. 37.

№ 82

21 ноября 1882 г. — Из письма В.В.Верещагина П.М.Третьякову о покупке ковров[9]

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Я писал Вам, просил прислать небольшой капитал в помощь поездки моей в Индию. Ковры здесь удивительные, а капитала не хватает. Если еще не послали, то пошлите, пожалуйста, на имя Елизаветы Кондратьевны[10]; как только получу денег, так сейчас же и закажу ковры, которые составляют мою слабость (если хотите, Ахиллесову пяту)...

ГТГ ОР, ф. 1, д. 947, л. 1. Автограф.

№ 83

17 апреля 1887 г. — Из письма В.В.Верещагина П.М.Третьякову о колорите Индии

...Картинка «Дели вечером» пришла благополучно. Она теперь висит в комнате у жены моей, которая ни за коврижки не расстанется с нею. Помните, Павел Михайлович, что для московского глаза или петербургского — все равно — краски и цвет южных широт просто невыносимы. Я уверен, что перенесенный в Бомбей, Вы не могли бы без серьезной боли в глазах смотреть на тамошние синие, зеленые, красные, желтые цвета. Наши многомудрые художники, не видавши ничего далее Валаама и Крыма, не затрудняются, однако, произносить приговоры над тем, о чем не могут иметь понятия. Замечательно, что упреки в красочности идут от чисто северных жителей даже здесь; более освещенные солнцем и более его видавшие у других, не находили этого...

ГТГ ОР, ф. 1, д. 918, л. 2 и об. Автограф.

Примечания

1 Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), русский живописец-баталист; окончил морской кадетский корпус и вскоре вышел в отставку, посвятив всю свою жизнь живописи; участвовал во всех кампаниях русской армии того времени; страстный путешественник, он два раза посетил Индию в 1874—1876 и 1882—1883 гг. По впечатлениям своих поездок в Индию В.В.Верещагин сделал несколько публикаций: «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных». СПб., 1883—1884, «Путевые заметки Верещагиных по Индии». — Художественный журнал. СПб., 1883, т. 5, № 1 и др. Индийская коллекция картин В.В.Верещагина насчитывает более 30 полотен. Подробнее о жизни, творчестве и поездках художника см.: *Демин Л.М.* С мольбертом по земному шару (Мир глазами В.В.Верещагина). М., 1991. Погиб на броненосце «Петропавловск» вместе с адмиралом Макаровым в 1904 г.

2 Третьяков Павел Михайлович (1832—1898), купец, страстный собиратель картин, вместе со своим братом Сергеем Михайловичем собрал самую большую частную коллекцию произведений русских художников и подарил ее вместе со зданием, в котором она была расположена, городу Москве в 1892 г. Им были куплены несколько коллекций картин В.В.Верещагина.

3 Высота горы Эверест (Джомолунгмы) 8848 м.

4 Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог; одним из первых оценил творчество и поддержал многих художников, в

том числе и В.В.Верещагина, многие годы состоял с ним в переписке, см.: Переписка В.В.Верещагина и В.В.Стасова. Т. 1–2. М., 1951.

[5] В 1874 г. Петербургская императорская академия художеств присвоила В.В.Верещагину звание профессора, но он, считая все чины и звания в искусстве вредными, отказался от него.

[6] Краевский Андрей Александрович (1810–1889), журналист и предприниматель, издавал «Литературную газету», «Отечественные записки», «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос».

[7] Беггров А. — владелец художественного магазина в Петербурге и торговец картинами, издал несколько альбомов с рисунками В.В.Верещагина.

[8] «Pioneer» — еженедельная газета, выходившая в Аллахабаде с 1865 г.

[9] На своих выставках В.В.Верещагин любил создавать атмосферу, соответствующую экспозиции: развешивал ковры, оружие, часто приглашались музыканты для исполнения музыки, созвучной духу произведений художника.

[10] Елизавета Кондратьевна — жена В.В.Верещагина.

№ 84

8 апреля 1878 г. — Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А.Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии на случай войны с Англией

В особом совещании, в присутствии Вашего Императорского Величества, рассмотрен был вопрос: следует ли одновременно с военными мерами, предпринимаемыми в Европейской России, на случай войны с Англиею, принять какие-либо меры на среднеазиатских наших границах и какого именно рода.

По этому вопросу предложены были, в общих чертах, следующие соображения.

Среднеазиатские наши области, хотя и не примыкают непосредственно к ост-индским границам и отделены от них полосою независимых владений, но так как некоторые из этих владений могут подпасть английскому влиянию, то, при известных обстоятельствах и в случае нашего бездействия, Англия в состоянии будет сделать прямое или косвенное покушение на эти области с целью отвлечь наши силы из Европы и поколебать положение наше в Средней Азии. С другой стороны, и мы, с среднеазиатских наших позиций, в состоянии угрожать английскому владычеству в Ост-Индии.

При таком взаимном положении обоих государств и ввиду настоящего образа действий Англии, оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, а, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне же надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря.

Относительно сущности этих мер возникло несколько предположений.

Тайный советник барон Торнау[1] в представленной им записке полагает полезным еще до наступления разрыва с Англиею и в видах отклонения ее от объявления нам войны озаботиться приобретением Астрабадского округа[2] от Персии в обмен на округа Кербела[3] и Неджеф[4], которые полагалось бы приобрести от Турции за подлежащую часть контрибуции[5], и в то же время вступить с Персиею в союз и получить от нее право прохода наших войск через Хорасан по направлению к Герату, дабы иметь этот путь в своем распоряжении на случай предпринятия решительного похода в Индию.

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант фон-Кауфман I[6], полагает достаточным, чтобы угрожать интересам Англии в Азии, выдвинуть два самостоятельных отряда: один по Бухарским владениям, к Аму-Дарье, близ гор. Ширабада, и другой из войск Кавказского округа и Аму-Дарьинского отдела к Мерву, и так как успех этой демонстрации более всего зависит от положения, в которое станет относительно нас афганский владетель, Шир-Али-хан, то вступить с ним в соглашение на случай совместного действия против англичан в Индии.

Оренбургский генерал-губернатор, генерал-адъютант Крыжановский находит, что все демонстративные меры наши в малых размерах едва ли произведут на Англию должное впечатление и останутся, по всей вероятности, без результата и что только решительное движение большой массы войск (до 150 т. чел.), по главному пути, ведущему в Индию, от Астрабада к Герату, могло бы действительно угрожать английскому владычеству в Индии и побудить английское правительство изменить свой образ действий против России, но для совершения такого движения необходимы будут громадные средства военные и финансовые, и много других условий (союз с Персией и Афганистаном и проч.).

Со своей стороны, товарищ министра иностранных дел, тайный советник Гирс[7], обратил внимание на затруднительность приведения в исполнение комбинации, предложенной бароном Торнау относительно Астрабада, и на неудобство соглашения с Персией по отношению к Англии, так как эта последняя держава немедленно предпримет против Персии решительные меры, что усложнит все дело и лишит нас тех выгод, которые может нам доставить нейтралитет Персии.

По всестороннем обсуждении всех этих предположений и мнений и по общем соображении вопроса о действиях наших со стороны Средней Азии с настоящим политическим и военным положением государства, признано, что предпринимать большое военное движение к стороне Индии с целью решительно поколебать английское владычество в этой стране в настоящее время было бы неудобно и нежелательно, с одной стороны, потому, что большинство военных сил империи необходимо иметь в готовности для других еще более настоятельных потребностей, обусловленных настоящим политическим положением дел в Европе, а с другой, потому, что оно повело бы к такому напряжению военных и финансовых средств государства, которое после перенесенных громадных жертв только что оконченной победоносной войны было бы крайне тяжело для народа. Притом предприятие великого похода в Индию, кроме многих других причин, не представляется еще неизбежной необходимостью за неистощением других более подходящих к обстоятельствам минуты и более дешевых средств воздействия на Англию. К таковым средствам могут относиться некоторые военные меры, служащие как для лучшего обеспечения спокойствия в наших среднеазиатских областях и предохранения их от внешнего покушения, так и для того, чтобы военными приготовлениями нашими и высылкой отрядов к известным пунктам сделать такое впечатление на Англию, чтобы она могла опасаться за спокойствие своих владений в Индии, и тем парализовать военные силы ее в этой стране.

Непременным условием этих мер должна быть независимость их от соглашения с Персиею, которую полагалось бы, согласно мнению тайного советника Гирса, оставить совершенно в стороне от наших планов в Азии, не прибегая к ее содействию и заботясь лишь о продолжении дружественного отношения персидского правительства к России. Таким образом, если бы представилась возможность произвести военное движение со стороны Каспийского моря, то путь для него должен быть избран помимо персидских пределов.

Переходя за сим к указанию самих мер, наиболее соответствующих предположенному демонстративному характеру действий наших относительно Англии в Средней Азии, предполагается исполнить ныне следующее:

1. Ввиду ограниченности военных средств Туркестанского округа, немедленно усилить войска этого округа сформированием такого числа резервных частей, какое только представится возможным по имеющемуся на месте и в Западном Сибирском округе запасу отпускных нижних чинов, а равно наличному сверхкомплекту в войсках обоих этих округов. Образование резервных частей даст возможность вывести большинство Туркестанских полевых войск за пределы края.

Усиление же штатного состава постоянных местных войск Туркестанского округа, о чем ходатайствовал генерал-адъютант фон-Кауфман I, отложить, ввиду значительных ежегодных издержек, которые на это потребовались бы.

2. Оставив внутри Туркестанского края необходимое для охранения внутреннего спокойствия населения число войск, выдвинуть, в удобное время, отряд, возможно большей силы, к Аму-Дарье, к Ширабаду или другому пункту, как окажется выгоднее, с целью лучше обеспечить безопасность наших пределов от возможных внешних покушений и в то же время подготовить почву для дальнейших действий, если в том встретится надобность.

3. Со стороны Кавказского военного округа усилить войска Закаспийского военного отдела и выдвинуть отряд надлежащей силы в землю теке и далее по направлению к Мерву, в видах ближайшего ознакомления с этою неисследованной еще местностью и упрочения там нашего влияния, а равно и в видах охранения пространства между Каспийским морем и Аму-Дарьей от вторжения туркестанских шаек.

4. На соединение с Кавказскими войсками, в Мерве или теке, может быть выдвинут из Аму-Дарьинского отдела, если позволят местные средства и обстоятельства, отряд Туркестанских войск. Вообще желательно было бы, чтобы оба главные отряда, выдвигаемые из Туркестана и Кавказа, постарались открыть между собою связь летучими отрядами или другим способом.

5. Для предупреждения недоразумения относительно движения наших войск в среде населения местностей, по которым войскам придется идти впервые (в Бухарском ханстве и Туркмении), обязать начальства Туркестанского и Кавказского военных округов принять все меры к установлению дружественных отношений между войсками и населением, побудив сие последнее оказывать даже возможное содействие походу наших войск.

6. Особое внимание надо обратить на то, чтобы предпринимаемые военные движения не сделали неблагоприятного впечатления на Афганистан, враждебное отношение которого к нам было бы крайне невыгодно и, напротив, союз с которым был бы весьма желательным. В этих видах полагалось бы представить Туркестанскому генерал-губернатору заблаговременно войти в сношение с владетелем Афганистана через отправление к нему доверенных лиц или даже официального посольства, которое и должно объяснить, что выдвижение наших отрядов отнюдь не имеет ничего враждебного против Афганистана, а, напротив, может быть даже полезно ему как поддержка его независимости против англичан, а при известных обстоятельствах, даже как помощь против них[8].

7. Вообще, было бы полезно командировать в земли, лежащие по путям в Индию и в соседстве с этою страною, особых эмиссаров для ознакомления с положением земель и с отношением жителей и их правительств к Англии, для завязки наших сношений с ними и подготовления благоприятного нам настроения их на случай разрыва с Англиею.

Благоугодно ли Вашему Императорскому Величеству утвердить изложенные предположения и Высочайше повелеть привести их в исполнение.

Подпись: Генерал-адъютант Милютин.

Верно: Генерал-майор (*подпись неразборчива*).

На первой странице надпись: На подлинном резолюция: «Высочайше повелено изложенные предположения привести в исполнение».

10 апреля 1878 г. Подписал Генерал-адъютант Милютин.

ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед.хр. 3048, л. 1—10. Копия.

Примечания

[1] Торнау Николай Егорович (1812—1892) — тайный советник, сенатор, член Государственного совета с 1875 по 1878 г., исследователь и автор ряда книг по мусульманскому законоведению, член комитета по рассмотрению свода мусульманских законоположений при собственной канцелярии императора.

[2] Астрабад — город в юго-восточной части побережья Каспийского моря, на севере Ирана. Астрабадская провинция была приобретена Россией у Персии в результате военного похода в 1722—1723 гг., а в 30-е годы XVIII в. была ей возвращена. После 1930 г. город Астрабад называется Горган.

[3] Кербела — город, расположенный к югу от Багдада, где, как предполагают, захоронен Хусейн, сын 4-го халифа Арабского халифата Али и дочери Мухаммеда Фатимы, место паломничества шиитов.

[4] Неджеф — город к югу от Кербелы (см. примеч. 3), где находится гробница Али, зятя Мухаммеда, которой поклоняются шииты.

[5] После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по одному из условий Сан-Стефанского договора Турция должна была заплатить России контрибуцию в 800 млн. франков.

[6] Фон Кауфман I — имеется в виду Кауфман Константин Петрович. (Фон Кауфманом 2-м называли брата Константина Петровича — генерал-адъютанта Кауфмана Михаила Петровича (1822—1902), бывшего с 1866 по 1877 г. главным интендантом русской армии, а затем членом Государственного совета и управляющим деятельностью Красного Креста.)

[7] Гирс Николай Карлович (1820—1895) — дипломат, с 1838 г., находясь на службе в Азиатском департаменте, работал в Константинополе, Тегеране, Египте и др. В 1875 г. назначен товарищем министра иностранных дел и управляющим Азиатским департаментом. С 1882 по 1895 г. — министр иностранных дел России.

[8] Летом 1878 г. в Кабул отправилась миссия генерал-майора Н.Г.Столетова.

№ 85—93

2 октября 1878 г. — 10 июня 1881 г. Документы о пребывании в России индийца Рамчандра Баладжи, выдававшего себя за племянника Наны Сахиба[1]

№ 85

2 октября 1878 г. — Секретная телеграмма Действительного статского советника посла России в Персии И.А.Зиновьева[2] *в Министерство Иностранных дел о занятиях Рамчандра в Персии*

Согласно собранным мною сведениям индиец Рамчандр с другим индийцем оставили Тегеран около полтора года тому назад и отправились в Баку. В Тегеране они занимались продажею медицинских снадобий и лечением и никаких притязаний на родство с Нана-Сахибом не заявляли. Надеюсь скоро собрать более подробные и точные сведения. Пока полагаю необходимым не доверять им.

АВПРИ, СПб. Главный архив, I—8, оп. 45, 1878, д. 2, л. 2. Подлинник.

№ 86

15 апреля 1879 г. — Письмо В.В.Григорьева[3] *графу Н.Я.Ростовцеву*[4] *с просьбой о включении Рамчандра Баладжи в состав экспедиции великого князя Николая Константиновича, отправлявшейся в Туркестан*

Милостивый государь граф Николай Яковлевич, я передал приглашение Ваше Г-ну Рамчандра Баладжи, и вот он предстанет перед Вашим сиятельством. Повторяю мою усерднейшую просьбу пристроить его к экспедиции Великого князя. Не сомневаюсь, что это будет полезно для дела. Рассчитываю на ваше доброе сердце и любовь к России.

Ваш покорнейший и готовый к услугам
В.Григорьев

ГАРФ, ф. 1155 (Ростовцевы), оп. 1, ед.хр. 2710, л. 1. Подлинник.

№ 87

29 ноября 1879 г. — Из письма великого князя Николая Константиновича востоковеду В.В.Григорьеву об участии Рамчандра Баладжи в дальнейших исследованиях Средней Азии

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Сегодня отправляется в Петербург Рамчандр Баладжи, который совершил вместе со мной путешествие по Средней Азии, благодаря Вашей рекомендации. Мне кажется, что этот человек может принести русским пользу в делах восточных. Поэтому я пригласил его и в будущем году принять участие в моих поездках по Туркестану. Рамчандр берется будущей весною проследить сухое русло Аму, еще не известное миру, о котором я собрал довольно подробные расспросные сведения от бухарцев, туркмен и хивинцев в сентябре нынешнего года, спускаясь на каике по Аму. Этот новый «Узбой» начинается, как говорят, у Келифа, тянется западнее Чарджуя верстах в 70—80-ти и примыкает к известному всем Узбою вблизи колодцев Куртыш. Кроме того, Рамчандр думает летом 1880 года пробраться из Куляба (куда я надеюсь добраться на пароходе «Самарканд») через Бадахшан в Кашмир и вернуться осенью в Ташкент. Этот путь, если он окажется проходимым, выгоднее всех остальных путей для действий русских войск против Англо-Индии, неизбежных в будущем...

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 88 об. Копия.

№ 88

9 декабря 1879 г. — Письмо Рамчандра Баладжи графу Н.Я.Ростовцеву о возвращении в Петербург из экспедиции в Среднюю Азию и о своем путешествии в Индию в ближайшее время

Воскресенье, 9 декабря 1879.

Дорогой граф! Удивительно, но я в конце концов, еле живой, приехал в Санкт-Петербург. В дороге я перенес массу трудностей. Пельцам[5] — странный человек: он или сумасшедший, или теряет рассудок по малейшему поводу.

Я не смог совершить эту поездку по Вашим расчетам. Лишь через 11 дней я прибыл в Оренбург. Когда же на 12-й день я приехал в Самару, у меня осталось только 53 рубля. Я просто не знаю, куда я потратил остальные; поэтому я занял деньги в Самаре и поехал в Москву, где пробыл сутки, а затем отправился в Санкт-Петербург. Когда я приехал в С.-Петербург, я думал, что встречу всякого рода неприятности, но, напротив, я — почти герой и личность почти романтическая. Я всем нравлюсь, все стремятся меня принять, все знакомы с моею биографией*. Мадам.........(фамилия неразборчива. — *Сост.*) сказала мне, что они пишут обо мне оперу. Горе тому в С.-Петербурге, кто отважится говорить обо мне плохо! У меня целый полк пожилых леди, готовых встать на мою защиту. Волконский, Барятинский и Трубецкой[6] готовы ради меня пройти огонь и воду.

---

* Моя биография была переведена на английский язык без комментариев!!! (*примеч. автора*).

Каразин[7] явно пытался навредить мне, но вынужден был заткнуться. Мушкетов[8], видя, что Каразин потерпел неудачу, принял мою сторону — это чистая политика. Я не думаю, что нравлюсь ему, просто лучшее, что он мог сделать в настоящее время, — это не вызывать раздражения общества.

Ужасно думать о финансах. Я совершенно издержался. А сейчас вынужден тратиться на одежду выше своих возможностей: так много балов, так много визитов плюс питание, квартира и т.д. Я со своими тратами на роскошь стал обузой для друзей. Что делать?

Через 2 недели мне должны сделать хирургическую операцию, но мой доктор говорит, что я еще слишком слаб, чтобы подвергнуться ей.

Когда я приехал в С.-Петербург, мне нечего было надеть. Мой чемодан еще не прибыл. У меня была только одежда, в которой Вы видели меня в Казалинске, с обувью из кашмы — я потерял свои кожаные туфли в дороге. Чтобы выглядеть соответственно, мне пришлось все покупать. Не очень-то романтично влезать в долги. Только подумайте, сколько это должно было мне стоить — 300 рублей за одежду на три месяца! С Пельцамом я был не в состоянии привести в порядок свои расходы, он — путаник. Я никогда не мог понять, как он вообще путешествовал. Я оставил его улаживать дела с Вами, дав ему 10 рублей. Их нужно отдать г-ну Kreutehmer[9], у которого я занял эту сумму, чтобы иметь возможность порыться в книгах в Петро-Александровке. Пельцам так «хорошо» вел мои дела, что на каждой станции что-нибудь забывал: туфли — на одной, голубка́[10] — на другой и так далее. И, наоборот, покупал массу ненужных вещей. Это его вина, что шпага, которую я дал В.К. (великому князю. — *Сост.*), отстала от нас — он думал, что я не имею права везти свои вещи вместе с собой в тарантасе, а могу ехать только без них. Я не хотел больше терять с ним время и оставил его улаживать дела с Вами, так как ждать его мне было некогда.

Теперь о делах. Не будете ли Вы возражать, чтобы определенную сумму денег, одну треть, я потратил на подготовку к предстоящему путешествию? В этот раз я должен буду взять с собой слугу. По Индии не принято путешествовать одному. Если со мной что-то случится, этот человек, согласно договоренности, доставит Вам мои бумаги, и мои труды не будут напрасными. Следующую неделю меня не будет в Петербурге — я уеду в Москву повидать Черняева, Минаева и других. Пожалуйста, сообщите мне свое решение. Время пройдет быстро, нужно, чтобы я успел подготовиться. Мой багаж после прибытия должен быть направлен мне. Найдена ли шпага? Мой адрес в С.-Петербурге: Послу г-ну Нисси[11], японское посольство, Большая Морская, 48.

Искренне Ваш Рамчандр.

Я каждый день обедаю в посольстве, а проживаю в меблированных комнатах.

В случае, если Вы переведете мне деньги, пожалуйста, телеграфируйте об этом Григорьеву[12], он все уладит.

P.S. Я надеюсь, Ва́с не затруднит моя просьба передать привет друзьям, которые еще помнят меня. Жду Вашего ответа через неделю? Если найдется мой бедный голубок, прикажите переслать его мне, сколько бы это ни стоило.

ГАРФ, ф. 1155, оп. 1, ед.хр. 2830, л. 1–2 об. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 89

3 января 1880 г. — Донесение полковника Л.Н.Соболева[13] о Рамчандре

21 декабря вечером ко мне заходил Рамчандр, тот самый, который именует себя племянником известного по 1857 году Нана Саиба и о котором я представил рапорт начальнику Главного штаба осенью 1878 г.

Лето прошлого, 1879 г. Рамчандр провел в экспедиции Великого князя Николая Константиновича, был в Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, в бекствах Бухарского ханства, расположенных в верховьях Аму-Дарьи, намеревался пробраться в Кашмир и Индию, но в Кабадиане ему объявили, что он должен вернуться в Россию вместе с экспедициею, вследствие этого он спустился вниз по Аму и из Хивинского ханства вернулся в Россию.

В числе интересных рассказов о путешествии по Туркестану Рамчандр сообщил мне между прочим следующее: 1. В Самарканде или Ташкенте, хорошо не помню, он видел известного Гуру-Чаран-Синга, старца 74 лет, главу реформаторской религии синг (сейк)[14], пришедшего к русским от имени своих единоверцев послом. Влияние этого лица простирается на 40 000 000 обитателей Индии[15], он потомок известного пророка Гуру-Нанек[16]. Посол этот говорил, что будто синги (или сейки) готовы выставить против англичан до 300 000 вполне снаряженных и вооруженных людей, если русские покажут действием, что идут в Индию на англичан. Главный город секты синг есть Амридсар, священный для всех индийцев.

2. По словам Рамчандра, читральские владения (расположенные в верховьях р. Камы, впадающей в Кабул-Дарью), находящиеся в условной зависимости от Кабульского эмира, уже объявлены принадлежащими Кашмирскому магарадже[17].

3. Владения Бадахшан будто бы отпали от Афганистана и признали власть Бухарского эмира[18].

4. Будто афганцы говорили членам экспедиции за неделю до Кабульского избиения, что с англичанами в Кабуле порешено покончить (убиение Каваньяри)[19].

Между прочим Рамчандр высказал в высшей степени оригинальное соображение о том, что индийцы будто желают, чтобы Великобритания окончательно покорила Афганистан, ибо это покорение дает возможность поселиться в Афганистане более 10 000 000 индийцам, ныне крайне стесненным в землях. «Теперь мы имеем двух врагов, — заметил Рамчандр, — англичан и мусульман. Мы хотим, чтобы англичане покорили мусульман. Массою людей мы займем земли этих последних. Тогда у нас будет один враг — англичане, самый ненавистный для нас враг, и мы постараемся его уничтожить».

Полковник Соболев

3 января 1880 г. С.Петербург.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 3—4 об. Автограф.

№ 90

6 марта 1880 г. — Донесение неустановленного лица о разговоре с индийцем Рамчандром

Во время вчерашнего моего разговора с Рамчандером последний между прочим заявил о бедственном положении гиндустанского народа. Причины такого положения, по мнению Рамчандера, заключаются в недостаточной обширности территории по сравнению с численностью населения. Притом же лучшие земли заняты английскими плантациями, на которых разводился опиум, красильное дерево[20] и другие предметы вывоза, служащие лишь к обогащению плантаторов, но не приносящие никакой пользы народу. Ввиду сего гиндустанцы заявляют желание массами перейти в наши пределы и расположиться в пустых местах нашего Туркестанского края.

Подобные переселения, по мнению Рамчандера, послужили бы к ослаблению могущества англичан в Гиндустане, так как сила последних главным образом опирается на бедственное и угнетенное положение туземного населения. С выходом значительной массы народа экономическое положение оставшихся жителей исправилось бы, и можно было бы предвидеть более энергичное пробуждение чувства самостоятельности в среде апатичного в настоящее время от голода населения. Сравнивая наше положение в Средней Азии с положением англичан в Гиндустане, Рамчандер находит наше положение несравненно прочнее. Он уверяет, что власть англичан в Гиндустане только фиктивна и имеет чисто политический характер, то есть поддерживается ложными понятиями европейских кабинетов о действительном положении дел в Гиндустане, а главное — нерешительностью нашей политики в Средней Азии.

Обаяние англичан в Гиндустане, по отзыву Рамчандера, заметно расшатано первыми неудачами в Афганистане и удалением туда значительной части войск[21], так, например, владетель Бирмы уже совершенно открыто не признает владычества Англии, удалил из своих земель всех живущих там англичан[22]. Кроме того, англичане последнею афганскою войною вооружили против себя и мусульманское население Гиндустана. Кажущееся сочувствие индусов к последним успехам англичан в Афганистане Рамчандер объясняет надеждою приобрести территорию для выселения, а также и следующими соображениями: до владычества англичан в Гиндустане жители этой страны находились в прямых торговых сношениях с Персией и своими северными среднеазиатскими соседями. Со времени же английского нашествия доступ к этим странам через Афганистан сделался невозможным вследствие постоянно угрожающего нападения этого ханства. В настоящее время торговая каста гиндусов надеется, что успехами английского оружия путь в Персию будет снова открыт. Англичане, по словам Рамчандера, в высшей степени бдительны и недоверчивы к вассальным владельцам. Так, например, в минувшем году магараджа Синдии[23], желая перевооружить свои войска, выписал из Америки ружья, транспорт с ружьями прибыл благополучно в Бомбей, но был тотчас же конфискован английскими властями; при этом бомбейский губернатор объявил магарадже, что ружья не отобраны, а просто взяты на сохранение в бомбейский арсенал, так как, по мнению английских властей, магараджа в настоящее время в новых ружьях не нуждается. Надо заметить, что вассальные войска вооружены вообще весьма плохо: ружья у них в мирное время хранятся в арсенале, а на руки солдатам для учений и караульной службы выдаются деревянные палки, выточенные наподобие ружей.

Во время минувшей кампании 1877—1878 годов[24] англичане старались привлечь часть собранных в Константинополе беженцев к переселению в Гиндустан, но проект этот возбудил сильный ропот в среде населения Гиндустана, не исключая и мусульманского, почему это переселение и не состоялось.

О состоящем на русской службе Искандер-хане[25] и своих сношениях с ним Рамчандер сообщил следующее:

При открытии последней турецкой кампании Искандер-хан по внушению английского правительства отправился из Лондона в Константинополь, где должен был сформировать отряд из бывших своих приверженцев, вызванных им из Герата. В декабре 1877 действительно к нему прибыло несколько десятков афганцев, но в таком изнуренном виде, что они положительно не могли принять участия в военных действиях, и таким образом, формирование проектированного афганского легиона не состоялось. Английское правительство, недовольное действиями Искандер-хана, лишило его субсидии, которою он до того времени пользовался; после этого он отправился в Персию. В настоящее время Искандер-хан находится в Мешхеде. Сам Рамчандер встретился с Искандер-ханом в Константинополе, где он получил от него рекомендательные письма для облегчения своего путешествия через Персию и Афганистан в Гиндустан. Во время этого путешествия Рамчандер встретил английскую рекогносцирующую экспедицию, которая исследовала прямой путь из Кветты в Мешхед. Встреча эта заставила Рамчандера возвратиться в Константинополь, где он вторично виделся с Искандер-ханом, который на этот раз снабдил его рекомендательными письмами к разным лицам в Петербурге. Рамчандер находился при этом в положительном неведении о проделках Искандер-хана в отношении к нему. У Искандер-хана два брата: Абдуладжан, живущий в Герате, и Шанавас-хан[26], находящийся в Тегеране.

Для сношения с Гиндустаном Рамчандер рекомендует горный путь через Куляб, Фейзабад, Читрал, Муссафар-абад и Кашмир.

Для войск этот путь не годится, и единственным военным путем для достижения Гиндустана он считает дорогу через Кабул. Об оперативном направлении через Герат он не мог высказать своего мнения, так как этот путь ему мало знаком. Он особенно сильно настаивал на необходимости в случае военных действий против Гиндустана базироваться на Аму-Дарью. Он считает эту реку отличною коммуникационною линиею, ввиду судоходности ее (для больших лодок) до самого Вакша. Хотя значительная масса Гиндустанских народов имеет самые невыгодные (распространяемые англичанами) мнения о России, но все же большинство гиндусов смотрит на русских как на своих будущих освободителей. Особенно склонны к содействию русским магараджи Синдии, Гвалиора, Кашмира и Патиалы[27]. Лица эти, по уверению Рамчандера, — представители 150-миллионного населения, безусловно нам преданного.

Магараджа кашмирский считается главою всего населения Раджистана и всех раджпутов, разбросанных по всей западной части Гиндустана. Раджпуты женятся исключительно между собою, почему все считаются родственниками. Они принадлежат к военной касте. Синдия и Гвалиор в таком же отношении к племенам Бароды и Холкар. Они принадлежат к торговой касте, но считались прежде в военной. Они содержат прекрасную конницу. Магараджа Патиалы — потомок по женской линии Ренджит Синга — считается главой всех сейков. От этих лиц, как известно, была послана делегация ген[ерал]-ад[ъютанту] Кауфману.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 45—48 об. Копия.

№ 91

12 марта 1880 г. — Доклад по Главному штабу о принятии индийца Рамчандра Баладжи на службу

Статс-секретарь барон Жомини[28] обратил внимание военного министерства на пребывающего с 1878 года в России знатного индийца Рамчандера Бала-Джи, именующего себя племянником Нэна-Саиба, как на человека способного оказать нам важные услуги во всех делах, соприкосновенных с индийскою политикою Британского правительства.

По собранным сведениям это лицо несомненно высокого происхождения, хорошо образованное, глубоко изучившее Азию, имеющее связи как в Индии, так и в Персии и вполне преданное интересам своей угнетенной родины, действительно может быть полезным орудием для указанных выше целей.

Согласно с сим имелось бы в виду назначить г. Рамчандера в распоряжение туркестанского генерал-губернатора с обеспечением ему приличного содержания из доходов Ферганской области.

Но так как сношение по сему предмету с генерал-адъютантом фон Кауфманом потребует значительного времени, а из дознания выяснилось, что г. Рамчандер находится ныне в крайне стеснительном положении и поддерживается лишь небольшими пособиями японского посольства и займами у персидского консула, то признавалось бы соответственным безотлагательно вывести его из столь бедственного положения как оказанием ему единовременного пособия, так и привлечением его к деятельности с известным вознаграждением.

Единовременное пособие, необходимое Рамчандеру, полагалось бы назначить в размере 400 руб. с отнесением сего расхода на § 6 сметы Главного штаба (на известное Вашему императорскому величеству употребление).

Что же касается предоставления ему соответственной деятельности, то таковая могла бы заключаться в разработке при Азиатском отделении Главного штаба некоторых близко известных г. Рамчандеру географических и этнографических вопросов по Средней Азии и Индии с вознаграждением за эту работу по 100 руб. в месяц из § 4 ст. 2-й сметы Главного штаба[29] или же в предоставлении г. Рамчандера во временное распоряжение генерал-адъютанта Скобелева[30] 2-го, который имеет между прочим в виду им воспользоваться для сношений с Искандер-ханом и некоторыми влиятельными личностями из туркмен.

Испрашивается: Благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству соизволить на испрашиваемое единовременное пособие г. Рамчандеру в 400 руб. и на употребление сего лица согласно предположенному назначению.

Резолюция на 1-й странице документа: «Высочайше разрешено, как испрашивается».

Гр. Милютин.

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 5—6 об. Подлинник.

№ 92

10 сентября 1880 г. — Записка об индийце Рамчандре

Индиец Рамчандр, именующий себя племянником известного Нана Саиба, поднявшего в 1857 году Индию против англичан, прислал из Багдада на имя заведывающего Азиатскою частию штаба генерал-майора Соболева представляемое при сем письмо от 6 июля. Из этого письма видно, что Рамчандр отказывается служить нашему правительству и из Тегерана намеревается отправиться к Абдул-Рахману[31], новому эмиру Афганистана.

Мотивом к такому отказу он выставляет ряд неприятностей, которым будто он подвергся в течение своего пребывания в пределах России.

Из второго письма Рамчандра, посланного из Шираза 12 августа, не усматривается категорического отказа служить интересам России, выраженного в первом письме. В новом письме индиец сообщает, что японская миссия прекрасно принята в Персии и он, Рамчандр, намеревается установить сношения между Японией и Афганистаном*.

Между тем Рамчандр предложил свои услуги генерал-адъютанту Скобелеву, что видно из представляемой при сем телеграммы временно командующего войсками, действующими в Закаспийском крае, от 5 сентября.

Представляя при сем Вашему сиятельству все относящиеся до этого вопроса документы, имею честь доложить, что генерал-майор Соболев счел соответственным воздержаться от непосредственного ответа г. Рамчандеру.

Можно полагать, что при настоящих обстоятельствах было бы самое лучшее не начинать никаких сношений с Афганистаном, а потому казалось бы полезным, если только это возможно, отклонить задуманное Рамчандером дело, а особливо поездку к эмиру. В случае, если на это Рамчандер не согласится, быть может полезно, чтобы вовсе не лишиться услуг этого во всяком случае замечательного индийца, разрешить заведывающему Азиатскою частию ответить ему частным письмом, редакция которого могла бы быть указана Министерством иностранных дел.

Справка. В 13 день прошлого марта высочайше повелено выдать Рамчандеру единовременное пособие 400 руб. и прикомандировать его к Азиатской части Главного штаба, назначить временно в распоряжение генерал-адъютанта Скобелева.

Подпись неразборчива.

Резолюция на 1-й стр. документа: «Высочайше повелено прекратить всякие отношения к Рамчандеру.

Ген[ерал]-ад[ъютант] гр[аф] Милютин».

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 52—53 об. Подлинник.

---

* Чтобы ослабить торговлю английской Индии, Рамчандер хлопочет о заключении между Персией и Японией торгового договора. В силу этого договора в Персию будет ввозиться зеленый чай, взамен бомбайского (*примеч. автора*).

№ 93

10 июня 1881 г. — Прошение на высочайшее имя о назначении пособия индийцу Рамчандру

Испрашивается высочайшее соизволение. На назначение индусу Рамчандеру Баладжи пособия в размере 1000 рублей с отнесением этого расхода на § 6-й текущей сметы Главного штаба (на известное его величеству употребление).

Резолюция: «Нахожу это совершенно лишним. Отправить его до границы за казенный счет, а пособия он не заслуживает».

РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 657, л. 108. Подлинник.

Примечания

[1] Рамчандр Баладжи выдавал себя за племянника Наны Сахиба; по его словам, ребенком был захвачен англичанами во время восстания при взятии дворца Наны Сахиба в Битхуре и увезен в Англию. Позднее он переехал в Швейцарию, где и получил образование в закрытом пансионе. В 1869 г. он тайно приехал в Индию, но английские колониальные власти выследили его и отправили обратно. На следующий год Рамчандр Баладжи поступил в Берлинский университет. Проводя каникулы в Англии, Рамчандр познакомился с Искандер-ханом (см. примеч. 25), пригласившим его уехать с ним в Персию. Из Тегерана он пытался через Герат попасть в Индию, но был ограблен разбойниками и вернулся обратно. После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Рамчандр находился в Сан-Стефано и познакомился с русской делегацией, приехавшей на подписание мирного договора. Затем он приехал в Петербург.

Представляются маловероятными близкие родственные связи Рамчандра с Наной Сахибом. Нана Сахиб был старшим из трех приемных сыновей последнего маратхского пешвы Баджи Рао II. Единственным его племянником по этой линии был Пандуранга Рао (или Рао Сахиб, сын второго приемного сына пешвы Дады Сахиба). Родственники Наны Сахиба по крови (его отец был торговцем зерном) вряд ли жили во дворце пешвы и поддерживали с ним тесные связи. Кроме того, после поражения восстания в 1857 г. при отступлении из Битхура Нана Сахиб взял с собой своих родственников, и англичане вступили в уже полупустой дворец.

Рамчандр был, по-видимому, авантюристом, знавшим историю Наны Сахиба и пытавшимся сыграть на тех добрых чувствах, которые многие испытывали к нему.

Рамчандр Баладжи был включен в состав 3-й экспедиции великого князя Николая Константиновича по просьбе В.В.Григорьева. Эта экспедиция с июня по ноябрь 1879 г. проделала 6700 верст, отправившись в Среднюю Азию из Самары. Р.Баладжи приехал в Самару в апреле 1879 г. До этого он год прожил в Петербурге. По воспоминаниям губернатора Самары А.Д.Свербеева (см.: РГАЛИ, ф. 472, оп. 1, № 84), Рамчандр Баладжи был весьма образованным человеком, знал европейские языки, немного говорил по-русски, но понимал отлично, хорошо знал историю, высказывая интересные мысли. Он постоянно говорил о необходимости союза России и Индии, восстание в Индии против англичан считал лишь вопросом времени.

Экспедиция вел.кн. Николая Константиновича, по мнению Р.Баладжи, была крайне необходима для упрочения русского влияния в Средней Азии.

Свербеев замечает также, что даже европейское воспитание и длительное проживание вне Индии не поборолo в Рамчандре Баладжи чувства кастовости и пренебрежения к простолюдинам.

[2] Зиновьев Иван Алексеевич (1835—1917), действительный тайный советник, дипломат. В 1851 г. окончил курс в московском Лазаревском институте восточных языков и был определен в МИД, с 1859 г. служил на разных должностях в консульствах Персии, 1876—1883 гг. — посол в Персии, впоследствии посол в Норвегии, Турции; 1883—1891 гг. — начальник Азиатского департамента МИД; с 1905 г. — член Государственного совета.

[3] Григорьев Василий Васильевич (1818—1881), ученый-ориенталист, занимавшийся изучением Средней и Центральной Азии. Был профессором восточных языков Ришельевского лицея в Одессе, затем работал в департаменте духовных дел, в географическом и археологическом обществах, в 1851 г. переехал в Оренбургский край и служил там до 1862 г. в должности начальника пограничной экспедиции. С 1863 по 1878 г. занимал кафедру истории Востока в С.-Петербургском универси-

тете, затем был начальником Главного управления по делам печати, в 1880 г. вышел в отставку. Основные его научные труды: «Кабулистан и Кафиристан» (1867 г.), «Восточный Туркестан» (1869, 1873 гг.), «Россия и Азия» (1876 г.), «О походах Александра Великого в Западный Туркестан» (1881 г.).

[4] Ростовцев Николай Яковлевич (1831—1897) — граф, будучи полковником Генерального штаба, был в 1877 г. назначен главным распорядителем дел попавшего в опалу великого князя Николая Константиновича и постоянно находился при нем. Участвовал в организации и проведении всех трех экспедиций великого князя (в 1877, 1878, 1879 гг.) в Среднюю Азию. В 1880 г. стал генерал-майором, с 1892 г. — генерал-лейтенант, в этом же году назначен военным губернатором и командующим войсками Самаркандской области.

[5] Пельцам — лаборант Казанского университета, участвовал в 1879 г. в экспедиции вел.кн. Николая Константиновича как зоолог, за что в 1880 г. был официально награжден ценным подарком.

[6] Кто из Волконских, Трубецких и Барятинских имеется в виду, установить не удалось. Известный фельдмаршал А.И.Барятинский умер в Женеве еще в феврале 1879 г.

[7] Каразин Николай Николаевич (1842—1908) — писатель и художник, 9 лет служил в войсках Туркестанского военного округа, участник Хивинского похода 1873 г., автор нескольких романов и очерков о Средней Азии. Участник 3-й экспедиции вел.кн. Николая Константиновича в 1879 г. в Среднюю Азию.

[8] Мушкетов Иван Васильевич (1850—1902) — известный геолог, исследователь Средней Азии, Кавказа, Урала. Составил схему геологического строения Средней Азии, а также первую, совместно с Г.Д.Романовским, геологическую карту Туркестана, изучение которого начал в 1874 г. В 1879 г., как горный инженер, по приглашению вел.кн. Николая Константиновича участвовал в его 3-й экспедиции. Автор трудов «Туркестан» (т. 1—2, 1886—1906), «Физическая геология» (ч. 1—2, 1888—1891).

[9] Г-н Kreutehmer — неустановленное лицо.

[10] Вероятнее всего, так Рамчандр Баладжи называл свою маленькую собачку, которую брал с собой в экспедицию.

[11] Нисси Токудзиро — японский дипломат, служивший в России в 1878 г. 2-м секретарем посольства, в 1879—1880 гг. — поверенным в делах, с 1887 по 1897 г. занимал пост посла.

[12] Имеется в виду Григорьев Василий Васильевич.

[13] Соболев Леонид Николаевич (1844—1913) — военный деятель, генерал от инфантерии, историк, географ; окончил академию Генерального штаба, принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., заведовал Азиатской частью Главного штаба, в 1882—1883 гг. — глава кабинета и министр внутренних дел Болгарского княжества. Автор многих работ по истории сопредельных России стран Востока.

[14] Автор имеет в виду последователей сикхизма.

[15] Полковник Соболев ошибается: по переписи 1891 г. в Индии было 1 907 883 последователя сикхизма (см.: Census of India, 1891. Vol. I. L., 1892, p. 90).

[16] Нанек (правильно Нанак) гуру (1469—1538) — духовный наставник, основатель религиозной общины сикхов, проповедовал равенство всех перед богом, отказ от аскетизма и активную мирскую деятельность, беспрекословное повиновение власти гуру (учителя).

[17] Правитель княжества Читрал Аман-ул-Мульк объявил в 1876 г. о вступлении в вассальную зависимость от Кашмира.

[18] Сведения ложные.

[19] Имеется в виду восстание городского населения Кабула 3 сентября 1879 г. во время 2-й англо-афганской войны, когда был перебит весь находившийся в столице гарнизон английской миссии вместе с ее главой Луи Каваньяри (1841—1879).

[20] Красильное дерево — сандаловое дерево, содержащее красный краситель, использующийся для окраски шерсти и в обойном производстве.

[21] Имеются в виду партизанские действия населения Афганистана в период 2-й англо-афганской войны, которые изматывали противника, перерезали линии связи, что привело к концу 1879 г. к изоляции большого отряда англичан в Ширпурском укрепленном лагере.

[22] Сведения неточны. Последний независимый правитель Бирмы Тибо (1860—1914, годы правления 1878—1885) пытался в своей политике ориентироваться на Францию, но часть Бирмы — Пегу — по-прежнему находилась в руках англичан, и положение британских подданных в независимой части Бирмы было достаточно прочным.

[23] Имеется в виду Джаяджи Рао Синдия.

[24] Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[25] Искандер-хан — внук эмира Афганистана Дост Мухаммад-хана, племянник эмира Шер Али-хана, в результате династической борьбы был заключен в тюрьму. Освобожденный из заключения в 1866 г., он бежал в Бухару, а затем в Туркестан, поступил на службу в русскую армию,

получил чин подполковника и за проявленные мужество и отвагу в военных операциях против Бухары был пожалован орденом Станислава 2-й степени с мечами. Затем Искандер-хан отправился в Петербург с целью получить военное образование и предложить свои услуги России в проведении ее восточной политики. Недовольный пассивностью ее правительства в Центральной Азии, он подал в отставку в 1871 г. и уехал в Англию; но в планы Великобритании также не входило в то время осложнять отношения с Афганистаном, в 1877 г. Искандер-хан переехал в Турцию, а затем поселился в Иране.

[26] Шахнаваз-хан, Искандер(Секандер)-хан и Абдулла-хан (ум. 1880) — сыновья сердара (правителя) Герата Султана Ахмад-хана Саркара (ум. 1862).

[27] Здесь и ниже автор донесения или сам Рамчандр Баладжи демонстрирует путаницу в понятиях и незнание реалий Индии того времени: Синдхия — это правившая династия княжества Гвалиор, махараджа Кашмира был сикхом-пенджабцем и не имел никакого отношения к Раджпутане, Барода — княжество, а Холкар — династия, правившая в княжестве Индор.

[28] Жомини Александр Генрихович (1814—1888) — барон, дипломат, в 1879—1880 гг. — товарищ министра иностранных дел.

[29] § 4 ст. 2 сметы Главного штаба предназначался для наград и пособий чинам военного ведомства, которые выдавались по высочайшему повелению (РГВИА, ф. 400, оп. 22, д. 60, л. 272).

[30] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, выдающийся военный деятель, герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг., участник 1-го Хивинского похода русских войск в 1873 г., Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг., отличался большой личной храбростью. В 1876 г. был назначен военным губернатором Ферганской области Туркестанского края.

[31] Имеется в виду Абдуррахман-хан.

№ 94—95

Документы о пребывании в России бенгальца Нишиканты Чаттопадхьяя[1]

№ 94

6 февраля 1879 г. — Письмо Нишиканты Чаттопадхьяя профессору И.П.Минаеву о необходимости поддерживать сотрудничество и о снабжении индийской периодикой

Дорогой сэр!

Ваши газеты «Хинду пэтриот»[2] и «Амрита базар патрика»[3] приходят регулярно, и я надеюсь, что Вы уже получили первые номера. К сожалению, они поступают в мой адрес — ошибка, которую я исправлю как можно скорее. Я написал издателям, чтобы они высылали свои газеты в Библиотеку Университета, но я имел в виду Отдел журналов, периодических изданий и обзоров, где я както раз был любезно Вами представлен. А газеты приходят непосредственно в Библиотеку Университета, и она регулярно пересылает их мне. Ничего, в течение нескольких недель все наладится.

Бабу Киртадас Пал[4] сообщил мне, что подписка на газету «Пэтриот»[5] стоит в год 11 рупий, прибавьте к этому 3 рупии 4 анны за пересылку, и получится 14 рупий 4 анны, которые Вы должны уплатить мне. Редактор «Амрита Базар» еще не сообщил мне условий подписки, но это и не нужно. Если Вы сами заглянете в газету, Вы легко выясните, сколько должны заплатить, доставка в этом случае стоит также 3 рупии 4 анны. Я надеюсь, что Вы будете любезны и вышлете мне деньги при первом удобном случае. Думаю, что постепенно придут и другие Ваши книги.

Позвольте мне сказать Вам, что, несмотря на разницу наших взглядов по вопросам политики, а также, вероятно, религии и философии, между нами должен существовать союз и сотрудничество. Вы, как я мог наблюдать, любите Индию и Индустан и все, что близко или отдаленно связано с ее языком, литературой, религией, философией и т.д. А Индия, и Вы это знаете, — для меня самое дорогое место на земном шаре. Кроме того, Вы любите науку. Истина — единственная богиня, которой я поклоняюсь и к алтарю которой я с радостью приношу все вдохновение моей юной души. (Извините за такой стиль, но Вам пишет индус.) «Полюби мою страну и мою науку, и ты полюбишь меня» — это может сойти за эквивалент известной английской пословицы.

Вы специалист по буддизму, и я мог бы очень многое узнать от Вас по этому важному, но крайне плохо исследованному предмету. С другой стороны, возможно, во многих отношениях и я смогу быть полезен Вам, помимо снабжения рукописями, журналами и книгами, обеспеченность которыми у местных жителей всегда была и есть лучше. В этом наше преимущество перед европейцами, хотя европейцы превосходят нас по глубине и диапазону своих знаний. «Eine Anschauungweise und ein Sprachgefühl»*, как говорят немцы, имеют неоценимое значение для выявления истинной ценности вещей. Профессор Вебер[6] делает грубую ошибку в индусской хронологии, потому что у него мало и того и другого. Надеюсь, что Вы воспримете эти слова в том смысле, в котором они написаны.

Остаюсь Ваш Нишиканта Чатопаддхая.

P.S. Я регулярно получаю «Татхваботхини», «Бхарати», «Нейшнэл пэйпэ», довольно регулярно «Авалавандхаб», «Джорнал ов Нейшнэл Индиа»[7], «Амрита Базар» и другие.

РГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед.хр. 399, л. 24—25 об. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 95

Без даты. — Рекомендательное письмо К.А.Коссовича[8] А.Ф.Бычкову[9] на Нишиканту Чаттопадхьяя

Рекомендую г. Ниси Чаттопадхьяя, предназначаемого Министерством на кафедру новоиндийских языков. Не откажите быть ему полезным по библиотеке. Молодой человек отличный.

ГПБ, Отдел рукописей, ф. 120, оп. 1, № 826, л. 45—46. Автограф.

Примечания

[1] Нишиканта Чаттопадхьяя (Нишиканта Чатопаддхая) (1852—1910), бенгальский ученый. Учился в колледже Дакки, затем по рекомендации Дебендранатха Тагора был послан в Европу для продолжения образования, изучал в университете Эдинбурга медицину и санскрит, в Лейпциге читал платные лекции, сопоставляя буддизм и христианство. В 1877 г. был приглашен в Россию для преподавания бенгальского языка и санскрита. В 1878—1880 гг. преподавал в С.-Петербургском университете, в 1880 г. выехал в Швейцарию, где в 1882 г. защитил диссертацию по народной драме Индии. Н.Чаттопадхьяя первым в Индии опубликовал статью о русском языке и очерк русской литературы. По возвращении из Цюриха получил приглашение в Хайдерабад, где женился на дочери одного из приближенных низама.

---

* Учет особенностей мировоззрения и языковое чутье (*нем.*).

Минаев отрицательно относился к Н.Чаттопадхьяя, считая его воплощением денационализированных «калькуттских бабу», стремящихся во всем подражать англичанам. Возможно, были и личные мотивы неприязни: И.П.Минаев долгое время работал преимущественно на историко-филологическом факультете, так как кафедра санскрита на Восточном факультете была занята, Н.Чаттопадхьяя же претендовал на преподавание именно санскрита, не желая довольствоваться новоиндийскими языками.

[2] «Хинду пэтриот» — газета, издававшаяся на английском языке в Бенгалии, отражавшая взгляды умеренного крыла национального движения. Основана в 50-х годах XVIII в.

[3] «Амрита базар патрика» — газета, издававшаяся с 1868 г. в Калькутте на бенгальском языке. На следующий же день после издания закона 1878 г. о туземной печати, по которому за статьи, критикующие политику правительства, газету, издаваемую на любом индийском языке, имели право закрыть, редакторов штрафовать и заключать в тюрьму, эта газета, причинявшая массу неприятностей своими публикациями англо-индийскому правительству, стала выходить на английском языке. Позднее стала органом Индийского Национального конгресса, сейчас независимая газета.

[4] Бабу Киртадас (Картадас) Пал — Кристо Дас Пал — редактор газеты «Хинду пэтриот».

[5] Имеется в виду «Хинду пэтриот», см. примеч. 2.

[6] Вебер Альберт-Фридрих (1825—1901), известный немецкий ориенталист, читавший лекции по санскриту и индийской литературе в Берлинском университете. Автор ряда исследовательских работ и переводов, занижал древность памятников санскритской литературы, считая, что многие из них сложились под влиянием греков.

[7] Названия периодических изданий на английском и местных языках, выходивших в Индии.

[8] Коссович Каэтан Андреевич (1815—1883), русский востоковед, в 1836 г. закончил Московский университет со степенью кандидата наук, преподавал греческий язык, в 1849—1883 гг. служил в Императорской публичной библиотеке в должности редактора ученых работ, заведовал восточными книгами и рукописями. Одновременно К.А.Коссович преподавал санскрит в Петербургском университете, занимался переводами с санскрита (*Кришна-Мисра.* Торжество светлой мысли. Драма в 6 актах, пер. К.А.Коссовича. М., 1846 и др.).

[9] Бычков Афанасий Федорович (1818—1899), историк и археограф, с 1844 г. хранитель отдела рукописей и церковно-славянских старопечатных книг в Императорской публичной библиотеке, с 1854 г. главный редактор по изданию летописей в Археографической комиссии, в 1866 г. избран академиком по отделению русского языка и словесности, с 1868 г. помощник директора Императорской публичной библиотеки, а с 1882 г. — ее директор.

№ 96—100

1 октября 1879 г. — 9 августа 1888 г. Документы, связанные с деятельностью Е.П.Блаватской в Индии

№ 96

1 октября 1879 г. — Письмо Е.П.Блаватской[1] Суворину Алексею Сергеевичу[2], издателю газеты «Новое время», с предложением опубликовать ее статью

Редакция журнала «Теософист»[3]
Гиргаум, Бомбей, Индия

Бомбей, окт. 1, 1879

Г-ну Издателю «Русского времени»[4] А.С.Суворину.

Издательница журнала «The Theosophist» свидетельствует свое глубочайшее почтение г.Суворину и надеется, что он извинит бесцеремонность этого пись-

ма — хотя бы ради доброго намерения услужить далекому земляку. Если калькутская газета «Amrita Bazar Patrika» получается в Петербурге, то статью можно бросить в огонь, а если не получается, то, может, она пригодится журналу «Новое время» — журналу, получаемому и весьма уважаемому мною.

«Amrita Bazar Patrika» самая неспокойная и буйная газета в Индии — настоящая заноза в боку Press Commissioner (что-то вроде цензора), она прежде издавалась на бенгальском языке. Но когда ее статьи дошли до maximum'а неприятных англо-индийскому правительству истин, то оно и прибегло, около двух лет тому назад, к знаменитому своему закону, известному под именем Press gag или по-французски «Наморднику прессы»[5]. Закон, как г. Суворину известно, возбудил в Индии страшное негодование, и дело доходило почти до бунта. В то время как по-английски можно было написать про всех и про все, на диалектах страны запрещалось печатать даже имя кого-либо из служащих без должного уважения и саламов*. Закон был выдуман и прошел, положительно имея в виду одну или главным образом неисправимую Amrita. Но последняя оказалась хитрее комиссионеров прессы. В одну ночь они изменили печатные литеры, и газета вышла на другой день от начала до конца по-английски! Комиссия осталась с носом, а «Амрита Базар Патрика» стала отличаться еще более прежнего.

Я бы с удовольствием послала статью «Russia or England»[6] уже переведенной. Но к стыду своему — хотя и безвинна в этом — замечаю, что совсем забываю родной язык, не говоря по-русски целые годы иногда.

Также покорнейше прошу г. Суворина в случае, если он поместит перевод этой статьи, не упоминать ни моего имени, ни откуда газета получена. «Новое время» знает — по письму «М»[7] из Лондона, что меня и так уже А.И.** Правительство пожаловало в русскую шпионку; а если узнает, что я посылаю русским газетам выписки из здешних газет, то совсем заедят. Только напрасно корреспондент М — пожаловал меня в своем письме в «ярую спиритку». Совсем я не спиритка и против материализующихся бабушек и усопших тёщей восстаю всеми силами. Наше общество (Theosophical Society[8]) воюет против спиритуалистов более четырех лет. Если могу что сделать для г. Суворина в Индии или чем услужить его газете, то прошу его располагать мною. Не увижу я более родной земли своей, поэтому все русское для меня дорого. Американской гражданкой я сделалась не вследствие каких-либо политических взглядов, так как в политике вообще аза в глаза не знаю, — а просто потому, что иначе не могла владеть купленной мною в Нью-Йоркском штате землей и домом.

Извиняясь еще раз за русскую безграмотность свою, остаюсь готовая к услугам

Е. Блаватская

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед.хр. 384, л. 1–2 об. Подлинник.

* От селям (*араб.*) — приветствие (*сост.*).

** А.И. — англо-индийское правительство (*сост.*).

№ 97

16 февраля 1880 г. — Письмо Е.П.Блаватской, секретаря Бомбейского отделения Американского Теософического Общества, профессору И.П.Минаеву с предложением своих услуг и дара древних индийских монет

Господину профессору Минаеву.

Господин профессор!

Надеюсь, что Вы извините меня за невольное незнание имени и отчества и за то, что так бесцеремонно обращаюся к вам, зная, как дорого для вас время[9]. Но узнав причину, вы, быть может, убедитесь, что я действую с единственной целью быть вам полезной в ваших исследованиях. Я, как видите, русская, но страстная буддистка и много лет нахожусь в переписке, как и в отношениях с главными буддистами не только в Цейлоне[10], но и в Бирме и в Тибете.

Как вы, вероятно, слышали, я служу секретарем при Американском Теософическом Обществе. Совершенно уверена, что если вам говорили про нас, то не говорили ничего хорошего, потому что главные два буддиста, или, правильнее, Buddhist scholars, — проф. Wordsworth и Mahadeo Moreshwar Kunta[11] наши враги. Первый — право, не знаю почему, вероятнее всего, п[отому] ч[то] трусит начальства, давно принимавшего наше невинное общество за «русских шпионов»; а второй, п[отому] ч[то] сделался членом Теософ[ического] Общ[ества] еще когда мы были в Америке, рассыпался мелким бесом, когда мы сюда приехали, потом сделался Иудой-предателем и был изгнан Главным Советом из Общества и с тех пор ругал нас исподтишка на всех перекрестках. Если я ошибаюсь и они ничего вам не говорили, то прошу у них извинения. Но что-то невероятно. Также вы, вероятно, взираете на нас — т.е. в случае, когда слыхали о нас, — как на спиритов; и это несправедливо, потому что мы первые враги спиритизма, за что Александр Николаевич Аксаков[12] сильно ссорится с нами...

Извините за долгие подробности, но они необходимы, хоть бы для вящего уяснения моего дела. Наше общество, соединяющее в себе членов всех национальностей, работает более всего с буддистами в Цейлоне и Бирме. Оно основано почти с единственной целью исследовать Азиатские религии, а главное — буддизм. Поэтому Rev[erend] Sumangala (над которым вы немножко посмеялись в вашей книге[13]), Mohotiswatta Terunanse[14] и человек 20 еще — все члены нашего общества, считают нас своим братством, находятся в постоянной переписке и если имеют какие важные рукописи, то присылают их все нам, либо для журнала нашего Theosophist, либо для изучения. Вот уже год, как они просят нас приехать к ним в Цейлон и ждут — не дождутся нас. Я только на днях отослала Суманголи[15] рукопись, которую, он говорил, англичанам ни за что не покажет, даже не только что отдаст. Да я и очень рада этому. Словом, если вы поживете здесь, то убедитесь, что наше общество может быть вам более нежели полезным.

Ежели желаете знать, почему такая благодать именно вам — отвечу откровенно: единственно потому, что вы русский, родной. Я уже давно старуха и прямо говорю поэтому, чем более старею, тем более болит душа по России, которую уже никогда не увижу. Не потому что не могла бы вернуться, а п[отому] ч[то] поклялась не возвращаться и умереть в Индии, где меня и сожгут. Но это мне не мешает быть горячей патриоткой и даже быть готовой положить жизнь за Родину, даже за царя, хоть я его и променяла, сделавшись Американской граждан-

кой. Ненавидя англичан и любя русских, я, конечно, желаю услужить русской, чем их Макс Мюллеровской немецко-английской науке[16]. Поэтому и располагайте мною. Вовсе и не нужно вам беспокоиться заходить, разве сами того пожелаете и будет вам время, а просто прикажите и напишите, что могу я для вас сделать, чем могу услужить, и все, что в моей власти будет — готова сделать. Сумангала только что прислал диссертацию на санскритском языке об эзотерическом взгляде буддистов, о душе человеческой и две-три другие рукописи. А также R.Rivett-Carnac из Ghasipur'a[17] прислал мне в «презент» редкие, только что найденные в Барауни старые монеты, семи разных царей — (два of the Andhra Dinasty[18]) — царя, что строил пещеры Насика[19], — остальные of the Surya and Mitra Dynasty, Bhumi Mitra и Agni Mitra[20] — чрезвычайно редкие. Bhulguni Mitra, Bhumi Mitra, Surya Mitra, Bhudra Ghosa[21] — не только до сих пор не были никогда найденными, но даже это совершенно новые имена в Каталоге Индийских царей. Эти монеты, если вы только думаете, что мне не откажут, я хочу подарить Петербургскому Музеуму[22]. У меня нет коллекции, поэтому они мне не нужны, как они ни любопытны. Умру — пропадут.

Вот и все. Повторяю, что мы здесь окружены врагами, я — как русская, а наше общество как из[мен]ников* — буддистов и браманов. Миссионеры нас ненавидят, а правительство, если бы только не боялось (у нас три члена либеральной партии, членами в парламенте в Лондонском Теософическом Обществе — ветвь нашего), то выслало бы из Индии. Но лорд Линзей F.N.S.[23], председатель Кор[олевского] Астроном[ического] Общ[ества] в Лондоне, также член нашего братства, и здесь боятся разоблачений — at home**.

Теперь объяснив все по истине,
Остаюсь готовая к услугам

Е.Блаватская

СПб. филиал Института востоковедения РАН, Архив востоковедов, ф. 39, оп. 2, ед.хр. 1, л. 1—4. Автограф. Документ и примечания к нему представлены М.А.Сидоровым.

№ 98

27 августа 1885 г. — Из письма Блаватской Е.П. Прибыткову В.И.[24], издателю журнала «Ребус»[25], по поводу заметки о ней, опубликованной в этом журнале

М[илостивый] Г[осударь], в № 30 вашего интересного журнала, на стр. 276, в «Кратких заметках» я нахожу, касательно моего приезда в Европу, следующее: «Известно, насколько горячо Е.П.(Блаватская) любит свою родину Россию и насколько не сочувствует английским порядкам в Индии, за что и не пользуется благорасположением правителей Индии».

Во всех этих строках от начала до конца СВЯТАЯ ИСТИНА***; и ввиду сотен ходящих обо мне, по случаю моего возвращения в Европу, нелепых слухов, я приношу мою горячую благодарность тому, кто написал обо мне хоть раз правду. Но в нескольких последующих за этими строчках вкрались неточности,

---

* Текст неразборчив.

** В метрополии.

*** Здесь и далее выделено автором.

которые я вас и покорнейше прошу исправить. В них говорится, например: «При возникновении афганского вопроса[26], г-жа Блаватская, как и обыкновенно, не стеснялась открыто высказывать свои симпатии и антипатии, за что, по дошедшим до нее слухам, ей грозил арест, во избежание которого она вынуждена была поспешно сесть на отходящее французское судно, доставившее ее благополучно в Неаполь...»*

...Вследствие всего этого прошу позволения ИСПРАВИТЬ и ДОБАВИТЬ следующее к шести упомянутым мною строчкам.

1) Хотя совершенно верно, что я горячо люблю мою родину и все русское, а англо-индийскому ТЕРРОРИЗМУ не только не СОЧУВСТВУЮ, но и просто НЕНАВИЖУ его, но не менее верно и следующее: не чувствуя за собой права вмешиваться в чьи-либо домашние, тем менее в политические дела, в продолжение моего ШЕСТИЛЕТНЕГО пребывания[27] в Индии, строго следуя уставам нашего Теософического общества, я не только что никогда не выражала ПЕРЕД ИНДУСАМИ своих «антипатий», но, любя их и желая им добра от всего сердца, старалась, напротив, помирить их с неизбежным и, утешая, постоянно проповедовала им терпение, прощение и внушала верноподданнические чувства.

2) В благодарность за это, прозорливое англо-индийское правительство узрело во мне, с первого же дня моего приезда в Бомбей — «русскую шпионку». Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть ту КОВАРНУЮ ЦЕЛЬ, которая могла заставить меня предпочитать «покорителям» ПОКОРЕННЫХ «тварей низшей расы», как первые называют индусов. Оно окружало меня более двух лет почетным конвоем из мусульманских полицейских шпионов, делая мне, одинокой русской женщине, честь страшиться меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями. Только спустя два года и истратив — по сознанию сэра Альфреда Лайеля[28], более 50000 рупий на эту бесполезную погоню за моими ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТАЙНАМИ — которых никогда и не было, — правительство успокоилось. — «Мы сыграли в дураков», — говорил мне очень откровенно затем в Симле некий англо-индийский сановник, — в чем я с ним учтиво согласилась.

3) Вернувшись в декабре 1884 г. из Европы домой в Мадрас, я почти тотчас же заболела. С того дня, когда возник афганский вопрос, до 29 марта 1885 г., когда я уехала снова, я не могла выражать ни симпатий, ни антипатий, потому что лежала на смертном одре, приговоренная к смерти всеми докторами. Этим именно и воспользовались те, КОТОРЫЕ СТАРАЛИСЬ ВСЕМИ СИЛАМИ УБИТЬ МЕНЯ или по крайней мере удалить из Индии, где я им мешала. Это известно всей Индии; все знают, насколько меня СТРАШИЛИСЬ И КАК НЕНАВИДЕЛИ многие — почти ВСЕ англо-индийцы[29] и какой существует огромный против нашего общества заговор между европейцами в Индии и даже в Америке и Англии. «Не мытьем, так катаньем». Не находя предлога разрушить приносящее пользу общество, в котором, к тому же, очень много самых известных англичан, наши «доброжелатели» вздумали убить его, убив если не меня, то мою репутацию. Дошло до того, что пожелали даже представить все Теософское общество, организованное полковником Олькоттом[30] и мною, не чем иным, как водевилем с переодеваниями и ширмой, за которой скрываются мои планы и действия «русской шпионки». Такое мнение высказал, между прочим, ПУБЛИЧНО за обедом у м-ра Гарстина[31], одного из выдающихся сановников правительства в Мадрасе, член Лондонского общества для психических исследований[32]. Это произвело страшную бурю.

---

* Здесь отточие автора.

Знающие люди убедили тогда моих людей в Адьяре (главная квартира Теософского общества), что в данное время мое положение далеко не безопасно, как русской, пользующейся известным влиянием среди индусов, и что мне угрожал, невзирая на мою болезнь, — арест.

Таким образом, не объяснив мне даже хорошенько, в чем дело, эти перепугавшиеся за меня друзья решили по совету доктора, который грозил им, что такой арест был бы для меня в то время смертью, отправить меня, не медля ни одного дня, в Европу. Прямо с постели, полумертвую, меня перенесли поздно вечером в кресле на ФРАНЦУЗСКИЙ пароход, где я была в безопасности от врагов, и отправили в сопровождении доктора Хартмана[33], моего секретаря, индуса[34], и преданной мне молодой англичанки[35] в Неаполь. Только придя уже несколько в себя, за островом Цейлоном, я узнала, в чем дело. Не будь я так больна, в то время даже и опасность ареста не заставила бы меня покинуть Индию.

Вот истинный рассказ о последнем событии моей жизни, могущий служить дополнением к помещенной в вашем журнале «Правде о Е.П.Блаватской»[36]. Многие же из подробностей этого шестилетнего эпизода о моем фантастическом «шпионстве» читатели найдут в I и во II части печатающихся в «Русском вестнике»[37] моих писем «Из пещер и дебрей Индостана»[38], продолжением которых я занята в настоящее время.

Примите и проч.
Е.Блаватская.

Вюрцбург[39], 26 августа 1885 г.

Журн. «Ребус». СПб., 1885, т. 4, № 37, с. 335—336.

№ 99

28 июля — 9 августа 1888 г. — Запись из дневника С.С.Бутурлина[40] о знакомстве с Е.П.Блаватской

...Познакомился с Елен.Петр.Блавацкою (Радда Бай)... Она просила меня устроить возвращение в подданство России, куда она, впрочем, не может вернуться, будучи слишком занята работою. Она говорит, что лишь благодаря нашему м-ру Бодиско[41] (он задерживал «из каприза» деньги, присылаемые через него к ней, и т.п.), выведенная из терпения, она приняла подданство Соед. штатов, но когда в City Hall* Нью-Йорка, согласно обряду, она должна была поднять руку в знак того, что она более не признает власть Государя Императора, она отказалась наотрез и произошел скандал. В 81 г. ея «Theosophist» выходил 6 недель с траурн. рамкою по случаю кончины Государя[42]...

...По четвергам веч. у нее заседания теософов, индусы перед нею простираются навзничь «because she is our mother...**»

РГБ, Рукописный отдел, ф. 89, карт. 4, ед.хр. 4, 1887—1888, окт., л. 145 об., 146. Автограф.

---

* Здание муниципалитета (*англ.*).

** Потому что она наша мать (*англ.*).

№ 100

1881—1884 гг. — Из заявления индуса, брахмана Раи Б.К.Лахири в защиту Е.П.Блаватской во время процесса Куломб[43]

...Не может быть никакого сомнения, что Е.П.Блаватская обладает чудесными тайными силами, которые она могла получить, только преодолев бесконечно великие трудности. Нет ничего труднее в наше время в Индии, как найти настоящего йога и суметь получить от него знания, тем более эта трудность непреодолима для женщины из расы варваров (Mlechha)*. Но что ей удалось, — как, я не знаю, — овладеть ключом к истинной индусской философии и к тайному учению Будды, для меня — несомненно.

С членами Теософического общества Индии, Англии и Америки я не знаком, но Е.П.Б. знаю хорошо. Я не русский, не англичанин и не американец и не имею никакого земного побуждения говорить о ком-либо злое или хорошее, если я в том не убежден.

А если подумают о том, что я — Индус и притом Браман высшей касты, то ясно, что ничто, кроме истины, не могло заставить меня сказать слово в пользу личности, которая высокие учения моих предков выдает тем, кто, несмотря на всю науку и цивилизацию, все же — насквозь варвары.

Но кто называет Е.П.Блаватскую обманщицей, тот не понимает, что говорит.

Я бы отдал все в жизни тому, кто научил бы меня так обманывать.

И неужели людям Запада недостаточно, если гордый Браман, который никогда, ни перед кем не склонял головы, кроме Высшего Существа, если он перед этой белой Йогиней Запада складывает руки, как послушное дитя?

Что же побуждает его к тому?

То, что в наших глазах она более не женщина варваров, она переступила порог, и каждый индус, даже чистейший из чистейших Браманов, сочтет для себя честью назвать ее матерью.

Легко завидовать приобретенному могуществу, но трудно, бесконечно труднее, чем я могу это выразить, — приобрести такое могущество.

Из книги «Елена Петровна Блаватская. Ее биография, отзывы о ней учеников и образцы ее сочинений, вышедших в Англии». СПб., 1911, с. 75.

Примечания

1 Блаватская Елена Петровна (писательский псевдоним — Радда Бай) — основательница Теософского общества (см. примеч. 8), автор работ по теософии, книг, статей и повестей об Индии и др. Родилась в 1831 г. в г. Екатеринославе. Ее родословная по материнской линии восходит к старинному русскому роду Долгоруковых, а по отцовской — к мекленбургским князьям Германии. Мать Блаватской — Елена Андреевна Ган, известная в то время писательница, отец — Ган Петр Алексеевич — артиллерийский офицер. Большая часть детства и отрочество Е.П.Блаватской прошли в Саратовской губернии и в Тифлисе. В 1848 г. она вышла замуж за вице-губернатора Эриванской губернии Н.В.Блаватского, но в том же году они расстались. Е.П.Блаватская уехала в Египет. С 1848 по 1872 г. она много путешествовала; побывала в Греции, Малой Азии, Европе, Южной и Сев. Америке, Индии, Китае, Японии. В 1864 г. — попала в Тибет. Во время своих путешествий она изучала литературу, культуру и религии Востока.

---

* Mlechha (*санскр.*) — варвары.

В 1873 г. Е.П.Блаватская поселилась в Нью-Йорке, где в 1875 г. вместе с полковником Г.Олькоттом основала Теософское общество, став в нем секретарем, а Олькотт — председателем. В 1879 г. штаб-квартира общества была перенесена в Индию, сначала в Бомбей, а затем в предместье Мадраса Адьяр (1882 г.). В Индии началась интенсивная работа по изучению, объяснению и популяризации философских и религиозных учений древней Индии и идей Теософского общества.

Климат и напряженная работа подорвали здоровье Блаватской, в начале 1884 г. она уехала в Европу, побывав еще раз в Индии в конце 1884 — начале 1885 г.; с 1887 г. жила в Лондоне.

В 1885—1891 гг. Е.П.Блаватская написала три тома книги «Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии» (два из которых были напечатаны при ее жизни), «Ключ к теософии», «Голос безмолвия», «Драгоценные камни Востока» и множество статей. Ранее ею были опубликованы: «Разоблаченная Изида», «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на Голубых озерах. Дурбар в Лагоре» и др.

Умерла Е.П.Блаватская в Лондоне 26 апреля/8 мая 1891 г. Ее пепел был разделен на три части и хранится в Адьяре, Лондоне и Нью-Йорке. Дело, которому Е.П.Блаватская посвятила жизнь, высоко оценивалось в Индии. Так, например, Мохандас Карамчанд Ганди писал: «Я был бы более чем удовлетворен, если бы мог коснуться края одежды мадам Блаватской». В настоящее время теософские работы и деятельность Е.П.Блаватской известны во многих странах мира, а по решению ЮНЕСКО 1991 год был объявлен годом Е.П.Блаватской.

[2] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, издатель. С 1876 г. — владелец газеты «Новое время», выходившей с 1868 г., а с 1880 г. — журнала «Исторический вестник», издававшихся в Санкт-Петербурге по 1917 г.

[3] «Теософист» («The Theosohist») — журнал, издававшийся на английском языке Е.П.Блаватской в Индии с 1879 г. После ее смерти издательницей журнала стала А.Безант.

[4] Описка Е.П.Блаватской. Ниже в письме правильно — «Новое время». Издания «Русское время» не существовало.

[5] Имеется в виду закон о туземной печати, см. док. 78, примеч. 57.

[6] Статьи под таким заголовком в «Новом времени» опубликовано не было. Под похожим названием «England and Russia» 6 дек. 1878 г. в газете «Boston Evening Guardian» Блаватская опубликовала свою заметку со стихотворением, посвященным О.А.Новиковой (писательнице, журналистке, много лет прожившей в Англии) (см.: РГБ, Рукописный отдел, ф. 126, карт. 3611 а, д. 106; РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 101).

[7] Блаватская имеет в виду корреспонденцию за подписью «М-в» из Лондона, помещенную в газете «Новое время» 12 июня 1879 г., в которой говорится: «Страшный призрак русских интриг по-прежнему не дает им (англо-индийским чиновникам. — *Сост.*) спать: он неотступно преследует их во сне и наяву. Им кажется, что самый воздух, их окружающий, насквозь пропитан русскими интригами. Каждое неизвестное лицо, заглядывающее в Симлу или Пуну, немедленно принимается за русского шпиона».

[8] Теософское (Теософическое) общество — общество, созданное для изучения и распространения теософии (от греч. Theos — бог и sophia — мудрость), основное положение которой состоит в том, что для «цельного знания» необходим синтез рационального и эмпирического знания с мистическим.

Теософское общество было основано Е.П.Блаватской и полковником Олькоттом 7 сентября 1875 г. в Нью-Йорке.

Девиз теософского общества — «Нет религии выше, чем истина».

Своей деятельностью в Индии Теософское общество стремилось содействовать ее духовному, религиозному и общественному подъему, возродить интерес к древним священным книгам, особенно к Упанишадам и Бхагавадгите; издавало их на санскрите, выступало за создание индусских школ, открыло школу для париев и Центральный индусский колледж в Бенаресе (1899 г.).

Филиалы Теософского общества были образованы почти во всех странах Европы, в том числе в России, в Индии, Сев. и Юж. Америке, Африке, Океании, Яве, Японии. В 1991 г. в Москве возобновило свою работу Российское теософское общество.

[9] Блаватская, давно желавшая знакомства с И.П.Минаевым, узнала о его приезде в Бомбей, вероятно из отчета о встрече Минаева с учеными-санскритологами, опубликованного в газете «Таймс оф Индиа» 7 ноября 1880 г.

И.П.Минаев знал о деятельности теософов в Бомбее. В своем дневнике он дважды упоминает об этом: «26 января (1880). Теософическое общество не совсем спиритическое. Блаватская называла себя графиней... 22 февраля: Сегодня утром был у С.П.П. (инициалы не расшифрованы. — *Сост.*). Говорили о м-м Б[лаватской]. Я передал ему содержание письма, полученного мною. Он очень был удивлен некоторыми положениями о целях общества, как они были высказаны в письме

ко мне. Теософическое общ[ество], несомненно, ищет знакомства с чернокнижием» (*Минаев И.П.* Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886. М., 1955, с. 40, 56).

Знакомство Е.П.Блаватской с Минаевым не состоялось. Племянница Минаева А.Шнейдер в своих воспоминаниях пишет: «Она (Блаватская. — *Сост.*) очень хотела с ним познакомиться. Иван Павлович очень не хотел этого знакомства ни с ней, ни с председателем Теософического общества англ. полковником Олькоттом — всячески избегал его и избегнул» (СПб.Ф ИВ РАН, Архив востоковедов, ф. 39, оп. 4, д. 39).

[10] Их переписка началась после сообщений американской печати о знаменитых дебатах 1873 г. в г. Панадуре между христианским проповедником Давидом де Сильва и буддийским монахом-просветителем Мигеттуватте Гунанандой Тхеро, которые произвели большое впечатление на руководителей Американского теософического общества Генри Олькотта и Блаватскую. Последняя прислала М.Гунананде свою книгу.

[11] Уордсворд — профессор истории и политической экономики, директор Эльфинстонского колледжа в Бомбее. Махадео Морешвар Кунте — маратхский общественный деятель и ученый, историк и санскритолог, преподаватель Эльфинстонской гимназии и Эльфинстонского колледжа в Бомбее. Сторонники просветительского движения маратхской интеллигенции, они с недоверием отнеслись к деятельности американских теософов в Бомбее, в результате чего последние перенесли центр своей деятельности в Мадрас и на Цейлон.

[12] Александр Николаевич Аксаков (1832—1889), публицист, переводчик, писатель, племянник С.Т.Аксакова. Был одним из основателей спиритизма в России, автор книги «Анимизм и спиритизм». Ч. I—II, СПб., 1893.

[13] Reverend Sumangala... (Reverend — англ. «преподобный», титул священника). Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро (Теро), буддийский монах и общественный деятель, пионер буддийского просветительского движения на Цейлоне, основатель пиравены (Буддийской семинарии) в Вильодае. Блаватская имеет в виду упоминание о нем в книге И.П.Минаева «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского», СПб., 1875, с. 46.

[14] Mohotiswatta Terunance — вероятно, искаженное Мигеттуватта Терунансе — высшая категория буддийского монашества. Блаватская, видимо, вместо фамилии Гунананды Мигеттуватте называет его имя и титул.

[15] Имеется в виду Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро.

[16] Блаватская имеет в виду, что Фридрих Макс Мюллер (1823—1900), выдающийся индолог и мифолог, был немцем, но долгое время (с 1846 г.) работал в Англии, где были изданы его главные работы.

[17] Rivett-Carnac из Gasipur'a — историк, автор статьи о древнеиндийских монетах, работал в Газипуре, городе и административном центре одноименного округа в Индии (штат Уттар-Прадеш).

[18] Династия Андхра, правители которой в надписях на монетах назывались Сатаваханами, а в пуранах именовались Андхрами, основала на Северо-Западном Декане, на развалинах империи Маурьев царство Сатаваханов, или Андхров, с центром в Пратиштхане (современный округ Аурангабад, штат Хайдарабад). Датировка истории династии Сатаваханов и их правителей не определена.

[19] Насик, город и административный центр одноименного дистрикта в Бомбейской провинции. В его округе сохранилось много индуистских, буддийских памятников архитектуры и джайнистских пещерных храмов XI—XII вв.

[20] Bhumi Mitra, Agni Mitra — цари династии Шунгов.

[21] Bhulguni Mitra, Surya Mitra, Bhudra Ghosa — цари династии Панчала, правившей в первые века н.э. в районе г. Газипура.

[22] Имеется в виду Азиатский музей Академии наук, основанный в 1818 г., собиравший и хранивший восточные древности.

[23] Имеется в виду лорд Линдсей, известный английский астроном, увлекшийся теософией.

[24] Прибытков Виктор Иванович (ум. в 1904 г.) — издатель и редактор основанного им в 1881 г. журнала «Ребус».

[25] «Ребус» — с 1881 г. научно-популярный листок, с 1884 г. еженедельный журнал по вопросам спиритуализма, психизма и медиумизма, выходивший в Санкт-Петербурге. После смерти В.И.Прибыткова с 1904 по 1916 г. издавался П.А.Чистяковым.

[26] Имеется в виду так называемый «пендинский кризис». После присоединения Россией весной 1884 г. Мервского оазиса Англия решила расширить «буферную» зону на севере Афганистана за счет отторжения земель, расположенных между реками Мургаб и Кушка (оазис Пендэ), чем и было вызвано столкновение между русскими и афганскими войсками в начале марта 1885 г. Афганские войска вместе со своими английскими «советниками» спешно отступили. Северо-западная граница Афганистана была определена после длительных переговоров между Россией и Англией протоколом, подписанным в 1887 г.

[27] Е.П.Блаватская жила в Индии без перерыва с 1878 по 1884 г.

[28] В небольшом секретном письме от 11 апреля 1879 г. Альфреду Лайеллу от помощника политического секретаря правительства Бомбея Джона Нагента сообщалось: «За мадам (т.е. Блаватской. — *Сост.*) ведется внимательное наблюдение, но ничего важного относительно нее не установлено» (National Archives of India. Government of India. Foreign Department, Secret, Proceedings, September, 1879, № 186—250, Monsieur Pachino).

[29] Под англо-индийцами Е.П.Блаватская подразумевает британцев, живших в колониальной Индии.

[30] Полковник Генри Олькотт (1832—1906 или 1907) — во время гражданской войны в США (1861—1865) воевал в войсках Севера, затем был адвокатом и журналистом. Встретившись в 1874 г. с Е.П.Блаватской, был поражен ее знанием оккультных наук. Их сотрудничество началось с литературной деятельности — Олькотт правил английский текст первой книги Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида», вышедшей в 1877 г. В 1875 г. они вместе создали в США Теософское общество, Олькотт стал его первым президентом. В 1894 г. он переехал в Адьяр, где и скончался.

[31] Неустановленное лицо.

[32] Неустановленное лицо. «Общество для психических исследований» было образовано в Лондоне в 1882 г.

[33] Неустановленное лицо.

[34] Имеется в виду брахман Мохини М.Чаттерджи, бывший в это время секретарем Е.П.Блаватской. В РГАЛИ (ф. 345) есть 16 его писем к О.А.Новиковой.

[35] Неустановленное лицо.

[36] «Правда о Е.П.Блаватской» — рассказ о жизни Блаватской с описанием отдельных случаев проявления ее необычных психических способностей печатался в 1883 г. в журнале «Ребус» (№ 40, 41, 43, 44, 46—48).

[37] «Русский вестник» — литературный и политический журнал, издававшийся с 1856 по 1887 г. М.Н.Катковым в Москве, после его смерти с 1887 по 1896 г. издавался в Петербурге под редакцией Ф.Н.Берга, а с 1896 по 1906 г. — опять в Москве под редакцией М.М.Каткова.

[38] «Из пещер и дебрей Индостана» — так назвала Е.П.Блаватская свои письма из Индии, печатавшиеся с января 1883 г. в журнале «Русский вестник» в качестве приложения в т. 163—166. В этом же году эти письма вышли в Москве отдельной книжкой.

[39] В Вюрцбурге (в Баварии) Е.П.Блаватская находилась на излечении.

[40] Бутурлин Сергей Сергеевич (1842—19...) — окончил Московский университет и Николаевскую академию Генерального штаба, на службе с 1865 г., участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1884 по 1891 г. военный агент в Лондоне; с 1886 г. генерал-майор, с 1906 г. генерал от инфантерии. В 1916 г. инспектор лечебных заведений по г. Москве.

[41] Бодиско — видимо, имеется в виду чиновник МИД В.Бодиско, бывший в 1872—1877 гг. генеральным консулом России в Нью-Йорке.

[42] Речь идет об императоре Александре II, убитом в 1881 г.

[43] В 1881 г. чета Куломб, экономка Е.П.Блаватской и ее муж, обвинили ее в мошенничестве. Начался длительный судебный процесс, показавший истинное отношение к Блаватской в Индии. В газете «Boston Courier» появилось подписанное 70 пандитами из Негапатама заявление против обвинений Е.П.Блаватской в обмане. Студенты высших учебных заведений Мадраса поднесли ей адрес, в котором выражали благодарность за созидание братского чувства взаимной симпатии у различных индусских каст, за верную передачу арийской мудрости, возрождение санскритской литературы. В это время появилось и приводимое заявление брамина Раи Б.К.Лахири.

Отрывки из опубликованных работ Е.П.Блаватской об Индии

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана.
Загадочные племена на «Голубых горах».
Дурбар в Лагоре. Берлин. [Б.г.],с. 17—20

...Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский престиж»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все — от ожиревшего европейца лавочника, евразия плантатора, потешающегося с крепким арапником в руке над спинами кулиев, от чванного чиновника под серым топи на голове, имеющим аршин в диаметре и похожим на глубокий опрокинутый соусник, до рыжего прилизанного, долгоногого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, — все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный престиж. Но знают ли, как именно выражается в Индии политический престиж? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей престиж британский состоял в том, чтоб улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантасмагории, именуемой имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. Райот (землепашец) — есть козел отпущения в Индии за британские грехи. Райот — жалкое существо, которое от рождения до смерти, со своим всегда огромным семейством, живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих туристов из королевского дома, до подарков императрицей царькам Индии, — бесталанный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова «политический престиж». Этот престиж наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли, впрочем, в этом даже самих ассириян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодной смертью в стране несметных богатств и расточительности, для поддержания престижа сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest*.

Да не вознегодуют, читая это, как и все подписанное «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»**, остроумнейший из писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских сайсов и чупрасси. Сайсы — конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси — официальные правительственные рассыль-

---

* Выживание сильнейшего (*англ.*).

** Aberight Mackay, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии (*примеч. автора*).

ные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно при конце каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский престиж убивает ежегодно более туземцев, нежели, взятые вместе, холера, тигры, змеи и даже так легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки*. Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, наполняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» — один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расою цивилизованной в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свет англичанами, при помощи голландцев, французов, португальцев. Они — венец и бессмертный памятник деятельности «благодушных отцов» Ост-Индийской компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные, как и беззаконные (так как есть разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских сношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к величайшей радости индусов, англичане стали смотреть на их супруг и дочерей с отвращением, которое превышается разве только гадливостью туземцев при виде англичан, более или менее декольте. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород — либо черную, либо белую. «Престиж» поэтому есть не более как рассчитанная мера самосохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы мор среди туземцев. В главах этой «христианской» нации это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он — наскоро собранная природой комбинация слабосклеенных атомов, прямая эволюция, без переходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом раджи до прозрачного от худобы и голода кули и райота. Первый уже так хорошо дрессирован

---

* Этот орган человеческого тела, по-английски сплин (spleen), действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка — лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода британцев деликатности их сплина. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно, — рассуждают они, — чиновнику прикоснуться к радже или даже собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как назло, не лопнула „селезенка“! Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджей припадок. Подхватил его под руки „политический агент“, немножко потряс, чтобы привести в чувство, и только что посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь, вот, и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу — опеку над осиротевшим штатом!» (Резюме из англо-индийской печати).

Подлинно, полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство (*примеч. автора*).

«политическими резидентами», что готов за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте продать во имя политического британского престижа всю Индию, с родным отцом и матерью в придачу. Второй, то есть райот, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишения мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью…

Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. Загадочные племена на «Голубых горах». Дурбар в Лагоре. Берлин. [Б.г.], с. 227–245

…Для многих русских Индия такой край земли, что не обрисуй я тверже не только обоюдные отношения покорителей с покоренными, но и эскиз самой страны, многое из моего пересказа о виденном и слышанном на диковинном дурбаре в Лахоре останется темным и невыясненным.

Не имея ни малейшего притязания на непогрешимость мнения, особенно в политике, предлагаю следующие страницы, просто как личные наблюдения, поверхностные, но в общем правдивые: за это ручаюсь. Слыша столько разговоров об Индии, как пришлось мне слышать их в Симле, с одной стороны, и столько же сдержанных жалоб туземцев — с другой, судя, наконец, совершенно беспристрастно по самым событиям, развивающимся прямо перед моими глазами, думаю, что два года постоянного пребывания в стране дают мне некоторую возможность судить о ней довольно правильно. Весьма мало посвященная в сокровенные таинства Калькуттского кабинета, еще менее интересуясь оными, все-таки полагаю, что иммакулатно* белое не может показаться мне совсем черным или vise versa**; тем более, что характер сношений между правителями и управляемыми до того ненормален, что всякому иностранцу бросается в глаза. В двух предыдущих главах я часто упоминала об этих удивительно странных и ни на чем не основанных отношениях, также и в предыдущих письмах моих из Индии и особенно в статьях: «Из пещер и дебрей Индостана», которые печатались в «Московских ведомостях», отношениях, со стороны англичан, донельзя презрительных и высокомерных, со стороны туземцев — иногда отвратительно подобострастных и робких.

Но каждый раз, когда разговор касается их обоюдных отношений, а я позволю себе высказать мое искреннее мнение о несправедливости и жестокости англичан к туземцам, первые уверяют меня, что я ошибаюсь, ибо ничего не смыслю в их тонкой политике, а последние, на мои умиротворяющие речи и слова утешения, стараются доказать, что нет во всей Индии англичанина, который желал им добра. Весьма скоро я пришла к следующему заключению: обе стороны преувеличивают, одна — свои великие добродетели и заслуги, другая — свою будто бы незаслуженную судьбу. Первые, вероятно, в силу мудрой пословицы, гласящей, что «с жиру собаки бесятся», приехав из Англии в Индию, как бы перерождаются; последние лично, положим, и не заслуживали такой судьбы, но Индия, в общности, несет теперь лишь тяжкое бремя своих вековых грехов: она сама сложила своим прошлым бедствия настоящего, и ее положение неизбежно.

Замечательнее всего, что ни о деяниях англичан в Индии, ни о настоящем положении туземцев под британским игом в Англии ровно ничего не знают. До

* От immaculate (*англ.*) — безукоризненный.
** Vice versa (*лат.*) — наоборот.

какой степени это верно, можно судить из следующего: едет образованный индус, отчасти отрешившийся от суеверных предрассудков как родины, так и касты, в Европу, — едет он в первом классе, едет уже не санкюлотом, а почти поевропейски; утирает нос платком, а не вилкой Адамовою, манеры у него как почти у всех европейцев спокойные, даже изящные, да и образованием он стоит никак не ниже, а иногда и выше большей части его английских спутников. Невзирая на все это, его путешествие разделяется на два периода: период первый — до Адена и период второй — от Адена до Лондона. От Индии до Адена, то есть до первой половины плавания, англичане от него станут сторониться: они будут смотреть на него, как на презренное существо «низшей расы», словом, игнорировать его присутствие, и он редко посмеет даже воспользоваться своими правами: сесть с ними за общий стол. Но раз за Аденом и не успел пароход потерять берег из виду, все и всё, словно по мановению жезла волшебника, изменяются!.. С индусом начинают заговаривать. Его уже не избегают, и случись там едущий с ним на одном пароходе в отпуск один из сановников Индии, даже и он, вероятно, заговорил бы с ним о политике, а супруга сановника благосклонно обратила бы его внимание на погоду. На обратном пути — то же. От Англии до Адена — рай. Но не успел еще стимер* обогнуть раскаленные холмы Аравии и доехать до Баб-эль-мандеба, как декорации снова изменяются: свободный британский подданный превращается в беззаветного английского раба, о каком в Англии и понятия не имеют!..

Это не выдумка, а ежедневно подтверждаемый факт. Так кого же следует в этом винить? Англию ли с её равными для всех англичан законами и учреждениями, или же англичан, то есть англичан в Индии, что сильно изменяет вопрос... Конечно, англо-индийцев. Они одни, в продолжение последнего двадцатилетия, выработали в себе такие предрассудки в поблажку своим высокомерию и чванству. В Индии, где все раболепно преклоняются пред ними, эти два порока раздуваются в них пропорционально с зараженною климатом печенью; в Англии никто из них не посмел бы сознаться, с каким чисто азиатским деспотизмом и презрением он относится к индусам, да и не только в Англии, но и здесь каждый из них при всяком таком намеке открещивается от него, стараясь опровергнуть прямое обвинение. Иван кивает на Петра, а сам ни за что не сознается.

— И не стыдно вам так обращаться с бедными индусами... словно они бестолковые скоты? — спрашиваю одного весьма милого и доброго бритта, в доме брата которого я в это время гостила.

Милый бритт широко открывает голубые глаза, и на его розовом лице изображается удивление.

— Как так обращаться? Разве я дурно обращаюсь?

— Да ведь не медалью же вы их дарите, третируя их при каждом случае, словно кастильский погонщик упрямого мула?..

— Вы, кажется, ошибаетесь. За других не ручаюсь. Конечно, есть среди нашей колонии (то есть английской) люди слишком, быть может, суровые с туземцами. Но я лично, нет, вы, право, несправедливы!..

— Ну, а вчера, когда к вам пришел по делам этот старый рао бахадур** в ваш кабинет и, войдя в чулках, смиренно стал у дверей?.. Ведь вы не только не посадили его, но даже и не подпустили на десять шагов.

— My dear friend! Вы рассуждаете, как женщина! — воскликнул мой приятель. — Визит старика был официальный, и я не имею права отклоняться в его

* От steamer (*англ.*) — пароход.

** Высокий туземный титул дворянина (*примеч. автора*).

пользу от раз принятой нашими администраторами мудрой политики — холодной, сдержанной тактики с туземцами. Иначе они и не стали бы нас уважать. Это политика отчуждения.

— Вероятно, совпадает с политикой сближения самого недвусмысленного характера? Разве вы не толкнули в моем присутствии вашего садовника, мирно занимавшегося своею работой на гряде, только потому, что он попался вам под ноги, когда мы шли по дорожке?..

— Это случилось нечаянно, — проговорил немного сконфуженный приятель мой, — иногда трудно бывает отличить их темную кожу от земли.

— Так, так, ну, а скажите мне, этот ваш черномазый садовник, британский подданный или нет?

— Д-д-да... конечно! — немного неохотно согласился мой собеседник, предчувствуя, вероятно, нечто предательское в неожиданном вопросе.

— И имеет одинаковые права, положим, хоть с садовником-англичанином?

— Да... Но к чему это? Я вас не понимаю?...

— Так себе, любопытство иностранки и женщины. Я люблю делать сравнительные выводы... Только как вы полагаете... дав незаслуженную, да хоть бы даже заслуженную, затрещину англичанину-садовнику... вы не рисковали получить сдачу?.. Перед законом ведь ваш садовник был бы прав, а вы, как зачинщик, остались бы оштрафованы. Ну, что, если б индус, в свою очередь, как британский подданный, дал бы вам... такую сдачу?..

Мой приятель даже подскочил.

— Я... я заколотил бы его до смерти! Индус — британский подданный, но он не англичанин!..

В этом восклицании заключается целая поэма признания. Он как бы кладет печать на приговор над целою нацией и ее судьбой в настоящем, если не в будущем.

Что Англия великая и могущественная нация, это знает всякий; известно каждому также и то, что Англия, как нация, не может не желать Индии, как лучшей из своих колоний, если не добра в нравственном, то преуспеяния в материальном отношении, хотя бы в силу пословицы, что «никто не станет выжигать собственного посева». И в этом материальном отношении она действительно делает все возможное для Индии, не жалея ни труда, ни денег. Труд этот, правда, вознаграждается из казны Индии. Но то, что Англия действует в этом эгоистично, не может изменить факт, что она приготовляет для Ост-Индии великолепное будущее, если только дитя переживет пору строгого воспитания; к тому же такое будущее, которое было бы немыслимо для этой заплесневевшей страны ни при могульских династиях, ни во времена самоуправления, так как предрассудки и вековые обычаи всегда преграждали ей дорогу к прогрессу. Много горя и мук перенесла в свое время великая Бхарата; но это горе сделало ее еще способнее к ожидающему ее полному обновлению. Еще двадцать лет назад индус предпочел бы тысячу смертей стакану воды, поданному ему европейцем или в доме последнего, да и не только европейца, но мусульманина, парса или своего же индуса другой касты. Принимать жидкое лекарство, приготовленное в общей аптеке, лекарство, в которое входит вода, считалось смертным грехом; сидеть рядом с соотечественником из другой касты равнялось исключению из своей, то есть вечному бесчестию. На лед и содовую воду смотрели с отвращением, а теперь и лекарство, и лед, и содовая вода, а особенно сеть железных дорог, сделали свое дело. Под влиянием цивилизации, хоть и насильно навязанной народу, вековые предрассудки, погубившие Индию, сделавшие ее такою легкою добычей для пер-

вых искателей приключений, пожелавших завладеть ею, начинают постепенно оттаивать, как замерзлая лужа под солнечным лучом.

Без всякого сомнения, англичане совершили и продолжают совершать неизгладимые благодеяния для Индии, но, повторяю, для будущего, — никак для ее настоящего. Они похваляются тем, что если б они и действительно ничего не дали ей, кроме своей защиты против мусульманского вторжения и помощи для окончательного подавления междуусобицы, то все-таки они сделали бы более для Индии, нежели кто другой, не исключая и самих индусов, со времен первого магометанского вторжения. Положим, что Англия сделала и более. Но зато настоящее англо-индийское правительство поступает как мачеха, теребящая пасынков за зубы и морящая их голодом, потихоньку от мужа, если действительно оно во всем другом строго выполняет задуманную им от его Home Government программу. К несчастью Индии, Англия за тридевять от нее земель, а англо-индийское правительство у Индии на шее и постоянно с плеткой в руках. Само собой разумеется, что туземцы не могут быть этим довольны и постоянно жалуются. Впрочем, хотя большинство их жалоб и справедливо, но во многом они виноваты и сами. Вместо того, чтобы из уроков прошлого извлечь пользу для будущего, они, словно страусы, прячут головы в песок, предаваясь горечи настоящего.

Поступай англичане по-человечески с туземцами, их власть проявлялась бы менее деспотически, не заставляла бы, конечно, индийцев так дрожать перед ними, но она упрочилась бы на почве Индии гораздо тверже, нежели теперь, любовью и благодарностью народною. Тихие и кроткие, большая часть туземцев готовы лизать каждую приласкавшую их руку, благодарить за каждую брошенную им кость. Будь англичане менее свирепо-презрительны к индусам, поласковее с народом, их престиж, быть может, и уменьшился бы, но зато упрочилась бы и на будущее время их безопасность в завоеванной стране. А вот именно этого-то они или не хотят, или же не способны понять. Они как бы совершенно забывают даже то, что знает каждый ребенок, что их престиж — один блестящий мыльный пузырь, безусловно зависящий от внешних, не подвластных им событий. Их власть прочна в Индии, даже и с настоящею системой каст, лишь потому, что туземцы питают страшное суеверие к их победимости, не находя в ней и признака какой-либо Ахиллесовой пяты; а также и потому, что, по учению Кришны, они не смеют идти против «неизбежного». Фаталисты, они верят, что живут в Кале-Юге, «черном веке», и что им нечего ждать хорошего, пока этот век еще продолжается на земле. В этих двух суевериях, как в двух неприступных крепостях, хранятся безопасность и власть англичан. Но пусть где-нибудь крепко побьют британскую армию, и мыльный пузырь лопнет, поверье исчезнет в умах индусов, как грезы кошмара в минуты пробуждения.

В Индии, где только соберутся двое англичан, тотчас же раздаются жалобы на «дьявольскую неблагодарность черных чертей». А там, где остановятся два туземца, непременно посыплются жалобы на «черные замыслы белых притеснителей». Взятые вместе, эти жалобы производят на слушателя эффект дуэта «двух слепых» в оперетке этого имени. Обманывая Англию, быть может и бессознательно насчет Индии, эти притеснители обманывают сами себя. Они поступают с туземцами, как с рабами и цепными собаками, и раб прибегает к единственным орудиям раба: ко лжи и хитрости, а собака, лишь только сорвется с цепи, запустит ему зубы в шею. Под этим пагубным влиянием все нравственно хорошее в этом народе: чувство чести, долга к ближнему, благодарности — все, все в нем вымирает и заменяется либо отрицательными качествами, полною апатией, или же самыми низкими пороками. Тридцать лет назад вы могли подойти к

первому встречному меняле (он же банкир), сидящему в своей конуре, и смело оставить у него целый капитал, не взяв у него даже расписки; вы могли уехать после того и, вернувшись через год-другой, потребовать его. И при первом слове банкир-меняла отдал бы вам ваши деньги, будь то хоть миллион*. В те блаженные дни слово индуса было свято и его выгоняли из касты за малейший нечестный поступок. До переворота 1857 года расписки были почти неизвестны в Индии — достаточно было одного свидетеля для какой угодно сделки. А теперь?

Теперь подкупные свидетели расплодились не сотнями, а тысячами. Индус проведет десять цыган. При старых порядках, заставив туземцев взять в руки коровий хвост и принесть на нем присягу, судья мог ручаться жизнью, что индус не даст на священном хвосте ложного показания; теперь, при новом судопроизводстве, их заставляют безразлично всех принимать присягу на Багават-гите (писание о Кришне), даже и тогда, когда свидетель вовсе не верит в Кришну, поклоняется Шиве или Вишну. «Коровий хвост», изволите видеть, слишком шокировал врожденное в Бритте чувство «эстетики» — так объясняют эту перемену в судопроизводстве англичане. Но не от лишней ли заботы вознаградить Индию в эстетическом и артистическом отношениях так оконфузили ее в нравственном и экономическом?

Вот судите сами. Украсив, например, страну великолепными общественными зданиями, по большей части, тюремными замками и казармами, они дозволили такому памятнику, как двухтысячелетний Сарнаф, построенному еще до Александра Македонского, гнить и разваливаться сколько угодно. Направив свои созидающие силы к сооружению университетов, ратуш, клубов, масонских лож (в европейском вкусе) и повыгнав изо всех этих учреждений, кроме первых, туземцев, они предоставили за то в полное распоряжение последних все сооруженные ими кабаки, для сбыта испорченных отечественных водок, со включением дурмана, именуемого шотландским виски. Они насильно одели всю Индию в манчестерские произведения и разорили тем все бумажные и другие прядильные страны; заставили индусов молиться на богов бирмингабского изделия, резать шефильдскою сталью; научили даже обжираться, напившись водкой, испорченными консервами, сгнивающими здесь в одну неделю, и вследствие этого умирать от холеры сотнями. Какой же им еще эстетики?

Справедливо заметил мне один индус, что европейская цивилизация, к которой туземцы не подготовлены и не способны оценить ее, действует на их страну как роскошное, но ядовитое манценило, пересаженное в цветущий сад: оно губит своими роковыми испарениями все прочие растения. «Неужели это может быть месть? — спрашивал меня, недоумевая, этот молодой студент. — Месть за последний мятеж? Но ведь ни Индия вообще, ни мы, люди последнего поколения, не причастны к преступлению! Так за что же?»

Да простят мне симлинские сановники за невольное подозрение, но в замечании бедного студента есть доля правды. Луи Жакомо это давно подметил. «Англичане перепугались, как никогда еще не пугались до этого времени. Они никогда не простят Индии этого испуга», — говорит он в одной из своих книг. Мщение это, конечно, давно перешло в состояние бессознательности, и они мстят по привычке. Полагать, будто люди, неотъемлемо умные в своей политике, станут делать сознательно все возможное, чтобы губить, а может быть, и потерять Индию, «драгоценный перл в венце императрицы», право, было бы слишком глупо!

---

* Это мне с горестью рассказывали некоторые прожившие всю жизнь свою в стране англо-индийцы, между прочим, мистер Ю., богатый англичанин, занимавший в продолжение сорока лет самые важные административные должности в стране (*примеч. автора*).

С другой стороны, именно так и поступают: и мне не раз заявляли это в дружеском разговоре англичане, прожившие долгие годы в Индии, знающие страну и ее жителей как свои пять пальцев и отрекшиеся от военной службы вследствие одного отвращения к новой системе.

Несмотря на все старания и улучшения, на учебные фермы и ученых техников, судьба земледельческих классов двух третей народонаселения не улучшается, а с каждым годом ухудшается. Большая часть этих несчастных довольствуется пищей один раз в сутки, и какой пищей! Последний нищий в России отвернулся бы от таких яств; дворовая собака у скряги-жида ест лучше: горсточка полусгнивших круп (рис слишком дорог) или пучок завялых овощей с водой, — вот все — дневная пища кули!..

Бедный, горемычный индус кули! Есть ли в мире существо терпеливее и несчастнее его? Встает он до зари и ложится на мать-сыру-землю пред зарей, работая по шестнадцати часов в сутки за четыре анны*, а не то так и за пинки. И Бога у него нет, потому — некогда, а затем и неоткуда, да и не от кого занять Бога. Брамины отвергают горемыку, как нечистого парию, и веды или из вед молитва ему строго запрещена. Даже падри перестали соблазнять его в христианство с серебряной рупией в сжатом кулаке руки, предлагающей ему крест. Кули примет монету, и только что его окропит святою водой падри, как кули пойдет и, купив коровьего навоза** на приобретенный капитал, вымажется с головы до ног в священном продукте, а затем воссядет идолом пред другими кули, которые станут за него молиться.

Обращение англичан с туземцами высших образованных классов холодно-презрительное, подавляющее, является здесь делом гораздо более серьезным; тем более, что образованные туземцы к этому не привыкли, да его и не было во времена Ост-Индийской компании.

Послушайте, что говорят о чувствах индусов к их правителям «Statesman», откровеннейший из лондонских журналов: «Не финансы Индии, — гласит газета, — причиняют нам главнейшее беспокойство, а положение, до которого доведены массы населения нашим правлением, и безусловная низость нашего поведения в отношении к туземным владетелям. Мы ненавидимы как классами, бывшими до нас влиятельными и могущественными, так и воспитанниками наших же учебных заведений в Индии, школ и коллегий; ненавидимы за наше эгоистическое, полное отчуждение их ото всякого почетного или доходного места в управлении их собственной страны; ненавидимы народными массами за все невыразимые страдания и ту ужасную нищету, в которые ввергло их наше господство над ними; ненавидимы, наконец, принципами за тиранство и угнетение их симлинским Foreign office»***.

Эти слова были перепечатаны всеми туземными газетами и журналами без комментарий.

Так ли было при Ост-Индийской компании, которую выгнали из страны за последний мятеж? Нет, конечно, нет! Со всем ее эгоизмом, вымогательством, жадностью, недобросовестностью, покойная компания умела ладить с туземцами. Она не заставляла их чувствовать ежеминутно превосходство своего рождения. Туземцы сами преклонялись пред превосходством оружия и нравственной силы англичан и уважали их, тогда как теперь они лишь боятся и ненавидят их. В те дни, когда поездка в Индию была кругосветным плаванием, авантюристы, от-

---

* 10 сантимов (*примеч. автора*).

** Навоз здесь дорог и продается на вес (*примеч. автора*).

*** Имеется в виду Иностранный департамент правительства Индии (*сост.*)

правлявшиеся искать фортуны за морями, делались настоящими англо-индийцами. Многие из них, родясь и умирая в Индии, прожив в ней безвыездно тридцать, сорок лет, не в гордой замкнутости, как делается теперь, а пребывая долгие годы в постоянном обществе туземцев, так, наконец, свыклись с их образом жизни и даже мышления, что знали о нуждах Индии и сочувствовали им не менее самих индусов. В те блаженные дни они не только не презирали их, кичась пред туземцами своею белой кожей, но даже часто вступали в законные браки с туземками. Дрались они с раджами и законными обладателями земель, которые они у тех отнимали во имя Англии, но с народом ладили и всегда были в дружбе. Но вдруг грянула беда непредвиденная. Удар грома 1857 года поразил страну, и все изменилось! С последними судорогами Дели настал конец и пресловутой Компании. Храбрые авантюристы, но все-же «джентльмены», распоряжавшиеся до той поры судьбами народов Индии, исчезли в вихре, вырвавшем с корнями как Могульскую империю, так и последнюю независимость сотней раджей. Индия была передана короне, и на место лихих авантюристов были присланы новые люди, и пошли реформы.

Не знаю, выиграла ли этою переменой сама Англия: развивать этот вопрос теперь не приходится, но, если верить не только единодушному показанию туземцев, но и признанию многих англичан, то Индия потеряла много. Какая до того индусам нужда, что безнравственная деятельность таких авантюристов, как Уорен Гастингс с компанией, сделалась впредь в Индии невозможною? Для людей с подобными своебытными, сложившимися веками воззрениями на добровольные взаимные сделки, каковы индусы да и вообще азиаты, правитель восточного пошиба вроде Гастингса, готовый взирать с благосклонностью на всякие преподношения от целой провинции до Гоголевского — «борзыми щенками», несравненно приятнее правителя из породы биконсфильдовских салонных левреток. С первыми можно было и сговориться, и войти в личные сношения и, теряя с одной стороны, выигрывать с другой; а последний, являясь каким-то недоступным светилом, бюрократом и формалистом, смотрит на туземцев как на гадину, до которой не следует дотрагиваться даже в перчатках, а только следует управлять ею, наступив ей крепко каблуком на хвост.

Без сомнения, с новыми порядками, введенными в страну вследствие мятежа, индус стал цивилизованнее. Вместе с прелестью вышеупомянутой европейской эстетики, он познал многое, чего при Компании не ведал, а именно то, что фемида в цивилизованных государствах должна оставаться столь же слепою, как и в не цивилизованных, но зато должна пребывать и неподкупною; но узнал он это лишь на теории, не веря, конечно, в самый принцип, а на практике поверяя часто и противное. Познакомился с утонченными понятиями о гражданских добродетелях, вообще, и о чести джентльмена, в частности, в своих повелителях; а сам лично под постоянным прибоем тяжелых волн английского презрения утратил и последние понятия о собственной чести, как и всякое чувство собственного достоинства.

Выходит, что британское правительство с лучшими намерениями губит Индию. И, по-моему, дело это непоправимое, хотя бы потому уже, что, даже исправив все ошибки последнего двадцатилетия, а особенно за время Дизраэлевского царствования, Англия все-таки не способна ни исправить испорченной в стране нравственности, ни переделать натуру англичан, которые так сильно врезались в вырытую собственным презрением ко всему туземному колею, создали со своей стороны такие крепкие, хоть и искусственные запруды, что не сойтись им с индийцами и в тысячу лет. Скорее воды Темзы сольются с водами Гангеса, чем англичанин в Индии взглянет на индуса, как на равного себе, будь этот индус раз-

махараджей и веди он свой род от дней Адама. Англичане чувствуют положительно непреодолимое отвращение к индусам. Как я заметила выше, это психофизиологический, а не политический вопрос. Кроме нескольких старых, переживших мятеж англо-индийцев, присылаемые сюда из Англии чиновники, если и приезжают в страну без особенно сильных предубеждений, то разом заражаются окружающей их атмосферой, насильно втягиваются в нее и не могут бороться против публичного мнения, выражаемого всею английской колонией. «С волками жить, по волчьи выть» — эта поговорка применяется к английскому гораздо более, нежели к какому бы то ни было другому европейскому обществу. В нем и чихнуть «не по-английски» опасно: тотчас же переглянутся с обычною их миндально-уксусной улыбкой и сделаются еще величественнее, ласковее с чихнувшей личностью и закивают головами, как бы говоря, «бедный иностранец... не привык, не знает еще изящных законов нашего общества!» Одно лишь огромное, немыслимое в другой колонии, жалованье и представленные службой в Индии выгоды привлекают сюда чиновников. Но он живет здесь лишь надеждой вернуться домой; считает время трехлетними периодами, от одного отпуска до другого; созидает себе в стране искусственный английский мирок, и все, что является за пределами этого мира, возбуждает в нем невыразимую гадливость и отвращение.

Описав англичан и их выработанную здесь характеристику, взглянем на туземцев и посмотрим, насколько они заслужили свою лютую судьбу. Выскажу мысль, которая может показаться парадоксальною, хотя оправдывается неопровержимыми фактами. В индусах нет, да и не может быть, того чувства, которое мы, европейцы, привыкли называть патриотизмом, то есть любовью к своему отечеству, в отвлеченном смысле этого слова. Нет той горячей привязанности к учреждениям родины, как целого чувства, электризующего иногда целую нацию и заставляющего ее подыматься как один человек для прославления или на защиту отечества, нет той отзывчивости на ее горе, как и на радости, на славу, как и на бесчестие ее. А нет в них такого чувства по столь же простой, как и понятной причине. Эта причина очевидный и всем известный факт. Кроме отеческого дома или избушки, где ему случилось увидеть впервые Божий свет, у индуса, говоря вообще, нет другой отчизны. Скажу более: на своих ближайших соседей, через стену родительского двора, туземец уже часто взирает, вследствие священного для него закона, предписанного его религией, не как на соотечественника, а как на чужеземца совсем другой расы, если только эти соседи не одной с ним касты. Это уже подтверждается тем, что, говоря про индуса, живущего, положим, по другую сторону его поля, первый индус отзовется как о беллати (чужеземце), термин презрения, относящийся не к одним европейцам. Таким образом, чуждый чувству патриотизма в случае вторжения или междуусобицы, туземец, невзирая на личную храбрость, заставляющую его защищать родной очаг и семейство до последней капли крови, интересовался, да и теперь интересуется весьма мало судьбой как Индии в ее интегральном значении, так и своего ближнего, если только этот ближний не принадлежит к его касте или даже к тому специальному отделу или подразделению касты, к которому он причислен сам.

Географически страна разделена на бесчисленные раджи и малые государства; этнологически — на две расы: на ариан и семитов, или индусов и могулов, то есть на две главные религии: магометанскую и браминскую. Обе веры находятся между собой в вековой непримиримой вражде, и только присутствие британских войск сдерживает фанатизм обеих рас, которые иначе стали бы резать друг другу горло на каждом религиозном празднике той или другой стороны, а таких праздников несколько десятков в году, как у могулов, так и у ин-

дусов, особенно у последних. Далее, даже магометане в Индии разделены на большое число враждебных друг другу сект, неизвестных среди Турции и Европы. Об индусах и говорить нечего; номинально, все они (около двухсот миллионов) принадлежат к так называемой «вере браминов» и преклоняются пред священным законоведением Ману и Ведами. Но ведь и рыбы, пожирающие друг друга, живут в одной воде. Взгляните в безлунную летнюю ночь на небо с его тысячами звезд, если желаете получить понятие о кастах, суб-кастах, разделениях и подразделениях веры браминов. Они и сами говорят, что их священные «Веды — всемирный безбрежный океан, из-под солено-горьких вод коего вытекают тысячи источников чистейшей воды». Понимай так: воды Веды-океана слишком солоны для обыкновенного желудка, поэтому, чтобы сделать их годными, явились хитрые гидрологи под видом браминов, которые и занялись фильтровкой этих вод, каждый из них комментируя древнее писание по-своему. В результате, с веками оказалось следующее: номинально индусы разделяют свою расу на четыре касты: 1) брамины, или сыны бога Брамы; 2) кшатрии, или воины; 3) вайши, или торговцы; и 4) шудры, или чернорабочие, низший класс. Но каждая из этих каст подразделяет себя на суб-касты (от пяти до 13), которые, в свою очередь, распадаются на фракции, коим несть числа. Словом, каждая каста есть гамма тонов, нисходящая от высокой до низкой ноты; только вместо семи в ней «до седмижды семидесяти» тонов. Так, например, в двух главных подразделениях браминов высшей аристократии мы видим, что «панча дравиды» и «панча гинды» (первые — жители южной, а вторые — северной Индии), две суб-касты, не могут ни вступать между собой в брак, ни есть вместе пищу, в которую входит хоть одна капля воды, но обе суб-касты — брамины и всякую другую пищу могут есть в компании! Гуджератский брамин примет воду из рук или из дома маратского брамина, но не станет есть рис, приготовленный последним. Брамин Дешашта имеет право разговаривать с брамином Кархада издали, но если нечаянно перейдет его тень или дотронется до него, то сильно осквернится!

Теперь спрашивается: может ли Индия при такой системе быть не только рассадником патриотизма, как полагают некоторые писатели, но даже порождать время от времени патриотов? В ней до 200 миллионов индусов, принадлежащих к одной вере; но как христианская религия не мешает такому же большому числу европейцев воевать и ненавидеть друг друга, так и здесь, в Индии. Есть в ней индусы маратты и индусы пенджабы, бенгальцы и дравиды, гуджараты и раджпуты, кашмирцы, непальцы и проч... — все они индусы. Но воображать вследствие этого, что раджпут считает частью своей родины Даккан или Бенгалию и при случае подымется на ее защиту, так же нелепо, как надеяться, что москвич станет гореть желанием отомстить зулуям, победившим англичан, или взглянет на Испанию как на часть своей родины потому только, что она в Европе!

Англичане дозволяют миру полагать, будто одни они, сравнительно с малым войском, усмирили бунтовщиков в 1857 году, покорили и испепелили Могульскую династию в Дели и окончательно приковали к запяткам Великобритании индийских раджей, как приковывались во времена древности цари-пленники к колесницам победителей. Но не потому ли они и похваляются этими подвигами, что история мятежа еще не была никем другим писана, кроме их самих? Не будучи в состоянии вырвать эту кровавую страницу их летописи покорения Индии, они ее расписывают по-своему. А если представить дело в его настоящем виде, выйдет, что они вовеки веков не усмирили бы мятежников, не помоги им пенджабы, особенно сикки. Никто не будет столь глупым, чтобы усомниться как в их личной храбрости, так и в превосходстве их военного гения, вооружения и

всего прочего над азиатскими народами, но сила солому ломит, и если во время мятежа они были душой в военных делах, то пенджабы с некоторыми другими, оставшимися верными Англии племенами, были той сильной рукой, которая раздавила одну голову за другой этой многоглавой гидре, собравшейся было позавтракать зазевавшимися бриттами. И МЯТЕЖ ПОГЛОТИЛ БЫ ИХ всех до единого, когда бы не «верные наши пенджабы», как выражаются англичане в свои редкие минуты справедливости к туземцам. А пошел индус на индуса, встал брат на брата, вовсе не из верности, как и не из особой любви к англичанам, а просто, во-первых, из личного мщения сиков к индусам центральной Индии, войска и многие из племен которой помогли их общему врагу покорить Лахор и Пенджаб в 1845 – 1849 годах, а во-вторых, из вековой ненависти к могулам.

Тот ошибается, кто полагает, будто англичане завоевали Индию. Они просто пришли и взяли ее, захватывая мало-помалу провинцию за провинцией, одно владение за другим. Они встречали сопротивление в раджах и дрались с отдельными владетелями, но народ всегда оставался безучастным и совершенно равнодушным зрителем борьбы.

Кроме того полного отсутствия патриотизма в индусах, о котором заявлено выше, это равнодушие объясняется следующим малоизвестным фактом. За исключением могульской и немногих чисто индийских династий, все ныне существующие плеяды махараджей и раджей в былые времена не были ни царями, ни даже независимыми владетелями своих территорий. Принадлежа без исключений к касте кшатриев (воинов), они были только вооруженными защитниками народа, обитающего на известном пространстве той или другой территории Индии, и по взаимному соглашению, получая известную с него дань продуктами и деньгами, обязывались защищать его от нападений соседей и вообще блюсти его интересы, управляя им и разбирая его жалобы по законам Ману. Законы последнего были повсеместны в Индии и считались, как считают теперь, чем-то священным и, вследствие этого, непреложным. Поэтому вдоль и поперек Индостана, невзирая на разницу каст и религиозных сект, страна с ее сотнями отдельных радж* управлялась под одним и тем же уложением, священный текст которого служит непреодолимою преградой к какой бы то ни было реформе. С веками свод законов Ману перешел в мертвую букву; страна покрылась тиной, как пруд стоячей воды, заснула старческим сном, пробуждаясь лишь урывками то в одном, то в другом месте, где происходил минутный переполох, причиненный одним из ее многочисленных врагов. Но ни разу, с первых страниц ее истории до последней, не подымалась еще Индия всецело, не стряхивала с себя своей вековой плесени; ни разу не отозвался болью ни один из членов ее в то время, как вторгнувшийся враг увечил другой член. Пришли англичане и предложили себя защитниками вместо раджей; подумал один, поразмыслил другой из народов Индостана, и каждый, в свою очередь, увидя, что пришельцы побивают их прежних хранителей, стало быть, сильнее последних, и предлагают им такую же и еще более верную защиту, да и требуемая дань не показалась им на первых порах столь высокою, и вот стали эти народы один за другим беспрекословно сдаваться... У них и не требовали отречения ни от законов Ману, ни от веры праотцов, и они, ничего не теряя, приобрели, как они думали, условия гораздо более выгодные. Что за дело каждому из них до других, совокупно? Его хата с краю: а тот ли, другой ли беллати им управляет, индусам, кроме браминов, совершенно безразлично...

---

* Титул «раджа» происходит от слова «радж» – царство или государство. Есть такие, что состоят всего из нескольких десятин (*примеч. автора*).

№ 101

1879 г. — Послание Баба-Рам-Сингха и главы государства сикхов туркестанскому генерал-губернатору

Поклон от Баба-Рам-Сингха[1] русскому губернатору[2] и военачальнику. Посылаю к вам одного субэ, которого можно расспросить. Имя его Чарн-Сингх[3]. Гуру Говинд-Сингх[4] предсказал, что в 1238 г. явится Сант Хальса, затем, сказал Нурет Дебу, что явятся англичане, притеснят все народы Индии и будут мучить малых и больших; после того придут в Индию русские и изгонят оттуда англичан: русский богатырь займет ее и овладеет ею.

Пророчество Гуру-Баба-Нанака: «Когда придут русские, я явлюся помогать им. Придет натх с запада и будет воевать. Сделается непроницаемая тьма. Змея Сиснак[5] выйдет из недр земли и услышит страшную битву. Брама и Вишну услышат шум битвы и скажут, что такой битвы еще не было и она страшна. Раджа овладеет четырьмя странами света. После столкновения богатыри той и другой страны будут храбро сражаться. Около Пешавара будет такое сражение, что пролитая кровь людская поднимется до животов коней. Они после сражения станут искать лошадей своих и оружие, но не найдут ничего. В городе Лахоре тоже будет сражение, там будет пролито много крови, и они будут окружены, станут нанимать нукеров и войско, предлагая по одной рупии в день, но охотников не найдут».

Гуру Нанак говорит, что натх, о котором упомянуто выше, уничтожит англичан. 315 тыс. сикхов подчиняются мне. Если понадобится больше, найдутся еще люди. «Пенджаб будет разрушен, и большие города сгорят. Будет восемь сражений. Англичане будут владеть Пенджабом 34 года». Теперь осталось два года до срока. Убернатх приедет из Петербурга, в Пенджабе казармы будут пусты.

Восемь сикхов поссорились с англичанами, которые сверх этих восьми расстреляли из орудий еще многих невиновных сикхов и между ними одного субэ; он был служитель божий, и с ним погибло от английских пушек сто человек его людей.

Пророчество Гуру Баба Нанак-саиба говорит, что вы придете и избавите нас. 315 тыс. сикхов присоединятся к вам. Все они готовы, другие люди тоже готовы. Когда вы придете и пожелаете еще людей, то они будут снаряжены.

Некоторые сикхи спрашивали Гуру Говинд-Сингха, в каких местах произойдут упоминаемые выше сражения? Гуру ответил им: первое сражение будет в Кабульских горах, второе — в самом Кабуле, третье — в Джамруде, четвертое — в Пешаваре, пятое — в Джамму, шестое — в Лахоре, седьмое — в Фирузпуре, восьмое — в Лудхиане.

Мое место заступает доверенный мой Баба-Будх-Сингх[6], в Пегния. 35 субэ, знающих свое дело, подчиняются ему[7].

ЦГИА Узбекистана, ф. I, оп. 34, д. 462, подлинник — в конверте на л. 89, перевод с пенджаби, современный подлиннику, л. 101—103. Опубликовано: Халфин Н.А. Посольство Баба-Рам-Сингха в Туркестан в 1879 г. — Советское востоковедение. 1957, № 2, с. 153—158 [8].

Примечания

[1] Баба Рам Сингх (1815–1888) – глава секты намдхари; активные выступления намдхари начались в 1870 г., но в это время они имели разрозненный, стихийный характер. Через два года, в 1872 г. произошло организованное восстание намдхари. Колониальная администрация жестоко подавила восстание, Баба Рам Сингх и некоторые его приближенные были арестованы, доказать их прямую виновность в организации восстания не удалось. Англо-индийские власти были вынуждены ограничиться ссылкой Баба Рам Сингха в Рангун (Бирма).

[2] Имеется в виду генерал-губернатор К.П.Кауфман.

[3] Чарн-Сингх – других данных не установлено.

[4] Говинд Сингх (1675–1708), последний гуру, духовный наставник сикхов и вождь крестьянской войны XVII в.

[5] Змея Сиснак–Шеша, Шишнаг – символ зла, царь или правитель змей подземного мира.

[6] Баба Будх Сингх – брат Рам Сингха, стал главой секты после ареста Рам Сингха. Именно Баба Будх Сингх дал поручение Чарн Сингху как особо доверенному лицу у руководителей секты намдхари доставить письмо генерал-губернатору Туркестана.

[7] Прибытие гостя из Индии с письмом вызвало интерес среди представителей русской администрации в Туркестане. Беседу с ним вел помощник начальника Заравшанского округа полковник генерального штаба Н.И.Корольков. Из этих бесед выяснилось, что доставка письма была поручена гуру Чарн Сингху как человеку, которому «хорошо известны отношения индийских народов к англичанам и часть пути к русским владениям, он бывал в Кабуле» (ЦГИА Узб.ССР, ф. I, оп. 34, д. 462, л. 94). Письмо Баба Рам Сингха вместе с записями беседы было отправлено генерал-губернатору К.П.Кауфману, который находился в это время в Петербурге. По распоряжению К.П.Кауфмана, гуру Чарн Сингху было передано ответное послание. В начале октября 1879 г. Чарн Сингх отправился в обратный путь. О других попытках намдхари возобновления связей с Россией сведений нет.

[8] Документ и примечания к нему подготовлены по материалам статьи Н.А.Халфина. В этой же статье приводится новый перевод данного документа, сделанный в 1957 г. М.М.Хардатом, пенджабцем по происхождению, работавшим в то время старшим преподавателем кафедры индийской филологии САГУ им. В.И.Ленина:

«Милостью целомудренного Гуру пишу. От Баба-Рам-Сингха – русскому владыке. Посылаю (провинциального главы) соратника, от которого можете узнать все. Имя его Гуру Чарн-Сингх. Гуру Говинд Сингх предсказал, что в 1238 г. явится Сант Хальса. От Ауренгазеба освободимся, вдруг англичане начнут мучить нас. Тогда придут люди, называющиеся русскими, и изгонят англичан. Русский богатырь победит.

Пророчество Гуру Баба-Нанак-Сингха гласит: „Я воплощусь. Придет защитник правдивой веры и будет вести ожесточенную войну. Шишнагу – символу зла – наступит конец. Брахме и Вишну – символам истины и добра – нет конца. Всегда так будет. Внимайте ему – спасителю, как господину всеобщего счастья и света. Буду воевать ожесточенно. Кровопролитие надоест, но душа будет восхищаться приближающимся счастьем. Враг начнет искать везде, чтобы найти лошадей и пики. Когда будет война в Лахоре, то будет большое кровопролитие. Не найдут наемников даже за рупию в день“.

Гуру Нанак-Сахаб предсказал: „Придет владыка, и будет его победа“.

У нас имеются 315 000 сингхов-бойцов. Если понадобится, найдутся и еще. „Пенджаб будет разрушен. Города сгорят. Будет восемь сражений. Англичане будут владеть Индией 34 года“. Теперь осталось два года. Владыка сам увидит, что английские казармы будут пустыми. Восемь сингхов поднялись. Мы тоже начали. Один субэ с сотнями сингхов не мог остаться в стороне и тоже принял участие. Он был служитель божий, и с ним погибли сотни сингхов от английских пушек.

Пророчество Гуру Баба-Нанак-Сахаба гласит: „Вы должны защищать нас. 315000 сингхов будут в вашем распоряжении. Других тоже можно позвать. Когда вы придете и пожелаете, мы готовы“. Другие сингхи тоже просили. Когда Гуру Говинд-Сингху задали вопрос, где пройдут упоминаемые сражения, Гуру ответил: „Первое – в Кабульских горах, второе – в самом Кабуле, третье – в Джамруде, четвертое – в Пешаваре, пятое – в Джамму, шестое – в Лахоре, седьмое – в Фирузпуре, восьмое – в Лудхиане“.

Баба-Будх-Сингх, знающий дело, живет в Пегния. Ему подчиняются 35 субэ».

№ 102

19 февраля 1880 г. — Письмо генерала Н.Г.Столетова[1] военному министру Д.А.Милютину с отчетом о его поездке в Индию

Весьма секретно
Его сиятельству графу Д.А.Милютину.

Ваше сиятельство граф Дмитрий Алексеевич!

На днях я возвратился в Женеву. В Пенджабе и на Инде я пробыл 3 месяца, выдавая себя европейцам за путешествующего экс-профессора одного из шведских университетов, проживающего в Швейцарии. Несмотря на короткое время, мне удалось познакомиться со многими туземцами-мусульманами и чрез них принимать некоторое участие в афганских делах. Предварительно представлению отчета о моей поездке, долгом считаю доложить Вашему сиятельству в немногих словах то, что мне кажется особенно заслуживающим внимания.

I. Трудно представить, до какой степени ненавидят нас индийские англичане.

II. О наших войсках и наших деятелях все европейцы высокого мнения, особенно веско имя генерала Кауфмана.

III. О своих европейских войсках и предводителях англичане отзываются весьма нелестно. Л[орд] Литтон считается человеком ничтожным, лгущим без всякой системы. Общий голос, что в Индии теперь нет способных людей.

IV. Хвалят туземные войска, особенно из сейков и гуркасов, но думают, что на них мало надежды в случае русского вторжения.

V. В Афганистане[2] было несколько случаев трусости и неповиновения европейских войск целыми частями, — в редакции газет прислано много писем о грустном положении там дел — письма эти запрещено печатать.

VI. В декабре прошлого года, когда была паника, все говорили, что русская политика в афганских делах соображена с полным знанием местных обстоятельств и глубоко обдумана, что только люди, ничего не понимающие, как Л[орд] Литтон и его клика, могут смеяться над этой политикой и называть ее нерешительною.

VII. Думают, что трудно предвидеть конец афганских усложнений, что они продлятся до начала войны с Россией.

VIII. Туземцы убеждены, что война Англии с Россией начнется скоро, надежды на нас огромные во всех классах туземного общества.

IX. Англичане и в европейской, и в туземной прессе употребляют все усилия, чтобы парализовать наше обаяние, рисуя внутреннее и внешнее наше положение в самых мрачных красках: газеты, прибавления и афиши на всех языках по нескольку раз в день возвещали наши неудачи в Туркмении[3], худые, грозящие неизбежной войной отношения наши к Германии и, наконец, возрастание и распространение нигилизма в чудовищных размерах. При вкоренившемся в туземцах убеждении, что англичане никогда не говорят и не пишут правды, мне не трудно было в знакомых туземных кружках опровергать газетные сообщения. Особенно, что касается раздутых туркменских неудач, в действительность которых по крайней мере в той степени, как они в Индии описывались, я сам, достаточно зная туркмен и страну, не верил.

X. Московское покушение произвело на туземцев подавляющее впечатление[4].

В конце концов я вполне убежден, что разоряемая англичанами несчастная Индия готова принести всякого рода жертвы, чтобы сбросить позорное тяжелое

иго, но страна безоружна, туземные владетели хотя и имеют войска и некоторую власть над своими подданными, но сами лично находятся, можно сказать без преувеличения, в плену у англичан: в таком положении сделать шаг, значит поставить на карту все, никакое отступление и исправление невозможно: вот, чем объясняется их осторожность и выжидание. Чтобы произвести общий взрыв в Индии, нужен какой-нибудь новый веский фактор, а именно: или наша война с Англией, или решительные неудачи англичан в Афганистане (чего нельзя ждать без нашей по крайней мере негласной помощи оружием и волонтерами), или война Англии с Турцией или Персией. Имя последнего государства, несмотря на его слабость, имеет большое значение в Индии. Англичане в мою бытность всячески уверяли, что Персия на их стороне, — мое убеждение, что нам нужно употребить все меры, даже крайние, чтобы не только возвратить нам наше прежнее влияние, но совершенно отвлечь персов от англичан, в противном случае мы совершенно испортим наше положение на востоке. Достаточно зная страну, имею основание думать, что мы можем с Персией сделать все, что угодно.

В генваре я приехал в Калькутту с намерением попытаться познакомиться с английскими официальными сферами, но в этом потерпел полную неудачу. Там я не скрывал своей национальности, говорил, что делаю кругосветное путешествие и заехал в Калькутту отдохнуть. Таким образом, я сделал визит Л[орду] Литтону, но самого его не застал, — в этот день был совет. Видел его private secretary*, полковника Колин[5]. Полковник был, видимо, смущен моим появлением, просил меня оставить адрес, обещался доложить вице-королю и уверил меня, что ему будет очень приятно со мной познакомиться, но His Grace** был, вероятно, другого мнения, в тот же день он уехал в Баракпур, откуда и не возвращался до моего отъезда. Кроме Л[орда] Литтона я сделал также оставшиеся бесплодными визиты бенгальскому губернатору и командующему войсками. Во время двухнедельного пребывания в Калькутте я был в кругу весьма почтенных американцев, от них и от знакомых французов (компания Messageries Maritimes***) я узнал, что за мною учрежден строгий полицейский надзор. Американцы, полагая, что я действительно только что высадился в Калькутте, звали меня ехать с ними посмотреть некоторые места внутри страны, но так как я все это уже видел в качестве шведского профессора, и полагая, что до начала ранней весны мне необходимо доложить Вам мои наблюдения, я решил оставить Индию.

В заключение имею честь доложить, что мною приняты меры, чтобы не только не скомпрометировать наше правительство, но и мою личность, — все это удалось вполне. Здесь я говорю, что провел осень и зиму в Италии и Египте. Докладывая о вышеизложенном, имею честь почтительнейше просить Ваше сиятельство не оставить поставить меня в известность — должен ли я немедленно приехать в С.Петербург для личного доклада.

С чувством глубочайшего почтения и преданности
имею честь пребыть Вашего сиятельства покорнейшим слугою
Н.Столетов

7/19 февраля 1880 г.
г. Женева

РГВИА, ф. 400, оп. 21, д. 1137, л. 32—36 об. Автограф.

---

* Private secretary (*англ.*) — личный секретарь.

** His Grace (*англ.*) — Его Превосходительство.

*** Messageries Maritimes (*франц.*) — морские перевозки, название французской транспортной компании.

Примечания

[1] Столетов Николай Григорьевич (1834—1912), военный деятель, генерал от инфантерии. Окончил курс в Московском университете кандидатом математических наук и Николаевскую академию Генерального штаба. На военной службе с 1854 г., участник русско-турецких войн 1853—1856 гг. и 1877—1878 гг., завоевания Кавказа, Средней Азии; заложил город Красноводск. В 1878 г. в чине генерал-майора был главой русской миссии, направленной к эмиру Афганистана. После этого был прикомандирован к Главному штабу и с 5 июня 1879 г. по 5 мая 1880 г. числился в отпуске за границей с сохранением содержания (РГВИА, ф. 409, оп. 1, П/с 243—049, л. 5, 8 об.).

[2] Здесь и далее в тексте имеется в виду 2-я англо-афганская война 1878—1880 гг.

[3] Имеется в виду неудачная первая Ахал-текинская экспедиция 1879 г., когда 12-тысячный отряд русских войск, изнуренный переходами, жарким климатом и нехваткой продовольствия, был отброшен от укрепления Денгиль-Тепе, около Геок-Тепе.

[4] 19 ноября 1879 г. на одной из окраин Москвы было совершено покушение на жизнь царя Александра II. Члены организации «Народная воля» взорвали поезд, в котором царь возвращался из Ливадии. Обычно царь ехал во втором составе, и лишь случайно из-за нерасторопности железнодорожных служащих на этот раз вторым шел состав со свитой, что и спасло жизнь царя.

[5] Полковник Колин, Эдвин Генри Хайер (1843—1913), английский военный деятель, с 1878 г. был секретарем комиссии по реорганизации англо-индийской армии.

№ 103

7 мая 1880 г. — Из записки великого князя Николая Константиновича[1] министру императорского двора графу А.В.Адлербергу[2] о необходимости постройки среднеазиатской железной дороги

Граф Александр Владимирович.

Полагаю приятным для себя долгом доставить Вам записку о среднеазиатской железной дороге, которая составлена мною после трехлетнего изучения условий этого предприятия.

Великий князь Николай*

7 мая 1880. Самара.

Среднеазиатская железная дорога[3]. Исторический очерк

Петр Великий, желая направить торговлю Запада с Востоком через Россию, полагал связать каналами моря Балтийское, Черное и Каспийское, реки Неву, Волгу и Дон, а воды Аму-Дарьи направить в Узбой, чтобы создать непрерывный внутренний водный путь.

При посредстве названных морей и рек совершались международные сношения в древние и средние века, при греках, римлянах, арабах и генуэзцах. Великому преобразователю не удалось сделать русский народ посредником в обмене произведений Европы и Азии, а после Петра его замыслы были надолго забыты. Когда же русские окраины стали распространяться в глубь Средней Азии, мно-

---

* Записка приложена к документу и написана собственноручно вел.кн. Николаем Константиновичем (*сост.*).

гие выдающиеся деятели неоднократно предлагали связать Европу с Индией через Россию и Туран[4], но уже не водным путем, а железнодорожным.

Первая мысль о проведении среднеазиатской железной дороги родилась вскоре после Крымской войны. Летом 1856 года наместник Кавказа князь Барятинский советовал соединить водные пути России с большими реками Средней Азии посредством железной дороги через Усть-Урт, между Каспием и Аралом. Полковник Романов[5], с 1857 до 1873 года, упорно настаивал устроить русский паровой путь на Восток от Волги, у Самары, через Оренбург к Аму-Дарье, полагая, что, со временем, его встретят англичане железною дорогой от Инда, у Атока, через Кандагар или Кабул. В год Хивинского похода[6], главный начальник Туркестана фон-Кауфман просил включить в составляемую сеть русских рельсовых путей железную дорогу от Оренбурга к Аральскому морю, как первый участок будущей Туркестанской железной дороги, которая должна соединить Ташкент и Самарканд с Москвою.

В то же время в Англии Палата общин выдвинула вопрос о железной дороге сквозь Турцию, Персию и Афганистан, чтобы предупредить Россию в устройстве индоевропейского пути через Бухарию.

Англичане, со времен Петра, опасаются за судьбу своих драгоценных индийских владений, подозревая, что великий русский царь завещал своим преемникам покорить Индию и завоевать Царьград. Хотя Петр не оставил завещания, как думают британцы, но известно из письма его любимца Волынского[7], что «по замыслам Царского Величества не до одной Персии ему было дело. Если продолжил бы Всевышний живот его, конечно бы покусился достигнуть до Индии, а имел в себе намерение и до Китайского государства»[8]. С начала нынешнего века англичан стала тревожить мысль, что Россия рано или поздно совершит поход в Индию, задуманный Павлом I и Бонапартом, который говорил: «C'est dans l'Inde qu'il faut attaquer la puissance anglaise. Voilà où il faut la frapper»*. Одного появления внешнего врага на границах Индостана достаточно, по мнению англичан, чтобы поголовно поднять все индийское население и повторить кровавое восстание 1857 года, подавленное только страшными мерами. Русско-среднеазиатская железная дорога, полагают они, будет соперничать с Суэцким каналом в перевозке людей, писем и дорогих товаров, а в случае распри с Англией, Россия в самый короткий срок выдвинет к границам Индии грозную военную силу, тогда как доставка в Индию английских войск морем потребует гораздо больше времени.

Вот почему англичане желали вести индоевропейский путь вдали от русских земель, и все предложенные ими направления идут через Константинополь в обход России с юга, несмотря на то, что самый прямой путь из Лондона в Калькутту проходит не через Босфор, а через низовья Волги...

В 1873 году Фердинанд Лессепс, по просьбе графа Игнатьева, согласился поставить свое знаменитое имя во главе всемирного предприятия «le Grand Central Asiatique»[9]. Лессепс думал, что благодаря дороге от берегов Атлантического до берегов Индийского океана сильнейшие державы на суше и на море, Россия и Англия, протянут руку примирения через Среднюю Азию и, вместо соперничества, помогут друг другу даровать странам Востока мир и благоденствие... Тогда путешествие из Парижа и Лондона в Калькутту будет совершаться в одиннадцать дней, т.е. по малой мере вдвое скорее, чем через Суэцкий канал, при посредстве которого морской путь через Марсель требует тридцать два, а

* Именно в Индии нужно бросить вызов английскому могуществу. Вот где следует нанести удар! (*франц.*).

через Бриндизи и Бомбей двадцать три дня. По расчету Катара, главного помощника Лессепса в постройке Суэцкого канала, вся среднеазиатская железная дорога от Волги до Инда обойдется в миллиард франков и будет закончена в течение семи лет. Доход дороги рассчитан исключительно на провоз почты, пассажиров и ценных грузов, ибо они несомненно предпочтут этот скорый, дешевый и удобный путь долгому, дорогому и неприятному морскому плаванию. Катар принимает ежегодный валовой доход от перевозки почт, 400.000 тонн груза и 100.000 пассажиров в 40.000 франков на километр дороги.

В 1874 году Барановский доказывал в Императорском русском географическом обществе пользу железной дороги от Волги, у Саратова, до Инда, у Атока, на которую, по его расчетам, поступит пятая часть всех индоевропейских грузов, идущих теперь через Суэц. В том же году Больман[10] предлагал покрыть всю Среднюю Азию сетью конножелезных дорог (в 9.000 верст) и учредить частное пароходство по Аму-Дарье. Год спустя, на международном географическом конгрессе в Париже французский инженер Баранд[11] объяснял проект среднеазиатской железной дороги в связи с поворотом Сыра и Аму в их старые русла, а полковник Богданович[12] находил возможным примкнуть среднеазиатскую дорогу к южносибирской в Екатеринбурге. В следующем за тем году президент Венского географического общества Хохштеттер[13] предложил создать кольцеобразную железную дорогу вокруг Арало-Каспийской низменности от Москвы на Тифлис, Тегеран, Балх, Самарканд, Омск, Москву. Побочные питательные ветви изнутри и снаружи, по мере надобности, примкнут к Железному кольцу. Со временем подойдут к нему великие железные пути от Пекина и Калькутты через Китай и Индию. Тогда, при посредстве кольцеобразной дороги, явится связь между всеми странами Старого материка.

Кроме приведенных проектов среднеазиатской железной дороги, было предложено еще множество других, не заслуживающих внимания. Почти все они своевременно рассматривались в русских правительственных учреждениях, все без исключения были отклонены и не встретили сочувствия в обществе. Несостоятельность этих проектов выражалась в том, что они были составлены a priori, без изучения условий местностей, по которым предполагалось прокладывать исполинскую железную дорогу. При осуществлении их ожидались едва одолимые трудности топографические, финансовые и политические, требовались громадные издержки, предвиделись разного рода неудачи и разочарования. В общем они выражали не зрелую мысль, а скорее желания величественные, страстные, настойчивые и в то же время неопределенные, лишенные прочной подкладки. Для разработки вопроса о среднеазиатской железной дороге они важны только как постепенный путь, которым шла отвлеченная идея, чтобы превращаться мало-помалу в осязательную и практическую форму...

Летом и осенью 1877, 1878 и 1879 годов вместе с представителями разных отраслей науки я проследил в Киргизских степях и Туркестанском крае все направления, предложенные за последние 25 лет для среднеазиатской железной дороги, исключая направления через Усть-Урт, которое изучить не удалось, вследствие разбоев и неурядиц в Туркменской степи. Сделанные исследования доказали, что безводные глинистые равнины, топкие солончаки и так называемые песчаные пустыни Средней Азии не представляют препятствий и что вполне возможно строить среднеазиатскую железную дорогу по прямому направлению без особых усилий и крупных затрат...

...Таким образом, Россия, сократив лишь некоторые непроизводительные расходы и не прибегая к новым источникам государственных доходов, будет иметь скорый, удобный и дешевый путь в глубь Средней Азии... Он облегчит

русско-азиатские торговые сношения, оживит промышленность Туркестана и даст возможность быстро двинуть русские войска к границам Индии, в случае расприи с Англией...

ГАРФ, ф. 664, оп. 1, № 39, л. 4–9, 10, 18 об., 19. Копия. См. также: РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, № 451, л. 1–5, 6, 14, 15 об. Копия.

Примечания

[1] Великий князь Николай Константинович (1850–1918) – старший сын Константина Николаевича, второго сына Николая I, в 1872 г. окончил Военную академию Генерального штаба. В 1873 г. участвовал в походе русских войск под руководством генерала К.П.Кауфмана в Хиву и заинтересовался проблемами, связанными с освоением Средней Азии. В 1874 г. за неблаговидное поведение был выслан из столицы, над ним и его имуществом была учреждена опека. В 1877 г. Николаю Константиновичу было позволено вернуться на службу в Оренбург. В 1877, 1878 и 1879 гг. им были проведены три экспедиции с целью доказать возможность проведения железной дороги по восточной части Приаральских Каракумов, а также для исследования судоходства по Амударье и возможности поворота ее вод в Каспийское море через предполагаемое старое сухое русло этой реки – Узбой. В экспедиции 1879 г. участвовал Рамчандр Баладжи (см. док. 85–93). Результаты экспедиционных исследований были опубликованы («Пески Кара-Кум по отношению к Среднеазиатской железной дороге». Оренбург, 1878; «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги». СПб., 1878; «Аму и Узбой». Самара, 1879). Дальнейшие публикации работ великого князя были запрещены царем, видимо, потому, что принадлежность автора к царской фамилии придавала некоторым его высказываниям, в частности относительно Индии, особое политическое звучание, это могло быть принято за официальную точку зрения, что было нежелательно.

С 1881 г. местом его жительства был определен Туркестан (Ташкент). Поселившись там, цель свою великий князь видел, как он писал, в оживлении пустыни и способствовании правительственной политике заселения этого края русскими людьми (см.: ГАРФ, ф. 652, оп. 1, № 621). Он занялся проведением каналов и арыков, передавая орошенные земли переселенцам из России, строительством заводов, разведением шелковицы. Он стал крупнейшим землевладельцем и предпринимателем, деятельность которого, со всеми плюсами и минусами, несомненно сыграла определенную роль в освоении земель и развитии Туркестанского края. Великий князь Николай Константинович прожил в Ташкенте до 3 февраля 1918 г., когда был расстрелян.

[2] Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), с 1870 по 1881 г. министр императорского двора и уделов, личный друг императора Александра II. Ему направлялись все полицейские отчеты о действиях вел.кн. Николая Константиновича, его корреспонденция.

[3] Приводимый здесь «Исторический очерк» является частью заключения под названием «Среднеазиатская железная дорога», написанного вел.кн. Николаем Константиновичем после трехлетнего изучения вопроса о железной дороге, в котором он доказывал, что по многим соображениям выгоднее будет провести железную дорогу не по маршруту Екатеринбург–Троицк–Тургай–Ташкент, а Оренбург–Кара-тугай – далее к Сырдарье и на Ташкент. Именно такая дорога и была проложена, но лишь в 1905 г.

Рукописная копия «Среднеазиатская железная дорога» с собственноручной дарственной надписью была отправлена великим князем и Ф.Д.Нефедову, беллетристу-народнику и этнографу, научные статьи которого печатались в газете «Русские ведомости» (см.: РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, № 451).

[4] Туран – в древнем Иране так называлась страна, лежавшая на северо-восток от Ирана.

[5] Имеется в виду Романов Дмитрий Иванович (18...–1873) – военный инженер, полковник. Один из инициаторов постройки Амурского телеграфа, связавшего Россию с Америкой, Китаем и Японией, автор ряда проектов прокладки железных дорог на Кавказе и Средней Азии, дававших возможность выхода к Индии. С целью изучения этого вопроса на месте был по своей личной просьбе включен в состав участников похода русских войск в Хиву в 1873 г., во время которого (18 апреля) покончил с собой. Автор множества этнографических, географических и экономических статей (см.: ГАРФ, ф. 730, оп. 1, № 652, 3773; ф. 722, оп. 1, № 806).

[6] Имеется в виду победоносный поход русских войск на Хивинское ханство в феврале–мае 1873 г.

[7] Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — государственный деятель, службу начал солдатом в 1704 г., участник русско-турецкой войны 1710—1713 гг., за храбрость был приближен к себе Петром I. В 1715 г. был отправлен с миссией в Персию с целью добиться привилегий для русских купцов, а также изучения возможности открытия через Персию удобного торгового пути в Индию. За успешное выполнение своей миссии был в 1718 г. произведен в генерал-адъютанты и назначен астраханским губернатором, позднее был губернатором Казани, служил в Персии. В 1738 г. назначен Анной Иоанновной кабинет-министром, выступил против «бироновщины», составил проект улучшения государственного управления. В 1740 г. А.П.Волынский был арестован, обвинен в измене и казнен.

[8] Петр I неоднократно предпринимал попытки проникнуть в глубь Азии. Так, например, посылая миссию Бековича в Хиву, Петр I дал отдельную инструкцию отправить поручика флота лейтенанта Кожина под видом купца по Амударье, чтобы «изъехал ее, пока суды могут итти, а оттоль бы ехал в Индию... описывал водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии» (цит. по: Аму и Узбой. Самара, 1879). И хотя путь не был найден, в результате всех этих усилий была составлена первая точная карта Арало-Каспийской области.

[9] Имеется в виду «Société universelle du Grand Central Asiatique», см. док. № 57, примеч. 3.

[10] Речь идет, вероятно, о Больмане Александре Казимировиче — авторе нескольких проектов прокладки конно-железных и железных дорог в России, например Нижегородской-Сызранской, Рыбинско-Костромской и др.

[11] Барранд Йоахим (1799/97—1883) — геолог, инженер. В 1875 г. обратился к великим князьям Константину Николаевичу и Владимиру Александровичу с изложением своего плана развития экономики Туркестана и подробно разработанным проектом (картой, чертежами и расчетами) строительства железной дороги Оренбург—Ташкент, доказывая преимущество для европейских стран пути через Среднюю Азию в Индию и далее по сравнению с путем через Суэцкий канал (см.: ГАРФ, ф. 652, оп. 1, № 222).

[12] Богданович Евгений Васильевич (1829/32—1915) — генерал от инфантерии, служил на флоте, работал в Министерстве внутренних дел. Один из инициаторов строительства Сибирской железной дороги. Автор ряда брошюр религиозно-нравственного и патриотического содержания.

[13] Хохштеттер (Гохштеттер) Фердинанд (1829—1884) — геолог, географ, профессор минералогии и геологии при политехническом университете в Вене, президент географического общества, основатель антропо-этнографического музея. Изучал Новую Зеландию, Швейцарию, Италию, Турцию, Россию (особенно Урал). Автор работы «Asien und seine Zukunftsbahnen» (Азия и ее будущие железные дороги), 1876 г. Считал, что песчаная пустыня Каракумы непроходима для железнодорожных путей.

№ 104

1881 г. — Отчет подполковника Н.Я.Шнеура[1] о поездке в Индию для сбора сведений о состоянии страны

Отчет

о поездке в Западную Европу, Северо-Американские штаты, Китай и Индию в 1880—1881 гг.

Во исполнение высочайшего повеления, переданного мне за начальника Главного штаба помощником его генерал-адъютантом Мещериновым[2] секретным предписанием от 21-го июля 1880 г. за № 127, я выехал 1-го августа того же года за границу для сбора сведений: 1) о вооружениях китайского правительства и 2) о возможности снабжать войска наши на Сахалине и в Приморской области продовольствием из Америки. Впоследствии к этим двум задачам прибавлено было еще 3) посещение Индии для сбора сведений о состоянии страны и о впечатлении, произведенном успехами нашими в Средней Азии[3]. ...[4]

Поездка в Индию. Вынужденный обстоятельствами покинуть пределы Китая до получения новой инструкции, сделавшейся необходимою вследствие мирного исхода переговоров с Китаем[5], и отправившись вследствие этого в Японию, я получил по телеграфу Высочайшее повеление «вернуться в Россию через Индию, собрав осторожно проездом сведения о состоянии английских колоний и о впечатлении, произведенном нашими успехами в Средней Азии».

План мой был: высадиться в Пуан-де-Галле, переехать в Мадрас и оттуда по железной дороге в Бомбей в виде пробной поездки. Если бы во время этого переезда оказалось, что таким способом можно узнать что-либо, то я предполагал продолжать путешествие вовнутрь страны, если же нет, то, донеся о том из Бомбея, просить разрешения действовать хотя менее осторожно, но зато в условиях, ожидающих успех, — именно разрешение посетить и независимые владения, и не ограничиваться одними железными дорогами.

Выехав из Нагасаки 14/26 марта, я прибыл в Пуан-де-Галль 6/18 апреля. Оказалось, что первый пароход в Мадрас отправится только через 12 дней, почему в видах выигрыша времени оказалось выгоднее в тот же день отправиться прямо в Бомбей и уже там на месте решить, возможен ли сбор сведений. В Бомбей я прибыл 10/22 апреля.

Зная, что в Бомбее числится наш консул, директор французского банка, М. Бульон[6], я первым делом посетил его. Оказалось, что, хотя он был назначен нашим правительством еще год тому назад, индийское правительство официально не признавало его[7], хотя под предлогом предстоящего признания лишило его того участия в местных делах, которое ему принадлежало как представителю местного банка. Этот факт сам по себе служит доказательством того, до какой степени англичане считают Россию опасною для себя в Индии. Вследствие того я уже не мог воспользоваться его содействием и скрыл и от него свои настоящие цели, попросив лишь его содействия для улажения таможенных формальностей, которые здесь более тягостны, чем где-либо.

В первый день моего пребывания в Бомбее, я полагал, что, не рискуя навлечь на себя подозрение английских властей, нельзя будет узнать ничего. Но на 2-й день, отправляясь на остров Элефанту, на пристани ко мне обратился таможенный чиновник, предварительно громко спросив, я ли русский офицер, и сообщил, что дело в таможне улажено. Слово «русский офицер» произвело сильное впечатление на лодочников и особенно на нашего проводника. Лишь только мы высадились на остров, он с лихорадочным волнением удалил меня от прочей публики и спросил: «Скоро ли придет генерал Скобелев с русской армией?» Помня данное мне предписание быть осторожным, я ответил, что я еду из Японии и ничего не знаю, не знаю даже, куда ген. Скобелев должен идти. «Вы, конечно, этого не скажете, — ответил он, — но мы знаем, что Скобелев уже близко и скоро придет в Индию». К несчастью, дальнейший разговор стал невозможным, но и этот случайный разговор, именно потому, что он был чисто случайным, мне кажется, доказывает, что на массу индийского населения движение наше к Ахал-теке произвело чрезвычайно сильное впечатление и что массы именно в России видят своего будущего избавителя.

До какой степени имя «русского» пользуется обаянием в Индии, показал мне и другой случай на другой день. Назойливый продавец индийских редкостей хотел меня обмануть, но, уличенный в обмане, не краснея, утверждал свою правоту. В разговоре случайно он узнал, что я русский. Немедленно поведение его изменилось: он предлагал мне взять вещь действительно себе в убыток и со слезами упрашивал целый час, чтобы я взял или хоть простил его, так как его особенно мучило то, что русский будет считать его мошенником.

Эти два случая убедили меня, что даже при совершенно осторожном образе действий можно узнать кое-что, поэтому я и решился продолжать свое путешествие. Но так как жара уже становилась невыносимой, то я не решился ехать прямо вовнутрь страны по железной дороге, а выбрал маршрут на Курачи, Лагор, Дели и далее, насколько позволит температура. В это время года все, что имеет малейшую возможность, покидает или Индию или же по крайней мере равнину и спасается в дачных станциях в горах.

В Курачи я прибыл 14/26 апреля, на пароходе я познакомился с английскими офицерами, возвращавшимися из Бомбея после военного суда по поводу Майвандского дела[8]. Рассказы их дали возможность получить некоторое понятие о состоянии дисциплины в англо-индийских войсках.

Сближаясь с афганской границей, я в особенности рассчитывал встретить наибольшее проявление того впечатления, которое произвело наше вдвижение в Ахал-теке. Но расчеты мои не оправдались. Было ли то вследствие несносной жары, или же вследствие страшного гнета англичан, но начиная с Курачи и до самого Лагора в туземцах я не видел ничего, кроме полной апатии. На самой железной дороге мне не удалось столкнуться с туземцами, так как кроме раджей никого из них в первый класс не пускают, да и для них, кажется, дают отдельные вагоны; 2-й и 3-й класс разделены на два отделения для европейцев и для туземцев, и смешение пассажиров не допускается.

В Лагоре оказалось, что Северо-Запад держится англичанами еще в более строгих руках, нежели остальные части Индии. Все жители безусловно обезоружены; туземные газеты подвергаются строгой цензуре, а население менее знакомо с английским языком, вследствие чего почти не знает, что делается вне Индии, и потому масса населения, может быть, даже не знала о движении ген. Скобелева. Проехать в Пешавар нельзя было, так как для этого требовалось особое разрешение и сверх того надо бы было покинуть железную дорогу, на что я не считал себя вправе.

В Лагоре я встретился с французским купцом, только что вернувшимся из Кашмира и знакомого с Россией. Он сообщил мне, что в Кашмире встречаются во множестве наши товары, но что англичане вступили с нами в оригинальную борьбу: они будто бы скупают наши лучшие товары, уничтожают на них русские фабричные клейма и ставят свои, и наоборот, на плохом английском товаре выставляют русские клейма. Он же сообщил мне, что англичане за глаза не называют меня иначе как «русским шпионом». Это также, может быть, было причиной тому, почему ни один туземец не обратился ко мне.

Из Лагора я отправился в Дели. Здесь проводник, воспитанный в английской школе, с особенным злорадным хохотом показывал места, на которых во время восстания[9] были избиты англичане. «Вы рассказываете с таким восторгом, — заметил я ему, — что можно подумать, что Вы бы не прочь были повторить все это». Он сразу сделался серьезным и ответил с отчаянием: «Нельзя, у нас оружие отнято!»[10].

Проводник этот принадлежал к касте браминов; из предшествовавших его рассказов можно было заключить, что он ненавидит англичан, несмотря на то, что они дали ему высшее образование, за стремление нивелировать все касты, но вместе с тем ни одну из них не поставить наравне с собою. Необразованные туземцы высших каст смолоду приучены считать себя за высшие существа на земле, а потому ненавидят англичан за стремление сравнять все касты, стремление, выражающееся как в смешении их в войске, так и во многих случаях гражданской жизни. Более образованные ненавидят англичан, потому что более живо чувствуют унижение, как свое личное, так и своей родины.

До какой степени англичане стараются во всех своих колониях постоянно напоминать туземцам, что они принадлежат к низшей расе, видно из множества мелких фактов, наблюдаемых на каждом шагу. Я уже упомянул, что на железных дорогах туземцы не пускаются в первый класс; туземные войска (часовые) должны отдавать честь каждому европейцу; каково обращение английской публики с туземцами, можно заключить из того факта, что железнодорожное начальство вынуждено было вывесить объявление с просьбой не бросать из вагонов поленья, большие камни и бутылки в рабочих на линии, так как были случаи тяжкого увечья и даже убийства; ежедневные уличные сцены выставляют это презрение туземцев в еще более ярком свете. Не менее единичных лиц и сама администрация местами посягает даже на святыню: так, около Дели древний мавзолей обращен в постоялый двор (bungalow), а царское судилище — в полковой кабак (cantine). Для простого народа это презрение, правда, не новость, так как высшие касты давно приучили его к подобному обращению, но зато они не менее других чувствуют тяжесть налогов. Так, напр., средний поземельный налог равняется 5,6% валового урожая, а местами он доходит до 7,5%, причем самый способ определения этого налога допускает много злоупотреблений. Косвенные налоги достигают точно так же значительных размеров.

Чувствуя свою непопулярность, англичане, как видно, сильно боятся именно России и следят за появлением каждого русского. В Лагоре английский священник спросил меня, отчего это в последнее время так много русских посещают Индию. На вопрос мой, кто же эти многие, он назвал трех, четырех, между прочим Верещагина, бывшего в Индии в 1876 г.

Из Дели я отправился в Агру. Но здесь жара уже достигла невыносимых размеров — в тени и ночью было 38°[11] Реомюра, т.е. на 8° выше температуры крови. С непривычки я не в состоянии был вынести такую жару и был вынужден поскорее вернуться в Бомбей, где близость моря несколько смягчает жаркий климат. На пути меня приглашали посетить Гейквара Бародского[12], любезно принимающего всех иностранцев. Но боясь таким посещением вызвать подозрение англичан, я отказался от этого предложения. Из Бомбея я с первым пароходом отправился в Россию, через Суэц и Александрию.

Таким образом, несмотря на неблагоприятное время года, мне, кажется, удалось собрать сведения по главным вопросам. Отметив выше самые резкие указания на впечатление, произведенное ахалтекинской экспедицией, и представляя себе, согласно полученному разрешению, дать место более подробным сведениям, собранным мною о состоянии страны, в разрабатываемом мною по обязанностям службы «Военном обзоре Индии»[13], я позволю себе привести здесь лишь главные выводы, к которым я пришел во время поездки в Индию.

1) Население действительно находится под чрезмерным гнетом, нравственным и материальным, и вполне сознает этот гнет.

2) Вследствие этого ненависть населения к англичанам до того сильна, что легко может перейти в открытое восстание по сравнительно говоря ничтожному поводу.

3) Имя России действительно пользуется среди населения громадным почетом, как исконного врага англичан и притом ожидаемого в будущем избавителя от гнета последних.

4) Эффект, произведенный движением нашим в Ахал-теке, рядом с вышеприведенным общим настроением населения, указывает на то, что, вероятно, движение наше далее вглубь, на Герат, напр., при открытой враждебности к англичанам и при некотором желании с нашей стороны, может вызвать восстание населения в Индии, даже без появления наших войск в пределах Индии.

5) При появлении же наших войск в пределах Индии можно рассчитывать как на общее восстание, так и на содействие полунезависимых владетелей и, может быть, даже на измену туземных английских войск. Но вопрос о вторжении нашем усложняется, конечно, в политическом отношении присутствием на полуострове французских и португальских колоний[14].

6) Англичане вполне осознают опасности своего положения и не скрывают, что даже дружественное соседство наше с границами Афганистана будет поддерживать в индийском населении такое возбуждение, которое принудит англичан увеличить контингент европейских войск в Индии, что, в свою очередь, угрожает индийскому правительству непосильными финансовыми затратами.

7) Это последнее, не скрываемое самими англичанами, сознание превращает «индийский вопрос», который может быть вызван Россией во всякое время и висит над англичанами как Дамоклов меч, в тот рычаг, который позволяет нам, при некотором желании, заставить англичан быть уступчивыми относительно нас по всем вопросам международной политики.

Генерального штаба подполковник Шнеур

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1881, д. 56, л. 1–9. Автограф.

Примечания

[1] Шнеур Николай Яковлевич (1848–1894), полковник (с 1882 г.) русской армии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, служил на Кавказе, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1879–1883 гг. – делопроизводитель Военно-Ученого комитета Главного штаба, в 1883–1885 гг. – военный агент в Китае, с 1886 г. – начальник штаба 31-й пехотной дивизии.

[2] Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в 1866–1881 гг. был помощником начальника Главного штаба.

[3] Имеется в виду завоевание оазиса Ахал-теке в Туркмении в 1880–1881 гг.

[4] Пропущена часть отчета, касающаяся пунктов 1 и 2.

[5] В конце 70-х годов XIX в. основным камнем преткновения между цинским Китаем и Россией была русская оккупация в 1871–1881 гг. города Кульджи. Китай и Россия стояли на грани войны, хотя для обеих сторон (истощенность русской казны после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и угроза усиления Англии и Франции в Китае) она была крайне невыгодна. Постепенно правительства обеих стран перешли к переговорам, которые завершились подписанием 24 февраля 1881 г. Петербургского договора.

[6] Бульон (Вуйон Френсис), представитель парижской компании по учету векселей в Бомбее.

[7] Консульство Российской империи в Британской Индии в Бомбее было открыто лишь в 1900 г.

[8] Сражение при селении Майванд (Афганистан, Кандагарская провинция) произошло 27 июля 1880 г. между английской армией и афганскими войсками и закончилось полным разгромом англичан. Всем оставшимся в живых английским офицерам было приказано представить свои показания о том, как развивались события под Майвандом, но эти свидетельства оказались настолько разноречивыми, что по ним нельзя было воссоздать картину боя.

[9] Имелось в виду Народное восстание в Индии в 1857–1859 гг.

[10] В 1879 г. был издан закон, так называемый «Arms' act», запрещающий индийцам ношение оружия без особого разрешения.

[11] Равно 48° по Цельсию.

[12] Правитель с титулом «гаеквар» княжества Барода (Гуджарат) Сайеджи Рао Гаеквар (1862–1939).

[13] «Военный обзор Индии» Н.Я.Шнеура вышел в свет в 1883 г. в Санкт-Петербурге.

[14] Португальцы были первыми европейцами, появившимися у берегов Индии в конце XV в. Они не были заинтересованы в крупных территориальных захватах, но создали несколько опорных пунктов-баз для своего флота. Столицей португальских владений в Индии был Гоа. Сильнейший в

то время португальский флот курсировал вдоль берегов Индии и грабил все встречавшиеся суда. Пиратство было основным доходом португальских колонизаторов. Начавшийся со 2-й половины XVI в. экономический упадок Португалии привел к ослаблению армии и флота, поэтому в XVII в. Португалия не смогла составить конкуренции молодым колониальным державам: Англии, Франции и Голландии. Французская Ост-Индская компания была основана в 1664 г. и к началу XVIII в. имела несколько опорных баз: Пондишери (Путтучерри) — столица, Шандернагор (Чандранагар) и др. Ни король Франции, ни правительство не придавали большого значения своим азиатским колониальным владениям. Это, а также отсутствие мощного флота сыграло решающую роль во время англо-французского соперничества в XVIII в., окончившегося в 1761 г. падением столицы французских владений. После этого французы хотя и продолжали вмешиваться во внутренние дела индийских княжеств, уже не представляли реальной силы, способной соперничать с англичанами.

№ 105—111

11 октября 1885 г. — 8 июля 1886 г. — Документы о поездке русских военных на маневры в Индию

№ 105

11 октября 1885 г. — Докладная записка по Главному Штабу о приглашении двум русским офицерам присутствовать на маневрах в Индии

Великобританское правительство приглашает через Министерство Иностранных Дел двух русских офицеров для присутствования на маневрах, имеющих быть 4-го января нового стиля в северо-западных провинциях Индии. Офицеры эти должны быть в Бомбее в конце декабря нового стиля.

Статс-секретарь Гирс, с точки зрения наших дипломатических интересов, находит небесполезным воспользоваться предложением Лондонского кабинета. Для военного же министерства весьма важно не упустить такой благоприятный для изучения Индии случай.

На означенные маневры полагалось бы командировать начальника 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии генерал-адъютанта князя Шаховского[1] и Генерального штаба полковника Тимлера[2], которые оба хорошо владеют английским языком. Звание генерал-адъютанта и княжеский титул доставят князю Шаховскому исключительное положение в среде английских офицеров и местного общества, а выбор полковника Тимлера оправдывается его тактом и теоретическим знанием страны, в которой будут происходить маневры.

Князю Шаховскому и полковнику Тимлеру, как вообще всем нашим офицерам, недостает, однако, знания местного языка и местных обычаев, без чего на Востоке самый осторожный человек может оказаться в неловком положении.

Для ограждения от этого наших офицеров и в особенности для всестороннего изучения Индии, которая нам мало знакома, необходимо было бы подкрепить нашу военную миссию вполне опытным человеком. Таким лицом представляется профессор С.-Петербургского университета статский советник Минаев, который был уже два раза в Индии; в первый раз он прожил в ней 2 года, а во второй — 6 месяцев. Кроме Минаева из русских Индию посетил только художник Верещагин и путешественник Пашино.

Так как г. Минаев знаком с вице-королем и его генеральным секретарем и вообще имеет обширный круг знакомых в Бомбее и в Индии, то неудобно было

бы командировать его с князем Шаховским под видом личного его секретаря, а полезнее дать Минаеву возможность отправиться в Индию одновременно с нашею миссиею, но в качестве путешественника, что доставит ему более независимое положение и возможность изучить те части Индии, которые представляют для нас особый интерес. Служебные и ученые занятия г. Минаева позволяют ему отправиться в Индию вместе с нашими офицерами.

При вышеизложенном составе нашей миссии можно быть уверенным, что русские офицеры произведут благоприятное впечатление на армию, на общество и на туземное население и что первая официальная командировка русских в Индию увенчается успехом.

Если Ваше Высокопревосходительство изволите одобрить это предположение, то не угодно ли будет испросить Высочайшие указания насчет предположенной командировки и состава миссии.

Генерал-адъютант Обручев[3]

Резолюция на 1-м листе документа: «Государь император не соизволил проявить согласие на назначение ген[ерал]-ад[ъютанта] кн. Шаховского и повелел поискать полковника в кавалергардск[ом] Его Величества или в Л[ейб]-Гв[ардии] гусар[ском] и вообще в Гвард[ии]».

Подпись неразборчива

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 2—3. Подлинник.

№ 106

17 октября 1885 г. — Письмо военного министра П.С.Ванновского[4] министру народного просвещения И.Д.Делянову[5] о командировании в Индию профессора И.П.Минаева

Милостивый государь Иван Давидович.

Великобританское правительство приглашает двух русских офицеров для присутствования на маневрах, имеющих быть 4 января нового стиля близ Дели, и просит их прибыть в Бомбей к концу декабря нового стиля.

Так как наши офицеры мало знакомы с Индиею и при своеобразном политическом и социальном ее устройстве могут по незнанию местных условий, отношений и обычаев быть поставляемы в крайне неловкое положение, то, по соглашению между мною и Министерством иностранных дел, признавалось бы полезным помочь вполне успешному исполнению командировки наших офицеров участием лица, хорошо знающего край. Таким лицом представляется профессор С.Петербургского университета, статский советник Минаев, который уже был два раза в Индии и в общей сложности прожил там $2^1/_2$ года.

Если со стороны Вашего Высокопревосходительства не встречается препятствий к его командированию в Индию одновременно с нашими офицерами, но не в качестве члена миссии, а в виде путешественника, то военное министерство готово принять на себя всеподданнейшее ходатайство об обеспечении всех путевых расходов г. Минаева, примерно на срок 2 месяцев (не считая времени переезда), причем с согласия Вашего могло бы быть испрошено г. Минаеву Высочайшее разрешение остаться в Индии и далее указанного срока с сохранением получае-

мого им по вверенному Вам министерству содержания, если бы ученые труды профессора потребовали продолжительного времени личной его командировки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подлинное подписал Ванновский.

С подлинным верно.

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 4—5 об. Копия.

№ 107

1885 г. — Отрывок из донесения военного агента в Англии С.С.Бутурлина о причинах приглашения русских офицеров на военные маневры в Индию

...По поводу этого приглашения, составляющего столь необычную любезность со стороны английского правительства, мне говорили наши соотечественники, слышавшие от самих английских штаб-офицеров, что цель, имевшаяся в виду при этом, заключается в том, чтобы воспользоваться этим примером для обращения с подобной же просьбой к нашему правительству, которому, по мнению здешнего кабинета, будет неловко отказать в позволении английским офицерам посетить Закаспийскую область и Туркестанский округ после того, как наши офицеры посетят Пэнджаб. Английские офицеры прибавляли, что иначе едва ли удастся им посетить наши среднеазиатские владения, так как уже был случай, когда английский военный агент в Петербурге подполковник Тренч[6], захотев привести в исполнение такое намерение, приехал в Баку, но далее его не пустили наши власти. Фактическая сторона этого последнего обстоятельства может быть и неверна, но что английские офицеры так рассказывали — это положительно...

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 27—27 об. Автограф.

№ 108

12 ноября 1885 г. — Письмо Дж.Понсефота[7] послу Е.Е.де Сталю[8] о финансовой основе поездки русских офицеров на маневры в Индию

Спешное.

Министерство иностранных дел.
12 ноября 1885 г.

Любезный господин де Стааль.

Лорд Солсбери поручил мне уведомить Вас, что правительство Ее Величества было бы счастливо доставить возможность бесплатного проезда из Суэза в Бомбей и обратно русским офицерам, назначенным, чтобы присутствовать при предстоящих военных маневрах в Индии. Офицеры будут встречены в Суэзе английским офицером, назначенным для этой цели Индийским правительством. По приезде в Бомбей и до отъезда их из Индии они будут гостями правительства, которое примет на себя весь расход по их приему, содержанию и путешествию.

Я имею присовокупить, что билеты в Бомбей будут взяты на пароход, отъезжающий из Суэза 17 декабря и принадлежащий обществу Peninsular and Oriental

и остаюсь, любезный посол, по истине совершенно Вашим

(Подписал) Дж. Понсефот

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 36–36 об. Перевод, современный подлиннику.

№ 109

9 февраля 1886 г. — Письмо полковника А.К.Тимлера генералу Ф.А.Фельдману[9] о беседах с вице-королем Индии, о поездке в Калькутту и др.

Милостивый государь Федор Александрович.

Описание маневров оставляю до своего возвращения и намереваюсь сообщить только происшедшее по окончании таковых. Вице-король прибыл в Дели 27[10] числа, и на другой день все миссии по очереди были приняты в аудиенции. Прием происходил в лагере в присутствии Главнокомандующего[11], в его палатке, и лорд Дюфферин после весьма любезного приветствия между прочим высказал в разговоре, что Россия и Индия находятся в одинаковых условиях относительно задачи разрешения внутренних вопросов.

На следующий день 19 января вице-король завтракал с нами в 9 часов утра в нашей общей столовой, при чем произнес речь, помещенную в прилагаемой вырезке газеты. После завтрака снята была общая группа, а затем мы отправились верхом на парад, в свите генерала Робертса. Парад происходил в 4-х верстах от нашего лагеря и, к сожалению, не удался. Как только подняли флаг на флагштоке, сигнал приезда вице-короля, начался дождь, постоянно усиливавшийся и продолжавшийся с перерывами в несколько минут 4 часа сряду, так что на нас не было сухой нитки, когда мы вернулись в лагерь. По уставу объезд войск должен происходить шагом, и, несмотря на проливной дождь, отступления не было, и мы объезжали линии войск шагом около $^3/_4$ часа. На другой день вице-король уезжал в Калькутту, и мы присутствовали при отъезде. Прощаясь с нами, он обратился ко мне со следующими словами: «Вы можете осматривать всю Индию, и если в чем-либо встретите надобность, прошу обратиться письменно ко мне или к моему секретарю Макензию Валлесу[12]». Поблагодарив за столь любезное предложение и на основании предварительного разговора с Валласом я нашел необходимым воспользоваться представившимся случаем осмотреть пограничное пространство и сообразно этому составил программу, в которую включил осмотр северной части Пенджаба, Кейберский проход, Болан, Кветту и Кураше. Получив Вашу ответную телеграмму, я заявил, что посещение Кветты и Болана признаю неудобным вследствие значительного удаления этих пунктов от главного пути поездки, остальная программа осталась без изменения и утверждена генералом Робертсом[13]. После парада мы оставались в Дели до 22 января, и в течение этих двух дней происходили: офицерская и нижних чинов джигитовка (Sports) в различных видах и передача новых знамен пехотному полку.

Вышеозначенного числа все миссии отправились в Калькутту с остановками в пути для осмотра важнейших городов. Между прочим согласно заранее условленной программы предполагалось по приезде в Аллагабад представиться губер-

натору North Western Provinces*, у которого должен был быть завтрак (Lunch), затем осмотр города, обед у г. Allen[14], редактора самой главной газеты в Индии «Pioneer», и оттуда прямо на бал к губернатору. За завтраком нас рассадили по старшинству, оставив в стороне алфавит, что крайне не понравилось немцам, которые почему-то обвинили в этом полковника Еппертона[15] и в пику ему начали по возвращении домой подбивать всех ехать на обед не в мундирах, как было условлено, а в штатском платье. При этом они стали заявлять, что по их порядкам нельзя являться к какому-то редактору газеты в мундире и т.д. Не желая подчиняться капризу майора Гагенау[16], я заявил ему, что мы, русские, поедем в условленной форме, и нашему примеру последовали итальянцы. Allen — весьма влиятельное лицо, пользуется весьма хорошей репутацией, поддержкой правительства и располагает большими средствами, так что его газета относительно внутренних известий об Индии самая лучшая. Я подписался на еженедельное издание. Зная, что на этом обеде должно присутствовать лучшее общество и представители судебной части, мы решили присутствовать на обеде в мундирах, чем доставили много удовольствия хозяевам.

Из Аллагабада мы поехали в Бенарес, где я заболел лихорадкой и принужден был отстать от остальных, так что прибыл в Калькутту несколько дней позже и не присутствовал на официальном обеде у вице-короля, но был на балу, на котором хозяева были крайне любезны, в особенности графиня Дюфферин, весьма много расспрашивавшая про Петербург и, по-видимому, сохранившая теплое воспоминание о России. Она собирает особый фонд для учреждения школы акушерок, так как туземные женщины остаются без всякого медицинского пособия. Фонд этот пользуется большой популярностью, и взносы поступают отовсюду. Я счел необходимым внести через посредство секретаря Макензия Валласа 200 рублей (кредитных), что было принято с большой благодарностью, так как эта лепта поступила только от русской миссии. На другой день после бала вице-король ввиду своего отъезда в Бирму принимал миссии, каждую порознь в частной аудиенции. При приеме лорд Дюфферин начал разговор относительно нашего пограничного вопроса в Азии, который согласно полученных им донесений разрешается удовлетворительно. По его мнению, необходимо стремиться к доброму согласию, и поэтому он намерен держаться строго миролюбивой политики в отношении России и устранять все то, что может повести к недоразумениям. К сожалению, в Азии бывают столкновения на границе помимо воли правительств, и при последнем столкновении близь Кушки[17] ему удалось удержать эмира от всякого враждебного шага в отношении России только благодаря присутствию Абдурахмана в Рауль-Пинди и большой рассудительности эмира. Затем, прощаясь, лорд Дюфферин просил повергнуть к стопам Его Величества чувства высокого уважения и искренней преданности — «soumettre aux pieds de Sa Majesté l'Empereur mes profonds respects et l'expression de mon dévouement sincère»**. При этом добавил, что просит нас, во время нашего пребывания в Индии, в случае необходимости обращаться непосредственно к нему.

После этого американская и германская миссии уехали восвояси, а остальные остаются в Индии для совершения подобно нам поездки по стране. Каждая миссия поедет в сопровождении английского офицера, и с нами поедет полковник Еппертон. Австрийский представитель князь Естергази[18] остается здесь на год для изучения страны. Отсутствие нашего дипломатического представителя здесь дает себя чувствовать на каждом шагу, так нам гораздо труднее добывать

---

* Северо-западные провинции (*англ.*).

** Перевод на франц.яз. предыдущей фразы (*сост.*).

сведения, чем другим. Два года тому назад здесь была выставка произведений Индии, и каждая из главных держав благодаря своим представителям получила по одному экземпляру коллекций выставленных произведений. Мне удалось познакомиться с секретарем департамента земледелия г. Buck, и он мне обещал выслать коллекцию для России, с приложением подробного описания, которое скоро выйдет из печати. В половине апреля нового стиля будет индийская выставка в Лондоне, крайне интересная, и если б я имел разрешение, то посетил бы ее, что служило бы дополнением настоящей командировки. Поездка в Лондон была бы полезна и в том отношении, что она дала бы возможность дополнить койкакие сведения, полученные здесь, посредством личного переговора с нашим военным агентом в Лондоне, указать, чтó нам необходимо относительно Индии, пока не будем иметь дипломатического агента в Калькутте. Все, что только возможно приобрести по части книг, карт и официальных сведений, будет мною исполнено.

Профессор Минаев находится теперь в Бирме, и я рассчитываю с ним видеться около 15 февраля. Рассчитываем 14/26 марта выехать обратно из Бомбея, причем заедем в Каир на три дня, прибудем через 12 дней после отъезда. Прошу Ваше Превосходительство адресовать Ваши приказания в Каир на имя г. Хитрово[19].

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга А.Тимлер.

28 января
9 февраля 1886 г.
Калькутта.

На стр. 1 помета: «Доложено Его Величеству.

Ген[ерал]-ад[ъютант] Ванновский 25/II 1886».

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 62—63 об., 66—70 об. Автограф.

№ 110

8 июля 1886 г. — Извлечения из отчета Генерального штаба полковника А.К.Тимлера и Л[ейб]-г[вардии] Конного полка полковника князя Одоевского-Маслова, командированных на маневры в Индию[20]

В конце прошлого декабря в окрестностях Дели собрано было для больших маневров 15 английских батальонов, 20 бат. туземной пехоты, 12 англ[ийских] эскадронов, 38 эскад. туземной конницы, 4 конные, 12 полевых и 3 горные батареи, 1 рота сапер, всего 37 630 чел. и 114 орудий.

Цель этих маневров было показать стране, что Англия готова на случай войны с Россией, и вместе с тем проверить меры, принятые на случай мобилизации.

Из замеченных ошибок, которые должны быть отнесены к системе обучения войск, можно указать: на отсутствие главного резерва и на быстрое расходование частных резервов, на частые передвижения войск во время боя с одного фланга позиции на другой и на преувеличение значения, придаваемое обходным движениям, как стратегическим, так и тактическим. Пехота иногда оказывалась на самом близком расстоянии от неприятельской цепи, атака в штыки вовсе не прак-

тиковалась. Кавалерия слишком часто и без пользы меняла расположение, совершая это в сфере огня в полковых эскадронных колоннах. Примеры спешивания кавалерии встречались очень часто. Артиллерия сравнительно с другими родами оружия оказалась слабее подготовленною для действия в поле, однако туземная горная батарея действовала лихо.

Сигнализация посредством гелиографа[21] была в сильном употреблении.

Довольствие английских войск отличалось роскошью и производилось на обыкновенных основаниях, в туземных же войсках для каждой части устраивался базар с целью доставить людям разных каст возможность купить продукты, употребляемые в пищу. Для снабжения британских войск хлебом при частях имелись особого устройства весьма практичные печи.

Кроме ружья и патронов солдаты на себе ничего не носили, потому что начальники чрезвычайно берегут их силы, помня, что каждый солдат, доставленный из Англии, стоит 1000 р. Войсковые тяжести переносились рабочими (followers) и грузились на разного рода транспорты.

Состав английских офицеров прекрасный, все они хорошо знают службу и отлично ездят верхом. От офицеров требуют изучения местных языков, т.е. кроме индустанского еще одного из 17 коренных наречий. За изучение каждого языка назначаются премии, достигающие за арабский и санскритский языки – 5000 рупий. В настоящем году последовало распоряжение относительно изучения русского языка.

Туземные офицеры, достигающие только должностей ротного и эскадронного командира, необразованны, но имеют большую боевую опытность, английские офицеры не знаются с ними.

В английских войсках состав нижних чинов молодой, за исключением унтерофицеров. Люди крепкие и здоровые.

Туземные полки комплектуются охотниками, не моложе 16 и не старше 25 лет, поступающими на 3 года с правом продолжать этот срок. Войска эти хорошо обучены, туземная кавалерия лихая.

Британская пехота вооружена винтовками Генри-Мартини, а туземная – Снайдера[22].

Английские войска расположены в роскошных казармах, туземные же в глинобитных зданиях.

Волонтеров, набранных исключительно из английских подданных, считается всего около 10 952 чел., которые формируют 42 пеших и 6 конных отрядов и 4 батареи.

По окончании маневров русские офицеры отправились через Аллагабад в Калькутту, и оттуда на север в Кавенпур и Сахаранпур для осмотра правительственного кожевенного завода и главного конского депо, за сим в Пешавер и в Хейберский проход, кроме того они посетили Равуль-Пинди и Гейдерабад.

Во время разъездов полковников Тимлера и князя Одоевского-Маслова по стране англичане принимали все меры, чтобы не допускать их к сношению с местным населением, которое неоднократно выражало желание познакомиться с представителями русской армии, англичане избегали также знакомить иностранцев с местными владетельными князьями; в течение 3 месяцев наши офицеры видели только 5 князей. Чаще всего полковник Тимлер бывал в сношении с чинами местной гражданской администрации и поражен их единством во взглядах насчет способа управлять страною, все эти лица убеждены, что между европейцами и туземцами должна существовать резкая грань, вследствие чего старания туземцев открыть себе доступ к высшим должностям не скоро еще увенчаются успехом.

Касательно вопроса, может ли повториться в Индии восстание в размерах 1857 г., полковник Тимлер высказывает [мнение], что в настоящее время оно крайне невероятно, при средствах, которыми располагают англичане для подавления в зародыше всякой попытки к мятежу, и при существующей среди населения племенной, религиозной и кастовой розни.

Причину последних уступок англичан по афганскому разграничению следует искать в недостаточной подготовке индийской армии для ведения войны с Россиею. По расчетам правительства из общего числа войск в состав действующей армии могут войти:

18 брит[анских] и 40 туз[емных] пех. полков	55 270 штыков
5 брит[анских] и 16 туз[емных] кав.	12 670 сабель
70 полев[ых], 7 горн[ых] и 6 осадн[ых] батарей	240 орудий
25 саперных рот	

За сим в Индии кроме местных гарнизонов остается 96 000 чел[овек] и 160 орудий.

Но при энергическом главнокомандующем генерале Робертсе следует ожидать в ближайшем будущем значительное развитие боевых сил Британской Индии.

8 июля 1886 г.

За военного министра генерал-адъютант Обручев

На полях документа помета: «Его Величество изволил читать».

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 152—153 об. Подлинник.

№ 111

Без даты. — Письмо профессора И.П.Минаева генерал-адъютанту Н.Н.Обручеву о результатах своей поездки в Индию

Милостивый государь Николай Николаевич!

Препровождая Вам отчет о моем путешествии по Индии, я нахожу необходимым в дополнение к нему сказать несколько слов о том, как я сам смотрю на сообщаемые мною факты. В настоящую поездку времени у меня было немного, и поэтому я должен был ограничить сферу моих наблюдений большими городами Индии и некоторое предварительное знакомство с положением дел в Индии, и будучи знаком с некоторыми выдающимися деятелями из туземцев, я, из бесед с ними, и из наблюдений современных общественных явлений в Индии сделал тот вывод, изложению которого посвящен мой отчет. Я не утверждаю, что в прилагаемых страницах рисуется настроение, общее всей Индии, а говорю только, что так думают в настоящее время вожаки, люди, к голосу которых прислушиваются в Индии, многие из них, как, например, Бонарджи[23] или Тримбхи Теланг[24], занимают видные посты в английской администрации. Изучить положение масс я не имел времени, не мог за это приняться уже потому, что считал необходимым не возбуждать подозрений в местных властях. Оно было возбуждено и помимо моих действий. В такой стране, как Индия, всякое дело вполне в руках вожаков, народные массы, разобщенные кастовыми предрассудками, инертны, и теперь более, нежели когда-либо, они идут за тем, кому верят, а верят они своим только.

Я упоминал в своем отчете о том, что в Индии замечается сильное раздражение против России, и англичане готовятся к войне или вернее к борьбе с нами. Последнее не требует подтверждений: факты, слухи о которых проникли уже в печать, общеизвестны. О первом вывожу заключение не на основании личных отношений ко мне во время моих передвижений по Индии и по Бирме: на это я не имею причин жаловаться. Факт раздражения против России среди английских военных и в кружках финансовых людей должен броситься в глаза всякому беспристрастному наблюдателю; он сказывается в прессе, в разговорах политического характера. О России в Индии англичане говорят много и часто и всегда недружелюбно. Перейдут ли англичане от слова к делу? Этого я не знаю, но думаю, что России следует знать, и хорошо знать, все, что творится с англичанами в Индии. Но как следить? Недостаточно иметь одних официальных агентов. Положение таковых лиц в Индии, по всей вероятности, будет весьма затруднительно: в глазах англичан они вечно будут заподозрены в интригах, туземцы станут их чуждаться из боязни навлечь на себя неудовольствие собственного правительства, им не будут возбранены переезды в стране, но бдительный надзор помешает их сближению с туземцами, и поездки окажутся в конце концов бесполезными или очень мало полезными для дела. Мне казалось, было бы в высшей степени важно иметь не только в Индии, но повсюду в Азии, где наши интересы сталкиваются с британскими, неофициальных агентов, людей честных, толковых и преданных служению России, при содействии таких слуг отечеству дело официального агента может быть успешно выполнено. Не развиваю этой мысли в подробностях, потому что не знаю, найдете ли Вы ее практически выполнимою.

Примите уверения в совершенном почтении
Минаев

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1885, д. 49, л. 75–76. Автограф.

Примечания

[1] Шаховской Иван Федорович (1826–1894), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1885 г. временно командовал Гвардейским корпусом. По приказанию императора Александра III его кандидатура для поездки в Индию была заменена кандидатурой полковника Н.И.Одоевского-Маслова.

Одоевский-Маслов Николай Иванович (1849–1919), князь, генерал от кавалерии (1914), в 1885 г. состоял в должности председателя полкового суда.

[2] Тимлер Александр Карлович (1837–1896), в 1885 г. полковник, позднее, с 1896 г. генерал-лейтенант, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1881–1887 гг. — старший делопроизводитель канцелярии Военно-Ученого комитета.

[3] Обручев Николай Николаевич (1830–1904), военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1887). В 1881–1897 гг. — начальник Главного штаба и председатель Военно-Ученого комитета.

[4] Ванновский Петр Семенович (1822–1904), военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1881–1902 гг. — военный министр.

[5] Делянов Иван Давидович (1818–1897), граф, государственный деятель, министр народного просвещения (1882–1897).

[6] Тренч Ф.Ч. (1837–1894), английский военный и государственный деятель, в 1881–1886 гг. служил военным агентом Великобритании в России.

[7] Понсефот Дж. (1828–1902), английский дипломат, в 1882–1889 гг. был заместителем министра иностранных дел Великобритании.

[8] Де Сталь (де Стааль по старой орфографии) Егор Егорович (1824–1907), дипломат, в 1884–1902 гг. посол России в Великобритании.

[9] Фельдман Федор Александрович (1835—1902), генерал от инфантерии (1901), в 1881—1896 гг. — управляющий делами Военно-Ученого комитета Главного штаба.

[10] По-видимому, ошибка, следует читать «17».

[11] Главнокомандующим англо-индийскими войсками в 1885—1893 гг. был Фредерик Робертс (1832—1914), фельдмаршал (1895), служил в Индии с 1852 по 1893 г. с небольшими перерывами, участвовал в подавлении индийского Народного восстания, во 2-й англо-афганской войне, за что получил добавление к фамилии Кандагарский.

[12] Валлес (Валлас) Дональд Маккензи (1841—1919), писатель, репортер и издатель, в 1877—1878 гг. — корреспондент газеты «Times» в Петербурге, в 1878—1884 гг. работал в Турции, где и познакомился с лордом Дафферином, который, по назначении его вице-королем Индии, пригласил Валлеса стать его секретарем.

[13] Впоследствии и эта программа не была выполнена.

[14] Аллан Г.В. (1831—1900), основатель и издатель индийских газет «Pioneer» и «Civil and Military Gazette».

[15] Лицо не установлено.

[16] Лицо не установлено.

[17] Кушка — см. док. № 78, примеч. 59.

[18] Лицо не установлено.

[19] Хитрово Михаил Александрович, дипломат, в 1883—1886 гг. дипломатический агент и генеральный консул в Каире (Египет).

[20] Отчет А.К.Тимлера о поездке в Индию печатался в «Военном сборнике». СПб., 1887, № 3, с. 144—162; № 4, с. 312—343; № 8, с. 283—298; № 12, с. 329—350; 1888, № 1, с. 144—168; № 7, с. 166—206.

[21] Гелиограф — светосигнальный прибор для подачи сигналов с помощью азбуки Морзе. Принцип действия заключается в направленном отражении световых лучей зеркалом.

[22] Типы ружей с нарезным каналом ствола (винтовка) с мягкими свинцовыми пулями калибром 11,4 и 14,7 мм соответственно.

[23] Бонарджи (Банерджи, бенг. — Бондопаддхай) Сурендранатх (1848—1925), деятель национально-освободительного движения либерально-умеренного крыла, один из основателей Индийского Национального конгресса, приветствовал реформы, проводимые в Индии колониальными властями, был членом законодательного собрания Бенгалии (1893) и министром Бенгалии (1921—1924).

[24] Теланг Кашинатх Тримбанк (1850—1893), юрист и деятель Национального конгресса, в 1884 г. назначен членом Законодательного совета при губернаторе Бомбейского президентства, в 1889 г. — членом Бомбейского верховного суда.

№ 112—129

22 июня 1886 г. — 25 июня 1889 г. — Документы о пребывании в России последнего правителя Пенджаба Дулипа Сингха[1]

№ 112

22 июня 1886 г. — Из письма Дулипа Сингха советнику русского посольства в Париже Э.Коцебу[2] с предложением своей помощи России в изгнании англичан из Индии

Париж, 22 июня 1886 г.

Ваше превосходительство,

Прошло несколько месяцев, как я имел честь обратиться к Вашему превосходительству, но, к несчастью, Вас в это время не было в Англии, чтобы удостоить меня встречи, о которой я просил[3].

Несмотря на то что я был самым верным подданным королевы Виктории[4], британское правительство оскорбило меня — я был несправедливо арестован и заточен в тюрьму в Адене, откуда недавно был наконец освобожден. Поскольку индийские власти заклеймили меня как человека нелояльного по отношению к ним, хотя это не соответствовало действительности, я добиваюсь возмездия.

Когда я был освобожден под честное слово в Адене, я возвратился в лоно веры моих предков[5]. Поэтому в настоящее время меня поддерживают 8 000 000 моих единоверцев[6] и примерно 14 000 000 других жителей Пенджаба[7], большей частью которого правил мой отец Ранджит Сингх и я, будучи ребенком.

Я хочу засвидетельствовать мое почтение его Императорскому величеству императору России[8] и предложить ему располагать мною. Являясь одним из знатнейших князей Индии, я уверяю Вас, что Его Величество никогда больше не получит такого шанса нанести значительный ущерб британскому правительству, а возможно, даже добиться его полного изгнания из Индии...

Правительство Индии, кроме того, боится меня и поэтому не позволило мне вернуться в Индию...

Все индийские князья восстанут, услышав малейший призыв из уст одного из них, опирающегося на поддержку России...

Имею честь и пр. ... Дулип Сингх, магараджа сикхов.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 11–12. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 113

5/17 июля 1886 г. — Донесение советника русского посольства в Париже Э.К.Коцебу министру иностранных дел России Н.К.Гирсу о встрече с Дулипом Сингхом

Париж 5/17 июля 1886 г.

Особо секретное письмо.

Господин министр,

Магараджа Дулип Сингх только что посетил меня, чтобы показать и прочитать собственноручное письмо, которое он недавно получил от королевы Виктории. Я хотел снять с него копию, но он не согласился. Королева обратилась к нему в самых любезных, даже материнских выражениях, напоминая о той заботе, которую она проявила к нему в детстве, о том, что она является крестной матерью его сына[9] и о своей надежде на то, что он мог бы стать образцом для всех индийских князей.

Она просит его отказаться от того пути, который он выбрал под влиянием дурных советчиков, и спрашивает его, должна ли она верить слуху, дошедшему до нее, о том, что он предложил свои услуги России.

Магараджа ответил ей, что он гордый сикх и не может вернуться в Англию после того, как с ним так обошлись, и что он действительно предложил свои услуги России. Но он не получил еще (от нее) ответа.

Я спросил: «Откуда королева узнала о том, что Вы приходили в посольство?». Он сделал вид, что не знает.

На последовавший затем вопрос о его намерениях и результатах, которые он ожидает получить от переписки с королевой, я понял, что он надеется выманить у английского правительства крупную сумму денег.

Есть опасения, что предложения, которые делает нам этот восточный князь, продиктованы стремлением шантажировать англичан. Он думает припугнуть англичан и заставить платить, угрожая, что его престиж сильно вырастет после перехода под наше покровительство. Магараджа дает понять, что он возьмет деньги, которые сможет заполучить, потому что беден, но в Англию все-таки не вернется. Он настаивает, что он отдастся под покровительство императорского правительства, что бы ни случилось.

На мое замечание о том, что поступать так было бы некорректно по отношению к Англии и что англичане не настолько глупы, чтобы дать ему деньги, не убедившись в его лояльности, он мне ответил, что они так боятся осложнений, которые он может создать для них в Индии, что согласятся на любую жертву, в надежде удержать его от этого. Он надеется выжать из них до трех миллионов фунтов стерлингов.

Какими бы ни были шансы этого магараджи в будущем, теперь мне ясно, что он рассчитывает отличиться отнюдь не за счет подлинной честности.

Он вручил мне незапечатанное письмо, адресованное нашему бывшему послу в Лондоне графу Шувалову[10]. Я считаю своим долгом передать его Вам.

Примите и проч.

Коцебу.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 20—21 об. Копия. Перевод с франц. составителя.

№ 114

Март 1887 г. — Письмо Дулипа Сингха императору России Александру III с просьбой позволить стать подданным России

Париж, март 1887.

Ваше императорское величество, если позволите, я осмелюсь обратиться к Вам, государь, в горячей надежде на то, что Ваше императорское величество, возможно, милостиво откликнется на мою просьбу.

Было бы бесполезно с моей стороны взывать к Вашей памяти, так как нет сомнения в том, что Вы, государь, конечно, не могли не забыть столь скромную личность, как моя, хотя я имел высокую честь быть представленным Вашему императорскому величеству принцем Уэльским во время посещения Вашим императорским величеством Англии много лет назад[11].

Поэтому для меня сейчас достаточно поставить Вас в известность, что я — несчастный индийский князь, один из символов британской несправедливости, который искренне умоляет Вас, государь, позволить мне обрести убежище во владениях Вашего императорского величества в качестве одного из Ваших самых лояльных подданных.

Я предлагаю свою преданность Вашему императорскому величеству. Я не стремлюсь ни к какому денежному вознаграждению, поскольку мои верные подданные уже обеспечили меня достаточными средствами и продолжают в больших

размерах снабжать меня средствами к существованию на будущее, так что я сейчас ни от кого не завишу в этом отношении.

Осмеливаюсь также с этим письмом предложить Вашему императорскому величеству для ознакомления находящееся в другом конверте письмо, присланное мне королевой Викторией несколько месяцев назад, и прошу, по возможности, возвратить его мне в целости.

Ожидаю, государь, Вашего милостивого ответа на мою скромную просьбу о русском подданстве.

Имею высокую честь, Ваше императорское величество, подписаться в качестве вашего наивернейшего подданного Дулип Сингх, магараджа.

Его императорскому величеству императору России и прочее и прочее. Санкт-Петербург.

В левом верхнем углу помета Александра III: «Надо будет все-таки ответить ему что-нибудь».

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 26–27. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 115

20 марта 1887 г. — Докладная записка министра иностранных дел Н.К.Гирса Александру III о мотивах отклонения в 1886 г. просьбы Дулипа Сингха поселиться в России

20 марта 1887 г.

Дулип Сингх, сын бывшего правителя Пенджаба Ранджит Сингха, обращался в прошлом году к нашему поверенному в делах в Париже с просьбой о разрешении поселиться в России и предлагал нам свои услуги с целью вызвать восстание в Пенджабе. Поводом недовольства Дулиб Сингха против английского правительства был отказ последнего увеличить получаемую названным индийцем пенсию в 25 000 фунтов ст. в год до размеров, о которых ходатайствовал Дулиб Сингх. Г-ну Коцебу поручено было отклонить просьбу Дулиб Сингха на следующих основаниях: признавая недостаточной получаемую им от Англии пенсию в 25/т фунтов в год, проситель был бы решительно не в состоянии жить в России на процент с имеющегося у него капитала, составляющего, по его словам, не более 100 т франков.

Притом Россия не видит никаких достаточных причин вызывать восстание среди населения Пенджаба.

На первой странице внизу надпись: «Доложено Его величеству».

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 28–29. Черновик записки.

№ 116

10 мая 1887 г. — Письмо Дулипа Сингха Александру III с предложением своей помощи в изгнании англичан из Индии и принятии ее под протекторат России[12]

Прежде чем осмелюсь положить перед Императорским Правительством просьбу как государей, так и народа индийского об освобождении их от их угнетателей, я полагаю необходимым заявить, что сам я не ищу никакой выгоды; я желаю только освобождения 250 000 000 моих соотечественников[13] от жестокого британского ига и в то же время принести пользу освободителю.

Если бы Императорское правительство нашло удобным употребить меня в дело, то я буду служить ему без всяких видов на какое-либо вознаграждение. Одного я только позволил бы себе желать в случае счастливого освобождения Индии, допущения жить в моих родовых имениях в Пенджабе, из которых англо-индийское правительство изгнало меня, когда я еще был одиннадцатилетним ребенком, но и этого я не ставлю условием. Я желаю только посвятить остаток моей жизни интересам Императора, которого верным подданным я горячо желаю стать*.

Через моего близкого родственника, сердаря Нгакара-Синга[14], человека, хорошо известного в Пенджабе и во всей Индии, я уполномочен от большой части государей Индии прибыть в Россию и просить Императорское Правительство взять их дело в свою руку**. Эти государи в совокупности располагают войском в 300 000[15] человек и готовы к восстанию, как только Императорское Правительство приняло бы решение двинуться на Британскую Империю в Индостане, если бы только при этом было дозволено мне, их представителю, сопровождать Императорскую армию и свидетельствовать о великодушии и милостивых намерениях Императора Всероссийского по отношению к ним. Дело в том, что англичане всячески озаботились распространить между крайне невежественными населениями Индии фальшивые сведения о притеснительном будто бы характере русского управления. Между тем как именно британское правительство нарушало свои торжественнейшие обязательства, когда это было ему нужно. Со мною одним оно нарушило два договора[16].

Из числа выгод, которые могло бы приобрести Императорское правительство освобождением Индии, укажу на следующие.

Государи Индийские, в случае их освобождения и представления им права самим вести свои дела, обязуются совокупно вносить ежегодно значительную дань русскому казначейству. Хотя я уполномочен заявить о ежегодном взносе только 3.000.000 фунтов стерлингов, но я убежден, что по установлении порядка в стране они легко могут уплатить от 8 до 9.000.000 фунтов стерлингов[17]. Англичане вытягивают теперь из Индии от 50 до 60 000 000 фунтов стерл.[18], причем стотысячная европейская армия, офицеры и гражданские чины (с высокими окладами) поглощают по малой мере до 25.000 000 фунт.[19]. Остаток употребляется на администрацию и на уплату процентов по капиталу, выданному Англией в ссуду на постройку железных дорог, а также на уплату государственного долга Индии. Ввозная и вывозная торговля между Англией и Индией, доходящая до 50 000 000 в год, была бы обеспечена за Россией. Индия есть золотое дно

---

* *У этих строк на полях помета Александра III*: «Это желательно».

** *На полях помета Александра III*: «Этот факт интересно было бы выяснить».

для Англии, и бóльшая часть ее богатства извлечена и извлекается из этого источника. Во время моего очень краткого пребывания в России я был уже поражен дешевизною здесь товаров, что, я полагаю, происходит от недостатка рынков для их сбыта. Рынки Средней Азии ничто в сравнении с Индией.

Я смело гарантирую легкое завоевание Индии, ибо, кроме обещанного контингента со стороны государей Индии, я берусь поднять весь Пенджаб и побудить жителей к нападению с тылу на британские силы, которые выступили бы против Русской армии. Мои подданные, сохранившие верность мне, разрушили бы все железные дороги, телеграфные и другие сообщения, взорвали бы мосты и отрезали бы всякое продовольствие, между тем как восставшие индийские государи не давали бы вздохнуть британским войскам, оставшимся в резерве.

Англия сильна только на море, но армии она не имеет. В Индии у нее до 100.000 европейцев, и около этого же числа туземных воинов на ее службе в Индии[20]. Из этих последних самые лучшие солдаты, какие только Англия имеет в Индии, суть уроженцы Пенджаба. Все они преданы мне и перейдут на сторону России, если только мне будет позволено сопровождать Императорскую армию. А буде англичане остерегутся выставить их вперед, то эти сихи (sikhi) будут страшны для британской армии в тылу. При таких обстоятельствах никакая британская армия, даже если бы она была сильна, не могла бы держаться, атакуемая с фронта и с тыла.

Быть может, будет нелишним при всей скромности объяснить здесь, почему я могу иметь влияние на моих соотечественников и оказать ценные услуги Императорскому Правительству вышеозначенным способом.

Во-первых, я признанный глава и государь 22.000 000 населения (из коих считается около 8.000.000 воинственных сихов), то есть население всего Пенджаба, обитаемого самыми воинственными племенами Индии, которые все мне преданы. Во-вторых, последний религиозный вероучитель Сихов, по народному преданию, предсказывал в 1725 году[21] обо мне и называл меня по имени, говоря, что человек, носящий мое имя, после того, как у него будет отнято его наследство и после долгого пребывания в чужой стране, возвратится на родину и с помощью одной из европейских держав освободит своих соотечественников от жестокого ига, которое они должны понести за свои грехи. Таково предание, которому верит весь народ.

Впрочем, не мое дело судить, считает ли нужным или нет Императорское правительство вторгнуться в Индию и воспользоваться моими услугами или нет, мне поручено только ходатайствовать об освобождении 250.000 000 моих соотечественников от тяжкого британского ига. Сделав это, я исполнил мою обязанность. А затем молю только Его Императорское Величество о дозволении жить на свободе и в безопасности во владениях Его Величества, оставляя в руках Провидения освобождение моих злополучных соотечественников*.

Если Императорское правительство обратит свое внимание на Индию и пожелает моих услуг, то я просил бы, чтобы были назначены два или три знающих английский язык лица, дабы получить от меня какие потребуются объяснения и доказательства истины моих показаний.

В прилагаемом собственноручном подлиннике подписано

Duleep Singh Maharajah

May 10
1887

---

* *На полях у этих строк Александр III написал*: «Это можно сделать».

Надпись, сделанная рукою Александра III на первом листе наверху, перед текстом: «Письмо вам лично на прочтение, не показывайте записку никому. — Составьте ответ ему и покажите мне до отправления».

ГАРФ, ф. 677, оп. 1, ед.хр. 476, л. 4—11. Копия. Перевод с англ., современный подлиннику.

№ 117

15 мая 1887 г. — Из письма обер-прокурора Святейшего синода К.П.Победоносцева[22] Александру III с напоминанием о письме Дулипа Сингха, переданном ранее Александру III

...В прошлом месяце я имел честь представить Вашему Величеству, по просьбе Каткова[23], письмо индийского принца, о котором сам ничего не знаю, но о котором Катков, если не ошибаюсь, лично докладывал Вашему Величеству[24].

Оказывается, что этот индийский принц проживает до сего времени в Москве и ожидает себе решения по упомянутому письму. Сегодня Катков усиленно просит меня посредства для разрешения его недоумений. Осмеливаюсь это письмо Каткова представить на воззрение Вашего Императорского Величества.

Константин Победоносцев

15 мая 1887 г.
Петербург

Наверху страницы карандашная помета Александра III: «Официальный ответ принц получит на днях. Я ничего не имею, чтобы он проживал в России, где он желает. Записку прочел с любопытством, и, конечно, когда-нибудь он нам пригодится для наших дел в Индии с англичанами.

А.»

РГБ, Рукописный отдел, ф. 230, пап. 4396, ед.хр. 1, л. 11—11 об. Подлинник.

№ 118

31 мая 1887 г. — Письмо Дулипа Сингха М.Н.Каткову о своей беседе с генерал-губернатором Москвы В.А.Долгоруковым[25]

Отель Дюссо[26] 30, Москва, Май 31, 1887 г.

Ваше превосходительство,

Сегодня днем я посетил генерал-губернатора. Он показал мне письмо, которое, как он сообщил, было послано ему по просьбе царя из министерства иностранных дел, и добавил, что отныне я волен поселиться в любом понравившемся мне месте России. Я от всего сердца благодарю Ваше превосходительство за это разрешение.

Князь Долгоруков через графа Бобринского[27], который присутствовал при беседе в качестве переводчика, хотел, чтобы я ответил на несколько вопросов. Сначала я кратко рассказал мою собственную историю. Однако он захотел, что-

бы я изложил ее на бумаге и в таком виде представил ему. Не будете ли Вы, Ваше превосходительство, настолько добры сообщить мне, должен ли или нет я сделать это.

Во-вторых, граф предложил мне объяснить генерал-губернатору цель моего приезда в Россию. Я изложил все, с чем Ваше превосходительство уже было ознакомлено мною[28].

В-третьих, он предложил мне назвать имена индийских князей, которые поручили мне представлять их, но я отказался сделать это из-за опасения, что если Британское правительство сможет как-нибудь узнать про них, то сразу же приступит к уничтожению моей несчастной страны. Но я сказал, что назову их имена царю устно. Ваше превосходительство должны понять, что этот вопрос затрагивает мою честь и поэтому я не могу предавать моих братьев-князей их врагам, поскольку Россия не намерена прийти к ним на помощь.

В-четвертых, я сказал генерал-губернатору, что, хотя мои соотечественники уполномочили меня платить (России. — *Сост.*) ежегодно 3 млн. фунтов стерлингов, однако, с моей точки зрения, они легко могли бы увеличить эту сумму до 8—10 млн. и даже больше, особенно если исходить из того, что я прочел недавно в газете «Дейли ньюс»[29], что доход Индии составляет 70 млн. фунтов стерлингов, а не 50, как я писал Вашему правительству в ранее посланном письме.

В-пятых, я добавил, что если правительство царя сомневается в моих заявлениях, оно может послать кого-нибудь в Пондишери — французское поселение (колония) на юге Индии — с письмом от меня к моему двоюродному брату[30] и там убедиться в моей правоте, выяснив, находясь там, как обстоят дела во всей Индии.

Мне бы хотелось получить помощь Вашего превосходительства в следующем деле. Полагая, что, возможно, я должен буду предстать перед государем, чтобы засвидетельствовать ему мое почтение, я привез с собой свои драгоценности вместо того, чтобы продать их в Париже. Но так как наличие их при мне здесь вызывает только большое беспокойство, в настоящий момент мне хотелось бы избавиться от них, так как похоже, что они мне совсем не понадобятся, если я буду послан к границам Индии или отправлюсь осенью на охоту на побережье Каспийского моря. Поэтому я буду очень обязан, если Ваше превосходительство порекомендует мне честного торговца в этом городе, который бы помог мне найти для них покупателя. Мои драгоценности представляют значительную историческую ценность, как принадлежавшие ранее правителям Хиндустана и другим таким хорошо известным в мире властелинам, как Надир-шах, Ахмед-шах Дуррани[31] и др.

Остаюсь чрезвычайно признательный Вашему превосходительству

Дулип Сингх, магараджа.

P.S. Так как генерал-губернатор посоветовал мне написать ответ на милостивое послание царя и выразил желание, чтобы я послал этот ответ через него, я написал и вручил ему для передачи нижеследующее*.

РГБ, Рукописный отдел, ф. 120, карт. 3, ед.хр. 19, л. 24—27. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

---

* Приложена копия письма к Александру III. См. следующий документ, представленный по архиву АВПРИ (*сост.*).

№ 119

1 июня 1887 г. — Письмо Дулипа Сингха Александру III с благодарностью за разрешение поселиться в России*

Отель Дюссо, Москва, 1 июня 1887 г.

Всемилостивейший государь,

Его превосходительство князь Владимир Долгоруков передал мне милостивый ответ Вашего императорского величества на письмо[32], которое я имел честь направить Вам, Ваше величество, из Парижа. Я покорно прошу Ваше величество принять мою сердечную благодарность и почтение за дарованное мне разрешение поселиться во владениях Вашего величества.

Надеюсь, что Ваше императорское величество сможет вскоре испытать мою преданность, направив меня с армией Вашего величества, чтобы вырвать Индию из рук Англии.

С глубоким почтением имею честь оставаться, Всемилостивейший государь, Вашего императорского величества

преданнейшим слугой

Дулип Сингх, магараджа.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 47. Подлинник. Перевод с англ. составителя. См. также: РГБ, Рукописный отдел, ф. 120, карт. 3, ед.хр. 19, л. 27. Копия, англ. яз.

№ 120

4 июня 1887 г. — Письмо генерал-губернатора г. Москвы В.А.Долгорукова министру иностранных дел Н.К.Гирсу о встрече с Дулип Сингхом

Милостивый государь Николай Карлович!

Получив письмо Вашего Высокопревосходительства от 22 мая и принимая как знак особого монаршего благоволения лестное доверие государя императора, избравшего меня для сношений с магараджей Дулип Сингхом, поэтому требующий столь несомненной осторожности, я немедленно приступил к исполнению высочайшей воли.

Выбор сотрудника, знакомого с английским языком, я остановил на графе Алексее Васильевиче Бобринском как человеке, пользующемся моим безусловным уважением и по несомненной скромности достойном полного доверия. Затем, приняв меры, чтобы появление у меня магараджи не возбудило внимания в Москве, я по некоторым соображениям счел возможным пригласить к себе Дулип Сингха только на этой неделе.

Я конфиденциально передал о высочайшем соизволении принятия его под покровительство России и о дозволении ему свободно проживать в пределах империи, с тем, чтобы он заблаговременно предупреждал Вас о всякой перемене своего местопребывания, а меня в случае намерения выехать из Москвы.

---

* На подлиннике письма есть особая помета, свидетельствующая о том, что письмо читал царь (*сост.*).

Глубоко признательный за милостивое покровительство его величества, магараджа проявил желание письменно выразить государю императору свою почтительнейшую благодарность.

Что же касается до последнего пункта письма Вашего высокопревосходительства относительно секретных сообщений[33], каковые желал сделать Дулип Сингх, то мне удалось узнать от него нижеследующее: подтвердив, что большинство государей Индии словесно уполномочило его передать государю императору выражение их заветных желаний, заключающихся в освобождении от владычества англичан, он тем не менее, по долгу чести и из опасения случайной огласки, заявил, что имена доверителей может поименовать исключительно непосредственно только его императорскому величеству.

Говоря о желании большинства государей Индии освободиться от английского ига, Дулип Сингх выражал уверенность в относительной легкости подобного освобождения при содействии незначительной части русской армии и при участии его в качестве советника и руководителя. Таковую уверенность Дулип Сингх основывал на том соображении, что английских войск в Индии всего двести тысяч, а туземных триста, и, кроме того, на нравственном и религиозном значении его имени, способных увлечь многих владетелей и массы единомышленных людей.

Это значение магараджа объяснил принадлежностью к племени сейков, соединяющем в лице владетеля или непосредственного его потомка права и обязанности верховного первосвященника.

В случае содействия России и по освобождении Индии, как уполномоченный от других владетелей, ручался в ежегодной уплате России дани в размере от восьми до десяти миллионов фунтов стерлингов.

Сообщая Вашему высокопревосходительству сущность продолжительной моей беседы с Дулип Сингхом, не могу не высказать в заключение, что за отсутствием письменных полномочий у магараджи и каких-либо определенных предложений, дело это, по моему мнению, едва ли представляется достаточно серьезным, но что самое пребывание Дулип Сингха в России может принести несомненную пользу как лица вполне знакомого с положением дел в Индии и вместе с тем, в случае надобности, способного войти в сношения с многими из ее владетелей.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершеннейшей преданности

Князь Вл. Долгоруков.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 48—49 об. Подлинник.

№ 121

20 августа 1887 г. — Из письма Дулипа Сингха министру иностранных дел Н.К.Гирсу о неудаче своей миссии в России

Москва, Петровский парк.

Ваше Превосходительство...

...Не получив никакого ответа на мое заявление, которое я представил императору несколько месяцев назад, я пришел к заключению, что бесполезно дольше ожидать его, оставаясь в этом городе...

Хотя Ваше Превосходительство, вероятно, не интересует судьба 250 млн. моих несчастных соотечественников, я считаю своим долгом информировать Вас, что в связи с моим прибытием в Россию дела в Индии серьезно изменились, и те, кто послал меня в эту страну, чтобы передать императору их скромные мольбы об избавлении, теперь решили, что, если его императорское величество не может снизойти до того, чтобы стать их освободителем, я должен проследовать к границе Хиндустана, куда, как они обещают, со временем мне будут доставлены деньги и люди...

Я потерпел неудачу в миссии, с которой они меня послали...

Очень благодарный Дулип Сингх*.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 53 об. – 54 об. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 122

14 ноября 1887 г. — Письмо английского посла в Санкт-Петербурге Р.Морьира[34] Государственному секретарю по иностранным делам лорду Р.А.Солсбери с информацией о поведении Дулипа Сингха в Москве

Санкт-Петербург

Хотя не похоже, что Дулип Сингх сможет в Москве причинить нам какую-либо неприятность, я считал, что целесообразно не терять его из виду, и проинструктировал нашего вице-консула в этом городе информировать меня время от времени о его поведении.

Господин Хорнстедт[35] сообщает в частном письме, полученном сегодня, что Дулип Сингх поселился сейчас с «мадам» (неясно, женой или любовницей)[36] в отеле «Било»[37], более дешевом и непритязательном, чем «Дюссо», где он останавливался раньше. Он посещает дома нескольких русских, живет уединенно и тихо.

National Archives of India, Simla file copy, Foreign Department, Secret — 1, January 1888, № 11. Перевод с англ. составителя.

---

* Эта фраза написана по-русски (*сост.*).

№ 123

28 ноября 1887 г. – Проект секретного письма министра иностранных дел Н.К.Гирса генерал-губернатору Москвы В.А.Долгорукову о том, что Дулип Сингх неправильно понимает свое положение в России и что любые акции против английского владычества в Индии представляются императорскому правительству совершенно несвоевременными

Телеграммою от 22 сего месяца В.С-во изволили меня уведомить, что согласно моей просьбе, Вы убедили Дюлип Синга отложить предполагаемую им в С.Петербург поездку впредь до получения от меня дальнейшего по этому предмету уведомления.

Вслед за тем была получена мною по почте от Махараджи записка, в коей излагалась цель помянутой поездки.

Как явствует из той записки, Дюлип Синг намерен посетить Петербург с тем, чтобы представиться Государю императору в качестве верноподданного Его величества, а не как представителя индийских государей, уполномочивших его ходатайствовать о содействии России к свержению британского владычества, и что о последнем предмете Махараджа не скажет ни слова, если только государь император того не потребует.

Между тем за несколько дней перед тем Махараджа писал мне, чтобы узнать: дозволено ли будет ему оставаться в России и по истечении срока выданного ему письменного свидетельства (the document of legitimation*), а также последует ли со стороны Императорского прав-ва какой-либо ответ на ходатайство индийских государей, так как в случае отказа от ответа на нем, махарадже, лежит будто бы обязанность оповестить означенных государей прокламациею, что они не должны рассчитывать на содействие России и что всего лучше для них подчиниться воле Англии.

Все эти заявления заставляют заключить, что Дюлип Синг совершенно неверно понимает свое положение в России и свои отношения к Императорскому правительству, почему и является необходимость в разъяснении ему его недоразумений.

Махараджа явился в Россию, не испросив на то предварительного разрешения, под чужим именем, и для переезда через границу он должен был воспользоваться поручительством постороннего лица. Прибыв в Москву, он ходатайствовал о разрешении поселиться где-либо в России в качестве частного лица под покровительством императ[орского] правительства, и на это ходатайство Его Величеству Государю Императору благоугодно было изъявить Всемилостив[ое] соизволение под условием, чтобы Махараджа своим поведением не нарушал законов Империи. Ввиду обстоятельств этих Дюлип Синг не может считаться подданным России, да и зачислить его в наше подданство представляется тем менее удобным, что впоследствии он может раскаяться в своей ссоре с английским правительством и пожелать возвратиться в Англию, хотя бы для того, чтобы вновь воспользоваться ранее получавшейся им весьма значительною, хотя, по его мнению, и недостаточною, пенсией, за утрату которой мы не в состоянии вознаградить его. Мы слишком мало знаем Махараджу, чтобы не допускать возможности такой перемены в его образе мыслей, а потому даже с точки зрения

* Документ, удостоверяющий легальность пребывания в стране (*сост.*).

достоинства императорского правительства гораздо лучше не связывать Дюлип Сингха с Россией, а продолжать считать его почетным иноземцем, вынужденным искать у нас убежища.

Что же касается политической цели, преследуемой Махараджей и заключающейся в освобождении при содействии России Индии от владычества Англии, то как В[аше] С[иятельство] изволили заметить в секретном письме от 4 июня сего года, дело это не представляется пока серьезным и справедливость этого мнения вполне подтверждается подробностями, изложенными в полученных мною с тех пор от Дюлип Синга письмах. Махараджа утверждает, что для успеха дела достаточно направить к пределам Индии небольшой русский отряд, при котором он был бы назначен состоять в качестве советчика, и обстоятельство это дает повод заключить, что или сам он имеет совершенно ложное понятие о положении дел в Азии, или же, как хитрый азиатец, он рассчитывает на недостаточное знакомство наше с Индиею и надеется побудить нас предпринять враждебную против Англии демонстрацию, с тем чтобы дать почувствовать Державе этой невыгоды ссоры с ним. Как бы то ни было, но при настоящем политическом положении было бы совершенно бесцельно и даже неосторожно вступать с Дюлип Сингом в какие-либо переговоры на предмет означенного предложения, и Государю императору, с вниманием к вышеизложенным соображениям, благоугодно было признать необходимым поручить В.Св.* объясниться с ним, или непосредственно или же через лицо, которое Вы признаете заслуживающим полного доверия, в следующем смысле.

1) Так как приобретение русского подданства подчинено соблюдению известных правил, то в настоящее время Махараджа не может считаться русским подданным. При всем том, как почетный иностранец, прибывший к Императ[орскому] правительству за покровительством, он может оставаться в России сколько ему заблагорассудится под условием соблюдения наших законов и избрать постоянным местопребыванием один из городов Империи, как, например, Тифлис или Владикавказ, где Махараджа, как известно из письма его от 31 минувшего августа, намерен был поселиться.

О перемене своего местожительства Махарадже следует заранее предупреждать местную русскую власть для надлежащих распоряжений, в каковом случае он может вполне рассчитывать найти повсюду радушный прием и все то содействие, на которое даст ему право его положение.

2) Так как вышеизложенным пунктом вполне определяются условия пребывания Махараджи в России, то в поездке его в С.Петербург не представляется никакой надобности, и поездку эту лучше отложить; она не преминет подать повод к своеобразным толкам, тогда как принимая Дюлип Синга совершенно открыто под свое покровительство, Императорское прав[ительст]во было чуждо какой-либо задней мысли, почему и не желало бы, чтобы его бескорыстный образ действий истолковывался в ложном смысле; и 3) Какое бы то ни было мероприятие или демонстрация против английского владычества в Индии представляется императорскому правительству совершенно несвоевременным. Оно никогда и никого не уполномачивало обнадеживать индийских государей своей поддержкой, и, ввиду этого, оно ни в коем случае не считает уместным издание Махараджей прокламации, проект коей[38] был им приложен к письму ко мне от 9 ноября. В проекте этом говорится, что индийским государям следует отказаться от надежды на освобождение при содействии России, и это выражение должно неизбежно послужить поводом к предположению, что существовали обстоятель-

---

* В.Св. — Вашей Светлости (*сост.*).

ства, дозволяющие или рассчитанные на это содействие, чего на самом деле не было. При том упоминаемая выше прокламация кажется нам тем менее своевременною, что, сколько нам известно, никаких движений среди туземного населения англичане не опасаются, а прокламация может возбудить у них подозрение, что существует зародыш заговора, вследствие чего могут легко подвергнуться их мести лица совершенно невинные. Нелишне при этом внушить махараджe, что вообще нашими законами воспрещается частным лицам вмешиваться в какие-либо политические комбинации и что, вовсе не желая стеснять его свободу в сношениях с его родственниками и единоплеменниками, императ[орское] прав[ительст]во надеется тем не менее, что он будет обязательно воздерживаться от каких бы то ни было сообщений от имени императорского правительства.

Передавая Вам указания эти, считаю долгом присовокупить, что Государю императору угодно, чтобы вышеуказанные соображения переданы были Вами Дулип Сингу в возможно мягкой форме с целью подействовать на его убеждения, и что не следует давать ему повода предполагать, что мы тяготимся его присутствием в России и создаем ему стеснения с целью от него избавиться. Разрешая Магарадже свободное пребывание в России, императорскому правительству совершенно чужды какие-либо расчеты, и он может быть вполне уверен в сочувствии Прав[ительст]ва к его положению, пока, со своей стороны, он будет воздерживаться от действий, несовместимых с даруемым ему гостеприимством.

Примите...

На первой странице проекта надпись: На подлинном собственною Его Величества рукою написано: «Читал. 28 ноября 1887 г. № 135».

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 90–97. Проект письма.

№ 124

16 декабря 1887 г. — Письмо Дулипа Сингха генерал-губернатору Москвы В.А.Долгорукову о желании остаться на жительство в России, не участвуя более в политических делах, связанных с Индией

Москва

Ваше превосходительство,

В связи с получением письма (копию его части я прилагаю)[39] от моих двоюродных братьев у меня нет больше никакой необходимости публиковать какие-либо прокламации, так как из той статьи, которая была опубликована недавно в «Московской газете»[40], мои несчастные соотечественники узнали, что у России нет никаких планов относительно Индии, а это было единственное, о чем я считал своим долгом сообщить им.

Поэтому теперь с разрешения императорского правительства я хотел бы остаться на жительство в России в качестве частного лица под именем Реджинальда Лоррэна (Reginald Lorraine) и не иметь отношения ни к каким делам, связанным с Индией, если не поступит другого приказа со стороны Императора.

Я не буду посещать Петербург или какое-либо другое место без разрешения императорского правительства, но буду жить очень уединенной жизнью во Владикавказе или Тифлисе.

За исключением одного письма, которое я хочу направить моим кузенам в Пондишери с просьбой прекратить контакты со мной, я больше не буду писать кому-либо в Индии.

Ожидая ответа императорского правительства на это письмо, я прошу разрешить мне остаться в Москве еще примерно на шесть недель, так как у моей жены скоро будут роды.

Выражая должное уважение Вашему превосходительству,
имею честь подписаться (далее по-русски. — *Сост.*)
очень благодарный Дюлип Сингх
магараджа.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 112—113. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 125

13 января 1888 г. — Записка министра иностранных дел Н.К.Гирса Александру III о новом ходатайстве Дулипа Сингха перед В.А.Долгоруковым, генерал-губернатором Москвы, о разрешении поселиться в Тифлисе или Владикавказе

Далип Сингх по-прежнему скрыл свои намерения, продолжая обращаться с новыми ходатайствами. Оставив предположение покинуть Россию, он, в письме к московскому генерал-губернатору, вновь ходатайствует о разрешении поселиться в Тифлисе или Владикавказе, на что ему уже ранее было дано разрешение. При письме своем к министру иностранных дел от 12 января он представляет свое письмо на имя своих родственников, коих приглашает прекратить доставление ему сведений по политическим делам Индии; отправление этого письма по назначению предоставляется благоусмотрению министру иностранных дел.

Ввиду изменчивости Далип Сингха казалось бы наилучшим возвратить ему письмо на адрес его родственников с объяснением, что императорское правительство считает совершенно излишним вмешиваться в его частную переписку; что же касается его ходатайства о разрешении поселиться в Тифлисе или Владивостоке*, то достаточно напомнить ему, что ему уже ранее был дан ответ по этому предмету.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 121—121 об. Подлинник.

* Здесь описка, имеется в виду Владикавказ (*сост.*).

№ 126

20 июля 1888 г. — Письмо
Дулипа Сингха министру иностранных дел Н.К.Гирсу с просьбой о выдаче ему паспорта для выезда и въезда в Россию

Боярка (по-русски. — *Сост.*)

Ваше превосходительство,

Поскольку генерал Дрентельн[41] скончался, я вынужден еще раз побеспокоить Вас.

В связи с тем, что через несколько недель сезон здесь окончится и я хотел бы выехать в Крым, а затем на несколько месяцев в Париж через Одессу, я был бы очень обязан, если бы Ваше превосходительство любезно распорядились о выдаче мне паспорта, чтобы я мог и покинуть Россию[42] и вернуться в какое-то время будущим летом.

С должным уважением имею честь оставаться
Вашему превосходительству (далее по-русски. — *Сост.*)
очень благодарный Дюлип Сингх.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 141—141 об. Подлинник. Перевод с англ. составителя.

№ 127

26 октября 1888 г. — Из донесения посла России в Париже А.П.Моренгейма[43] товарищу министра иностранных дел А.Е.Влангали

...Далип Сингх обратился в императорское посольство с просьбой исходатайствовать ему разрешение на получение паспорта к беспрепятственному въезду в Россию... Магараджа присовокупил, что он приехал в Париж на короткое время для устройства денежных дел, имея намерение водвориться на жительство в России, где имеет желание приобрести поземельную собственность...

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 156—157 об. Подлинник.

№ 128

26 октября 1888 г. — Шифрованная телеграмма послу России в Париже А.П.Моренгейму от товарища министра иностранных дел А.Е.Влангали

Санкт-Петербург

Париж. Посольство России.

К выдаче Дулип Сингху паспорта на проезд в Россию препятствий не встречается.

На документе надпись: Отправлено 2 ноября 1888 г. № 115.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 158. Копия.

№ 129

25 июня 1889 г. — Из прокламации Дулипа Сингха, обращенной к соотечественникам, изданной в Женеве

...Быстро приближается момент, когда вам нужно будет сделать выбор между независимостью и вечным рабством. Великий император России произнес такие слова, которые указывают на то, что час столкновения близок... Все индусы, брамины, сикцы (sikhs), магометане и христиане приглашаются вознести молитвы к Богу за наше скорое торжество. И по представлении доказательств того, что они это исполнили, все будут вознаграждены согласно хорошо известной щедрости наших предков, тотчас же, как только с помощью Всемогущего и при материальной поддержке России мы вновь появимся среди вас как победитель...

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 170, 172. Перевод с англ., современный подлиннику.

Примечания

[1] Дулип (Дюлеп, Дулеп, Далиб) Сингх (Синг) (1838—1893) — младший сын махараджи Пенджаба Ранджит Сингха, возведенный на трон сикхского государства в 1843 г. После смерти отца в 1839 г. регентшей при нем была объявлена его мать рани Джиндан. Начавшиеся вскоре англо-сикхские войны (1845—1846 и 1848—1849 гг.) закончились Лахорским договором, по которому Пенджаб был аннексирован, Дулип Сингх лишен власти, а его собственность конфискована. Дулипу Сингху была назначена пожизненная рента в размере от 400 000 до 500 000 рупий в год, однако позднее она была сокращена в два раза. С 1850 по 1854 г. Дулип Сингх жил в г. Фатехгархе княжества Ауд в Индии. В марте 1853 г. под влиянием англичан он перешел в протестантство. В 1854 г. Дулип Сингх уехал в Англию, где пользовался расположением королевы Виктории, которая была даже крестной матерью его первого ребенка. Живя роскошно и расточительно, Дулип Сингх в 80-е годы попал в долги, стал выступать с обвинениями в адрес английского правительства в несправедливом к нему отношении. В марте 1886 г., после опубликования в индийской газете обращения к своим соотечественникам, в котором он заявил о намерении взять на себя ответственность за судьбу своего народа — сикхов, Дулип Сингх отплыл в Индию, несмотря на запрет английских властей, которые, считая прибытие Дулипа Сингха в Индию угрозой безопасности империи, задержали его в Адене. (Здесь Дулип Сингх отрекся от христианства и вновь принял сикхизм.) На обратном пути в Англию он из Суэца послал письмо в газету «Times of India», в котором писал, что хотя английское правительство не пустило его в Индию, оно не в состоянии закрыть ему дорогу на родину, что он может прибыть в Индию другим путем.

После вынужденного возвращения в Англию Дулип Сингх решает ехать в Россию.

Благодаря помощи М.Н.Каткова Дулип Сингх в конце марта 1887 г. приехал в Россию и жил некоторое время под именем Патрика Кази, ирландского повстанца, с которым был хорошо знаком. Дулип Сингх надеялся получить русское подданство и, считая вооруженный конфликт между Россией и Англией неизбежным, предложил русскому правительству свою помощь в завоевании Индии. Не получив поддержки и убедившись в отсутствии таких планов у правительства России, он в мае 1888 г. уехал из Москвы в Киев, а в ноябре 1888 г. вернулся во Францию. В 1890 г. его разбил паралич. Дулип Сингх обратился к английской королеве с просьбой о прощении и был прощен. Умер Дулип Сингх в Париже 22 октября 1893 г.

[2] Коцебу Эрнест Карлович — советник русского посольства в Париже в 80-е годы.

[3] Дулип Сингх просил о встрече, чтобы получить русский паспорт.

[4] Виктория (1819—1901) — королева Великобритании и Ирландии с 1837 г., а с 1876 г. и Индии.

[5] Имеется в виду сикхизм.

[6] Автор неточен: по переписи 1891 г. всего в Индии сикхов насчитывалось 1 907 833 человека, из них сикхи Пенджаба составляли 1 389 934; приверженцев же индуизма (брахманизма) в Пенджабе было 7 743 447 человек (Census of India, 1891. L., 1892—1893. General Tables for British provinces and federatory states, с. 88).

[7] Непонятно, что имел в виду Дулип Сингх под термином Пенджаб, поскольку после смерти Ранджит Сингха Кашмир, ранее входивший в его владения, стал независимым княжеством; а после сипайского восстания в 1858 г. территория на правом берегу р. Джамны (дистрикты Дели, Рохтак, Гургаон и др.) была включена английскими колониальными властями в состав территориальной единицы Пенджаб. По переписи 1891 г. все население Пенджаба составляло 20 866 847 человек, а в 1881 г. — 18 847 186.

[8] Императором России с 1881 по 1894 г. был Александр III (1845—1894).

[9] Королева Виктория пожелала быть крестной матерью первого из шестерых детей Дулипа Сингха, которого для этого крестили вторично через 8 месяцев после рождения и крещения в июне 1866 г. и которому в честь нее дали имя Виктор.

[10] Шувалов Петр Андреевич (1827—1889) — граф, генерал-адъютант, с 1866 по 1874 г. — шеф корпуса жандармов и начальник 3-го отделения, с 1874 по 1879 г. — посол России в Лондоне.

[11] Это знакомство могло состояться в октябре—ноябре 1874 г. в Англии, куда приехал наследник русского престола вел.кн. Александр Александрович (в Англии жила его сестра Мария Александровна, вышедшая в январе 1874 г. замуж за сына королевы Виктории Альфреда). Наследник посещал приемы, театры, несколько раз для него устраивали охоты. Бывал он в Кенсингтонском музее (South Kensington museum), при котором была организована Международная выставка. Президентом общей выставочной комиссии был принц Уэльский (1841—1910), будущий король Эдуард VII (1901—1910), а почетным председателем русского отдела — вел.кн. Александр Александрович. Дулип Сингх, живя в Англии, постоянно бывал на королевских приемах и торжествах и сам устраивал в своем замке пышные празднества, на которых присутствовали и члены королевской семьи, любил охоту.

[12] Копии этого письма на английском языке, находящиеся в ГАРФ и в Рукописном отделе РГБ, отличаются друг от друга как объемом, так и частично текстуально (т.е. представляют собой текстовые варианты), что говорит о том, что они являются не оригиналом письма Дулипа Сингха, написанного по-английски, а видимо, только обратным переводом на английский с перевода на русский. Текст же этого письма на русском языке одинаков в обоих архивах. К сожалению, подлинник на английском языке не найден.

[13] По переписи 1881 г. население Индии насчитывало 253 896 330 человек.

[14] Ошибка переводчика или переписчика. В английском тексте написан Тхакар (Thakur) Сингх. Тхакар Сингх (ум. в декабре 1887 г.) — двоюродный брат Дулипа Сингха, ведший активную антианглийскую пропаганду в Индии, особенно в Пенджабе. По слухам, ходившим тогда, Тхакар Сингх был отравлен англичанами. В 1885 г. в течение 9 месяцев он был в Англии в качестве гостя Дулипа Сингха.

[15] По данным Н.Я.Шнеура, независимые князья Индии располагали армией в 280 069 человек (пехота — 215 163, кавалерия — 57 534, артиллерия — 7 372) («Военный обзор Индии». СПб., 1883).

[16] Дулип Сингх, видимо, имеет в виду договоры, подписанные с Англией после англо-сикхских войн (1845—1846 и 1848—1849 гг.). По Лахорскому и Бхайровальскому договорам 1846 г. он лишался части своих владений (территории на р. Сатледж и между реками Биас и Сатледж переходили в собственность Ост-Индской компании), со стороны англичан устанавливался контроль над Регентским советом, который управлял от имени Дулипа Сингха. По Лахорскому договору 1849 г. компания аннексировала Пенджаб и Дулип Сингх был лишен власти.

[17] Интересно, что в английском тексте дано «...от 8 до 10.000.000 фунт.ст.». Сумму в 10 млн. ф.ст. Дулип Сингх указал и в своем письме к М.Н.Каткову от 31 мая 1887 г. Сознательно ли и кем изменена сумма? Любопытно также, что в одном из писем к двоюродному брату Тхакар Сингху в Индию Дулип Сингх писал: «Русский министр в Париже попросил у меня 1 млн. фунтов стерлингов, без чего он не разрешит мне иметь какие-либо дела с его правительством» [*Alexander M., Anand S.* Queen Victoria's Maharajah Duleep Singh (1838—1893). L., 1890, с. 250].

[18] По данным Н.Я.Шнеура, валовой доход англо-индийского казначейства составил в 1878 г. почти 59 млн. ф.ст., в 1880 — 68,4, а в 1881 — 72,5 млн. ф.ст.

[19] По данным Н.Я.Шнеура, расходы англичан на армию составили в 1881 г. 28 086 495 ф.ст., а на высшую администрацию — 1 532 056 ф.ст.

[20] По данным Н.Я.Шнеура, английские европейские войска в Индии в начале 80-х годов XIX в. насчитывали примерно 62 000 человек, туземные войска — 127 000, из них 1500 английских офицеров; в общую численность войск входила также армия независимого княжества Хайдерабад — 8000, т.е. англо-индийская армия насчитывала 197 000 чел.

[21] Дулип Сингх называет дату неправильно, так как последний вероучитель (Гуру) сикхов Говинд Сингх скончался в 1708 г.

[22] Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, юрист. С 1880 г. обер-прокурор Святейшего синода. Преподавал законоведение будущему имп. Александру III.

[23] М.Н.Катков с момента прибытия Дулипа Сингха в Россию в марте 1887 г. вплоть до своей смерти в июле 1887 г. принимал самое деятельное участие в его судьбе.

[24] Встреча М.Н.Каткова с Александром III состоялась 19 марта 1887 г. при содействии К.П.Победоносцева.

[25] Генерал-губернатором Москвы с 1865 по 1891 г. был Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891) — князь, генерал-адъютант, член Государственного совета с 1881 г.

[26] Отель «Дюссо» был расположен в доме № 3 по Театральному проезду. В последнее время в этом сохранившемся, но перестроенном здании размещен Департамент морского транспорта.

[27] Бобринский Алексей Васильевич (ум. 1888) — граф, егермейстер Высочайшего двора, с 1875 г. московский губернский предводитель дворянства, с 1883 г. член Государственного совета.

[28] Дулип Сингх написал более 10 писем М.Н.Каткову (см. РГБ, Рукописный отдел, ф. 120 (Катков М.Н.), карт. 3, ед.хр. 19).

[29] «Дейли Ньюс» (Daily News) — английская еженедельная газета, основанная в Лондоне в 1846 г. Чарльзом Диккенсом.

[30] Дулип Сингх имеет в виду своего двоюродного брата Тхакар Сингха.

[31] Ахмед-шах Муррани (ок. 1721—1773) — правитель Афганистана с 1747 по 1773 г., основатель независимого афганского государства — Дурранийской державы.

[32] Дулип Сингх имеет в виду письмо, отправленное на имя Александра III в марте 1887 г. из Парижа, см. док. № 114.

[33] В письме В.А.Долгорукову от 22 мая 1887 г. Н.К.Гирс хотел узнать, от каких индийских князей Дулип Сингх получил полномочия на ведение переговоров с Россией и какие это полномочия (АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 46).

[34] Морьир Роберт Барнет Дэвид (1826—1893) — дипломат, посол Англии в Санкт-Петербурге с 1881 по 1889 г.

[35] Хорнстедт Николас — вице-консул Англии в Москве в те годы.

[36] Речь идет об Аде Уэдэрилл (Ada Wetherill, ум. в 1930 г.), 18-летней англичанке, с которой Дулип Сингх познакомился в 1886 г. в Париже и которая позднее официально стала его второй женой, родившей ему еще двоих детей. Первая его жена, махарани Бамба, умерла в 1887 г.

[37] Гостиница «Било» находилась на Большой Лубянке в доме № 9. Здание перестроено.

[38] Проект обращения «К князьям и соотечественникам» в Индии, в котором Дулип Сингх извещал их о неудаче своей миссии (см. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 82).

[39] В приложенной копии части письма от 29 ноября 1887 г. от двоюродных братьев Дулипа Сингха говорится, что они узнали плохую новость: газета «Мадрас таймс» сообщила, что в редакционной статье «Московской газеты» (видимо, газета «Московские ведомости». — *Сост.*) говорится, что Россия никак не стремится продвинуться к границам Индии и что они не знают, насколько верно это утверждение и чье мнение оно выражает — редакции или правительства (АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 905, л. 114).

[40] В газете «Московские ведомости» статьи такого содержания появлялись неоднократно. Возможно, Дулип Сингх имеет в виду статью, опубликованную в № 314 от 14 ноября 1887 г., с. 2, в которой автор называет план завоевания Индии Россией басней и, в частности, пишет: «Россия не имеет никакого повода стремиться к вторжению в Индию, и наши войска могут явиться на границах и в пределах Афганистана, лишь когда это будет прямо вызвано действиями Англии... Ни фронту, ни тылу Англии Россия никогда не грозила...» Возможно, что имеется в виду и другая статья из № 341 «Московских ведомостей» от 16 декабря 1887 г., написанная в связи с прибытием в Петербург лорда Рандольфа Черчилля, члена палаты депутатов, бывшего министра по делам Индии. В этой статье говорилось, что во время своего пребывания в России лорду «удастся вполне убедиться в совершенной нелепости той алармистской теории английских джинго, по которой Россия является постоянной угрозой английскому владычеству в Индии. Такой теории у нас он не найдет и

следа. В России известно, что Индия — Ахиллесова пята Англии и что Россия будет вынуждена против воли угрожать Индии лишь в том случае, если Англия будет являться преградой к осуществлению неизменных вековых исторических задач России, столь же для нее существенных, как существенно для Англии владение Индийской империей. Но о походе в Индию в том случае, если Англия не будет мешать России в Европе, никто у нас и не помышляет. В этом лорду Рандольфу возможно убедиться воочию».

[41] Дрентельн Александр Романович (1820—1888) — генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1878 по 1880 г. шеф жандармов, командующий войсками Киевского округа и Киевский, Подольский и Волынский губернатор с 1881 по 1888 г.

[42] Дулип Сингх выехал из Киева в Париж 10 сентября 1888 г. Больше в России он не был.

[43] Моренгейм Артур Павлович (1821—1907) — русский дипломат, был послом в Дании, Лондоне, с 1884 по 1897 г. — посол России во Франции, с 1897 г. — член Государственного совета.

№ 130

Февраль 1889 г. — Письмо санскритолога Рамакришны Гопала Бхандаркара[1] непременному секретарю Императорской академии наук К.С.Веселовскому[2] с благодарностью за избрание его почетным членом Академии

Дорогой сэр!

Честь, которую такое высокоученое собрание, как Императорская академия наук Санкт-Петербурга, оказало мне за мою скромную работу по изучению санскрита и индийских древностей, может вызвать у меня только чувство огромной благодарности и вдохновить на дальнейшую работу. Единственно, чего я хочу, — это быть достойным ее. Прошу Вас оказать мне любезность передать президенту, вице-президенту и членам академии мою искреннюю благодарность и глубокое уважение, которое я адресую также и Вам.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне Ваш
Р.Г.Бхандаркар

АРАН (СПб.), ф. 1, оп. 2—1889, № 33, § 43, л. 1 и об. Автограф. Факсимиле в ст.: Родовский М.И. Из истории русско-индийских научных связей. — Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 1, 1960, с. 138.

Примечания

[1] Бхандаркар Рамакришна Гопал (1837—1925) — индийский санскритолог, археолог, специалист по эпиграфике, впервые применивший западную методику при работе над древнеиндийскими текстами, основал в Пуне Бхандаркаровский институт востоковедения для сбора, сохранения и издания древних рукописей, член Королевского азиатского общества Калькутты и Бомбея, иностранный член немецкого, американского, итальянского и других востоковедных обществ, в 1888 г. был избран почетным членом Императорской академии наук, был знаком с И.П.Минаевым и Ф.И.Щербатским. Р.Г.Бхандаркар состоял в переписке с И.П.Минаевым, сохранилось его письмо от 28 января 1880 г., где он пишет: «Податель сего, мистер Моди, знаток санскрита. Он предлагает сопровождать Вас в те места, что Вы захотите посетить. Вы можете порасспросить его, подойдет ли он Вам. Другой — мистер Бхагавата, о котором я Вам рассказывал сегодня утром, не в Пуне. Он уехал в Биджапур. Тем не менее я ему написал, но письмо дойдет только через 3 дня. Между тем, если Вы согласитесь взять с собой подателя сего, то я ему напишу, что его услуги не потребуются. Я думаю, это был театр Виктории, в котором давалась недавно Шекунтала на маратхи, я собираюсь узнать, когда она будет идти в следующий раз» (РГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 296, л. 1. Автограф. Пер. с англ. сост.).

Представление Р.Г.Бхандаркара к избранию почетным членом АН было сделано академиком О.Бётлингом (АРАН (СПб.), ф. 2, оп. 17, № 4, л. 134).

[2] Веселовский Константин Степанович (1819–1901), статистик, климатолог, экстраординарный (1855) и ординарный (1859) академик, в 1857–1890 гг. непременный секретарь АН, издавал «Хозяйственно-статистический атлас».

№ 131—134

6 апреля 1890 г. – 1891 г. – Посещение наследником российского престола Николаем Александровичем[1] и великим князем Георгием Александровичем[2] Индии

№ 131

6 апреля 1890 г. – Письмо российского посланника в Японии Н.К.Гирсу о предполагаемом кругосветном путешествии наследника российского престола. Тут же план путешествия

Милостивый Государь, Николай Карлович[3].

Государь император соизволил повелеть приготовить фрегат «Память Азова» для плавания осенью этого года с Их Императорскими Высочествами Наследником Цесаревичем и Великим Князем Георгием Александровичем в Тихий океан до Владивостока, а затем от Владивостока до Сан-Франциско.

Отсюда дальнейшее путешествие предполагается по железным дорогам через континент Северной Америки до Нью-Йорка или какого-либо порта Соединенных Штатов, откуда Их Высочества возвратятся в Европу на одном из судов отряда, который будет своевременно послан в Америку из Кронштадта летом 1891 г.

Дав такие общие указания, Его Величеству благоугодно, чтобы я вошел в сношения с Вашим Высокопревосходительством относительно окончательного установления маршрута плавания фрегата и посещения Их Императорскими Высочествами наиболее замечательных портов и городов на пути.

Составил проект плавания, имею честь препроводить его Вашему Высокопревосходительству и прошу не оставить меня Вашим заключением по этому предмету, добавляя, что посещение речных портов Китая, в том числе и Пекина, не предполагается.

Примите, Милостивый государь, уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Мин-во иностранных дел. Секретный архив МИД, ф. 467, д. 114/1216, л. 1–4.

№ 132

1890 г. — По поводу заявления первого министра[4] о посещении Индии наследником цесаревичем

Милостивый Государь, Федор Александрович[5].

10-го ноября нов. ст., на ежегодном обеде в Guild Hall (в Лондонской сити), первый министр лорд Солсбери в начале речи сказал: «для мира вселенной и существования хороших отношений между нациями, я усматриваю благоприятное предзнаменование в предстоящем посещении Индии Наследником Императора Всероссийского, в качестве гостя Ея Величества и Индийского Правительства. Мы не можем не полагать, что это неожиданное совмещение понятий о России и об Индии может оказаться благожелательным для обеих стран и представить некоторое обеспечение для мира, к сохранению которого стремятся обе страны и с которыми столь глубоко связаны интересы обеих стран». (Рукоплескания.) «Предзнаменования, о которых говорю, характеризуют ту официальную деятельность, которая происходит на моих глазах. Мне представляется, что вопросы, которыми заняты нации, принадлежат к разряду тех, которые могут относиться до мирной, а не воинственной сферы».

Остальная часть довольно пространной речи лорда Солсбери касается разных политических вопросов, в которых Россия непосредственно не заинтересована; специально же военные вопросы изложены на том же обеде, английским военным министром, по поводу речи которого доношу подробно за № 18.

Примите уверение в глубоком моем к Вашему Превосходительству уважении и совершенной преданности.

С.Бутурлин

На полях помета: Его пре-ву Ф.А.Фельдману.

РГВИА, ф. 401, оп. 4, д. 7, л. 30 и об.

№ 133

1890—1891 гг. — Из книги князя Э.Э.Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890—1891»

...Давно носились слухи о том, что Высочайше предположено далекое и многотрудное путешествие Государя Наследника Цесаревича на Индию и Китай, с возвращением обратно или через Америку или через бесконечную Сибирь. Возможность совершения такого продолжительного и опасного путешествия сначала казалась положительно несбыточною; когда же к весне и к лету 1890 года осуществление замысла стало близким и несомненным, — подробности о вероятных маршрутах естественно привлекли всеобщее внимание, ибо каждая должна была получить в будущем особое культурно-историческое освещение. Над составлением программы государственно-важного путешествия потрудились воспитатель Цесаревича, генерал-адъютант Данилович[6], известный географ А.И.Воейков[7] и капитан 1-го ранга Н.Н.Ломен[8], впоследствии командир фрегата «Память Азова», на котором благополучно совершилось знаменательное плавание.

План путешествия по Индии был составлен преимущественно по указаниям профессора Санкт-Петербургского университета А.И.Воейкова, при содействии нашего посла в Англии[9]. Число лиц, избранных для неотлучного сопровождения Его Императорского Высочества, было весьма ограничено и состояло из: главного руководителя, облеченного доверием Государя императора, Свиты Его Величества генерал-майора князя Вл.Ан.Барятинского[10], флигель-адъютанта князя Н.Д.Оболенского[11] и князя Кочубея[12].

За несколько дней до отъезда, с Высочайшего позволения, меня[13] откомандировали из департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел в распоряжение князя Барятинского для письменных занятий и составления книги о путешествии. В Триесте к свите присоединился акварелист Н.П.Гриценко, а в Каире — военно-морской врач В.К. фон Рамбах, о котором еще Сергей Петрович Боткин говорил как о выдающемся морском враче. Через Сибирь Наследника Цесаревича сопровождал флаг-капитан Его Императорского Величества контр-адмирал В.Г.Басаргин. Только пять вышеупомянутых лиц находились при Особе Его Императорского Высочества с минуты отбытия из Гатчины 23 октября 1890 г. до возвращения домой 16 августа 1891 г.

23 октября 1890 г. Императорский поезд тронулся из Гатчины по Варшавской железной дороге на юг. Извивающаяся дуга предстоящей дороги пролегает через Варшаву, Вену, Триест, Грецию, Египет, Аден, Индию, Цейлон, Сингапур, Ботавию, Сиам, Французские колонии, Китай, Японию и наконец безграничную Восточную Россию.

Длинный, разнообразный путь, предстоящий Цесаревичу, заранее был изучен Его Высочеством. На посещение дальних стран Цесаревич смотрел не как на увеселительное путешествие, а как на исполнение долга, как на возможность приобретения опыта и сведений, могущих впоследствии быть полезными на службе Государю и Отечеству. В Сибирь Цесаревича влекло важное и политическое и экономическое значение этой части Русского Государства, влекло и желание изучить на месте вопросы сибирской железной дороги. Путь в Сибирь был выбран, конечно, морской, вносивший новый интерес и высокую поучительность, кроме того, дальнее и продолжительное плавание ставило Высокого Путешественника лицом к лицу с условиями и трудностями военно-морской службы. Великого Князя не могли не манить глубоко интересные классические страны древнейшего периода культуры — Египет и Индия, а также ближайшие соседи — Китай и Япония.

В ожидании путешествия Цесаревича в Пирейском порту собралась наша эскадра, в состав которой вошли: полуброненосные фрегаты «Память Азова», «Владимир Мономах» и канонерская лодка «Запорожец». Командующим этой флотилии был назначен флаг-капитан Его Величества Свиты контр-адмирал Басаргин.

Полуброненосный фрегат «Память Азова» выстроен в Петербурге на Балтийском заводе и спущен на Неву 20 мая 1888 г. По размеру это судно становится в ряд больших русских броненосцев: длина 377 футов, ширина 51 фут, углубленность 25 футов. Фрегат носит на себе грозную артиллерию. Тридцать офицеров и 600 матросов составляют экипаж «Памяти Азова». В списках нашего флота «Память Азова» повторяется уже в третий раз, ранее того корабли носили имя просто «Азов». Постройка родоначальника их, первого «Азова», восходит к 1736 г.

Бомбей и Элефанта Том I, часть II.

...Русская эскадра, замедляя ход, величаво направляется кильватерною колонной, замыкаемой «Корниловым», в широкую гавань, где ей предстоит весьма продолжительная стоянка. Три глухих выстрела возвещают, что мы замечены.

...До входа на рейд «Память Азова» принимает лоцмана. Оказывается, что местные власти давно уже ждут появления наших судов. Лоцман указывает на место стоянки. Командир королевского военного судна «Turquoise» — капитан Бракенбури, как старший на рейде немедленно приезжает с визитом на «Память Азова», вслед за ним с берега являются представиться Государю Наследнику назначенные стоять при Его Особе на все время пребывания в Индии: известный и у нас писатель — автор книги «Russia», искусный дипломат и бывший секретарь прежнего индийского вице-короля лорда Дэфферина, сэр Дональд Мэкензи Уоллас[14], превосходно знающий по-русски, и полковник Бенгальской армии Джерард, сопровождаемый двумя типичными туземными офицерами.

Наследник Цесаревич изволят отправиться в Бомбей с кн. Барятинским, доктором Рамбахом, тремя гвардейскими офицерами-ординарцами, акварелистом Гриценко и автором этой книги.

Наши три фрегата, с которыми надо было расстаться для совершения путешествия в глубь Индии — огромные, грозные, недвижные, среди бесконечной оживленной гавани — резко выделяются между прочими военными и коммерческими судами[15].

Ахмедабад Том I, часть II.

...Мы въезжаем в град «Ахмеда», названный так по имени знаменитого султана, царствовавшего в Гуджерате с начала XV в. и здесь именно основавшего свою столицу, разросшуюся впоследствии до грандиозных размеров[16]. Станция, как и везде, красиво декорирована. Платформа устлана красным сукном. Длинный почетный караул, нарочно привезенный из Бомбея, выставлен Глостерским полком.

...Наследник направляется осматривать столицу Гуджерата. Чем дальше продвигаешься от станции к центру города, тем гуще пестрые толпы любопытных, тем звучнее туземная речь вокруг нашей коляски, тем осязательней действует совершенно новая и довольно диковинная обстановка. Августейшие путешественники въезжают за черту массивных стен, возведенных средневековыми султанами. Пыль встаёт на улицах от движения народных масс. В Ахмедабаде насчитывается свыше 150 000 душ, и чуть ли не все они, да еще окрестные поселения собрались сегодня посмотреть на Высокого Гостя.

...Августейшие путешественники опять садятся в коляски для следования по городу. Последний, кажется, настроен радушно. По крайней мере приветствие на арке, около железнодорожной станции, гласило: «милости просим» — выражение туземных лиц, при проезде, отражало не одно любопытство, но и симпатию.

...За обедом (сегодня, надо напомнить, здесь и на Западе празднуется Новый Год) в центральной «шимиáнэ», гигантской гостиной-столовой из тканей — много гостей (все представители местного европейского общества), между прочим, французский художник Моро с женой, приехавший сюда набираться свежих и ярких впечатлений. Одно только пугает на этом Востоке наших артистов: со-

временная живопись, в лице её талантливых представителей fin du siècle*, слишком ищет реализма, которого окружающая нас тут действительность не признает, будучи тем не менее сама смесью жгучих красок, чувственных образов, — отчасти грубых и резких, а подчас даже и чудовищных очертаний. Иностранец, желающий проникаться правдою сложной туземной жизни и однородной с ней природы (ради воссоздания их путём творчества), обыкновенно не в состоянии проникнуться ими в полной мере, а так как пришельцы издалека (да ещё особенно парижане!) на это, конечно, не способны, — это неотразимое влияние местной красоты и местного искусства должно по ним скользить, не входя в их плоть и кровь, ничего, в сущности, не говоря их сердцу и фантазии. Когда-то Запад дозреет или, точнее, разовьется до знания и оценки отсталого Востока?! Без нея же и художественное проникновение в его чары и тайны недостижимо...

...Поздний вечер. Августейшие путешественники изъявили согласие совершить довольно продолжительную прогулку на колясках на озеро «Канкария» близь города, носящего это название от слова «Kan Kar», известняк, в котором при Кутбуддиньшахе[17], около 1450 г., искусственно создался значительный в Индии водоём, — имеющий до $1^3/_4$ версты в окружности, — с великолепным киоском и садом посередине, куда с высокого берега до сих пор ведут лестница и каменный мост, в данное время залитые огнями иллюминаций, подобно всему окрестному парку, разукрасившемуся в честь Северного Гостя.

У спуска к озеру горят и переливаются надписи над аркой: буквы «N.A.» и чересчур уж лаконичное приветствие «пожаловать!». Ярко иллюминированные лодки тихо плывут над озером здесь и там. Дебелые парсы с любопытством окружают нас на верхней платформе удачно задуманного киоска и даже не смотрят на беспокойную стихию, которая им так свята и дорога, — и на праздник огня, устроенный в память посещения Ахмедабада Наследником Цесаревичем...

Джодпур и Аджмир — Том I, часть II.

...Рано утром (22 декабря, суббота) Августейшие путешественники, под грохот салюта встреченные на джадпурской станции самим махараджею с его двором и английским резидентом (так сказать, советником-опекуном при туземном князе), направляются в устроенный для Них обширный лагерь, слегка в стороне от города. Местные войска — при звуках русского гимна, впервые звучащего в Раджпутане, — приветствуют Его Императорское Высочество. Впечатления въезда в его предместье до того глубоки, что и записывать даже трудно в последовательном порядке, какие чувства и мысли всплывают в расширяющемся сознании.

Джодпур! Настоящая, почти (можно сказать) доисторическая Индия, — та Индия, о которой каждый из нас невольно — бессознательно грезил на яву, читая отрывки из Рамаяны и Махабхараты, — тот индийский строй, в котором обрисовывалась фигура легкомысленного Наля, с его чисто славянским характером, и наряду с тем удивила мир идеальною самоотверженностью возвышенно-чистая княгиня Дамаянти.

...В 1803 г. англичане впервые вступили в сношения со здешним правительством. Через несколько лет они простерли на княжество свой протекторат, а в 1839 г. заняли город войсками. Около того времени старая династия угасла и пришлось выбирать властителя из младшей побочной ветви (Идарской линии,

* Fin du siècle (*франц.*) — конец века.

утвердившейся в Гуджерате), вскоре действительно найденного и признанного туземными феодалами (так называемыми «такурами»). Августейшие путешественники теперь — в гостях у сына его, — начавшего править после смерти отца, лишь с 1873 г. Правящий князь, еще смолоду, при отце, заботился о благоустройстве страны. Махараджа вообще считается большим любителем техники, вечно занят сооружением водоемов, в которых действительно нуждается население, при помощи инженера Хома провел в свою столицу (хотя узкоколейную) железную дорогу. До того сообщение с этим центром было крайне затруднительно и редко кто решался проникнуть сюда на слоне или верблюде. Оттого-то, вероятно, про Джодпур почти ничего не писано и мало известно в европейской литературе.

...Утром, в 8 часов, махараджа Джасвант Синг лично довез Е.И.Высочество до лагеря в своей оригинально-старомодной, высокой и просторной коляске, запряженной четверкой.

Согласно священному традиционному обычаю, за обменом приветствий следует при прощании увенчать посетителей гирляндами цветов. Джасванта Синга в памятный для него день собственноручно украшает Первенец Белого Царя. Остальным гостям гирлянду на шею надевает кн. Барятинский. На специальном блюде приносится «Пан» (исконное угощение в виде тщательно свернутых пахучих листьев и кусочков бетеля для жевания). После краткого перерыва Их Высочества в свою очередь едут в загородный дворец махараджи отдать ему визит. При этом Наследник Цесаревич и офицеры свиты — в русской военной форме.

Джайпур и Альвар Т. I, часть II.

...Поезд Великого Князя приближается к раджпутскому «городу победы» Джайпур. Опять торжественная встреча, с махараджою во главе. Английское «Добро пожаловать» гигантскими белыми начертаниями красуется сбоку на скалистом склоне горы, называемой «Нахаргар» (Тигровая твердыня). Босоногие солдаты, в красных мундирах старомодного покроя, расставлены шпалерами на пути Наследника Цесаревича. Орудия запряжены быками. Арабские скакуны, с искусственно красивым изгибом головы, держатся рядом в поводу: цветные ожерелья и металлические цепочки наброшены им на шею, чепраки шиты золотом, яркие повязки и серебряные обручи надеты на ноги выведенным напоказ лошадям. Более двадцати слонов ожидают гостей и свиту Е.И.В. Нескладная военная музыка, силящаяся воспроизвести русский гимн и «God save the Queen»*, глухо слышится по сторонам...

...Наследник Цесаревич, сидя с махараджею в своего рода драгоценных носилках «ховда» (от арабского «Hauday» — сиденье для верблюда) под балдахином, на спине богато разубранного слона, обозревает улицы «города победы». Проследовав городом, Августейшие путешественники садятся в экипаж и, простившись с махараджею, направляется в «Residency» дом политического агента — г. Пикока. Его высочество — туземный владыка вскоре приезжает сюда с визитом. После полудня — поездка на тигровую охоту.

...Свыше 12 верст приходится мчаться в просторных шарабанах по отличному шоссе, дважды перепрягая быстрых лошадей. Затем ждут слонов, и надо, растянувшись в линию, медленно направиться в джунгли. Наследник Цесаревич, держа ружье наготове, изволил поместиться в плетеной простой «ховде» с пол-

---

* «Боже, храни Королеву» (*англ.*) — гимн Британской империи.

ковником Джерардом. Сзади шествует ручной гигант, везущий доктора Рамбаха и неразлучную с ним походную аптечку. Уверенно-ровным шагом движутся царственные животные, погоняемые гортанным окликом сидящих на их голове «Махаутов» (вожаков), вооруженных особыми острыми прутьями, чтобы наносить ими удары в темя ленивым и непослушным, — причем просто жаль видеть кровь, выступающую на толстой прорубленной коже бедных терпеливых слонов. Туземцы заботливо выслеживают крупного животного, зверь попадает на цепь стрелков. Результат охоты — огромная тигрица, смертельно раненная выстрелами Е.И.Высочества и принца Георгия Греческого. Другой зверь пострадал от пули Кочубея, но уполз в густые кустарники, по которым в тщетных поисках рыщут некоторое время ученые слоны. Устройством охоты заведовал здешний резидент — полковник Барр, майор Мастерс и доктор Крофтс. Убитое животное приносят к палаткам, им любуются, сдирают с него шкуру. Пока это происходит, художник Гриценко тщательно делает зарисовки.

...В палатках джайпурского князя — в честь Наследника Цесаревича парадный обед, на котором присутствуют одни европейцы. К концу его, перед тостами (за Государя Императора и Его Императорское Высочество, за королеву Викторию и короля Эллинов) является хозяин (сам «радж, радж Индра», как принято величать владык, создавших Амбер). Придти раньше значило бы нарушить этикет. Принять участие в трапезе с иноверцами или даже людьми иной касты равносильно совершению тягчайшего проступка. Джайпурский махараджа Сэвай Мадхао Синг, сто сороковой потомок по прямой линии от героя Рами, не говорит по-английски. Его «диван» (главный советник) — произносит за него спич, содержащий поздравления Дорогому Гостю и выражение удовольствия, что русские именно здесь испытали успех на тигровой охоте.

Надо добавить: туземцы любят не без гордости вспомнить, как Принц Уэльский тоже тут убил первого тигра, зимой 1876 г.

<u>В царственном Дэли</u> Воскресенье, 30 декабря.

...Наследник Цесаревич ровно в 8 часов утра встречен на станции местными европейскими властями с генералом Sir John Hadson и главным администратором округа во главе.

После завтрака Августейшие путешественники направляются осматривать достопримечательности Дэли в период владычества Моголов.

...За оба дня своего пребывания в номинальной туземной столице Наследник Цесаревич внимательно знакомится с производствами города. Купцы свезли в «Ludlow Castle» лучший товар, превосходнейшие образцы ювелирных работ, тканей и прочего, чем Дэли гордился в дни расцвета и побед. Целая огромная комната завалена принесенными на продажу заманчиво красивыми вещами. Такого выбора, такого изящества и (следует добавить) таких дутых цен еще не было нигде на нашем пути.

...Первенство (в смысле вкуса и оригинальности) приходится тут отдать шелковым изделиям. Затем достойны упоминания и похвалы миниатюры, исполняемые на слоновой кости. Туземцы, тщательно рисующие на ней сцены и лица периода Моголов, суть потомки художников, подвизавшихся некогда при императорском дворе и унаследовавших это искусство от предков за три столетия. Теперь на таком труде мало ощущается спроса. Путешествующие иностранцы — неохотно покупают лишенные для них исторического значения чересчур своеобразные «bibelots»[18], а так как навык мастеров передается от отцов к сы-

новьям, зачастую составляя семейную или цеховую тайну, то возможно и полное исчезновение некоторых производств, за отсутствием поощрения и покупателей.

От Пятиречья до Ганга 1 января, вторник.

...Двенадцатый час пополудни. Лахор.

Генерал-губернатор окраины (Sir John Lyall), командующий войсками (Sir Hugh Gough), римско-католические прелаты, много должностных лиц и дам ожидают Е.И.Высочество на убранном флагами и зеленью дебаркадере, где длинный почетный караул выставлен от Уильтшайрского полка и Пэнджабскими волонтерами. Двадцать одним пушечным выстрелом приветствует столица Пятиречья прибытие Престолонаследника в северо-западную часть Индии.

...Лахор, конечно, живописен по своему восточному колориту, но высказать о нем что-нибудь особенное, при беспрестанно повторяющихся описаниях того или иного города Азии, довольно трудно.

Амрицар

...Их Высочества заезжают на фабрику ковров и шалей, которыми город особенно славится, несмотря на обширность его прочих торговых производств и ежегодных торговых оборотов. Дело ведется мусульманами, выходцами из Кашмира.

5 января, суббота.

...Восемь утра. Агра. Парадная встреча военными и гражданскими властями. Их Высочества долго любуются окрестностью, развертывающеюся перед мраморным павильоном работы итальянских мастеров, откуда виден Тадж[19].

...Тадж! «Поэма в камне». Он воздвинут в предместье Агры, обнесен высокой оградой, украшен обступившим его парком, цветниками, водометами — служит мавзолеем, где схоронены Шах-Джахан и царица Арджманд Бану Бэгум, по прозванию «Мумтаз Махал» (избранница дворцовых чертогов).

Бенарес Том II, часть I.

...Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич пребывает в самом любопытном городе Азии. Название города объясняется двояко: или прозвищем раджи Бенарь, отстроившего громадный разрушенный центр восемьсот лет назад, или слиянием близь него с водами Ганга двух окаймляющих столицу шиваизма речек Варана и Ази. Последнее, впрочем, мало вероятно[20].

...Сближение туземцев Индии с русским простонародьем многими должно быть сочтено тенденциозным, почти невероятным или же просто напросто фантастическим. Случайное подтверждение того, что не мне одному аналогия резко бросилась в глаза, я нахожу в купленной здесь трехтомной книге епископа Хебера[21], которая издана, когда о нашем воссоединении с Азией англичане серьезно и не помышляли. Заметки названного автора относятся к двадцатым годам, после того как он посетил Россию и проехал её от столицы до южных границ, оставаясь под неизгладимым впечатлением церквей и палат Кремля, подобие коего иногда ему чудится потом в Индии при виде иного колоссального сооружения. Духом старой Москвы повеяло на Хебера, лишь только он вступил на бенгальскую землю. Раджпутские и маратские вершники, сопровождавшие его, показа-

лись ему схожими с кубанским казачеством: видно, недаром в Индостане принято именовать «козаками» тамошних смелых конных, а то даже воинов (например, джатов, во главе которых до сих пор выделяется бартпурский махараджа у Агры, своевременно являвшийся с визитом к Августейшему Атаману казачьих войск), которые воспитаны поэзией непрерывного напряжения и удалых наездов.

...Августейших путешественников встречает у пристани его высочество махараджа Бенаресский Прабу Нараян Синг со старшим взрослым сыном. (В посещаемую Наследником Цесаревичем крепость достопамятнейшим гостем приезжал раньше, к дяде нынешнего князя, принц Уэльский[22].)

Калькутта Том II, часть I.

...Утром местное купечество разложило перед комнатами Наследника Цесаревича разные нежные шелка, перевитые серебряными и золотыми звездочками, с кружевными украшениями из самоцветных камней. Кроме того принесены были на продажу всевозможные божки разной величины: из алебастра с наложенными на него грубыми красками и металлические. Тут же предлагались тигровые кости, высоко ценящиеся туземцами как талисман.

...Станция Хаура. Еще не Калькутта, но почти что она... Вокзал пестро декорирован. Во главе собравшихся: маркиз Лэнсдоун[23], вице-король Индии и сэр Чарльс Эллиот[24], Бенгальский генерал-губернатор, со свитами. Грохот салюта приветствует момент прибытия Русского Престолонаследника, гремит «Боже, Царя храни!»

...Картина, представляемая рекою, чрезвычайно любопытна по открывающемуся за нею изобилию величественных зданий. Хотя в столице сходятся четыре железнодорожные линии, сообщение водою играет важнейшую роль. Предметы ввоза и вывоза бесконечно разнообразны: скот, уголь, хлопок, овощи и плоды, хлеб и рис, гутаперча и смолы, кожи, циновки, масла, металлы, опиум, сера, шелк, пряности, соль, всякого рода машины. Тесные коммерческие отношения поддерживаются не только с Англией и вообще с Европой, но и с Индокитаем, Японией, Америкой, Мысом Доброй Надежды и Австралией. В Калькутту за год прибывает свыше тысячи океанских пароходов и четырех-мачтовых парусных судов, морских гигантов новейшей конструкции. Особенно хорошо работает известная «Peninsular and Oriental» компания, чаще слывущая под сокращенным названием «Пиэндо» (P & O).

...Все путешественники по Индии, знавшие наш Петербург, охотно сравнивают его по внешности с Калькуттой. Сама судьба обеих столиц отчасти сходна. Основанные приблизительно в одно и то же время и в разгар борьбы великих народов за преобладание в мире, они параллельно возникли на болотной, миазмической почве, около устья 2-х исторически важных рек, в одинаковые периоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремлением вперед в национальном смысле слова, где Востоку приходится мало-помалу высказываться под непосредственно-сильным влиянием Запада и вставать на защиту своих исконных прав. Вмещая тысячи представителей в английском духе брамино-магометанской страны, Калькутта столь же типично олицетворяет в известном отношении все еще дремлющий полуостров, как «град Петра», наполненный учащимися из Европы, все сознательнее и разумнее определяет собою славяно-инородческий восточный мир. Спор Азии и Европы за настоящее разыгрывается в двух административных центрах мира — я разумею Петербург и Калькутту.

...В 7 часов 45 минут — обед у маркиза Лэнсдоуна (с 90 приглашенными), в числе последних — исключительно — мужчины. Местная знать. Также присутствуют: греческий священник отец Н.Паннас и греческий консул Петракочино. Современная Эллада, как видно, дальше нашего шагнула на коммерчески важный юго-восток. Православный храм во имя Преображения Господня тут существует уже с 1780 г., когда тогдашний генерал-губернатор Уоррен Гастингс, женатый на уроженке из Архангельска, первый подписал на сооружение этой церкви две тысячи рублей.

Архиепископ для Индии и Цейлона — Джонсон (The Right Reverend Lord Bishop & Metropolitan) благословляет трапезу. Рядом с Наследником садятся вице-король и Бенгальский генерал-губернатор. В конце обеда провозглашаются тосты за государя Императора и Ея величество «Queen Empress»*, за Августейших путешественников. Трудно себе представить банкет оригинальнее и знаменательнее того, на котором мы сегодня присутствуем. В оправе восточного великолепия, среди неслышно скользящих бесчисленных слуг-инородцев, фактически правящая Индия чествует прибытие Высокого Гостя, почерпающего ежедневно на пути разностороннейшие данные об искусстве европейцев распоряжаться Азией, о её великом прошлом и неопределенном будущем, о задачах истинной мировой культуры на Востоке.

...В Индии давно уже отличается некоторым влиянием армянский элемент, никогда не порывавший духовных связей с Эчмиадзином. При каждом избрании Католикоса в пределах России есть голос и от его единоверцев с Ганга. Кавказ и наше государство вообще в интересах торговли давно углубились в Азию и заняли во многих краях видное экономическое положение. Но преобладающим из племен с кавказской кровью в Индии всегда были армяне. В качестве плантаторов (особенно в области разведения и сбыта индиго) потомки Гайка разбрелись по целому полуострову, основали по цветущей колонии. И в Калькутте возникла таковая в 1724 г. Калькуттская духовная чади Эчмиадзинского патриарха, осознавая значение для них России, захотели в 1891 г., при проезде через Бенгалию Наследника Цесаревича, хоть что-нибудь принести в дар Его Императорскому Высочеству, и пользовавшийся авторитетом среди них единоверец археолог-любитель Мелек-Беглар заказал с этой целью модель знаменитого храма в Будда-Гайе.

Мадрас. Том II, часть I.

...Отбыв 23 января с бомбейской главной станции «Victoria Terminus» в 10 ч. вечера, Августейшие путешественники через Калиан и Пуну направляются Декканом на Кальбаргу; в Гайдарабад, где правит могущественный Низам, почему-то решено не ехать, хотя это оригинальный центр и лежит у дороги.

...Рельсовый путь заметно спускается к морю. Плоский песчаный берег, низкие возвышенности за ними: Мадрас. Губернатор — лорд Уинлок, власти, почетный караул, масса разодетых туземцев ожидают Наследника Цесаревича, между прочим, радостно встречают его путешествующие по Индии князь А.Г.Щербатов с женою, урожденною О.А.Строгановой.

* Королева-императрица (*англ.*) — имеется в виду королева Виктория (1819—1901).

...Мы положительно находимся в стране, где далеко не проведены и пока, пожалуй, неопределимы связь и грань между явлениями совершенно естественного порядка и теми, которые на европейский взгляд отмечены признаками чудесного. Оттого-то именно в Индии, по инициативе одной много видевшей и много знавшей русской женщины (Е.П.Блавадской) зародилась мысль о возможности и необходимости основать целое общество теософов, искателей Истины в широчайшем смысле слова: с целью избирать адептами людей всякой веры и расы, глубоко вникать в сокровеннейшее учение восточных религий, привлекать азиатов к искреннему духовному общению с образованными иностранцами, поддерживать таинственные сношения с разными верховными жрецами, аскетами, чародеями и т.п. Здесь, у Мадраса, в предместье Адіар (у маленькой реки того же названия) Блавадская учредила центр нового оригинального братства. Деятельным помощником и другом нашей талантливой соотечественницы, приобретшей в России литературную известность под именем Радда-бай, явился американский полковник Олькот. Огромное число разветвлений мадрасской теософической ложи возникло в Азии, и в Америке, и в Европе. Несколько органов периодической печати специально посвятило себя констатированию необъяснимых психических феноменов из области иогизма, т.е. магических актов воли человека, для которого условия пространства и времени перестают существовать. Блавадская вызвала бурю обличий в парламенте, чуть ли не в силу подозрительности англичан должна была навсегда покинуть преисполненный чудес и столь полюбившийся ей полуостров, но искусство ее вызывать к себе бескорыстную симпатию и преданность туземцев, их смутная жажда сплотиться под знаменем этой странной северной женщины из народа, радикально чуждого Альбиону, — её постоянные разъезды по стране ради сближения с волхвами и в попытках быть допущенной к разным заветным тайнохранилищам браминов и джайнистов — все вместе взятое создало ей исключительное положение, какого с давних пор никто и нигде не занимал (пожалуй, начиная от тех отдаленно-блаженных дней, когда ясновидящие старицы на рубеже истории говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вещем языке богов!). Для Индии настоящего и будущего Е.П.Блавадская не умерла и не умрет.

...Далекое и многотрудное путешествие Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича до Японии и по Сибири, представляя не только государственно-русский, но и культурно-исторический, глубокий художественный интерес, — о чем свидетельствуют суждения всей иностранной печати, — чрезмерно любопытно было, и по разнородности предметов, приобретенных на Востоке или принятых в дар как выражение чужеземного привета или трогательнейших верноподданных чувств.

Подробная опись отдельных вещей, в связи с их группировкой по странам своевременно была сделана в Управлении Собственным Его Величества Дворцом В.И.Сигелем и г. Пехом, под непосредственным наблюдением генерал-лейтенанта А.С.Василевского.

Пребывая в таких промышленных центрах страны, как Бомбей, как столица Гуджерата — Ахмедабад, Агра, Бенарес, Его Императорское Высочество имел возможность сделать хороший выбор из шелковых изделий туземного характера и колорита. Особенным изяществом отличаются приобретенные в северных частях полуострова тонкорунные, нежно-цветные шали. Предметы, привезенные Наследником Цесаревичем из Индии, вдвойне ценны, ввиду происходящего там ныне весьма быстрого упадка туземных искусств и ремесел, вызванного неравной

борьбой местных тружеников с наплывом английских дешевых товаров. Среди предметов — поднесенная калькутскими армянами серебряная маленькая пагода (из священной для буддистов Будда-Гайя).

Удивительное по размерам и полноте путешествие Русского Престолонаследника на Восток явилось как бы замыкающим звеном в цепи наших исконно-родственных и в сущности необыкновенно тесных отношений к этому неоглядному, необъятному, до тонкостей нам понятному миру. Полубессознательный правительственный взгляд на Восток не мог от этого не стать яснее и шире.

Печ. по: Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Автор издатель кн. Э.Э.Ухтомский, иллюстрировал Н.Н.Каразин. Т. I—III. СПб., Лейпциг: Ф.А.Брокгауз, 1893—1897. Т. I, 1893, Введение, с. 1, 2, 9, 10; ч. II, с. 8, 89—96, 109, 120—122, 126, 130—133, 150—154, 161, 162, 175, 189, 190, 192, 195; т. II, 1895, ч. I, с. 1, 3, 28, 29, 32, 33, 44, 69, 70, 81, 88; т. III, 1897, Эпилог, с. I, III, IV, VII.

№ 134

27 декабря 1980 г. — Извлечение из бомбейской газеты «Таймс ов Индиа» о прибытии Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича в Бомбей и пребывании там

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Николай Александрович прибыл в Бомбей во вторник (23-го) 11-го декабря утром и был принят с пышностью и почётом, подобающими Его высокому положению. Прибытия русского фрегата «Память Азова», на котором следовал Августейший путешественник, ожидали в понедельник вечером, почему немало лиц, явившихся на пристань, остались там в ожидании появления фрегата до поздней ночи. Происшедшее замедление нисколько не охладило нетерпения публики. Как только настало утро, многочисленные толпы пешеходов из отдаленнейших частей города стали направляться к пристани Аполло-Бендер, и к 8 часам она была занята массами народа. На пристани был раскинут обширный шамианэ (шатёр), в коем поместились гражданские и военные должностные лица в парадных мундирах, значительное число частных лиц, дамы в элегантных туалетах, толпа знатных туземцев в их живописных и богатых костюмах, без коих зрелище было бы неполно, и, наконец, почётный караул из ста человек от полка Глостера, под командою капитана Тёфнеля. К $7^1/_2$ часам туда же прибыли их превосходительства губернатор бомбейского президентства Лорд Гаррис и главнокомандующий бомбейской армией генерал-лейтенант Сэр Джордж Гривс. Множество народу толпилось за пределами пространства, отгороженного для привилегированной публики. По обе стороны улицы, ведущей к пристани, народ также толпился; здесь можно было видеть представителей всех классов туземного населения. Окна и балконы главных зданий на улицах, по которым должен был проследовать поезд, были осаждаемы зрителями. Одним словом, всякое место, откуда только можно было увидать Августейшего Посетителя, было занято с раннего утра. В ожидании редкого события толпы народа на улицах терпеливо выносили солнечные лучи, от которых некуда было укрыться.

В 8 часов раздались два выстрела, возвестившие о приближении фрегата «Память Азова»; все глаза немедленно устремились к входу в гавань, но висевший над водой лёгкий туман скрывал еще русский фрегат. Наконец сквозь ту-

ман проглянула весьма медленно надвигавшаяся чёрная масса, и вскоре после того можно было различить очертания судна с его тремя дымившимися трубами. Вслед за тем были замечены и две другие чёрные массы: фрегат «Владимир Мономах» и крейсер «Адмирал Корнилов», конвоировавшие «Память Азова». Все три судна, следуя одно за другим, подвигались крайне медленно. Приблизившись к стоявшему в гавани против лестницы, спускавшейся с пристани, английскому военному судну «Turquoise», передовое судно русской эскадры салютовало берегу, и затем были отданы якоря при оглушительном салюте в 21 выстрел с «Turquoise». Между тем командир английского судна капитан Брикенбери, как старший морской офицер, в отсутствии главного командира бомбейского порта, отправился на паровом катере на «Память Азова» для приветствования Наследника Цесаревича. В $9^1/_2$ часов отправился туда же и губернатор. Полчаса спустя Лорд Гаррис вернулся на пристань, а вслед за ним вернулись и сопровождавшие его офицеры с известием, что Его Императорское Высочество съедет на берег на собственном катере. Приблизительно через четверть часа развевающийся на «Памяти Азова» флаг Наследника Цесаревича был спущен, и вслед за этим раздался с «Turquoise» новый салют, который был подхвачен другим английским судном «Reindeer» и тремя русскими судами, команды коих разместились по реям. В промежутках между выстрелами раздавались с русских судов звуки русского национального гимна, на которые отвечали приветственные клики английских матросов. Салюты возвестили о том, что Его Императорское Высочество оставил фрегат, и, наконец, среди порохового дыма показался парадный катер с четырнадцатью красиво одетыми гребцами. Под тентом, устроенным над кормовою частью катера, находился Его Императорское Высочество со свитою в парадных мундирах. Как только катер подошел к пристани, с береговой батареи был сделан салют в 21 выстрел, а затем губернатор и главнокомандующий бомбейской армией Сэр Джордж Гривс со свитою спустились с лестницы навстречу Наследнику Цесаревичу и проводили Его Императорское Высочество в шамианэ, где были представлены августейшему Путешественнику лица, составлявшие штаб губернатора, судьи верховной палаты, иностранные консулы и некоторые европейцы и туземцы. Наследник Цесаревич был в мундире лейб-гвардии гусарского полка; блестящие мундиры Свиты Его Императорского Высочества также обратили на себя внимание публики. Вследствие легкого нездоровья Великий Князь Георгий Александрович не мог сопровождать Своего Августейшего брата и остался на фрегате.

Как только окончились представления, Наследник Цесаревич в сопровождении губернатора, главнокомандующего армией и бригадир-генерала Беджена направился к месту, где стоял почетный караул. При приближении Его Императорского Высочества караул отдал честь, а расположенный сзади оркестр заиграл русский национальный гимн. Пройдя вдоль фронта, Наследник Цесаревич направился к выходу из шамианэ при приветственных кликах собравшейся публики.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич сел в парадный экипаж, запряженный четырьмя лошадьми с двумя ездовыми. По правую руку Его Императорского Высочества поместился губернатор, а напротив — военный секретарь последнего — полковник Родс и флигель-адъютант князь Оболенский. Экипаж был эскортируем взводом личного конвоя губернатора под командой капитана Готта, а по левую сторону экипажа въехал верхом начальник местной полиции полковник Вильсон. В следующем экипаже поместился его высочество Принц Георгий Греческий[25] с полковником Джерардом и Сэр Д.Макэнзи Уоллес. В трех других экипажах поместились лица свиты Наследника Цесаревича с ан-

глийскими офицерами, назначенными сопровождать их. Во время следования поезда публика, смотревшая из окон, и занимавшие обе стороны улиц толпы народа приветствовали Августейшего Путешественника радостными кликами. Его Императорское Высочество отвечал на эти клики приветливыми поклонами.

В 11 час. и 10 мин. экипаж остановился у подъезда губернаторского помещения (Government House), где был выставлен почетный караул от 4-го стрелкового бомбейского полка со знаменем и оркестром, приветствовавшим Августейшего Путешественника звуками русского национального гимна. Губернатор вышел первый из экипажа и приветствовал Наследника Цесаревича, а на половине лестницы, по обе стороны которой были расставлены служители в красных ливреях, встретила Его Императорское Высочество леди Гаррис, при коей находился личный секретарь губернатора г. Эджерли.

После полудня, Наследником Цесаревичем, вместе с губернатором, леди Гаррис и небольшою свитою, предпринята была поездка на находящийся неподалеку от Бомбея остров Элефанта для осмотра знаменитых подземных храмов. Переезд от пристани Аполло-Бендер до острова был совершен на паровом катере «Вее». Осмотр продолжался около двух часов, а затем был сервирован чай, после которого Наследник Цесаревич со Своими Спутниками вернулся в Бомбей.

Вечером состоялся в помещении губернатора парадный обед, а в $9^1/_2$ ч. бал. К назначенному часу бальная зала наполнилась многочисленными приглашенными, и вслед затем вошли в залу, предшествуемые свитою Наследник Цесаревич, вместе с губернатором и его супругою. Бал был открыт Его Императорским Высочеством и Леди Гаррис. Танцы продолжались до поздней ночи. Благодаря значительному числу приглашенных, в зале было очень душно, но живописно освещенный китайскими фонарями сад представлял прохладное убежище.

В среду, после полудня, Наследник Цесаревич принял участие в устроенном в честь Его Императорского Высочества в казенном саду Garden Party. Вечером состоялся обед у губернатора.

В четверг (13/25-го [декабря]), около 10 часов утра, Наследник Цесаревич вместе с Принцем Георгием Греческим, отправились на фрегат «Память Азова», чтобы перед выездом из Бомбея навестить Великого Князя Георгия Александровича, здоровье которого не вполне поправилось. Их Высочества пожелали совершить поездку инкогнито, почему для переезда до пристани был приготовлен наёмный экипаж, запряженный парою. У пристани Высоких Путешественников ожидал русский военный катер. Пробыв на фрегате около 3-х часов, Наследник Цесаревич возвратился в город, а после полудня была предпринята Его Императорским Высочеством, в сопровождении Принца Георгия Греческого и губернатора, поездка по туземным кварталам Бомбея. Эта поездка была совершена равным образом инкогнито, в наёмном экипаже, благодаря чему Высокие Путешественники получили возможность совершенно свободно осмотреть весьма много из того, что туземный город представляет любопытного. По базарам, где народ обыкновенно толпится, приходилось ехать шагом, и Их Высочества могли видеть представителей различных народностей, населяющих Бомбей или его посещающих. На углу Эспланада-Роуд Путешественники остановились, чтобы посмотреть на молодых парси (последователей религии Зороастра), игравших в криккет. Затем, новая остановка была сделана у Альблес-Баг, где празднуются обыкновенно браки парсиев. Августейшие Путешественники имели возможность посмотреть на одну из таких церемоний, в которой участвовало от двух до трех сот последователей Зороастра в их обычных белых одеждах; приблизительно такое же число женщин, одетых в шелковые ярких цветов ткани, обшитые золо-

тыми и серебряными галунами, и украшенных драгоценностями, сидело у окон домиков, расположенных по обе стороны Бага. Поездка была окончена в $6^1/_2$ часов пополудни.

После обеда, в $9^1/_2$ часов, Наследник Цесаревич и Принц Георгий Греческий со Свитой перешли в центральную залу и там выразили его Превосходительству губернатору и его супруге Свою искреннюю благодарность за оказанное Им гостеприимство. Леди Гаррис проводила своих Высоких Гостей до крыльца и там простилась с Ними, после чего Августейшие Путешественники отправились на железнодорожную станцию в том самом порядке, в коем состоялось Их прибытие в Губернаторский Дом. Наследник Цесаревич сел вместе с губернатором в экипаж, эскортируемый конвоем. На станции Их Высочества были встречены старшими военными чинами и железнодорожным начальством. В главной зале станции Их Высочества простились с офицерами русской эскадры и затем вышли на платформу, куда посторонняя публика не была допущена. Вся платформа была устлана красным сукном, и вдоль её были расставлены, с одной стороны, чины железнодорожной полиции, а с другой, служители губернатора в красных ливреях, белых турбанах и белых же поясах. Благодаря заботам г. Миддельтона, начальника местного железнодорожного управления, экстренный поезд был устроен со всеми возможными удобствами; он состоял из шести вагонов-салонов, одного вагона 2-го класса, двух 3-го класса и двух багажных. Первый вагон был предназначен для Наследника Цесаревича и Принца Георгия, а остальные вагоны-салоны для лиц свиты. В вагоне 2-го класса поместились: пять европейских служителей и четверо туземных ординарцев, а в вагонах 3-го класса — остальные служители в числе 25 человек.

Простившись с его превосходительством губернатором, Высокие Путешественники заняли свои места, и в $10^1/_2$ часов вечера поезд двинулся под главным управлением г. Миддельтона. В поезде находились и гг. Сконнель, начальник уездной полиции, и Джефферис, заведующий пассажирским движением.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1004. Перевод с англ., современный оригиналу.

Примечания

[1] Цесаревич Николай Александрович Романов (1868—1918), старший сын Александра III. Последний российский император (1894—1917).

[2] Великий князь Георгий Александрович (1871—1899) — сын Александра III, брат Николая II.

[3] Имеется в виду министр иностранных дел России Н.К.Гирс.

[4] Первым министром правительства Великобритании был лорд Солсбери.

[5] Имеется в виду Фельдман Федор Александрович. См. док. № 109, примеч. 9.

[6] Данилович Григорий Григорьевич (1825—1905), генерал-адъютант, состоял при особе Его Императорского Высочества, воспитатель наследника, Николая Александровича.

[7] Воейков Александр Иванович (1842—1916), русский метеоролог и географ, член Императорского русского географического общества с 1866 г. Профессор С.-Петербургского университета, автор плана путешествия наследника по Индии и Японии.

[8] Ломен Н.Н. (1843—1909), капитан 1-го ранга, командир фрегата «Память Азова», на котором совершалось путешествие наследника Николая.

[9] Послом России в Англии с 1884 по 1902 г. был Егор Егорович Стааль.

[10] Барятинский Владимир Анатольевич, князь, флаг-адмирал при Александре II, генерал-майор Свиты Александра III, входил в свиту наследника Николая.

[11] Оболенский Николай Дмитриевич, князь, входил в свиту наследника, позднее управляющий Кабинетом Николая II.

[12] Кочубей Виктор Сергеевич, князь, адъютант при Его Императорском Высочестве Государе Наследнике Цесаревиче с января 1891 по октябрь 1894 г.

[13] Ухтомский Эспер Эсперович (1861 г. рожд.), князь, публицист и поэт, окончил курс историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Совершил несколько путешествий по Сибири и Средней Азии. В 1890—1891 гг. сопровождал наследника российского престола Николая в его путешествии на Восток. Свои путевые впечатления изложил в книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891», изданной в России и переведенной на языки немецкий, французский и английский.

[14] Уоллас Мэкензи (Валлас М.) см. док. 109, примеч. 12.

[15] Одна из газет, восхваляя русский флот, писала о его роли в возможном завоевании Индии. Александр III на этой статье начертал: «Верно, дельно сказано, но теперь не время об этом рассуждать, т.к. Цесаревич в эту минуту в Индии». — См.: Три последних самодержца. Дневник А.В.Богданович. М.—Л., 1924, с. 133.

[16] Город Ахмадабад, ставший столицей Гуджарата, был основан султаном Ахмад-шахом в 1411 г.

[17] Автор имеет в виду правителя Гуджаратского султаната Кутб-уд-дин Ахмад-шаха II (1451—1458).

[18] «Bibelots» — книги миниатюрного формата, безделушки.

[19] Тадж Махал — выдающийся памятник индийской архитектуры, мавзолей, построенный императором Шах Джаханом его жене Мумтаз-Махал (1630—1652), расположен в 2 км от Агры. После смерти Шах Джахана (1666) его гробница также была установлена в Тадж Махале.

[20] Автор ошибается: старинное название Бенареса — Варанаси.

[21] Автор имеет в виду: *Гебер Г.* Английская Индия. Из путевых записок Г.Гебера, епископа калькуттского. — Атеней. М., 1829, № 2, с. 141—168.

[22] Принц Уэльский посетил Бенарес в 1875 г.

[23] Лэнсдоун — вице-король Индии в 1888—1894 гг.

[24] Эллиот Чарльз — генерал-губернатор Бенгалии.

[25] Принц Георгий Греческий — Георгий Георгиевич (Джорджи), королевич греческий, сын великой княгини Ольги Константиновны и Георга I, короля Греции, троюродный брат Николая II.

№ 135—136

20 марта 1895 г. — 29 мая 1895 г. Документы о торговле керосином и рисом между Россией и Индией и о пошлинах, взимаемых с этих товаров

№ 135

20 марта 1895 г. — Письмо министра финансов действительного тайного советника С.Ю.Витте[1] министру иностранных дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому[2] о торговле с Индией и о пошлинах, взимаемых с экспортируемого керосина и импортируемого риса

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Наиболее значительным из всех азиатских рынков для сбыта керосина является, как видно из данных торговой статистики, Индия. Потребление керосина в этой стране с каждым годом увеличивается и за последние 12-ть лет возросло в $7^1/_2$ раз. До недавнего времени индийским рынком нераздельно владела Америка, но в последние 6 лет она встретила там сильную конкуренцию со стороны

русских импортеров, причем победа, по-видимому, клонится теперь на нашу сторону: привоз керосина из России увеличивается, а из Америки сокращается, и, может быть, уже недалеко то время, когда американцы должны будут уступить нам индийский рынок.

С другой стороны, Индия, как известно, занимает первое место в ряду стран, вывозящих рис. Статистические данные свидетельствуют, что в Индии ежегодно оказывается весьма значительный избыток риса, причем его возделывание все-таки не сокращается, а постоянно развивается, а следовательно, все более ощущается необходимость позаботиться об открытии новых рынков для сбыта этого продукта. Между тем, ост-индский рис, вывозимый в громадных количествах во все европейские государства, почти не ввозится в Россию вследствие высокой таможенной пошлины (40 коп. зол. с пуда на рис в шелухе), лишающей его возможности конкурировать с рисом персидским, который на основании Туркманчайского договора 1828 года[3] оплачивается у нас ввозною пошлиною только в 5% ad valorem*.

Желая оказать содействие сбыту нашего керосина на индийском рынке, я, со своей стороны, был бы готов согласиться на некоторое понижение вышеуказанной пошлины нашего таможенного тарифа на рис необделанный (в шелухе), взамен соответствующего понижения взимания в Индии ввозной пошлины с керосина, что открыло бы ост-индскому рису доступ на наши рынки и, таким образом, вероятно доставило бы индийской торговле выгоды, равносильные тем, какие могли бы быть приобретены нами в Индии при более льготных условиях ввоза нашего керосина в эту страну.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не признаете ли Вы возможным вступить с великобританским правительством в переговоры по содержанию сего письма и о последующем не оставить меня уведомлением.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

С.Витте

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1111, л. 1—3. Подлинник.

№ 136

29 мая 1895 г. — Письмо российского посла в Лондоне Е.Е. де Стааля министру иностранных дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому о реакции великобританского правительства на предложение, о снижении пошлин на ввозимый в Индию керосин

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Отношение Вашего Сиятельства от 29 марта за № 1439 я имел честь получить своевременно и не преминул тогда же обратить внимание здешнего министра иностранных дел[4] на готовность министра финансов понизить нашу тарифную пошлину на необделанный рис взамен соответственно понижения взимаемой в Индии ввозной пошлины с керосина.

---

* Ad valorem (*лат.*) — сообразно цене, по стоимости.

Только что полученною ответною нотою граф Кимберлей извещает меня, что, по мнению великобританского правительства, продукты Индии в силу 2 ст. договора, заключенного между Россией и Великобританией 12 января 1859 года[5], должны быть допускаемы в Россию по тарифу, существующему для наиболее благоприятной нации, а потому и индийский рис может подлежать только такой пошлине, какая взимается с риса персидского.

Далее великобританский министр иностранных дел обращает мое внимание на ничтожный размер торговли рисом в сравнении с керосином. По сведениям, доставленным ему Министерством Индии, торговля эта за последние 4 года выражается следующими цифрами:

	Керосин, полученный из России	Рис, отправленный в Россию
	Рупии	Рупии
1890—91	858 000	0
1891—92	1 128 000	0
1892—93	1 488 000	5 500
1893—94	1 268 000	0

Наконец, граф Кимберлей заявляет, что если понизить пошлину на русский керосин, то пришлось бы сделать такое же понижение и для американского, которого за последние 4 года получено 103 000 000 галлонов, тогда как из России только 100 000 000.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Сиятельства, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, принять уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Сталь

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1111, л. 5—6 и об. Подлинник.

Примечания

[1] Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, министр финансов в 1892—1902 гг.

[2] Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896), князь, государственный деятель, дипломат, в 1882—1895 гг. — посол в Вене, 1895—1896 гг. — министр иностранных дел.

[3] Туркманчайский договор 1828 г. между Россией и Ираном был заключен после окончания русско-персидской войны 1826—1828 гг., приложением к этому договору был трактат о торговле, по которому русская сторона получала некоторые льготы.

[4] Кимберли Д.Б. (1862—1902), граф, английский государственный деятель, министр иностранных дел в 1894—1895 гг.

[5] Трактат о торговле и мореплавании между Россией и Великобританией был подписан в Санкт-Петербурге 12 января 1859 г. В нем было провозглашено равенство взимания пошлин с российских товаров, так же как с товаров других государств, ввозимых в пределы владений британской короны (ст. II).

№ 137—141

21 июня 1895 г. — 1897 г. — Документы о командировке в Индию поручика А.И.Выгорницкого[1] для изучения языка хиндустани

№ 137

21 июня 1895 г. — Письмо начальника Военно-ученого комитета Н.Н.Обручева министру иностранных дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому о необходимости изучения языка хиндустани

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Государю императору благоугодно было дать Высочайшие указания о необходимости предоставить офицерам Туркестанского военного округа и Закаспийской области изучать индусские наречия.

В Индии наиболее распространен язык индустани, на котором говорят 85 млн. населения[2] и издается много газет и журналов.

У нас совсем нет преподавателей этого языка, и только в Ташкенте и Бухаре нашлись индийские купцы, изъявившие готовность давать уроки нашим офицерам.

Так как эти индусы знают язык только практически и не обладают достаточным знанием русского языка и грамматики, чтобы подготовить преподавателей, то 3-го сего июня мною испрошено было высочайшее разрешение на командирование Осовецкой крепостной артиллерии поручика Ягелло[3], кончившего курс восточных языков, на 2 года в Париж в специальную школу живых восточных языков, где имеется кафедра индустани и куда допускаются вольнослушатели.

Вместе с сим последовало Высочайшее повеление предоставить назначенному в распоряжение командующему войсками Туркестанского военного округа 76-го пехотного Кубанского полка поручику Выгорницкому необходимые средства на плату за уроки местному учителю индустани в Ташкенте или Бухаре.

В настоящее время с приездом г. Лессара[4] выяснилось, что поручику Выгорницкому удобнее всего учиться индустани в Бухаре. С этою целью барон Вревский[5] полагал бы командировать туда Выгорницкого в виде опыта на 1 год с причислением к нашему консульству, если на это последует разрешение Вашего Сиятельства.

Покорнейше прошу не отказать мне в заключении Вашем по сему предмету и принять уверения в совершенном моем почтении и преданности

Н.Обручев.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 357, л. 2—3. Подлинник.

№ 138

5 июля 1896 г. — Письмо военного министра П.С.Ванновского министру иностранных дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому о командировании поручика А.И.Выгорницкого в Индию

Секретно.

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

Имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что Государю Императору 26 минувшего июня благоугодно было Высочайше соизволить на командирование: 1) 76-го пехотного Кубанского полка поручика Выгорницкого на 10 месяцев

в Центральную Индию для усовершенствования в языке индустани и 2) 2-й гренадерской артиллерийской бригады штабс-капитана Гильфердинга[6] в Бухару для изучения названного языка при помощи живущих там уроженцев Индии.

Согласно письму Вашего Сиятельства от 18-го прошлого июня за № 3083 поручику Выгорницкому приказано будет во время своего пребывания в Индии соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не возбуждать подозрительности местных англо-индийских властей.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Петр Ванновский.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 357, л. 8. Подлинник.

№ 139

15 января 1897 г. — Письмо преподавателя языка хиндустани Сайеда Мухаммада Шарафуддина из Мадраса об успехах в изучении этого языка поручика А.И.Выгорницкого

Сим удостоверяется, что за короткий срок, который уделил господин Александр Выгорницкий изучению языка хиндустани под моим руководством, я нашел его знания этого языка выдающимися для иностранца. Быстрота его речи, употребление идиоматических выражений, грамматика по-настоящему замечательны. Не будет преувеличением сказать, что за 30 лет моего преподавания я не встречал ни одного европейца, который мог бы сравниться с ним в знании языка и литературы хиндустани. К сожалению, господин Александр Выгорницкий не может долее находиться в Мадрасе. Если бы он смог задержаться и экзаменационные правила, которые применяются здесь, позволили бы на публичном экзамене проверить его знания языка хиндустани, то он не только успешно, но и с отличием выдержал бы его и даже получил бы медаль. Я рад, что мне предоставлена возможность удостоверить его достижения в разговорном хиндустани. Я мог бы только пожелать иметь учеников его уровня среди моих студентов в Южной Индии.

Сайед Мухаммад Шарфуддин,
мунши персидского и хиндустани языков,
Мадрас, издатель и владелец «Хиндустани мунши»,
Мадрас

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1897, д. 61, л. 128—129. Автограф. Перевод с англ. составителя.

№ 140

4 марта 1897 г. — Рапорт поручика А.И.Выгорницкого управляющему делами Военного-ученого комитета[7] о его командировке в Индию

Доношу Вашему превосходительству ход моих занятий языком индустани (орду) в Индии, куда я был командирован по высочайшему повелению после окончания курсов восточных языков и года пребывания в Бухаре для той же цели.

Первое время в Индии я изучал упомянутый язык в Калькутте. Калькутту выбрал оттого, что там находятся все необходимые учебники и «мунши» — филологи-преподаватели, там же, а также в Бомбее и Мадрасе находятся экзаменационные комиссии яз[ыка] индустани для англичан, желающих получить соответствующую государственную должность, а потому в этих городах сосредоточены все данные для изучения яз[ыка] индустани. Это дало мне возможность познакомиться в упомянутых трех городах с английскими учебниками языка индустани. Нужно отдать справедливость, что англичане много сделали на этом поприще. Лучшие учебники (доктора Ренкина[8] и др.) приобретены мною и пройдены с преподавателем. Один из таких моих преподавателей (в Бомбее) был прежде учителем одного из английских деятелей по части преподавания и издания учебников яз[ыка] индустани (доктор Ренкин). Упомянутые учебники могут служить пособием для преподавания на курсах восточных языков. Англичане бесспорно в деле составления учебников сделали больше, чем какая-либо другая нация, прежде всего потому, что это их родное дело — знание языка своей колонии.

После Калькутты я отправился на север — на родину яз[ыка] индустани — Бенарес, Дели. Здесь я имел практику яз[ыка] инд-ни с гидами (путеводителями), объяснявшими историю памятников, последнее восстание и т.п. В Калькутте и Бомбее я посещал местные театры — драма и фарсы на чистом яз[ыке] индустани. После севера несколько недель я прожил в Бомбее в период сильнейшего разгара чумы. Парсы и мунши говорят здесь на чистом яз[ыке] индустани. Вообще же язык здесь смешанный с яз[ыком] гудзерати и английским.

Кроме учебников мною было прочтено несколько газет на яз[ыке] индустани, прочтено 250 страниц текста «Багобахар»[9] — излюбленное произведение англичан на экзамене в Индии, а также прочтена часть произведения «Байтаив-Пачиси» — писанное шрифтом деванагари (санскритским) и испещренное словами «инди»[10]. Из Бомбея по дороге в Мадрас прожил несколько дней в Гейдарабаде Низама (Декан). В Мадрасе, как и в других городах, я имел слугу, говорящего на яз[ыке] индустани. Практически я настолько усвоил язык, что мог изъясняться как с «кулиями» (чернорабочими), так и с интеллигентными индусами (раджами), о чем свидетельствует редактор газеты в Мадрасе — мой преподаватель, его отзыв обо мне при сем прилагаю. Его газета приноровлена для изучения яз[ыка] индустани. 20 таковых экземпляров я привез для курсов восточных языков.

В Индии же мною составлена грамматика яз[ыка] индустани (на русском языке) 200—300 страниц[11]. Основанием служили лучшие английские грамматики. Французские и немецкие грамматики не заслуживают особенного внимания — таково мнение профессора яз[ыка] индустани в Париже. В упомянутой моей грамматике кроме синтаксиса и этимологии приведены 40 страниц мелких рассказов на яз[ыке] ин-ни со словарем употребительнейших слов и санскритский алфавит. Ваше превосходительство дадите мне возможность издать в печати

упомянутую мою грамматику в течение этого лета. Я смею думать, что она будет удовлетворять требованиям изучения яз[ыка] индустани — вмещая в себя в то же время и учебник. Если Вашему превосходительству угодно будет поручить мне летом составить пособие яз[ыка] индустани для преподавания на курсы вост[очных] языков, то имеющиеся у меня английские учебники дадут мне возможность исполнить возложенное на меня поручение. У меня есть также материал для составления словаря и фраз специально военного характера.

Позволю себе изложить мой взгляд на преподавание яз[ыка] индустани на курсе восточных языков при учебном отделении[12]. Мое пребывание на упомянутых курсах в течение трех лет, изучение языка индустани в Бухаре и изучение такового же в Индии дает мне право рассчитывать, что Ваше превосходительство отнесетесь с доверием к моему выводу, который и представляю на Ваше благоусмотрение.

Язык индустани должен главным образом проходиться систематически на курсе восточных языков, хотя в то же время будет польза изучать его в Туркестане желающими офицерами, хотя последнее — смело выразить, будет иметь характер случайный и нефундаментальный. Язык индустани, как язык, состоящий из 75% слов персидских и арабских[13], должен проходиться совместно с этими языками; прошедшие один год на курсе восточных языков незаметно для самих себя уже владеют словами яз[ыка] индустани, а потому при знании грамматики они в состоянии применить их знание на новой почве. Если явится необходимость изучать яз[ык] индустани в Туркестане, то тем более необходимо изучать таковой на курсе восточных языков, где все данные, чтобы облегчить таковое изучение. Для преподавания придется прибавить лишний год, хотя можно ограничиться и тремя годами, помня, что всякое вновь приобретенное слово в персид[ском], турец[ком] и арабском языках составляет неотъемлемую собственность в яз[ыке] индустани. Учебники я представлю в течение этого лета. Преподаватель должен быть знаком с английским языком, ибо вся лучшая английская учебная литература — на английском языке, чтобы преподаватель мог следить за последними новыми учебниками и пособиями яз[ыка] индустани.

Указывая возможность в сентябре месяце сего 1897 г. начала преподавания яз[ыка] индустани на курсе вост[очных] языков, я имею смелость предложить свои услуги как преподаватель яз[ыка] индустани. Насколько выполнено возложенное на меня поручение в Индии, предоставляю судить Вашему превосходительству.

Попутно мною собраны в Индии сведения экономические и политические относительно необходимости учреждения генерального консульства в Индии. Кроме того считаю долгом донести Вашему превосходительству, что при мне находятся документы за подписью влиятельных индусов (Цейлона и Южной Индии) и нашего консула на Цейлоне[14], где выражено желание индусов (около 15 000) принять православие. Но так как это не входит в программу возложенного на меня поручения, то не осмеливаюсь таковые сведения представить Вашему превосходительству.

Поручик Выгорницкий.

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1897, д. 61, л. 126—127 об. Автограф.

№ 141

1897 г. — Записка поручика А.И.Выгорницкого о необходимости учреждения генерального консульства в Индии

Записка о необходимости учреждения генерального консульства в Индии (Бомбее), составленная прикомандированным к Главному штабу 76 пехотного кубанского полка поручиком Выгорницким по словесному приказанию начальника Главного штаба[15].

Две главные причины побуждают учредить консульство в Индии (Бомбее)*. Первая причина экономического характера, вторая чисто политического.

Мне приходилось слышать, что консульства нет в Индии оттого, что там нет нашей торговли, а от русских коммерсантов приходилось узнавать, что торговли нет в Индии потому, что там нет русского консульства.

Так, представитель чайной фирмы Лушина в Китае П.Собеняков[16] высказывал желание фирмы завести торговые дела и основаться в Бомбее. Для этой цели хотел ехать в Индию, но временно отложил такое решение, ибо думает, что благодаря отсутствию русского консульства ему не удастся собрать необходимые для предприятия сведения, а получение таковых неофициально от англичан — ничем не гарантировано, что они будут правильными, а это отразится на решении вопроса в ту или иную сторону. Тем не менее упомянутая компания плана относительно торговли в Индии не бросила, но отложила, в надежде, что консульство в Бомбее не в этом, так в будущем году будет основано, и между фирмою и Ташкентом по этому поводу была переписка. Результаты мне неизвестны. Упомянутый представитель фирмы не может не знать, что в Бухару ежегодно привозится индусами на 4 000 000 рублей** индийского чая, а потому он не может не желать, чтобы тот же чай в будущем вывозился русскими. Может быть, этот представитель и не прав относительно взглядов о необходимости консульства в Индии для решения торговой задачи его фирмы, но результат тот, что по причине отсутствия такового консульства в Индии фирма Лушина в Индию своих дел не переносит.

Упомянутый случай не единичный. В декабре прошлого года 1896 г. приехал в Индию агент по продаже нефти Мирабов. Русского керосина в Индию идет средним числом десять пароходов в месяц по 120 000 ящиков в каждом, весом в 200 000 пудов керосина, стоимостью в Батуме 180 000 рублей каждый, продается же в Индии по 260 000 рублей каждый пароход нефти. Привозится и продается русский керосин из Батума исключительно англичанами на английских пароходах.

Соучастник Ротшильда по нефтяной торговле А.Манташев пожелал лично вывозить русский керосин на русских пароходах. Для предварительного ознакомления с делом он и послал в Бомбей агента Мирабова. Упомянутый агент был убежден, что при приезде в Бомбей легко соберет все необходимые сведения у русского консула, но приехавши в Бомбей и узнавши, что русского консульства в Индии нет, и не владея основательно английским языком, встретивши несколько маловажных препятствий, был уже готов вернуться в Россию, и по-

---

* Как в политическом и экономическом центре ближайших к нашим владениям провинций Индии (*примеч. автора*).

** Цифра эта получена в русской таможне в Бухаре (*примеч. автора*).

пытка богатого торгового дома везти нефть в Индию так бы и не удалась. Но упомянутому агенту помогли случайные знакомые — парсы, португальцы и армяне. Собравши необходимые сведения, но не особенно правильные, агент поехал в Калькутту. Здесь ему удалось познакомиться с индусами, занимающимися торговлею нефтью, они выразили сильное желание покупать таковую нефть из русских рук, хотя целыми пароходами. Поездка упомянутого агента показала, что фирма Манташева смело может привозить в Индию по два парохода с нефтью в месяц, т.е. на $^{1}/_{2}$ миллиона рублей ежемесячно, иначе говоря, по 6 000 000 руб. в год. Собственные пароходы названной фирмы должны отправиться в Индию первым рейсом не позднее сентября 1897 г.

Фирма вправе предполагать, что она может вытеснить англичан на поприще торговли нефтью, ибо она может без ущерба себе продавать керосин дешевле, чем это делают англичане. Я не говорю уже, что при антагонизме между индусами и англичанами первые всегда предпочтут брать керосин у русского, если бы была стоимость даже одинакова. Не удайся план агента упомянутой фирмы, не осуществилось бы крупное торговое дело, и причиною было бы отсутствие консульства в Индии.

Следующий случай характеризует, как может парализоваться частная инициатива благодаря случайностям, которые не имели бы места, если бы было русское консульство в Индии.

Есть в Бомбее контора Eduljee B.Parekh для ввоза и вывоза разных товаров в Европу. Вот уже два года упомянутый Парек хочет привозить из России позументы, галуны и золотошвейные работы, которые в большом ходу у индусов, главным образом среди женщин. Упомянутые товары привозятся в Индию фирмою Volkart Brothers из России и Германии через Лондон. Парек никак не может добыть адресов русских фабрикантов позументов и золотошвейных работ. Парек, желая во что бы то ни стало добиться адреса таковых фабрикантов, обратился к проезжему русскому, последний дал ему адрес русской золотопромышленной фирмы в Сибири наследников Демидова. Парек, потерявши много времени, получил ответ от фирмы, что она позументов не делает, а добывает золото. Так и бросил Парек попытку завести торговлю с русскими фабрикантами, пока в этом году не получил адресов от другого русского. Дальнейшие результаты его попытки мне неизвестны. Русское консульство в Индии дало бы возможность индусам, ищущим связи с русскою промышленностью, познакомиться с таковою. И Парек давно бы нашел адрес русских фабрикантов, и не одна бы тысяча индусских денег пошла в Россию за русские позументы.

Я указал только те случаи, на которые я наткнулся в самой Индии, имея специальную цель — изучение местного языка. Специалист, может быть, посмотрел бы еще шире на могущие представиться данные в пользу учреждения консульства в Индии. Может быть, он направил бы в Индию русский хлеб, который должен быть дешевле, чем американский. Может быть, специалист указал бы на Индию, как на желанный рынок в будущем, но мне как неспециалисту кажется, что указанных причин достаточно, чтобы прийти к заключению о необходимости русского консульства в Индии, если желательно развить и поддержать частную инициативу в деле развития торговых сношений с Индией, а что таковые инициативы существуют, то в том свидетельствуют упомянутые случаи. Будет основано консульство — разовьется и торговое сношение с Индией.

Теперь я постараюсь указать причины политические, вследствие которых также желательно учреждение консульства в Индии (Бомбее).

Лицу, прожившему полгода в Индии, проехавшему ее по разным направлениям, говорящему на местном языке — индустани, говорившему с индусами-

пешаверцами в Бухаре, позволительно взять на себя смелость рассчитывать, что его мнение относительно политического положения в Индии и некоторое знание общего настроения народа в этой стране заслуживает до известной степени доверия.

Индусы благодарны англичанам за проведение железных дорог, телеграфов, каналов и ведение общественных учреждений, но они их ненавидят за презрительное отношение к ним, они не забудут 1857 год и не простят тех жестокостей, с какими расправлялись англичане с индусами при усмирении последнего восстания. В то же время они крайне симпатизируют России — это не утопия, а факт. Таково между прочим мнение президента общества[17], основанного в Индии 20 лет тому назад, получившего обширное распространение во всей Индии и породившего Национальное собрание[18]. Трудно допустить, чтобы таковая личность, владеющая, можно сказать, душою каждого из многочисленных членов этого общества, ошибалась в своем взгляде. Общество это состоит из образованнейших представителей всех каст и народностей Индии, которые в свою очередь, влияя на массу, представляют из себя людей, знающих общее настроение толпы, и эти личности (у меня было много знакомых теософов с высшим образованием) подтверждают мнение своего президента. Но и не одни теософы высказывали мне свои симпатии к России. В Бенаресе, Агре, Калькутте — везде мне говорили одно и то же. Англичане сознают невольное тяготение индусов к России и стараются как можно сильнее очернить ее и наше правительство, не гнушаясь никакими средствами. Издаются, например, специально для народа книги с целью выставить Россию в самом неприглядном свете. В последнее время очень распространена в Индии книга «Россия и ее народы», написана англичанином в 1895 г. Вышла уже вторым изданием. Цена 7 коп. нашими деньгами. Из этой книги индусы должны узнать, что существует крайне деспотическое государство, где народ сильно обременен налогами, где всякого приезжего индуса спросят, где его паспорт, и как не имеющего такового сошлют тотчас в Сибирь, где он через несколько дней замерзнет (при этом описываются подробно все ужасы замерзания). Узнает из этой книги индус также, что религия наша, подобно индусской, заслуживает порицания. И много еще другой лжи помещено в этой книге, не забыли, конечно, и русское правительство. Автор говорит, что если когда-либо русские и заменят англичан в Индии, то тогда индусы попадут из огня да в полымя. Из беседы с индусами об этой книге выяснилось, что они в большинстве случаев не верят, хотя встречались и введенные в заблуждение, например, даже один доктор медицины в Бомбее. Но индусам некому сказать правду. Англичане распространяют сведения, что Россия не такая могущественная и богатая держава, как о ней думают индусы, как доказательство, они указывают на отсутствие представительства в Индии, где есть представители Турции, Португалии и других второстепенных держав. Такими средствами англичане хотят подорвать наш престиж в Индии. Русское консульство в Индии легко могло бы противодействовать распространению этих лживых и вредных для нашего престижа в Азии сведений. В Индии живо расходятся слухи, особенно имеющие официальный источник. До сих пор же правдивые сведения о России индусы получают только понаслышке от редких путешественников. Благодаря отсутствию консульства англичанам представляется возможность чернить в Индии имя России.

Живя в Индии, легко заметить, как индусы враждебно относятся к англичанам. Факты, характеризующие таковые отношения, освещаются английскою печатью по-своему. Один из наиболее самостоятельных раджей — раджа Индора[19] не терпит англичан, никогда не ездит на поклон к императрице Индии и при

всяком удобном случае высказывает свою ненависть. Говорят, что у него войска живут неофициально целыми военными поселениями и что он не признает их пред английским правительством за своих солдат и таким образом содержит армию больше установленной. Присутствие русского консульства в Бомбее оказывало бы косвенно нравственное влияние на стремление таких раджей к большей самостоятельности и таким образом осложнило бы англичанам задачу умиротворения Индии. В Индии всегда бродили и бродят умы народов, индусы знают, что их завоевывали арабы, афганцы, греки, англичане — с последними они особенно не мирятся и естественно предполагают, что и англичане когда-нибудь сойдут со сцены. В Индии существует убеждение, что таковой переворот близок и признаками тому считают появление национального собрания и начавшееся соединение в одно целое разрозненных до сих пор каст на почве новой индусской философии — теософии. Не лишнее следить непосредственно, например, чрез консулов за развитием этих явлений в Индии. По английским источникам судить нельзя: невыгодному для себя факту они придают другую окраску и истинная причина останется неузнанной. В Индии есть за чем следить, например, развитие теософического общества, непосредственно связанного с соединением в одно целое во имя братской любви различных каст, разрозненность между которыми только и помогала англичанам, — постоянно возрастающие требования национального собрания.

Со стороны англичан не может быть затруднений: право основать консульство мы имеем, ибо в Бомбее есть представители всех держав.

В Азии, где внешность имеет громадное значение, важно, чтобы представительство было обставлено возможно широко, не жалея средств, которые во всяком случае окупятся последствиями важными как в торговом, так и политическом отношении.

поручик Выгорницкий

Надпись на 1-й стр. документа: Сообщить министру иностранных дел[20]. Подкрепить эту записку нашими соображениями, мы ведь давно намечали, правда, не о Бомбее, а о Пешаваре.

Ванновский.

Но лучше представить на высочайшее воззрение.

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1897, д. 61, л. 120—122 с об. Подлинник.

Примечания

[1] Выгорницкий Александр Иванович (1868 — после 1917) окончил Симбирский кадетский корпус, вступил на военную службу в 1886 г. В 1892—1895 гг. окончил офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД и был командирован в Бухару для изучения языка урду. С февраля 1896 по август 1897 г. жил в Индии. С 1897 г. — преподаватель языка хиндустани на курсах при штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте. Принимал участие в боях в период 1-й мировой войны, в январе 1917 г. в чине полковника командовал 1-й Туркестанской стрелковой бригадой (РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 12442, л. 1—14).

[2] По переписи населения Индии 1891 г. на языке хиндустани говорили 85,67 млн. человек.

[3] Ягелло Иван Дионисьевич (1865—1943?) окончил Псковский кадетский корпус, археологический институт и полный курс восточных языков при МИД, на военной службе с 1884 г., в 1895—1897 гг. изучал язык хиндустани в Париже в Школе живых восточных языков, в 1897—1899 гг. преподавал хиндустани в Ашхабаде. В 1900—1917 гг. был прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа для преподавания в Ташкенте (РГВИА, ф. 409, д. 153—063 [1917], л. 13—18),

автор нескольких работ (в том числе: Полный персидско-арабско-русский словарь. Составил полковник И.Д.Ягелло. Ташкент, 1909) и переводов с хиндустани.

4 Лессар Павел Михайлович (1851–1905) окончил курс наук в Институте инженеров путей сообщения и поступил на службу в Министерство путей сообщения, в 1880–1884 гг. определен на службу в Главный штаб в Закаспийском крае, с 1884 г. – чиновник МИД, в 1890–1895 гг. политический агент в Бухаре, 1896–1900 гг. – советник посольства в Лондоне, 1901–1905 гг. – Чрезвычайный посланник и Полномочный министр в Пекине.

5 Вревский Александр Борисович (1834–1910), барон, генерал от инфантерии, в 1890–1898 гг. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, до 1906 г. – член Военного совета.

6 Гильфердинг Александр Федорович (1862 – после 1912), поступил на военную службу в 1880 г. воспитанником Нижегородской военной гимназии, в 1893–1896 гг. учился на курсах восточных языков при учебном отделении Азиатского департамента МИД, в 1897–1898 гг. командирован в Индию для изучения языка хиндустани. В 1900–1912 гг. до своей отставки служил в различных должностях в Михайловской артиллерийской академии (РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 5554).

7 Управляющим делами Военно-ученого комитета в 1896–1900 гг. был генерал-майор Василий Устинович Соллогуб (1848 – после 1909), в 1909 г. был произведен в генералы от инфантерии и ушел в отставку.

8 *Ranking G.* A Guide to Hindustani. Calcutta, 1895; *он же.* Introductory Exercises in Urdu Prose Composition. Calcutta, 1896.

9 Имеется в виду произведение Мир Аммана «Баг-о бахар» («Сад и весна»), вышедшее в 1802 г.

10 Автор имеет в виду перевод на урду двух произведений санскритской прозы Веталапанчавиншати («25 рассказов Веталы», пер. и предисл. И.Серебрякова, М., 1958) и Викрамачарита («Жизнь Викрамы, или 32 истории царского трона», пер. с санскрита, предисл. и прим. П.А.Гринцера, М., 1960). Числительные, входящие в полные названия этих книг, составили название перевода.

11 *Выгорницкий А.* Грамматика языка индустани или урду, составленная по английским источникам Плятта и Форбеса. СПб., 1897, литография; *он же.* Пособие для изучения языка индустани (урду) и военный словарь русско-индустани. Ташкент, 1898.

12 А.И.Выгорницкий имеет в виду курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД, где хиндустани никогда не преподавался.

13 Язык хиндустани имеет две формы: «хинди» и «урду». В языке урду с арабской графикой много элементов персидского, арабского и тюркских языков. Однако они не составляют 75% словарного запаса.

14 В 1897 г. российским вице-консулом на Цейлоне (г. Коломбо) был Эдмон фон Фриш.

15 Начальником Главного штаба в 1897 г. был генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев (1830–1904).

16 А.И.Выгорницкий имеет в виду известного ташкентского купца Петра Алексеевича Собенникова (1860–1935), имевшего свою контору в г. Кяхта, а также его родственника купца А.И.Лушникова.

17 По-видимому, автор имеет в виду Теософское общество, основанное Е.П.Блаватской.

18 Под «Национальным собранием» А.И.Выгорницкий подразумевает партию Индийский национальный конгресс, буквально переведя это название на русский язык. Первый съезд этой партии состоялся в 1885 г. в Бомбее.

19 Правителем княжества Индор с 1886 по 1903 г. был махараджа Шиваджи Рао Холькар (1859–1908).

20 Министром иностранных дел в 1897–1900 гг. был Михаил Николаевич Муравьев (1845[46]–1900), с 1864 г. служил 1-м секретарем посольства в Париже, советником в Берлине, с 1893 г. – посланник в Дании. М.Н.Муравьев проводил активную политику на Дальнем Востоке. С его именем связано приобретение г. Порт Артура, Дальнего на Дальнем Востоке и другие крупные акции.

№ 142—144

17 февраля 1895 г. — 1899 г. — Документы о первой комплексной правительственной сельскохозяйственной экспедиции на Восток, в том числе в Индию[1]

№ 142

17 февраля 1895 г. — Инструкция для экспедиции, снаряжаемой удельным ведомством для изучения чайного дела[2]

Утверждена его Сиятельством и.д. Начальника
Главного Управления Уделов 17-го февраля 1895 г.

I. Цель экспедиции

1. Для изучения чайного дела и выяснения возможности и условий как культуры, так и производства чая во вновь приобретенном в Уделы[3] Чаквинском имении[4], Батумского округа, Главным Управлением Уделов командируется в чайные районы Китая, Индии и Японии, а также на остров Цейлон особая экспедиция из четырех лиц.

2. На экспедицию эту возлагается[5]:

а) изучение климатических, почвенных и иных естественно-исторических условий культуры чайного куста, а равно и других субтропических сельскохозяйственных растений, сопровождающих вышеозначенные чайные районы и могущих иметь практическое значение при разведении их в Чаквинском удельном имении;

б) подробное, во всех деталях, ознакомление с различными способами выделки разных сортов чая и обработки других, указанных в предыдущем пункте, субтропических растений;

в) точное выяснение применительно к условиям Чаквинского имения экономической и сельскохозяйственной сторон как чайного производства, так и других, подходящих для долины р. Чаквы (стоимость производства продукта, условия сбыта и т.п.).

3. Экспедиция обязана также озаботиться выбором, приобретением (в размерах, указанных особою сметою) и доставкой до Батума семян, саженцев и укоренившихся кустов чайного и других, подходящих для Чаквинской долины субтропических растений, а равно покупкою моделей необходимых орудий для обработки и материалов.

4. На обязанности экспедиции лежит равным образом наем в Китае, Японии и Индии и доставка затем до Батума рабочих и мастеров как для культуры чая и других растений, так и для выделки чая и обработки продуктов этих растений. Для этой цели должны быть выбраны люди, вполне хорошо ознакомленные с предстоящим им делом и представляющие по возможности наименее затруднения для передвижения их по семейному положению. В Китае должно быть нанято 5 человек (культиваторов и мастеров чая), в Японии — 4 человека (садовник и 3 специалиста по разным культурам) и в Индии или на острове Цейлон (где окажется более удобным) — также 5 человек (знающих преимущественно вы-

делку чая). При найме этих людей с ними должны быть заключены надлежащим порядком контракты, по возможности долгосрочные (лет на двенадцать), с принятием, если окажется нужным, обязательства доставить их, по истечении срока найма, на удельный счет обратно на родину, при условии добросовестного исполнения ими службы; при заключении контрактов им могут быть выданы, если понадобится, на счет особо назначенной по смете для сей цели суммы, задатки в размере до двухмесячного содержания на каждого рабочего или мастера[6].

5. При изучении разных культур и производств экспедиция имеет заняться также составлением коллекции образцов разных сортов чая и других субтропических растений, получаемых из них продуктов, образцов почв, врагов культуры (вредных насекомых и т.п.) и орудий производства, фотографических снимков как с отдельных предметов (растений и т.п.), так и с целых плантаций, с построек и машин, моделей машин и орудий, планов, чертежей, карт и т.п. предметов, которые должны служить для практического и наглядного уяснения особенности данной культуры или производства.

Примечание. Все собранные коллекции должны быть отправляемы для рассортирования в Петербург, в Главное Управление Уделов[7].

II. Состав экспедиции и обязанности ее членов

6. Экспедиция состоит из четырех лиц: Инспектора Кавказских удельных имений И.Н.Клингена[8], профессора географии Императорского Харьковского университета А.Н.Краснова[9], агронома В.О.Симонсона и сельского хозяина Г.Г.Снежкова[10].

7. Главное руководство экспедицией возлагается на г. Клингена, который и считается ответственным ее начальником. Профессор Краснов, имея свои специальные нижеуказанные (ст. 9) задачи, отправляется в качестве равноправного с г. Клингеном члена экспедиции, два же других лица, являясь непосредственными помощниками начальника экспедиции по исполнению возложенных на него обязанностей, подчинены г. Клингену.

8. К обязанностям г. Клингена относится:

а) главное руководство экспедицией и постоянное направление ее деятельности к возможно полному достижению поставленных ей задач (статьи 2—5 сей инструкции);

б) выяснение сельскохозяйственных и экономических условий культуры и обработки продуктов чайного куста, а также других субтропических сельскохозяйственных растений, пригодных для Чаквинского удельного имения;

в) изучение устройства чайных и других плантаций, организации работ, орудий производства и устройства и действия машин, употребляемых для выделки чая, а также для обработки продуктов других сельскохозяйственных растений;

г) определение стоимости и учет каждого производства, выяснение стоимости рабочей силы, орудий и машин и мест их приобретения, а равно выяснение условий сбыта продуктов и цен на них;

д) приобретение указанных в ст. 3 настоящей инструкции семян, саженцев, кустов, моделей и других материалов, а также наем, согласно ст. 4, рабочих, садовников и мастеров;

е) отправка приобретенных предметов и нанятых людей в Батум;

Примечание. Все вопросы, касающиеся приобретения семян, саженцев и других предметов (способ и место приобретения, выбор экземпляров, цена

и т.п.), а также выбора и найма людей, равно как и способов доставки приобретенных предметов и нанятых людей до Батума, должны решаться начальником экспедиции по подробном предварительном обсуждении каждого вопроса совместно со всеми членами экспедиции. При этом для своевременного приготовления в Чаквинском имении места для посадки или хранения семян, саженцев или кустов, высылаемых растений начальник экспедиции заблаговременно обязан посылать о каждой такой отправке надлежащее уведомление на имя Управляющего Чаквинским имением, в Батум, с подробными указаниями, как следует поступать с полученным грузом и что необходимо для него приготовить.

ж) составление технико-агрономических коллекций по культуре и выделке чая и других растений, пригодных для Чаквинского имения;

з) получение по кредитивам сумм, ассигнованных как на содержание экспедиции, так и на другие ее надобности, и выдача затем, по мере надобности, денег, причитающихся, согласно смете, отдельным членам экспедиции;

и) ведение денежной отчетности в израсходовании сумм, ассигнованных на экспедицию;

i) ведение краткого дневника экспедиции, с ежедневными записями в оном о деятельности членов экспедиции, посещенных ими местах и т.п.

П р и м е ч а н и е. По истечении каждых двух недель дневники экспедиции должны быть представляемы начальником ее в Главное Управление Уделов[11].

и к) составление общего отчета о результатах экспедиции и добытых ею данных, с присоединением соображений относительно возможности и условий разведения в Чаквинском удельном имении чайной и других субтропических культур, а также способов выделки чая и обработки продуктов других растений[12].

9. На обязанности профессора Краснова возлагается:

а) определение естественно-исторических условий культуры чая и других сельскохозяйственных субтропических растений, пригодных для района реки Чаквы; наблюдения над влиянием различных факторов на развитие чайного куста и других растений; выводы относительно наиболее благоприятных условий для будущих чайных и других плантаций на Чакве;

б) составление коллекций, относящихся до выяснения естественно-исторических условий чайной и других субтропических культур;

и в) составление отчета о результатах произведенных им определений и наблюдений, применительно к условиям Чаквинского удельного имения, с указанием на плане наиболее пригодных в этом имении мест как для разведения чайного куста, так и других субтропических культур.

10. Два помощника начальника экспедиции, имея в виду свою обязательную дальнейшую службу в Чаквинском удельном имении, в качестве подготовленных экспедицией специалистов как по культуре, так и по обработке продуктов чайного куста и других субтропических растений, должны ознакомиться во всех деталях с техническою стороною каждого производства, которое придется им изучать во время экспедиции, с целью применения затем полученных сведений на деле в Чаквинском имении. Пользуясь в этом случае общими указаниями как начальника экспедиции, так и профессора Краснова, они должны, независимо от сего, содействовать во всем начальнику экспедиции в осуществлении возложенных на него задач, исполнять даваемые им отдельные поручения, собирать сведения, вести записи, дневник, денежную отчетность, деловую переписку и т.п. Ближайшее распределение между ними обязанностей должно зависеть от начальника экспедиции[13].

III. Маршрут экспедиции

11. Экспедиция выезжает из России не позднее конца февраля 1895 г. (26-го), отправляясь из Одессы через Александрию в Бомбей. Апрель месяц посвящается изучению чайного производства (первый сбор чая) в Индии, на восточных Гималаях (Дарджилинг) и, если время позволит, то и в западных Гималаях. Затем около 1 мая экспедиция отправляется через Калькутту на остров Цейлон, где должно быть обращено особенное внимание на выделку чая машинным способом[14], и оттуда, к 1 июня, она выезжает в Сингапур для прибытия около 15 июня в Ханькоу. Вторую половину июня и июль экспедиция проводит в Китае (3-й сбор чая и выделка кирпичных чаев). Август и сентябрь посвящаются Японии.

12. В обратный путь экспедиция выезжает из Японии около половины октября, причем один из помощников начальника экспедиции вместе со всеми грузами, приобретенными в Китае и Японии, и с нанятыми там рабочими и мастерами отправляется прямо в Батум, куда и прибывает в декабре, остальные члены экспедиции останавливаются в Коломбо и остаются на острове Цейлон на зимние месяцы, до февраля 1896 г., для более подробного изучения там чайного производства и затем, со всеми грузами (саженцами, кустами и т.п.), приобретенными на Цейлоне и в Индии, и с нанятыми там людьми отправляются в начале февраля в Батум для прибытия туда к марту месяцу — времени посадки привезенных растений[15].

13. Профессору Краснову предоставляется, если вторичное посещение острова Цейлон (на обратном пути) окажется для выполнения возложенной на него задачи излишним, совершить обратный проезд из Японии в Россию через Америку[16], не выходя из пределов общей суммы, ассигнованной по смете на путевые его издержки.

14. Следуя вышеуказанному маршруту, все члены экспедиции совершают путешествие совместно, не разъезжая отдельно по разным странам, причем, конечно, небольшие экскурсии в те или другие места для ознакомления с разными сторонами изучаемого дела или приобретения тех или других предметов могут быть совершаемы членами экспедиции и отдельно.

15. Указанный в настоящей инструкции маршрут может быть изменен лишь в случае крайней в том необходимости, притом не иначе, как по совместном обсуждении каждого изменения всеми членами экспедиции, и в смысле лишь изменения времени посещения и продолжительности пребывания в той или другой стране, не оставляя не посещенной ни одной из намеченных стран и не вводя в маршрут новых, не имевшихся в виду мест. О каждом изменении маршрута начальник экспедиции обязан немедленно довести до сведения Главного Управления Уделов.

Верно. Делопроизводитель П.Иванов.

РГИА, ф. 515 «Главное управление уделов», оп. 91, д. 2, л. 1—3 об. Копия.

№ 143

1897–1898 гг. – Из отчета А.Н.Краснова о посещении чайных округов Индии и Цейлона[17]

...В Индии Гималаи представляют отдельную область, резко отличающуюся от всех остальных ее частей по всем чертам своей природы и жизни... Гималаи – барьер, отделяющий природу Центральной Азии от индийской. Сами, кроме того, представляют самостоятельный мир разнообразнейших условий жизни, втиснутый между сухим и пустынным восточноазиатским плоскогорьем и сухою и голою низиною Ганга в Индии. ...Для наших целей интересен только южный, он, собственно, и является барьером между среднеазиатским и индийским строем природы и жизни. ...Этот южный хребет рядами продольных долинок, совершенно подобно северным склонам главного Кавказского хребта, разбит на два пояса предгорий... Часто, как, например, это было со мною в округе Кангра, стоя в области холмистых предгималайских увалов, вы видите пред собой запутанные вершины темных и мрачных, напоминающих черные горы Кавказа цепей малых Гималаев. Вам кажется, что это и есть та величественная горная цепь, которая служила оплотом индийским народам против центральноазиатских нашествий. Уже она одна настолько величественна, что может спорить с нашим Кавказом. Но когда вдруг порывы ветра разгонят висящие над нею облака – перед глазами развертывается картина подавляющей грандиозности. То, что вы принимаете за грозные тучи, оказывается закутанным ими невероятной высоты горным хребтом, с вершинами, тонущими в снегах, с голыми склонами и темной зоной хвойных лесов. Я созерцал громадные хребты Тянь-Шаня, как с равнин Туранской низменности, так и со стороны Кашгарии и долины Иссык-Куля, я любовался главным хребтом Кавказа с перевалов и ущелий Сванетии, с подножия Эльбруса и Бештау, я видел Альпы у подножия Юнгфрау и в лице диких панорам Цермата, – но ни один из знаменитых горных хребтов этих, не говоря уже о меньших, подобных Алтаю или Скалистым горам Америки, не может произвести впечатление, подобное тому, какое вы получаете от Пир-Панджала, стоя где-нибудь на холмистых окрестностях Нурпура. Вы не в ущелье. ...Вы на открытой местности, далеко от подножия хребта – так далеко, как далек Владикавказ от главного хребта Кавказа. И, несмотря на это, шапка валится с головы, когда вы видите эту увенчанную снегами каменную стену, перед которою ее аванпост, подобный Кавказу темный хребет, величию которого вы только что удивлялись, кажется мизерными холмами. Вы стоите под сенью стройных пальм в жаркой местности, среди цветов и тропических деревьев. И кроны пышных вай у вас проектируются на фоне снежных полей, обрамленных облаками, витающими около пиков, заслоняющих добрую треть чудно голубого индийского небосклона.

Подобно Альпам с долины По за многие сотни верст виднеется, к сожалению часто совершенно утопающий в облаках, великий горный хребет. Вы можете, поднявшись на горы до 9 тыс. футов, видеть всю равнину Индии под вашими ногами, как громадную географическую карту, развернутую рукой Творца, с серебристыми струйками рек, зелеными пажитями и бурыми выгоревшими пустырями, пятнами лесов и едва заметными точками – человеческими поселениями...

Минеральные богатства гор еще не вполне изучены. В Восточных Гималаях каменная соль, в Сиккиме – уголь, железо и медь пробовали разрабатывать, но трудности путей сообщения до сих пор останавливали предпринимателей.

...По мере наступления весны и приближения солнца к тропику равнины северной Индии начинают нагреваться все более и более. Наступает сильная жара, и сухой раскаленный воздух континентальной части полуострова создает здесь условия жаркого континентального лета ...Индийская весна — самое теплое и сухое время года на равнинах, лежащих к югу от Гималаев.

...На западе выжженные солнцем, напоминающие Туркестанские пустыни равнины верховьев Ганга и Инда переходят со всеми чертами своей скудной растительности в горы. Первые предгорья, хотя и покрыты лесами, но леса эти совершенно другого типа, чем на востоке... К северу от Гардвара и Петанкота я наблюдал такие леса. Это были типичные леса северо-западной Индии, состоящие из деревьев, привыкших к долгим периодам засухи, сбрасывающих на это время листья, стоящих, как наши леса севера, значительную часть года — зиму и весну — голыми, но голыми не от холода, а от засухи. Одетые листьями деревцо или куст здесь редкость. Как позднею нашею осенью в южной России, когда еще не кончилась засуха, стоят деревья, уныло распростерщие свои голые ветви. Они не украшены ни лианами, ни эпифитами[18], под их сенью не растет теперь ни травы, ни зеленеющих кустов. На сухой почве шурщат только сухие листья, и странно как-то видеть эту картину поздней осени или ранней весны теперь, когда солнце палит так невыносимо, когда в воздухе чувствуется полный разгар лета. Еще более странное впечатление, оставленное такими деревьями, потому, что как деревья лесов, так и сажаемые человеком около дороги иногда бывают усыпаны, как у нас яблони или вишни весною — яркими крупными и эффектными цветами.

...Общий фон ландшафта сухой, голый, деревья раскиданы группами, и большинство вечнозеленых форм принесено человеком. Каменистые склоны долин часто совершенно обнажены, покрыты каменистыми галечными осыпями, напоминают очень склоны долин, прорезывающих в виде ущелий восточные части Испании. Они заросли пышными цветущими кустами олеандров, розовых и белых — или еще чаще громадными и пышными канделяброобразными кустами мясистого колючего молочая, до того похожего на столбчатые сорта кактусов, что, только увидя его мелкие цветы, можно отделаться от иллюзии, что не видишь перед собою заросшую кактусами мексиканскую степь. Я не буду останавливаться на более детальном описании растений этой красивой и оригинальной флоры, лучшие представители которой, группируясь около селений, станций и построек англичан, представляют собрания красивейших цветущих дерев и кустарников Индии.

...Леса в Дарджилинге сильно расхищены англичанами — и поэтому не дают понятия об их роскоши. Чтобы судить о них, надо ехать в Непал, где еще эти леса состоят главным образом из ценного дерева сааль. На английской же территории на местах вырубленных лесов растут болотные травы, раскиданы поля и плантации и около селений, как и в Кангре, красуются громадные пучки бамбука. ...Болотистые джунгли представляют непролазные дебри из многосаженной высоты. Опушки заросли высокою грубою травою, иногда до 20 футов высотою, которую обыкновенно сожигают, чтобы дать пастбище скоту... Большие площади заняты плантациями рису и чаю... На возвышениях только видны селения... Низины же весною заливаются так сильно, что превращаются в озера, в которых заводится рыба и в дождливое время на месте житель-земледелец, взяв сети, занимается рыболовством.

...Вы погружаетесь в царство мхов. Леса обыкновенно закутаны в туман. Он покрывает росою все стволы, ветви и листья деревьев, и здесь размножаются бесчисленные сорта мхов. Они одевают ствол толстыми подушками, согревают

своим зеленым пушистым покрывалом их ветви и веточки, спускаясь с них изящными гирляндами. Зеленое царство леса принимает особый облик. Темно-зеленым инеем стоят одетые пушистые веточки. Стволов нет, это какие-то зеленовато-коричневые неопределенные контуры, и только на земле зеленеют бледные листья гортензий... Зато когда ветер разорвет туман и вы бросите взгляд на вершины таких деревьев, чудное зрелище откроется глазам вашим. Вырываясь из удушающей зелени одевающих ветви мхов, усеивают концы ветвей пучки грубой, толстой черно-зеленой листвы, сгущающей тоны свои точно нарочно, чтобы оттенить яркий пурпур букетов чудных цветов. Залитые ими стояли громадные деревья рододендронов. Между ними точно усыпанные исполинскими белыми звездами выглядывали столь же колоссальные магнолии.

...Это обилие мхов и эпифитов вызвано тем, что полоса между 7–9 тыс. футов есть та зона, на которой обыкновенно держатся облака. Это царство тумана. Но если облака эти временно рассеиваются, то с прекрасных дорог, проложенных англичанами по карнизам гор, открываются здесь дивные виды. Поднимитесь выше этого моря тумана, вы увидите, как с соседних перевалов в глубокую долину, над которой вы стоите, падает водопад из белых как вата неопределенных масс, как они, принимая формы причудливых духов и привидений, несутся перед вами, тая в голубом воздухе, чтобы собраться где-нибудь дальше в хороводе и обрамлять выглядывающие из-за них или господствующие над расположенными под ногами вашими лесами и долинами цепи беловерхих вершин.

...Пышные, погруженные в туман леса поражают своим гробовым молчанием, изредка нарушаемым треском упавшей ветки. Воздух здесь недвижим, даль закутана в туманную зелень дерев, и только под вечер неумолкаемое стрекотание цикад и лягушек наполняет своим хором молчаливые своды леса, где даже ветер не шелестит грубою листвою, запутанною в заглушающие всякий звук фестоны мелких мхов... Условия жизни, создаваемые климатом и растительностью, отражаются здесь не только на дикой фауне, но и на домашних животных. ...Западные Гималаи обладают пестрою смесью животных Южной Европы, Средней Азии и Индии.

Вряд ли можно найти на земном шаре горную страну, не исключая и Кавказа, население которой в различных пунктах ее разнилось бы так резко по типу, строю жизни, характеру культуры и религии, как в Восточных и Западных Гималаях. ...В самое последнее время проведенные англичанами железные дороги привели в более тесное общение различные народности, здесь живущие.

Теперь бреши пробиты, но облик, занятия и образ жизни изменить не так легко. Условия жизни также не одинаковы, а потому до сих пор народы Западного и Восточного Гималая по существу различны, и единственно объединяющим элементом являются англичане и их европейская культура[19].

Краснов А.Н. Чайные округи субтропических областей Азии. (Культур-географические очерки Дальнего Востока). Отчет Главному Управлению Уделов профессора А.Н.Краснова. Вып. II. Китай, Индия и Цейлон. Колхида. СПб., 1898, с. 379, 381–384, 387, 400–402, 405, 406, 410, 411, 415–419.

№ 144

1898–1899 гг. – Из отчета И.Н.Клингена о посещении чайных округов Индии и Цейлона[20]

…Пока я обдумывал подробности плана приобретения операционного базиса близь Батума и затем путешествия по нашим русским подтропикам, выжидая с нетерпением отзвука на мои доклады, я получил совершенно неожиданно для меня со стороны Господина Начальника Главного Управления Уделов, Его Сиятельства князя Вяземского, подробно мотивированное распоряжение готовиться к экспедиции на Дальний Восток для изучения на месте в Индии, Китае и Японии чайного дела. Проекты мои в принципе были приняты и одобрены, и предполагалось, что если дальнейшее изучение вопроса оправдает ожидаемые выгоды, то экспедиция будет непременно снаряжена. В инструкции говорилось затем, что вместо того, чтобы терять время и деньги в продолжение долгих лет на предварительные работы, без твердой опоры плодотворной опытности, гораздо практичнее изучить дело на месте, воспользовавшись единовременно и многовековым опытом китайцев и японцев, и предприимчивым гением западных цивилизаторов – англичан[21].

…Мы несомненно имеем в Закавказье обширные чайные районы, соответствующие довольно близко указанным мною по теоретическим выводам пределам, которые представляют из себя в то же время обширные подтропические округа, с природой весьма сходной с некоторыми частями Японии, Китая, юго-восточных штатов Северной Америки, а отчасти с округами Кангры, Кумаона, Дарджилинга и самых верхних отделов Нурелии на о. Цейлоне…

Таким образом, мало-помалу рассеивались последние сомнения в своевременности снаряжения так называемой чайной экспедиции, но которую, по замыслу своему, скорее следовало бы назвать экспедицией для изучения подтропического хозяйства. В самом деле, было бы рискованно ограничиться изучением только одной чайной культуры… Всякая новая культура только тогда имеет право на жизнь, когда она составляет часть одного и того же стройного организма, все элементы которого имеют определенную внутреннюю связь между собой, и только дело, организованное по такому принципу, можно назвать хозяйством вообще…

Для выполнения возложенной на меня задачи, полагаю, что необходимо посетить для этого следующие страны: Индию и Цейлон ввиду того, что техника как культуры, так и фабрикации чая достигла здесь высокой степени совершенства, в особенности в отношении механических приспособлений, позволяющих при сравнительно более высокой стоимости рабочего дня выдерживать конкуренцию с великим успехом с такими исторически знаменитыми крупными производителями чая, как Китай и Япония, в особенности первый, имеющий огромные преимущества в ничтожно дешевой заработной плате. Затем Индия, в частности Цейлон, любопытны в том отношении, что здесь обратили впервые внимание на культуру высокопроизводительной, как в качественном, так и в количественном отношении, породы ассамского чайного куста, дающего вдвое больше китайской разновидности… Весьма полезно также изучение фабричного чайного дела на Цейлоне уже потому, что оно, ввиду конкуренции и неминуемой тенденции к сокращению до минимума накладных расходов на единицу продукта, должно принять на Кавказе размеры по возможности крупного производства с образцовой фермой в центре и с широким питательным районом мелких хозяйственных единиц, имеющих во главе своей плантаторов-поселенцев, с обязатель-

ным упорядочением качества поставляемого ими продукта, в смысле его однородности...

Попутно, при переездах из одного тропического чайного района в прохладные высокие чайные округа Гималаев, желательно было посетить хотя один или два важнейших пункта применения ирригации, достигшей в Индии наибольшего совершенства, благодаря талантливым английским инженерам, нередко совмещающим в одном и том же лице и виртуозное гидро-техническое искусство и основательные познания по агрономии...

Высокий интерес между прочего представляют чайные плантации в Западных Гималаях, где климат до известной степени страдает от весенних засух, вследствие весенних суховеев, родных братьев знаменитому восточному ветру Кутаисской губернии, только с более скромным характером. Плантации эти, сколько известно, однако процветают, если это правда, то, при соответствующих рациональных ресурсах борьбы, — путем хотя бы усовершенствованного метода воздушного орошения и применения выдержанной системы лесных опушек, — возникает надежда на значительное расширение чайной зоны на Кавказе.

На пути из Индии в Японию крайне желательно было бы остановиться на короткое время на о. Ява для ознакомления с тамошними чайными и другими подтропическими хозяйствами...

Цейлон считался уже тогда самым замечательным в целой Индии чайным центром, как по размерам вывоза, так, в особенности, и по высоте культуры и производства, и представлялся в то же время, ввиду значительного вывоза в Россию цейлонских чаев, наиболее интересным индийским округом для нашего русского чайного дела...

Здешние (цейлонские. — *Сост.*) хозяева относились ко мне с необыкновенным дружелюбием, старались наперерыв познакомить меня с разнообразными сторонами своего хозяйства, и это существенно помогло мне скоро наверстать пробелы, оставшиеся у меня вследствие непосещения мною Дарджилинга и Дауры...

Столько участия, сердечного внимания, приветливости, желания поделиться накопленным знанием, помочь советом, указанием, справкой и пр., сколько мы видели в Египте, Индии, Цейлоне, Японии и других странах, нами посещенных, со стороны местных людей, начиная от простолюдина и кончая самыми высокопоставленными сановниками, я желаю от всей души встретить всякому русскому путешественнику... Конечно, в официальном мире это можно было удобно объяснить престижем нашей могучей державы, который необыкновенно возрос за последние десять лет, но чем, как не высокою культурностью и благодушием, можно объяснить его в длинном ряде случаев, где наше официальное положение было совершенно неизвестно[22].

Клинген И. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония). Часть I. СПб., 1898, с. 45, 46, 49, 50, 53, 59.

Примечания

[1] Это была первая комплексная сельскохозяйственная экспедиция на Восток, финансируемая правительством России, и первая акция российско-индийского сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Экспедиции было ассигновано 75 тыс. рублей, и каждая статья расходов была жестко определена (РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 106, л. 10). Появление культуры и производства чая в России тесно связано с развитием ее взаимоотношений с государствами Азии. Первые несколько десятков кустов чая, выписанные с Востока князем М.С.Воронцовым (1783—1856, с 1844 г. — наместник

русского императора на Кавказе), впервые были акклиматизированы в России в 1833 г. в Никитском ботаническом саду в Крыму. Решающее значение для отправки экспедиции имели публичные выступления авторитетных российских ученых: магистра ботаники Н.К.Зейдлица, химика академика А.М.Бутлерова (который задумал предпринять экспедицию в Индию, но внезапная смерть 5 августа 1886 г. расстроила этот план), метеоролога и географа А.И.Воейкова, который доказал возможность разведения чая в Закавказье.

[2] Правительственная инструкция для данной экспедиции была составлена на базе материалов И.Н.Клингена (см. примеч. 8), поданных им в правительственные ведомства, в которых он обосновывал целесообразность такой экспедиции, ее цели, задачи и перспективы развития чайного производства в России.

[3] Уделы, удельные имения — в дореволюционной России собственность членов императорской семьи.

[4] Чаквинское удельное имение располагалось у станции Чаква Закавказской железной дороги (в 13 верстах к востоку от Батуми); в состав его входили бассейн р. Чаквы (Чаквик-цхали) и полоса на берегу Черного моря общей площадью 16 тыс. десятин (главным образом покрытые лесом горы), 3 тыс. из которых были культурной зоной. Благодаря усилиям И.Н.Клингена, В.О.Симонсона, Г.Г.Снежкова и др. по окончании экспедиции на Восток главной культурой здесь стал чай (под плантациями которого в начале XX в. было занято 160 десятин), затем апельсины, мандарины, бамбуки и другие плодовые и декоративные растения; была построена паровая чайная фабрика, работавшая на местном сырье (в 1901 г. получено до 20 000 фунтов чая); организованы питомники, производившие продажу саженцев.

[5] Хотя экспедиция называлась «чайной», она носила более широкий, комплексный характер. Предполагалось не только детально изучить саму культуру чая как растение, но и его промышленное производство, а также вопросы торговли чаем. Помимо этого считалось необходимым изучить климатические, почвенные, естественноисторические и хозяйственные условия районов произрастания чайного куста. Экспедиция впервые ставила задачу широкого заимствования хозяйственного опыта народов Востока.

[6] Наем мастеров и рабочих из стран Востока представлял собою весьма сложную проблему. Вынужденные оставлять на родине семьи, мастера чайного дела неохотно ехали в Россию. Они соглашались на одно-двухлетние контракты, в то время как дело требовало пребывания их на вновь создаваемых плантациях по крайней мере до восьми-десяти лет.

[7] Во избежание возможных задержек грузов при досмотрах на таможнях Главное управление уделов обратилось в Министерство иностранных дел России с просьбой сделать необходимые распоряжения. Азиатский департамент МИД, связавшись через своих представителей с правительствами Китая и Японии, а также с англо-индийским правительством, получил заверения, что при своевременном оповещении грузы будут свободно пропущены (АВПРИ, ф. Тихоокеанский стол, д. 43, л. 5–6 об.). Для демонстрации итогов удельной экспедиции в Главном управлении уделов был устроен музей. Впоследствии коллекции эти были принесены в дар и поделены между государственным сельскохозяйственным музеем и ботаническим музеем при Ботаническом саде Петра Великого в Петрограде.

[8] Клинген Иван Николаевич (1851–1922) — специалист по агротехнике, семеноводству и селекции сельскохозяйственных культур южных и юго-западных областей России. Окончил Московский университет в 1872 г., а затем в 1876 г. — Петровскую земледельческую академию. В 1878 г. защитил магистерскую диссертацию. Автор ряда книг по проблемам агрономии. С 1892 г. — инспектор Кавказских удельных имений, с которыми была связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность. В 1917 г. И.Н.Клинген представил правительству «Проект организации подтропического хозяйства в Закавказье с чайным хозяйством во главе» (Пг., 1917).

[9] Краснов Андрей Николаевич (1862–1914) — русский ботаник и географ; окончил Петербургский университет; профессор Харьковского университета, доктор географии; автор многочисленных научных и научно-популярных трудов, посвященных вопросам ботаники и географии, а также его многочисленным путешествиям, в том числе в страны Востока (Турция, Египет, Китай, Япония, Индонезия, Индия, Цейлон). После путешествий по Кавказу разработал план освоения Колхиды, внедрения и культивации там субтропических культур. Основатель Батумского ботанического сада (1912 г.).

[10] Симонсон Владимир Оттович и Снежков Григорий Григорьевич — агрономы удельного ведомства, специалисты по субтропическим растениям Черноморского побережья Кавказа; по окончании экспедиции продолжали работать в Чаквинском удельном имении.

[11] Эти дневниковые записи были очень краткими и содержали сухие извещения о маршруте, сроках пребывания в том или ином районе, перечни посещенных объектов, некоторые впечатления о

них, планы работы на ближайшее время. Написаны они в основном И.Н.Клингеном, частично, во время болезни главы экспедиции, Г.Г.Снежковым.

[12] Устные отчеты членов экспедиции, а также проекты письменных отчетов И.Н.Клингена и А.Н.Краснова (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 10, л. 1–3, 50–52) были обсуждены в Главном управлении уделов; письменные было разрешено представить по окончании командировок в Колхиду.

[13] В.О.Симонсон составил отчет по чайным округам Индии, где Клинген не был из-за болезни. Кроме того, Симонсон, собравший данные по бамбукам, привезший посадочный материал этих растений и многие годы занимавшийся этой культурой на родине, позднее написал исследование о бамбуке (*Симонсон В.О.* Бамбук как промышленное растение в Закавказье. Культура и технология бамбука. СПб., 1906).

[14] Индия и Цейлон интересовали экспедицию потому, что именно здесь техника культуры и выделки чая (особенно с применением машин) достигла более высокого уровня, чем в Китае и Японии. Кроме того, породы ассамского чайного куста давали вдвое больший урожай, чем китайские разновидности. Большой интерес вызывали также ирригационные устройства на плантациях Индии.

[15] Изучение всех сторон субтропического хозяйства требовало значительно больше времени, чем это было предусмотрено инструкцией, из-за чего сроки пребывания в отдельных районах нередко нарушались. Поэтому в обратный путь с первой партией грузов В.О.Симонсон отправился только 24 декабря 1895 г. вместо назначенной середины октября (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 2, л. 128). Сроки пребывания за границей других членов экспедиции были существенно продлены: Клингена до мая 1896 г., Снежкова — на год для более интенсивного изучения чайного дела в Китае (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 2, л. 120); А.Н.Краснов вернулся на родину в конце 1896 г. через Америку (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 2, л. 120).

[16] Именно так А.Н.Краснов и поступил (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 2, л. 125).

[17] Отчет А.Н.Краснова представляет собой двухтомный фолиант, вышедший в свет в самом конце XIX в. отдельным изданием (*Краснов А.Н.* Чайные округи субтропических областей Азии. Культур-географические очерки Дальнего Востока. Отчет Главному Управлению Уделов профессора А.Н.Краснова. Вып. I. Япония. Вып. II. Китай, Индия и Цейлон. Колхида. СПб., 1897–1898). Описание поездки по Индии и Цейлону, отрывки из которого публикуются здесь, занимает примерно пятую часть двухтомника. Этому путешествию посвящена и другая книга А.Н.Краснова — «Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия» (СПб., 1898), носящая научно-популярный характер, а также небольшая книжечка «Индия и Цейлон» (СПб., 1900).

Утвержденные ранее Управлением уделов программы отчетов И.Н.Клингена и А.Н.Краснова, построенные по предметно-тематическому принципу (РГИА, ф. 515, оп. 91, д. 10, л. 1–3, 50–52), в дальнейшем претерпели существенные изменения, в результате чего эти отчеты приняли форму путевых заметок, и русская литература обогатилась прекрасными и живыми книгами о Востоке, снабженными многочисленными рисунками и фотографиями, которые значительно расширяли представления русских читателей о странах и народах далекого региона. Однако следует отметить, что часть этих отчетов, касающаяся истории, политики, этнографии, языков, религии и т.п., написанная как по собственным наблюдениям, так и на базе сведений, почерпнутых из европейской литературы, нуждается в критическом отношении.

Интерес к сочинениям А.Н.Краснова не иссякал. Позднее некоторые из них были переизданы (*Краснов А.Н.* Под тропиками Азии. М., 1956; *Вавилов Н.И.* Пять континентов. *Краснов А.Н.* Под тропиками Азии. М., 1987).

[18] Эпифиты — растения, не имеющие связи с почвой, селящиеся на стволах и ветвях растений, например, мхи, лишайники.

[19] Для публикации в данном издании были отобраны в основном отрывки из отчета А.Н.Краснова, посвященные описанию природы Индии как уникальные в своем роде. Высокохудожественные и одновременно научно точные картины, созданные непревзойденным мастером словесного пейзажа, развенчивали распространенные в среде российского массового читателя представления об Индии как стране преимущественно тропической. Книги А.Н.Краснова сыграли немалую роль в расширении знаний о Востоке, в том числе об Индии, в формировании общественного мнения в России об Индии, в развитии гуманистических традиций отечественного востоковедения.

[20] Из трехтомной монографии-отчета И.Н.Клингена о поездке в страны Востока во главе первой правительственной сельскохозяйственной экспедиции мы публикуем несколько отрывков из «Введения». Книга была переиздана в советское время с сокращениями (*Клинген И.Н.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. Египет, Индия, Цейлон, Китай. М., 1960).

[21] Имеются в виду английские экспедиции ботаника и путешественника Роберта Форчуна (1813–1880) в Китай (1842 и 1848 гг.) для изучения культуры и выделки чая, инициированные и

финансируемые Ост-Индской компанией, результатом которых была успешная интродукция чая в Индии (Ассам, Кангра, Дарджилинг), а затем и на Цейлоне, быстрый рост производства там чая и вытеснение к началу XX в. на мировом рынке Великобританией Китая, прежде главного мирового экспортера чая.

[22] Высоко оценил результаты работы экспедиции А.И.Воейков (1842—1916), авторитетнейший русский ученый в области естественных наук, географ и климатолог, путешественник по Востоку. «Честь и слава департаменту уделов, что он снарядил такую обширную экспедицию, поставил во главе ее такого умелого руководителя и подарил русским образованным людям такое ценное издание», — писал он в рецензии на монографию-отчет И.Н.Клингена («Сельское хозяйство и лесоводство». СПб., 1900, т. 196, № 3, с. 670—671).

№ 145—148

4 декабря 1896 г. — 18 марта 1897 г. — Документы о сборе в России пожертвований для пострадавших от неурожая в Индии

№ 145

4 декабря 1896 г. — Письмо жителя Ставропольской губернии Н.Безменова в Министерство иностранных дел о желании оказать помощь голодающим в Индии[1]

Ваше Превосходительство,

Исходя из принципа общечеловеческого долга, налагающего на каждого обязанность заботиться о благе ближних, я предлагаю для оказания помощи пострадавшим от неурожая в Индии приступить к сбору пожертвований в России, руководствуясь при этом, между прочим, следующими основаниями:

Неурожай и естественное последствие его голод, свирепствующий в Индии — бедствие такого свойства, что единичными усилиями стороны пострадавшей, конечно, отвращены быть не могут.

Чувство религии и долг человечности в таких обстоятельствах требует совокупного содействия и помощи от всех остальных народов и стран, могущих оказать таковое содействие и помощь.

Россия же издавна была известна как одна из «житниц мира», причем она по своему человеколюбию и участливому отношению к страждущим никогда не являлась безучастной зрительницей страдания ближних, хотя бы и иноплеменников.

С ходатайством о разрешении собирать пожертвования я обратился к министру внутренних дел. Но сверх сего, необходимо иметь согласие и разрешение Её Величества королевы Великобритании на принятие Её подданными в Индии собранного для них в России.

При этом полагаю необходимым добавить: помощь, оказанная индусам, будет способствовать еще большему престижу русского имени на Дальнем Востоке и, конечно, сочувственное отношение русских к настоящему бедствию на Дальнем Востоке надолго останется в памяти людей, получивших помощь, и, кто может знать, быть может это доброе дело впоследствии принесет добрые плоды в том смысле, что будет способствовать упрочению русского влияния на окраинах

Азии, а это, в связи с распространением русского владычества в Средней Азии, может быть реализовано в виде бескровного и добровольного присоединения к России в тех краях многих провинций.

Прошу принять уверения в глубоком уважении и преданности. Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга. Н.Безменов.

Местожительство имею: Ставропольской губернии близ сел. Петровского. Именье Безменовых.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д.911, л. 2—2 об. Автограф.

№ 146

6 февраля 1897 г. — Письмо председателя Петербургского комитета[2] для приема пожертвований голодающим индусам губернатора С.-Петербурга графа С.А.Толя[3] управляющему Министерством иностранных дел графу М.Н.Муравьеву о выяснении способов доставки собранных пожертвований

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

В распоряжении образованного с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения в С.-Петербурге под моим председательством Комитета для приема пожертвований голодающим индусам находится сумма, собранная по подписке газетами «Новое время»[4] и «Петербургские ведомости»[5], а также деньги, внесенные прямо в Комитет. Кроме сего в Комитет могут поступать пожертвования хлебом — натурою.

Между тем Комитет не имеет никаких указаний по вопросу о том, каким путем и через посредство кого именно собранные Комитетом пожертвования имеют быть доставлены по назначению в места голодовки, так и по вопросу о том, в каком виде было бы наиболее желательным оказать помощь голодающим индусам, деньгами или натурою — хлебом.

Ввиду изложенного, я, согласно состоявшемуся о том постановлению Комитета в заседании 5 сего февраля, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не признаете ли Вы возможным дать Комитету необходимые указания по вышеизложенным вопросам.

Пользуюсь случаем, чтобы просить Ваше сиятельство принять уверение в отличном моем к Вам уважении и совершенной преданности

граф Толь.

АВПРИ, Среднеазиатский стол, оп. 485, д.911, л. 7—7 об. Подлинник.

№ 147

18 марта 1897 г. — Письмо председателя Петербургского комитета для приема пожертвований голодающим индусам губернатора С.-Петербурга графа С.А.Толя управляющему Министерством иностранных дел графу М.Н.Муравьеву о безотлагательной доставке помощи в места голодовки в Индии

Милостивый государь граф Михаил Николаевич.

Образованный с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения в С.-Петербурге под моим председательством Комитет для сбора пожертвований голодающим индусам в последнем своем заседании постановил: уполномочить меня, в видах ускорения дела помощи голодающим в Индии, войти с кем следует в сношение для безотлагательной доставки помощи в места голодовки.

Ввиду сего и согласно выраженной Его Императорским Величеством государем Императором воли о том, чтобы жертвуемый голодающим индусам хлеб был доставлен по назначению на судах Добровольного флота[6], я вошел в сношение с правлением сего флота, инспектор которого ныне уведомил меня, что до 40 000 пудов хлеба может быть отправлено на пароходе «Владимир», отходящем из Одессы 15-го будущего апреля, или на пароходе «Воронеж», отходящем 1-го мая, причем хлеб этот может быть доставлен попечением Добровольного флота лишь до Коломбо, где однако в распоряжении флота не имеется складов для грузов и где пароходы останавливаются лишь на несколько часов.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не признаете ли Вы возможным уполномочить находящегося в Коломбо Российского консула[7] на прием, сохранение и дальнейшую доставку в места голодовки имеющего быть отправленным в Индию на судах Добровольного флота в пользу индусов хлеба, причем я ходатайствую перед Вашим сиятельством об уведомлении меня о последующем в возможно непродолжительный срок для того, чтобы все распоряжения к закупке, нагрузке и отправке хлеба в Индию могли быть сделаны к сроку отхода парохода «Владимир» из Одессы.

Пользуюсь случаем, чтобы просить Ваше сиятельство принять уверения в отличном моем к Вам уважении и преданности

граф Толь.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 911, л. 15—16 об. Подлинник.

№ 148

18 марта 1897 г. — Письмо посла России в Великобритании Е.Е.Стааля товарищу министра иностранных дел России графу В.Н.Ламсдорфу[8] о просьбе правительства Великобритании переслать помощь пострадавшим от неурожая в Индии деньгами

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

В ответ на отношение от 8-го минувшего февраля за № 801 и телеграмму от 8-го сего марта имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что на запрос о том, в каком виде, каким путем и через чье посредство могут быть доставлены по назначению собранные Комитетом под председательством С.-Петербургского губернатора пожертвования в пользу голодающих индусов, Великобританское правительство только что полученною нотою просит переслать последние предпочтительно деньгами, адресуя их непосредственно на имя секретаря «Mansion House Committee» в Лондон или же «Colonel J.W.Ottley K.E.C., J.E.Relief Fund Committee» в Калькутте[9].

Примите, Милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности

Стааль.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д.911, л. 14—14 об. Подлинник.

Примечания

[1] Голод в Индии был бедствием, периодически повторяющимся. От голода, разразившегося дважды за 1825—1850 гг., погибло 0,4 млн. человек; в период с 1850 по 1875 г. было 6 голодных лет, унесших 5 млн., а с 1875 по 1900 г. жертвами 18 неурожайных лет стало 26 млн. человек. Голод 1896 г., особенно сильный в Бихаре и Соединенных провинциях, в общей сложности охватил территорию с населением в 53 млн. человек. Он сопровождался чумой, вспыхнувшей в сентябре в Бомбее, а затем в Карачи и прилегающих к ним районах. В России заметки о грядущем недороде зерновых хлебов в Индии появились в сентябре 1896 г. С октября сообщения о положении в голодающих районах Индии стали постоянными.

Приводимое здесь письмо Н.Безменова от 4 декабря 1896 г. было не единственным и не первым откликом жителей России на бедствие, постигшее народы Индии. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 30 октября 1896 г. в № 299 на 1-й стр. была помещена статья «Голод в Индии», в которой говорилось: «Ниже мы помещаем письмо первого русского человека, откликнувшегося на страшные вести о бедствиях, постигших загималайскую Азию. Нет сомнения, что англичане с их распорядительностью и энергией сделают все, от них зависящее, чтобы облегчить положение голодающих миллионов. Но пусть же до них дойдет скромная, от чистого сердца идущая лепта сердобольных людей и с нашего хмурого Севера... Пусть же нравственные узы, та безотчетная сердечная связь, которая всегда сближала и роднила Русь со столь тесно с ней соприкасающимся Востоком... — пусть, повторим мы, эта связь выразится искренним и горячим сочувствием несчетной массе несчастных туземцев Индии...

Письмо в Редакцию

„Телеграмма из Бомбея от 28 октября сообщает о стрельбе в голодающий народ, который разнес хлебные магазины. Известны подобные же разгромы западных магазинов; но у нас они заканчиваются без стрельбы по народу. Такие разгромы только свидетельствуют о высшей степени голода. Недавно в минуту невзгоды наше бедствие облегчили своим горячим участием С-А Соединенные Штаты, приславшие к нам из-за моря корабли с хлебом. Последуйте этому благому примеру и если не в таких грандиозных размерах, как сделали американцы, то в самых малых долях поможемте голодающим в Британской Индии.

Собранные при Вашей редакции суммы возможно было бы направлять в местные комитеты или в виде денег, или в виде припасов.

Не откажите для начала принять мою скромную лепту (3 р.) в пользу голодающих в Индии.

С.Житков"».

[2] Решение об образовании трех комитетов (в С.-Петербурге, Москве и Одессе) для приема пожертвований деньгами и хлебом голодающим индусам и для направления жертвуемого хлеба по назначению было принято по докладу министра внутренних дел И.Л.Горемыкина императором Николаем II 19 декабря 1896 г. Начальники других губерний и областей были также уполномочены принимать хлеб и деньги, направляя хлеб в Одессу, а деньги — в ближайший комитет. К этому времени сбор пожертвований голодающим уже шел полным ходом. Еще 3 ноября 1896 г. в № 7431 газета «Новое время» сообщила: «Наша контора принимает пожертвования, и пожертвования эти стекаются, свидетельствуя о живой впечатлительности русского общества к христианскому делу — спасению бессильно погибающего». На 3 ноября в газету поступило 528 р. 36 коп., а на 12 ноября уже 4123 р. 47$^1/_2$ коп., 10 итальянских лир и 10 франков.

6 ноября в № 306 «Московские ведомости» на 1-й стр. опубликовали сообщение митрополита Московского Сергия об учреждении им в Чудовом монастыре Комитета для принятия пожертвований в пользу голодающих индийцев и о своем взносе в 500 руб., а уже 12 ноября в этот Комитет поступило 2173 руб.; 17 ноября эта сумма увеличилась до 4207 р. 20 коп.

8 ноября и «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о поступлении в свою контору первых денежных взносов — 124 руб. В числе пожертвователей указывались: граф Г.Ностиц, известный философ и поэт В.С.Соловьев и Житков — автор вышеприведенного письма в редакцию этой газеты.

С этого времени (начала ноября) деньги начинают приходить регулярно, а газеты из номера в номер печатают списки и отчеты о поступивших суммах. К 20-м числам декабря, т.е. к моменту принятия императором решения о создании трех комитетов, в газету «Санкт-Петербургские ведомости» уже поступило 1529 р. 85 коп., в «Новое время» — более 9 тыс. руб., в Москве, в Комитет, созданный митрополитом Сергием в Чудовом монастыре, — 6812 р. 26 коп., а в Одессу, по сообщению газеты «Одесские новости» от 19 декабря 1896 г., прибыла первая небольшая партия хлеба, пожертвованная помещиком Харьковской губернии для голодающих в Индии. Пожертвования поступали в конторы других газет, например, в «Правительственный вестник», «Сельский вестник», шли они и в Святейший синод.

Деньги посылались из всех районов России от людей разных сословий, газеты публиковали большие списки пожертвователей. Так, 5 ноября «Новое время» в рубрике «Помощь голодающим в Индии» сообщала, что в контору газеты поступило «от неизв. 1 руб. ...от Ины, Володи, Мани и Сережи — 8 р. 40 коп., работниц швейной мастерской — 2 руб. 53 коп...». «Московские ведомости» от 27 ноября сообщали, что деньги поступили от «товарищества Петра Боткина сыновей — 500 р. ...сестры милосердия — 5 р. ...детей Корниловых — 4 руб. ...неизвестного станция Завидово — 8 р. ...чрез редакцию „Московского листка" от мастеровых завода Дютфуа — 28 р. ...ген.-лейт. князя А.Лобанова-Ростовского при письме от 10 ноября — 300 р. ...Саввы Тимофеевича Морозова — 100 р. ...Сергея и Вассы с чадами — 1 р. ...чрез иеромонаха Чудова монастыря Никодима от неизвестного — 50 коп....». Из номеров других газет видна география поступления пожертвований — Саранский уезд Пензенской губернии, Челябинск, завод Кулева Пермской губернии, Анапа, Вильно, Новочеркасск, Владикавказ, Таганрог, Витебск и т.д.

После образования царем Комитетов по сбору пожертвований часть денег стала поступать непосредственно в них, а деньги, уже поступившие и продолжавшие приходить в конторы газет, пересылались ими в соответствующие комитеты по мере накопления. Комитет, созданный под руководством генерал-губернатора в Москве, продолжил в том же Чудовом монастыре работу, которую уже вел там с начала ноября 1896 г. комитет, учрежденный Московским митрополитом Сергием.

[3] Толь Сергей Александрович (1848 — после 1903) — юрист по образованию, с 1880 г. — помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1889 по 1903 г. был губернатором Санкт-Петербурга, в 1903 г. назначен членом Государственного совета.

[4] «Новое время» — ежедневная (с 1869 г.) газета, выходившая в С.-Петербурге с 1868 по 1917 г., издателем которой с 1876 г. был А.С.Суворин.

[5] «Санкт-Петербургские ведомости» — старейшая русская газета, выходившая с 1728 по 1917 г. как продолжение первой русской газеты «Ведомости». С 1728 по 1875 г. она издавалась при Академии наук, а с 1875 г. — при министерстве просвещения. С 1748 по 1765 г. редакцией газеты заведовал М.В.Ломоносов. С 1800 г. стала ежедневной.

[6] Добровольный флот (Доброфлот) учрежден по указу Александра II в 1878 г. на добровольные пожертвования с целью содействия развитию отечественной торговли и торгового флота. Доброфлот начал свою деятельность с перевозки русских войск, участвовавших в войне 1877—1878 гг.

с Турцией, на родину. С 1880 г. Доброфлотом было установлено постоянное товарно-пассажирское движение между Одессой и портами Китая, Японии и Индии, помимо рейсов, совершаемых в порты Европы и США. Деятельность Доброфлота продолжалась и в 20-е годы XX в.

[7] Необходимость иметь русского консула на Цейлоне первоначально возникла ввиду частых посещений этого острова русскими военными судами. Сначала исполнение обязанностей консула России возлагалось на живущих там иностранцев-коммерсантов, представителей торговых домов. Первый такой консул появился в Коломбо в 1887 г., а в Пуант де Галь — в 1888 г. Вице-консулом в г. Коломбо с 1890 по 1897 г. был коллежский асессор Эдмунд Романович фон Фриш.

[8] Ламсдорф Владимир Николаевич (1841—1907) — дипломат, в 1880 г. назначен директором канцелярии МИДа, с февраля 1897 по декабрь 1900 г. — товарищ министра, а с 1900 по 1906 г. — министр иностранных дел, выступал за мирную политику и за соглашение с Японией, но потерпел неудачу.

[9] К сожалению, общая сумма собранных и отосланных денег пока осталась невыясненной, но о ней можно судить по данным, найденным в разных источниках. Так, удалось установить, что в Калькутту по указанному адресу С.-Петербургский комитет в три приема (4 апреля, 12 мая и 18 июля 1897 г.) перевел 40 874 руб. 70 коп., Одесский комитет — 17 тыс. руб., Хозяйственное управление при Святейшем Синоде 30 апреля 1897 г. — 12 054 руб., Московский комитет собрал 23 396 руб.

В сентябре 1897 г. на имя министра иностранных дел России М.Н.Муравьева было получено письмо советника посольства Великобритании в С.-Петербурге У.Э.Гошена, в котором он от имени госсекретаря по делам Индии передал искреннюю благодарность всем лицам, сделавшим пожертвования для облегчения страданий голодающих в Индии (АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 911, л. 26, 27).

Комитеты по сбору средств в помощь голодающим в Индии официально прекратили свою деятельность в июле 1897 г. Но газета «С.-Петербургские ведомости» № 202 от 27 июля писала, что «собранные, но не доставленные по сие время в Комитет деньги будут отосланы по принадлежности своевременно». Какая сумма денег еще досылалась в Индию, установить также не удалось, но любопытно, что, согласно письму в МИД, Хозяйственное управление при Святейшем Синоде в январе 1911 г. (!) пересылало «из общего числа поступивших в разное время пожертвований в пользу голодающих в Индии» 621 руб. 43 коп. Эти деньги поступили явно после отсылки в 1897 г. основной суммы, затем, видимо, затерялись в управлении, но все-таки «всплыли» через столько лет (см. АВПРИ, ф. 159, оп. 726, д. 70, л. 2).

№ 149

1898 г. — Отчет штабс-капитана А.Ф.Гильфердинга о его командировке в Индию для изучения языка хиндустани

Окончив в 1896 г. курсы восточных языков, учрежденные при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел[1], я в июне того же года был командирован в Бухару для изучения языка индустани. Изучив там этот язык теоретически и частью, насколько это возможно по местным условиям, практически, я рапортом от 17 апреля 1897 г. просил ходатайства Российского императорского политического агента в Бухаре[2], в распоряжении которого я находился, о командировании меня в Индию для дальнейшего усовершенствования в моих знаниях. В 21 день июля 1897 г. последовало на то высочайшее соизволение, и 27 августа, получив предписание отправиться в командировку, я выехал из Бухары через Одессу и Коломбо в Калькутту. Означенный город я выбрал местом для изучения языка вследствие большого количества имеющихся там учебных заведений, в которых преподается индустани, а потому и легкости найти там хороших преподавателей и знатоков как индустани, так и урду — языка северных провинций Индии, на котором говорят все мусульмане[3], и наконец вследствие обилия учебных пособий, необходимых для основательного изучения языка. Затруднений в приискании учителя я не встретил никаких и уже через 2—3 дня по прибытии в

Калькутту приступил к занятиям. Благодаря незначительной плате (1 рупия в час), установленной в Индии за уроки ежедневно у двух учителей: у одного, уроженца г. Патны и знатока индустани — языка средней полосы Индии, и другого — уроженца Дели — специалиста по урду — языка северных провинций Индии. Занятия мои состояли в основательном изучении грамматики, причем руководством служили грамматики индустани, написанные на этом же языке, в самостоятельном со словарем и в совместном с учителями чтении книг, рукописей и газет, в передаче прочитанного своими словами и в письменном изложении его, в переводах с английского и персидского и в перефразировке легких статей, что особенно было для меня полезно, так как заставляло вспоминать все встречавшиеся раньше и знакомые слова одинакового значения. Все объяснения грамматических тонкостей и особенностей языка давались учителями на изучаемом языке, что значительно способствовало скорейшему приучению уха к чуждой речи. Сверх вышеизложенного мною собирался материал для составления самоучителя индустани[4], который вчерне мною закончен и состоит из грамматики и ряда статей лучших авторов прогрессивной трудности с подстрочным переводом их на русский и подробным грамматическим разбором, с целью дать возможность самостоятельно изучить язык настолько, чтоб дальнейшее усовершенствование в нем зависело лишь от работы со словарем. В приобретении пособий для изучения языка мной также не было встречено затруднений, ибо таковые, как в Калькутте, так и в других крупных центрах Индии, как напр., Мадрасе, Бомбее, Лукнове, Дели издаются в огромном количестве. Изданием этих пособий преследуется двоякая цель: с одной стороны, распространить среди туземцев употребление английского языка и, с другой стороны, облегчить по возможности англичанам изучение туземных языков. Цель, по-видимому, этим достигается, ибо все англичане, проживающие в Индии, говорят более или менее хорошо на индустани, а туземцы, преимущественно торговцы, служащие в разных учреждениях, говорят по-английски. Английский язык изучается туземцами преимущественно в англо-туземных школах, которых в одной Калькутте до 40. Громадное количество издаваемых пособий для серьезного изучения индустани вызывается законом, по которому все служащие на государственной службе в Индии как военного, так и гражданского ведомства, обязаны выдержать экзамен в знании этого языка, в противном случае занятие высших должностей является для них затруднительным. В войсках же, кроме туземных языков, поощряется изучение и французского, немецкого и в особенности русского. Число офицеров, выдержавших экзамен и удостоенных звания «переводчик» русского языка, около 70, и таково же число офицеров, изучавших русский, но не получивших этого звания. Для упражнения в разговорном языке я в свободное время посещал базары, туземные театры, знакомился с туземцами, преимущественно мусульманами, посещал дома некоторых из них, уклоняясь однако от приглашений на их собрания, дабы не возбуждать подозрительности англичан, которые, узнав мое звание русского офицера, тем не менее относились ко мне весьма доброжелательно.

Освоившись с индустани, несколько разнящимся от языка северных провинций, ибо заключает в себе значительную примесь санскритского, хинди и друг[их] языков, я, для практики в более чистом литературном языке, отправился в первых числа марта в Лукнов, а затем в Дели. В середине апреля я выехал из означенного города через Мадрас и Коломбо в Одессу и 28 мая прибыл в Петербург.

Знание индустани, постоянное общение с туземцами дали мне возможность ознакомиться с их политическими взглядами, а также отношениями, существующими между ними и англичанами. При этом невольно бросается в глаза то не-

дружелюбие, которое туземцы, особенно мусульмане, питают к англичанам, и те симпатии, которые они выказывают ко всему русскому. Как одну из главных причин, вызывающих недружелюбные отношения к англичанам, туземцы выставляют высокомерно презрительное к ним отношение англичан, крайне оскорбительное для их самолюбия, а также неравноправность туземцев и англичан, состоявших на государственной и частной службе. Так, капитан – ротный командир в туземных войсках получает в месяц 100 рупий, тогда как в английских войсках таковая должность оплачивается 500 руп. При всем том повышение в чинах офицеров туземных войск ограничено капитанским чином, ибо все штаб-офицерские должности и высшие должности в гражданском ведомстве замещаются исключительно англичанами.

Англичане, отдавая полную справедливость способностям, трудолюбию и честности служащих туземцев, объясняют эту разницу в содержании различием образа жизни и потребностей туземцев и англичан. Нельзя обойти молчанием, что все надежды на изменение своего положения туземцы возлагают на русских, в скорый приход которых в Индию они твердо верят, приурочивая почему-то этот приход к 1900 г. Сведения о России, о положении подвластных России мусульман, о чисто дружественном отношении к ним русских и проч. получаются преимущественно от индийских торговцев мусульман, проживающих в среднеазиатских владениях России и при встрече с русскоподданными мусульманами в Мекке и других пунктах паломничества. В Индии, по-видимому, очень интересуются всем, касающимся России: туземцы с живым интересом расспрашивают о государе императоре, о величине России, о количестве войск, содержании нижних чинов, обязательна ли для всех воинская повинность, труден ли русский язык и проч.

Из бесед с англичанами, а также из ряда статей местных английских газет, видно, что положение их в Индии в настоящее время довольно тяжелое, так как им постоянно приходится подавлять народные беспорядки и волнения, вызываемые неудовольствием против мероприятий англичан в борьбе с упорно держащейся чумой, а также считаться с постоянно возрастающим влиянием германской торговли, захватившей ныне почти все рынки Индии. Из тех же газет явствует, что возрастающий престиж русского имени в Индии, который особенно усилился с прекращением греко-турецкой войны[5], вследствие письма государя императора к турецкому султану[6], который считается мусульманами наместником пророка, их духовным главой и самым могущественным государем, немало беспокоит англичан. Так, во время занятия русскими Порт-Артура[7] появился ряд статей, трактующих о возможности или невозможности занятия Индии русскими. В статьях этих подробно высчитывалось количество войск, перевозочных средств, время похода, причем высказывались соображения, что к прибытию русских в Индию англичане успеют переправить и сосредоточить в угрожаемых пунктах достаточное количество войск. В силе пограничных укреплений и доблести своих войск англичане не сомневаются, но вопрос автора, на чьей стороне будет народ, оставался в этих статьях без ответа.

Надпись на 1-й стр. документа: Надеюсь, что это только выводы автора, а его наблюдения и размышления будут представлены в подробном виде. Надо экзаменовать Гильфердинга. Можно ли это сделать?

Надпись на 3-й стр. документа, напротив замечания о симпатии к русским: Не надо особенно верить в симпатии к нам. Надо всегда помнить, что мы лишь средство, а не цель. Куропаткин[8].

РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1887, д. 61, л. 138–139 об. Подлинник.

Примечания

[1] Курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД были основаны 7 ноября 1883 г. На них было зачислено 8 офицеров для пробы, с 1885 г. они начали работать как постоянные, рассчитанные на трехгодичный срок. Язык хиндустани на них не преподавался.

[2] В 1885 г. в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство. Политический агент был официальным постоянным представителем России, через него осуществлялся контроль над действиями бухарского эмира и его правительства. В 1895–1902 гг. политическим агентом в Бухаре был В.И.Игнатьев.

[3] В Северной Индии распространен язык хиндустани, имеющий две формы — хинди и урду. Хинди пользуется в письменности алфавитом деванагари, урду — арабским. В словарном составе урду много персидских элементов, хинди — санскрита. Языком урду пользуются мусульмане, хинди — индусы. В Калькутте, куда прибыл А.Ф.Гильфердинг, языком местного населения бенгальцев является бенгали.

[4] См.: *Гильфердинг А.Ф.* Грамматика индустани (урду), индустанский собеседник и русско-индустани-английский словарь в русской транскрипции. СПб., 1899; *он же*. Практическое руководство индустани (урду). СПб., 1899.

[5] Имеется в виду греко-турецкая война 1897 г. Греция поддержала освободительное восстание на острове Крит и потерпела поражение. По договору 1897 г. к Турции перешло несколько стратегически важных районов Греции, а также ей была выплачена значительная контрибуция.

[6] В начале мая 1897 г. русский император Николай II послал телеграмму турецкому султану с просьбой о прекращении военных действий. Эта телеграмма была инициирована греческой стороной. 19 мая было заключено перемирие.

[7] Порт-Артур (кит. Люйшунь) был занят русской эскадрой в конце 1897 г., а 15 марта 1898 г. было подписано соглашение, по которому Китай уступал на 25-летний срок пользование Порт-Артуром России.

[8] Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, воспитывался в кадетском корпусе, окончил академию Генерального штаба, в 1866–1871 и 1875–1877 гг. служил в Туркестанском военном округе, принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с 1878 г. заведовал Азиатской частью Главного штаба, с 1890 г. — начальник Закаспийской области и командующий войсками, в 1898–1904 гг. — военный министр, в 1904–1905 гг. — главнокомандующий военными силами на Дальнем Востоке, в 1905–1907 гг. занимал командные должности в русской армии, после 1917 г. жил в своем имении в Псковской губернии.

№ 150—151

2 июля — 16 ноября 1899 г. — Документы о поездке в Индию подполковника А.А.Полозова[1] и штабс-капитана А.Е.Снесарева[2]

№ 150

2 июля 1899 г. — Прошение на высочайшее имя о командировании в Индию подполковника А.А.Полозова и штабс-капитана А.Е.Снесарева

Пребывающий в Петербурге Великобританский посол[3] возбудил в начале текущего года ходатайство о разрешении четырем английским офицерам проследовать из пределов северо-западной Индии через наши владения в Средней Азии, по соглашению с министром иностранных дел[4]. Ходатайство г. Чарлз Скотт было удовлетворено, но с тем, чтобы великобританские власти со своей стороны дали разрешение нескольким вашим офицерам совершить путешествие по Индии и посетить северо-западные ее провинции. Английское правительство выразило на

это согласие, предложив нашим путешественникам перейти границу через Каликский перевал в направлении на Хунза и Гилгит, при этом оно высказало, что русским офицерам-путешественникам во все время пребывания их в пределах Индии будет оказано широкое гостеприимство, причем для сопровождения их от самой границы и оказания им возможного содействия будут назначены особые офицеры.

Означенным разрешением великобританского правительства полагалось бы воспользоваться и командировать в Индию на шестимесячный приблизительно срок двух офицеров генерального штаба.

По соглашению с командующим войсками Туркестанского округа для указанной цели предназначены штабс-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа генерального штаба полковник Полозов и причисленный к генеральному штабу 1 лейб-гренадерского Екатеринославского императора Александра III полка штабс-капитан Снесарев.

Справка: Подполковник Полозов офицером с 1883 года, окончил академию генерального штаба по 1 разряду в 1890 году, на службе в Туркестанском округе с 1890 года, весною текущего года окончил учрежденные при штабе Туркестанского округа офицерские курсы языка индустани (урду)[5].

Штабс-капитан Снесарев офицером с 1890 г., окончил курс академии генерального штаба по 1 разряду в текущем году и предназначен на службу в Туркестанский округ.

Маршрут путешествия означенных офицеров предположен от Ташкента через Андижан на перевал Калик, Гилгит и Сринагар (или на Аббат-абад) и далее на Равалпинди, Джелам, Пешевар, Дера-измаил-хан, Дера-гази-хан и Лагор, от Лагора путешественники полагают проехать на Калькутту и Коломбо и далее через Одессу, Поти, Баку и Красноводск возвратиться в Ташкент.

При означенной командировке подполковнику Полозову и штабс-капитану Снесареву полагалось бы назначить из интендантских сумм денежное довольствие в следующем размере:

1) подъемные деньги штабс-офицеру 2000 руб. и обер-офицеру 1600 руб.;

2) путевое довольствие от Ташкента до Равалпинди и далее через Калькутту, Коломбо, Одессу и Красноводск до Ташкента штабс-офицеру 1682 руб. 41 коп. и обер-офицеру 1623 руб. 90 коп., независимо от сего на разъезды по Индии по 750 руб. каждому офицеру.

3) Суточных денег за 6 месяцев пребывания в Индии штабс-офицеру по 25 франков в день или всего 1683 руб. 10 коп. и обер-офицеру по 15 франков в день или всего 1010 руб. 34 коп.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Императорскому величеству соизволить на изложенное.

Генерал-лейтенант Куропаткин

Надпись на 1-й стр. документа: Государь император высочайше соизволил на изложенное в сем докладе. 6 июля 1899 года. Генерал-лейтенант Куропаткин.

РГВИА, ф. 401, оп. 5, 1898, д. 76, л. 78 с об. Подлинник.

№ 151

16 ноября 1899 г. — Доклад начальнику Главного штаба генерал-адъютанту В.В.Сахарову[6] от командующего войсками Туркестанского военного округа генерала от инфантерии С.М.Духовского[7] о препятствиях, чинимых подполковнику А.А.Полозову и штабс-капитану А.Е.Снесареву англичанами в их командировке по Индии

Милостивый государь Виктор Викторович!

Генерального штаба подполковник Полозов, командированный со штабс-капитаном Снесаревым в Индию, письмом от 2-го октября сего года из Мури на имя подполковника Лукина[8] сообщил о крайних стеснениях со стороны англичан, а именно:

не говоря о том, что на просьбу подполковника Полозова возвратиться через Кветту и Сеистан британское правительство ответило отказом, оно сверх того выразило желание, чтобы оба наши офицера путешествовали вместе и не останавливались на более или менее продолжительное время в каком-нибудь пункте.

До Мин-тукинского ущелья наши офицеры не были особенно стеснены, но здесь они встретились с подполковником английской службы Мак-Суини*, который, будучи недоволен результатами своей поездки по России, представил наших офицеров весьма опасными людьми, так как они великие знатоки Индии и командированы для рекогносцировки ее северо-западной границы, а слугу при подполковнике Полозове Кабир-шаха выставил агентом окружного штаба, не раз выполнявшим наши поручения в Кабуле**.

Со времени встречи с подполковником Мак-Суини подозрительность англичан, по словам подполковника Полозова, не знала пределов и за нашими офицерами стали наблюдать три английских офицера. Сочтя затем это наблюдение недостаточным, английское правительство, как случайно узнал подполковник Полозов, предписало местному населению не подходить к нашим офицерам и их слугам, под страхом заплатить штраф 500 рупий за беседу с нашими офицерами. Наконец, англичане старались еще в г. Гилгите интригою избавиться от Кабир-шаха. Подполковник Полозов пишет, что хотя тогда их интриги ни к чему не привели, но тем не менее для успокоения подозрительности англичан он будет вынужден отослать Кабир-шаха в Ташкент.

Таким образом, подполковник Мак-Суини оказал очень плохую услугу нашим офицерам. Между тем, ему было оказано достаточно радушия при его проезде через вверенный мне округ. Он осмотрел наши войска так подробно, как хотел***. Ни в чем он не был стеснен, за исключением того, что ему не было разрешено остановиться в Мерве и Чарджуе и что, согласно распоряжений Главного штаба, его сопровождал офицер. По письму Мак-Суини к сопровождавшему

---

* Подполковник Мак-Суини проехал через Туркестанский военный округ летом сего года в Индию после своего назначения командиром 2-го уланского полка, стоящего верстах в 25-ти от Бомбея (*примеч. автора*).

** Кабир-шах — уроженец Кашмира, состоял при окружном штабе практикантом по языкам индустани и персидскому, никогда в Кабул не посылался, а ездил раз с поручиком Яковлевым из Ташкента в Термез (*примеч. автора*).

*** Подполковник Мак-Суини хотел ознакомиться с бытом наших войск в Средней Азии, и ему было разрешено осмотреть весь самаркандский лагерь в Ташкенте — лагерь 5-го оренбургского казачьего полка и в Маргелане — лагерь 6-го оренбургского казачьего полка. Большего для ознакомления с бытом Туркестанских войск подполковник Мак-Суини не просил (*примеч. автора*).

его Генерального штаба подполковнику Лукину можно судить, что он более всего недоволен тем обстоятельством, что его, а также английской службы подполковника Пауэля сопровождали офицеры.

Надо полагать, что подполковник Мак-Суини, который в индийских войсках пользуется некоторым значением, может сильно затруднить нашим офицерам, командированным в Индию, выполнение возложенных на них поручений и может быть главною причиною взаимного неудовольствия русских и индобританских офицеров.

Написав об изложенном министру иностранных дел, считаю полезным уведомить о сем Ваше превосходительство для доклада военному министру[9].

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности покорный слуга Духовской.

Надпись на 1-й стр. документа: Военный министр приказал иметь в виду по возвращении офицеров из командировки, когда выяснятся все обстоятельства.

РГВИА, ф. 401, оп. 5, 1898, д. 76, л. 87—88. Подлинник.

Примечания

[1] Полозов Александр Александрович (1864—1908), окончил пажеский корпус и Академию Генерального штаба, вступил на военную службу в 1881 г. В 1890 г. был назначен обер-офицером для особых поручений в Туркестанский военный округ, в 1897—1899 гг. окончил курсы языка хиндустани в Ташкенте и был командирован в Индию, после возвращения служил в Туркестане и на Кавказе, в 1908 г. ушел в отставку в чине генерал-майора, жил в г. Грозном (РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 190949).

[2] Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — выдающийся русский военный, востоковед, педагог, окончив в 1888 г. математический факультет Московского университета, поступил на военную службу, окончил пехотное училище и Академию Генерального штаба; служил в Туркестане, занимался проблемами стран Среднего Востока и Южной Азии, совершил несколько поездок по странам этого региона. В 1917 г. в чине генерал-лейтенанта перешел на сторону Красной армии, принимал активное участие в гражданской войне, был первым ректором Института востоковедения (с 1921 г.), после окончания войны был начальником Академии Генерального штаба, профессором нескольких военных академий, преподавал в гражданских высших востоковедных учебных заведениях (один из первых Героев труда, 1928 г.). Научные интересы А.Е.Снесарева лежали в области всестороннего изучения современной жизни стран Южной Азии и Среднего Востока, начиная с географии и кончая колониальной политикой Англии в этом регионе. В 1930 г. он был арестован по ложному обвинению, освобожден в 1934 г.

[3] Чарлз Стюарт Скотт, лорд — посол Великобритании в России с 1899 по 1904 г.

[4] Министром иностранных дел в 1897—1900 гг. был М.Н.Муравьев.

[5] Офицерские курсы языка хиндустани (урду) при штабе Туркестанского военного округа были открыты в 1895 г.

[6] Сахаров Виктор Викторович (1848—1905), генерал-адъютант, окончил академию Генерального штаба, принимал участие в войне 1877—1878 гг., в 1894—1904 гг. — начальник Главного штаба, в 1904—1905 гг. — военный министр.

[7] Духовской Сергей Михайлович (1838—1901), генерал от инфантерии, окончил инженерную и Генерального штаба академии и был назначен состоять при штабе Кавказской армии. Принимал участие в разработке военных операций на Кавказе во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1898—1901 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

[8] Лукин Валентин Евграфович (1863 — после 1914), окончил академию Генерального штаба, на военной службе с 1882 г., в 1897—1906 гг. состоял на разных должностях в штабе Туркестанского военного округа, вышел в отставку в 1914 г. в чине генерал-майора, командуя 2-й бригадой 5-й Сибирской стрелковой дивизии.

[9] Военным министром в 1898—1904 гг. был генерал-адъютант А.Н.Куропаткин.

№ 152—174

1 июня 1863 г. — 5 апреля 1900 г. — Документы, относящиеся к открытию российского консульства в Индии

№ 152

1 июня 1863 г. — Письмо генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии барона В.К.Ливена в Азиатский департамент МИД Н.А.Муханову[1] об учреждении российского консульства в Бомбее

М[илостивый] г[осударь] Николай Алексеевич.

Рижские торговые дома, при обширных их торговых операциях, имеют нередко сношение с английскими владениями в Индии[2]; по их отзыву, было бы весьма желательно учреждение Русского консульства в Бомбее.

Проживающий ныне в этом городе сын бургомистра рижского магистрата рижский купец Гримм[3] обратился ко мне с просьбою о содействии моем к назначению его нашим консулом в Бомбее, в случае учреждения там русского консульства, причем представил препровождаемый при сем отзыв Великобританского Министерства иностранных дел, из которого видно, что лорд Рассел[4] согласен на это назначение, если со стороны нашего правительства не встретится к тому препятствий.

Принимая к г. Гримм близкое участие, я позволю себе сообщить все вышеизложенное на благоусмотрение В[ашего] Пр[евосходительства] и покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите Вы во внимание к приведенным обстоятельствам оказать благосклонное содействие Ваше к учреждению нашего консульства в Бомбее и к назначению Гримма консулом в этом городе.

В ожидании отзыва Вашего Пр[евосходительства] по настоящему делу покорнейше прошу Вас, м[илостивый] г[осударь], принять уверение...

Подписал Барон Ливен.

ГИА Эстонии, ф. 291, оп. I—VII, д. 11635, л. 2—2 об. Отпуск. Опубликовано: Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в. М., 1966, с. 192.

№ 153

27 октября 1875 г. — Депеша посла Великобритании в Санкт-Петербурге лорда А.Лофтуса[5] государственному секретарю по иностранным делам правительства Великобритании графу Дерби[6] о согласии правительства России на назначение британского консула в Тифлисе и о желании в ответ на это учредить русское консульство в Бомбее

Санкт-Петербург

Со ссылкой на письмо Вашей Светлости № 6 от 19 октября настоящей серии по вопросу о назначении британского генерального консула в Тифлисе имею честь приложить при сем копию записки барона Жомини по этому вопросу.

Барон Жомини информирует меня, что Императорское правительство (14 октября 1875 г.) при согласии великого князя Михаила[7], наместника Кавказа, одобряет назначение британского консула в Тифлисе, уведомляя при этом, что ранг «генеральный консул» для резидентов в Тифлисе дается только лимитрофным державам*, таким, как Турция и Персия.

Барон Жомини далее заявляет, что Императорское правительство, движимое теми же коммерческими потребностями, которые вызвали у Правительства Ее Величества стремление назначить британского консула в Тифлисе, хотело бы на правах взаимности учредить русское консульство в Бомбее.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. January 1876. «Claim of the Russian Government to Establish a Consulate at Bombay», Nos. 20/27, № 22, p. 1. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 154

26 ноября 1875 г. — Меморандум государственного секретаря по делам Индии[8] правительству Индии[9] по поводу предложения правительства России об учреждении консульства в Бомбее

6 января 1875 г. министерство иностранных дел информировало министерство по делам Индии, что намерено запросить Российское правительство, не будет ли у последнего каких-либо возражений против назначения британского генерального консула в Тифлисе, и попросило проинформировать о том, не было ли у маркиза Солсбери «соображений, связанных с назначением российских консулов в Индии, которые могли бы поставить под сомнение целесообразность предполагаемого запроса Российскому правительству».

Маркиз Солсбери ответил, что при отсутствии дальнейшей информации относительно точных мотивов предложения он не в состоянии высказать определенного мнения, однако при этом было добавлено: «Его милость сознает, что до тех пор, пока необходимость такого назначения не будет четко обоснована с коммерческой точки зрения, подобное обращение будет рассматриваться Россией как продиктованное политическими соображениями и, вполне вероятно, повлечет

---

*От limitrophe (*франц.*) — пограничный, смежный.

за собой просьбу о назначении российских консульских чиновников в тех местах Индии, где их присутствие при нынешних обстоятельствах может быть нежелательным».

Министерство иностранных дел ответило, что, по мнению лорда Дерби, коммерческие обоснования были вполне достаточными, чтобы оправдать назначение британского консула в Тифлисе; после того маркиз Солсбери снял все свои возражения на том основании, что при этом индийские интересы никак не затронуты и что поэтому нет необходимости сноситься по этому вопросу с правительством Индии.

Из прилагаемых документов очевидно, что опасения маркиза Солсбери оправдались и что барон Жомини, сообщая о согласии наместника Кавказа на назначение британского консула в Тифлис, добавил, что императорское правительство, руководствуясь той же коммерческой необходимостью, что и правительство ее величества в его желании направить британского консула в Тифлис, претендует на основе взаимности на учреждение российского консульства в Бомбее.

Лорд Солсбери желает как можно скорее узнать мнение правительства Индии относительно этого намерения, выдвинутого Российским правительством.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. January 1876. «Claim of the Russian Government to Establish a Consulate at Bombay», Nos. 20/27, Notes, p. 1. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 155

11 января 1876 г. — Телеграмма вице-короля Индии лорда Нортбрука государственному секретарю по делам Индии маркизу Солсбери с выражением согласия на учреждение русского консульства в Бомбее

Калькутта

На Ваше письмо от 26 ноября. Учреждение русского консульства в Бомбее не вызывает возражения и может быть полезным во многих отношениях.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. January 1876. «Claim of the Russian Government to Establish a Consulate at Bombay», Nos. 20/27, № 24, p. 2. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 156

14 января 1876 г. — Депеша правительства Индии государственному секретарю по делам Индии маркизу Солсбери об отсутствии возражений на учреждение русского консульства в Бомбее

Имеем честь подтвердить получение депеши Вашей милости № 37 от 26 ноября 1875 г. относительно пожелания, выдвинутого российским правительством, о назначении консула в Бомбей.

Мы сообщили Вашей милости телеграммой наше мнение о том, что у нас нет возражений по поводу этого предложения. Помимо соображений коммерческого порядка представляется, что учреждение британских консульств в российских владениях на Востоке и российских консульств в Индии может стать полезным для предотвращения случайных недоразумений и для предупреждения неверных представлений в умах азиатских народов об отношениях между Великобританией и Россией.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. January 1876. «Claim of the Russian Government to Establish a Consulate at Bombay», Nos. 20/27, № 25, p. 7. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 157

Февраль 1876 г. — Доклад канцлера А.М.Горчакова Александру II об открытии русского консульства в Бомбее

В апреле месяце прошлого 1875 г. пребывающий здесь великобританский посол[10] по поручению своего правительства обратился в министерство иностранных дел с ходатайством о разрешении учредить в Тифлисе английское генеральное консульство для оказания покровительства интересам английской торговли, развитие которой на Кавказе обусловливается, по мнению посла, сооружением железных дорог Поти-Тифлисской и Ростово-Владикавказской.

Предварительно выполнения помянутого ходатайства великобританского посла министерство иностранных дел признало необходимым заручиться мнением Его Императорского Высочества Наместника Кавказского[11] по настоящему вопросу. В мае прошлого же года исправляющий должность начальника главного управления[12] Наместника Кавказского по поручению государя Великого Князя сообщил министерству иностранных дел, что генеральные консула в Тифлисе имеются только от двух соседних с Кавказом государств — Персии и Турции — со стороны же европейских держав — Германии, Франции, Италии учреждены лишь консульства, и что, хотя учреждение английского консульства в Тифлисе не вызывается особенными потребностями английской торговли, а скорее предполагает политические цели, но тем не менее ввиду неудобства отказывать в настоящем ходатайстве британского правительства, можно бы было согласиться на учреждение английского консульства в Тифлисе, обусловив это разрешение с нашей стороны таковым же разрешением со стороны английского правительства на учреждение русского консульского поста в Индии. Подобное условие взаимности могло, по мнению кавказского начальника, побудить английское правительство отказаться от дальнейших настояний его об учреждении консульского поста в Тифлисе.

На основании сего сообщения министерство иностранных дел уведомило британского посла, что императорское правительство, дозволяя учреждение британского консульства в Тифлисе, но не генерального, а простого, просит по праву взаимства допущение русского консула в Бомбее, где интересы нашей торговли и открытие Обществом Черноморского Пароходства и Торговли[13] рейсов в Индию требовали присутствия нашего агента.

В ответ на это заявление лорд Лофтус по поручению британского секретаря иностранных дел[14] сообщил, что британское правительство не встречает препят-

ствий к удовлетворению желания императорского правительства учредить консульство в Бомбее и что оно назначит в Тифлис консула[15].

О вышеизложенном принимаю смелость довести до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества.

Горчаков.

Надпись на полях 1-го л.: Высоч. соизволение последовало в СПб-ге 17 февр. 1876 г.

АВПРИ, ф. Персидский стол, оп. 488, д. 87, л. 12—13 об. Подлинник.

№ 158

2 июня 1879 г. — Письмо вице-короля Индии Литтона английскому министерству иностранных дел по вопросу об открытии российского консульства в Бомбее

Я испытываю самые решительные возражения против назначения российского консула в Бомбей. Изучив коммерческую статистику по этому порту, я пришел к выводу, что он практически не имеет торговых связей с Россией. Следовательно, не существует никакой коммерческой потребности в российском консульстве в Бомбее. Функции консула могут здесь стать исключительно политическими, как бы их ни называли. В Бомбейском президентстве практически во все времена существовало хроническое брожение, источником которого, по-видимому, является влиятельный маратхский брахманизм; Бомбей, как известно, стал местом ежегодных встреч недовольных элементов, заговорщиков и интриганов из всех районов Индии. Все время российского консула в Бомбее, без сомнения, будет затрачиваться, даже если исключить злонамеренные цели, на составление своему правительству преувеличенных донесений о недовольстве наших подданных и нестабильности нашего правления, как своих личных наблюдений. Более того, вполне вероятно, а я почти в этом уверен, что такой чиновник скоро превратится в естественное доверенное лицо, арбитра для всех недовольных и мятежных элементов, которые могут находиться в Бомбее, и через многочисленных паломников, которые ежегодно посещают этот город, без труда сможет вступить в тайные контакты со всеми районами Индии. Другие возражения, хотя и несколько иного порядка, имеются у меня по вопросу о принятии российского консула в Калькутте, и я сознаю, что правительство Индии должно решительно возражать против любого подобного назначения.

Из подшитых к делу документов явствует, что мои предшественники официально информировали правительство Ее Величества, что у правительства Индии не было каких-либо возражений против назначения российского консула в Бомбей или какой-либо другой индийский город. Пока неясно, какие были предприняты действия со стороны правительства Ее Величества в связи с этими заверениями. Но если судить по тону российской прессы, то можно прийти к выводу, что назначение российского консула в Бомбей рассматривается российским правительством как дело принятое и решенное. Однако, как бы то ни было, я придерживаюсь мнения, что правительство Индии, не теряя времени, должно уведомить правительство Ее Величества, что любое назначение такого рода совершенно недопустимо. Недавние события и ставшие известными данные вполне достаточны, чтобы оправдать действия английского министерства иностранных

дел; даже оно уже выразило свое согласие пересмотреть шаги, предпринятые при прежних, совершенно иных условиях, в особенности принимая во внимание решительно высказанное мнение со стороны правительства Индии.

Однако, если возникнет необходимость найти какой-либо иной предлог, чтобы выбраться из сомнительной ситуации в данном деле, то можно условно согласиться на принятие российского консула в Бомбее, поставив при этом вопрос о принятии британского консула в Ташкенте или Самарканде — на что, как это совершенно очевидно, российское правительство никогда не пойдет.

Направьте эту записку со всеми сопроводительными документами для обсуждения в Совете[16] в следующий четверг.

Подпись — Литтон.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. July 1879, «Russian Consul at Bombay», Nos. 70/78, Notes, p. 3. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 159

16 июня 1879 г. — Письмо правительства Индии госсекретарю по делам Индии виконту Крэнбруку[17] по вопросу об открытии российского консульства в Бомбее

В телеграмме Вашей милости от 5 июня мы, со ссылкой на полученные недавно из Англии некоторые документы, указывающие на намерение российского правительства назначить консула в Бомбей, высказали свои решительные возражения против этого назначения.

Настоящим имеем честь представить Вашей милости полное изложение наших взглядов по этому вопросу.

2. Претензия российского правительства на направление консула в Бомбей является ответом на желание правительства Ее Величества назначить своего консула в Тифлис. Госсекретарь министерства иностранных дел полагал, что коммерческие потребности вполне достаточны, чтобы оправдать это назначение, в особенности в связи с тем, что проектируемая железная дорога Баку—Тифлис, как ожидается, будет способствовать развитию торговли от морского побережья и что исключительно на этом основании и было сделано предложение российскому правительству. Но барон Жомини, сообщая о согласии российского правительства, добавил, что побуждаемое такой же коммерческой необходимостью, которой руководствовалось правительство Ее Величества в своем желании направить консула в Тифлис, а также учитывая развитие российской торговли с Индией вслед за открытием Суэцкого канала, российское правительство требует на правах взаимности учредить российское консульство в Бомбее. Правительство Ее Величества после консультации с правительством Индии согласилось с этим.

3. Вполне вероятно, что в 1875 г. имелись некоторые основания для вывода о том, что по коммерческим причинам консульства двух стран в Тифлисе и Бомбее могли быть признаны равнозначными. Однако в Индии мы не имеем никаких выгод от прямой британской торговли с Тифлисом и Кавказом или транзитом через них. И каким бы ни было положение вещей четыре года назад, нам трудно поверить в то, что можно найти какое-то сравнение в настоящее время. Статистика торговли между Бомбеем и Россией свидетельствует о том, что ожидания

барона Жомини не сбылись. Российская торговля с Бомбеем почти полностью ограничена вывозом незначительного количества хлопка-сырца из этого порта в Одессу, и прослеживается тенденция скорее к ее сокращению, нежели к росту, до такой степени, что в настоящее время она вообще вряд ли существует.

[...]Индия не имеет непосредственной заинтересованности в существовании консульства в Тифлисе; но все дело приобретает существенно иную окраску, если с учреждением этого консульства Россия непременно получит право на размещение своих консульств в Индии.

4. Ваша милость может возразить, что в 1876 г. правительство Индии согласилось на учреждение российского консульства в Индии на том основании, что соглашение, по которому Россия и Великобритания должны назначить консулов на взаимной основе в своих восточных владениях, «может быть полезным в нынешней обстановке для улаживания и полного устранения случайных недоразумений между Британией и Россией». Мы не предлагаем сейчас рассматривать убедительность этого довода в пользу учреждения российского консульства в Индии в то время. Вопрос, который мы предлагаем сейчас рассмотреть, заключается в том, что, хотя точка зрения, высказанная в нашем письме в 1876 г., могла соответствовать политике, которой правительство Индии следовало в то время в том, что касается наших отношений с Россией, эта политика с тех пор радикально изменилась, если не отвергнута в целом. Вся ситуация совершенно изменилась в результате событий в Центральной Азии и нынешних политических событий на северо-западной границе, а наши отношения в результате стали настолько более определенными, что сохранилась лишь небольшая вероятность возникновения недоразумений. При этих обстоятельствах назначение в Индию российского консула, который фактически и со всей очевидностью был бы политическим представителем своего правительства, является несовместимым с курсом и прямыми целями нашей нынешней политики и без сомнения породило бы в Азии больше недоразумений, чем могло бы их устранить.

5. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что функции российского консула в Бомбее, чем бы он ни занимался для видимости, будут исключительно политическими. Полуофициальная пресса России не жалеет сил, чтобы скрыть это обстоятельство и показать, что он не будет иметь никаких иных обязанностей. В результате правительству Индии не остается ничего другого, кроме как рассматривать вопрос с совершенно определенной точки зрения. Поэтому мы без колебаний представляем на рассмотрение правительства Ее Величества наше решительное мнение о том, что принятие в Индии признанных официальных представителей России было бы в значительной степени противоречащим интересам нашего правительства, повлекло бы за собой создание прецедента и положило начало такой практике, которая впоследствии привела бы к серьезным политическим затруднениям.

6. Мы понимаем, что консульство в Тифлисе создавалось не ради интересов Индии и что вопрос о его ликвидации может стать неуместным или даже неудобным для правительства Ее Величества. Тем не менее мы осмеливаемся высказать мнение, что, если бы возникла неизбежная необходимость выбирать между принятием российского консула в Бомбее и отзывом британского консула из Тифлиса, последняя альтернатива в целом привела бы к меньшему ущербу.

7. Во всяком случае было бы приемлемо выдвинуть аргументы, которые бы убедили российское правительство, если оно имеет серьезные намерения добиваться упомянутого назначения, чтобы вопрос был отложен до более удобного времени в будущем. В настоящее время возникли многие политические события и обстоятельства, которые подкрепляют довод о том, что посылка российского кон-

сула в какой-либо район Индии именно в этот момент может быть деструктивна. И все наши общие возражения против российского консульства в Индии в еще большей степени относятся к его размещению именно в Бомбее. Все коммуникации из Западной Азии с Индией и из некоторых важных стран Центральной Азии проходят через Бомбейский порт; вследствие этого город является прибежищем политических эмиссаров и беглецов из различных районов континента. Поэтому российское консульство здесь может легко превратиться в центр интриг, которые нам трудно будет контролировать. Более того, мы не можем пройти мимо того факта, что в определенных районах Бомбейского президентства в некоторых слоях населения недавно появились симптомы зарождения политической агитации и недовольства, на которые прибытие российского консула может оказать нежелательное влияние.

8. Мы искренне верим, что на основании изложенного правительство Ее Величества, в случае если имеются основания полагать, что российское правительство намерено настаивать на своем требовании, выдвинутом в 1875 г., пойдет на полный пересмотр вопроса о назначении российского консула в Бомбей.

National Archives of India, Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. July 1879, «Russian Consul at Bombay», Nos. 70/78, № 78, p. 1—2. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 160

4 августа 1879 г. — Депеша министра иностранных дел Англии маркиза Солсбери английскому послу в С.-Петербурге графу Ф.Дафферину о несогласии правительства Индии на учреждение русского консульства в Бомбее

В депеше от 29 января с.г. от лорда А.Лофтуса содержится упоминание о том, что российское правительство рассматривает вопрос об учреждении консульства в Бомбее. Передав эту депешу министру по делам Индии Ее Величества, я сейчас получил от его милости копию депеши правительства Индии, которую прилагаю, содержащую решительные возражения против этого. [...]

Я должен поэтому просить ваше превосходительство не отказать в любезности и попытаться выяснить, намеревается ли императорское правительство настаивать на назначении российского консула в Бомбей, и если это так, не согласится ли оно отказаться от этого намерения, учитывая тот факт, что правительство Ее Величества, принимая во внимание эту уступку, отзовет британского консула из Тифлиса.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. February 1880, «Establishment of a Russian Consulate at Bombay», Nos. 108—116, № 111, p. 4—5. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 161

3 февраля 1880 г. — Депеша помощника секретаря правительства Индии Т.Ч.Плоудена[18] секретарю правительства Бомбея о предложении назначить консулом России в Бомбей французского подданного г-на Вуйона

Мне поручено направить при сем копию выдержек из письма государственного секретаря по делам Индии правительства Ее Величества № 53, Секретно, от 24 декабря 1879 г., относительно предложения назначить г-на Вуйона, французского подданного, консулом России в Бомбее и попросить Вас сообщить, нет ли у Вас лично каких-либо возражений против назначения этого господина.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. February 1880, «Establishment of a Russian Consulate at Bombay», Nos. 108—116, № 116, p. 3. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 162

17 февраля 1880 г. — Письмо исполняющего обязанности главного секретаря правительства Бомбея Дж.Р.Найлора секретарю иностранного департамента правительства Индии А.К.Лайеллу о согласии на назначение в качестве консула России в Бомбее г-на Вуйона

Мне поручено подтвердить получение письма м-ра Плоудена, помощника секретаря, за номером 500 E.P. от 3 числа текущего месяца, содержащего вопрос о том, нет ли у нас какого-либо возражения против назначения конкретно господина Вуйона, французского подданного, в качестве консула России в Бомбее.

2. В ответ для информации Правительства Индии я должен заявить, что господин Вуйон — человек высоких достоинств, занимает высокое положение в обществе, хорошо знает английский язык и вполне подходит на пост, о котором идет речь.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. March 1880, «Appointment of a Russian Consul at Bombay», Nos. 24—25, № 24, p. 1. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 163

3 марта 1880 г. — Письмо правительства Индии государственному секретарю по делам Индии виконту Крэнбруку о согласии на назначение французского подданного г-на Ф.Вуйона консулом России в Бомбее

Форт Вильям.

Настоящим Мы имеем честь подтвердить получение письма Вашей Светлости за номером 53 от 24 декабря 1879 г. по вопросу о назначении в качестве русского консула в Бомбей г-на Френсиса Вуйона, французского подданного и представителя парижской Comptoir d'Escompte* в этом городе.

2. Мы имеем честь сообщить Вашей Светлости, что возражений против назначения персонально г-на Вуйона в качестве консула России в Бомбее нет.

Правительство Бомбея заявило, что г-н Вуйон — человек высоких достоинств, занимает высокое социальное положение, отлично владеет английским языком и вполне соответствует должности, о которой идет речь.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. March 1880, «Appointment of a Russian Consul at Bombay», Nos. 24—25, № 25, p. 1—2. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 164

20 июля 1885 г. — Из документа, подготовленного для министра по делам Индии лорда Черчилля[19] и содержащего историю переписки по вопросу о назначении российского консула в Индию

Как это видно из прилагаемых документов, вопрос о посылке российского консула в Бомбей был поднят в 1875 г. Правительство Ее Величества попыталось получить разрешение царского правительства на учреждение генерального консульства в Тифлисе по причине прежде всего развития торговли и расширения сети железных дорог в этом районе.

Российское правительство согласилось на размещение консула в Тифлисе при условии, что ему будет предоставлено такое же право в отношении Бомбея. Для выяснения мнения (индийского) правительства переписка была направлена лорду Нортбруку, который ответил, что возражений нет, телеграммой от 11 января 1876 г. Ее сопровождала депеша, в которой говорилось: «Помимо соображений коммерческого порядка нам представляется, что учреждение британских консульств в русских владениях на Востоке и российских консульств в Индии может быть полезно для предотвращения случайных недоразумений и изживания неверных представлений в умах азиатских народов об отношениях между Великобританией и Россией».

М-р Риккетс был тогда назначен консулом в Тифлис, и сферой его деятельности стал весь Кавказ в целом. Он, конечно, получил инструкцию наблюдать как за политическим, так и коммерческим положением в стране, но соблюдать

---

* Банковская контора (*франц.*).

осторожность в том, что касается первой задачи. Что касается вопроса о назначении российского консула в Бомбей, то, хотя российская пресса писала о нем как о решенном деле, он был временно отложен, так как правительство Индии не имело сведений о нем до назначения вице-королем Литтона, когда (март 1878 г.) министерство по делам Индии прислало газеты со сведениями о новых окладах для российских консулов в странах Востока, которые были опубликованы в официальном правительственном бюллетене и относились также к консулу в Бомбее. После этого лорд Литтон резко выступил против этого проекта (см. его ноту от 2 июня 1879 г.), исходя из того, что функции консула, какими бы ни были они официально, будут исключительно политическими, а учитывая то, что Бомбей всегда был местом встреч недовольных элементов из всех районов страны, российский консул мог затеять с ними опасные интриги. Более того, статистические данные свидетельствуют о том, что торговля России с Бомбеем очень незначительна по объему и никаким образом не может служить основанием для направления консульского чиновника в этот город. Лорд Литтон возражал также, хотя и по другим причинам, которые он не уточнял, против принятия российского консула в Калькутте и «выразил убеждение, что правительство Индии должно решительно возражать против любых подобных предложений». Совет, за исключением одного члена, согласился с вице-королем. Министру была послана телеграмма, в которой говорилось: «Просим дождаться нашей депеши, прежде чем дать согласие на назначение консула, против чего мы решительно возражаем». Депеша № 145 от 16 июня 1879 г. разъяснила эти возражения и выразила искренно веру в то, что решение по этому вопросу будет пересмотрено. [...] Однако правительство Британии сочло затруднительным отказаться от позиции, которую занимали либералы в 1876 г. Российское правительство выразило готовность назначить своим консулом французского гражданина г. Вуйона, который был в Бомбее представителем парижского банка по дисконтированию векселей. Бомбейскому правительству был послан запрос о том, есть ли у него какие-либо конкретные возражения против этого человека, и был получен ответ, что этот джентльмен имеет высокие достоинства и положение в обществе, в совершенстве владеет английским языком и вполне подходит для этой должности. Госсекретарь по делам Индии был соответственно поставлен в известность, что правительство Индии не имеет возражений против назначения этого джентльмена российским представителем в Бомбее. У нас нет данных о том, был ли он действительно назначен на этот пост, но в настоящее время нигде в Индии нет российского консульского чиновника. Г-н Маккензи[20] в своем полуофициальном докладе утверждает, что, хотя лорд Дафферин в его бытность послом в С.-Петербурге имел инструкции отвергнуть весь проект, лично его превосходительство не возражал против него и г-н Маккензи хотел бы узнать, какой ответ он должен дать г-ну Уоргану[21], который является судьей в дистрикте Куттак. Мистер Уорган пишет: «Благодаря некоторым связям в С.-Петербурге на пост российского консула в Калькутте предложена кандидатура моего друга. Консульство имеет задачей развивать торговлю между Бенгалией и Россией и не будет иметь отношения к политической деятельности любого рода». Это предложение основано на предположении, что правительство Индии одобрит его. Имя джентльмена не упоминается, но рекомендация г-на Уоргана имеет целью выяснить, будет ли принято формальное заявление...

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. July 1888, «Proposed Appointment of a British Consul at Tiflis. Question of appointing a Russian Consul at Bombay», Nos. 120—127, № 122, p. 3—4. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 165

23 июля 1885 г. — Документ секретаря МИД Великобритании, излагающий мнение английского правительства по вопросу о назначении российского консула в Калькутту

Правительство Ее Величества согласилось на создание российского консульства в Бомбее, а, насколько мне известно, не в Калькутте. Ответ мистеру Уоргану, как я полагаю, должен заключаться в том, что Россия не может назначить консула в Калькутту до тех пор, пока правительство Ее Величества не согласится на создание там консульства, каким будет отношение правительства Ее Величества к данному предложению, неизвестно.

Подпись — В.Дж.К.[22]

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. July 1888, «Proposed Appointment of a British Consul at Tiflis. Question of appointing a Russian Consul at Bombay», Nos. 120—127, p. 4. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 166

22 июня 1885 г. — Письмо военного министра П.С.Ванновского министру иностранных дел Н.К.Гирсу об учреждении российского консульства в Пондишери

Секретно.

Милостивый государь Николай Карлович!

В настоящее время Военное министерство имеет в Азии только одного военного агента при миссии нашей в Пекине[23], из Тегерана Штаб Кавказского округа получает кое-какие военные сведения от наших инструкторов[24], следить же за тем, что происходит в Индии, мы лишены всякой возможности...[25]

Вместе с сим я считаю крайне необходимым принять какие-нибудь меры, чтобы обеспечить Военному министерству своевременное получение из Индии нужных ему сведений. До сего времени Главный Штаб довольствовался индийскими газетами, которые получаются очень поздно, и разными английскими материалами, которые не дают того, что нам нужно. В этом деле и министерство иностранных дел не может тоже оказать содействие военному ведомству, не имея ни одного консула в Индии.

Мне кажется, что в настоящее время нам нельзя обойтись там без консульских агентов. Возбуждать вопрос об учреждении русских консульств в Калькутте и Бомбее теперь может быть неудобно. Но ввиду настоятельной необходимости в русском агенте в Индии я покорнейше просил Ваше Высокопревосходительство об учреждении русского консульства в Пондишери[26], с тем, чтобы на должность консула и его секретаря были бы назначены офицеры, переименованные предварительно в гражданские чины. Учреждение консульства в Пондишери не встретит затруднений со стороны и не может возбудить неудовольствие Англии, а между тем пункт этот, соединенный с сетью индийских железных дорог, вполне удовлетворяет требованиям военного ведомства, потому что оттуда офицеры в случае надобности могут ездить по всей стране.

По этому вопросу я покорнейше просил бы Ваше Высокопревосходительство сообщить мне, признаете ли Вы возможным учреждение означенного консульства, а также угодно ли Вам будет в этом случае испросить Высочайшее разрешение и примете ли Вы расходы по содержанию консульства на счет вверенного Вам министерства или, по Вашему мнению, мне следует войти со всеподданнейшим докладом об учреждении консульства, необходимого для военных целей, и исходатайствовать кредит на содержание консула и его секретаря.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Петр Ванновский.

Надпись на полях 1-го листа: Спешное. Заготовить секретное письмо б-ну Моренгейму и просить его разузнать тем способом, каким он признает наиболее удобным, как отнеслось бы французское правительство к предложению военного министра.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 996, л. 4—5 и об. Подлинник.

№ 167

5 ноября 1885 г. — Письмо российского посла во Франции барона Моренгейма министру иностранных дел Н.К.Гирсу о реакции министра иностранных дел Франции Ш.Л. де Фрейсине[27] на возможность учреждения российского консульства в Пондишери

Весьма секретно.

Милостивый государь Николай Карлович!

По возвращении моем в Париж я не замедлил посвятить все свои старания возбужденному генерал-адъютантом Ванновским вопросу об учреждении русского консульства в Пондишери согласно весьма секретному отношению Вашего Высокопревосходительства от 18 июля с.г.

С первых же слов французский министр иностранных дел вполне усвоил себе смысл нашего предложения и, хотя в этом первом, как и в последовавших за тем разговорах с обеих сторон тщательно избегался всякий намек на имеющуюся в виду прямую цель, тем не менее, г. Фрейсине не мог не выразить опасений насчет неминуемых подозрений и нареканий, которым назначение русского консула на месте, в котором не представлялось доселе никакому государству надобности содержать такового, подвергнет французское правительство со стороны Англии — «с которой, как Вам хорошо известно, мы без того находимся в настоящее время в довольно щекотливых отношениях на многих пунктах обоих полушарий. Впрочем, — прибавил министр, — я не исключительно компетентен в колониальных делах, которые подлежат ведомству министерства, и я, признаюсь, не знаю в точности, какими правилами оно руководствуется в подобных случаях и нет ли какихлибо на этот счет ограничительных распоряжений».

С морским министром я не имел случая видеться лично, и для большей негласки предпочел положиться на явное доброжелательство министра иностранных дел.

Как дошло до моего сведения, адмирал Галибер[28], на прямой ответственности которого лежало испрашиваемое разрешение, не без некоторых колебаний и проволочек изъявил наконец на днях свое соглашение на наше ходатайство в случае официального с нашей стороны запроса, но с присовокуплением весьма деликатно выраженной оговорки насчет умеренности, особенно на первых порах, выбора на этот пост лица как можно менее по выдающемуся своему положению и назначению способного сразу возбудить подозрительность англичан, так как для отвода глаз для нас же выгоднее было бы облечь это назначение в форму наиболее осторожную и скромную.

Передавая мне доверительно эти соображения, г. Фрейсине пояснил их замечаниями, клонящимися к избежанию звания генерального консула и к возможности утаения прежнего звания новоопределяемого консула в том им предчувствуемом случае, ежели бы мы в самом деле имели в виду отставного офицера.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Б.Моренгейм.

АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 996, л. 11—13. Подлинник.

№ 168

14 июля 1888 г. — Письмо правительства Индии государственному секретарю по делам Индии лорду Кроссу[29] с изложением причин своего несогласия на назначение российских консулов в любой крупный город Индии

1. Мы имеем честь подтвердить получение секретной депеши № 7 Вашей милости от 18 мая 1888 г. относительно предполагаемого назначения британского консула в Тифлис.

2. В связи с этим Ваша милость запрашивает, сохраняют ли все еще силу возражения, выдвинутые в 1879 г. правительством Индии против назначения российского консула в Индию.

3. В целом мы придерживаемся мнения, что такое назначение нежелательно. У российского консула в Бомбее не будет нормальных консульских обязанностей, так как практически торговли с Россией нет. Он был бы фактически политическим представителем российского правительства, и в этом качестве, не имея возможности делать добро, он будет несомненно обладать возможностями приносить вред. Мы не исключаем того обстоятельства, что российское правительство, вероятно, имеет секретных агентов в Индии и с их помощью получает определенную информацию. Возможно, они вступают в контакт с недовольными правителями или некоторыми слоями населения. Но секретные агенты в этой стране неизбежно оказываются в невыгодном положении, поскольку рискуют тем, что будут преданы, а их операции раскрыты, а если они к тому же европейцы, то их передвижения легко контролировать. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также традиционную робость и недоверчивость туземцев в Индии, мы не считаем, что секретные агенты российского правительства в состоянии принести нам ощутимый вред. Если, с другой стороны, российский консул будет открыто находиться в Бомбее, имея возможность путешествовать по Индии, он, по нашему мнению, постепенно превратится в средоточие политических интриг. Вне сомне-

ния, его передвижения будут известны, а его связи всегда будут контролироваться, но было бы затруднительно осуществлять над ним тщательное наблюдение, и он, благодаря своему официальному положению, будет иметь возможность свободно общаться с теми, кто его окружает.

Мы опасаемся, что с течением времени он сможет снабдить свое правительство значительным объемом более или менее ценных разведывательных данных относительно политики индийских властей и настроений населения и может преуспеть в установлении постоянных связей очень нежелательного характера с определенными категориями недовольных лиц. Вместе с тем, если российский представитель в Индии будет руководствоваться дружественными чувствами по отношению к Англии, он мог бы в определенной степени усилить наши позиции, рассеивая убеждения туземцев о том, что Россия и Англия — враги. Очевидно также, что создание центра политической деятельности русских в Индии могло бы обеспечить нам возможность разоблачить и разрушить любые направленные против нас планы. Можно также согласиться с тем, что снабжение российского правительства точной информацией было бы в определенном отношении выгодно для нас, так как это помогло бы устранить преувеличенные или ошибочные мнения относительно нашей непопулярности и вызванной ею слабости. Тем не менее мы полагаем, что в целом отрицательные последствия рассматриваемого дела решительно перевешивают возможную выгоду, и, учитывая нынешнее состояние наших отношений с Россией, мы будем возражать против назначения российского консула в любой крупный город Индии.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. July 1888, «Proposed Appointment of a British Consul at Tiflis. Question of Appointing a Russian Consul at Bombay», Nos. 120—127, № 127. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 169

4 августа 1899 г. — Депеша заместителя государственного секретаря по делам Индии Дж.А.Годлея[30] в министерство иностранных дел Великобритании о ранге назначаемого консульского чиновника России в Бомбее и о том, что Россия не может требовать этого назначения, ссылаясь на договор, подписанный Россией и Англией в 1859 году

Сэр,

Возвращаясь к переписке, закончившейся Вашим письмом от 26 июля и включающей телеграмму за № 76 от сэра Ч.С.Скотта по вопросу о желании российского правительства осуществить назначение консула в Бомбей, я уполномочен представить копию письма Правительства Индии за номером 134 от 13 июля с приложением.

2. Лорд Джордж Гамильтон[31] согласен с Вице-королем[32] относительно того, что первоначальное предложение о принятии Русского консула в Рангуне отпало, и в связи с этим Его Светлость занимает теперь один вопрос — должны ли русские назначать консульского чиновника в Бомбей. Он согласен далее с лордом Керзоном в том, что ранг консульского чиновника, если он должен быть назначен русскими в этот порт, не должен быть выше ранга консула. Лорду Солсбери необходимо рассмотреть вопрос о том, следует ли нам, в качестве нашего допол-

нительного условия, настаивать, помимо назначения британского консула в Тифлис, на назначении консула в Батум.

3. Государственный секретарь по делам Индии при всех обстоятельствах склонен согласиться на предложенное на таких условиях назначение, если лорд Солсбери готов сделать российскому правительству эту уступку.

4. Лорд Джордж Гамильтон хотел бы привлечь внимание лорда Солсбери к замечаниям, высказанным в письме Правительства Индии, относительно нарушения статьи 2 договора 1859 г.[33], и, принимая во внимание тот факт, что существующие инструкции и тарифы наносят вред торговле Британской Индии, что является нарушением буквы и духа договора 1859 года, Его Светлость благоволил бы разъяснить, что эта уступка была сделана только лишь в порядке любезности и не означает какого-либо признания за правительством России права требовать назначения консула в Бомбей, ссылаясь на статью данного Договора. Я должен добавить, что русский консул, если он будет назначен, ограничит себя деятельностью, связанной с исполнением своих обязанностей торгового и консульского представителя, не будет требовать дипломатического статуса.

К сему и т.д.

А.Годлей,

заместитель Государственного секретаря по делам Индии.
В Министерство иностранных дел.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. June 1900, «Russian Consul at Bombay. Appointment of Mons. Guillaume de Klemm as Russian Consul at Bombay», Nos. 72–78, № 75, p. 3–4. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 170

11 августа 1899 г. — Письмо министра иностранных дел Англии Солсбери российскому поверенному в делах в Лондоне П.М.Лессару о согласии правительства Великобритании на назначение консула России в Бомбей и с выражением надежды на согласие правительства России на назначение британского консула в Тифлис

Сэр,

Ссылаясь на наш разговор от 2 числа сего месяца и предыдущие контакты относительно предложения российского правительства назначить консула в Бомбей, имею честь информировать вас, что, принимая во внимание заверения, данные в ноте, адресованной лордом Аугустусом Лофтусом монсеньеру Гирсу 7[19] февраля 1876 г., правительство Ее Величества готово удовлетворить желание императорского правительства в данном вопросе.

Со своей стороны правительство Ее Величества надеется, что российское правительство будет готово согласиться на назначение британского консула в Тифлис в момент, который будет сочтен желательным для такого назначения.

Имею честь и т.д.

Солсбери

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. February 1900, «Proposed Appointment of a Russian Consul at Bombay. Conditions on which such an appointment will be permitted», Nos. 86–91, № 90, p. 2. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 171

23 августа 1899 г. — Телеграмма государственного секретаря по делам Индии лорда Гамильтона вице-королю Индии лорду Керзону об информировании посольства России в Лондоне о согласии правительства Великобритании на назначение российского консула в Бомбей и выражении надежды на согласие России на назначение британского консула в Тифлис

Лорд Солсбери 11 августа 1899 г. информировал г-на Лессара, что правительство Ее Величества, ссылаясь на записку лорда Аугустуса Лофтуса, датированную 7 февраля 1876 г., готово согласиться с желанием российского правительства относительно назначения консула в Бомбее и сообщает также, что правительство Ее Величества надеется, что в подходящее время Россия согласится на учреждение британского консульства в Тифлисе.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. February 1900, «Proposed Appointment of a Russian Consul at Bombay. Conditions on which such an appointment will be permitted». Nos. 86–91, № 86, p. 1. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 172

22 марта 1900 г. — Секретное письмо посла Великобритании в России Ч.С.Скотта министру иностранных дел Великобритании лорду Солсбери о мотивах назначения министерством иностранных дел России своего представителя в Бомбей в ранге генерального консула и о готовности принять на Кавказе английского консульского представителя такого же ранга

Санкт-Петербург

Милорд,

Ссылаясь на мою депешу № 67 от 8 марта, имею честь сообщить, что граф Муравьев в прошлую среду информировал меня, что по моему запросу он выяснил, что ошибался и что господин Клемм[34] действительно назначен генеральным консулом в Бомбей, а не консулом, о чем официально объявлено.

Его превосходительство объявил мне, что утверждение ассигнований на это консульское учреждение может быть осуществлено только Государственным советом и именно по статье содержания генерального консула, в то время как ассигнования по статье содержания консула не позволяют назначить адекватное жалованье, соответствующее расходам консульского чиновника в Бомбее.

Он заявил, что в других отношениях для российского министерства иностранных дел довольно безразлично, будет ли г-н Клемм именоваться консулом или генеральным консулом, так как его обязанности в любом случае будут одними и теми же, и он сможет сохранить свой оклад и ранг генерального консула на русской службе, даже если он будет признан в Бомбее просто консулом.

При этом он счел необходимым обратить мое внимание на то, что по договору 1859 г. с Великобританией обе державы получили право назначать генераль-

ных консулов, консулов, вице-консулов и консульских агентов во владения другой державы и что на них распространяется право как представителей наиболее благоприятствуемой нации.

Он заметил, что Австро-Венгрия и Бельгия, так же как Персия, Турция и Португалия, имеют генеральных консулов в Бомбее.

Что касается Тифлиса, то с 1875 г. обстоятельства изменились, и Россия согласилась на назначение генерального консула в этот город так же, как это делается лимитрофными государствами, и не будет никаких возражений по поводу любого предложения правительства Ее Величества повысить ранг его консульского представителя на Кавказе или назначить генерального консула в Тифлис в ответ на назначение российского генерального консула в Бомбей.

Он просил меня представить это предложение в конфиденциальном порядке на рассмотрение вашей милости.

Подпись — Чарльз С.Скотт.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. June 1900, «Russian Consul at Bombay. Appointment of Mons. Guillaume de Klemm as Russian Consul at Bombay». Nos. 72—78, № 76, p. 7. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 173

14 апреля 1900 г. — Телеграмма вице-короля Индии лорда Керзона государственному секретарю по делам Индии лорду Гамильтону с настоятельной просьбой о том, чтобы русский консул, назначенный в Бомбей, не именовался «генеральным»

Ваше письмо в министерство иностранных дел передано почтой 23 марта. Мы настаиваем, если еще не поздно, чтобы российский консул в Бомбее имел звание, согласованное по переписке, и не именовался генеральным консулом, о чем не упоминалось ранее.

Возражения против такого звания были выдвинуты самими русскими, см. донесение британского поверенного в делах в С.-Петербурге, датированное 14 августа 1875 г.

Российский консул, который уже назначен, является хорошо известным мне экспертом по делам Центральной Азии, который, конечно, послан в Бомбей не только для коммерческих целей. Мы надеемся скоро получить известие о назначении британского консула в Тифлисе.

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. June 1900, «Russian Consul at Bombay. Appointment of Mons. Guillaume de Klemm as Russian Consul at Bombay». Nos. 72—78, № 72, p. 1. Копия. Перевод с англ. составителя.

№ 174

4–5 апреля 1900 г. — Письмо посла Великобритании в России Ч.С.Скотта министру иностранных дел Великобритании лорду Солсбери об опубликовании в печати декрета Николая II об учреждении в Бомбее генерального консульства России

Санкт-Петербург

Милорд,

Имею честь сообщить Вашей Светлости со ссылкой на мое письмо № 81 (конфиденциально) от 22 числа прошлого месяца, что сегодня в Официальном Вестнике опубликован Царский декрет об учреждении в Бомбее Генерального Консульства.

Жалованье Генерального консула должно составить 15 тысяч рупий, содержание консульства составит 2250 рупий, а жалованье секретаря Генерального консула — 5250 рупий.

Имею честь и т.д.
Чарльз С.Скотт

National Archives of India. Government of India, Foreign Department, Secret, Proceedings. June 1900, «Russian Consul at Bombay. Appointment of Mons. Guillaume de Klemm as Russian Consul at Bombay». Nos. 72–78, № 78, p. 8. Копия. Перевод с англ. составителя.

Примечания

[1] Муханов Николай Алексеевич (1802–1871) — российский государственный деятель, с 1861 по 1866 г. товарищ министра иностранных дел, в 1866 г. назначен членом Государственного совета.

[2] В 50–60-х годах XIX в. рижские и ревельские купцы, опираясь на помощь местных властей, предприняли несколько попыток организовать постоянные прямые связи с Индией. Так, в 1852 г. торговый дом «Майер и К°», один из крупнейших в Ревеле, снарядил и направил в Бирму и Индию (Калькутту) корабль «Эгир», который в конце 1852 г. вернулся в Ригу с грузом тростникового сахара, шелка-сырца, селитры, сафлора, масличных семян и других товаров традиционного индийского экспорта. Однако плавание «Эгира» не привело к установлению постоянных непосредственных связей фирмы «Майер» с Индией.

[3] Гримм Б.Х. — владелец одного из богатейших в Риге торговых домов, вел в значительных масштабах торговлю индийскими товарами и был тесно связан с английской фирмой «Митчел и К°». Крупные рижские купцы издавна были контрагентами английских и других западноевропейских фирм, уже в первые десятилетия XIX в. привозивших товары, в том числе индийские, в Рижский порт. Прибалтийские купцы снабжали этими товарами главным образом Москву и прилегавшие промышленные районы.

[4] Рассел Джон (1792–1878) — граф, английский государственный деятель; премьер-министр Великобритании в 1846–1852 и 1865–1866 гг., лидер партии вигов; в 1835–1839 гг. министр внутренних дел, в 1839–1841 гг. министр по делам колоний, в 1852–1853 гг. и 1859–1865 гг. министр иностранных дел.

[5] Лофтус А.В. (1817–1904) — лорд, английский дипломат, в 1871–1879 гг. посол Великобритании в Санкт-Петербурге.

[6] Дерби Э.Г.С. (1828–1893) — граф, с 1858 по 1859 г. — государственный секретарь по делам Индии, с 1859 по 1878 г. — министр иностранных дел Великобритании.

[7] Великий князь Михаил (1832–1909) — брат Александра II, в 1862–1881 гг. — Кавказский наместник, в 1881–1905 гг. — председатель Государственного совета.

[8] Государственным секретарем по делам Индии правительства Великобритании с 1874 по 1878 г. был маркиз Р.А.Солсбери (1830–1903).

[9] Главой правительства Индии и вице-королем с мая 1872 по апрель 1876 г. был лорд Т.Д.Б.Нортбрук.

[10] Имеется в виду А.В.Лофтус.

[11] Имеется в виду великий князь Михаил.

[12] Должность начальника главного управления Наместника Кавказского исполнял Багратион-Мухранский Георгий Константинович (1820—1877), до этого занимавший пост директора Департамента судебных дел.

[13] Имеется в виду Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), отправившее пароход «Нахимов» в первый рейс из Одессы в Бомбей в 1871 г. (см. док. № 51—56).

[14] Имеется в виду Э.Дерби.

[15] Высочайшим указом Правительствующего сената на имя Наместника Кавказского от 31 мая 1876 г. великобританским консулом в Тифлисе был признан Дж.Т.Риккетс (АВПРИ, ф. Персидский стол, оп. 488, д. 87, л. 19 об.).

[16] Совет — совещательный орган при вице-короле Индии, образованный «Законом о лучшем управлении Индии», принятым английским парламентом 2 августа 1858 г.

[17] Государственным секретарем по делам Индии в 1878—1880 гг. был Крэнбрук Г.Харди.

[18] Плоуден Тревор Чичел (1846—1905) — деятель англо-индийской администрации.

[19] Черчилль Р.С. (1849—1894) — лорд, английский государственный деятель, в 1885—1886 гг. государственный секретарь по делам Индии.

[20] Вероятно, это Александр Маккензи (1842—1902) — чиновник британской администрации в Индии, несколько лет служил в Бенгалии, в 1877—1879 гг. — член Законодательного совета Бенгалии, в 1882—1887 гг. — министр внутренних дел правительства Индии.

[21] Уорган — данных, кроме приведенных в тексте, не имеется.

[22] В.Дж.К. — инициалы не расшифрованы. Документ, по-видимому, исходил из секретариата английского правительства.

[23] Главой дипломатической российской миссии в Пекине в 1883—1886 гг. был посланник Сергей Иванович Попов, военным агентом — Николай Яковлевич Шнеур.

[24] В январе 1879 г. в Тегеран прибыл первый российский военный инструктор подполковник Генерального штаба А.И.Домантович, который к концу лета того же года сформировал персидскую казачью бригаду.

[25] Пропущено обоснование необходимости для военного министерства иметь военного агента в Персии.

[26] Пондишери (правильно Путтуччерри) — небольшой по сравнению с Бомбеем или Калькуттой город на восточном побережье Индии, столица французских колоний в Индии.

[27] Фрейсине Шарль Луи де Солье (1828—1923) — французский государственный деятель, министр иностранных дел в 1877—1880, 1882, 1885 и 1886 гг.

[28] Галибер Ш.Е. (1824 — после 1889), французский военный моряк, вице-адмирал, принимал участие во многих морских сражениях, в том числе в Крымской войне 1854—1856 гг. В 1885 г. — морской министр по делам колоний, в 1889 г. вышел в отставку.

[29] Кросс Р.А. (1823—1914) — английский государственный деятель, в 1886—1892 гг. — государственный секретарь по делам Индии.

[30] Годлей Джон Артур (1847—?) — заместитель госсекретаря по делам Индии.

[31] Гамильтон Джордж Фрэнсис (1845—1927) — государственный секретарь по делам Индии правительства Великобритании с 1895 по 1903 г.

[32] Керзон Джордж Натаниел (1859—1925) — лорд, видный политический деятель Великобритании, с 1899 по 1905 г. вице-король Индии.

[33] Речь идет о статье XV «Трактата о торговле и мореплавании», подписанного в С.-Петербурге между Россией и Англией в январе 1859 г. с целью распространения и облегчения торговых отношений между ними. В статье говорилось: «Каждой из обеих высоких договаривающихся сторон предоставляется учредить генеральных консулов, консулов, вице-консулов и консульских агентов в городах и портах государства и владений другой стороны.

Они будут исполнять все обязанности и пользоваться привилегиями, изъятиями и льготами, которые ныне принадлежат или впредь принадлежать будут консулам наиболее благоприятствуемой нации...»

[34] В 1900 г. консулом России в Бомбее был назначен Клемм Вильгельм Оскарович, сотрудник Азиатского департамента МИД России. До этого служил в Бухаре. Был консулом России в Бомбее с 1900 по 1906 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН (СПб.)	—	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской федерации
ГИА Эстонии	—	Государственный исторический архив Эстонии
ГТГ ОР	—	Государственная Третьяковская галерея, отдел рукописей
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина
ОПИ ГИМ	—	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ ОР	—	Российская государственная библиотека, Рукуписный отдел
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
СПб.Ф ИВ	—	Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения
ЦГИА Узбекистана	—	Центральный государственный исторический архив Узбекистана

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Авганы — афганцы, общее название полиэтнического населения Афганистана.

аг (хинди) — огонь.

акали («бессмертные») — секта в сикхизме, основанная гуру Говиндом (1666—1708), выступавшая за возвращение к первоначальной чистоте религии.

алае, алоэ — род многолетних трав, из которых приготавливают лекарственные и ароматические вещества.

амир-уль-умара (араб.) — «эмир эмиров», верховный эмир.

ана — мелкая монета.

Бабу (бенг.) — ученый, образованный человек.

багх (хинди) — сад.

барек — казарма, барак.

баядера (порт.) — индийская танцовщица, участвующая в религиозных церемониях или праздничных увеселениях.

белуджи, белаши — племена, проживающие по обе стороны границы Индии и Афганистана, славились своей воинственностью и вольнолюбием.

бетель, пан — листья растения, из которого изготавливается жевательная смесь, а также сама смесь.

Брама (правильно Брахма) — один из трех главных богов индуизма.

брахман, браман — представитель высшей жреческой касты в индуизме.

Ваал — восходящая к раннему средневековью грецизированная передача библейского семитского названия богов «Баал».

вакил (араб.) — представитель, уполномоченный.

вали — в Турции и некоторых странах Ближнего Востока должностное лицо, представляющее центральную власть в провинциях.

вардапет — первоначально учитель, в дальнейшем монах армяно-григорианской церкви.

верста — русская мера длины, равная 1,0668 км.

викарий — в православной церкви заместитель епископа, епископ без епархии.

Гаеквар — титул правителя княжества Барода.

гарнец — мера объема сыпучих тел, равная 3,2798 л.

герильяс (исп.) — партизан.

гок (от хинди «чоук») — городская рыночная площадь, главная торговая улица.

готи (от хинди «гуди») — верфь.

гоудар — сиденье, которое водружалось на спину слона.

гуркасы (правильно гуркхи) — представители одной из народностей Непала, из которых вербовались наиболее боеспособные части индийской и англоиндийской армии.

гуру́ — духовный наставник, учитель у сикхов.

гхи — топленое масло.

Даота, девата (санскр.) — божество.

дебаш, дебош (хинди) — переводчик, в Мадрасском президентстве также слуга.

депо военное — сборные места, где набранные рекруты проводили первые 8—9 месяцев начальной военной подготовки, после чего рассылались в полки, к месту службы.

депо ремонтное — место, где специальные команды готовят молодых лошадей для использования их в кавалерийских частях.

дефиле (франц.) — узкий проход между горами или водными преградами.

джагирдар, жагирдар — крупный землевладелец.

джангаль —джунгли, заросли, тропический лес.

джаты, жаты — земледельческая каста у индусов Северо-Западной Индии.

диван — парадный зал для официальных приемов; главный министр княжества или министр финансов.

дуда, дуди — монета.

Ектинья (правильно ектенья) — совокупность молитв, читаемых священником при богослужении от имени верующих и содержащих просьбы и обращения к богу.

Женту (от порт. жентио) — язычник, так в противовес мусульманам называли индусов.

Зенана — женская половина дома, гарем.

Иекке — легкая двухколесная повозка.

инсургент — повстанец, мятежник.

Каик — лодка без паруса с одной или несколькими парами весел.

калон — министр при дворе далай-ламы.

кафры (от араб. кафир — неверный) — наименование, данное в XVIII в. бурами ряду племен на юге Африки (коса и др.), принадлежавших к группе банту.

каши — монета, имевшая хождение в Мадрасе на рубеже XVIII—XIX вв.

кашмирцы — народ, населяющий Кашмир, область на севере Индии.

кенкета — комнатная лампа, в которой горелка расположена ниже масляного запаса.

корнак — погонщик слонов.

куки (намдхари) — религиозная секта в сикхизме, возникшая в первой половине XIX в. в Пенджабе, основатель секты Бхагат Джавахар Мал. В 60—70-е годы XIX в. секта стала централизованной организацией сикхского крестьянства. В 70-х годах XIX в. произошло крупное антианглийское выступление намдхари.

курды — народ, населяющий Восточную Турцию, Северо-Западный Иран, Ирак и некоторые другие страны Ближнего Востока.

Лакх — сто тысяч.

лига морская — мера длины, равная 5,56 км.

лягх — см. лакх.

Магазин, магазейн (воен.) — склад, хранилище боеприпасов.

магоут, магут — погонщик слона.

манценило (манцинелла) — тропическое растение, ядовитый сок которого использовался для отравления стрел.

масюла-бот — рыбацкая лодка на западном побережье Индостана.

махараджа — титул индусского князя.

махраты (правильно маратхи) — народность, населяющая северо-западную часть Декана Махараштру. Вели длительные войны против государства Великих Моголов. Маратхское государство представляло собой конфедерацию княжеств, главой которой был правитель Пуны. имевший титул пешвы. В результате 3-й англо-маратхской войны 1817—1818 гг. маратхи были разбиты, конфедерация перестала существовать.

миро — ароматическое масло, употребляемое в христианском обряде миропомазания.

млеччхи (санскр.) — варвары.

монсун (хинди) — муссон.

мунши (араб.) — секретарь, переводчик, клерк, преподаватель индийского языка, главным образом урду.

мутавели (араб. «мутавалли») — попечитель, опекун.

Наваб, набоб, нейбоб — наместник Делийского императора, позднее титул мусульманских правителей княжеств, обособившихся от империи Великих Моголов. После покорения Индии англичанами администрация Ост-Индской компании назначала и смещала навабов по своему усмотрению.

намдхари — см. куки.

натх — господин, повелитель.

нвирак — нунций, постоянный представитель католикоса в иностранных государствах, где исповедуется армяно-григорианская религия.

нейбоб — см. наваб.

нефес (от араб. нафӣс) — красивая, изящная вещица.

низам — титул правителя княжества Хайдерабад.

нукеры — в странах Средней Азии и Ближнего Востока — наемники.

Пагода, погода (порт.) — золотая монета в Южной Индии.

пандит (санскр.) — ученый человек, получивший классическое индусское образование.

параклет, параклит (греч.) — досл. «утешитель», предающийся общению со Святым Духом.

параян — представитель одной из низших каст Южной Индии.

парсы — последователи религии зороастризма, «огнепоклонники». Мигрировали в раннем средневековье из Ирана, живут главным образом в Бомбее и штате Гуджарат. Многие парсы занимаются торгово-ростовщической деятельностью.

паяры — см. параян.

пешва, пейшва — титул первого министра в государстве маратхов. С 20-х годов XVIII в. пешвы фактически сделались главой государства и стояли у власти до 1818 г. Маратхская держава, включавшая в конце XVII в. помимо Махараштры обширные территории Центральной Индии, была разгромлена англичанами в трех англо-маратхских войнах (1775—1782, 1803—1805, 1817—1818). Владения последнего пешвы Баджи Рао II были аннексированы англичанами.

пилот (от англ. пайлот) — лоцман.

пиуны (от исп. пеонногa) — пеший воин, посыльный, часто — полицейский.

плашкоут — плоскодонное беспалубное судно для перевозки грузов внутри порта, для наводки мостов и устройства пристаней.

Радж (санскр.) — власть, режим. правление, государство.

раджа, ража (санскр.) — правитель, князь, царь.

раджпуты — каста воинов в Западной, Северной и Центральной Индии.

райат, рая (араб.) — крестьянин, сельский житель.

резидент — представитель британской колониальной администрации при дворе индийского князя.

рупия — основная денежная единица Индии.

Саал, сал — название дерева, наиболее распространенного как строительный материал в Северной Индии.

саис — конюх.

салам, салям алейкум — приветствие в мусульманских странах.

сераль — дворец мусульманского владетеля; гарем, женская половина дома.

сикхи, сейки — последователи сикхизма. Возникший в качестве ереси индуизма, сикхизм был долгое время знаменем борьбы крестьянских и ремесленных масс против произвола мусульманских и индусских феодалов. Для сикхизма характерно отрицание сословного и кастового деления общества, проповедь единобожия, отказ от сложных религиозных ритуалов и т.д. Населяют главным образом Пенджаб.

сипаи (от перс. сипахи — воин) — воины, наемные войска в Индии, вербовавшиеся с середины XVIII в. из местных жителей французскими и английскими колонизаторами.

сиркар (от перс. саркар) — зд. правитель, представитель власти.

сорочинское пшено — рис.

субэ — зд. правитель округа в государстве сикхов. Деление на округа и назначение субэ было проведено правителем сикхов Баба Рам Сингхом.

Танксал (хинди — таксал, санскр. танкшала) — монетный двор.

теке, текинцы — название туркменского племени, жившего на территории к северу от Копет-Дага до Каракумов и к востоку до Мерва.

тодди — крепкий напиток из кокосов.

топи — головной убор.

трухменцы — туркмены.

Фан, пан — см. бетель.

фанам — монета.

фертоинг — способ постановки судна на якорь при сильном боковом ветре, чтобы судно не «гуляло» вокруг якоря.

фирман, фарман (перс.) — императорский указ в мусульманских государствах феодальной Индии.

Хаджи, ходжи — почетный титул мусульманина, совершившего хадж — паломничество в Мекку.

хакан (монг.-тюрк.) — верховный правитель.

хауда, ховда — сооружение в виде кабинки, размещаемое на спине слона, в котором сидели знатные индийцы во время выездов, прогулок или путешествий.

хутба (араб.) — моление в мечети о царствующем государе в исламе.

Чога — верхняя одежда с длинными рукавами типа халата из шерстяной ткани.

чокалы (англ.) — шакалы.

чупраси, чапраси — рассыльный, курьер.

Шамианэ — шатер для приема почетных гостей.

шаракан — армянское церковное песнопение.

шахиншах (перс.) — царь царей, титул, употребляемый главным образом в Персии.

шехнаи, шахнаи — индийский духовой музыкальный инструмент типа флейты.

шканцы — часть верхней судовой палубы между средней и задней мачтами.

Эмир (араб. амир) — в странах мусульманского Востока — правитель, глава государства.

эффенди (тюрк.) — ученый, образованный человек.

Ягут — см. яхонт.

яхонт — драгоценный камень, рубин.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

РУССКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в XIX в.

СБОРНИК АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *В.В.Волгина*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Аредова*
Корректоры *Н.Б.Осягина, Н.Н.Щигорева*
Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94
Сдано в набор 03.04.97
Подписано к печати 06.06.97
Формат 70×100 1/16. Бум. офсетная
Печать офсетная. Усл. п. л. 30,6
Усл. кр.-отт. 30,6. Уч.-изд. л. 32,4
Тираж 1000 экз. Изд. № 7715
Зак. №. 1852 . «С» – 1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6